

Леон Юрис ИСХОД

ТЕКСТ

ТЕКСТ

К Л А С С И К А

Леон Юрис

Исход

Роман

ЮРИ

LEON URIS
EXODUS

ЛЕОН ЮРИС ИСХОД

Роман
в пяти книгах

*Перевод
с английского*

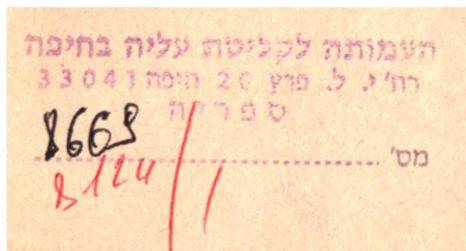

МОСКВА «ТЕКСТ» 2003
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ / ГЕШАРИМ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Ю73

*В оформлении использован
фрагмент фрески из синагоги
в Дура-Европос*

ISBN 5-7516-0396-6

Copyright © 1958 by Leon M. Uris

© «Текст», издание на русском языке, 1994, 1998, 2000, 2003

*Эта книга посвящается
моей дочери Карен,
сыновьям Марку и Майклу,
а также их матери*

*В основе книги — реальные исторические события.
Наверное, есть еще их живые свидетели
и участники. Поэтому считаю необходимым
подчеркнуть, что все герои романа
вымышлены автором. Разумеется, кроме людей
известных, которые названы в книге своими
именами — Черчилля, Трумэна, Пирсона и других,
чья жизнь и деятельность связаны с этим
временем и этими событиями.*

Книга первая ЗА ИОРДАНОМ

*Доколе Господь не даст покоя братьям вашим,
как вам, и доколе и они не получат во владение землю,
которую Господь, Бог ваш, дает им за Иорданом;
тогда возвратитесь каждый в свое владение,
которое я дал вам.*

Втор. 3, 20

ГЛАВА 1

Ноябрь 1946

Добро пожаловать на Кипр.

В. Шекспир

Самолет затарахтел по разбитой посадочной полосе и остановился перед огромным щитом с надписью: «Добро пожаловать на Кипр».

Марк Паркер посмотрел в иллюминатор и увидел в отдалении, среди гор северного побережья, причудливые зубрины хребта Пентадактилос. Примерно через час он будет на перевале по дороге в Кирению. Паркер поднялся, поправил галстук, опустил засученные рукава рубашки и надел пиджак. «Добро пожаловать на Кипр, добро пожаловать на Кипр...» — звучало у него в голове. Это же из «Отелло», подумал он, но не смог припомнить, что там дальше.

— Что-нибудь такое везете? — спросил таможенный инспектор.

— Два фунта героина-сырца и каталог порнографических картинок, — ответил Марк, ища глазами Китти.

Шутники эти американцы, подумал инспектор, пропуская его. Подошла девушка — агент британской туристической компании.

— Мистер Паркер?

— Так точно.

— Звонила миссис Китти Фремонт, она извиняется, что не смогла вас встретить, и просила ехать прямо в Кирению. Она заказала для вас номер в отеле «Купол».

— Спасибо, мой ангел. А как здесь поймать такси в Кирению?

— Сейчас устрою, сэр. Буквально несколько минут.

— Здесь найдется чего-нибудь выпить?

— Конечно, сэр. Кафе в конце зала.

Прислонившись к стойке бара, Марк маленькими глот-

ками прихлебывал обжигающий черный кофе. «Добро пожаловать на Кипр... добро пожаловать на Кипр» — хоть убей, не мог вспомнить, как там дальше.

— Вот так встреча! — загудел рядом голос. — Я еще в самолете подумал, что это вы. Марк Паркер, верно? Держу пари, вы меня не помните.

Нужное подчеркнуть, подумал Марк. Это было: в Риме, Париже, Лондоне, Мадриде; в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабачке Жака, в притоне Джо. В то время я писал о: войне, революции, военном перевороте. В ту ночь со мной была: блондинка, брюнетка, рыжеволосая, а то и двухголовая.

Неожиданный приятель между тем не умолкал:

— Помните, я заказал тогда мартини, а у них не оказалось вермута. Припоминаете?

Марк вздохнул и глотнул кофе в ожидании новой атаки.

— Я знаю, вам все это говорят, но я и в самом деле с удовольствием читаю ваши репортажи. Что поделяваете на Кипре? — Он подмигнул и толкнул Марка в бок. — Держу пари, опять что-нибудь этакое... Почему бы нам не встретиться где-нибудь да не выпить? Я остановился в Никосии в «Паласе». — Он протянул визитную карточку. — И кое-какие связи у меня есть. — Он снова подмигнул.

— Простите, мистер Паркер. Машина ждет вас.

Марк поставил чашку на стойку.

— Мне было очень приятно, — буркнул он и двинулся к выходу. За дверью карточка полетела в урну.

Такси тронулось. Марк откинулся на спинку сиденья, на мгновение закрыл глаза. Хорошо, что Китти не смогла приехать в аэропорт. Столько прошло времени, столько надо сказать и столько вспомнить! При мысли о скорой встрече с ней его охватило волнение. Китти, красавица Китти!

...Кэтрин Фремонт — этакая «девчонка с нашего двора», в одном ряду с домашним яблочным пирогом, сосиской в булке, бруклинской кукурузной лепешкой — точная копия рекламного сорванца: торчащие косички, веснушки, скрепки на зубах. Но в один прекрасный день скрепки исчезли, появилась губная помада, округлился на груди свитер — гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя. Марк улыбнулся: какая же она была красивая тогда, какая свежая и чистая.

...И Том Фремонт, столь же незыблемая часть американской традиции. Стриженный «под ежик», с вечной мальчи-

шеской улыбкой на губах, пробегающий стометровку за одиннадцать секунд, с тридцати футов забрасывающий мяч в баскетбольную корзину, способный с закрытыми глазами собрать автомобиль последней марки. С тех пор как Марк помнил себя, Том Фремонт был его самым близким другом.

...Том и Китти. Яблочный пирог и мороженое... горячие сосиски с горчицей. Типичный американский парень, типичная американская девушка, типичнейший Средний Запад, штат Индиана. Да, Том и Китти подходили друг другу, как дождь и весна.

Китти была очень серьезной, задумчивой девушкой, с какой-то тихой грустью во взоре. Наверное, только Марк принимал эту грусть всерьез — для остальных Китти оставалась воплощением оптимизма и надежности: твердо держала руль обеими руками, всем находила верные слова, всегда сохраняла рассудительность. И все же грусть никогда не покидала ее — Марк знал об этом.

Он часто спрашивал себя, почему его так влечет к Китти? Может быть, потому, что она кажется такой неприступной? Китти всегда была девушкой Тома, и ему оставалось только завидовать другу.

Когда Том и Марк учились в университете, они жили в одной комнате. Весь первый год Том страдал из-за разлуки с Китти. Марк помнил, как ему часами приходилось выслушивать горестные жалобы, успокаивать его. Потом настало лето, и Китти уехала в Висконсин. Она была еще школьницей, и родители хотели, чтобы разлука поумерила пыл молодых людей. Том и Марк тем временем на попутных подались в Оклахому подработать на нефтепромыслах.

К началу нового учебного года Том основательно поостыл. Переписка с Китти становилась все реже, а его свидания с разными девицами в университетском городке — все чаще. Казалось, все кончено между новоиспеченным светским львом и ждавшей его дома девушкой. На последнем курсе Том уже почти не вспоминал о Китти. Лучший нападающий баскетбольной команды, он стал кумиром университета. Что же касается Марка, то он довольствовался тем, что купался в лучах славы друга. А сам приобрел славу бездарнейшего студента-журналиста за всю историю их alma mater.

Но вот поступила в университет Китти, и грянул гром!

За месяц до выпускных экзаменов Том и Китти решили пожениться. Прихватив с собой в качестве свидетелей брач-

ной процедуры Марка и Элен, они с четырьмя долларами и десятью центами на всех пересекли на старом «форде» границу штата и пустились искать мирового судью. Медовый месяц молодожены провели на заднем сиденье драндулета, который застревал в грязи проселочных дорог, а в дождь протекал, как сито. Многообещающее начало для образцовой американской четы.

Они держали свой брак в тайне еще год после того, как Том закончил университет. Тем временем Китти прошла курсы медсестер. Ходить за больными, думал Марк, — это как раз для Китти.

Том боготворил ее. Раньше он был необуздан, чересчур уж независим. Теперь все переменялось, и он все больше входил в роль образцового мужа. Начал с чуть ли не самой маленькой должности в крупной рекламной фирме. Поселились они в Чикаго. Китти работала сестрой в детской больнице. Они пробивали себе дорогу дюйм за дюймом, чисто по-американски. Сначала квартира, потом маленький домик, потом новый автомобиль, выплаты в рассрочку и большие надежды. Китти забеременела, и родилась Сандра...

Такси замедлило ход, въезжая в предместья Никосии — столицы Кипра, что раскинулась на коричневой равнине между северной и южной горными цепями.

— Говорите по-английски? — спросил Марк шофера.

— Да, сэр.

— Там, в аэропорту, надпись: «Добро пожаловать на Кипр». А как полностью — как там дальше?

— По-моему, никак. Это просто для туристов.

Въехали в город. Ровная местность, желтые каменные дома под красной черепицей, море финиковых пальм — все это напомнило ему Дамаск. Шоссе тянулось вдоль древней венецианской стены, очерчивающей старый город идеальной окружностью. На фоне неба Марк разглядел минареты-близнецы в турецком квартале города. Эти минареты были пристроены к Святой Софии — превращенному в мечеть величественному собору времен крестовых походов. Проезжая вдоль крепостной стены, они миновали укрепления, увенчанные сооружениями, напоминающими гигантские накопечники стрел. Марк уже бывал на Кипре и помнил, что этих торчащих на стене стрел было одиннадцать... Странное число. Он хотел было спросить у шофера, почему именно одиннадцать, но промолчал.

Через несколько минут Никосия осталась позади. Они

продолжали путь по равнине на север, минуя одну за другой похожие друг на друга деревни с серыми глинобитными домиками. В каждой высилась водонапорная башня с надписью: построена милостью Его Величества короля Великобритании. На бесцветных полях крестьяне убирали картофель, погоняя мулов великолепной местной породы.

Такси набрало скорость, и Марк опять погрузился в воспоминания.

...Марк и Эллиен поженились вскоре после Тома и Китти. Брак с первого же дня стал мучением. Два хороших человека, не созданных друг для друга. Они не расходились только благодаря спокойной, мягкой мудрости Китти. Оба приходили к ней по очереди излить душу. И Китти умудрялась поддерживать их союз даже тогда, когда никакой надежды на его спасение не оставалось. Потом он все же рухнул окончательно, и они разошлись. Марк благодарил судьбу, что у них не было детей.

После развода он перебрался в восточные штаты и, не задерживаясь подолгу ни на одной работе, превратился из бездарнейшего на свете студента в бездарнейшего на свете газетчика. Марк стал одним из тех летунов, которые часто встречаются в газетном мире. Это была не тупость, не отсутствие таланта, а всего лишь полнейшая неспособность найти свое место в жизни; Марк был творческой натурой — рутинная работа глушила его творческие силы. Тем не менее у него не появилось желания попытаться счастья на писательском поприще. Марк знал, что не осилит этой каторги. Так он и прозябал в подвешенном состоянии — что называется, ни рыба ни мясо.

Каждую неделю он получал письма от Тома — о продвижении по службе, о любви к Китти и Сандре.

Приходили письма и от Китти, трезвые комментарии к восторженным строкам Тома. Китти держала Марка в курсе дел его бывшей жены, пока Эллиен вновь не вышла замуж.

В 1938 году мир внезапно раскрылся перед Марком Паркером. В АСН, Американском синдикате новостей, оказалась вакантная должность в Берлине, и он из газетчика-неудачника вмиг преобразился в уважаемого международного.

На новой работе Марк обнаружил недюжинные способности. Он нашел стиль, свойственный ему одному, Марку Паркеру, и никому больше. Марк не стал звездой прессы, но у него открылся безошибочный инстинкт, отличающий

истинного газетного волка: он чутьем угадывал будущую сенсацию, когда она еще только назревала.

Мир представлялся ему сущим балаганом. Марк изъездил вдоль и поперек Европу, Азию и Африку. У него было имя, он любил свое дело, пользовался кредитом в баре Хозе, в трактире Джеймса, в кабачках Джо и Жака, и у него был неисчерпаемый запас блондинок, брюнеток и рыжих для пополнения придуманного им клуба «красотка месяца».

Когда началась война, Марк носился по всему свету как угорелый. Было приятно изредка возвращаться в Лондон, где его обычно ждала стопка писем от Тома и Китти.

В начале 1942 года Том Фремонт пошел добровольцем в морскую пехоту. Он погиб в Гвадалканале. Через два месяца Сандра умерла от полиомиелита.

Марк взял внеочередной отпуск, чтобы съездить в Штаты, но, пока добирался, Китти Фремонт куда-то уехала. Он безуспешно искал ее, пока не пришлось вернуться в Европу. Она словно исчезла с лица земли. Грусть, которую Марк всегда ловил в глазах Китти, теперь казалась ему сбывшимся пророчеством.

Сразу после войны он опять вернулся в Америку, чтобы начать новые поиски, но след Китти давно простыл.

В ноябре 1945 года АСН командировал его в Европу писать о Нюрнбергском процессе. К этому времени Марк стал уже общепризнанным авторитетом в международной журналистике. Из Нюрнберга он прислал серию блестящих статей и оставался там, пока нацистских главарей не вздернули. Перед тем как отправить его в Палестину, где, по всем приметам, назревал военный конфликт, АСН предоставил Марку отпуск, в котором тот и в самом деле очень нуждался. Он решил провести отпуск, как подобает Марку Паркеру — со знакомой французенкой, работавшей в Афинах сотрудницей ООН.

И тут-то, как гром среди ясного неба, на него обрушилась новость. Марк сидел в американском баре в Афинах, коротая время с коллегами-газетчиками, как вдруг разговор зашел об американской сестре милосердия, которая творит чудеса в приюте для греческих сирот. Один из корреспондентов только что вернулся оттуда и собирался написать о том приюте.

Этой сестрой милосердия была Китти Фремонт.

Марк тут же послал запрос и узнал, что она в отпуске на Кипре...

Равнина кончилась, и такси стало взбираться в гору по узкой извилистой дороге через перевал Пентадактилос.

Смеркалось. На перевале Марк попросил шофера остановиться. Он вышел из машины и посмотрел вниз на Кирению, маленький, похожий отсюда на драгоценное украшение городок, прилепившийся к подножию горы у берега моря. Наверху слева виднелись руины монастыря святого Илариона — древней крепости, которую легенды связывали с Ричардом Львиное Сердце и красавицей Беренгарией. Хорошо бы вернуться сюда вместе с Китти, подумал Марк.

Пока они добирались до Кирении, почти стемнело. Городок сплошь состоял из выбеленных известью домиков с красными крышами. Над ними возвышалась крепость, стены которой тянулись до самого моря. Трудно было представить себе что-нибудь более живописное, старомодное, причудливое. Они миновали миниатюрную гавань, объехали мол, на одной стороне которого был причал, а на другой — старое укрепление, башня Девы.

С давних пор Кирению, один из самых мирных уголков на земле, облюбовали художники и отставные офицеры-англичане.

Неподалеку от гавани вздымалась глыба отеля «Купол». Огромное бесформенное здание казалось неуместным на фоне сонного городка. Тем не менее «Купол» стал со временем одной из достопримечательностей империи. Всюду, где развевался Юнион Джек*, отель знали как место встречи англичан. Это был лабиринт нависающих над морем баров, террас и веранд. Длинный, в добрую сотню метров пирс соединял гостиницу с маленьким островком в море, идеальным местом для купанья и солнечных ванн.

Такси остановилось. Выбежавший носильщик подхватил багаж. Марк расплатился с шофером и оглянулся вокруг. Был ноябрь, но погода стояла теплая и ясная. Самое подходящее место для свидания с Китти Фремонт!

Портье протянул Марку записку: «Дорогой Марк! Я застряла в Фамагусте до девяти часов. Пожалуйста, прости. Умираю от волнения. Пока».

— ...Цветы, бутылку виски и ведро льда, — приказал Марк.

— Миссис Фремонт позаботилась обо всем, — ответил

* Флаг Великобритании. (Здесь и далее примеч. ред.)

портье, передавая ключи носильщику. — У вас смежные комнаты с видом на море.

Марк заметил ухмылку на лице портье, ту же грязную ухмылку, которой встречали его во всех гостиницах мира, когда он являлся с женщиной. У Марка мелькнуло странное желание все объяснить портье, но он удержался: пусть этот чертов похабник воображает что ему угодно.

Полюбовавшись темнеющим морем, он распаковал багаж, налил себе стакан виски с содовой и выпил, лежа в горячей ванне.

Семь часов... Ждать оставалось целых два часа.

Он открыл дверь в комнату Китти. Пахло приятно. Купальный костюм и несколько выстиранных пар чулок висели над ванной. У кровати рядом стояли туфли, на туалетном столике — парад косметики. Марк улыбнулся и подумал, что даже в отсутствии Китти бросалось в глаза, что здесь живет красивая женщина. Он вернулся к себе и растянулся на кровати. Как отразились на ней эти годы? Какие следы оставило перенесенное горе? Китти, милая Китти... Дай Бог, чтобы у тебя все было хорошо... Сейчас ноябрь сорок шестого, стал прикидывать Марк, когда же он видел ее в последний раз? В тридцать восьмом, незадолго до отъезда в Берлин. Восемь лет... Китти, стало быть, уже двадцать восемь.

Слишком много волнений для одного дня. Марк начал клевать носом.

Звяканье кубиков льда, звук, ласкающий слух Марка, поднял его из глубокого сна. Он протер глаза, потянулся за сигаретой.

— Вы спите словно под наркозом, — произнес явно британский голос. — Я стучал целых пять минут. Пришлось попросить коридорного открыть дверь. Вы, надеюсь, не сердитесь, что я налил себе стаканчик?

Голос принадлежал Фреду Колдуэллу, майору британской армии. Марк зевнул, потянулся, чтобы стряхнуть остатки сна, и посмотрел на часы. Четверть девятого.

— Что вы делаете здесь на Кипре, черт возьми? — спросил он гостя.

— Мне кажется, скорее я должен спросить вас об этом.

Марк закурил и посмотрел на Колдуэлла. Он не испытывал к нему ни симпатии, ни антипатии, скорее всего, он просто презирал его. До этого они встречались дважды. Колдуэлл был адъютантом полковника, ныне бригадного гене-

рала Брюса Сазерленда, очень толкового фронтового командира. Первая их встреча состоялась во время войны где-то в Нидерландах. В одном из своих репортажей Марк тогда написал о тактическом промахе британского командования, который стоил жизни полку. Во второй раз они встретились в Нюрнберге, на процессе. В свое время соединение Брюса Сазерленда первым вступило в немецкий концлагерь Берген-Бельзен. Оба, Сазерленд и Колдуэлл, выступали свидетелями.

Марк пошел в ванную, плеснул в лицо холодной воды и стал искать полотенце.

— Чем могу быть полезен, Фредди?

— Из Си-Ай-Ди позвонили сегодня в штаб и сообщили о вашем прибытии. У вас нет официальных полномочий.

— Господи, что за подозрительность! Сожалею, но придется разочаровать вас, Фредди. Я здесь просто в отпуске по пути в Палестину.

— Мой визит неофициальный, Паркер, — сказал Колдуэлл. — Просто у вас несколько повышенная чувствительность от наших прошлых встреч.

— Ну и память у вас! — воскликнул Марк и стал одеваться.

Колдуэлл налил ему виски. Марк смотрел на офицера и спрашивал себя, почему тот всегда его так раздражает. В Колдуэлле ощущалось высокомерие, которое выдавало особую породу — колонизатора. Напыщенный узколобый тупица. Поиграть по-джентльменски в теннис — разумеется, во всем белом, хлопнуть стакан крепкого джина с тоником — и к черту туземцев.

Марка раздражало в Колдуэлле полное отсутствие совести; понятия о добре и зле майор черпал из воинского устава и из приказов начальства.

— Выходит, тут, на Кипре, делаются какие-то грязные делишки, а вы их покрываете?

— Не валяйте дурака, Паркер. Это наш остров, и мы хотим знать, что вам здесь понадобилось.

— Вот это мне больше всего и нравится в вас, англичанах. Голландцы просто велели бы мне убираться подальше. Вы же говорите: «Пожалуйста, идите к дьяволу». Вам же ясно сказано: я в отпуске. Встреча со старым другом.

— Можно узнать фамилию друга?

— Женщина по имени Китти Фремонт.

— Китти, сестра милосердия? Да-а, это женщина, ниче-

го не скажешь! Я на днях познакомился с ней у губернатора. — Фредди Колдуэлл вопросительно поднял брови, глянув на распахнутую дверь, ведущую в комнату Китти.

— Соберите свои грязные мысли и хорошенько выстирайте! — взорвался Марк. — Мы с ней знакомы двадцать пять лет.

— Но ведь чувства с годами не угасают, как говорят у вас в Америке, не так ли?

— Совершенно верно. И поэтому ваш визит ко мне — не что иное, как вмешательство в личную жизнь. Убирайтесь.

Колдуэлл улыбнулся, поставил стакан и зажал щегольской стек под мышкой.

— Фредди Колдуэлл, — сказал Марк, — хотел бы я поглядеть на вас, когда у вас сгонят с физиономии эту улыбочку.

— Что вы хотите этим сказать, черт возьми?

— Мы живем в сорок шестом году, майор. Масса людей читала во время войны лозунги, разъясняявшие, во имя чего, собственно, шла эта война, и они верили в эти лозунги. Ваши часы отстают, Колдуэлл. Еще немного, и вы останетесь у пустого корыта: сначала в Индии, затем в Африке, а потом и на Ближнем Востоке. Я останусь здесь, чтобы поглядеть, как вы потеряете мандат на Палестину. Вас вытурят также из Суэца и Трансиордании. Солнце империи близится к закату, Фредди. Что станет делать ваша жена, когда у нее не будет душ сорок негрятят, которыми она управляет с помощью кнута?

— Я читал ваши репортажи о Нюрнбергском процессе, Паркер. У вас ужасающая американская склонность к преувеличениям. Кроме того, старик, у меня нет жены.

— В вежливости вам не откажешь.

— Итак, не забывайте, Паркер: вы здесь в отпуске. Я передам генералу Сазерленду привет от вас. Всего хорошего!

Марк улыбнулся и пожал плечами.

И тут его осенило. Надпись в аэропорту... Полностью этот стих гласил: «Добро пожаловать на Кипр, козлы и ослы!»

ГЛАВА 2

Пока Марк Паркер ждал свидания с Китти Фремонт, двое мужчин в другой части Кипра, неподалеку от портового города Фамагуста, что в сорока милях от Кирении, готовились

к совершенно иной встрече. Они поджидали кого-то, укрывшись в заброшенной белой хижине на горе, посреди леса, где сосны росли попеременно с эвкалиптами и акациями. Было пасмурно, на небе — ни звезды. Двое мужчин молча всматривались сквозь тьму в сторону залива в полумиле от подножия горы. Безмолвие время от времени нарушали порывы ветра и их прерывистое дыхание.

Один из них был грек-киприот, лесничий; он явно нервничал.

Второй, спокойный как изваяние, неотступно смотрел на залив. Его звали Давид Бен Ами — Давид, сын Моего Народа. Тучи начали рассеиваться. Слабое мерцание озарило бухту, лес и белую хижину. Давид Бен Ами стоял у окна, и теперь можно было различить его лицо. Небольшого роста, хрупкого телосложения человек двадцати с небольшим лет... Даже при слабом свете его тонкие черты и глубокие глаза выдавали книжника.

Тучи совсем разошлись, и свет полился на поля, на обломки мраморных колонн и статуй, разбросанные вокруг хижины.

Куски камня, бранные останки когда-то величественного города Саламиды, достигшей расцвета и могущества во времена Христа... Какие драмы разыгрывались на этих усеянных мрамором полях! Саламида, построенная в незапамятные времена Тевкром после его возвращения с Троянской войны... Она была разрушена землетрясением, вновь поднялась и еще раз пала от нашествия под знаменами ислама, чтобы уже никогда больше не подняться. Свет мерцал над полем, усеянным осколками тысяч разрушенных колонн, руинами гордого греческого города.

Тучи вновь заволокли небо, опять стало темно.

— Ему уже давно пора быть, — нервно прошептал лесничий.

— Слушай! — приказал Бен Ами.

С моря донесся слабый рокот мотора. Давид поднял к глазам бинокль в надежде на просвет в тучах. Рокот становился все громче.

В море вспыхнул огонек, луч света прорезал тьму. Еще вспышка. Еще одна.

Давид Бен Ами и лесничий выскочили за дверь и бросились по щебню и бурелому вниз к берегу. Бен Ами просигналил фонариком.

Мотор замолк.

Мужская тень перемахнула через борт лодки, человек поплыл к берегу. Давид снял автомат с предохранителя и огляделся — не видно ли английского патруля. Мужчина вынырнул из воды, пошел по мелководью.

— Давид! — сказал он приглушенно.

— Ари! Сюда, быстро!

Встретившись на берегу, все трое пустились бежать вверх, мимо белой хижины, к проселку. Там их ждала укрытая в кустах машина. Бен Ами поблагодарил киприота, сел с Ари в машину, и они помчались в Фамагусту.

— У меня сигареты вымокли, — сказал Ари.

Давид Бен Ами протянул ему пачку. Вспыхнувшая спичка осветила мужчину. Крепкий, полная противоположность низкорослому Давиду. Красивое, мужественное лицо, суровый и жесткий взгляд.

Это был Ари Бен Канаан, один из лучших агентов подпольной организации Моссад Алия Бет.

ГЛАВА 3

Раздался стук. Марк отворил дверь. Перед ним стояла Китти Фремонт. Она была красивее, чем он ее помнил. Они долго смотрели друг на друга молча. Марк изучал ее лицо, глаза. Теперь это была зрелая женщина, пылкая и в то же время мягкая — такой можно стать только после глубоких страданий.

— Следовало бы свернуть тебе шею за то, что ты не отвечала на мои письма, — сказал он наконец.

— Здравствуй, Марк, — прошептала Китти.

Они бросились друг к другу и обнялись. Потом добрый час сидели, почти не разговаривая: разглядывали друг друга, улыбались, касались руками.

За обедом они болтали главным образом о журналистских похождениях Марка. О себе Китти старалась не говорить.

На десерт принесли сыр. Марк разлил остатки пива, и опять наступило неловкое молчание. Под его вопросительным взглядом Китти почувствовала себя неловко.

— Пошли, — сказал он, — прогуляемся к порту.

Они молча прошли вдоль набережной, мимо белых домов, затем по молу к маяку возле узких ворот гавани. Было пасмурно, и они едва различали неясные силуэты лодок, сто-

явших в гавани на якоре. Маяк подавал сигналы траулеру, указывая ему дорогу в гавань. Слабый ветерок трепал золотистые волосы Китти. Она плотнее закуталась в платок. Марк закурил и присел на парапет. Стояла мертвая тишина.

— Кажется, тебя огорчил мой приезд, — сказал он. — Я завтра же уеду.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — ответила Китти. Она смотрела на море. — Трудно рассказать, что я почувствовала после твоей телеграммы. Она открыла дверцу для воспоминаний, от которых я изо всех сил старалась спрятаться. Но я знала, рано или поздно эта минута наступит. Я боялась ее и все же рада, что она пришла.

— Вот уже четыре года как погиб Том. Неужели ты до сих пор не похоронила все это?

— Женщины теряют мужей на войне. Так уже повелось, — тихо сказала она. — Я долго плакала. Мы очень любили друг друга, но жизнь-то продолжается. Я даже не знаю, как он погиб.

— Что тебе сказать... — ответил Марк. — Том служил в морской пехоте. При штурме какой-то бухты угодил под пулю. Ничего героического, никаких медалей, даже сказать не успел: «Передайте Китти, что я ее любил». Просто попал под пулю... вот и все.

Кровь отхлынула от ее лица. Марк зажег сигарету и дал ей.

— Почему умерла Сандра? Почему должен был умереть и мой ребенок?

— Я не Бог. И ничего не могу ответить тебе на это.

Она села рядом с Марком на парапет, положила ему голову на плечо и вздохнула.

— Боюсь, мне некуда больше деваться.

— А почему бы тебе не рассказать мне обо всем?

— Не могу...

— И все-таки, мне кажется, пора.

Китти несколько раз пыталась заговорить, но, кроме бессвязного шепота, ничего не могла выдать. Слишком глубоко сидел в ней ужас тех лет. Она бросила сигарету в воду и посмотрела на Марка. Он прав, и к тому же это единственный человек на свете, которому можно довериться.

— Это было ужасно, — начала она. — Я получила известие о Томе. Я так любила его. Ровно... ровно два месяца спустя умерла Сандра от полиомиелита. Я... почти ничего не

помню. Родители забрали меня в Вермонт и поместили в санаторий.

— В сумасшедший дом?

— Нет... так говорят, когда речь идет о бедных. Это место называлось санаторием для перенесших душевное потрясение. Не знаю, сколько месяцев я там пробыла. Я вообще многое забыла. День и ночь была словно в тумане. Мне объясняли, что это депрессия.

Голос Китти окреп. Дверь приоткрылась, и боль нашла себе выход.

— В один прекрасный день туман рассеялся, и я вспомнила, что Тома и Сандры больше нет. Боль пронизала меня и больше уже не отпускала. Все ежеминутно напоминало мне о них: песни, чей-то смех, дети на улице... Каждое дыхание причиняло мне боль. Я молилась, чтобы на меня снова опустился туман. Да, я с радостью лишилась бы рассудка, лишь бы больше ничего не помнить.

Она встала, высокая и прямая, слезы текли по ее щекам.

— Я удрала в Нью-Йорк. Пыталась спрятаться в толпе, в гостинице — четыре стены, стул, стол, качающаяся электрическая лампочка. — Она иронически засмеялась. — За окном мигающая неоновая реклама. Я часами бесцельно бродила по улицам, пока все лица не сливались в одно, или целыми днями сидела, глядя в окно. Том, Сандра, Том, Сандра... они не покидали меня ни на минуту.

Марк подошел к ней, обнял за плечи. Со стороны моря траулер подползал к входу в гавань. Она потерлась щекой о руку Марка.

— Однажды ночью я напилась. Ты ведь знаешь меня... я не умею пить. Встретила парня в зеленой форме, как у Тома. Он был высокий, стройный — как Том. И одинокий. Мы пили вместе... Проснулась я в дешевом, грязном номере какой-то гостиницы, Бог знает где. Я была все еще полупьяная. Подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Я была голая. Парень — тоже голый — валялся на кровати.

— Китти, ради Бога!

— Все в порядке, Марк, дай досказать. Я долго стояла и смотрела в это зеркало... не помню, сколько. Поняла, что опустилась на самое дно. Дальше некуда. И тогда я почувствовала, что это конец. Парень лежал в забытии — странно, я даже не помню, как его звали. Я увидела его бритву в ванной и увидела газовый кран. Потом долго стояла у окна и смотрела с десятого этажа вниз на тротуар. Это был конец,

но у меня не хватало сил принять его. И тут произошло что-то странное, Марк. Вдруг я поняла, что буду жить, жить без Тома и Сандры. И как только я это поняла, боль исчезла.

— Китти, дорогая! Я так долго искал тебя, мне так хотелось помочь тебе!

— Знаю. Но наверное, я должна была сама справиться со всем этим. Я вернулась к своему делу и вся ушла в работу. Когда война в Европе кончилась, приняла этот греческий приют. Пришлось работать круглые сутки; как раз то, что мне нужно — работать до изнеможения. Марк, я... я сотни раз принималась писать тебе. Но все же почему-то боялась этой минуты. И я рада теперь, что она уже позади.

— А я рад, что нашел тебя, — сказал Марк.

Она круто обернулась и посмотрела ему в лицо:

— Вот и вся история Китти Фремонт.

Марк взял ее за руку, и они зашагали по молу обратно к набережной. Из гостиницы доносилась музыка.

ГЛАВА 4

Военный комендант Кипра, пятидесятипятилетний бригадный генерал Брюс Сазерленд сидел за массивным письменным столом в своем доме на углу Гиппократы в Фамагусте. Если не считать некоторых предательских признаков — наметившегося брюшка, седины в висках, — он выглядел моложе своих лет. Выправка сразу выдавала военного. Раздался резкий стук в дверь, и вошел адъютант, майор Фред Колдуэлл.

— Добрый вечер, Колдуэлл. Уже вернулись из Кирении? Садитесь. — Сазерленд отодвинул бумаги, потянулся и положил очки на стол.

Он выбрал на полочке прямую английскую трубку и, погрузив ее в коробку с данхилловской смесью, стал набивать табаком. Колдуэлл взял сигару, поблагодарил, и вскоре комната наполнилась дымом. Сазерленд надавил на кнопку звонка, и в комнату вошел слуга-грек.

— Два джина с тоником.

Сазерленд встал и вышел из-за стола. На нем была темно-красная домашняя бархатная куртка. Он удобно устроился в кожаном кресле у доходящих до самого потолка книжных полок.

— Видели Марка Паркера?

— Да, сэр.

— И что вы думаете?

Колдуэлл пожал плечами.

— Формально к нему не придерешься. Он следует в Палестину... Здесь остановился, только чтобы повидаться с этой американкой, медсестрой Китти Фремонт.

— Фремонт? Ах да, симпатичная женщина, с которой мы познакомились у губернатора.

— Я и говорю, сэр. Вроде бы все выглядит вполне невинно. Однако Паркер — журналист, и я никогда не забуду, какие он нам доставил неприятности тогда в Голландии.

— Ну, будет вам, — ответил генерал. — У кого во время войны не было ошибок? А он случайно наткнулся на одну из них. К счастью, мы победили, и я не думаю, чтобы кто-нибудь помнил еще об этом деле.

Слуга принес джин.

— Ваше здоровье!

Сазерленд поставил стакан и погладил вислые, как у моржа, усы. Колдуэлл не унимался.

— Сэр, — сказал он, — если Паркер что-нибудь почует и начнет разнюхивать... Не считаете ли вы, что следовало бы поручить парочке ребят из Си-Ай-Ди присмотреть за ним?

— Послушайте, Фред, оставьте Паркера в покое. Стоит ограничить газетчика хоть в чем-то, и вы разворошите осиное гнездо. Репортажи о беженцах сегодня не в моде, и я не думаю, что здешние лагеря вызовут у него интерес. Тем более не следует возбуждать его любопытство какими бы то ни было ограничениями. Ваш сегодняшний визит к нему был ошибкой.

— Но, генерал, после той истории в Голландии...

— Принесите шахматный столик, Фредди!

Сазерленд произнес «Фредди» так, словно давал понять, что разговор на эту тему закончен. Колдуэлл что-то пробормотал себе под нос, и они сели играть. Сделали несколько ходов, но Сазерленд видел, что его помощник чувствует себя не в своей тарелке. Он отложил трубку и откинулся в кресле.

— Колдуэлл, я уже пытался разъяснить вам, что здесь не концентрационные лагеря. Беженцы просто находятся в Караолосе до тех пор, пока эти тугодумы в Уайтхолле не решат, как им быть с мандатом на Палестину.

— Но ведь эти евреи такие беспокойные, — проворчал Колдуэлл. — Все-таки немного доброй старой дисциплины, по-моему, им бы не помешало.

— Нет, Фредди, в данном случае нет. Эти люди не преступники, и симпатии всего мира на их стороне. Наше с вами дело — только чтобы не было бунтов, насилия или еще чего-то, чем могла бы воспользоваться враждебная пропаганда. Вы меня поняли?

Колдуэлл не понимал. Ему казалось, что генералу следовало бы быть с беженцами построже, черт возьми. Но с генералами не спорят, если только ты сам не генерал повыше. Все это было так запутано. Колдуэлл двинул пешку.

— Ваш ход, сэр, — напомнил он и поднял голову от доски. Сазерленд, казалось, забыл и об игре, и о нем самом. В последнее время это случалось с ним все чаще.

— Ваш ход, сэр, — повторил Колдуэлл.

На лице Сазерленда была тревога. Бедный старик, подумал Колдуэлл. Был женат на Недди Сазерленд без малого тридцать лет, и вдруг она бросила его и удрала с любовником, лет на десять моложе ее, в Париж. Это был скандал, взбудораживший на многие месяцы военные круги, и Сазерленд до сих пор, видно, еще не оправился от удара. Ужасный удар для генерала, всегда такого корректного. Бледное лицо старого вояки покрылось морщинами, на носу проступили красные прожилки. Сейчас он и впрямь выглядел пятидесятипятилетним, а то и старше.

Брюс Сазерленд думал не о Недди, как полагал Колдуэлл. Он думал о лагерях для беженцев в Караолосе.

— Ваш ход, сэр.

— Да погибнут все твои враги, Израиль! — пробормотал Сазерленд.

— Что вы сказали, сэр?

ГЛАВА 5

Марк вел Китти к столу. Оба тяжело дышали.

— Знаешь, когда я... последний раз танцевала самбу, — сказала она.

— Для твоего преклонного возраста ты это делаешь совсем не дурно.

Марк оглянулся. Зал был забит английскими офицерами в мундирах защитного цвета и белых флотских кителях. Все кругом говорили с четким британским выговором. Марку нравились такие места. Официант принес им еще по стакану, и они чокнулись.

— За Китти, куда бы ее ни занесло! — провозгласил он. — Кстати, мэм, куда вы теперь держите путь?

Китти пожала плечами.

— Ей-Богу, не знаю. В Салониках делать больше нечего, и я места себе не нахожу. Впрочем, есть десятки предложений от Объединенных Наций — во все концы Европы.

— Это была та еще война, всюду полно сирот.

— Что есть, то есть, — согласилась Китти. — Только вчера я получила заманчивое предложение остаться здесь на Кипре.

— На Кипре?

— У них какие-то лагеря для беженцев в окрестностях Фамагусты. Ко мне обратилась одна американка. Кажется, лагеря переполнены, планируется построить новые вдоль шоссе на Ларнаку. Она хочет, чтобы я взяла на себя заботы о детях, их там уйма.

Марк нахмурился.

— Это одна из причин, из-за которых я не смогла приехать в аэропорт. Должна была съездить в Фамагусту, чтобы повидаться с ней.

— И что же ты ей ответила?

— Отказалась. Это евреи. Конечно, еврейские дети, в общем такие же, как все, но мне бы не хотелось иметь с ними дело. Кажется, эти лагеря теснейшим образом связаны с политикой, к тому же они не под контролем ООН.

Марк задумался. Китти шаловливо подмигнула и помахала пальцем перед его носом.

— Не будь таким серьезным... А хочешь знать еще одну причину, почему я не встретила тебя в аэропорту?

— Ты никак чуток надралась?

— Есть немного. Итак, мистер Паркер, я поехала в Фамагусту, чтобы проводить своего кавалера. Ты ведь меня знаешь — один любовник отплывает пароходом, другой прилетает самолетом.

— Коль ты об этом заговорила... Кто он такой, этот парень, с которым ты приехала на Кипр?

— Очень хочется знать?

— Ага.

— Полковник британской армии Говард Хиллингс.

— У вас с ним что-нибудь было?

— Нет, черт возьми! Он правильный до тошноты.

— Где ты с ним познакомилась?

— В Салониках. Он там возглавлял английскую воен-

ную миссию. Когда я приняла приют, у нас всего не хватало: коек, медикаментов, продуктов, одеял, в общем — всего. Я как-то обратилась к нему, и он преодолел все бюрократические препоны, чтобы помочь мне. С тех пор мы друзья на вечные, вечные времена. Он действительно чудесный человек.

— Продолжай. Это впрямь становится интересно.

— Несколько недель назад он получил назначение в Палестину, перед переводом ему предоставили отпуск. Вот он и предложил мне провести с ним эти дни на Кипре. Знаешь, я до того заработалась, что совершенно забыла: у меня за полтора года не было ни единого выходного. Но его отозвали из отпуска, и пришлось явиться сегодня в Фамагусту, чтобы сесть на пароход в Палестину.

— Есть планы на будущее в качестве миссис Хиллингс? Китти покачала головой.

— По правде говоря, мне он очень нравится. Он, собственно, и привез меня на Кипр, чтобы сделать предложение в подходящей обстановке.

— И что же?

— Я любила Тома. С другим такое больше не повторится.

— Тебе только двадцать восемь, Китти. Пора снимать траур.

— А я не жалею. Я нашла вполне подходящее для себя дело. Марк, ты ведь тоже едешь в Палестину... Как и многие здешние офицеры.

— Там назревает война, Китти.

— Почему? Не понимаю.

— На то есть причины. Видишь ли, многие народы решают брать свои дела в собственные руки. Колонии выходят из моды. Эти англичане катятся в пропасть. Глянь, вот солдат новой мировой империи, — сказал Марк, доставая из кармана доллар. — У нас миллионы таких зеленых солдат, они проникают во все уголки земного шара. Величайшая оккупационная армия из когда-либо существовавших. И это завоевание бескровное. Но Палестина... это, видишь ли, другое дело. Тут, Китти, есть даже что-то пугающее. Горстка людей хочет воскресить нацию, умершую две тысячи лет тому назад. Такого еще не бывало. Более того, они, кажется, добьются своего, те самые евреи, которых ты недолюбила.

— Я не говорила, что не люблю евреев, — перебила его Китти.

— Не будем спорить. Подумай-ка лучше, дорогая: с тех пор, как ты на Кипре, не слышала ли ты, не заметила ли чего-то, ну, скажем, необычного?

Китти в задумчивости прикусила губу и вздохнула.

— Только эти лагеря для беженцев. Я слышала, они переполнены и находятся в ужасающем состоянии. Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто у меня ощущение, что на острове назревает что-то очень серьезное.

— Сказал бы лучше, что в тебе заговорило профессиональное любопытство.

— Тут нечто большее. Ты слышала о некоем мистере Фреде Колдуэлле? Он адъютант генерала Сазерленда.

— Ужасно скучный. Я познакомилась с ним у губернатора.

— Он был у меня в гостинице перед твоим приездом. С чего бы адъютанту генерала дышать мне в затылок ровно через десять минут после моего прибытия, если тут ничего не происходит? Нет, Китти, что-то все-таки есть, и англичане почему-то нервничают. Не могу сказать в точности, из-за чего, но ставлю два против одного, что это связано с этими самыми лагерями. Послушай, ты не согласишься бы поработать там несколько недель ради меня?

— Конечно, Марк. Если тебе это нужно...

— Впрочем, к черту! — Марк поставил стакан. — Мы с тобой тут в отпуске. Ты права — у меня просто профессиональная подозрительность. Забудь, давай лучше потанцуем.

ГЛАВА 6

В Фамагусте, на улице Арсинос, напротив стены Старого города, стоял большой роскошный дом, принадлежавший греку-киприоту по имени Мандрия, владельцу Кипро-Средиземноморской пароходной компании, а также большинства такси на острове.

Мандрия и Давид Бен Ами сидели, с нетерпением дожидаясь, пока Ари Бен Канаан приведет себя в порядок и переоденется после морского купания.

Они не сомневались, что его появление на Кипре связано с особо важным заданием Моссада Алии Бет. Долгие

годы англичане старались не допускать или по крайней мере предельно ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину. Эта задача была возложена на королевский флот. А Моссад Алия Бет — организация палестинских евреев — как раз и занимался нелегальной доставкой туда своих соплеменников. Всякий раз, когда британский флот перехватывал пытавшееся прорвать блокаду судно Моссада, беженцев направляли в лагеря на Кипре.

Ари Бен Канаан вошел в комнату и кивнул Мандрии и Бен Ами. Он был крупным мужчиной более шести футов ростом, крепкого сложения. Хотя он и Бен Ами были старыми друзьями, в присутствии киприота Мандрии они держались официально.

Ари закурил и сразу приступил к делу.

— Меня послали на Кипр, чтобы организовать массовое освобождение из лагерей. Причины нам всем очевидны. Что скажешь, Давид?

Тонкий молодой человек принялся задумчиво шагать по комнате. Несколько месяцев назад его направил сюда Пальмах, тайная еврейская армия в Палестине. Десятки ее бойцов тайком от англичан пробирались в лагеря для беженцев и организовывали там школы, больницы, синагоги, создавали кустарные промыслы. Беженцы, которые вместо Палестины оказались на Кипре, были в полном отчаянии. Появление же бойцов еврейской армии поднимало их дух. Пальмахники обучили военному делу несколько тысяч беженцев, мужчин и женщин; вместо винтовок у них были палки, вместо гранат — камни. В свои двадцать два года Давид был командиром группы Пальмаха на Кипре. Англичане, видимо, догадывались, что в лагерях орудуют бойцы из Палестины, но делали вид, что их это не касается. Они несли наружную охрану лагерей и избегали соваться в пышущие ненавистью зоны.

— Сколько человек должны бежать? — спросил Давид.

— Примерно триста.

Давид покачал головой.

— Мы прорыли несколько подкопов, но они ведут в море. Как ты убедился сам, течения здесь коварные, справиться с ними под силу только опытному пловцу. Правда, есть еще лазейки с выходом на мусорные свалки. Там нет охраны, но этим путем мы никогда не выведем столько народу. Конечно, кое-кого можно переодеть в английскую форму и даже достать для них поддельные документы. Но

опять же — многих так не выведешь. И последнее. Мы иногда прячем своих людей в ящики, заколачиваем и отправляем на пристань. Господин Мандрия — хозяин паровой компании, его работники за этими ящиками приглядывают. В общем, Ари, я не вижу, как сейчас можно устроить массовый побег.

— Что-нибудь придумаем, — уверенно сказал Бен Канаан, — но в нашем распоряжении всего несколько недель. Мандрия встал, вздохнул и покачал головой.

— Господин Бен Канаан, вы приплыли ночью и тут же требуете от нас невозможного... и к тому же всего за две недели. Сердцем, — продолжал Мандрия, приложив руку к груди, — я чувствую, что все будет сделано, но умом, — тут он постучал пальцем по лбу, — понимаю, что это невозможно. — Киприот заложил руки за спину и зашагал по комнате. — Поверьте мне, господин Бен Канаан, — он круто обернулся и сделал патетический жест, — вы, люди Пальмаха и Моссада, можете положиться на нас, кипрских греков. Мы готовы стоять за вас до последней капли крови. Мы на вашей стороне! Мы с вами! Мы готовы сделать для вас невозможное. И все-таки... Кипр окружен со всех сторон морем, англичане не дураки, и они не спят. Я, Мандрия, готов сделать для вас все, но устроить побег трехсот человек из Караолоса — это выше человеческих сил. Лагерь окружен трехметровым забором из колючей проволоки, всюду вооруженная охрана, и оружие заряжено.

Ари Бен Канаан поднялся над собеседниками, как башня. Он не обратил внимания на драматический монолог Мандрии.

— Завтра мне нужны мундир английского офицера, документы и легковая машина с шофером. Вы, господин Мандрия, ищите судно. От ста до двухсот тонн. Давид, нам потребуется специалист по подделке бумаг.

— Есть один мальчик в зоне, где держат детей. Он, говорят, артист в этом деле, но работать отказывается. Остальное — несложно.

— Я поеду завтра в Караолос и поговорю с парнем. Завтра осмотрю лагерь.

Мандрия чувствовал себя окрыленным. Ари Бен Канаан — вот уж воистину человек действия! Дай ему корабль, дай ему мастера по документам! Да еще форму и шофера! С тех пор как Моссад и Пальмах пробрались на Кипр, жизнь стала такой увлекательной. Ему все больше нравилось играть

с англичанами в кошки-мышки. Он вскочил и принялся трясти руку Ари.

— Мы, киприоты, — с вами. Ваша борьба — наша борьба! Бен Канаан посмотрел на него с отвращением.

— Господин Мандрия, — сказал он, — вам хорошо платят за ваше время и ваше усердие.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Грек побелел как простыня.

— Вы полагаете, вы смеете думать, сэръ, что я, Мандрия, делаю это ради денег? Вы думаете, я ради денег стал бы рисковать десятью годами заключения и высылкой? С тех пор как я начал работать с вашим Пальмахом, это мне влетело уже в пять тысяч фунтов.

Давид поспешно вмешался:

— Я считаю, тебе нужно извиниться перед господином Мандрией, Ари. Он, его шоферы и рабочие в порту идут на немалый риск. Без помощи греков наша работа здесь была бы просто невозможной.

Мандрия, глубоко уязвленный, опустился в кресло.

— Да, господин Бен Канаан, мы восхищаемся вами. Мы чувствуем, что если вам удастся выгнать англичан из Палестины, то, может быть, и мы сумеем сделать когда-нибудь то же самое здесь, на Кипре.

— Простите, господин Мандрия, — сказал Ари. — Должно быть, я просто перенервничал. — Он произнес это чисто механически.

Раздался резкий вой сирен. Мандрия открыл дверь и вышел с Давидом на балкон. Бен Канаан стоял позади. Они увидели бронемашину с пулеметами, сопровождающую колонну, которая поднималась со стороны порта. В колонне было двадцать пять грузовиков, по обе стороны двигались джипы, тоже с пулеметами.

Грузовики были до отказа набиты беженцами с корабля «Врата надежды», который, выйдя из Италии, сделал попытку прорвать блокаду англичан и добраться до Палестины. Английский эсминец протаранил «Врата надежды», судно оттащили в Хайфу, а беженцев переправили на Кипр. По мере приближения к дому Мандрии сирены выли все пронзительнее. Перед балконом один за другим проехали все грузовики. Трое мужчин смотрели сверху на это нагромождение человеческого горя. Оборванные, вконец измученные, растерянные, доведенные до последней степени изнеможения люди. Сирены выли не переставая. У ворот Старого города

колонна повернула на саламидское шоссе, в сторону караолосских лагерей. Она скрылась из виду, но вой сирен раздавался еще долго.

Давид Бен Ами стоял, сжав кулаки и стиснув зубы, бледный от бессильного гнева. Мандрия не таясь плакал. Один Ари Бен Канаан не выражал никаких эмоций. Они вернулись в комнату.

— Я знаю, вам нужно поговорить о многом, — сказал Мандрия; в его голосе чувствовалась обида. — Надеюсь, комната вам понравится, господин Бен Канаан. Мундир, бумаги и такси к утру мы достанем. Доброй ночи!

Как только Давид и Ари остались одни, они обнялись. Могучий Ари поднял Давида, как ребенка, а затем бережно опустил на пол. Они долго разглядывали друг друга, потом снова крепко обнялись.

— Как там Иордана? — нетерпеливо спросил Давид. — Ты ее видел перед отъездом? Она что-нибудь передавала?

Ари почесал подбородок, словно что-то обдумывая.

— Подожди...

— Не тяни, Ари! Я уже несколько месяцев без писем...

Ари вздохнул и достал конверт, который Давид тут же выхватил у него из рук.

— Я его спрятал в прорезиненном пакете. Когда плыл сегодня ночью, только о том и думал, что ты свернешь мне шею, если оно промокнет.

Давид уже ничего не слушал. Он поднес листок к самым глазам и при тусклом свете читал слова женщины, тоскующей без него, своего возлюбленного. Затем сложил листок и осторожно спрятал в нагрудный карман, чтобы читать его еще и еще, потому что пройдут, может быть, месяцы, прежде чем она сможет отправить ему новое письмо.

— Как она там? — спросил Давид.

— Иордана? Иордана — это Иордана. Такая же дикая и красивая, так же тебя любит. Не пойму, чего моя сестра нашла в тебе такого?

— А как отец, мать, братья, как ребята из Пальмаха, как...

— Постой, погоди минутку. Я ведь не убегаю. Давай по порядку.

Давид вновь достал письмо и перечитал его.

Оба молчали. Они смотрели в окно на крепостную стену через дорогу.

— Как дела дома? — тихо спросил Давид.

— Дела дома? Как всегда. Бросают бомбы, стреляют. Никаких изменений. Такие же дела, как всегда, с той поры, когда мы были детьми. Это никогда не меняется. Каждый год мы оказываемся в положении, из которого, кажется, уже не выбраться. Затем наступает новый кризис, еще хуже прежнего. Дома все, как было, — сказал Ари, — только на этот раз будет война. — Он положил руку на плечо друга. — Мы все ужасно гордимся тем, что ты тут сделал в Караолосе.

— Я сделал все, что в моих силах. Но метлы — это все-таки не оружие, с ними солдат не обучишь. Палестина для этих людей — что Луна. Они ни на что уже не надеются. Ари, не хочу, чтобы ты ссорился с Мандрией. Он хороший товарищ.

— Не могу переносить этот покровительственный тон.

— У нас без него и его греков ничего не получится.

— Смотри не поддавайся на удочку этим мандриям всех стран. Они проливают крокодиловые слезы над миллионами наших жертв, но, когда настанет решительный момент, мы окажемся в одиночестве. Мандрия предаст нас, как и все остальные. Нас и впредь будут предавать и продавать, как было до сих пор. Нам не на кого положиться, кроме как на самих себя. Помни об этом.

— И все-таки ты не прав, — возразил Давид.

— Давид, Давид! Я так давно в Моссаде и в Пальмахе, что уже не помню, когда все это началось. Ты еще молод. Это твое первое серьезное задание. Берегись, чтобы чувства не затмили твой разум.

— А я и хочу, чтобы они затмили разум, — ответил Давид. — Во мне все горит, когда я вижу такие колонны. Наши люди, мой народ — в клетках, как звери!

— При любых обстоятельствах мы должны сохранять трезвость, — сказал Ари. — Бывают успехи, бывают неудачи. Главное — всегда ясная голова.

Ветер все еще доносил до них вой сирен. Давид закурил и постоял с минуту в задумчивости.

— Я никогда не перестану верить, — сказал он торжественно, — что продолжаю дело, начатое четыре тысячи лет назад. — Давид круто обернулся и взволнованно посмотрел снизу вверх на Ари. — Взять хотя бы то место, где ты сегодня высадился. Когда-то здесь стоял город Саламида. Именно в Саламиде началось восстание Бар-Кохбы в первом веке. Он выгнал римлян из нашей страны и восстановил Иудейское царство. Недалеко от лагерей стоит мост, его до сих пор на-

зывают Еврейским. Так его звали в течение двух тысяч лет. Можно ли забыть обо всем этом? Как раз на том месте, где мы сражались против Римской империи, мы деремся сегодня, две тысячи лет спустя, с Британской.

Великан Ари улыбнулся ему, как отец чересчур разгорячившемуся сыну:

— Давай, давай! Уж коли начал, так рассказывай до конца. Как после восстания Бар-Кохбы легионы вернулись, чтобы вырезать наш народ город за городом. Как в последнем бою под Бейтаром кровь убитых детей и женщин на мило окрасила реку в багровый цвет. Как с Акивы заживо содрали кожу, а сам Бар-Кохба был увезен в цепях в Рим и брошен на растерзание львам. Или это Бар-Гиора был растерзан львами после какого-то другого восстания? Я их вечно путаю. Да, Библия и наша история полны удивительных сказок и спасительных чудес. Сегодня, однако, с нами нет Иисуса Навина, который бы остановил Солнце или обрушил стены. Английские танки не завязнут в болоте, как завязли канаанские колесницы, и море не сомкнется над британским флотом, как сомкнулось оно над воинством фараона. Век чудес прошел безвозвратно, Давид.

— Нет, не прошел! Само наше существование — чудо. Мы пережили Александра Македонского, римлян и даже Гитлера. Переживем и Британскую империю. Это ли не чудо, Ари?

— Ладно, одного у нас не отнимешь — спорить мы мастера. Пойдем-ка лучше спать.

ГЛАВА 7

— Ваш ход, сэр, — повторил Фред Колдуэлл.

— Да, да, простите, пожалуйста! — Генерал Сазерленд долго смотрел на доску, потом пошел пешкой. Колдуэлл сделал ход конем, и Сазерленд двинул своего коня.

— Вот черт! — выругался генерал, заметив, что трубка у него потухла. Он вновь зажег ее.

Оба подняли головы, когда до них донесся слабый, но непрерывный вой сирен. Сазерленд посмотрел на стенные часы: это, вероятно, беженцы с перехваченного судна.

— «Врата надежды», «Башня Сиона», «Земля Обетованная», «Звезда Давида», — произнес Колдуэлл с издевкой. —

Цветистые они придумывают названия для своих лоханок, ничего не скажешь.

Сазерленд наморщил лоб. Он пытался сосредоточиться на следующем ходе, однако в ушах не утихал вой сирен. Генерал смотрел на фигуры из слоновой кости, но видел перед собой не шахматную доску, а колонну грузовиков, битком набитых измученными страхом людьми, пулеметы, бронемашины.

— Если не возражаете, Колдуэлл, я пойду спать.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Спокойной ночи.

Генерал быстро вышел из комнаты, запер за собой дверь спальни и расстегнул куртку. Ему показалось, что сирены вокруг невыносимо громко. Он закрыл окна, чтобы оборвать этот навязчивый звук, но все равно слышал его.

Брюс Сазерленд стоял перед зеркалом и спрашивал себя, что же с ним случилось. С ним, Сазерлендом из Сазерленд Хайтс. Вся его жизнь была еще одной блестящей карьерой в череде блестящих карьер, которая тянется с тех самых пор, как на свете появилась Англия.

Но в последние недели на Кипре с ним что-то происходит. Он стоял перед зеркалом, вглядывался в свои воспаленные глаза и спрашивал себя, когда же все это началось.

«Сазерленд — отличный парень для любой команды», — говорится о нем в итонском ежегоднике. В самом деле, очень приличный парень этот Сазерленд. Приличная семья, приличное образование, приличная карьера.

Армия? Правильный выбор, старина Брюс! Мы, Сазерленды, столетия на военной службе.

Приличный брак. Недди Эштон. Дочь полковника Эштона. Тоже неплохой выбор. Хорошая порода. Недди Эштон — хорошая хозяйка. Держит ухо востро, всегда нос по ветру. Большое подспорье в карьере. В общем, великолепная пара!

Где же ошибка, спрашивал себя Сазерленд. Недди родила ему двух чудесных детей. Альберт стал истинным Сазерлендом, уже дослужился до капитана в бывшем отцовском полку, а Марта прекрасно вышла замуж.

Брюс Сазерленд открыл шкаф, надел пижаму. Он дотронулся до чуть заметной складки жира у талии. Не так уж плохо для пятидесяти пяти лет. Есть еще порошок...

Во время Второй мировой войны он продвигался по службе куда быстрее, чем в мирное время: Индия, Гонконг, Сингапур, Ближний Восток... Чтобы показать все, на что он

способен, нужна была война. Сазерленд оказался незаурядным пехотным командиром. Конец войны застал его в чине бригадного генерала.

Он надел шлепанцы, медленно опустился в глубокое кресло, убавил свет и погрузился в воспоминания.

Недди была хорошей женой, хорошей матерью, великолепной хозяйкой, словно созданной для гарнизонной жизни в колониях. Ему здорово повезло с ней. Когда же все-таки между ними возникла трещина? Да, он помнит. Много лет назад, в Сингапуре...

Он был майором, когда встретил Марину, полукровку со смуглым лицом, женщину, сотворенную для любви. У каждого мужчины живет в глубине сердца образ такой вот Марины. Но его Марина была реальной женщиной, она у него действительно была. Смех и огонь, слезы и страсть. Любить Марину — это все равно что постоянно находиться внутри вулкана, готового к извержению. Он устраивал ей страшные сцены ревности, только для того, чтобы потом валиться в ее ноги, рыдая и моля о прощении. Марина... Марина... Глаза, как уголь, волосы — что воронье крыло. Она умела мучить его. Она умела доставлять невыразимое наслаждение. Она умела возносить его на такие высоты, о существовании которых он до нее даже не подозревал. Эти драгоценные, неповторимые свидания...

Он наматывал ее волосы на руку, откидывал ей голову и, глядя на ярко-красные чувственные губы, рычал:

— Я люблю тебя, сука... я люблю тебя.

— Я люблю тебя, Брюс! — шептала она.

Брюс Сазерленд помнил оскорбленное лицо Недди, когда она наконец сказала, что ей все известно.

— Не стану утверждать, что это не причиняет мне боль, — сказала Недди, слишком гордая, чтобы плакать, — но я готова простить и забыть... Нам нужно думать о детях, о твоей карьере, о наших родных. Я попытаюсь найти выход из положения, Брюс, но ты должен поклясться, что никогда больше не увидишь эту женщину. Попроси, чтобы тебя перевели из Сингапура.

«Эта женщина», как ты ее называешь, думал Брюс, моя любовь. Она дала мне то, чего тысячи таких, как ты, никогда не смогут дать и не дадут. Она дала мне то, на что не может рассчитывать ни один мужчина на свете.

— Я жду ответа, Брюс.

Какой тут может быть ответ? Женщиной, подобной Ма-

рине, можно обладать час, ночь, но не вечность. Такая Марина бывает у мужчины только раз, единственный раз в жизни. Ответ? Отказаться от карьеры ради полукровки? Смешать с грязью доброе имя Сазерлендов?

— Я ее никогда больше не увижу, Недди, — пообещал Брюс Сазерленд.

Он в самом деле никогда больше ее не видел, но никогда не переставал думать о ней. Может быть, именно с этого все и началось.

Вой сирены был еще чуть слышен. Видимо, колонна уже подъезжает к Караолосу. Еще немного, и звук затихнет, тогда можно заснуть. Сазерленд подумал об отставке, предстоящей ему через четыре-пять лет. Дом в Сазерленд Хайтс чересчур просторен. Лучше подыскать коттедж где-нибудь подальше от города. Нужно будет подумать о покупке пары хороших сеттеров для охоты, о литературе по выращиванию роз, о пополнении библиотеки. Пора также подыскать какой-нибудь приличный клуб в Лондоне. Альберт, Марта и внуки тоже будут утешением, когда он уйдет в отставку. Может быть... может быть, он заведет себе любовницу.

Казалось непостижимым, что после почти тридцати лет супружества он будет сидеть на пенсии один, без Недди. Она держалась так спокойно, корректно и благородно все эти годы. Как рассудительно повела она себя во время его связи с Мариной! И вдруг спосле прожитой безупречной жизни закусил удила и, словно пользуясь последними мгновеньями своего бабьего века, удрала в Париж с каким-то прощелыгой лет на десять ее моложе. Все сочувствовали Брюсу, но на самом деле эта история не очень его задела. Между ним и Недди давно не было ничего общего, не говоря уже о чувствах. Если ей так приспичило взбрыкнуть — пожалуйста. Может быть, он согласится со временем взять ее обратно... Нет, любовница все-таки лучше.

Сирены наконец умолкли. В комнате стояла теперь глубокая тишина, нарушаемая только глухим шумом прибоя в гавани. Сазерленд открыл окно и вдохнул прохладный ноябрьский воздух. Потом пошел в ванную, умылся, вынул изо рта зубной протез и положил его в стакан с раствором. Не повезло с этими четырьмя зубами, подумал он, как думал уже тридцать лет. Их вышибли в далекой юности, когда Сазерленд играл в регби. Он потрогал остальные зубы — не шатаются ли они. Затем открыл аптечку и внимательно оглядел

ряд пузырьков. Достал коробку со снотворным и развел в стакане двойную дозу. Последнее время ему не спалось.

Сазерленд выпил снотворное и почувствовал, как зашемило сердце. Он знал, что ему предстоит еще одна ужасная ночь. И сделал отчаянную попытку подавить или прогнать тяжкие воспоминания. Залез под одеяло, надеясь, что все-таки заснет быстро, но уснуть снова не удалось.

...Берген-Бельзен... Берген-Бельзен... Нюрнберг...
Нюрнберг!.. Нюрнберг!

— Займите место свидетеля и назовите свое имя.

— Брюс Сазерленд, бригадный генерал.

— Расскажите суду своими словами...

— Мои войска вступили в Берген-Бельзен пятого апреля в семнадцать двадцать.

— Расскажите суду...

— Лагерь номер один — это огороженный забором загон в милю длиной и четыреста ярдов шириной. Здесь содержались восемьдесят тысяч человек, в основном венгерские и польские евреи.

— Расскажите суду...

— Продовольственный паек для всего лагеря номер один состоял из десяти тысяч буханок хлеба в неделю.

— Опознайте...

— Да, это тиски для половых органов и для пальцев, их использовали при пытках...

— Расскажите...

— Мы насчитали тридцать тысяч трупов в лагере номер один, из них пятнадцать тысяч просто валялись на территории. Двадцать восемь тысяч женщин и двадцать тысяч мужчин мы застали еще живыми.

— опишите...

— Мы делали отчаянные попытки, но заключенные находились в состоянии полнейшей дистрофии и такого изнеможения, что за первые несколько дней после нашего прибытия умерло еще тринадцать тысяч человек.

— опишите...

— Мы застали в лагере нечеловеческие условия, люди поедали мертвецов.

После того как Брюс Сазерленд закончил давать показания на Нюрнбергском процессе, его срочно отозвали в Лондон. Распоряжение исходило от его старого друга, генерала Кла-

ренса Тевор-Брауна, работавшего в военном министерстве. Сазерленд догадывался, что это неспроста.

Он полетел в Лондон на следующий день и немедленно отправился в огромное, до чудовищности бесформенное здание на углу Уайтхолла и Скотленд-Ярда, где размещалось военное ведомство.

— О, Брюс, привет! Входите, входите, дорогой! Рад вас видеть! Я следил за вашими показаниями в Нюрнберге. Ужасная история!

— Я рад, что она позади.

— Очень был огорчен, когда узнал про вас и Недди. Если я могу быть чем-нибудь полезен...

Сазерленд покачал головой.

Наконец Тевор-Браун приступил к делу.

— Брюс, — сказал он, — я пригласил вас сюда, потому что предстоит одно деликатное назначение... Мне нужно порекомендовать кого-нибудь, и я подумал, что ваша кандидатура — самая подходящая, но хотел поговорить с вами прежде чем ее назвать.

— Слушаю, сэр Кларенс.

— Брюс, эти евреи, бегущие из Европы, обернулись для нас тяжелой проблемой. Они буквально наводняют Палестину. Скажу прямо: арабы очень раздосадованы, что эти полчища обрушились на подмандатную территорию. Поэтому мы решили построить на Кипре временные лагеря для беженцев, пока Уайтхолл разберется, как нам быть с палестинским мандатом.

— Понимаю, — тихо сказал Сазерленд.

— Дело весьма щекотливое, — продолжал Тевор-Браун, — тут требуется немало такта. Конечно, никому не по душе загонять за колючую проволоку толпы измученных людей. К тому же симпатии на их стороне, особенно в правящих кругах Франции и Америки. Тут нужно действовать осторожно, чтобы не вызвать лишнего шума. Следует избегать всего, что могло бы настроить против нас общественное мнение.

Сазерленд подошел к окну, взглянул на Темзу, на двухэтажные автобусы, проезжавшие по мосту Ватерлоо.

— По-моему, это мерзкая затея.

— Это не нам с вами решать, Брюс. Распоряжается Уайтхолл. Мы всего лишь исполнители.

Сазерленд продолжал смотреть в окно.

— Я видел этих людей в Берген-Бельзене. Среди них

могли быть и те, кто сегодня хочет попасть в Палестину. — Он вернулся к своему креслу. — Вот уже тридцать лет, как мы нарушаем в Палестине одно обещание за другим.

— Послушайте, Брюс, — перебил его Тевор-Браун, — я того же мнения, но мы в меньшинстве. Мы ведь оба служили на Ближнем Востоке. Знаете, что я вам скажу? Я просидел всю войну вот за этим столом, и через мои руки проходили одна за другой докладные записки о предательстве арабов. Начальник египетского генерального штаба продавал военные секреты немцам, Каир готовил торжественную встречу Роммелю как своему освободителю, иракцы перешли на сторону немцев, а вслед за ними — сирийцы, иерусалимский муфтий оказался нацистским агентом. Я мог бы продолжать этот список часами. Но вы должны смотреть на все это с точки зрения Уайтхолла, Брюс. Мы не можем рисковать своим положением и влиянием на Ближнем Востоке из-за нескольких тысяч евреев.

Сазерленд вздохнул.

— В том-то и заключается наша самая трагическая ошибка, сэр Кларенс. Мы так или иначе потеряем Ближний Восток.

— Ну, вы преувеличиваете.

— Но согласитесь, что добро и зло — это не пустые звуки.

Сэр Кларенс Тевор-Браун слегка улыбнулся и покачал головой.

— Я немногому научился в жизни, но одно зарубил себе на носу: внешняя политика нашей, да и любой другой страны построена не на этих понятиях. Не нам с вами решать, что здесь добро и что зло. Единственное царство, где правит добро, — это Царствие Небесное. Земными же правит нефть. А у арабов ее много.

Брюс Сазерленд помолчал. Потом кивнул.

— Лишь Царствием Небесным правит добро, — согласился он. — Земными царствами правит нефть. Кое-чему вы все-таки научились, сэр Кларенс. Похоже, в двух этих фразах — вся мудрость мира. Все мы, народы, государства, живем по закону необходимости, а не по закону правды.

Тевор-Браун подался вперед.

— Где-то в своих планах мироздания Всевышний возложил на нас нелегкую задачу править империей...

— И не наше дело задавать пустые вопросы, — тихо сказал Сазерленд. — Вы это хотите сказать? Но я никак не могу

забыть работорговые рынки в Саудовской Аравии и тот день, когда меня впервые пригласили присутствовать при публичном исполнении приговора за кражу, — человеку отрубили руку. Просто не могу, не могу забыть, так же как и этих евреев в Берген-Бельзене.

— Непросто быть солдатом и иметь совесть. Впрочем, я не заставляю вас соглашаться на эту должность.

— Я согласен. Конечно, согласен. Но скажите, почему ваш выбор пал именно на меня?

— Большинство наших ребят — на стороне арабов по той простой причине, что мы всегда были за арабов, а солдат обычно не рассуждает и следует установившейся политике. Мне бы не хотелось посылать на Кипр того, кто будет настроен против беженцев. Здесь задача, требующая чуткости и такта.

Сазерленд встал.

— Временами я думаю, — сказал он, — что родиться англичанином — такое же проклятье, как родиться евреем.

Сазерленд принял назначение на Кипр, но его не оставлял страх. Он гадал, известно ли Тевор-Брауну, что Сазерленд сам наполовину еврей?

Он вспомнил, как давным-давно начал искать утешение в Библии. В те беспросветные годы с Недди, после мучительной потери любимой женщины, он все больше ощущал потребность во внутреннем умиротворении. Каким же это было для него, солдата, наслаждением читать о великих походах Иегошуи Бен Нуна, Гедсона и Иоава! А эти потрясающие, величественные женщины — Руфь и Эсфирь, Сара и Девора. Девора, еврейская Жанна д'Арк, освободительница своего народа...

Он до сих пор помнил, как мурашки пробежали у него по коже, когда он прочитал: «Воспряни, воспряни, Девора, воспряни, воспряни! воспой песнь!»

Девора! Так звали его мать.

Девора Дейвис была незаурядной, на редкость красивой женщиной. Неудивительно, что Гарольд Сазерленд влюбился в нее. Он высидел пятнадцать представлений «Укрощения строптивой», любуясь прекрасной актрисой. Родители лишь снисходительно улыбались, когда он сверх всякой меры тратился на цветы и подарки. Юношеское увлечение, думали они, со временем пройдет.

Увлечение не проходило. Сазерленды перестали благо-

душествовать и распорядились, чтобы мисс Дейвис явилась в Сазерленд Хайтс. Однако она приглашение не приняла, и сэр Эдгар, отец Гарольда, самолично отправился в Лондон, чтобы глянуть на дерзкую особу. Но Девора оказалась столь же умной и хитрой, сколь красивой. Она покорила сэра Эдгара и тут же перетянула на свою сторону.

Сэр Эдгар решил, что его сыну чертовски повезло. В конце концов их род издавна славился слабостью к актрисам, некоторые из них стали гордостью семьи.

Тут, правда, загвоздка состояла еще и в том, что Девора Дейвис еврейка, но, когда она согласилась перейти в англиканскую веру, вопрос был исчерпан.

У Гарольда и Деворы родились трое детей: единственная дочь Мэри, капризный Адам и Брюс. Брюс был старшим, любимцем Деворы, и он сам боготворил ее. Однако мать, несмотря на их близость, никогда не рассказывала ему о своем детстве, о своих родственниках. Он знал лишь, что они были очень бедны и что она сбежала из дому, чтобы стать актрисой.

Прошли годы. Брюс поступил на военную службу, женился на Недди Эштон. Гарольд Сазерленд умер, а Девора сильно постарела.

Брюс очень хорошо запомнил день, когда он приехал в Сазерленд Хайтс с Недди и детьми. Обычно Девора проводила почти все время в саду среди роз либо весело хлопотала по дому, счастливо улыбающаяся, по-прежнему изящная. На этот раз она не вышла их встречать, ее нигде не было видно. Наконец Брюс нашел ее в темной гостиной. Это было так не похоже на мать, что он даже испугался. Она сидела, как изваяние, глядя перед собой в стену, забыв, казалось, обо всем на свете.

Брюс нежно поцеловал ее в щеку и опустился у кресла на колени.

— Что-нибудь случилось, мама?

Она медленно повернула голову и тихо сказала:

— Сегодня Йом-Киппур, День искупления.

От этих слов Брюса пронзило холодом.

Он переговорил с Недди и сестрой Мэри. Все решили, что после смерти отца Девора чувствует себя одинокой. Сазерленд Хайтс чересчур велик для нее. Лучше снять квартиру в Лондоне, чтобы она жила поближе к Мэри. Девора старела. К этому трудно было привыкнуть: она казалась им такой же прекрасной, как в пору их детства.

Потом Брюс и Недди уехали на Ближний Восток. Мэри

сообщала в письмах, что матери живется прекрасно, и сама Девора тоже писала, как она счастливо живет в Лондоне, поблизости от семейства Мэри.

Однако когда Брюс вернулся в Англию, все выглядело совсем иначе. Мэри была вне себя. Матери было уже за семьдесят, и она вела себя все более странно. Явный старческий маразм. Она постоянно говорила о том, что происходило полвека назад. Это пугало Мэри, потому что мать никогда раньше не вспоминала свое прошлое, но еще больше ее беспокоили частые исчезновения матери.

Мэри обрадовалась приезду брата. Он был старшим в семье, любимцем матери. К тому же таким трезвым и уравновешенным. Однажды Брюс отправился за Деворой в один из ее таинственных походов. Следуя за ней, он оказался у синагоги в Уайтчепеле.

Сазерленд тщательно все обдумал и решил пока ничего не предпринимать. Мать была стара, и он не считал возможным приставать к ней с расспросами о том, что произошло более пятидесяти лет назад.

Когда Деворе Сазерленд перевалило за семьдесят пять, она слегла. Брюс едва не опоздал — она была уже при смерти.

Увидев сидящего на краю кровати сына, старуха улыбнулась.

— Ты уже подполковник? У тебя чудесный вид... Брюс, сын мой, мне уже недолго осталось...

— Не надо, мама! Ты скоро поправишься, и все пойдет по-старому.

— Нет, Брюс, мне уже не подняться. И я должна рассказать тебе кое-что. Мне ужасно хотелось стать женой твоего отца. Так хотелось стать хозяйкой Сазерленд Хайтс! Я совершила ужасную вещь, Брюс: отреклась от своего народа. Отреклась от него при жизни. Теперь я хочу снова быть с ним. Брюс... обещаю тебе, что меня похоронят рядом с моими родителями.

— Обещаю, мама.

— Мой отец... твой дед... ты его не знал. Когда я была маленькой девочкой, он усаживал меня, бывало, на колени и приговаривал: «Воспрями, воспрями, Девора, воспрями, воспрями!»

Это были последние слова Деворы Сазерленд...

Оцепенев от боли, Брюс долго сидел возле бездыханного тела матери. Потом оцепенение сменилось мучительными сомнениями, с которыми он никак не мог совладать. Обязан ли он выполнять обещание, которое дал умирающей? Пре-

небредь им? Не будет ли это нарушением кодекса чести, которым он руководствовался всю жизнь? С другой стороны, разве не очевидно, что последние годы Девора все больше теряла здравый смысл? Она никогда не была еврейкой при жизни, с чего же ей вдруг становиться еврейкой после смерти? Девора принадлежит Сазерлендам и только им. А какой разразится скандал, если он похоронит ее на убогом, полуразрушенном еврейском кладбище в одном из нищих районов Лондона! Матери больше нет. А живые — Недди, Альберт и Марта, семья Мэри, Адам — все они будут глубоко уязвлены. Нет, надо считаться с живыми...

Он поцеловал мать и вышел из комнаты — решение было принято. Девору похоронили в фамильном склепе в Сазерленд Хайтс.

...Сирены!

Колонны беженцев!

Сирены визжали все громче и пронзительнее; казалось, у него лопнут перепонки.

Берген-Бельзен... Марина... Недди... грузовики, набитые людьми... лагеря в Караолосе... я обещаю, мама... я обещаю, мама...

Удар грома потряс дом до основания. В море усиливался шторм, и волны обрушивались на берег, вздымаясь все выше и выше, едва не заливая цоколь дома. Сазерленд откинул одеяло, встал с кровати и прошелся по комнате, шатаясь как пьяный. Молния! Гром! Яростные воды, вздымающиеся все выше и выше!

Господи... Господи... Господи...

— Генерал Сазерленд! Генерал Сазерленд! Проснитесь, сэр!

Сазерленд открыл глаза, с безумным выражением оглянулся и увидел слугу-грека. Генерал был весь в поту, сердце болезненно ухало. Слуга принес ему коньяк.

Он посмотрел на море. Никакого шторма. Ночь тихая, море гладкое, как зеркало.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в порядке.

— Вы уверены, сэр?

— Да.

Дверь закрылась.

Брюс Сазерленд тяжело опустился в кресло и, спрятав лицо в ладони, зарыдал, причитая: «Мама, ты там, на небесах... моя мама...»

ГЛАВА 8

Бригадный генерал Сазерленд наконец уснул, но спал беспокойным сном мученика.

Киприот Мандрия тоже ворочался во сне.

Марк Паркер спал мирным сном человека, выполнившего свой долг.

Китти Фремонт виделись мирные и спокойные сны, какие не посещали ее уже долгие годы.

Давид Бен Ами уснул лишь после того, как выучил наизусть письмо Иорданы.

Ари Бен Канаан не спал. Придет время, когда и он сможет себе позволить такую роскошь, но пока до этого еще далеко. Так много дел, так мало времени. Всю ночь он проторчал над картами и документами, усваивая каждую мелочь о Кипре, о действиях англичан, о положении евреев. Он продирался сквозь груды сведений то с сигаретой, то с чашкой кофе в руке, сильный, уверенный в себе человек.

Англичане утверждали, что палестинские евреи чертовски умны. Но сила евреев была еще и в другом: любой соплеменник в любой стране мира мог стать источником информации для агентов Моссада Алия Бет, оказать им помощь и поддержку.

На рассвете Ари разбудил Давида. Быстро позавтракав, они отправились на такси, предоставленном Мандрией, в караолосские лагеря.

Лагеря тянулись на много миль вдоль залива на полпути между Фамагустой и развалинами Саламиды. Мусорные свалки служили единственным местом связи между киприотами и беженцами. Англичане охраняли их спустя рукава, так как мусорщиками обычно назначали людей, которым охрана доверяла. Эти свалки стали центрами оживленной торговли, кожаные кошельки и прочая мелочь, производимая в лагере, обменивались здесь на хлеб и одежду. Давид повел Ари к одной из свалок, где утренняя торговля между киприотами и евреями была в полном разгаре. Отсюда они пробрались в первую зону.

Ари смотрел на колючую проволоку, тянувшуюся миля за милей. Был уже ноябрь, но стояла нестерпимая жара, столбом поднималась удушающая пыль. На поросшем акациями пустыре вдоль берега залива были разбиты рваные палатки. Каждую зону ограждал забор из колючей проволоки высотой в три, а то и три с половиной метра. На углах стояли

вышки с прожекторами и пулеметами. За Ари и Давидом увязалась облезлая собака. На ее впалом боку краской было выведено «Бевин» — фамилия британского министра иностранных дел.

И в каждой зоне одно и то же: толпы оборванных, озлобленных людей. Почти все в самодельных, грубо сшитых фиолетовых штанах до колен и рубашках, которые здесь мастерили из внутренней обшивки палаток. Ари всматривался в подозрительные, безнадежные, ненавидящие лица. Каждый раз, когда они входили в новую зону, к нему бросались с объятиями молодые парни и девушки. Это были те, кто пробрался в лагерь по заданию Пальмаха для работы с беженцами. Они обнимали его, расспрашивали о доме. Ари изредка задавал вопросы и обещал всем устроить через несколько дней общую встречу пальмахников. Глаза его ощупывали колючую проволоку в поисках решения, которое позволит освободить три сотни людей.

Беженцы группировались по происхождению. Были зоны польских, французских и чешских евреев; обособленно держались еврей-ортодоксы, вместе жили беженцы, связанные общими политическими убеждениями. Но всех их роднило общее несчастье — эти люди пережили войну; это были евреи, стремившиеся в Палестину.

Давид повел Ари к деревянному мосту, перекинутому над оградой из колючей проволоки и соединявшему две половины лагеря. На мосту была табличка: «Добро пожаловать в Берген-Бевин».

— Какая горькая ирония, Ари. Точно такой же мост был в Лодзинском гетто в Польше.

Давид кипел. Он поносил англичан за нечеловеческие условия в лагере, за то, что немцы-военнопленные и те пользовались большей свободой на Кипре, за недостаток пищи и лекарств и вообще за вопиющую несправедливость. Ари не слушал его. Он изучал расположение лагеря. Потом попросил Давида показать ему туннели.

Ари подошел к месту, где у самого берега залива жили еврей-ортодоксы. Вдоль колючей проволоки тянулся ряд уборных. На первой была табличка: «Бевинград». В пятой и шестой из выгребных ям под колючую проволоку, в сторону залива, вел узкий туннель. Ари покачал головой — это годилось, чтобы вывести несколько человек, но никак не для массового побега.

Прошло несколько часов. Они почти закончили осмотр.

Последние два часа Ари не проронил ни слова. Наконец Давида прорвало:

— И что же ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Ари, — что Бевин в лагере не слишком популярен. Что здесь еще можно увидеть?

— Я оставил детский лагерь напоследок. Там штаб Пальмаха.

Когда они вошли в детский лагерь, к Ари бросился еще один пальмахник. На этот раз Ари расплылся в улыбке и крепко обнял парня. Это был Иоав Яркони, его близкий друг. Ари подхватил его, чуть ли не подбросил в воздух и снова заключил в объятия. Яркони, марокканский еврей, перебрался в Палестину еще ребенком. Смуглый, с черными, сверкающими как уголь глазами и огромными усами, которые скрывали чуть ли не половину лица, Иоав в свои двадцать с небольшим лет уже считался одним из самых способных агентов Моссада Алиа Бет; к тому же он прекрасно знал арабские страны.

С самого начала Яркони проявил себя одним из самых ловких и отважных связных Моссада. Больше всего он прославился операцией, после которой в Палестине начали разводить финиковые пальмы. Иракские арабы ревниво охраняли свои плантации, но Яркони ухитрился переправить из Ирака в Палестину сотню саженцев.

Давид Бен Ами назначил Иоава Яркони начальником детской зоны, потому что она была ключевым пунктом всего караолосского лагеря.

Иоав повел Ари по зоне, набитой сиротами — от младенцев до семнадцатилетних. Большинство из них побывали в немецких концлагерях, многие никогда не жили за пределами колючей проволоки. В отличие от других зон, здесь было несколько постоянных строений. Школа, столовая, больница, какие-то блоки поменьше; тут же была разбита большая площадка для игр. Жизнь здесь была ключом, и не видно было ни малейших признаков апатии, царившей в других частях лагеря. С детьми работали няни, врачи, учителя, нанятые на пожертвования американских евреев.

Из-за обилия вольнонаемных детская зона охранялась слабее остальных. Давид и Иоав воспользовались этим и разместили штаб Пальмаха именно здесь. По ночам площадка для игр превращалась в учебный плац, в классных комнатах изучали географию Палестины, психологию арабов, боевую тактику, оружие и другие стороны военного дела.

Каждый прошедший обучение должен был пройти испытание, инсценирующее допрос беженца, который пробрался в Палестину и схвачен там англичанами. Беженец должен был ответить на множество вопросов по географии и истории, чтобы доказать, что он прожил здесь уже много лет.

Если беженец успешно заканчивал курс, Пальмах устраивал ему побег — чаще всего через детскую зону или туннель, к белому домику на горе у Саламиды, а уж оттуда его нелегально переправляли морем в Палестину. Несколько сот беженцев уже были отправлены таким способом группами по два-три человека.

Англичанам из Си-Ай-Ди было, конечно, известно, что в детской зоне происходят странные вещи. Время от времени туда засылали шпионов под видом учителей или воспитателей, но еврейские гетто и концлагеря воспитали в детях подозрительность и умение держать язык за зубами — так что через два-три дня шпионов обычно разоблачали.

Осмотр детской зоны Ари закончил в школе. В одном из классов располагался штаб Пальмаха. В учительской кафедре была спрятана рация для связи с Палестиной, под полом — оружие. В этом же помещении подделывали паспорта и другие документы.

Ари осмотрел мастерскую и покачал головой.

— Халтура, — сказал он. — Ты просто растяпа, Иоав.

Иоав лишь пожал плечами.

— В ближайшие недели, — продолжал Ари, — нам понадобится настоящий специалист. Давид, ты как будто сказал, что у вас тут есть такой?

— Есть. Дов Ландау, парнишка из Польши, но он отказывается работать.

— Мы его неделями уговаривали, — добавил Иоав.

— Ну-ка, я поговорю с ним.

Когда они подошли к палатке, где жил Дов Ландау, Ари велел подождать его и вошел в палатку один. Там сидел худенький белобрысый мальчик, он исподлобья взглянул на пришельца. Ари был хорошо знаком этот подозрительный, полный ненависти взгляд. Он посмотрел на опущенные углы рта, на презрительно искривленные губы, обычные для евреев, побывавших в концлагерях.

— Тебя зовут Дов Ландау, — сказал Ари, глядя ему в глаза. — Тебе семнадцать лет, ты из Польши, был в концлагере, специалист по подделкам и фальшивым бумагам. Меня

зовут Ари Бен Канаан. Я из Палестины, работаю в Моссаде Алия Бет.

Юноша подозрительно сплюнул на землю.

— Слушай, Дов. Я не собираюсь ни уговаривать, ни угрожать тебе. У меня деловое предложение, назовем его договором о взаимной помощи.

Дов ощерился.

— Я скажу вам вот что, господин Бен Канаан. Вы и ваши парни нисколько не лучше немцев и англичан. Мы вам нужны только потому, что вы хотите спасти свою шкуру от арабов. Мне, конечно, хочется в Палестину, но как только я туда попаду, я тут же найду людей, которые дадут мне возможность убивать!

Ари и бровью не повел в ответ на эту вспышку ненависти.

— Вот и прекрасно. Тебе не нравятся мотивы, по которым мне хочется отправить тебя в Палестину, а мне не нравятся мотивы, по которым тебе хочется туда попасть. В главном, однако, мы согласны: твое место не здесь, а там.

Глаза подростка подозрительно сузились. Этот Бен Канаан был не похож на других.

— Теперь давай сделаем еще один шаг, — сказал Ари. — Сидя здесь без дела и грея задницу, Палестину не приблизишь. Что будет потом, когда доберешься туда, меня не касается.

Дов Ландау заморгал от неожиданности.

— А дело у меня к тебе вот какое, — продолжал Ари. — Мне нужны фальшивые документы, много документов, причем в ближайшие недели, а ребята, которые занимаются этим делом здесь, не в состоянии подделать даже собственную подпись. Мне нужно, чтобы ты поработал на меня.

Подросток был сбит с толку прямокой и решительностью Бен Канаана. Где тут таится подвох?

— Я подумаяю, — сказал он.

— Подумай. Конечно, подумай! Я тебе даю тридцать секунд на размышление.

— А что, если я откажусь? Силой заставите?

— Дов, я уже сказал — мы нужны друг другу. Попытайся выразиться еще яснее. Если ты мне не поможешь, я сделаю все, чтобы ты остался здесь, в Караолосе, последним. Так как в очереди впереди тебя окажется по меньшей мере тысяч тридцать, у тебя вряд ли хватит сил бросить хоть одну

бомбу, когда ты попадешь наконец в Палестину. Твои тридцать секунд истекли.

— А почему я знаю, что вы не обманете?

— Очень просто. Я даю тебе слово.

На лице подростка мелькнула улыбка, и он кивнул в знак согласия.

— Хорошо. Ты получишь указания либо от Давида Бен Ами, либо от Иоава Яркони. Я не хочу, чтобы ты вступал с ними в пререкания. Если у тебя будут какие-нибудь неясности, свяжись прямо со мной. Приходи через полчаса в штаб, посмотришь там мастерскую и скажешь Давиду, какие тебе нужны материалы.

Ари повернулся и вышел из палатки на воздух, где его ждали Давид и Иоав.

— Через полчаса он приступит к работе.

У Иоава отвисла челюсть.

— Как ты это сделал?

— Нужно знать детскую психологию. Я еду обратно в Фамагусту. Встретимся ночью у Мандрии. Захватите с собой Зеева Гильбоа. Не надо меня провожать, я знаю дорогу.

Давид и Иоав ошеломленно посмотрели вслед своему товарищу, знаменитому Бен Канаану.

Той же ночью Мандрия в обществе Давида, Иоава и Зеева Гильбоа ждал Бен Канаана у себя в гостиной.

Пальмахник Зеев Гольбоа был широкоплечим крестьянином из Галилеи. Как и Яркони, он носил огромные усы, и ему тоже едва перевалило за двадцать. Зеев был лучшим солдатом среди бойцов Пальмаха в Караолосе. Давид поручил ему боевую подготовку беженцев, и теперь он гонял по ночам своих курсантов на площадке для игр, стараясь научить их всему, чему можно научиться без настоящего оружия. Вместо винтовок — палки, вместо гранат — камни, вместо штыков — обломки стальных пружин от кроватей. Он обучал молодых парней рукопашному и штыковому бою, а главное — вселял в отчаявшихся беженцев боевой дух.

Темнело. Мандрия беспокойно шагал по комнате.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Я еще днем послал за ним такси.

— Не волнуйтесь, господин Мандрия, — успокаивал его Давид. — Ари может вернуться и через три дня. У него свои методы работы, мы к этому привыкли.

Перевалило за полночь, и мужчины поудобней располо-

жились в креслах. Через полчаса они уже клевали носами, а через час — мертвецки спали.

Было около пяти утра, когда Ари вошел в комнату. Его глаза покраснели от бессонницы; всю ночь он разъезжал по острову, не вздремнув ни минуты. Он вообще спал урывками с тех пор, как высадился на Кипре. Он обнял Зеева Гильбоа и тут же перешел прямо к делу — не извиняясь, не объясняя причин восьмичасовой задержки.

— Ну как, Мандрия, достали судно?

Мандрия потерял дар речи. Он хватил себя кулаком по лбу от изумления.

— Господин Бен Канаан! Нет еще тридцати часов, как вы приехали и потребовали судно. Я не судостроитель, сэр. У моей компании есть филиалы в Фамагусте, Ларнаке, Кирении, Лимасоле и Пафосе. Других портов на Кипре нет. Все мои конторы лихорадочно ищут для вас судно. Как только найдут, если это вообще в человеческих силах, вы будете немедленно поставлены в известность, сэр.

Ари не обратил внимания на сарказм Мандрии и повернулся к остальным.

— Зеев, я полагаю, Давид рассказал тебе, что мы здесь затеваем.

Галилеец кивнул.

— С этой минуты вы трое поступаете в мое распоряжение. Найдите людей, которые смогут заменить вас в Караолосе. Иоав, сколько у тебя в зоне здоровых детей в возрасте от десяти до семнадцати лет?

— Должно быть, шестьсот — семьсот.

— Зеев, отбери из них человек триста самых выносливых. Приведи их в наилучшую форму.

Зеев кивнул.

Ари встал.

— Через полчаса рассвет. Мне нужно такси, господин Мандрия. Я опять уезжаю. Думаю, что человек, возивший меня вчера, немного устал.

— Я повезу вас сам, — сказал Мандрия.

— Хорошо. Тронемся на рассвете. А теперь извините меня. Я должен посмотреть еще кое-какие бумаги.

Он исчез так же внезапно, как появился. Все заговорили наперебой.

— Значит, в побеге будут участвовать триста детей? — изумился Зеев.

— Похоже, что так, — вторил ему Мандрия. — Странный человек. Надеется на чудеса... и ничего не говорит.

— Наоборот, — сказал Давид, — он как раз не верит в чудеса. Потому-то и работает как вол. Кажется, за всем этим кроется гораздо больше, чем рассказал нам Ари. Чувствую, что побег трехсот детей — только часть того, что у него на уме.

Иоав Яркони улыбнулся.

— Мы все давно знакомы с Ари, но никто не угадает, что у него на уме. Однако можно не сомневаться: он свое дело знает. Придет время — Ари нам все расскажет.

Весь следующий день Мандрия возил Ари по Кипру, казалось, без какой бы то ни было определенной цели. Они поехали вдоль восточного залива, мимо Саламиды и Фамагусты на Кейп-Греко. В Фамагусте Ари походил вдоль старой крепостной стены, изучая окрестности пристани. Весь день он почти не обращался к своему спутнику, лишь изредка задавал деловые вопросы. Киприоту казалось, что этот странный палестинец — самый бездушный человек, какого ему только приходилось встречать. Он чувствовал к нему неприязнь, но не мог не восхищаться его способностью идти напролом, его нечеловеческой выносливостью. Этот человек, думал Мандрия, фанатично предан своему делу.

Из Кейп-Греко они поехали вдоль Южного залива, затем забрались в высокие, иссеченные ущельями горы, где отели уже готовились к зимнему лыжному сезону. Если Бен Канаан и нашел что-нибудь достойное внимания, то не подал вида. Когда они за полночь вернулись в Фамагусту, Мандрия был вымотан до предела, однако сразу же началось совещание с Зеевом, Давидом и Иоавом, после которого Ари опять провел всю ночь за бумагами.

Утром, на четвертый день после прибытия Ари Бен Канаана на Кипр, Мандрии позвонили из его конторы в Ларнаке, что в порту только что бросило якорь турецкое судно, которое вполне им подходит, и его можно купить. Мандрия повез Ари в Караолос, там они подобрали Давида и Иоава и вчетвером поехали в Ларнаку.

Зеева Гильбоа они не взяли, так как он был уже занят отбором детей и их тренировкой.

Когда они ехали по шоссе Фамагуста — Ларнака, Мандрия сиял от радости. На полпути внимание Ари привлекла возня в поле слева от шоссе. Он велел Мандрии остановиться

машину и вышел посмотреть. Там что-то строили, похоже — бараки.

— Англичане сооружают новый лагерь, — сказал Давид. — В Караолосе все переполнено.

— Почему мне об этом не доложили? — резко спросил Ари.

— Потому что ты не спрашивал, — ответил Яркони.

— Судя по всему, — сказал Давид, — они начнут недели через две разгружать Караолос и перевозить лишних людей сюда.

Ари вернулся к машине, и они поехали дальше. Иоав Яркони, который считал бесполезным отгадывать мысли друга, все же заметил, что этот новый лагерь его заинтересовал. Иоаву даже казалось, что он слышит, как напряженно работает мозг Ари.

Машина въехала в Ларнаку и по узким извилистым улочкам, окаймленным чистыми белыми домиками, покатила вниз к пристани. Они остановились у таверны «Четыре фонаря», где их ждал турок Арматау, владелец судна.

Арматау повел их через дорогу к длинному молу, выходящему в море чуть ли не на полмили. Все время, пока они шли мимо десятка рыболовных катеров, баркасов и парусных лодок, Арматау не переставал, то и дело оборачиваясь, божиться, что судно, которое они собираются осмотреть, — настоящая королева морей. Они остановились в самом конце мола перед ветхим деревянным корыттом, на носу которого красовалась облезлая надпись «Афродита».

— Ну, не красавица ли?! — воскликнул Арматау, сияя от восторга. И, затаив дыхание, напряженно стал следить за тем, как четыре пары холодных глаз осматривают старую посудину от носа до кормы. — Конечно, — продолжал турок, — это не гоночная яхта.

Опытным глазом Ари прикинул: длина «Афродиты» метров сорок пять, водоизмещение примерно двести тонн. Судя по всему, и лет ей около сорока пяти.

— А кто такая Афродита? — спросил Иоав Яркони.

— Афродита была богиней любви, — ответил Давид. — Пять тысяч лет назад ее выбросило на берег прибором всего в нескольких милях отсюда.

— Ого! Насмотрелась старушка немало! — сказал Иоав.

Турок проглотил шпильку и попытался изобразить улыбку. Бен Канаан круто обернулся и посмотрел ему в глаза.

— Арматау, мне нужно только одно. Отсюда до Палестины свыше двухсот миль. Судну предстоит сделать лишь один рейс. Сможет? Да или нет?

Арматау вскинул руки вверх.

— Клянусь честью своей матери! — закричал он. — Я сделал на нем триста рейсов между Кипром и Турцией. Господин Мандрия — хозяин пароходства, он не даст соврать.

— Это верно, — подтвердил Мандрия. — Судно старое, но надежное.

— Господин Арматау, возьмите моих товарищей на борт и покажите им машину.

Когда трое скрылись в трюме, Мандрия повернулся к Ари.

— Хотя Арматау и турок, но верить ему можно.

— Какую скорость можно выжать из этой лохани? — спросил Ари.

— Пожалуй, пять узлов при попутном ветре. «Афродите» некуда торопиться.

Они поднялись на палубу и осмотрели надстройки. Судно наполовину прогнило, его давно не ремонтировали, да это уже и не имело смысла. Но все-таки в нем было что-то добротное. Казалось, ему известны все козни моря и оно выиграло не одно сражение с ним.

За полчаса Давид и Иоав осмотрели машинное отделение.

— Корабль — настоящая рухлядь, — сказал Давид, — но я уверен, что он выдержит.

— Можно погрузить триста человек на борт? — спросил Ари.

Давид почесал щеку.

— Если постараться, может, и удастся.

Ари повернулся к Мандрии.

— На судне понадобится куча доделок и переделок. Главное, чтобы на нас не обратили внимания.

Мандрия улыбнулся. Теперь настал его час.

— У меня тут, как вы, верно, догадываетесь, есть кое-какие связи. Хорошенько подмазать кого следует — тогда никто ничего не увидит и не услышит.

— Давид, отправь этой же ночью радиограмму в Палестину. Скажи, что нам нужны капитан и два матроса.

— Команда из трех человек? Не мало ли?

— Ну ладно, так уж и быть, выдам вам секрет: вы оба, Зеев и я тоже вернемся на этой лохани в Палестину. Мы и пополним команду. Иоав, у тебя всегда была слабость к

перезрелым красавицам. Вот тебе задача: отремонтировать ее и привести в божеский вид.

Наконец он обратился к Арматау, ошеломленному быстротой его вопросов и распоряжений:

— Отлично, Арматау, можете свободно вздохнуть: вы продали это чудище. Но конечно, не за ту цену, которую вы собираетесь заломить. Идем в «Четыре фонаря», обтяпаем это дело.

Ари спрыгнул с палубы на мол и пожал Мандрии руку.

— Давид, ты и Иоав добирайтесь сами до Фамагусты. Как только мы покончим с делом здесь, господин Мандрия подбросит меня в Кирениюю.

— В Кирениюю? — изумился Мандрия. «Неужели этот человек никогда не устает?» — подумал он. — Кирения — на противоположной стороне острова.

— А что? С машиной что-нибудь не в порядке? — спросил Ари.

— Нет... нет... Едем в Кирениюю.

Ари, а с ним Мандрия и турок двинулись по молу назад.

— Ари, — закричал Давид вдогонку; — как же мы назовем эту стареющую красавицу?

— Ты ведь поэт, — крикнул Ари в ответ, — тебе и карты в руки.

Иоав с Давидом смотрели вслед уходящим, пока те не скрылись из виду. Лица у них расплылись в улыбках, они бросились обниматься.

— Ну, этот Ари! Раньше сказать не мог, что мы возвращаемся домой...

— Или ты его не знаешь? — ответил Давид. — Никаких сантиментов, никаких эмоций!

Они в унисон вздохнули, затем поглядели на «Афродиту». Смотреть на старуху было жалко.

— Идея! — сказал Иоав. — Почему бы нам не назвать его «Бевин»?

— Я придумал лучше, — возразил Давид Бен Ами. — С этой минуты судно будет называться «Исход».

ГЛАВА 9

Марк свернул с шоссе и поставил взятую напрокат машину на обочине. Они забрались высоко в горы, нависавшие над Киренией. Над ними вздымалась огромная, метров в сто,

скала, на вершине которой виднелись развалины монастыря святого Илариона. Сказочные стены, даже полуразрушенные, напоминали о мощи и блеске готических времен.

Марк взял Китти за руку, и они стали карабкаться по выступам вверх, пока не добрались до нижней крепостной стены, откуда открывался вид на двор.

С трудом прокладывая путь через захламленные огромные залы, они зашли в конюшню, потом в монастырь и крепостные укрепления. Царила мертвая тишина, но все вокруг словно еще жило — как будто дышали призраки далекого прошлого, нашептывая предания о минувших столетиях, когда здесь любили, ненавидели, интриговали, воевали.

Еще почти час Марк и Китти взбирались на самый верх. Там они долго стояли, тяжело дыша, и не могли оторваться от открывшегося перед ними великолепного вида. Скала уходила отвесно вниз в сторону Кирении. На горизонте виднелся турецкий берег, а справа и слева нависали леса сочного зеленого цвета, виноградные террасы и маленькие домики. В самом низу серебрилась ласкаемая тихим ветерком листва масличной рощи.

Туча проплыла за спиной Китти, и женский силуэт четко обозначился на фоне неба. Какая же она красивая, подумал Марк, больше таких нет. Но она не возбуждала у него желания. Марк Паркер чтит в этом мире немногих и немногое. Он хотел чтить Китти. Более того, она была единственной женщиной, в обществе которой он чувствовал себя спокойно, ибо с нею можно было оставаться самим собой, без всякого притворства.

Они присели на огромный валун и продолжали смотреть на простирающееся у их ног великолепие. Монастырь, море, небо, горы.

— Что может быть на свете прекраснее? — сказал Марк. Она кивнула.

Это были чудесные дни. С приездом Марка Китти будто ожила. Исповедь явно пошла ей на пользу.

— Мне пришла в голову ужасная мысль, — сказала Китти. — Представляешь? Если бы полковник Говард Хиллингс не был откомандирован в Палестину... А теперь я могу быть только с тобой. Сколько ты сможешь пробыть здесь, Марк?

— Несколько недель... Сколько угодно.

— Я больше не хочу надолго разлучаться.

— Знаешь, — заметил Марк, — в отеле все убеждены, что мы любовники.

— Вот и прекрасно! — засмеялась Китти. — Как только вернемся туда, прибуду к своей двери объявление крупными буквами: «Я безумно люблю Марка Паркера».

Они посидели еще часок, затем начали неохотно спускаться, чтобы добраться домой до темноты.

В тот момент, когда Марк и Китти вернулись в гостиницу, машина Мандрия как раз прикатила в Кирению и остановилась на набережной. Мандрия и Ари вышли из машины и направились к докам. Они подошли к башне Девы, что стояла на самом берегу залива, и поднялись по внутренней лестнице. Отсюда прекрасно обозревалась вся местность. Ари изучал ее, как всегда, молча.

Гавань была защищена двумя рукавами мола. Один шел от башни, на которой они стояли; второй начинался как раз напротив — от застроенной домами набережной. Рукава сходились, образуя незамкнутое кольцо; оставшаяся узкая щель между ними служила входом в гавань. Сама гавань была невелика — всего несколько сот метров — и полна маленьких суденышек.

— Как по-вашему, «Афродита» пройдет в эту гавань? — спросил Ари.

— Войти-то войдет, — ответил Мандрия, — а вот вернуться и выйти обратно будет потруднее.

Они направились обратно к машине. Ари снова замолчал. Он не сводил глаз с гавани. Когда они дошли до машины, уже стемнело.

— Можете возвращаться в Фамагусту. Мне нужно повидаться кое с кем здесь в отеле, — сказал Ари, — и я не знаю, сколько времени это у меня займет. Обратно я доберусь как-нибудь сам.

При других обстоятельствах Мандрия обиделся бы, что его отпускают, как какого-нибудь шофера, но он начал привыкать к распоряжениям Ари Бен Канаана и включил зажигание.

— Мандрия, вы оказали нам большую помощь. Спасибо.

Киприот просиял. Это были первые дружеские слова, которые ему пришлось услышать из уст Бен Канаана. Они застали его врасплох и по-настоящему тронули.

В столовой отеля мягкие звуки вальса Штрауса сливались с громкой английской речью, звоном бокалов и шумом

прибоя. Марк допил кофе, вытер рот салфеткой и уставился поверх Китти на только что вошедшего рослого мужчину. Мужчина что-то прошептал на ухо старшему официанту, который кивком головы указал на столик, где сидели Марк и Китти. У Марка расширились зрачки: он узнал Ари Бен Канаана.

— Марк, что там, призрак?

— Что-то вроде. Вот он подходит. Похоже, нам предстоит чертовски интересный вечер.

Китти обернулась и увидела Ари Бен Канаана, нависшего над их столиком, как башня.

— Я вижу, вы меня не забыли, Паркер, — сказал Ари и сел, не дожидаясь приглашения. Затем обернулся к Китти: — А вы, верно, миссис Кэтрин Фремонт?

Ари и Китти уставились друг другу в глаза. Последовала неловкая пауза, наконец Ари нарушил ее — подозвал официанта и заказал сэндвичи.

— Это Ари Бен Канаан, — представил Марк, — мой старый знакомый. Знакомьтесь: миссис Фремонт.

— Ари Бен Канаан, — повторила Китти, — какое странное имя.

→ Это на иврите, миссис Фремонт. В переводе значит Лев, сын Канаана.

— Не очень понятно.

— Напротив. Иврит — очень логичный язык.

— В самом деле? Я этого не замечала, — не без иронии заметила Китти.

Марк смотрел то на него, то на нее. Едва познакомились, а между ними уже шла хорошо знакомая ему словесная дуэль. Видно, Бен Канаан задел какую-то струну в душе Китти, и она сразу показала когти.

— Странно, что вы не обратили внимания на логичность этого языка, — отвечал Ари. — Господь Бог считал древнееврейский настолько логичным, что повелел написать Библию именно на нем.

Китти улыбнулась и кивнула. Оркестр заиграл фокстрот.

— Вы танцуете, миссис Фремонт?

Марк откинулся на стуле, следя за тем, как Ари вывел Китти к площадке, обнял ее и ловко повел в танце. Марку не понравилось, что между ними вспыхнула какая-то искра. Ему не хотелось думать, что Китти — обычная земная женщина, способная играть в обычные земные игры. Они тан-

цевали недалеко от его столика. На лице Китти застыло выражение растерянности, оно выглядело неестественным.

Затем Марк стал размышлять о себе. С тех пор как он прибыл на Кипр, его не покидало чувство, что здесь заваривается какая-то каша. Появление Бен Канаана только подтверждало эту догадку. Марк хорошо знал этого человека и догадывался, что он один из главных агентов Моссада Алия Бет. Знал также, что тот непременно попросит его о чем-то, иначе не стал бы искать встречи. А Китти? Заинтересовала она Бен Канаана как его, Паркера, спутница, или есть еще что-то, о чем он не догадывается?

Китти, женщина высокая, рядом с Ари Бен Канааном казалась себе девчонкой. Появление этого красивого, сильного человека сбilo ее с толку. Теперь, в его объятиях, всего лишь через минуту после знакомства, она ощущала какое-то странное освобождение. Это было приятное чувство, которого Китти уже много лет не испытывала. Но все же ситуация выглядела глупо.

Танец кончился, и они вернулись к столику.

— А я думал, что вы, жители Палестины, пляшете только хору, — съязвил Марк.

— Я слишком долго подвергался влиянию вашей культуры, — ответил Ари с суровой серьезностью.

Принесли сэндвичи, и он принялся жадно есть.

Марк терпеливо ждал, когда Бен Канаан выложит цель своего прихода. Он внимательно посмотрел на Китти. Та уже овладела собой, хотя продолжала поглядывать искоса в сторону Ари, готовая в любую секунду к новой перепалке.

— Мне нужно поговорить кое о чем с вами обоими.

— Здесь, в логове неприятеля?

Ари улыбнулся и обернулся к Китти.

— Паркер не успел сказать вам, что в известных кругах мою деятельность считают крамольной. Время от времени англичане даже оказывают нам честь, называя нас подпольем. Одна из первых мыслей, которые я стараюсь внушить каждому новому члену нашей организации, — это опасность, заключающаяся в полуночных свиданиях. Я бы сказал, что нет на свете более подходящего места для обсуждения моего дела, чем это.

— Давайте пойдём ко мне, — сказал Марк.

Не успели они закрыть за собой дверь номера, как Ари перешел к делу:

— Паркер, мы с вами можем оказать друг другу услугу.

— Я слушаю.

— Вы знакомы с лагерями для беженцев в Караолосе? Марк и Китти кивнули.

— Я набросал план побега трехсот детей. Мы перевезем их сюда и здесь, в порту Кирении, погрузим на борт корабля.

— Ваши ребята уже давно занимаются нелегальной переправкой беженцев в Палестину. Это не новость.

— Если вы мне поможете, будет новость. Помните, какую бурю вызвало наше судно «Земля Обетованная»?

— Конечно, помню.

— Англичан тогда неплохо поставили на место. Если удастся устроить еще один такой инцидент, то им придется отказаться от своей иммиграционной политики в Палестине.

— Я не понимаю, — ответил Марк. — Если даже удастся организовать массовый побег из Караолоса, то как вы доставите людей в Палестину? Ну а если вы их все же доставите, мне-то что до того?

— В том-то и дело, — сказал Ари, — что дальше палубы корабля и дальше Кирении они не попадут. Я вовсе не собираюсь переправлять их в Палестину.

Марк подался вперед. Это становилось интересным: в плане Бен Канаана скрывалось нечто большее, чем казалось на первый взгляд.

— Предположим, — продолжал Ари, — из Караолоса сбегут триста сирот, и мы их погрузим на корабль здесь в Кирении. Предположим также, что англичане нас накроют и не дадут судну сняться с якоря. Теперь допустим, что вы написали заранее репортаж обо всем этом и ваш репортаж лежит где-то в Париже или Нью-Йорке. В ту самую минуту, когда дети окажутся на корабле, репортаж появится на первых страницах всех влиятельных газет.

Марк присвистнул. Как и большинство американских корреспондентов, он сочувствовал беженцам. Мне достанется сенсация, размышлял Паркер, а Бен Канаан достигнет своей цели: пресса поднимет шум. Но будет ли материал таким уж сенсационным и стоит ли ввязываться во все это? Ему не с кем было посоветоваться — он сам должен все обдумать и решить. Ари приоткрыл свой план ровно настолько, чтобы возбудить его аппетит. Задавать дополнительные вопросы — значит дать согласие.

Марк посмотрел на Китти. Она ничего не понимала.

— А как вы собираетесь устроить побег такой толпы из Караолоса, на чем доставите детей в Кирению?

— Выходит, вы согласны?

— Это значит только, что мне интересно, и еще ни к чему не обязывает. Но вот вам мое слово: если я не дам согласия, все, что будет сказано в этой комнате, здесь и останется.

— С меня этого достаточно, — сказал Ари.

Он уселся на край тумбочки и изложил свой план побега пункт за пунктом. Марк наморщил лоб. План был отважный, дерзкий, прямо-таки фантастический. И, несмотря на это, восхитительно простой. Все, что нужно сделать ему, — это написать репортаж и переправить его в лондонское или парижское отделение АСН, а как только он подаст знак, репортаж появится в газетах. И произойдет это в тот самый момент, когда состоится побег.

Марк закурил сигарету, прошелся по комнате и стал забрасывать Ари вопросами. Казалось, тот все предусмотрел. Здесь определенно чувствовалась возможность сделать несколько сенсационных репортажей. Марк попытался прикинуть, каковы шансы на успех невероятного плана Ари. Получалось не больше чем половина на половину. Паркер, однако, учитывал, что Ари — парень чертовски храбрый и ловкий и знает установленные англичанами на Кипре порядки как свои пять пальцев. К тому же у Бен Канаана есть помощники, которым такое дело вполне по плечу.

— Я согласен, — решил Марк.

— Прекрасно, — ответил Ари. — Я знал, что вы не упустите такой шанс. — Он повернулся к Китти. — Миссис Фремонт, неделю тому назад вам предложили работу в детской зоне. Что вы решили?

— Я решила отказаться.

— Может, передумаете, чтобы помочь Паркеру?

— На что нам Китти? — вмешался Паркер.

— Все учителя, няни и прочие работники с воли — евреи, — ответил Ари, — и мы должны исходить из предположения, что все они у англичан на подозрении.

— В каком смысле на подозрении?

— В сотрудничестве с Моссадом. Вы христианка, миссис Фремонт. Нам кажется, что женщина вашего происхождения сможет действовать гораздо свободнее.

— Другими словами, вы собираетесь использовать Китти в качестве курьера?

— Более или менее. Мы подделываем в лагере документы, которые нам потом понадобятся.

— Пожалуй, лучше предупредить вас заранее, — сказал Марк, — я не пользуюсь особыми симпатиями англичан. Не успел я спуститься с самолета, как адъютант Сазерленда явился засвидетельствовать мне свое почтение. Мне, правда, это вряд ли помешает, но, если Китти будет работать в Караолосе, они, пожалуй, заподозрят, что она пошла туда по моему заданию.

— Наоборот. Они будут уверены, что вы никогда не послали бы ее работать в Караолос.

— Не знаю. Возможно, вы и правы.

— Конечно, я прав, — сказал Ари. — Допустим, произойдет самое худшее: миссис Фремонт попадаетея с фальшивыми бумагами. Она решительно ничем не рискует. В худшем случае ей будет немного неловко, ее возьмут под наблюдение или выпроводят с Кипра.

— Минуточку, — сказала Китти. — Я слышала, как вы тут распоряжаетесь моей судьбой. Мне очень жаль, что мне вообще пришлось присутствовать при этом разговоре. Я не собираюсь идти работать в Караолос, мистер Бен Канаан, и не хочу быть замешанной в ваши дела.

Ари бросил быстрый взгляд на Марка. Тот только пожал плечами.

— Она совершеннолетняя.

— Я думал, вы с Паркером друзья.

— Мы и есть друзья, — сказала Китти, — и я вполне понимаю, почему он заинтересовался этим делом.

— Не понимаю, как это вы можете не быть заинтересованной. Сейчас конец сорок шестого года. Через несколько месяцев вторая годовщина победы, а множество людей все еще находится за колючей проволокой в нечеловеческих условиях. В Караолосе есть дети, которые просто не представляют себе жизни вне колючей проволоки. Если мы не заставим англичан отказаться от их политики, у этих детей появится шанс провести здесь всю жизнь.

— Вот именно, — возразила Китти, — все, что имеет отношение к Караолосу, безнадежно связано с политикой. Я уверена, что у англичан есть свои соображения, и не хочу принимать чью-либо сторону.

— Миссис Фремонт, я был капитаном английской армии, награжден крестом за отвагу. Среди моих лучших друзей есть англичане. Десятки английских солдат и офицеров,

не согласных с тем, что делается в Палестине, помогают нам днем и ночью. Тут политика ни при чем, речь идет о простой человечности.

— Сомневаюсь в вашей искренности. С чего бы вы стали рисковать жизнью трехсот детей?

— Жизнь должна иметь цель, а в Караолосе жизнь лишена цели, — сказал Ари. — Борьба за свободу — это цель. В Европе четверть миллиона людей мечтают попасть в Палестину. Любой из них с радостью поднялся бы на борт нашего судна, если бы ему предоставилась возможность.

— Вы очень ловки, мистер Бен Канаан. Мне вас не переспорить. У вас на все заготовлены ответы.

— А я думал, вы сестра милосердия.

— В мире достаточно горя, и есть тысячи мест, где моя работа так же нужна, как в Караолосе. С той лишь разницей, что там это не связано с политикой.

— Почему бы вам сначала не съездить в Караолос, а уж тогда окончательно решать?

— Вам не удастся перехитрить меня. Я работала медсестрой в ночную смену на станции «Скорой помощи» и навидалась калек. Вам вряд ли удастся показать мне что-то такое, чего бы я не видывала раньше.

В комнате воцарилась тишина. Ари глубоко вздохнул и поднял руки в знак того, что сдается.

— Жаль, — произнес он. — Через пару дней мы с вами увидимся, Паркер.

Он повернулся к двери.

— Мистер Бен Канаан, — сказала Китти, — а вы уверены, что я не выдам ваш план нашим общим друзьям?

Ари обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Она сразу поняла, что сказала что-то не то. Жесткая улыбка скривила его губы.

— Кажется, в вас заговорило женское самолюбие, и вы хотите, чтобы последнее слово осталось за вами. Я редко ошибаюсь в людях, просто не могу позволить себе этого. Мне нравятся американцы, у них еще не совсем вывелась совесть. Когда она проснется и у вас, можете найти меня у господина Мандрии — я буду рад показать вам Караолос.

— Вы очень уверены в себе, не так ли?

— В эту минуту я более уверен в себе, чем вы.

Ари вышел из комнаты.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем спало напряжение, вызванное неожиданным визитом.

Китти сбросила туфли и села на кровать.

— Ты был прав, когда сказал, что нам предстоит интересный вечер!

— По-моему, ты правильно сделала, что не ввязалась.

— А ты?

— Я — другое дело. Тут всего на день работы, а может получиться нечто серьезное.

— А если бы ты отказался?

— О, они найдут другого журналиста в Европе и привезут его на Кипр. Они очень изобретательные люди. А я просто подвернулся им под руку.

— Марк, — задумалась Китти, — я вела себя очень глупо?

— По-моему, ты вела себя ничуть не глупее любой другой женщины. — Марк хотел дать ей понять, что от него не ускользнуло, какое впечатление произвел на нее Ари.

— Мужчина он потрясающий. Когда ты с ним познакомился?

— Впервые я его встретил в Берлине в начале тридцать девятого, когда был в первой командировке от АСН. Он выполнял там задание Моссада — вывезти из Германии как можно больше евреев, прежде чем начнется война. Ему тогда едва перевалило за двадцать. Затем я его встретил в Палестине: он служил в английской армии. Это было во время войны, и у него было какое-то секретное задание. После войны говорили, что он то и дело появляется в Европе, закупает оружие, переправляет нелегальных беженцев в Палестину.

— Ты серьезно думаешь, что из этой сумасшедшей затеи может что-нибудь выйти?

— Он умный человек.

— Да, ты прав. Этот Бен Канаан несколько не похож на тех евреев, которых я знала раньше. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду. О них не думаешь как о борцах.

— А как ты о них думаешь? Ты, я вижу, еще не избавилась от добрых старых предрассудков нашей родной Индианы. По-твоему, еврей — это Абраша, жена которого Сарочка?

— Марк, перестань! Я достаточно работала с врачами-евреями и знаю, какие они высокомерные грубияны. Они ни во что нас не ставят.

— У них комплекс неполноценности.

— Я бы не стала с тобой спорить, если бы ты говорил, скажем, о немцах.

— Что ты хочешь этим сказать, Китти? Мы что же, чистые арийцы, по-твоему?

— Я только хочу сказать, что ни один американский еврей не поменялся бы местом с негром, мексиканцем или индейцем.

— А я тебе толкую, что не обязательно линчевать человека, чтобы узнать, что у него внутри. Да, конечно, евреям в Америке живется неплохо, но отношение к ним таких, как ты, и то, что они два тысячелетия были козлами отпущения, — все это не могло не наложить на них особого отпечатка. Впрочем, почему бы тебе не поговорить об этом с Бен Канааном? Он, кажется, знает, как обращаться с тобой.

Китти сердито вскочила, но тут же оба рассмеялись. Они ведь не могли злиться друг на друга.

— Кстати, что такое Моссад Алия Бет?

— Слово «алия» означает «подниматься», «вставать», «взбираться». Когда еврей едет в Палестину, его называют «алия» — он встает, поднимается. «Алеф», или буква «А» — обозначение легальной иммиграции. «Бет», или «Б» — нелегальной. Поэтому Моссад Алия Бет можно перевести как Организация для нелегальной иммиграции.

Китти улыбнулась:

— Господи, их язык и в самом деле логичен!

Два дня после визита Бен Канаана Китти ощущала тревогу и не находила себе места. Она не могла признаться даже самой себе, что хочет еще раз увидеть этого великана. Марк хорошо знал ее и понимал ее состояние, но делал вид, будто никакого Бен Канаана нет в природе.

Она не отдавала себе отчета, что именно тревожит ее. Неужели та самая американская совесть, о которой говорил Бен Канаан? Она жалела о своем антиеврейском взрыве.

Как-то она спросила, кстати, несколько неуклюже, когда Марк собирается встретиться с Ари. В другой раз Китти тоже довольно неловко намекнула, что было бы хорошо съездить в Фамагусту. Затем она опять рассердилась на себя и решила вовсе не думать больше об этом Бен Канаане.

На третий день Марк услышал, как она беспокойно ходит взад и вперед по своей комнате.

Наконец Китти уселась в темноте в жесткое кресло и, закулив сигарету, решила разобраться в своих чувствах.

Ее не прельщала перспектива быть втянутой против

своей воли в странный мир Бен Канаана. Она всегда была трезвой, даже расчетливой. «Китти такая умница», — говорили про нее.

Влюбившись в Тома Фремонта и решив заполучить его, она действовала по хорошо обдуманному плану. Потом разумно вела хозяйство, разумно стряпала, разумно планировала расходы. Китти даже наметила, что их дочь должна родиться весной — тоже из вполне разумных соображений. Она заглушала все свои порывы ради хорошо обдуманных решений.

Что же случилось с ней в эти последние два дня? Какой-то странный человек явился непонятно откуда, наговорил еще более странных слов. Китти видела перед собой жесткое, красивое лицо Бен Канаана, его пронзительный взгляд, читающий в ее душе, как в открытой книге, словно смеясь над нею. Она вспомнила свои ощущения, когда танцевала с ним.

Здесь не было никакой логики. Китти всегда чувствовала себя неловко в обществе евреев и честно призналась в этом Марку. Почему же все это не давало ей покоя?

Наконец она поняла, что не успокоится, пока еще раз не увидит Ари и не обойдет с ним лагерь в Караолосе. Теперь ей казалось: единственный способ покончить с наваждением — это новое свидание с ним, чтобы убедиться, что никакой мистики здесь нет, есть всего лишь банальное, преходящее увлечение. Она побьет Ари его же оружием на его же территории.

Марк не удивился, когда на следующее утро, за завтраком, Китти попросила его назначить свидание с Бен Канааном для осмотра лагерей.

— Родная, я был так рад третьего дня, когда ты приняла свое решение. Пожалуйста, останься при нем!

— Сама не понимаю, что на меня нашло, — оправдалась она.

— Бен Канаан действовал наверняка. Он знал, что ты придешь. Не будь душой, черт возьми. Если ты поедешь в Караолос, тебе уже не выпутаться. Послушай, хочешь, я тоже откажусь? Сейчас же и улетим отсюда.

Китти покачала головой.

— Любопытство тебя погубит. Ты же всегда была такой благоразумной. Что случилось?

— В моих устах это звучит странно, не правда ли, Марк? Такое чувство, будто меня толкает какая-то неведомая сила.

Но можешь не сомневаться: я еду в Караолос, чтобы покончить со всем этим. А не начать.

Марк понял другое: Китти попалась, хотя и не хочет в этом признаться. Оставалось только надеяться, что это ее не погубит.

ГЛАВА 10

Китти протянула пропуск английскому часовому и прошла в зону номер 57, расположенную рядом с детской зоной.

— Миссис Фремонт?

Она обернулась, кивнула и увидела юношу, с улыбкой протягивающего ей руку. Он производил гораздо более приятное впечатление, чем его угрюмый соотечественник.

— Меня зовут Давид Бен Ами, — сказал юноша. — Ари просил встретить вас. Сам он появится через несколько минут.

— А что означает «Бен Ами»? С некоторых пор я интересуюсь еврейскими именами.

— Сын Моего Народа, — ответил Давид. — Мы очень рассчитываем на вашу помощь в операции «Гедеон».

— Гедеон?

— Да, так я назвал план Ари. Вы помните Библию, Книгу Судей? Гедеон должен был отобрать отряд для сражения с мадианитянами. Человек триста. Мы тоже отобрали триста, чтобы сразиться с англичанами. Возможно, параллель слишком вольная. Ари находит, что я впал в сентиментальность.

Китти готовилась к трудному вечеру, но этот мягко улыбающийся юноша обезоружил ее. Прохладный ветер закрыл пыль, и показался силуэт огромного мужчины, в котором Китти безошибочно угадала Бен Канаана. Она набрала полные легкие воздуха и постаралась подавить волнение.

Бен Канаан остановился, они кивнули друг другу. Китти холодно глядела на него, без слов давая понять, что приняла вызов и сдаваться не намерена.

Зону населяли пожилые и очень набожные евреи. Два ряда палаток, битком набитых грязными, неопрятными людьми. Не хватает воды, пояснил Бен Ами, поэтому они и не моются. Люди выглядели слабыми, озлобленными, растерянными.

Они остановились на минуту около открытой палатки,

где старик с изможденным лицом что-то вырезал из дерева. Старик показал свою работу — связанные колочей проволокой руки, сложенные в молитве. Ари поглядывал на Китти, стараясь уловить ее реакцию.

Здесь все было грязным, гнилым, отвратительным, но Китти готовилась и к худшему.

Они остановились еще раз, чтобы заглянуть в палатку побольше, которая служила синагогой. Над входом был прибит грубо выстроганный символ Меноры, ритуального подсвечника. Перед Китти предстало странное зрелище: старики, раскачиваясь, пели непонятные ей молитвы. Для Китти это был потусторонний мир. Ее взгляд остановился на одном из стариков — бородатый, грязный, он плакал навзрыд.

Давид взял ее за руку и вывел из палатки.

— Несчастный старик, — сказал Давид, — беседует с Богом, рассказывает ему, что прожил безгрешную жизнь, соблюдал все законы, чтит Святую Тору, безропотно переносил любые ниспосланные ему испытания. Он просит Бога избавить его от страданий, ибо вполне заслужил это своей праведной жизнью.

— Старики, — заметил Ари, — никак не поймут, что есть только один мессия, способный избавить их от страданий, — это штык.

Китти посмотрела на Ари — в нем было что-то смертельно опасное. Ари почувствовал неприязненный взгляд и схватил ее за руку.

— Вы знаете, что такое зондеркоманда?

— Ари, не надо... — взмолился Давид.

— Зондеркоманда — это бригада людей, которых немцы заставляли работать в крематориях. Я могу показать вам здесь еще одного старика. Он выгреб кости собственных внуков из печи в Бухенвальде и вывез их на тачке. Так что же, миссис Фремонт, вы видели на своей станции «Скорой помощи» что-нибудь подобное?

Китти вдруг почувствовала, что ее сейчас вывернет наизнанку; в ней возобладала обида, и она, чуть не плача от гнева, выпалила:

— Вы действительно не остановитесь ни перед чем.

— Я не остановлюсь ни перед чем, чтобы показать вам, в каком отчаянном положении мы находимся.

Молча они глядели друг на друга.

— Вы хотели посмотреть детскую зону, — сказал наконец Ари.

— Давайте, и скорее покончим со всем этим, — ответила Китти.

Они прошли по мосту над колючей проволокой, и перед ними предстал бесчеловечный урожай, возвращенный войной. В здании стационара стояли длинные ряды коек с туберкулезниками — искривленные рахитом суставы, окрашенные желтухой лица, незаживающие гнойные раны. Потом они прошли в отделение, набитое детьми, в глазах которых застыло безумие.

Они обходили палаты, где лежали подростки, которые должны были закончить школу в сороковом — сорок пятом годах. Абитуриенты гетто, студенты концентрационных лагерей, аспиранты послевоенных развалин — без матерей, без отцов, без дома. Бритые после дезинсекции головы, лица, на которых застыл ужас. Эти озлобленные, плачущие во сне, страдающие недержанием мочи подростки выжили только благодаря собственной хитрости...

Они закончили осмотр.

— У вас тут превосходный медицинский персонал, — заключила Китти, — и детский лагерь прекрасно всем обеспечен.

— Мы обязаны этим не англичанам, — бросил Ари. — Все это — пожертвования нашего народа.

— Ну и что? — сказала Китти. — По мне, пусть манна небесная. Я пришла сюда по велению моей американской совести. Я удовлетворена и ухожу.

— Миссис Фремонт... — начал Бен Ами.

— Оставь, Давид. У некоторых людей один наш вид вызывает отвращение. Проводи миссис Фремонт.

Давид и Китти пошли по палаточной улице. Она обернулась и посмотрела на глядещего ей вслед Ари. Ей хотелось уйти как можно скорее, вернуться к Марку и забыть эти ужасы.

Из палатки, мимо которой они проходили, донесся громкий смех. Счастливый детский смех звучал здесь неуместно. Из любопытства Китти остановилась и прислушалась. В палатке девушка читала вслух сказку. Голос у нее был чудесный.

— Изумительная девчушка, — сказал Давид. — Она творит чудеса.

Снова раздался смех.

Китти подошла к палатке и отогнула брезент. Девушка сидела спиной к входу на деревянном ящике, склонившись

над керосиновой лампой. Вокруг нее расположились два десятка ребятишек с широко открытыми глазами. Они разом подняли головы и уставились на вошедших. Девушка прервала чтение, обернулась и встала, чтобы приветствовать гостей. Лампа мигала от сквозняка и бросала причудливые тени на детские лица.

Китти и девушка стояли друг против друга. Глаза Китти расширились, будто она увидела привидение. Она быстро вышла, затем вернулась и еще раз взглянула на девушку.

— Я хочу поговорить с ней наедине, — тихо сказала Китти.

Подошел Ари. Он кивнул Давиду.

— Приведи Карен в школу. Мы будем ждать вас там.

В классной комнате Ари зажег фонарь и закрыл дверь. Китти, бледная, стояла молча.

— Эта девушка напоминает вам кого-то, — внезапно сказал Ари.

Она не отвечала. Ари посмотрел в окно, увидел приближающиеся фигуры Давида и девушки, еще раз взглянул на Китти и вышел.

Оставшись одна, Китти встряхнула головой. Наваждение какое-то. Зачем она пришла сюда? Она изо всех сил пыталась овладеть собой, подготовиться к встрече в девушкой.

Дверь открылась, Китти вся напряглась. Девушка робко шагнула в комнату. Китти всмотрелась в черты ее лица.

Девушка, кажется, что-то поняла, в ее глазах появилось сочувствие.

— Меня зовут... Кэтрин Фремонт, — срывающимся голосом произнесла Китти. — Ты понимаешь по-английски?

— Да.

Какая она чудесная! Глаза девушки сияли, она улыбнулась и протянула Китти руку.

— Я... медсестра. Как тебя зовут?

— Карен, — ответила девушка. — Карен Хансен-Клемент.

Китти присела и предложила ей тоже сесть.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, миссис Фремонт.

— Пожалуйста, зови меня Китти.

— Хорошо, Китти.

— Я слышала... ты тут работаешь с детьми.

Девушка кивнула.

— Это чудесно. Понимаешь... я, может быть, тоже буду

работать здесь... Мне бы хотелось узнать о тебе побольше. Ты не против?

Карен улыбнулась. Китти ей сразу понравилась.

— Я из Германии... — начала Карен. — Из Кельна. Но это было так давно...

ГЛАВА 11

Кельн, Германия. 1938

Жизнь — чудесная штука, когда тебе семь лет и твой папа — знаменитый профессор Иоганн Клемент, а в Кельне как раз карнавал. Карнавал дело хорошее, но еще лучше — прогулка с папой. Даже в будни. Можно пройтись под липами вдоль Рейна, забрести в зоопарк, где самые замечательные на свете обезьяны, а можно прогуляться к собору и поглазеть на башни, доходящие чуть ли не до самого неба. Лучше же всего отправиться утром с папой и Максимилианом в городской парк. Максимилиан — самая замечательная собака в Кельне, несмотря на то, что у него несколько странная внешность. В зоопарк с ним, конечно, нельзя.

Иногда берут на прогулку и Ганса, но с младшими братьями столько хлопот...

И коль уж ты такая хорошая девочка, то ты любишь, конечно, маму тоже. И тебе хочется взять ее на прогулку вместе с папой, Гансом и Максимилианом, но мама опять беременна и последнее время чувствует себя неважно. Хорошо бы родилась сестричка, хватит и одного брата.

По воскресеньям все, кроме бедняжки Максимилиана — он остается, чтобы охранять дом, — садятся в машину, и папа везет их вдоль Рейна к бабушке в Бонн. Каждое воскресенье у бабушки собирается толпа дядей, теток, двоюродных братьев и сестер, а бабушка готовит массу вкусных вещей.

Скоро, когда настанет лето, они отправятся в путешествие на север или в Шварцвальд, а то и в Баден-Баден с фонтанами и Парк-Отелем. Какое смешное название «Баден-Баден»!

Профессор Иоганн Клемент — ужасно важное лицо. В университете все снимают перед ним шляпу, кланяются и улыбаются.

— Доброе утро, герр доктор!

По вечерам приходят другие профессора с женами, а иногда еще человек пятнадцать — двадцать студентов, и в папиной комнате тогда негде повернуться. Они поют, спорят и пьют пиво всю ночь напролет. Когда у мамы еще не было живота, она с удовольствием шутила и танцевала с ними тоже.

Сколько на свете чудесных вещей, ощущений, запахов и звуков для счастливой девочки семи лет!

Всего же лучше редкие вечера, когда нет гостей, а у папы — ни работы, ни лекций; тогда вся семья собирается у камина. Господи, какое это счастье сидеть у отца на коленях, глядеть на пляшущий огонь, ощущать запах его трубки и слушать его мягкий низкий голос, читающий сказку.

В тридцать седьмом-тридцать восьмом происходило много странного, непонятного. Люди словно боялись чего-то, говорили шепотом, — особенно в университете. Но все это забывалось, когда наступал карнавал.

Профессору Иоганну Клементу было над чем поразмышлять. В дни повального безумия нужна ясная голова. Клемент был убежден, что течение событий в человеческом обществе подчиняется таким же непреложным законам, как приливы и отливы. Бывают приливы страстей и ненависти, даже полнейшего безумия. Но, достигнув высшей точки, они низвергаются вниз, обращаясь в ничто. В этом беспокойном океане барахтается все человечество за исключением небольшой горстки людей, обитающих на таком высоком острове, что о него разбиваются все приливы и отливы истории. Университет, рассуждал Иоганн Клемент, — как раз такой священный остров.

В средние века тоже был прилив ненависти, крестоносцы поголовно истребляли евреев. Однако время, когда на евреев возлагали вину за великую чуму или отравление христианских колодцев, прошло. В эпоху Просвещения, после французской революции, христиане сами разрушили стены гетто. В это новое время евреи и величие Германии неразрывно связаны между собой. Евреи подчинили собственные интересы высшим интересам человечества и ассимилировались в обществе. И каких великих людей дали миру! Гейне, Ротшильд, Маркс, Мендельсон, Фрейд. Этот список можно продолжать без конца. Как и Иоганн Клемент, они прежде всего и больше всего были немцами.

Антисемитизм так же стар, как человечество, рассуждал Иоганн Клемент. Он есть часть бытия, чуть ли не естествен-

ный закон. Менялись только его степень и разновидности. Конечно, лично ему жилось гораздо лучше, чем евреям в Восточной Европе или в полуварварской Африке. Остроко-
нечные шапки, франкфуртский погром — это далекое прош-
лое.

Пусть Германию захлестывает новая волна антисеми-
тизма, он и не подумает бежать. И конечно же, не перестанет
верить, что немецкий народ, с его великим культурным про-
шлым, рано или поздно покончит с преступными элемента-
ми, временно захватившими власть.

На глазах Иоганна Клемента катастрофа следовала за
катастрофой. Сначала чудовищные слухи, потом намеки и
обвинения в печати, затем бойкот и откровенные издева-
тельства — избиения, выдергивание бород, ночной террор
штурмовиков в коричневых рубашках, наконец, concentra-
ционные лагеря.

Гестапо, СС, СД... Каждая немецкая семья оказалась
под неусыпным взором нацистов, тиски сжимались все
сильнее и сильнее, пока не был задушен последний хрип со-
противления.

Тем не менее профессор Иоганн Клемент, как и боль-
шинство евреев в Германии, продолжал верить, что лично
ему ничего не угрожает. В этом университете преподавал
еще его дед. Это был его, Иоганна Клемента, остров, его свя-
тая святых. Он полностью считал себя немцем.

Ей никогда не забыть того воскресенья. Все собрались у ба-
бушки в Бонне. Даже дядя Инго из самого Берлина. Детей
отправили играть во дворе, и дверь гостиной закрыли.

На обратном пути в Кельн ни мама, ни папа не сказали
ни единого слова. Взрослые иногда ведут себя как дети. Не
успели вернуться домой, как ее и Ганса тут же уложили
спать. Тайные разговоры родителей происходили все чаще,
и, если постоять у дверей, чуточку ее приоткрыв, можно
было все слышать. Мама была ужасно расстроена, но
папа спокоен, как всегда.

— Иоганн, милый, нам нужно подумать об отъезде. На
этот раз беду не пронесет. Дошло до того, что я просто боюсь
выйти на улицу с детьми.

— Это ты, наверное, из-за беременности сгущаешь
краски.

— Вот уже пять лет ты уверяешь, что все образуется. А
становится все хуже и хуже.

— Пока мы живем на территории университета, мы в безопасности.

— Ради Бога, Иоганн! Перестань тешить себя иллюзиями. У нас не осталось ни одного друга. Студенты к нам больше не заходят. Знакомые слово боятся сказать.

Иоганн закурил трубку и вздохнул. Мириам устроилась у его ног, положила голову ему на колени. Он погладил ее волосы. Рядом у камина потягивался и зевал Максимилиан.

— Я стараюсь быть такой же храброй и рассудительной, как ты, — сказала Мириам.

— Мой отец и дед преподавали здесь. Я родился в этом доме. Вся моя жизнь, все, к чему я стремился, все, что я любил, — в этом доме. Мое единственное желание, чтобы Ганс все это любил так же, как я. Иногда я задаю себе вопрос: честно ли я поступаю по отношению к тебе и к детям, но что-то не дает мне бежать. Потерпи еще немножко, Мириам, это пройдет... пройдет...

19 ноября 1938

Сожжено 200 синагог, разрушено 200 еврейских домов, разграблено 8000 еврейских магазинов, убито 50 евреев, искалечено 3000 евреев, арестовано 20 000 евреев.

С этого дня ни один еврей не имеет права состоять в каком бы то ни было союзе или объединении.

С этого дня ни один еврейский ребенок не имеет права посещать государственную школу.

С этого дня ни один еврейский ребенок не имеет права входить в общественный парк или на детскую площадку.

Евреи Германии облагаются особой денежной повинностью в сумме полтора миллиона марок.

С этого дня все евреи обязаны носить желтую повязку с шестиконечной звездой.

Трудно представить себе положение хуже. Прилив поднимался все выше и выше, пока волны не захлестнули наконец и островок Иоганна Клементя. В тот день маленькая Карен прибежала домой вся в крови, а в ушах у нее глухо билось: «Жидовка, жидовка!»

Когда у человека такие глубокие корни и такая непоколебимая вера, ее крушение равносильно катастрофе. Мало того что он, Иоганн Клемент, ошибся, он еще и навлек смертельную опасность на всю семью. Профессор кинулся искать хоть какой-нибудь выход из положения, и поиски

привели его в берлинское гестапо. Вернувшись из Берлина, он на двое суток заперся в своем кабинете — сидел сгорбившись за письменным столом и не сводил глаз с лежавшей перед ним бумаги. Эту чудодейственную бумагу ему преподнесли в гестапо. Один росчерк пера на ней, как ему объяснили, избавит его и его семью от дальнейших неприятностей. Этот документ дарил жизнь. Он перечитывал бумагу еще и еще, пока не выучил наизусть каждое слово.

«...Я, Иоганн Клемент, на основании вышеуказанного расследования и неопровержимых фактов, вытекающих из него, полностью убедился в том, что данные о моем рождении подложены и не соответствуют действительности. Я не принадлежу и никогда не принадлежал к еврейскому вероисповеданию. Я — ариец и...»

Подпиши! Подпиши! Тысячу раз он брался за ручку... Сейчас не время для благородных порывов! Он никогда не был евреем... Почему бы не подписать? Какая разница? Почему не подписать?

В гестапо ему с предельной ясностью дали понять, что выбора у него нет. Если он не подпишет бумагу и не согласится продолжать исследовательскую работу, его семья сможет покинуть Германию, лишь оставив его заложником.

На третий день Клемент вышел из кабинета и посмотрел во встревоженные глаза Мириам. Затем подошел к камину и бросил бумагу в огонь.

— Я не могу, — прошептал он. — Немедленно бери детей и уезжай.

Теперь в него вселился ужас. Каждый стук в дверь, каждый телефонный звонок, даже звук шагов нагонял страх, какого он прежде не ведал.

Он составил план. Прежде всего семья уедет во Францию, будет жить у его коллег. Мириам вот-вот должна родить и не может ехать далеко. Когда она родит и встанет на ноги, можно будет двинуться дальше — в Англию или в Америку. Не все еще потеряно. Когда семья будет в безопасности, он сможет подумать и о себе. В Берлине действовали несколько тайных обществ, которые переправляли за границу немецких ученых. Ему посоветовали обратиться в одну из этих организаций — Моссад Алия Бет, состоявшую из палестинских евреев.

Чемоданы были уже увязаны. Муж и жена целую ночь просидели молча, надеясь на чудо, которое даст им хоть небольшую отсрочку.

Наутро накануне отъезда у Мириам начались схватки. Везти ее в родильный дом было нельзя, запрещено; она рожала дома, в спальне. Родился еще один сын. Роды вышли трудные, и раньше чем через несколько недель ей было не встать на ноги.

Паника охватила Иоганна Клемента. Он ощущал, что они попали в западню, из которой нет спасения.

В отчаянии он помчался в Берлин, отправился на Майнекен-штрассе 10, где помещался Моссад Алия Бет. Там был настоящий бедлам. Люди отчаянно рвались из Германии.

В два часа ночи его провели в кабинет, где сидел очень молодой, очень усталый человек. Это был Ари Бен Канаан, прибывший из Палестины, чтобы помочь евреям бежать из Германии.

Бен Канаан посмотрел на него красными от бессонницы глазами и вздохнул.

— Мы устроим вам побег, доктор Клемент. Идите домой, мы вам сообщим. Я достану паспорт, визу... Нужно еще сунуть взятку кому следует. Это займет несколько дней.

— Речь не обо мне. Я не могу бежать, жена тоже. У меня трое детей. Вы должны вывезти их.

— Я должен... Доктор, вы важное лицо. Может быть, мне удастся помочь лично вам. Детям я помочь не могу.

— Вы должны, вы обязаны! — закричал Иоганн Клемент.

Ари Бен Канаан ударил кулаком по столу и вскочил на ноги.

— Вы видели толпу людей в коридоре? Все они хотят бежать из Германии. — Он перегнулся через стол и чуть не уперся головой в Клемента. — Пять лет назад мы просили, умоляли вас уехать. Теперь, если вам даже удастся выехать, англичане все равно не пустят вас в Палестину. «Мы — немцы, мы — немцы, нас не тронут!» — только и слышно было от вас. Господи Боже мой, что я могу сделать?

Ари проглотил слюну и упал на стул. Он прикрыл на минуту глаза, потом, достав пачку бумаг, начал в ней рыться и вытащил какой-то листок.

— Вот разрешение на выезд четырехсот детей. Многие датские семьи изъявили согласие принять их. Мы формируем поезд. Одного вашего ребенка я возьму.

— У меня... у меня трое детей.

— А у меня десять тысяч. Но у меня нет столько виз, и

мне нечем воевать против британского флота. Советую отправить старшего ребенка, который уже может позаботиться о себе. Поезд отправится из Берлина завтра с Потсдамского вокзала.

Невыспавшаяся Карен испуганно прижимала к груди любимую куклу. Папа стоял перед ней на коленях. В полудреме она чувствовала чудесный запах его трубки.

— Это будет замечательное путешествие, не хуже, чем в Баден-Баден.

— Но я не хочу, папа.

— Ничего, ничего. С тобой поедет столько хороших мальчиков и девочек.

— Мне не надо мальчиков и девочек. Я хочу быть с тобой, с мамой, с Гансом. Хочу посмотреть на нового брата.

— Послушай, Карен Клемент. Моя дочь не имеет права плакать.

— Не буду... обещаю. Папа, папочка, мы ведь скоро увидимся, правда?

— Мы все надеемся, что скоро.

Какая-то женщина подошла к нему, дотронулась до плеча.

— Извините, пожалуйста, поезд вот-вот тронется.

— Я пройду с ней в вагон.

— Нет, простите, родители в поезд не допускаются.

Он кивнул, быстро прижал к себе Карен и шагнул назад, до боли впиваясь зубами в мундштук трубки. Женщина взяла Карен за руку, но вдруг девочка обернулась и протянула отцу куклу.

— Папа, возьми ее. Пусть она присматривает за тобой.

Толпы раздавленных горем родителей облепили вагоны, а уезжающие дети прижимались к окнам, визжа, махая ручонками и отчаянно стараясь еще раз, последний раз увидеть отцов и матерей.

Он вглядывался в вагонные окна, но не видел ее.

Поезд тронулся. Родители бежали вдоль перронов, выкрикивая последние слова прощания.

Иоганн Клемент, не двигаясь, стоял среди толпы. Когда его миновал последний вагон, он вдруг увидел Карен, спокойно стоявшую в заднем тамбуре. Вот она приложила пальцы к губам и послала воздушный поцелуй — будто зная, что никогда больше не увидит его.

Ее тоненькая фигурка становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла. Он посмотрел на маленькую тряпичную куклу, которую держал в руке.

— Прощай, жизнь моя! — прошептал он.

ГЛАВА 12

Ааге и Мета Хансены жили в чудесном домике в окрестностях Аалборга. Этот дом словно создан для маленькой девочки, но детей им Бог не дал. Хансены были значительно старше Клементов; Ааге уже начинал сесть, да и Мета выглядела далеко не так изящно, как Мириам, но все равно Карен почувствовала себя с ними тепло и уютно с той самой минуты, как они перенесли ее, полусонную, в свою машину.

Поездка в Данию не напоминала ничего из ее прошлой жизни. Ей запомнились приглушенные всхлипывания детей вокруг, все остальное утонуло во мраке. Их выстроили в ряд, прикрепили каждому какую-то бумажку на грудь; а вокруг были чужие лица, чужой язык. Затем — залы ожидания, автобусы, новые бумажки.

Наконец Карен отвели в какую-то комнату, где с нетерпением ждали Ааге и Мета. Ааге опустился на колени, взял ее на руки и понес к машине. Мета держала ее всю дорогу до Аалборга на коленях, поглаживала, ласково что-то бормотала, и Карен почувствовала, что теперь она в безопасности.

Ааге и Мета остановились у дверей заранее приготовленной комнаты, куда Карен только что осторожно вошла на цыпочках. В комнате было множество кукол, игрушек, книжек, платиц и вообще всего, о чем только может мечтать маленькая девочка. Карен увидела на кровати маленькую лохматую собачку, опустилась на колени; погладила, и собачка лизнула ее щеку. Девочка обернулась и улыбнулась Хансенам, те улыбнулись в ответ.

Несколько первых ночей без папы и мамы были ужасны. Карен сама удивлялась, что так сильно скучает по брату Гансу. Она едва дотрагивалась до пищи, молча сидела в своей комнате с собачкой, которую назвала Максимилианом. Мета Хансен понимала все. Ночью ложилась с ней рядом, держала ее за ручку и гладила, пока девочка не переставала всхлипывать и не засыпала.

Первую неделю не прерывался поток гостей. Они при-

носили подарки, устраивали возню вокруг Карен, разговаривали с нею на языке, который девочка еще не научилась понимать. Хансены ужасно гордились ею, и Карен делала все, чтобы всем угодить. Через несколько дней она впервые осмелилась выйти на улицу.

Карен очень привязалась к Ааге Хансену. Он, как ее папа, курил трубку и любил прогулки. Аалборг был интересный город, и здесь тоже была река, как и в Кельне, только называлась она Лимфьорден. Господин Хансен был юристом, очень важным лицом; в городе все его знали. Конечно, не такое важное лицо, как ее отец, но ведь таких, как отец, вообще мало.

— Ну, Карен, ты прожила у нас уже почти три недели, — сказал однажды Ааге. — Нам хотелось бы поговорить с тобой об одном очень важном деле.

Он сложил руки за спиной, походил по комнате и заговорил с нею так, что девочка все поняла. Он рассказал ей, что в Германии происходит много дурных вещей, и ее папа и мама думают, что было бы лучше, если она останется на некоторое время здесь, в Аалборге. Он понимает, говорил Ааге Хансен, что они никогда не смогут заменить ей папу и маму, но так как Бог не дал им детей, то они будут счастливы, если Карен поживет у них, и очень бы хотели, чтобы она тоже была счастлива.

Да, Карен все поняла. Она сказала Ааге, что не против пока пожить у них.

— И вот что еще, дорогая. Уж раз мы на некоторое время одолжили тебя у твоих родителей и очень любим тебя, то не согласишься ли ты одолжить у нас наше имя?

Карен задумалась. Ей показалось, что Ааге сказал ей не все. Его вопрос звучал по-взрослому — так разговаривали папа с мамой за закрытыми дверями. Она кивнула и сказала, что согласна и на это.

— Вот и прекрасно! Значит, теперь ты Карен Хансен, хорошо?

Он взял ее на руки, как всегда, понес в комнату и включил настольную лампу. Ааге поиграл с нею, пощекотал, Максимилиан тоже вскочил на кровать, она смеялась до колик в животе. Затем залезла под одеяло и помолилась.

— Благослови, Господи, маму и папу, и Ганса, и моего нового братика, и всех моих дядей и теток, двоюродных братьев и сестер... Благослови, Господи, Хансенов — они такие хорошие — и благослови обоих Максимилианов.

- Я посижу с тобой, — сказала Мета, войдя в детскую.
- Спасибо, не нужно. Максимилиан посидит со мной.
- Доброй ночи, дорогая.
- Ааге!
- Да?
- Датчане тоже ненавидят евреев?

«Дорогой доктор, дорогая госпожа Клемент!

Неужели прошло уже шесть недель, как Карен у нас? Какой она удивительный ребенок! Ее учитель говорит, что она занимается прекрасно. Просто поразительно, с какой легкостью Карен усваивает датский. Наверное, это потому, что она проводит много времени со сверстниками. У нее уже куча подруг.

Зубной врач посоветовал нам удалить у нее молочный зуб, чтобы легче вырос новый. Пустяковое дело. Мы хотим, чтобы девочка брала уроки музыки. Мы еще напишем вам об этом обстоятельнее...»

К письму была приложена записка от Карен, написанная печатными буквами:

«Дорогие мама, папа, Ганс, Максимилиан и мой новый братик! У меня нет слов, чтобы сказать, как я соскучилась по всем...»

Зимой по Лимфьордену бегают на коньках, можно строить снежные дворцы, кататься на санках, а потом сидеть у камина, пока добрый Ааге докрасна растирает тебе замерзшие ноги...

Зима прошла, Лимфьорден освободился ото льда, все зазеленело и расцвело. Настало лето, и они поехали в Блохус, к Северному морю, катались там на парусной лодке. Однажды забрались чуть ли не на сотню миль в открытое море.

Жизнь у Хансенов была разнообразная, полная событий. У нее появились подружки, ей нравилось ходить с Метой на полный резких морских запахов рыбный базар, торчать вместе с ней на кухне, учиться печь пироги. Мета была мастерицей на все руки: она и шила, и уроки помогала готовить, и с любовью ухаживала за нею, когда Карен схватит, бывало, грипп или ангину.

Ааге всегда улыбается, всегда готов взять ее на руки, он почти такой же добрый и умный, как папа. Правда, когда надо, он умеет быть и ужасно строгим.

Однажды Ааге позвал Мету к себе в кабинет, у Карен был как раз урок танцев. Он был бледен и взволнован.

— Мне только что сообщили из Красного Креста, — сказал он жене. — Они все исчезли. Бесследно. Вся семья. Я все перепробовал. Не могу узнать, что там делается.

— Ты думаешь, Ааге?..

— Что тут думать? Их всех отправили в концлагерь... если не хуже.

— О, Господи!

Они так и не смогли заставить себя сказать Карен, что ее родные исчезли. Карен что-то заподозрила, когда не стало писем из Германии, но боялась задавать вопросы. Она любила Хансенов и во всем доверяла им. Инстинкт подсказывал ей, что, раз они сами не вспоминают про ее семью, у них есть на то причины.

С ней происходило что-то странное. Карен, конечно, очень скучала по родным, но образы папы и мамы как-то все больше бледнели и расплывались. Когда восьмилетний ребенок так надолго разлучается с родителями, вспоминать их становится все труднее и труднее. Иногда Карен хотелось заплакать от того, что она так смутно помнит их.

Спустя год она с трудом могла представить себе времена, когда она еще не была Карен Хансен, датчанкой.

Рождество 1939

В Европе шла война, и прошел год с тех пор, как Карен приехала к Хансенам. Она пела своим звонким, как колокольчик, голосом рождественский гимн, а Мета аккомпанировала ей на рояле. Потом Карен подошла к шкафчику в своей комнате, где спрятала рождественский подарок, который собственными руками сделала в школе. Она гордо поднесла им пакет, на котором печатными буквами было написано: «Маме и папе от дочери Карен».

8 апреля 1940

Предательская ночь. Сквозь утренний туман на датских границах послышался страшный топот солдатских сапог. На рассвете по затянутым туманом каналам потянулись баржи, набитые солдатами в серых касках. Немецкая армия бесшумно, с методичностью робота пересекла границу и растеклась по всей Дании.

9 апреля 1940

Карен и ее одноклассники смотрели на небо, почерневшее от самолетов, которые один за другим садились на аэродром Аалборга.

9 апреля 1940

Растерянные люди заполнили улицы.

«Говорит датское радио. Сегодня в 4.15 немецкие вооруженные силы перешли наши границы в районе Сэда и Круса!»

Ошеломленные молниеносной оккупацией датчане не отходили от радиоприемников в ожидании, что скажет король Христиан. Вскоре пришло сообщение: Дания капитулировала без единого выстрела. Трагедия Польши научила датчан: сопротивляться бесполезно.

Мета Хансен забрала Карен из школы и приготовилась бежать на Борнхольм или на какой-нибудь другой отдаленный остров. Ааге успокоил ее, уговорил остаться и подождать. Пройдут недели, даже месяцы, прежде чем заработает немецкая администрация.

Вид свастики и немецких солдат поднял в душе Карен волну воспоминаний, вместе с ними явился страх. В первые недели все ходили растерянные, один Ааге сохранял спокойствие.

Оккупационные власти обещали вначале золотые горы. Датчане, говорили они, такие же арийцы, как и немцы, главная цель оккупации — защитить Данию от большевиков. Теперь, говорили они, Дания сможет самостоятельно распоряжаться своими внутренними делами; стране предназначалось стать образцовым протекторатом.

Когда первые волнения улеглись, опять наступили более или менее нормальные дни. Пользовавшийся всеобщей любовью король Христиан возобновил ежедневные прогулки верхом, выезжая из копенгагенского дворца Амалиенборг. Он ехал по улицам в гордом одиночестве и держал себя так, будто ничего не случилось. Народ следовал его примеру. Это стало своеобразной формой протеста.

Ааге оказался прав. Жизнь в Аалборге вошла в прежнюю колею, и Карен вернулась в школу, к урокам танцев.

Наступил 1941 год. Прошло восемь месяцев немецкой оккупации. Напряжение в отношениях между немцами и

населением «образцового протектората» с каждым днем нарастало. Король раздражал немцев тем, что начисто их игнорировал. Рядовые датчане тоже вели себя независимо, издевались над чванливостью оккупантов, смеялись над их прокламациями. Немцы в ответ становились все ожесточеннее.

Если в первые дни оккупации у датчан и были какие-то иллюзии, то вскоре они рассеялись. Датские машины, датское продовольствие и стратегическое положение Дании — вот что интересовало немцев больше всего. Дания должна была стать новым винтиком в германской военной машине. Следуя примеру соседей-норвежцев, датчане к середине 1941 года создали немногочисленное, но хорошо организованное движение Сопротивления.

Доктор Вернер Бест, немецкий губернатор Дании, склонялся к умеренной политике в «образцовом протекторате». Режим был мягок по сравнению с тем, что терпели народы других оккупированных стран. Тем не менее подполье неуклонно росло. Бойцы Сопротивления, не имея сил поднять народ на всеобщее восстание, нашли эффективный способ борьбы с немцами — саботаж.

Доктор Бест не ударился в панику. Он начал методично выискивать среди датчан коллаборационистов. Организованная немцами вспомогательная полиция постепенно превратилась в банду, терроризирующую собственный народ. За каждым актом саботажа следовали карательные меры.

Проходили месяцы и годы оккупации. Карен Хансен справила одиннадцатый, потом двенадцатый дни рождения в провинциальном Аалборге, где жизнь протекала вполне мирно.

Карен выросла, в ней рождалась женщина. Пришла к ней и первая любовь и с ней — первые волнения и мучения. Ее кавалером стал Могенс Соренсен, лучший футболист школьной команды; подружки Карен завистливо вздыхали.

Она танцевала все лучше, и учитель советовал Мете и Ааге устроить ее в копенгагенский королевский балет. Карен — одаренная девушка, говорил учитель, она превосходно танцует.

В начале 1943 года датское Сопротивление установило связь с генштабом союзных войск; подпольщики начали передавать важнейшие сведения о расположении военных заводов и складов на территории Дании, наводить на эти объекты британские бомбардировщики.

Оккупанты ответили карательными мерами. По мере их усиления Ааге начал задумываться: ведь происхождение Карен было известно в Аалборге всем. Хотя никаких мер против датских евреев пока не предпринималось, Мета и Ааге решили продать свой домик в Аалборге и перебраться в Копенгаген под тем предлогом, что для Ааге там больше работы, да и Карен сможет успешнее продолжать свои хореографические занятия.

Летом 1943 года Ааге стал совладельцем юридической фирмы в столице. Хансены достали подложное свидетельство о рождении, из которого явствовало, что Карен их родная дочь, и надеялись остаться неузнанными в огромном городе. Карен пришлось распрощаться с Могенсом Соренсеном и испытать муки разбитого сердца.

Хансены нашли очень хорошую квартиру на утопающей в зелени улице Сортедамс Доссеринген. Из окон открывался вид на искусственное озеро и множество мостов, ведущих в Старый город.

Карен быстро привыкла к новой обстановке и полюбила Копенгаген. Это был сказочный мир. Они прогуливались часами, знакомясь с его достопримечательностями: можно было пройти по порту мимо статуи Русалочки, вдоль Лангелиние, по пышным садам Старого города или по парку Христианбургского дворца. Тут были каналы и узкие уютные аллеи со старыми пятиэтажными кирпичными домами, нескончаемые вереницы велосипедов и чудесный рыбный рынок на Гаммель Штранд, рядом с которым рынок в Аалборге не выдерживал никакого сравнения.

Жемчужиной сказочного города был сад Тиволи — море мигающих огней с каруселями, театрами и ресторанами, с огромными цветниками, детским оркестром и рестораном «Вивекс», с фейерверками и неиссякающим весельем. Очень скоро Карен стала недоумевать, как же она могла жить вдали от Копенгагена.

Однажды она вернулась домой бегом, пронеслась по лестнице, вихрем ворвалась в гостиную и бросилась обнимать Ааге, который читал газету.

— Папа, папочка!

Она стащила его с кресла, обхватила и пустилась с ним в пляс. В дверях появилась улыбающаяся Мета:

— Твоя дочь хочет сообщить, что принята в королевский балет.

Ночью, когда Карен заснула, Мету было не унять.

— Говорят, что у нее редкий талант. Пять-шесть лет упорных занятий, и она станет звездой.

— Это хорошо... это очень хорошо, — сказал Ааге, стараясь скрыть свою гордость.

Однако далеко не все в Копенгагене было так сказочно благополучно. Каждую ночь земля содрогалась от взрывов, полыхало пламя пожаров, раздавались винтовочные выстрелы и пулеметные очереди!

Саботаж!

Карательная экспедиция!

Началось систематическое разрушение всего, что было дорого датчанам. Наемные террористы взрывали театры, пивоваренные заводы, общественные здания. Датские подпольщики отвечали ударом на удар и уничтожали военные заводы, работающие на немцев. Днем и ночью раздавались взрывы.

Во время немецких парадов улицы пустели. Датчане демонстративно не покидали домов. Но в датские национальные праздники улицы заполнялись народом, и все носили траур. Ежедневные верховые прогулки старого короля превратились в сигнал сбора для сотен датчан, которые восторженно приветствовали его и бежали за королевской лошадью.

Положение становилось все более напряженным — и наконец утром 29 августа 1943 года раздался взрыв, оглушивший всю Зеландию. Датский флот потопил сам себя, чтобы заблокировать судоходство по каналам.

Немцы пришли в бешенство. Они двинули войска к правительственным зданиям и к королевскому дворцу в Амалиенборге. Королевская гвардия оказала сопротивление, которое быстро подавили. Ее место заняли немецкие солдаты. В Данию хлынула орда эсэсовцев — наводить порядок в стране. Оккупационные власти распустили парламент и опубликовали ряд жестоких декретов. Протекторат перестал быть «образцовым», если он таким вообще был когда-либо.

Датчане ответили усилением саботажа и партизанскими вылазками. Склады оружия и боеприпасов, заводы, мосты — все взлетало на воздух. Немцев охватила тревога: ущерб становился чувствительным.

Из оккупационного штаба, расположенного в отеле «Англетер», пришел приказ: «Все евреи обязаны носить желтую повязку с шестиконечной звездой».

Этой же ночью подпольная радиостанция передала за-

явление короля Христиана, который сказал, что он первый наденет повязку, и призвал датчан последовать его примеру.

На следующий день почти все жители Копенгагена надели повязку с шестиконечной звездой.

Еще через день немцы отменили приказ.

Сам Ааге не участвовал активно в движении Сопrotивления, но его компаньоны по фирме руководили подпольем, и он знал об их деятельности. В конце лета 1943 года его охватила тревога.

— Я знаю точно, — сказал Ааге жене. — В ближайшие месяцы немцы арестуют всех евреев Дании. Неизвестна только дата.

Мета Хансен подошла к окну и невидящими глазами посмотрела на озеро, на мост, ведущий в Старый город. Наступал вечер. Карен вот-вот должна была вернуться из балетной школы. Мета строила планы, как бы попышнее отпраздновать ее тринадцатый день рождения. Это должно было стать незабываемым событием, предполагалось пригласить в Тиволи человек сорок детей.

Ааге зажег трубку и посмотрел на портрет Карен, стоявший у него на столе. Он вздохнул.

— Я ее не отдам, — сказала Мета.

— Но мы не имеем права...

— Она же вовсе не еврейка. У нас есть бумаги, что Карен наша родная дочь.

Ааге положил руку на плечо жены.

— Кто-нибудь из Аалборга может донести немцам.

— Они не станут заниматься этим. Ведь речь идет всего-навсего об одном ребенке.

— Неужели ты до сих пор не разобралась в них?

Мета резко обернулась.

— Устроим крещение, удочерим ее.

Ааге медленно покачал головой. Жена опустилась в кресло, кусая губы. Она с такой силой сжала подлокотники кресла, что побелели руки.

— Что же будет, Ааге?

— Мы тайно соберем евреев на зеландском берегу, у проливов. Достанем лодки, сколько сможем, и переправим всех в Швецию. Шведы сообщили нам, что позаботятся о них.

— Сколько раз по ночам я лежала и думала об этом! Пыталась уверить себя, что бежать для нее опасней, чем остать-

ся с нами. Я и сейчас убеждена, что с нами она будет в большей безопасности.

— Думай, что ты говоришь, Мета!

Мета бросила на мужа взгляд, полный такой отчаянной решимости, какой он еще никогда у нее не видел.

— Я никогда не отдам ее, Ааге. Просто не смогу жить без нее.

Ни один датчанин не отказался от участия в этой гигантской операции. Евреев тайно собрали на Зеландии и переправили на лодках в Швецию, где им ничто не угрожало.

Несколько дней спустя немцы прочесали Зеландию, но ловить уже было некого.

Карен осталась с Хансенами в Копенгагене; ответственность за это решение легла тяжким грузом на совесть Меты. С этого часа немецкая оккупация превратилась для нее в сплошной кошмар. Она приходила в панику от каждого нового слуха, несколько раз уезжала с Карен к родственникам в Ютландию.

Ааге принимал все более активное участие в Сопротивлении. Каждую неделю он исчезал из дома дня на три, на четыре. Для Меты это были ночи, полные ужаса.

Окрепшее датское подполье направляло свои удары против немецкого транспорта. Каждые полчаса происходила диверсия на железной дороге. Вскоре вся железнодорожная сеть страны была забита взорванными эшелонами.

Коллаборационисты из созданной немцами вспомогательной полиции отомстили тем, что взорвали сады в Тиволи, дорогие сердцу каждого датчанина.

В ответ началась всеобщая забастовка. Люди высыпали на улицы, построили по всему Копенгагену баррикады, над которыми развевались датские, американские, английские, русские флаги.

Немцы объявили в Копенгагене осадное положение.

Доктор Бест исступленно визжал:

— Теперь это быдло почувствует мой кнут!

Всеобщая забастовка была подавлена, но диверсии Сопротивления не прекращались.

19 сентября 1944

Немцы интернировали всю датскую королевскую полицию за неспособность справиться с народом, за открытые симпатии к действиям, направленным против оккупационных

властей. Сопrotивление ответило дерзким нападением на здание немецкого архива и уничтожило его. Было налажено подпольное производство оружия, мужчины переправлялись в Швецию, где вступали в датскую освободительную армию. Коллаборационистов ждала беспощадная расправа. Полиция и гестапо тоже никого не щадили: расстрелы следовали один за другим.

Вскоре из Германии хлынул поток беженцев — немцев, спасавшихся от бомбежек союзников. Они наводнили страну и распоряжались, как у себя дома. Датчане презрительно отворачивались от них.

В апреле 1945 года стали доходить долгожданные вести...

4 мая 1945

— Мама, папочка! Война окончена! Война окончена!

ГЛАВА 13

Победители вступили в Данию: американцы, англичане, отряды датчан. Это были незабываемая неделя — неделя возмездия полициям и предателям, доктору Вернеру Бесту и гестапо. Неделя шумной, бьющей через край радости, которая достигла высшей точки при появлении короля Христиана на открытии сессии датского парламента. Его прерывающийся от волнения старческий голос звучал устало, но гордо.

Для Меты и Ааге Хансен неделя освобождения была омрачена печалью. Семь лет назад они спасли от смертельной опасности ребенка и вырастили из него цветущую молодую девушку — воплощение грации, красоты и веселья. Теперь наступил день Страшного суда.

Когда-то, в припадке отчаяния, Мета Хансен поклялась, что никогда не отдаст Карен, но теперь приходилось воевать не с немцами, а с собственной совестью. И Ааге — в этом не могло быть сомнений — тоже скоро должен был сдаться своему чувству чести. Освобождение принесло им страх перед пустотой, которая обрушится, как только у них не станет Карен. Хансены сильно постарели за семь лет. Это стало особенно заметно, когда прошло напряжение, вызванное оккупацией. Как ни тяжело им приходилось во время войны, они все же не разучились смеяться. Теперь же, когда смеялась вся страна, они были грустны. Осталось единственное

желание — смотреть на Карен, слышать ее, проводить в ее комнате часы, отчаянно стараясь накопить как можно больше воспоминаний на будущее.

Карен понимала, что происходит с ними. Она любила Хансенов. Ааге всегда и во всем поступал честно, и ей следовало ждать, пока он заговорит первым. Через две недели после освобождения молчание стало тягостным. Наконец однажды вечером после молчаливого ужина Ааге встал из-за стола и положил салфетку. Его доброе лицо было в морщинах, и голос звучал устало.

— Мы должны попытаться найти твоих родителей, Карен. Это наш долг.

Он быстро вышел из комнаты. Карен посмотрела ему вслед, затем через стол на Мету.

— Я люблю вас! — закричала Карен.

Она убежала в свою комнату, бросилась ничком на кровать и зарыдала, упрекая себя в том, что принесла им горе.

Несколько дней спустя Хансены отправились в Красный Крест.

— Это моя приемная дочь, — сказал Ааге.

Делопроизводительница работала здесь недавно, но уже измучилась от множества подобных случаев. День за днем бедная женщина становилась свидетельницей семейных трагедий. Такое происходило повсюду — в Дании и Голландии, в Швеции, Бельгии и Франции добрые люди, спрятавшие, спасшие и вырастившие детей, приходили за своей горькой расплатой.

— Я должна вас предупредить, что это длинное и трудное дело. В Европе миллионы перемещенных лиц. Мы не имеем ни малейшего понятия, как и когда нам удастся восстановить все эти семьи.

Они оставили делопроизводительнице список родственников Карен, их письма. Так как родня была большая, а отец Карен — известный человек, то дело выглядело не совсем безнадежным.

Прошла неделя, вторая, третья; прошел июнь, потом июль, мучительные месяцы для Ааге и Меты. Они все чаще останавливались у открытой двери в комнату Карен. Комната дышала молодостью и свежестью, там так чудесно пахло, лежали ее коньки и балетный костюм, висели портреты школьных подруг, знаменитых балерин и ее поклонника, молодого Петерсена.

Наконец их вызвали в Красный Крест.

— Я вынуждена сообщить вам, — сказала женщина, — что наши обращения остались безрезультатными. Это ни о чем, конечно, не говорит: дело сложное. Лично я категорически запретила бы Карен ехать сейчас в Германию одной или даже в сопровождении господина Хансена. В Германии полнейший хаос, и вы там не добьетесь ничего такого, чего мы не могли бы узнать отсюда. — Женщина как-то странно на них посмотрела. — Я должна предупредить вас еще об одном. Каждый день к нам поступают сведения, из которых можно заключить, что там произошло что-то ужасное. Множество евреев убито. Речь идет о миллионах.

Это была новая отсрочка для Хансенов, но мысль о ее причине приводила их в содрогание. Неужели девушка останется у них благодаря лишь тому, что свыше пятидесяти человек — вся ее родня — погибли?! Хансены пребывали в растерянности. Решение приняла сама Карен.

Несмотря на любовь, которую она дарила Хансенам, она чувствовала, что между ними и ею сохраняется невидимый барьер. Когда немецкая оккупация только начиналась, а ей было восемь лет, Ааге как-то сказал, что никогда не следует говорить о своем еврейском происхождении, потому что это смертельно опасно. Карен послушалась, как слушалась во всем — она любила его и верила ему. Но она не могла не задать себе вопрос — чем же она, собственно, отличается от других и почему это отличие угрожает ее жизни? Спросить было не у кого, поэтому вопрос остался без ответа. Вдобавок Карен совершенно не общалась с евреями. Она чувствовала себя такой же, как все люди, хотя ощущение странного барьера не оставляло ее.

Может быть, со временем это прошло бы само собой, но Ааге и Мета, сами того не ведая, не давали опухоли рассосаться. Хансены были верующими лютеранами. Каждое воскресенье все трое отправлялись в церковь, и каждый вечер Ааге читал ей перед сном Псалтирь. Карен очень дорожила маленькой белой Библией в кожаном переплете — подарком Хансенов к десятилетию. Она очень любила эти чудесные истории, в особенности рассказы из Книг Судей и Царств, где говорилось о любви, войнах и прочих страстях. Читать Библию было так же интересно, как сказки Андерсена.

Но это чтение еще больше сбивало Карен с толку. Сколько раз она хотела поговорить с Ааге. Ведь Иисус был евреем, и его мать, и все апостолы. В первой части Библии,

самой для нее интересной, говорилось исключительно о евреях. Разве там не повторялось на каждом шагу, что евреи были избраны самим Господом для выполнения его велений?

Если все это правда, то почему же быть еврейкой опасно? И почему евреев так ненавидят? Чем старше она становилась, тем упорнее искала ответы на эти вопросы. Она прочитала, что Бог часто наказывал евреев, когда они не были послушны. Неужто еврейский народ на этот раз провинился так сильно?

Библия стала тайным увлечением Карен. В тишине своей комнаты она читала главу за главой, надеясь найти необходимые ответы.

Чем больше она читала, тем заметнее становилась ее растерянность. К четырнадцати годам Карен уже была в состоянии разобраться в прочитанном. Почти все, чему учил Иисус, содержалось в Ветхом завете. И тут возникал самый трудный вопрос. Она была уверена, что, если бы Иисус вернулся на землю, он пошел бы в синагогу, а не в церковь. Как могли люди преклоняться перед Ним и ненавидеть Его народ?

И еще кое-что произошло в день ее четырнадцатилетия. В этом возрасте датские девочки проходят в церкви торжественную церемонию конфирмации. Карен жила все эти годы как датчанка и христианка, но Хансены колебались насчет конфирмации. Они долго говорили об этом и решили, что не имеют права вмешиваться в дела Господни. Карен сказали, что из-за войны и смутного времени конфирмацию лучше отложить. Однако она догадывалась об истинных причинах.

Когда Карен попала в дом Хансенов, она нуждалась лишь в любви и защите. Теперь ей нужно было знать, кто она и откуда. Тайна, окружавшая ее прошлое, совпадала с тайной ее еврейского происхождения. Чтобы стать навсегда и во всем датчанкой, требовалось отказаться от поисков ответа на эти вопросы. Она так поступить не могла. Невидимая стена — ее прошлое и ее еврейство — встала между нею и Хансенами.

Когда война подошла к концу, она уже знала, что придется расстаться с ними, и заранее приготовилась к неизбежной разлуке. Годы, прожитые в обличье Карен Хансен, были всего лишь игрой. Она была полна решимости вновь стать Карен Клемент. Девушка пыталась вспомнить подробности

прошлого, отца, мать, братьев, но в ее памяти вставали лишь смутные образы. Она снова и снова представляла себе встречу с родными, заставляла себя тосковать по ним.

Однажды ночью, через несколько месяцев после окончания войны, Карен сказала Хансенам, что уезжает, чтобы найти своих родителей. Она, мол, снова была у женщины из Красного Креста, и та думает, что будет больше шансов отыскать их, если она поедет в Швецию и поживет в каком-нибудь лагере для перемещенных лиц. В действительности шансов было немного, но она не могла больше мучить Хансенов.

Карен болела душой не столько за себя, сколько за Ааге и Мету. Пообещав писать и мало надеясь на встречу в будущем, четырнадцатилетняя Карен Хансен-Клемент без оглядки бросилась в бездонный людской водоворот, вызванный войной.

ГЛАВА 14

Действительность развеяла мечты Карен быстро и беспощадно. Первый месяц после отъезда из Дании стал сплошным кошмаром. Избалованная, привыкшая к всеобщей любви и заботе, она жила теперь в непрерывном страхе. Но упрямая решимость заставляла ее продолжать поиски.

Сначала она поехала в шведский лагерь, затем в какой-то бельгийский замок, который кишмя кишел бездомными, нищими бродягами — бывшими узниками концлагерей, рабами рабочих отрядов. Каждый день приносил Карен новые потрясения.

Двадцать пять миллионов погибло в этой страшной войне.

След вел в лагерь для перемещенных лиц Ля Сиотат, расположенный на берегу Лионского залива в нескольких милях от Марселя. Это было жуткое место. Угрюмые бетонные бараки, утопавшие в море грязи, были набиты до отказа, не хватало всего, и тень смерти витала над его обитателями. Для них Европа превращалась в сплошную могилу.

Геноцид! Танец смерти, охвативший шесть миллионов человек! Карен впервые услышала имена Франка и Мюллера, Гимmlера и Розенберга, Штрейхера, Кальтенбруннера и Гейдриха. Она услышала имена тысяч людоедов поменьше: Ильзы Кох, которая приобрела страшную славу, изготовляя

абажуры из татуированной человеческой кожи; Дитера Вислицены, быка-provокатора, который вел человеческие стада на убой; Крамера, который специализировался на избиении кнутом голых женщин. Все чаще произносилось имя самого остервенелого палача — Эйхмана, палестинского немца, свободно говорящего на иврите, — одного из авторов геноцида.

Карен прокляла тот день, когда приподняла завесу, на которой было написано слово «еврей», — за этой завесой притаилась смерть. Одно за другим приходили подтверждения гибели ее дядей, братьев, племянников...

Геноцид проводился в жизнь с точностью безупречной машины. Сначала немцы действовали неуклюже: просто расстреливали. Это выходило чересчур медленно. Они мобилизовали ученых для организации дела на широкую ногу. Были придуманы душегубки, в которых людей умерщвляли газом по пути на кладбище. Но и душегубки действовали слишком медленно. Тогда были построены печи и газовые камеры производительностью в две тысячи трупов за полчаса; в лагерях побольше производительность нередко доходила до десяти тысяч. Организация массового истребления стала безупречной, и машина геноцида заработала полным ходом.

Карен слышала о тысячах заключенных, которые, чтобы избежать газовых камер, бросались на колючую проволоку, через которую шел ток.

Карен слышала о сотнях тысяч людей, не выдержавших болезней и голода, чьи трупы бросали в ямы вперемешку с дровами, обливали бензином и сжигали.

Карен слышала о трюках, применяемых к матерям, чтобы отнять у них детей под предлогом переселения из барака в барак. Она слышала об эшелонах, до отказа набитых стариками и больными, о дезкамерах, где перед входом заключенным давали в руки кусочки мыла. Эти помещения были в действительности газовыми камерами, а кусочки мыла — всего лишь камешками.

Карен слышала о матерях, которые, прежде чем войти в газовую камеру, прятали своих детей в одежде, оставленной на вешалке. Немцы хорошо знали эти хитрости и детей всегда находили.

Карен слышала о тысячах раздетых догола людей, поставленных на колени на краю ими самими вырытых могил.

Об отцах, прикрывавших ладонями глаза своих детей, когда немецкие пистолеты стреляли им в затылок.

Она слышала о гауптштурмфюрере СС Фрице Гебауэре, который собственноручно душил женщин и обожал смотреть, как умирали младенцы, опущенные в ледяную воду.

Она слышала о Гейнене, который разработал метод убийства одним выстрелом нескольких людей, поставленных в ряд, и неустанно старался побить свой предыдущий рекорд.

Она слышала о Франке Варцоке, который любил заключать пари, сколько проживет человек, подвешенный за ноги вниз головой.

Она слышала об оберштурмбанфюрере Роките, который руками разрывал человеческие тела на части.

Она слышала о Штейнере, который просверливал дыры в головах и животах заключенных, вырывал ногти, выкалывал глаза и подвешивал обнаженных женщин за волосы.

Она слышала о генерале Франце Йекелне, который организовал массовое убийство в Бабьем Яре. Бабий Яр — предместье Киева, где за два дня, к ликованию местных антисемитов, были расстреляны 33 тысячи евреев.

Она слышала об анатомическом институте профессора Хирста в Штрасбурге и о его ученых; видела изуродованных женщин, служивших им подопытными кроликами.

Крупнейшим среди подобных «научных центров» был Дахау. Она слышала, что доктор Хейскеер вводил в кровь детей палочки Коха и наблюдал, как они умирают. Доктор Шульц интересовался отравлениями крови. Доктор Рашель хотел спасти жизнь немецких летчиков и во имя этого ставил опыты, при которых люди помещались в искусственно создаваемые высотные условия и погибали на глазах «ученых», наблюдавших за ними через глазок. Проводилось и множество других опытов по так называемой программе «Истина в науке», достигшей, может быть, своей высшей точки в искусственном оплодотворении женщин семенем животных.

Карен слышала о Вильхаузе, коменданте лагеря в Яновске, что поручил композитору Мундру написать «Танго смерти». Звуки этого танго были последними в жизни двухсот тысяч евреев, ликвидированных в Яновске. Она слышала и о хобби Вильхауза — подбрасывать младенцев в воздух, чтобы проверить, сколько раз он успеет попасть в них из пистолета, прежде чем они упадут на землю. Его жена Оттилия тоже была превосходным стрелком.

Карен слышала о немецких наймитах из литовцев, которые забивали людей насмерть дубинками и сапогами, о хорватских уставах, замучивших сотни тысяч заключенных.

Карен содрогалась от ужаса. Ее преследовали кошмары. Она не могла спать по ночам, географические названия обжигали ее мозг. Попали ее отец, мать и братья в Бухенвальд или погибли среди ужасов Дахау? Может быть, они сгнули в Хелмно вместе с миллионами других жертв или в Майданеке — вместе с 750 тысячами? Или в Бельзесе, в душегубках Треблинки, в Собиборе, в Травниках, в Понятове или в Кривом Роге? Были они расстреляны в шахтах в Краснике или разорваны на куски псами в Дьедзине, или замучены в Штутхофе?

Кнут! Ледяные ванны! Электрический ток! Паяльные лампы!

Геноцид!

А может быть, в Шойзеле, в Доре, в Нейгамме, в Гросс-Розне? Может быть, им довелось слушать «Танго смерти» Вильхауза в Яновске? Не были ли ее родные среди трупов, переработанных на мыло в Данциге?

Смерть неотступно витала над перемещенными лицами в лагере Ля Сиотат.

...А Карен слышала еще и еще географические названия: Данагиен, Эйвари, Гольдпилыц, Виевара, Порткунде... Она уже не могла ни есть, ни спать... Кивиоли, Варва, Магдебург, Плашов, Щебнье, Маутхаузен, Заксенхаузен, Ораниенбург, Ландсберг, Берген-Бельзен, Рейнсдорф, Близины.

Геноцид!

Фоссенберг! Равенсбрюк! Нацвейлер!

Однако все это бледнело перед самым зловещим словом — Освенцим!

Освенцим с тремя миллионами убитых!

Освенцим со складами, набитыми очками.

Освенцим со складами, набитыми обувью, одеждой, жалкими тряпичными куклами.

Освенцим со складами человеческих волос для набивки тюфяков!

Освенцим, где тщательно собирали и переплавляли для отправки в научный институт Гиммлера золотые коронки. Освенцим, где черепа особо красивой формы сохраняли в качестве пресс-папье!

Освенцим, где кости сожженных размельчали кувалдами, чтобы замести следы злодеяний.

Освенцим, где над главными воротами красовалась надпись: «Труд освобождает».

Карен Хансен-Клемент слушала и смотрела, пока хватало сил. Желание жить покидало ее. И все же в конце концов произошел перелом, она очнулась.

Все началось в тот день, когда она улыбнулась и погладила по головке маленького сироту, и ребенок почувствовал в ней сострадание. Карен открыла в себе способность давать детям то, в чем они больше всего нуждались, — нежность. Они льнули к ней, а она откуда-то знала, как вытереть мокрый нос, поцеловать ушибленный палец и успокоить плачущее дитя, как рассказывать сказки и петь песни.

Карен окунулась в работу с маленькими детьми с такой страстью, что начала забывать собственное горе. Она никогда не теряла терпения, никогда не уставала. Здесь, в Ля Сиотат, ей исполнилось пятнадцать лет. В ее душе теплились надежды: ведь отец был важным человеком, и у немцев для таких людей был особый лагерь, в Терезиенштадте в Чехословакии, где заключенных не пытали и не убивали; если его отправили туда, он мог остаться в живых. И кроме того: многих немецких евреев-ученых нелегально переправляли через границу даже после того, как они попадали в концлагерь. Этим смутным надеждам противостояли сведения о гибели большинства ее многочисленных родственников.

Однажды в лагере появилось несколько десятков новичков, и за одну ночь он преобразился. Это были ребята из Моссада Алия Бет и Пальмаха, которые прибыли, чтобы взять дела лагеря в свои руки.

Через несколько дней после этого Карен танцевала перед своими подопечными — впервые с того дня, как покинула Данию. Вскоре отбоя не стало от просьб выступить еще и еще, и она оказалась одной из самых популярных фигур в лагере. Слава Карен дошла до Марселя, и ее пригласили выступить там на ежегодном рождественском вечере в сюите из «Щелкунчика».

Рождество 1945

Одиночество первого Рождества, проведенного вдали от Хансенов, было ужасно. Половина детей из Ля Сиотат приехала в Марсель смотреть ее выступление. Карен танцевала в ту ночь как никогда.

После концерта к Карен подошла Галила, девушка из Пальмаха, которая заведовала секцией в Ля Сиотат, и попросила ее подождать, пока все уйдут. У Галилы потекли слезы, когда она сказала: «Карен, мы только что получили подтверждение: твоя мать и братья погибли в Дахау».

Дух упорства, поддерживающий Карен, исчез. Она впала в глубокое отчаяние. Все дети в Ля Сиотат верили, что их родные живы. Все они ждали чуда, которое никогда не сбывалось. Какая она была дура, что тоже поверила!

Несколько дней спустя Карен призналась Галиле, что боится сидеть здесь и ждать вести о смерти отца. Галила ответила, что Карен, как и все евреи, должна ехать на родину предков. Это единственное место, где еврей может жить достойно, говорила она. Однако Карен, у которой рухнули все надежды, была готова проклясть свое еврейство, не принесшее ей ничего, кроме горя, и остаться датчанкой Карен Хансен.

Ночью Карен задала себе вопрос, который задавал себе каждый еврей с тех пор, как был уничтожен Храм в Иерусалиме и евреи рассеялись по всему свету, где они, подобно вечным странникам, блуждают вот уже две тысячи лет. Карен спрашивала: «Почему именно я?»

С каждым днем у нее крепла решимость написать Хансенам и просить разрешения вернуться к ним навсегда, но однажды утром Галила вбежала к ней в барак и потащила ее в контору, где познакомила с доктором Бреннером, новым обитателем Ля Сиотат.

— О, Господи! — воскликнула Карен, услышав новую весть. — Вы в этом уверены?

— Да, — ответил Бреннер. — Я совершенно уверен. Видите ли, я знал вашего отца еще до войны, когда преподавал в Берлине. Мы часто переписывались, встречались на конференциях. Да, моя дорогая, мы были вместе в Терезине, и я видел его последний раз за несколько недель до конца войны.

ГЛАВА 15

Спустя неделю Карен получила письмо от Хансенов. Они сообщали, что Красный Крест прислал запрос о местопребывании ее матери и братьев. Возможно, запрашивал Иоганн Клемент или кто-то по его поручению. Карен решила, что

отец и мать были разлучены и что ему ничего не известно о судьбе семьи. В следующем письме Хансены сообщали, что Красный Крест потерял связь с Клементом.

Но главное стало ясно: отец жив! Значит, она недаром переживала ужасы в шведских, бельгийских лагерях, а теперь в Ля Сиотат.

Карен удивлялась тому, что лагерь в Ля Сиотат содержался на средства американских евреев: здесь были люди откуда угодно, только не из Америки. Она спросила у Галилы — та пожала плечами.

— Сионизм, — пояснила Галила, — это когда один человек просит денег у другого, чтобы дать третьему для переправки четвертого в Палестину.

— Хорошо, — сказала Карен, — что у нас такие сплоченные друзья.

— У нас есть и не менее сплоченные враги, — ответила Галила.

Люди в Ля Сиотат ничем не отличаются от других, думала Карен. Большинство терялось перед своим еврейским происхождением так же, как она сама.

Когда Карен научилась ивриту настолько, что могла понимать молитвы, она как-то зашла к набожным евреям, чтобы посмотреть их странные обряды, одежды и послушать моления этих людей, которые и в самом деле были не такие, как все. Иудаизм необъятен, как море, и пятнадцатилетняя девушка легко может утонуть в нем. Эта религия основана на сложной системе законов и установлений, отчасти записанных, отчасти передаваемых из поколения в поколение в виде устных преданий; они распространяются на самые ничтожные мелочи, даже на то, как надлежит совершать молитву, сидя верхом на верблюде. Но святая святых еврейского вероучения — Моисеево Пятикнижие, Тора.

Карен вновь обратилась к Библии. На этот раз прочитанное представилось ей в совершенно ином свете и обрело новый смысл. Она часами думала над словами пророка Исаяи, столь похожими на вопль: «Осызаем как слепые стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые. Все мы ревом, как медведи, и стонем, как голуби; ожидаем суда, и нет *его* — спасения, но оно далеко от нас»*.

Ей казалось, что эти слова о лагере Ля Сиотат. Библия

* Ис. 59, 10, 11.

была полна историй о рабстве и воле, и Карен пыталась применить их к себе и своим родным.

«Ты отдал нас, как овец, на снедение... на поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас... Все это пришло на нас; но мы не забыли Тебя... Восстань на помощь нам, и избавь нас...»*

И опять Библия заводила ее в тупик. Как мог Господь допустить, чтобы шесть миллионов людей из избранного им народа были так зверски замучены? Карен надеялась, что жизнь когда-нибудь ответит на эти вопросы.

Среди обитателей Ля Сиотат царило одно желание: поскорее покинуть Европу и перебраться в Палестину. Присутствие пальмахников было единственным, что мешало им превратиться в дикую толпу, готовую сокрушить на своем пути любые преграды.

Беженцам не было дела до интриг и борьбы, которая велась из-за них между англичанами и Моссадом Алия Бет. Они оставались равнодушными к отчаянным попыткам англичан сохранить свои позиции на Ближнем Востоке и оставить под контролем нефть и канал; им не было дела до традиционного англо-арабского сотрудничества.

Год тому назад, с приходом к власти лейбористов, у евреев ненадолго появились новые надежды. Эта партия обещала превратить Палестину в образцовую подмандатную территорию с открытой иммиграцией. Возродились слухи, что Палестину примут в члены Британского содружества.

Обещания лопнули, как мыльный пузырь, едва лейбористское правительство почувствовало запах черного золота, идущий из-под аравийских песков. Проекты политического устройства отложили для дополнительного изучения, назначили новые комиссии, предложили обсуждения, тянувшиеся уже четверть века.

Но ничто не могло остановить яростного стремления еврейских беженцев попасть в Палестину. Агенты Моссада Алия Бет рыскали по всей Европе в поисках евреев, оставшихся в живых после геноцида, и переправляли их через границы, идя на подкупы, подлоги, контрабанду, не пренебрегая хитростью и даже насилием.

Шла гигантская игра, действие перемещалось из одной страны в другую. С самого начала Франция и Италия встали на сторону беженцев и открыто сотрудничали с Моссадом.

* Пс. 43, 12,14,18,27.

Их границы были открыты для беженцев, они не препятствовали созданию сборных пунктов, но Италии, в которой вместе с американскими находились и английские войска, это удавалось с трудом. Главным центром беженцев стала Франция.

Вскоре лагеря вроде Ля Сиотат оказались переполнены. Моссад приступил к нелегальной переправке беженцев в Палестину. Европейские порты кишели его агентами, которые на деньги американских евреев покупали суда, переделывали их, приспособлявая к прорыву английской морской блокады палестинских берегов. Англичане использовали не только флот; центрами борьбы против Моссада стали их посольства и консульства.

Утлые суденышки, набитые до отказа отчаявшимися людьми, брали курс на Палестину только для того, чтобы их перехватили англичане, едва они пересекут трехмильную прибрежную полосу. Беженцев обычно помещали в новый лагерь; на этот раз у Атлита, в самой Палестине.

Когда Карен поверила, что отец ее жив, она загорелась желанием попасть в Палестину — ей казалось, что отец обязательно придет туда.

Хотя девушке не исполнилось еще и шестнадцати, ее приняли в свою группу пальмахники, которые ночью у костра рассказывали чудеса о Земле Обетованной и пели замечательные песни на слова, так похожие на библейские тексты. Они просили девушку:

— Станцуй, Карен, станцуй!

Ей поручили заботу о сотне детей, которых надо было подготовить к моменту, когда моссадовское судно возьмет их на борт.

Британские иммиграционные власти установили норму в полторы тысячи человек в месяц и старались отбирать детей либо стариков, не годных к несению воинской службы. Мужчины отращивали бороды и отбеливали волосы, чтобы выглядеть стариками, но из этих ухищрений обычно ничего не выходило.

В апреле 1946 года, спустя девять месяцев после того, как Карен покинула Данию, Галила сообщила:

— На днях прибудет корабль Моссада, и ты со своей секцией отправишься на нем.

У Карен забилося сердце.

— Как называется судно?

— «Звезда Давида», — ответила Галила.

ГЛАВА 16

Си-Ай-Ди был в курсе всего, что касалось грузового парохода «Карпатос». Там знали, что судно куплено Моссадом в Салониках, и внимательно следили за 45-летним пароходом водоизмещением в 800 тонн, который направился в Пирей, где взял на борт американскую команду, нанятую Алией Бет, и проследовал в Геную. Наблюдали и за тем, как «Карпатос» переделывали, приспособляли к нелегальной перевозке беженцев, и заранее знали, когда он снимется с якоря и возьмет курс на Лионский залив.

Южное побережье Франции кишело агентами Си-Ай-Ди. Над Ля Сиотат установили круглосуточное наблюдение, подкупили несколько французских чиновников. Уайтхолл нажимал на Париж, чтобы власти не допустили входа «Карпатоса» во французские воды. Но ни нажим, ни подкупы не смогли помешать французскому сотрудничеству с Моссадом. «Карпатос» вошел в трехмильную зону.

Начался следующий этап. Пальмахники, чтобы отвлечь внимание англичан, устроили с помощью французов несколько сухопутных побегов. Англичане были сбиты с толку, и тогда произошел настоящий побег. Тысячу шестьсот евреев, в том числе всю группу Карен, вывезли в укромное местечко на побережье. На берегу тихой бухточки беженцы с машин пересели на резиновые лодки и были бесшумно доставлены к пароходу.

Всю ночь лодки шныряли туда и обратно. Крепкие руки американских моряков помогали перепуганным беженцам подняться на борт, где пальмахники распределяли их по местам. Рюкзак, фляга с водой и горячее желание оставить Европу — таков был весь их груз.

Детей из группы Карен, самых маленьких, взяли на борт в первую очередь. Их поместили в трюме отдельно, рядом с трапом, ведущим на палубу; Карен принялась их успокаивать. К счастью, дети так устали, что тут же заснули. Некоторые начали плакать, но она их быстро утешила.

Прошел час, другой, третий... В трюме становилось тесно. Приводили все новых и новых беженцев, пока его не забили так, что стало негде повернуться.

Затем людей начали размещать на палубе. Сначала на корме, а когда и там места не стало — на носу.

Капитан судна, американец Билл Фрай, спустился по трапу, окинул взглядом зажатую в трюме людскую массу и

присвистнул. Это был коренастый мужчина с вечно небритым лицом и с вечным окурком сигары в зубах.

— Эх, и задали бы нам жару пожарники в Бостоне, если бы увидели это! — пробормотал он.

Капитан замолчал и прислушался. В темноте красивый голосок напевал колыбельную. Билл перешагнул через тела и направил электрический фонарик в сторону Карен, которая убаюкивала ребенка. На мгновение ему показалось, что он видит мадонну. Карен подняла голову и жестом попросила его убрать фонарь.

— Эй, детка... ты говоришь по-английски? — слышался дрогнувший голос Билла.

— Да.

— Кто здесь начальник над детьми?

— Я отвечаю за них и попросила бы вас говорить потише: насилу их успокоила.

— Я буду говорить, как мне заблагорассудится, понятно? Я капитан. А ты сама, поди, не старше этих несмышленьшей.

— Если вы справитесь со своим судном так, как я управляюсь с детьми, — сердито сказала Карен, — то мы утром будем в Палестине.

Билл поскреб щетину и улыбнулся. Этот громила ничуть не похож на благовоспитанных капитанов из детских книжек, подумала Карен, но, кажется, он только прикидывается строгим.

— Ты мне нравишься, детка. Если тебе что-нибудь понадобится, поднимись ко мне на мостик. И не забывай про вежливость — кэпа нужно уважать.

— Спасибо, капитан.

— Не за что. Зови меня просто Билл. Мы все одного племени.

Карен посмотрела Биллу вслед, когда он поднимался, и заметила, что уже светает. «Карпатос» был забит беженцами до отказа, не осталось ни одного свободного дюйма. Ржавый якорь со скрипом пошел вверх, ударяясь о деревянные борта судна. Дряхлые машины, сопя и чихая, словно нехотя пришли в движение. Стоял густой туман — сам Господь заботился о них; старое судно отплыло от берегов Франции, набрав максимальную скорость в семь узлов. Через несколько минут оно вышло из трехмильной зоны в международные воды. В первом раунде победу одержал Моссад! На мачте

был поднят сине-белый еврейский флаг, и «Карпатос» переименовал свое название на «Звезду Давида».

Судно беспощадно качало. Вентиляции не было, и все в трюме побледнело. Карен и пальмахники не знали ни минуты отдыха: делали компрессы, давали беженцам лимоны, чтобы не допустить массовой рвоты. Когда лимоны кончились, Карен взялась за тряпки.

С детьми девушка справлялась хорошо, но в полдень жара стала невыносимой; дышать было нечем, а от пота и непрерывной рвоты в полутемном трюме стоял жуткий смрад. Мужчины разделались до нижнего белья, тела лоснились от пота. Начались обмороки. Потерявших сознание выносили на палубу. Для других просто не было места.

Трое врачей и четверо сестер выбивались из сил.

— Набейте им животы чем-нибудь! — требовали они.

Уговорами и ухищрениями Карен запихивала ложки с едой в детские рты. Под вечер она раздала успокаивающие средства и кое-как помыла детей. Мыть приходилось экономно; воды не хватало.

Наконец-то солнце село, и в трюм проникло дуновение свежего воздуха. Карен изнемогла от усталости, оступела. Она впала в полудрему, из которой вырывалась всякий раз, когда раздавался детский плач. Девушка прислушивалась к кряхтению старого судна, медленно пробирающегося к Палестине, и к утру погрузилась в беспокойный сон, полный кошмарных сновидений.

Внезапный грохот разбудил ее. Она выглянула на палубу: был уже день. Все смотрели на небо, где кружил огромный четырехмоторный самолет.

— Английский! Бомбардировщик «ланкастер»!

— Всем оставаться на местах, соблюдать порядок! — раздалось из громкоговорителя.

Карен вернулась к испуганным, плачущим детям и начала громко петь, призывая их подтягивать:

Вперед, вперед на родину
Счастливы мы плывем.
Вперед, вперед на родину!
Давайте все споем.

— Спокойно! — доносилось из громкоговорителя. — Никакой опасности нет.

К полудню на горизонте появился британский крейсер «Отважный» и подплыл к «Звезде Давида», угрожающе мигая

сигнальными фонарями. Вскоре к крейсеру присоединился юркий миноносец «Смуглый». Оба военных корабля пошли бок о бок с дряхлым пароходом.

— Вот у нас и королевская свита появилась, — сказал Билл Фрай в мегафон.

Согласно неписаным правилам, все на этом кончилось. Моссаду Алия Бет удалось отправить из Европы еще одно судно. Англичане обнаружили его в международных водах и теперь будут следовать за ним. Когда «Звезда Давида» войдет в палестинские территориальные воды, англичане поднимутся на борт, возьмут корабль на буксир и уведут в Хайфу.

С палубы парохода понеслись громкие проклятия в адрес королевского флота и Бевина. Был поднят транспарант с надписью: «Гитлер убивал нас — англичане не дают нам жить!» Но «Отважный» и «Смуглый» не обратили на это внимания и, конечно, даже не подумали убраться вон, как многие надеялись.

У Карен появилась новая забота. От нехватки воздуха многим детям стало совсем худо. Она поднялась наверх и протиснулась сквозь клубок из рук, ног и рюкзаков к капитанскому мостику. Билл Фрай сидел в штурманской рубке и пил кофе, поглядывая на человеческую массу, толпящуюся на палубе. Начальник пальмахников о чем-то спорил с ним.

— О, Господи! — взревел Билл. — Чем евреи богаты — так это сварами! Приказы подлежат не обсуждению, а исполнению. Как вы надеетесь победить, если вступаете в пререкания из-за каждого пустяка? На борту распоряжаюсь я, понятно?!

Вспышка Билла не произвела на пальмахника ни малейшего впечатления. Он высказал до конца все, что было у него на душе, и ушел.

Билл что-то пробормотал себе под нос, прикурил окурок сигареты и заметил бледную Карен, робко стоявшую в дверях.

— Привет, золотко! — пророкотал он, улыбаясь. — Чашечку кофе?

— Не откажусь.

— Вид у тебя неважный.

— Дети не дают выспаться.

— Да... Как ты вообще справляешься с ними?

— Из-за этого я и пришла к вам. Некоторые совсем заболели, а ведь в трюме есть и беременные женщины.

— Знаю, знаю.

— Я думаю, надо пустить их на некоторое время на палубу.

Он показал вниз на палубу, забитую людьми до отказа.

— Куда?

— Вы найдете сотню добровольцев, которые захотят поменяться местами.

— Послушай, дорогая! Мне не хочется отказывать тебе, но у меня полно других забот. К тому же это не так просто. Перегонять людей с места на место на этой лоханке опасно.

Лицо Карен по-прежнему светилось лаской, в ее голосе не было гнева.

— Сейчас я спущусь вниз и поведу своих детей на палубу, — сказала она. Повернулась и пошла к двери.

— погоди минутку. Поди-ка сюда. Такая милая девчушка, а поди ж ты — какие когти! — Билл почесал небритую щеку. — Ну ладно. Где-нибудь поместим твоих щенят. Господи ты Боже мой! Все им чего-то надо! Все пререкания, пререкания!

Эту ночь Карен провела со своими детьми на корме. В прохладном, чудесном воздухе они сразу мирно заснули.

Наутро море было гладкое, как зеркало. На рассвете прилетели еще несколько британских сторожевых самолетов, и за пароходом по-прежнему шел конвой — «Отважный» и «Смуглый», к которому беженцы успели привыкнуть.

Всех охватило волнение, когда Билл объявил в рупор, что они находятся всего в двадцати четырех часах плавания от Эрец Исраэль — Земли Израиля. Возрастающее волнение породило какую-то странную тишину, длившуюся до самого вечера. К вечеру «Смуглый» подплыл совсем близко к «Звезде Давида».

Голос проорал в громкоговоритель:

— Эй, там, на судне! Говорит капитан Канингэм со «Смуглого». Мне нужно поговорить с вашим капитаном.

— Привет, «Смуглый», — заорал Билл Фрай в ответ. — В чем дело?

— Мы хотим послать к вам на борт нашего представителя.

— Не надо представителей! Говори прямо. Здесь собралась вся наша мишпоха, у нас нет секретов.

— Хорошо. Где-то после полуночи вы войдете в палестинские территориальные воды. После этого мы собираемся подняться к вам на борт и отвести вас на буксире в Хайфу. Мы хотим знать, согласны вы или окажете сопротивление.

— Я понял, Канингэм. Тут вот какая штука. У нас несколько беременных женщин и больных на борту. Не возьмете ли вы их к себе?

— У нас нет инструкций на этот счет. Вы, значит, согласны, чтобы вас оттащили в Хайфу?

— Куда, куда вы сказали?

— В Хайфу.

— Вот черт! Мы, верно, сбились с курса. У нас ведь прогулочный катер с Больших озер.

— Тогда мы будем вынуждены применить силу.

— Канингэм!

— Слушаю.

— Передай своим офицерам и команде... чтоб они убились к чертям собачьим!

Наступила ночь. Никто не спал. Все вглядывались в темноту, чтобы поймать огонек и первый раз взглянуть на Эрец Исраэль. В тумане ничего не было видно, «Звезду Давида» покачивало на волнах.

Около полуночи пальмахник, начальник секции, подошел к Карен и тронул ее за плечо:

— Пойдем на мостик.

Они проложили себе путь между телами и забрались в штурманскую рубку, где друг на друге сидело человек двенадцать: матросы и руководители групп из пальмахников. Здесь было темно, один компас голубовато мерцал в темноте. У штурвала Карен различила грузный силуэт Билла Фрая.

— Все в сборе?

— Все.

— Хорошо. Тогда слушайте внимательно, — слышался в темноте голос Билла. — Я переговорил обо всем с командирами Пальмаха и с экипажем, мы приняли следующее решение. Погода благоприятная — берег весь в тумане. У нас есть запасной мотор. С ним мы можем увеличить ход до пятнадцати узлов. Часа через два мы войдем в территориальные воды. Если погода не изменится, попытаемся пробиться к берегу и посадить судно на мель южнее Кесарии.

По рубке пронесся взволнованный шепот.

— Удастся ли уйти от военных кораблей?

— Пока хватятся — будем уже у берега, — бросил Билл в ответ.

— А как с радарными установками? Не попадем ли мы на экран?

— Пожалуй, но вряд ли они отважатся подплыть так

близко к берегу. Посадить крейсер на мель — слишком большой риск.

— А британский гарнизон на берегу?

— Мы установили связь с Пальмахом. Нас ждут. Уверен, они зададут англичанам жару. Вы получили в лагере инструкции, как высаживаться на берег. Вы знаете, на что мы идем и что надо делать. Карен и те двое, которые с детьми... подождите здесь до особого распоряжения. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Возражения есть?

Возражений тоже не было.

— Тогда удачи! И да хранит всех вас Господь!

ГЛАВА 17

Ветер со свистом гнал туман вокруг древней, заброшенной гавани Кесарии с ее руинами, развалившимся молотом и заросшей мхом пристанью, к которой приставали корабли за четыреста лет до наступления эры христианства.

Пять долгих столетий Кесария, построенная Иродом в честь Цезаря, была столицей римской Палестины. Теперь от нее остались одни развалины. Ветер свистел над водой, вздымал ее смерчем и обрушивал на скалы, выступающие далеко в море.

Здесь восстание против римских притеснителей завершилось резней двадцати тысяч евреев, здесь же был казнен их духовный вождь рабби Акива, поднимавший свой народ именем Бар-Кохбы. Все так же лениво текла в море речушка, на берегу которой римляне заживо содрали кожу с Акивы.

К югу от развалин стояли дома еврейского рыболовецкого кооператива «Морские нивы». Этой ночью рыбаки и их жены не спали.

Они сидели, притаившись в развалинах, и, затаив дыхание, вглядывались в море. Их было человек двести, и столько же было с ними пальмахников.

На древней башне Друза, выходящей далеко в море, мигнул сигнальный фонарь, и все насторожились.

На борту «Звезды Давида» Билл Фрай зажал в зубах окурок сигары, его руки застыли на штурвале. Он медленно подплывал зигзагами, обходя коварные рифы. На палубе беженцы прильнули к поручням, готовясь к высадке.

Пароход содрогнулся и затрещал, ударившись о подводную скалу! В воздух поднялась сигнальная ракета! Началось!

Люди полезли через борт в воду, доходившую до плеч, и, борясь с волнами, начали фут за футов продвигаться к берегу, до которого оставалось несколько сот метров.

Когда вспыхнула ракета, рыбаки и пальмахники, ожидавшие на берегу, выскочили из укрытий и бросились навстречу беженцам. Многие спотыкались, падали в глубокие ямы, их опрокидывало волнами, било о камни, но ничто не могло их остановить. Наконец оба человеческих потока встретились! Рыбаки и пальмахники подхватили беженцев и потащили их на берег.

— Скорее, скорее! — кричали они. — Снимайте одежду, надевайте вот это.

— Выбросьте документы!

— Кто переоделся, давайте за нами... быстрее, быстрее, быстрее!

— Тише! Не шумите!

— Никакого огня!

Беженцы сбрасывали мокрую одежду, надевали синие рыбацкие комбинезоны.

— Перемешайтесь... Перемешайтесь с нами!

Карен стояла на палубе и передавала детей пальмахникам, переносившим их на берег.

— Скорее... скорее...

Некоторые припадали к священной земле, целовали ее, плача.

— У вас еще будет время на это! Не сейчас!.. Быстрее, быстрее!.. — кричали пальмахники.

Билл Фрай стоял на мостике и орал в мегафон приказы. За час судно покинули почти все, остались только несколько десятков детей и руководители групп.

В тридцати милях севернее гавани подразделение Пальмаха, отвлекая внимание британского гарнизона от высадки в Кесарии, имитировало налет на английские склады.

На берегу рыбаки и пальмахники действовали быстро и слаженно. Часть беженцев пристроили здесь же, в деревне, остальных погрузили на машины и повезли в глубь страны.

Когда последний ребенок покинул борт корабля, Билл Фрай спустился на палубу и приказал руководителям групп покинуть судно.

Карен почувствовала, как ледяная вода сомкнулась над ее головой. Она встала на цыпочки, сделала несколько шагов

и, сориентировавшись, поплыла, пока не нащупала дно. С берега доносились неясные восклицания на иврите и немецком. Девушка добралась до огромного валуна, выступавшего из воды у самого берега, и на четвереньках перелезла через него. Ее смыло обратно в море, но теперь дно было под ногами, и, дюйм за дюймом одолевая волну, Карен пробиралась все ближе к берегу.

Пронзительный вой сирен! Оглушительный треск винтовочных выстрелов!

Люди на берегу начали разбегаться!

Вода теперь доходила Карен только до колен. Она стояла и жадно глотала воздух. Перед ней выросли несколько англичан в форме, с резиновыми дубинками в руках.

— Нет! — закричала она. — Нет! Нет! Нет!

Девушка, визжа, бросилась на солдат. Сильная рука схватила ее сзади за шею, прижала к воде. Зубы Карен вонзились в эту руку. Солдат вскрикнул и ослабил хватку. Карен бросилась вперед, размахивая руками, но другой солдат поднял дубинку и ударил ее по голове. Она застонала и упала без сознания в воду. Карен открыла глаза. Нестерпимо болела голова. Однако, увидев щетинистую физиономию и заплывшие глазки Билла Фрая, она улыбнулась.

— Дети! — закричала она и рывком поднялась.

Билл удержал ее за плечи.

— Успокойся, большинство ребят успели увезти. Остальные здесь с нами.

Карен закрыла глаза, вздохнула и опустилась на подушку.

— Где мы?

— В английском лагере Атлит. Все получилось чудесно. Больше половины успели смыться. Англичане до того взбесились, что хватали всех без разбора и приволокли сюда матросов, рыбаков, беженцев... Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Что со мной было?

— Ничего. Ты пыталась в одиночку разбить всю британскую армию.

Она отбросила одеяло, села и ощупала шишку на голове. Ее одежда еще не просохла. Карен спустилась с кровати, прошлась, пошатываясь, до выхода из палатки. Здесь стояло несколько сот палаток, а вокруг — колючая проволока. По ту сторону проволоки караулили английские солдаты.

— Я не знаю, что на меня нашло, — сказала Карен. — Я в жизни никого не ударила. Когда я увидела солдат, пы-

тавшихся меня остановить, со мной произошло что-то очень важное, пожалуй, самое важное за всю мою жизнь. Я должна была ступить ногой на палестинскую землю... почувствовала, что просто умру, если не ступлю. Не знаю, что на меня вдруг нашло. — Она села рядом с капитаном.

— Есть хочешь, малышка?

— Я не голодна. Что они теперь сделают с нами?

Билл пожал плечами.

— Через несколько часов рассветет. Они вызовут нас, учинят идиотский допрос. Ты ведь знаешь, что им отвечать.

— На все их расспросы я должна отвечать, что это моя страна.

— Они тебя продержат пару-тройку месяцев, а там и отпустят. Главное — что ты в Палестине!

— А ты?

— Я? Вышлют, как в прошлый раз. Потом моссадовцы дадут еще одно судно... снова попытаемся прорваться.

Голова у Карен разрывалась на части. Она опять прилегла, но не смогла закрыть глаза и долго всматривалась в посеревшее от усталости лицо Билла.

— Билл... зачем вам все это?

— То есть как это зачем?

— Вы американец. В Америке к евреям относятся по-другому.

— Все почему-то норовят сделать из меня героя. — Он порылся в кармане, вытащил подмокшие сигары. — Пришли ребята из Алии Бет, сказали, что им нужны моряки. Я — моряк и всегда был моряком. Начал с юнги, а теперь капитан. Вот и все. Мне за это хорошо платят.

— Билл!

— Ну?

— Я вам не верю.

Билл и сам, казалось, не очень верил в то, что говорил. Он встал.

— Трудно объяснить, Карен. Я люблю Америку. Я не променяю ее на сто Палестин.

Карен приподнялась на локте. Билл начал ходить по палатке взад и вперед, пытаясь разобраться в своих мыслях.

— Мы — американцы, но все-таки американцы особого рода. Может, мы сами в этом виноваты, может, кто еще... У меня не хватает мозгов разобраться. Всю жизнь я слышал, что раз я еврей, то должен быть трусом. И вот что я тебе скажу, дитя мое. Каждый раз, когда Пальмах взрывает

какой-нибудь английский склад оружия или дает жару арабам, он завоевывает уважение и ко мне. Он доказывает, что лгут те, кто утверждает, будто евреи трусы. Пальмахники дерутся и за мое достоинство... понимаешь?

— Кажется, понимаю.

— А я — будь я проклят, если что-нибудь понимаю!

Он присел рядом с Карен и внимательно осмотрел шишку на ее голове.

— Ничего страшного. Я сказал этим негодьям-британцам, чтобы положили тебя в больницу.

— Ничего, заживет и так, — ответила она.

Этой же ночью пальмахники совершили налет на лагерь в Атлите, взорвали забор из колючей проволоки, и еще человек двести беженцев вырвались на свободу. Карен и Биллу Фраю бежать не удалось.

Когда Уайтхолл получил подробный доклад обо всем, что произошло с «Звездой Давида», англичане поняли, что им нужно менять иммиграционную политику. До сих пор на кораблях в Палестину удавалось прорваться лишь нескольким сотням смельчаков. Это же судно разом доставило без малого две тысячи, и большая часть их успешно высадилась в Кесарии или сбежала из Атлита. Британия столкнулась с открытой поддержкой евреев французским правительством. Каждый шестой еврей попадал в Палестину нелегальным путем.

Англичане оказались в тупике. Они ничуть не приблизились к разрешению палестинской проблемы. Решено было выставить евреев вон из Палестины. Создание лагерей на Кипре стало прямым следствием усиливающейся нелегальной иммиграции и, в частности, удачного рейса «Звезды Давида».

Евреев из Атлита посадили на специальное судно для перевозки заключенных и отправили на Кипр, в лагерь Караолос. Но еще тогда, когда «Карпатос», он же «Звезда Давида», сидел на мели у Кесарии и волны постепенно разбивали его на куски, Моссад Алия Бет уже подыскивал новые корабли.

И вот уже шесть месяцев Карен жила в пыльном Караолосе и работала с детьми. Ни время, ни частые этапы из лагеря в лагерь не разочаровали, не озлобили ее. Она жила единственной мечтой — попасть еще раз в Палестину... В Эрец Исраэль. Эти волшебные слова стали ее навязчивой идеей.

Карен рассказывала много часов. За это время они с Китти Фремонт ощутили родство душ.

— А об отце ты что-нибудь слышала? — спросила Китти.

— Нет. Последний раз я слышала о нем давно, еще в Ля Сиотат.

Китти посмотрела на часы.

— Господи... уже за полночь!

— А я и не заметила, как время прошло.

— Я тоже. Спокойной ночи, дитя мое!

— Спокойной ночи, Китти. Мы еще увидимся?

— Может быть... Я не знаю.

Китти вышла и зашагала прочь. В тысячах палаток царила тишина. Луч прожектора со сторожевой вышки скользил по брезентовым дюнам. Вихрем пронеслась пыль, и Китти плотнее завернулась в плащ. Высокий силуэт Ари Бен Канаана шагнул ей навстречу. Он протянул Китти сигарету, и они вышли из детской зоны по мосту. Китти на мгновение остановилась и посмотрела назад. Потом через отделение для стариков пошла к главным воротам.

— Я согласна работать у вас, — сказала она, — но при одном условии. Эта девушка не будет участвовать в побеге. Она останется в лагере со мной.

— Согласен.

Китти повернулась и быстро вышла за ворота.

ГЛАВА 18

План, который Давид романтически окрестил «Операция «Геден», начали проводить в жизнь. В Караолосе Дов Ландау всю подделывал накладные на грузы и личные воинские документы, а Китти Фремонт выносила их из лагеря и передавала Бен Канаану.

С помощью накладных Ари осуществлял первую часть своего плана. Во время поездок по Кипру он обнаружил неподалеку от Караолоса, по дороге в Фамагусту, большой английский военный склад. За высоким забором на площади в несколько акров стояло множество автомашин, а за ними — десяток огромных складов. Во время войны это была одна из главных баз снабжения союзников на Ближнем Востоке. Теперь часть военного снаряжения отправлялась британским силам, расположенным в этом районе, остальное было

объявлено излишним и подлежащим реализации. Движение между базой и портом в Фамагусте не прекращалось. Кипро-Средиземноморская компания Мандрии посредничала в перевозках, поэтому у Мандрии имелся список всех грузов, хранящихся на складе.

В четверг, в восемь утра, Ари Бен Канаан и тринадцать пальмахников, все в английской военной форме, с английскими документами, на английском грузовике подъехали к главным воротам базы. В этот «рабочий отряд» входили Зеев Гильбоа, Иоав Яркони, Давид Бен Ами...

Ари — по документам капитан Халев Мур — предъявил начальнику склада бумаги на получение грузов, которые отряд должен доставить в Фамагусту якобы для дальнейшей отправки морским путем на судне «Ахан».

Бумаги были подделаны до того мастерски, что начальник склада не дал себе труда припомнить, что Халевом звали главного разведчика Моисея в Библии, а мнимое судно «Ахан» носило имя человека, взявшего часть заклётого имущества в Иерихоне.

Первым в списке значились двенадцать грузовиков и два джипа. Их выкатили со стоянки и передали «капитану» Халеву Муру. Затем «рабочий отряд» обошел склад за складом и загрузил эти машины всем, что только могло понадобиться для палестинского рейда «Афродиты», она же «Исход», и тремстам детям-беженцам.

Иоав Яркони, ответственный за оборудование судна, составил длинный список, где среди прочего значились стрелковое оружие, рация новейшего образца, консервы, медикаменты, сигнальные лампы, канистры с водой, одеяла, вентиляторы, громкоговорители и сотни других предметов. Иоав досадовал на то, что Ари велел ему сбрить огромные черные усы. Зеева постигла та же участь: Бен Канаан боялся, что усы выдадут их происхождение.

Помимо грузов, предназначенных для «Исхода», Давид захватил еще несколько тонн вещей, крайне необходимых в Караолосе.

Зеев Гильбоа чуть не расплакался при виде британского арсенала. Пальмах так нуждался в оружии, а он не мог унести все эти чудесные пулеметы, минометы и автоматы.

«Рабочий отряд» действовал как часы. Благодаря спискам Мандрии Ари знал, что где хранится. Иоав Яркони прихватил напоследок еще несколько ящиков виски, коньяка, джина и вина — для медицинских нужд.

Ари поблагодарил начальника склада за любезную помощь, и двенадцать новеньких грузовиков, под завязку набитых добром, выехали за ворота. Вся операция заняла менее шести часов.

Пальмахники были в восторге от легкой победы, но Ари не дал им возгордиться успехом. Это было только началом дела.

Теперь требовалось найти место, чтобы спрятать машины. Ари заранее приметил на окраине Фамагусты заброшенный английский лагерь. Там, вероятно, размещалось когда-то небольшое вспомогательное подразделение. Забор был еще довольно крепкий, а на территории стояли два деревянных барака и служебные постройки. Электропроводка тоже была в порядке.

Следующие три ночи пальмахники из Караолоса лихорадочно работали в лагере: ставили палатки, убирали территорию — словом, наводили порядок, чтобы создать видимость, будто здесь снова расположилась воинская часть.

Двенадцать грузовиков и джипы окрасили в защитный цвет. На дверце каждой машины Иоав Яркони нарисовал знак, который легко мог сойти за одну из тысяч военных эмблем, и снабдил его надписью: «23-я транспортная рота ЕВЕВК».

В штабе на столах были разложены стопки настоящих и подложных военных документов. Это придавало помещению солидный рабочий вид.

Четыре дня спустя маленький лагерь с дюжиной автомашин выглядел вполне буднично. Они взяли на складе много военной одежды, и теперь все пальмахники были одеты по форме, как полагается.

В довершение Иоав Яркони прибил над воротами вывеску: «23-я транспортная рота ЕВЕВК», и лагерь получил, таким образом, официальное наименование.

Зеев посмотрел на вывеску и почесал затылок.

— А что это значит — ЕВЕВК?

— Еврейское Воинство Его Величества на Кипре. Что же еще, по-твоему?

Итак, стиль операции «Гедеон» был определен. Ари Бен Канаан дерзнул создать фиктивную воинскую часть и на виду у всех рядом с автострадой, ведущей в Фамагусту, разбил штаб Моссада Алия Бет. Это была дерзкая игра, но Ари считал, что дерзость и непринужденность — лучшая маскировка для разведчика.

В Фамагусту прибыли три американца, члены команды торгового судна. Они сошли на берег и не вернулись на корабль. Они были сотрудниками Моссада, а во время войны прошли подготовку на флоте США. С другого судна сошли два испанца. Теперь у «Исхода» имелась команда, которую потом должны были дополнить Ари, Давид, Иоав и Зеев.

Хэнк Шлосберг, американский моряк, и Иоав Яркони взялись за переделку «Исхода». Ларнака была небольшим портовым городком, но Мандрия сделал все, чтобы необычная возня у «Афродиты» не привлекала внимания.

Первым делом из кабин, трюма, с палубы убрали все шкафы, полки и перегородки. Все судно, от кормы до носа, превращалось в одно жилое помещение.

На палубе построили туалеты. Столовую превратили в медпункт, камбуз — в склад оружия. Ни столовая, ни камбуз не понадобятся, питаться придется только консервами и прямо из банок. Каюты разобрали — команда будет спать на мостике. Смонтировали громкоговорители. Капитально отремонтировали старый двигатель на случай, если он все-таки выйдет из строя. Поставили запасную мачту и приготовили паруса.

Среди трехсот детей были верующие, и возникла новая проблема. Яркони связался с главой еврейской общины Кипра и достал через него кошерную пищу, законсервированную в соответствии с религиозными предписаниями.

Затем тщательно измерили кубатуру трюма и площадь палубы. В трюме соорудили нары. Каждому определили пространство в четыре фута одиннадцать дюймов длиной и полтора фута шириной. Точно так же была размечена палуба. Дети могли спать только лежа на спине или животе, повернувшись в такой тесноте с бока на бок было невозможно.

Отремонтировали спасательные лодки. В бортах судна прорезали отверстия, вставили вентиляторы, чтобы гнать свежий воздух в трюм. Смонтировали также взятые на военном складе кондиционеры.

Работа продвигалась быстро. Полдюжата рабочих на палубе старой лохани выглядели в ларнакской гавани вполне обыденно.

Труднее обстояло с доставкой грузов. Ари не хотел рисковать и подгонять машины к доку — это могло привлечь внимание. Когда работы на «Исходе» почти завершились, судно каждую ночь поднимало якорь и тайком подплывало к укромному месту в южной части залива, в нескольких

милях от Ларнаки. Сюда подъезжали грузовики «23-й транспортной роты ЕВЕВК», набитые грузами с британского военного склада. Между берегом и судном тихо курсировали резиновые лодки, и через несколько дней «Исход» загрузили до отказа.

Тем временем Зеев Гильбоа выполнял свою часть операции «Гедеон» в детской зоне. Отобрав триста самых выносливых мальчиков и девочек, он на детской площадке обучал их рукопашному бою, обращению с легким оружием и метанию гранат. Вокруг были расставлены часовые, и, как только появлялся надзиратель, за какие-нибудь три секунды военные занятия превращались в мирную игру с исполнением школьных песен. Кто не был на площадке, тот изучал в классных комнатах палестинские географические карты и заучивал наизусть ответы на случай допроса в британской контрразведке.

Ночью Зеев выводил всех на площадку, усаживал вокруг костра и вместе с другими пальмахниками рассказывал о Палестине, чудесной земле, где им не придется больше жить за колючей проволокой.

Были и сложности, которые создавали в основном ближайšie помощники Ари: Давид, Зеев и Иоав.

Давид был мягкий, интеллигентный парень, но иногда на него находило, и тогда море ему становилось по колено. Именно так случилось при подготовке операции. Первая экспедиция на английскую военную базу прошла столь успешно, что он, Зеев и Иоав посчитали за грех оставить там хотя бы ржавый гвоздь. Давид полагал, что на базу нужно ездить днем и ночью и перетаскать в «23-ю транспортную роту» все, что удастся прихватить. Зеев мечтал даже захватить пушки. Они так долго во всем нуждались, что складское изобилие вскружило им головы.

Ари не соглашался, считая, что жадность может погубить всю операцию. Не спят же англичане вечным сном! Наведываться на склад время от времени — это куда ни шло, но полное его опустошение было связано с риском попасть на виселицу.

Ему не удалось убедить своих лихих помощников. Те строили планы один безумней другого. Самонадеянность Иоава дошла до того, что он пригласил несколько английских офицеров на ужин в «23-ю роту». Тут у Ари лопнуло терпение, и он пригрозил, что немедленно отправит нахалов в Палестину.

С начала операции «Гедеон» прошло немногим более двух недель, а все уже было готово. Последние пункты плана — репортаж Паркера и доставка детей в Кирению — ждали действий самих англичан. Они должны были осуществиться тогда, когда англичане откроют новый лагерь у ларнакской автострады и начнут перевозить туда беженцев из Караолоса.

ГЛАВА 19

Колдуэлл, адъютант Сазерленда, вошел в кабинет майора Алана Алистера, начальника разведки на Кипре. Алистер, мужчина лет сорока, на вид тихий и застенчивый, взял со стола папку и пошел вслед за Колдуэллом в кабинет Сазерленда.

Генерал пригласил их сесть и кивнул начальнику разведки: можете начинать. Алистер почесал кончик носа и посмотрел в бумаги.

— В детской зоне караолосского лагеря происходит странная возня, — начал он тихим голосом. — Кажется, там готовится не то бунт, не то побег.

Сазерленд нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Этот Алистер раздражал его своим шепотом и таинственностью. Когда он наконец перестанет рыться в бумагах?

— Дорогой майор Алистер, — сказал Сазерленд, когда тот кончил, — вы мне притащили кучу бумаг, а суть истории сводится к тому, что евреи якобы затевают какой-то дерзкий заговор. За последние две недели вы заслали в детскую зону трех осведомителей и пять — в остальные зоны. Всех этих ваших высококвалифицированных шпионов разоблачили в течение часа и выгнали. Вы мне прочли две страницы перехваченных радиogramм, которые не можете расшифровать и которые будто бы были переданы радиостанцией, которую вы не можете обнаружить.

Алистер и Колдуэлл обменялись быстрым взглядом, словно хотели сказать друг другу, что старик опять становится невозможным.

— Извините, генерал, — сказал Алистер, подавшись вперед. — В нашем деле многое неизбежно основывается на догадках. Мы уже докладывали о ряде бесспорных фактов, но никаких мер принято не было. Мы точно знаем, что Караолос кишит пальмахниками и что они проводят с бежен-

цами военные занятия на детской площадке. Нам также известно, что они высаживают своих людей на Кипре неподалеку от развалин Саламиды. У нас есть все основания подозревать, что этот грек, Мандрия, сотрудничает с ними.

— Бросьте! Все это я знаю, — раздраженно сказал Сазерленд. — Вы забываете одно: если беженцы до сих пор не превратились в дикую толпу, то только благодаря этим палестинцам. Они заведуют школами, больницами, кухнями и вообще всем в лагере. Более того, они заботятся о дисциплине и предотвращают побеги уже одним тем, что не разрешают беженцам самовольно входить и выходить. Уберите их, и мы жизни не будем рады.

— Тогда нужно завербовать среди них несколько стукачей, — сказал Колдуэлл, — чтобы знать, по крайней мере, что у них на уме.

— Среди евреев не завербуешь, — возразил Алистер. — Они горой стоят друг за друга. Каждый раз, когда нам кажется, что мы наконец завербовали кого-то, нам начинают городить такие небылицы, что уши вянут.

— В таком случае надо покрепче закрутить гайки, — зло бросил Колдуэлл, — чтобы знали свое место.

— Фредди, Фредди... — сказал Сазерленд с укоризной и закурил трубку. — Этих людей ничем не испугаешь. Они прошли через концлагеря. Вы помните Берген-Бельзен, Фредди? По-вашему, мы должны придумать что-нибудь пострашнее?

Майор Алистер уже начал жалеть, что взял с собой Колдуэлла: все-таки он ужасный тупица.

— Генерал, — быстро вмешался Алистер, — все мы здесь солдаты. Но я поступил бы нечестно, если бы докладывал вам, будто в Караолосе тишь и благодать и что мы можем просто сидеть и ожидать развития событий.

Сазерленд встал, сложил руки за спиной и зашагал по комнате. Думая, он постукивал мундштуком трубки по зубам.

— Моя задача на Кипре заключается в том, чтобы в этих лагерях было спокойно, пока правительство не решит, как ему быть с палестинским мандатом. Поэтому мы не можем позволить себе ничего такого, что могло бы быть использовано против нас враждебной пропагандой.

Фред Колдуэлл злился. Он никак не понимал, как Сазерленд может хладнокровно позволять этим евреям делать все, что им вздумается.

Майор Алистер понимал Сазерленда, но не одобрял его. Он тоже был сторонником крутых мер, способных пресечь любые планы евреев в Караолосе. Однако в его власти было только докладывать. Принимал решения Сазерленд. Сазерленд же вел себя, по его мнению, непростительно мягко.

— Есть еще что-нибудь? — спросил генерал.

— Да, сэр. — Алистер порылся в бумагах. — Мне хотелось бы знать, познакомились ли вы с моим рапортом об этой американке, Кэтрин Фремонт, и о Марке Паркере, журналисте?

— А что такое?

— Видите ли, сэр, мы не знаем точно, является ли она его любовницей, но ее поступление на работу в лагерь совпадает по времени с его прибытием на Кипр. По опыту мы знаем, что этот Паркер нас недолюбливает.

— Ерунда! Он первоклассный журналист. Нюрнбергский процесс он освещал великолепно. Мы допустили ошибку в Голландии, и она нам недешево обошлась. Паркер написал об этом. Это его профессия.

— Вправе ли мы полагать, что поступление миссис Фремонт на работу в лагерь может быть как-то связано с намерением Паркера написать репортаж о лагере?

— Майор Алистер, я надеюсь, что если вас когда-нибудь обвинят в убийстве, то присяжные не вынесут вам смертный приговор на основании доказательств вроде тех, что вы привели мне.

На лице у Алистера появились красные пятна.

— Кэтрин Фремонт — одна из лучших педиатрических медсестер на Ближнем Востоке. Греческое правительство официально поблагодарило ее за работу в приюте в Салониках. Обо всем этом говорится в вашем докладе. Она и Марк Паркер — друзья детства. Об этом тоже можно прочитать в вашем рапорте. Там же говорится, что еврейские организации обратились к ней с просьбой наладить работу среди детей в Караолосе. Скажите, майор Алистер, вы-то хоть сами читаете свои докладные записки?

— Но, сэр...

— Я еще не кончил. Допустим, ваши худшие подозрения справедливы: миссис Фремонт действительно собирает информацию для Марка Паркера, и Паркер в самом деле собирается написать серию статей о Караолосе. Господа, сейчас конец сорок шестого года, война кончилась полтора года назад. Народы устали, им надоели истории о беженцах,

никакого впечатления эти истории уже не производят. А если мы возьмем и выпроводим с Кипра американскую медсестру и американского журналиста, это произведет впечатление, и немалое, господа. Совещание окончено.

Алистер быстро собрал бумаги. Фред Колдуэлл, сидевший все время молча и кипевший от злости, вскочил.

— А я говорю, нужно убить парочку жидов, чтоб они поняли, кто здесь хозяин.

— Фредди!

Колдуэлл обернулся.

— Если вам так хочется, могу устроить перевод в Палестину. Там жида вооружены и не сидят за колючей проволокой. Таких, как вы, они запросто съедают за завтраком.

Колдуэлл и Алистер быстро пошли по коридору. Фредди что-то зло бормотал себе под нос.

— Зайдите на минутку ко мне, — сказал Алистер.

Фредди бросился в кресло. Алистер схватил со стола нож из слоновой кости, ударил им по ладони и зашагал по комнате.

— По мне, — сказал Колдуэлл, — так дать бы старику рыцарское звание и отправить его на пенсию.

Алистер вернулся к столу и в нерешительности стал кусать губы.

— Фредди, я думаю... уже несколько недель. Сазерленд становится невозможным. Я напишу лично генералу Тевор-Брауну.

Колдуэлл поднял брови.

— Это рискованное дело, старик.

— Но мы должны что-то сделать, прежде чем этот подлый остров навлечет на нас беду! Вы — адъютант Сазерленда. Если вы меня поддержите, ручаюсь, что никакого риска не будет.

Алистер приходился родственником Тевор-Брауну. Колдуэлл подумал и согласно кивнул.

— Не забудьте вернуть в письме пару слов обо мне.

В дверь постучали. Вошел младший сержант с новой стопкой бумаг. Он протянул их Алистеру и вышел из кабинета. Алистер полистал и вздохнул.

— Как будто у меня мало своих забот! На острове орудует шайка воров. До того хитры, что мы даже не знаем, что именно они воруют.

Несколько дней спустя генерал Тевор-Браун получил

срочный и секретный доклад майора Алистера. Его первым порывом было вызвать Колдуэлла и Алистера в Лондон и хорошенько отчитать за недисциплинированность, граничащую с бунтом, но затем, подумав, он пришел к выводу, что Алистер не стал бы писать такой доклад, если бы не имел веских причин для тревоги. Требовалось действовать как можно быстрее, чтобы пресечь планы евреев в Караолосе.

Тем временем новые постройки у Ларнаки были готовы, и англичане объявили, что на днях начнется массовое переселение беженцев из переполненных зон в Караолосе. Их будут перевозить на грузовиках. Предполагалось переселять от трех до пяти сотен человек в сутки и потратить на всю операцию дней десять. Ари, узнав об этом, выбрал для побега шестой день.

Никаких подкопов, никаких ящиков, никаких мусорных свалок. Ари собирался подогнуть к зоне английские грузовики и погрузить в них детей.

ГЛАВА 20

*«Кеннету Брэдбери,
заведующему отделом АСН,
Лондон*

Дорогой Брэд! Податель сего письма и прилагаемого репортажа с Кипра — Ф.Ф.Уитмен, летчик британских межконтинентальных авиалиний.

Срок начала операции «Гедеон» — через пять дней. Немедленно подтвердите телеграммой получение письма. Я ввязался в это дело на собственный страх и риск. Чувствую, что из этого может получиться нечто капитальное.

В день начала операции я отправлю вам телеграмму. Если она будет подписана «Марк», то это будет означать, что все идет по плану и можно печатать репортаж. Если же она будет подписана «Паркер», то задержите материал, так как это будет означать, что произошло что-то непредвиденное.

Я обещал Ф.Ф.Уитмену 500 долларов за доставку пакета. Рассчитайтесь с ним, пожалуйста.

Марк Паркер»

*«Марку Паркеру,
гостиница «Купол»,
Кирения, Кипр*

Тетя Дороти благополучно прибыла в Лондон, мы все очень рады ее видеть. С нетерпением ждем вестей.

Брэд»

Начав работать в Караолосе, Китти переехала из «Купола» в гостиницу «Король Георг» в Фамагусте. Марк остался в своем номере, чтобы быть на месте, когда «Исход» прибудет в Кирению.

Он дважды съездил в Фамагусту, желая повидаться с Китти, но оба раза ее не застал: она была в лагере. Мандрия подтвердил, что помощницей Китти работает девушка-беженка и они все время вместе. Марк начал беспокоиться. Неужели Китти так забылась, что пытается воскресить собственную дочь в этой девице? В этом было что-то нездоровое. Вдобавок она еще выносила из лагеря поддельные документы.

Остались считанные дни до решающего этапа операции «Гедеон». Беспокойство Марка нарастало, а странное поведение Китти тревожило его все сильнее. Он назначил ей встречу в «Короле Георге» и поехал в Фамагусту.

Пока все шло слишком гладко. Бен Канаан и его шайка запросто водили англичан за нос. Англичане, правда, чувствовали какой-то подвох, но им никак не удавалось за что-нибудь уцепиться. Марк изумлялся хитрости Бен Канаана и отваге пальмахников. Переделка судна, подготовка детей — все шло без помех. Дело и впрямь обещало стать украшением его репортерской карьеры, но так как он не был в нем посторонним, то страшно волновался.

Добравшись до Фамагусты, Марк поставил машину у гостиницы «Король Георг». Она была очень похожа на «Купол» — также стояла на берегу залива и имела такие же нависающие над морем террасы. Китти сидела за столиком.

— Привет, Марк! — сказала она, улыбаясь и целуя его в щеку.

Марк заказал выпивку, они закурили. Китти сияла, она словно помолодела на десять лет.

— У тебя счастливый вид, — съязвила Китти, намекая на его кислое лицо. — Неужели ты так волнуешься?

— Конечно, волнуюсь. А как же иначе? — буркнул он. Их глаза встретились.

— Ладно, мистер Паркер. Ты горишь весь, как светофор. Начинай уж, а то еще лопнешь, чего доброго.

— В чем дело? Ты на меня злишься? Мы что же — больше с тобой не друзья?

— Ради Бога, Марк! Не думала, что ты такой чувствительный. Мне пришлось очень много работать... Кроме того, мы ведь договорились встречаться не слишком часто, не так ли?

— Раньше мы вроде были друзьями и ничего не скрывали друг от друга.

— Не понимаю, куда ты гнешь.

— Карен... Карен Клемент-Хансен. Маленькая беженка из Германии через Данию.

— Не думаю, что это подходящая тема...

— А я думаю.

— Просто очень милая девочка, она мне нравится. Она мой друг, а я — ее.

— Ты никогда не умела лгать.

— Я не хочу об этом говорить!

— Ты сама напрашиваешься на беду. В прошлый раз ты оказалась в постели того моряка. На этот раз у тебя, боюсь, достанет силы воли покончить с собой.

Она отвела глаза от пронзительного взгляда Марка.

— Я была такой рассудительной всю жизнь... до недавнего времени.

— А теперь ты решила отыграться?

Китти положила руку на его ладонь.

— Это, конечно, глупо, но я словно родилась на свет. Она такая замечательная девушка, Марк.

— А что будет, когда ее посадят на «Исход» и увезут? Поедешь за ней в Палестину?

Китти раздавила в пепельнице сигарету и допила коктейль.

— Нет, ты ответь мне! — настаивал Марк.

— Ее не посадят на «Исход». Я поставила такое условие, прежде чем пойти работать к Ари Бен Канаану.

— Дура! Черт возьми, какая же ты дура, Китти!

— Перестань! Не представляй это чем-то непристойным! — попросила она. — Я могу дать Карен то понимание и дружбу, в которых она нуждается.

— Какая там дружба! Ты хочешь стать ей матерью.

— А если и так? В этом тоже нет ничего дурного.

— Послушай, Китти. Давай не будем орать друг на

друга. Успокойся. Не знаю, как ты себе это представляешь, но ее отец, вероятно, жив. Если даже нет, то у нее есть семья в Дании. Наконец, эта девочка отравлена, как они все. Ей нужна Палестина.

Китти побледнела, в ее глазах появилось страдание, и Марк пожалел о своих словах.

— Я, пожалуй, поступаю дурно, что не даю ей уехать на «Исходе». Мне хотелось побыть с нею хоть несколько месяцев... Чтобы заслужить ее доверие, чтобы убедить ее поехать со мной в Америку. Если бы я провела с нею несколько месяцев, я обрела бы уверенность в себе...

— Китти, Китти, Китти! Она не Сандра. С тех пор как кончилась война, ты только одну Сандру и искала всюду. Ты искала ее в приюте в Салониках. Может быть, оттого ты и у Бен Канаана согласилась работать, что речь шла о детях и ты надеялась найти среди них Сандру.

— Пожалуйста, Марк, перестань!

— Хорошо. Чем я могу тебе помочь?

— Узнай, жив ли ее отец. Если он умер, я удочерю ее и увезу в Штаты.

— Постараюсь, — сказал Марк.

К их столу подошел Ари Бен Канаан в капитанской форме. Лицо палестинца как всегда ничего не выражало. Китти же буквально засветилась, едва увидела его.

— Со мной только что связался Давид из Караолоса. Произошло нечто требующее немедленного вмешательства. Думаю, что вам лучше пойти со мной, — сказал он Китти.

— Что случилось? — в один голос спросили Марк и Китти.

— Точно не знаю. Этот Ландау, мальчик, который подделывает бумаги... Сейчас он как раз работает над документами для вывоза детей. Он вдруг отказался продолжать, пока не поговорит со мной.

— Но я тут при чем? — спросила Китти.

— Ваша подруга, эта датская девушка Карен, чуть ли не единственный человек, которого он слушает.

Китти побледнела.

— Эти бумаги должны быть готовы в течение ближайших тридцати шести часов, — твердо сказал Ари. — Может быть, вам придется через Карен поговорить с парнем.

Китти поднялась и безвольно пошла за ним. Марк грустно покачал головой и долго смотрел на ее опустевшее место.

ГЛАВА 21

Карен стояла посреди классной комнаты, служившей штабом Пальмаха, и сердито смотрела на светловолосого мальчика с нежным лицом и светлыми волосами. Дов выглядел младше своих семнадцати лет, но мягкость его черт была обманчивой. Холодные голубые глаза прятали горе и ненависть. Карен подошла к нему и погрозила пальцем.

— Дов, что ты опять задумал?

Он скривил губы, пробормотал что-то невнятное.

— Перестань рычать на меня, как собака, — потребовала она. — Я хочу знать, что ты затеял.

Дов нервно заморгал. С Карен бесполезно спорить, когда она сердится.

— Я сказал им, что мне нужно поговорить с Бен Канааном.

— Зачем?

— Видишь эти бумаги? Это бланки английских нарядов. Ари дал мне список трехсот детей из нашей секции, подлежащих якобы переводу в новый лагерь в Ларнаке. Ни в какой лагерь их не переводят. У Моссада где-то припрятано судно. Они повезут их в Палестину.

— Ну и что из этого? Ты же знаешь — не нам требовать отчета от Моссада или Пальмаха.

— На этот раз я требую отчета. наших с тобой имен в этом списке нет. Я не стану работать с этими бумагами, если не возьмут нас с тобой.

— Откуда ты взял, что речь идет о судне? Если даже такое судно существует и мы с тобой на него не попадем, то на то, наверное, есть причины. Мы нужны здесь, в Караолосе.

— Мне плевать на это. Они обещали переправить меня в Палестину, и я заставлю их это сделать.

— А не кажется ли тебе, что мы по уши в долгу перед этими ребятами из Пальмаха за все, что они сделали для нас? Неужели ты такой эгоист?

— Сделали для нас, сделали для нас! Неужели ты до сих пор не поняла, почему они так лезут из кожи, чтобы переправить как можно больше евреев в Палестину? Неужели ты воображаешь, будто все это делается только из любви к нам? Им нужны люди, чтобы воевать с арабами.

— А как же американцы и все прочие? У них-то какие дела с арабами? Отчего они нам помогают?

— Я тебе скажу. Их грызет совесть. У них комплекс вины, что мы, а не они попали в газовые камеры.

Карен, едва сдерживаясь, сжала кулаки и губы; даже глаза зажмурила.

— Дов, Дов! Неужели ты ничего другого не умеешь, как ненавидеть? — Она пошла к двери.

Он обогнал ее, преградил дорогу.

— Ты злишься на меня? — сказал он.

— Да, злюсь.

— Ты мой единственный друг, Карен.

— Тебе бы только попасть в Палестину, записаться в террористы и убивать.

Она вернулась в комнату, села у стола и вздохнула. Перед ней на доске было написано мелом: «Бальфурской декларацией 1917 года англичане взяли на себя обязательство создать в Палестине еврейское государство».

— Я тоже хочу в Палестину, — прошептала она. — Мне до смерти хочется туда. Меня ждет в Палестине отец... Я знаю, что ждет.

— Иди в свою палатку, поговорим там, — сказал Дов. — Скоро придет Бен Канаан.

Когда Карен ушла, Дов шагал по комнате минут десять, все больше злясь и распаляясь.

На пороге появилась рослая фигура Ари Бен Канаана. Следом за ним шли Давид Бен Ами и Китти Фремонт. Давид запер дверь на замок.

У Дова сузились глаза, он с подозрением посмотрел на Ари, потом перевел взгляд на Китти.

— Я не хочу, чтобы она слушала наш разговор.

— А я хочу, — ответил Ари. — Говори при ней.

Дов заморгал глазами в нерешительности. Он знал, что Бен Канаана ему не переспорить. Он хлопнул ладонью по пачке фальшивых нарядов.

— Мне кажется, что вы собираетесь отправить эти три сотни на судне Моссада.

— Интересная мысль, — сказал Ари. — Валяй дальше.

— У нас с вами уговор, Бен Канаан. Я не стану оформлять эти бумаги, пока вы не внесете в список меня и Карен Клемент. Вопросы есть?

Ари посмотрел искоса на Китти.

— Ты не задумывался, Дов, что никто, кроме тебя, не справится с этой работой и что поэтому ты нам нужен именно здесь? — спросил Давид Бен Ами. — Ты не задумывался,

что ты и Карен принесете здесь гораздо больше пользы, чем в Палестине?

— А вам не приходило в голову, что мне на это наплевать? — огрызнулся парень.

Ари опустил глаза, скрывая улыбку. Дов хитер, упрям и отнюдь не шутил. Сразу видно, какую он прошел школу.

— Да, кажется, все козыри у тебя, — сказал Ари. — Вставляй свою фамилию в список.

— А Карен?

— Об этом уговора не было.

— Теперь будет!

Ари подошел к нему и процедил сквозь зубы:

— Мне это не нравится, Дов.

Он угрожающе навис над парнем. Дов сделал шаг назад.

— Ну, бейте! Меня еще не так били! Хоть совсем убейте, мне не страшно. Куда вам до немцев!

— Ты мне брось сионистскую агитацию! — сказал Ари. — Иди в палатку и жди. Через десять минут получишь ответ.

Дов выбежал на улицу.

— Вот негодяй, — сказал Давид.

Ари кивнул ему на дверь. Как только дверь за Давидом закрылась, Китти схватила Ари за рукав.

— Она не поедет! Вы мне в этом поклялись! Она не поплывет на «Исходе»!

Ари сжал кисти ее рук.

— Если не успокоитесь, я не стану разговаривать с вами. У нас хватает хлопот и без дамских истерик.

Китти резко вырвалась.

— Послушайте, — сказал Ари, — я не мог предвидеть, что так получится. До конца операции осталось всего четыре дня. Этот парень держит нас за горло и знает об этом. Мы не можем и пальцем шевельнуть без этих бумаг.

— Поговорите с ним... обещайте ему все что угодно, только чтобы Карен осталась здесь!

— Я бы торговался с ним до посинения, если бы надеялся, что из этого что-нибудь выйдет.

— Бен Канаан... пожалуйста! Он согласится. Он не будет настаивать.

Ари покачал головой.

— Я видел сотни таких, как он. В них не осталось почти ничего человеческого. Карен — единственное, что связывает его с миром нормальных людей. Вы не хуже меня знаете, что эту девушку он не предаст.

Китти прислонилась к доске, где было написано: «Бальфурской декларацией 1917 года англичане...» Мел испачкал ей платье. Бен Канаан прав, она это знала. Дов Ландау не исправим, он каким-то странным образом привязан к Карен и не откажется от нее. Она, Китти, просто дура.

— У нас только один выход, — сказал Ари. — Пойдите к этой девушке и объясните, как вы к ней относитесь. Скажите ей, почему вы хотите, чтобы она осталась.

— Не могу, — прошептала Китти. — Не могу. — Она смотрела на Ари глазами, полными слез.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал Ари. — Простите меня, Китти! — Он впервые назвал ее Китти, а не Кэтрин.

— Проводите меня к Марку.

Они вышли в коридор.

— Иди к Дову, — сказал Ари Давиду, — и скажи, что мы согласны на его условия.

Услышав ответ, Дов вихрем бросился в палатку Карен.

— Мы едем в Палестину! — крикнул он.

— О, Боже! — только и смогла прошептать девушка. — О, Боже!

— Только молчок! Никто, кроме нас, пока об этом не знает.

— Когда же мы едем?

— О, теперь уже скоро. Бен Канаан погрузит нас на машины. На его ребятах будет английская форма. Они заберут нас будто бы для перевозки в новый лагерь, недалеко от Ларнаки.

— О, Боже!

Они вышли из палатки, держась за руки. Дов посмотрел на брезентовое море, потом медленно подошел к детской площадке, где Зеев обучал юношей драться на ножах.

Дов Ландау двинулся вдоль забора из колючей проволоки. Он видел английских солдат, шагавших по ту сторону, вышку с пулеметом и прожектором.

Колючая проволока... пулеметы... солдаты...

Когда же он жил не за колючей проволокой? Давно, так давно, что уже забыл.

Колючая проволока... пулеметы... солдаты... Неужели существует жизнь без всего этого? Дов стоял и смотрел. Сможет ли он вспомнить? Это было так давно...

Это было так давно...

Варшава, Польша лето 1939

Мендель Ландау, скромный варшавский пекарь, по сравнению с доктором Иоганном Клементом находился на противоположном конце лестницы — как в общественном, так и в экономическом и интеллектуальном смысле. У них вообще не было ничего общего, кроме того, что они оба евреи.

Доктор Клемент до последней минуты верил в ассимиляцию. Мендель Ландау, хотя и был человеком маленьким, тоже немало размышлял над этой проблемой и пришел к совершенно другим выводам. Не в пример Клементу, он жил в среде, которая постоянно давала ему почувствовать, что он чужак. Семьсот лет евреи подвергались в Польше всем мыслимым гонениям — от оскорблений на улицах до массовых убийств. Они бежали сюда, спасаясь от преследований крестоносцев, из Германии, Австрии, Богемии. Как и любой польский еврей, Мендель Ландау хорошо знал, что последовало за этим бегством. Евреев обвиняли в ритуальных убийствах, в колдовстве, ненавидели как конкурентов.

Непрерывная цепь страданий достигла высшей точки однажды на Пасху, когда чернь высыпала на улицу, силой выволакивая евреев из домов. Тех, кто не соглашался принять крещение, убивали на месте.

Евреи облагались особым налогом. Евреев принуждали носить желтую повязку, чтобы их легче было опознать. Множество законов и постановлений имели своей единственной целью угнетение и подавление евреев всюду и во всем. Их загнали в гетто, отделив высокой стеной от окружающего мира.

Но в гетто произошло нечто неожиданное. Вместо того чтобы медленно исчезнуть, еврейские религия и культура пустили еще более глубокие корни. Насильственно изолированные от внешнего мира евреи все теснее смыкались вокруг законов, установленных Моисеем. В стенах гетто они были хозяевами и сумели создать там систему чрезвычайно крепких семейных, общинных уз, сохранивших свою связующую силу даже после того, как гетто были упразднены.

Для тех, кто правил Польшей, создание гетто было только частичным ответом на вопрос, как быть с евреями. Закон запрещал евреям владеть землей, им было запрещено зани-

маться ремеслами, в которых они могли бы составить конкуренцию христианам.

Замкнутые в гетто евреи служили козлами отпущения за любое несчастье, что обрушивалось на Польшу. Каждый раз озверевшая чернь, распаленная слепой ненавистью, врывается в гетто, избивала и убивала евреев, громила их дома и имущество. В конце концов избиение евреев стало у поляков обыденным, едва ли не почтенным времяпрепровождением.

Четыре столетия погромов достигли своего кровавого апогея в 1648 году, когда было вырезано полмиллиона евреев. Ярость убийц доходила до того, что младенцев бросали в ямы и закапывали заживо.

Средневековая тьма, начавшая рассеиваться в Западной Европе, продолжала, казалось, витать над еврейским гетто в Польше. Страшная трагедия 1648 года и века непрерывных гонений породили среди евреев странные явления.

Когда наступали черные дни и не оставалось уже ни малейшей, казалось, надежды, в народе объявлялись «мессии» — самозванцы, претендующие на роль спасителей нации. В жуткой тьме, наступившей после резни 1648 года, возникло сразу несколько «мессий». Каждый из них заявлял, что он явился во исполнение пророчеств Исайи, и у каждого было немало приверженцев.

Вместе с «мессиями» зародилась и еврейская мистика: появились толкователи, ищущие в Священном писании объяснения вековым страданиям. Посредством запутанной системы, так называемой каббалы, мистики надеялись найти путь, по которому Господь вывел бы их народ из одичания и гибели. Отчаянно стремясь обрести спасение, каббалисты создавали фаталистические интерпретации Библии, основанные на мистицизме, на нумерологии, а то и просто на сокровенных чаяниях.

В это же время возникла секта хасидов. Эти люди, желая уйти от горестной действительности, целиком погружались в молитвы и изучение Священного писания.

«Мессии», каббалисты, хасиды — всех их породило отчаяние.

Мендель Ландау это знал. Он знал также, что были и более светлые периоды, когда гнет не так душил евреев и законы смягчались. История самой Польши была сплошным кровопролитием. Поляки дрались за свою честь и свободу в нескончаемом потоке войн, восстаний и переворотов. Польшу не раз расчленяли; если она не была оккупирована, то ей

грозила оккупация. В этих непрерывных войнах евреи брались за оружие и тоже дрались плечом к плечу с поляками, ставя польское дело выше своего собственного.

В 1939 году Польша была республикой. В ней жили более трех миллионов евреев, и они играли немалую роль в жизни страны. Но гонения на них не прекратились. Они лишь приняли менее жестокие формы. По-прежнему с евреев взимали особый налог, по-прежнему их душили экономически. Поляки все так же винили евреев, если на страну обрушивались ливни, засухи и прочие бедствия.

Гетто ликвидировали, но для Менделя Ландау вся Польша, где бы он ни жил, превратилась в сплошное гетто. Начиная с 1936 года по стране опять пошли еврейские погромы: в Бжесце, Ченстохове, Бжитике то и дело слышалось улюлюканье хулиганов, набивших руку на грабежах и на издевательствах над евреями.

Итак, Мендель Ландау и Иоганн Клемент пришли к противоположным выводам. Семь веков жили предки Менделя Ландау в Польше, но он все равно считался здесь чужаком и хорошо это осознавал.

Мендель был простой, очень скромный человек. Лия, его жена, была самая заурядная женщина, преданная и работающая до изнеможения.

Мендель Ландау хотел оставить своим детям хоть какое-нибудь наследство. У него не было фанатизма хасидов, он не верил в мессию и выкладки каббалистов. Мендель Ландау слабо придерживался веры своих предков. Он отмечал еврейские праздники, как большинство христиан празднуют Пасху и Рождество, но Тора была для него не столько священной книгой, сколько историей его народа. Таким образом, он не внушил своим детям сколько-нибудь твердого религиозного чувства.

Зато Мендель Ландау дал своим детям идею. Она была призрачной, нереальной — всего лишь мечтой. Он внушил им, что евреи должны когда-нибудь вернуться в Палестину и воссоздать там свое древнее государство. Только тогда они смогут добиться равенства с другими народами.

Мендель Ландау был пекарем. Весь его мир состоял из забот о семье, пище, крове, одежде и образовании для детей. Даже в самых смелых мечтах Мендель не представлял серьезнее, что он или его дети когда-нибудь увидят Палестину. Но он верил в идею.

Мендель был не одинок среди польского еврейства. Из

трех с половиной миллионов евреев этой страны несколько сот тысяч верили в те же идеалы, отсюда бил неиссякаемый источник сионизма. Были религиозные сионисты, сионисты-социалисты, воинствующие сионисты и сионисты-торговцы умеренного толка.

Будучи членом профсоюза, Мендель принадлежал к сионистско-социалистической группе, называвшей себя «Искупители». Время от времени на собрания группы приходили люди из Палестины, здесь кипели споры, обсуждались книги и брошюры, пелись песни, устраивались веселые праздники с танцами, и всех пронизывала неистребимая надежда, что их общая идея не умрет.

«Искупители», как и другие сионистские группы, создавали сельскохозяйственные фермы, где юноши и девушки привыкали к земледельческому труду. Затем молодежь отправлялась в Палестину обрабатывать и осваивать купленные евреями земли.

Семейство Ландау насчитывало шесть душ. Кроме Менделя и Лии, был еще старший сын Мундек, стройный парень лет восемнадцати, — тоже пекарь. Прирожденный вожак, он руководил в «Искупителях» секцией. Были еще две дочери: Руфь, семнадцати лет, робкая, как и сама Лия когда-то, влюбленная в Яна, одного из вожаков «Искупителей», и четырнадцатилетняя Ревекка. А еще был Дов, любимец семьи, — светловолосый десятилетний мальчуган с огромными глазами. Он был слишком мал, чтобы состоять в «Искупителях», и боготворил своего брата Мундека, который снисходительно позволял ему изредка приходить на собрания.

1 сентября 1939

Инсценировав несколько пограничных инцидентов, немцы напали на Польшу. Мендель Ландау и Мундек были призваны в армию.

Немецкий вермахт разбил Польшу за двадцать шесть дней. Мендель Ландау погиб вместе с тридцатью тысячами других евреев, одетых в польскую солдатскую форму.

Семейство Ландау не могло позволить себе роскошь долго оплакивать отца: наступало чрезвычайно опасное время. Мундек вернулся после мужественной, но бесполезной защиты Варшавы и занял место главы семьи.

В тот самый день, когда немцы вошли в Варшаву, «Ис-

купители» устроили собрание, чтобы обсудить, как быть дальше. Большинство польских евреев лелеяли надежды, что ничего страшного с ними не сделают, и придерживались позиции «поживем — увидим». Сионисты не были столь наивны. Они не сомневались, что немецкая оккупация чревата смертельной опасностью.

Большинство сионистских групп, в том числе и «Искупители», сплотились воедино и решили действовать сообща. Другие группы предпочли иллюзию безопасности в Советском Союзе, войска которого вслед за немцами вступили в Польшу и заняли ее восточную часть. Некоторые группы ушли в подполье и стали работать над организацией нелегальных побегов за границу.

«Искупители» решили остаться в Варшаве и наладить сопротивление, установив связь с единомышленниками по всей Польше. Мундек стал военным руководителем организации, хотя ему еще не исполнилось и девятнадцати. Яна, тайную любовь Руфи, назначили его помощником.

Как только немцы установили оккупационный режим, а Ганса Франка поставили губернатором, тут же были изданы антиеврейские декреты. Молитвы запретили, свободу передвижения ограничили, налоги резко подняли. Евреи были изгнаны со всех должностей. Евреям запрещалось входить в общественные места. Еврейские дети изгонялись из школ.

Поговаривали о воссоздании гетто.

Одновременно с антиеврейскими декретами немцы развернули «просветительную» кампанию среди польского населения, целью которой ставили укрепить в людях и без того распространенное мнение, что именно евреи развязали войну. Они внушали полякам, что евреи ответственны за оккупацию страны Германией, преследующей, дескать, единственную цель: спасение Польши от «жидов и большевиков». Варшава и другие города были наводнены плакатами, на которых изображалось, как бородатые жиды насилуют монахинь и творят «жидовский разврат». Сбивание бород, осквернение синагог, публичные издевательства — все это поощрялось.

Берлин, Германия

Нацистские главари немало ломали голову над еврейским вопросом. Было разработано несколько проектов. Гейдрих, начальник СД, предлагал взять выкуп за каждого еврея, а

затем выслать их всех. Шахт, финансовый гений фашистской Германии, предпочитал тщательно выкачивать у евреев их деньги. Вспомнили и старый план вывезти всех евреев на остров Мадагаскар. Обсуждался также проект отправить евреев в Палестину, но британская блокада делала это невозможным.

Оберштурмфюрер СС Эйхман давно и профессионально занимался еврейским вопросом. Уроженец Палестины, он бегло говорил на иврите и считался наиболее подходящим человеком для проведения в жизнь «окончательного решения». Большинство нацистских главарей сходились на том, что Польша — наиболее подходящее место для сбора европейских евреев. Во-первых, там их и без того три с половиной миллиона. Во-вторых, в Польше массовые ссылки не вызовут того возмущения, которое они вызвали бы в Западной Европе.

Немцы организовали охоту на евреев по всей Польше. Специальные отряды врывались в местечки и городки. Евреев грузили в товарные вагоны, часто не разрешая взять с собой даже минимума вещей, и отправляли в города покрупнее.

Некоторые евреи, заблаговременно узнавая о намечавшихся облавах, либо бежали, либо пытались за деньги спрятаться в христианских домах. Мало кто из поляков шел на такой риск. Чаще всего у евреев выжимали все до последнего гроша, а затем выдавали их немцам, получая за это награду.

Когда кампания переселения была завершена, немцы издали декрет, обязывающий всех евреев носить повязку с шестиконечной звездой.

Польша — не Дания. Здесь не стали протестовать против этого декрета; евреи носили повязку, а кроме того, звезда Давида была пришита у них еще и на спине.

Варшава, зима 1939

Для семейства Ландау наступили трудные дни. Смерть отца, нужда, тревожащие душу разговоры о восстановлении гетто сделали жизнь очень трудной.

Однажды утром в начале 1940 года в их дверь постучали. Это были польские синерубашечники, местные полицейские, сотрудничавшие с немцами. Они объявили Лии, что ей дается два часа, чтобы собрать вещи и перебраться в район Варшавы, отведенный для евреев. За покинутый дом — никакого

возмещения. У Лии едва хватило времени, чтобы похватать самое ценное из того, что она скопила за двадцать лет семейной жизни. Варшавских евреев загнали в специально выделенный для этого район в центре города, расположенный неподалеку от железной дороги. Мундек и Ян действовали быстро и успели занять трехэтажный дом, который превратился в штаб «Искупителей». Семья Ландау, состоявшая из пяти человек, получила одну комнату с койками и парой стульев. Ванную и кухню они делили еще с десятью семьями.

Гетто заняло двенадцать кварталов — от Иерусалимской улицы до кладбища. «Искупители» обосновались в квартале щеточников на улице Лешно. Лии удалось спасти кое-какие драгоценности, которые могли пригодиться в дальнейшем, пока, правда, срочной необходимости в их продаже не было: Мундек продолжал работать в пекарне, а питались они из общего котла «Искупителей».

Варшаву наводнили евреи, пригнанные из провинции. Они прибывали нескончаемым потоком, тащили то, что им разрешили унести, на плечах, на тачках, везли на телегах. Их выгружали эшелон за эшелон вдоль железнодорожного пути, проходящего рядом с гетто. Вскоре во всем районе негде было повернуться. Семейство Яна поселилось вместе с семейством Ландау. Их было теперь девять человек в комнате. Роман Яна и Руфи перестал быть секретом.

Немцы заставили евреев создать совет для управления делами района, и он стал орудием в руках оккупационных властей. Некоторые евреи решили, что лучше покориться немцам, и пошли служить в специальную еврейскую полицию. Население района вскоре достигло полумиллиона.

К концу 1940 года, спустя год после захвата Польши, немцы начали принудительную мобилизацию в трудовые батальоны, куда загнали тысячи евреев. Вокруг еврейского района воздвигли каменную стену, а по верху ее протянули колючую проволоку. Все пятнадцать выходов охранялись польскими синерубашечниками и литовскими полицаями. В Польше воскресло гетто! Сообщение с внешним миром прекратилось почти полностью. Мундек, работавший за пределами гетто, потерял работу. Продовольствия, отпускаемого для гетто, едва хватало, чтобы кое-как прокормить половину людей. Только те, кто работал в каком-нибудь трудовом батальоне или на заводе и у кого была «рабочая карточка», еще могли что-нибудь достать из продуктов.

Началась паника. Некоторые евреи стали продавать

последнее, чтобы достать пищу, были и такие, которые пытались бежать из гетто. Попытки кончались либо гибелью, либо выдачей бежавших польским населением. Жизнь в стенах гетто мало-помалу превращалась в беспощадную борьбу за существование.

Мундек Ландау получил от районного совета разрешение на открытие пекарни прямо в гетто. Благодаря взаимной поддержке «Искупителям» удалось выжить и кое-как прокормиться.

Не все в гетто было так мрачно. Каждую неделю выступал прекрасный симфонический оркестр, работали школы, создавались маленькие театры, читались доклады, велись дискуссии. Издавалась даже своя газета, ходили свои, особые, денежные знаки. Проводились тайные богослужения. Во всем этом «Искупители» играли важную роль. Маленькому Дову очень хотелось ходить на собрания группы, но родные вместо этого заставляли его как можно больше учиться.

Март 1941

Спустя полтора года после оккупации Польши Гитлер распорядился «окончательно решить» еврейский вопрос. Приказ был устный. Месяца через полтора начальник СД Гейдрих доложил о нем на секретном совещании главарей СС, СД и прочих нацистских организаций в Гросс-Ваннзее.

Окончательное решение оказалось геноцидом.

Оберштурмфюреру Эйхману, специалисту по еврейским делам, было поручено истребить евреев Европы.

В течение нескольких месяцев специальные карательные отряды наводнили Польшу, Прибалтику и оккупированные советские области, где приступили к своей жестокой миссии. Они действовали по заранее разработанному плану. Сгоняли евреев в одно, обычно глухое, место и заставляли рыть могилы. Затем им приказывали раздеться донага, ставили на колени на краю могилы и убивали выстрелами в затылок.

Рекорд был поставлен в Киеве, в Бабьем Яре, куда в течение двух дней были согнаны и расстреляны на краю огромных ровов 33 тысячи евреев.

Местное население не оказывало карательным отрядам противодействия. Больше того, оно в известной степени разделяло ненависть немцев к евреям. Побойще в Бабьем Яре происходило под крики одобрения многих украинцев.

Вскоре выяснилось, что даже такими методами программу геноцида быстро не выполнить. Расстрелы были неудобны, недостаточно «производительны», а от голода евреи упрямо не хотели умирать со скоростью, нужной немцам. И тогда фашистские главари разработали новый план. Для проведения его в жизнь выбрали места, расположенные у железных дорог неподалеку от населенных пунктов. Лучшим инженерам поручили построить лагеря уничтожения, чтобы проводить истребление в массовом порядке при минимальных затратах, как на конвейере.

Для руководства новыми лагерями отобрали опытные кадры из старых концлагерей в самой Германии.

Зима 1941

В варшавском гетто свирепствовала смерть. По сравнению с тем, что творилось здесь, бледнел даже Бабий Яр. Десятки, сотни, тысячи людей умирали от голода и холода. Дети, у которых давно уже не было сил плакать, умирали сотнями, и сотнями же умирали старики, у которых не было сил молиться. Каждое утро на улицах появлялись новые трупы. Санитарные отряды обходили улицы с лопатами, грузили их — младенцев, стариков, женщин, мужчин — на тачки и отвозили в крематорий.

Пекарню Мундека закрыли. Дову уже исполнилось одиннадцать лет. Он бросил школу и шатался по улицам в поисках еды. Даже такие крепко спаянные группы, как «Искупители», и те находились в ужасном положении.

Дов усвоил все хитрости, необходимые для того, чтоб выжить в условиях гетто. Он передвигался, прислушивался и действовал с проворством хищного зверька. Дома все чаще было нечего есть. Когда не удавалось достать пищу, Лия выменивала ее на что-нибудь из своего добра.

Это была долгая и жестокая зима. Однажды после пятнадцатидневной голодовки Лия наконец-таки приготовила обед, но исчезло обручальное кольцо на ее пальце. Потом положение несколько улучшилось, так как «Искупители» где-то раздобыли лошадь. Это была старая, костлявая кляча. По еврейским законам запрещено есть конину, но какая же она была вкусная!

Руфи уже было девятнадцать. В эту зиму она вышла замуж за Яна. Девушка до того похудела, что от ее красоты не осталось и следа. Медовый месяц они провели в общей

комнате, где жили еще семеро. Тем не менее молодые супруги ухитрились как-то уединиться: уже весной Руфь была беременна.

Мундек в штабе «Искупителей» отвечал за связь с внешним миром. Польских синерубашечников и литовцев можно было подкупить, но он считал, что деньги надо беречь для более важных дел, и начал искать подземные выходы из гетто — через канализационные трубы. Выбираться в Варшаву было опасно: банды городских хулиганов охотились за евреями, чтобы шантажировать их или выдавать немцам за награду.

«Искупители» потеряли пятерых, посланных за пределы гетто. Последним был пойман, выдан гестапо и повешен Ян, муж Руфи.

Маленький Дов, в совершенстве усвоивший тактику ежечасной борьбы за существование, вызвался быть курьером Мундека. Брат не хотел и слышать об этом, но Дов настаивал. Со светлыми волосами и голубыми глазами он мало походил на еврея. Мундек знал, что Дов смышлен и хитер, но никак не мог решиться послать младшего брата на такое опасное дело. Однако, потеряв шестого, а затем и седьмого курьера, он решил попытать счастья с Довом. Подумал: все равно их на каждом шагу подстерегает смерть. Лия поняла его и не стала возражать.

Дов оказался превосходным курьером. Он отыскал десятки лазеек, он чувствовал себя как дома в каналах, где текли густые, грязные и вонючие отбросы Варшавы. Каждый понедельник Дов совершал вылазку, пробираясь впотьмах, по грудь в воде. Выбравшись, он отправлялся в дом на Забровскую улицу, где жила отважная женщина, которую звали Вандой. Пообедав у нее, возвращался в гетто тем же путем, нагруженный пистолетами, патронами, запчастями для радиостанций, а кроме того — новостями из других гетто.

В свободное от походов время Дов любил сидеть в штабе, где Мундек и Ревекка проводили почти все свое время. Ревекка занималась подделкой пропусков и паспортов. Дов любил смотреть, как она это делает, а вскоре начал помогать ей. Очень скоро выяснилось, что у него исключительные способности: острый глаз и твердая рука. В возрасте двенадцати лет он стал лучшим подделывателем бумаг среди «Искупителей».

Конец весны 1942

Немцы сделали важный шаг по пути «окончательного решения» еврейского вопроса, построив лагерь массового уничтожения. Для евреев варшавской зоны выделили тридцать три акра в Трешлинке. В двух главных корпусах соорудили тридцать газовых камер. Было построено жилье для рабочих и немецкой охраны, огромные печи для сжигания трупов. Лагерь в Трешлинке стал первенцем — впоследствии соорудили другие, более производительные лагеря.

Июль 1942

Девятое Ава — день ежегодного траура в память дважды разрушенного ассирийцами и римлянами Иерусалимского Храма. Ибо падение Иерусалима в войне с римлянами около двух тысяч лет назад ознаменовало собой конец еврейской государственности. С тех пор евреи рассеялись по всему миру.

Обитатели польских гетто отмечали траур с еще более глубокой скорбью, чем остальные евреи. Девятый день месяца Ав совпал в 1942 году с важнейшим этапом «окончательного решения» еврейского вопроса.

В то самое время, когда евреи оплакивали свои былые несчастья, немецкие отряды вошли в гетто. Сначала жители решили, что затеяна новая облава для пополнения трудовых батальонов. Но на этот раз немцы стали сгонять только стариков и детей. В гетто возникла паника. Началась настоящая охота, детей вырывали из рук матерей.

Всех повели к железной дороге, где их ждали товарные вагоны. Дети смеялись и пели. Немцы пообещали им прогулку за город. Вот это да! Многие из них не помнили, когда бывали за пределами гетто.

Поезд медленно тронулся по направлению к Трешлинке. Вот оно, «окончательное решение».

Две недели спустя Дов Ландау вернулся от Ванды с ужасным известием: все, кого забрали в тот день, а затем во время пяти таких же облав, были умерщвлены в газовых камерах Трешлинки. Из остальных гетто поступали сведения о других лагерях: Бельзце и Хелмно близ Кракова, Майданеке неподалеку от Люблина.

Массовые убийства в газовых камерах? Это казалось непостижимым! Мундек как руководитель «Искупителей»

встретился в гетто с командирами других сионистских групп, и они написали совместное воззвание, призывая немедленно начать восстание и прорвать блокаду.

Воззвание имело скорее моральное, чем практическое значение: в гетто почти не было оружия. Кроме того, евреи, имевшие рабочие удостоверения, боялись, что активные действия ухудшат их положение. Но главная причина, лишавшая восстание смысла, заключалась в том, что никто в Польше не поддержал бы его. Во Франции вишистское правительство категорически отклонило требования немцев о выдаче французских евреев. В Голландии евреев прятал весь народ. В Дании король не обращал внимания на немецкие декреты, и датчане переправили всех евреев в Швецию.

Поляки же если и не поддерживали истребление своих евреев, то и не возражали против этого. А если и возражали, то открыто не протестовали. Лишь очень немногие помогали евреям.

В стенах гетто каждая организация придерживалась своей идеологии. Верующие препирались с социалистами, консерваторы — с левыми. Евреи любят спорить. В гетто споры стали любимым времяпрепровождением. Но сейчас смертельная опасность грозила всем. Группа Мундека объединила спорщиков. Главной задачей объединенной организации стало спасение евреев от уничтожения.

Вылазки Дова к Ванде стали чуть ли не ежедневными. В каждый такой поход он доставлял польскому подполью просьбы об оружии и помощи. Большинство этих просьб оставалось без ответа или ответы были уклончивы.

Однажды в начале сентября Дов чуть не попался. Он выходил от Ванды, когда к нему подошли четыре парня. Мальчик попытался убежать, но его загнали в тупик и потребовали доказательств, что он не еврей. Они напирали со всех сторон, намереваясь спустить ему штаны и проверить, обрезан он или нет. Дов выхватил пистолет, который получил у Ванды для доставки в гетто, и наповал убил одного из нападавших. Остальные разбежались. Сам Дов что было мочи помчался прочь и вскоре уже пробирался по одной из своих лазеек.

Вернувшись в штаб, мальчик свалился в изнеможении. Мундек пытался успокоить его. Дов всегда чувствовал какую-то чудесную теплоту, когда брат бывал рядом. Мундеку шел уже двадцать первый год, он был ужасно худой и вечно усталый, потому что работал сутки напролет. Ему уда-

лось сохранить почти весь отряд «Искупителей», и боевой их дух по-прежнему оставался высок...

Братья тихо пошептались, и Дов успокоился. Мундек положил руку ему на плечо, и они пошли в свою комнату. Мундек говорил, что Руфь должна через несколько недель родить, и как это будет чудесно: Дов станет дядей. Конечно, ребенок будет племянником всех «Искупителей», но все-таки Дов — его настоящий дядя. В отряде уже родилось трое детей — новые «Искупители». Но самым чудесным ребенком будет, конечно, ребенок Руфи. А тут Мундек вдобавок похвастал, что им удалось добыть еще одну лошадиную тушу, так что ожидается настоящий пир. Дов перестал дрожать. Он улыбнулся Мундеку и сказал, что очень любит его.

Едва они открыли дверь и увидели Ревекку, как сразу поняли, что стряслась беда. Мундеку с трудом удалось заставить сестру внятно рассказать, в чем дело.

— Мать и Руфь! — рыдала она. — Их забрали с фабрики. Отняли пропуска и повели на Умшлагплац.

Дов бросился к двери. Мундек схватил его. Мальчик рыдал и вырывался.

— Дов, Дов! Ничего сделать нельзя!

— Мама! Мама! Я хочу к маме!

— Дов! Дов! Неужели тебе хочется видеть, как их ведут?

Руфь обманула газовую камеру. Она умерла при родах вместе с ребенком в вагоне для перевозки скота, до того набитом, что она не могла даже прилечь.

Комендант Треблинки, штурмбанфюрер СС Вирт гордился, что Треблинка занимает первое место по части предоставления «специальных услуг» среди лагерей на территории Польши. Но сегодня он был вне себя от бешенства. Опять авария в газовых камерах, а тут новый транспорт из варшавского гетто! Инженеры доложили, что нет никакой возможности устранить аварию до его прибытия.

В довершение всех бед ожидалось с инспекцией штурмбанфюрер Эйхман и лично Гиммлер; Вирт намеревался устроить в их честь показательный сеанс массового умерщвления в газовых камерах.

Пришлось собрать все старые, уже почти вышедшие из употребления душегубки и послать их на станцию для приема груза. Обычно в душегубке размещали два десятка человек. Но это был аварийный случай, поэтому немцы заставили евреев поднять руки над головами и втолкнули в

кузова еще по семь-восемь жертв. Затем, обнаружив, что между стоящими и потолком осталось еще несколько дюймов свободного пространства, они стали заталкивать туда детей.

Лия Ландау после гибели Руфи была в полнейшей страсти. Поезд загнали в тупик неподалеку от Треблинки. Ее и еще тридцать женщин вытащили из вагона и кнутами загнали в душегубку. Когда душегубку набили до отказа, железная дверь захлопнулась. Машина тронулась. Не прошло и минуты, как кузов наполнился окисью углерода. Когда машина доехала до лагеря и остановилась у заранее вырытых ям, женщины были мертвы — осталось только выгрузить трупы и вырвать золотые коронки из их ртов.

Тут Лия наконец взяла верх над палачами: свои золотые зубы она давно вырвала и обменяла на еду для детей.

Приближалась зима; немцы устраивали облавы все чаще.

Гетто перебралось в подвалы, захватив с собой все, что представляло собой хоть малейшую ценность. Подвалы постепенно расширяли, а некоторые, например подвал «Искупителей», превратили в укрепленные бункеры. Возникли десятки, сотни таких бункеров. Между ними прокладывались подземные ходы.

Облавы приносили немцам и их пособникам среди местного населения все меньший улов. Фашисты начинали злиться. Евреи столь удачно маскировали бункеры, что их очень трудно было обнаружить. Наконец комендант Варшавы самолично пожаловал в гетто, чтобы поговорить с председателем районного совета. Он сердито потребовал, чтобы совет помог немцам поскорее завершить программу «переселения» и выловить трусов, скрывающихся от «честного труда». Более трех лет совет находился между молотом и наковальней: с одной стороны, ему приходилось выполнять распоряжения немцев, с другой — он пытался спасти евреев. Когда же немцы потребовали прямого участия в геноциде, председатель совета покончил с собой.

В гетто снова пришла зима. Группе Мундека было поручено разработать план обороны части квартала щеточников. Дов проводил дни либо в вылазках, либо в бункере, подделывая бумаги и паспорта. Экспедиции позволяли ему раз или два в неделю неплохо поесть у Ванды. Он выводил теперь из гетто стариков и инвалидов, а на обратном пути приносил оружие и радиодетали.

Зимой 1943 года смертность в гетто достигла ужасающих размеров. Из полумиллиона евреев, загнанных в гетто, в живых осталось 50 тысяч.

Однажды в середине января Мундек и Ревекка отвели Дова в сторону. Ему предстояло в очередной раз отправиться к Ванде.

— Мы до того замотались последнее время, — начал Мундек, — что даже поговорить некогда.

— Дов, — сказала Ревекка, — мы тут переговорили кое о чем, пока ты был в Варшаве, и поставили вопрос на голосование. Было решено, что ты останешься на той стороне.

— Какое-нибудь задание? — спросил мальчик.

— Нет... ты не понял.

— А что такое?

— А то, — сказала Ревекка, — что мы решили отправить кое-кого из наших ребят в город насовсем.

Дов не понимал. Он знал, как «Искупители» нуждаются в нем. Ни один человек не знал подземные ходы, как он. Если готовится оборона, то, значит, курьер станет еще нужнее. Кроме того, он подделывает документы и паспорта, благодаря которым многим уже удалось выбраться из Польши. Дов вопросительно посмотрел на брата и сестру.

Ревекка сунула ему конверт.

— Здесь деньги и бумаги. Поживешь у Ванды, пока она найдет для тебя какую-нибудь христианскую семью, чтобы спрятаться.

— Ничего вы не голосовали. Это ты с Мундеком все выдумала. Я никуда не пойду.

— Пойдешь! Это приказ, — сказал Мундек.

— Какой такой приказ? — отмахнулся Дов.

— Мой приказ — как главы нашей семьи!

Все трое стояли в крошечной землянке в углу бункера. Было очень тихо.

— Это приказ, — повторил Мундек.

Ревекка обняла Дова и погладила по волосам.

— Ты вырос, Дов. Мы так и не успели тебя побаловать. Я всякий раз плакала, глядя, как ты спускаешься в канализацию, чтобы принести нам потом ворованную пищу. У тебя совсем не было детства.

— Вы тут ни при чем.

— Дов, — сказал Мундек, — пожалуйста, сделай нам с Ревеккой последнее одолжение. Мы не смогли ничего тебе дать. Так не мешай нам, когда мы пытаемся спасти твою жизнь.

— Мундек, Ревекка! Мне ничего не надо. Лишь бы остаться с вами!

— Пожалуйста... пожалуйста, пойми нас! Хоть один Ландау должен остаться в живых. Надо, чтобы ты жил за нас всех.

Дов взглянул на брата, которого боготворил. Глаза Мундека смотрели с мольбой.

— Я понял, — прошептал Дов. — Буду жить.

Мальчик сунул конверт в брезент, чтобы не намок, когда он будет лезть по канализационной трубе.

Ревекка прижала его голову к груди.

— Встретимся в Эрец Исраэль! — сказала она.

— Да... в стране Израила.

— Ты был хорошим бойцом, Дов, — сказал Мундек. — Я горжусь тобой. Шалом, лхитраот.

— Шалом, лхитраот, — повторил Дов.

Дов Ландау встретил свой тринадцатый день рождения, пробираясь по сточным трубам Варшавы к Ванде. У него было так тяжело на душе, что, казалось, он этого не вынесет. При иных условиях и в ином мире это был бы его бармицвэ — праздник совершеннолетия.

18 января 1943

Спустя три дня после того, как ушел Дов, немцы, синерубашечники и литовские полицаи окружили гетто. Теперь, когда евреев стало меньше в десять раз, решено было форсировать «окончательное решение». Но карателей встретил град пуль, и они бежали, оставив немало трупов.

Новость распространилась по Варшаве с быстротой пожара!

Евреи восстали!

В эту ночь вся Варшава слушала подпольную радиостанцию, непрерывно передававшую воззвание:

«Братья поляки! Сегодня мы нанесли удар по палачам! Призываем всех братьев, находящихся за пределами гетто, восстать и ударить по врагу. Присоединяйтесь к нам!»

Подполье осталось глухим к этому возванию. Однако на здании штаба восставших, расположенном на улице Мила, рядом с флагом со звездой Давида развевалось польское национальное знамя. Евреи варшавского гетто решили биться насмерть под тем знаменем, под которым им было отказано жить.

ГЛАВА 23

Самолюбие немцев было жестоко уязвлено. Конрад, начальник отдела гестапо по делам гетто, доложил Гансу Францу, генерал-губернатору Польши, что за два-три дня с бунтом будет покончено. Поляков, которым долго внушали, что евреи — трусы, уверяли теперь, что восстание — затея горстки безумцев и сексуальных маньяков, тех самых, которые насиловали польских девушек.

Командование объединившихся групп взяло власть в свои руки и сместило совет по управлению гетто. Быстро и беспощадно расправившись с теми, кто служил немцам, бойцы заняли круговую оборону.

Ганс Франк решил не поддаваться на удочку восставших и отказался от немедленного наступления на гетто. Немцы задумали свести на нет значение восстания и развернули пропагандистскую кампанию, требуя от обитателей гетто добровольной явки для дальнейшего «переселения» и обещая тем, кто согласится «работать честно», хорошее отношение.

Командование восставших оповестило жителей гетто, что каждый, кто согласится выполнить требования немцев, будет немедленно расстрелян. «Переселений» больше не будет.

Две недели прошли спокойно. Затем карательные отряды вновь вступили в гетто. На этот раз они двигались в высшей степени осторожно. Защитники гетто, укрывшись на заранее подготовленных позициях, открывали огонь. Немцам опять пришлось отступить.

Они задумались. Их печать и радио неистово ругали жидовских большевиков, повинных в беспорядках. Пока фашисты неистовствовали, восставшие как могли укрепляли свои позиции и продолжали отчаянно взывать о помощи к польскому подполью. Они обращали призывы ко всему населению, но ни оружия, ни помощи не приходило: лишь несколько десятков добровольцев пробрались в гетто по подземным ходам, чтобы принять участие в борьбе.

Немецкое командование надеялось одним ударом стереть с лица земли все, что еще оставалось от гетто. Наступление началось в канун Пасхи, праздника, олицетворяющего исход евреев из Египта.

В три часа утра три тысячи отборных эсэсовцев при поддержке польских синерубашечников и литовцев окружили

гетто. Десятки прожекторов заметались, выискивая цели для минометов и легких орудий. Артподготовка велась до самого утра.

На рассвете каратели пошли в атаку. Не встречая сопротивления, они все туже сжимали кольцо, когда с крыш домов, из окон, из-за тщательно замаскированных укрытий восставшие внезапно открыли огонь. Попавшим в засаду немцам в третий раз пришлось бежать из гетто.

Вне себя от ярости фашисты вернулись в гетто на танках. Их встретили бутылками с горючим, превращавшими стальные чудовища в пылающие гробы. Немцы бросили танки и снова бежали. На этот раз они оставили несколько сот убитых. Защитники гетто выскочили из укрытий, собрали брошенное оружие и снимали с убитых форму.

Конрад был смещен с должности. На его место пришел генерал СС Строоп, получивший приказ разрушить гетто до основания. Атаки на гетто стали ежедневны. Строоп менял тактику, нанося удары в неожиданных направлениях. Но восставшие сражались, как безумные, за каждый дом, каждую комнату, каждый метр. Живыми они не сдавались. Самодельные мины, ловушки, отчаянные контратаки. Немецкие атаки захлебывались, карателям приходилось отступать.

Прошло десять дней, немцы ничуть не приблизились к победе. Тогда они захватили больницу гетто — расстреляли больных, взорвали здание и объявили, что... уничтожили штаб восстания.

Но постепенно численное превосходство немцев начало сказываться. Восставшие не могли заменить павших бойцов, не могли пополнять боеприпасы с той же быстротой, с какой их расходовали. И все же немцам не удавалось укрепиться в гетто.

Защитники гетто, переодевшись в захваченную немецкую форму, все чаще пробирались к фашистам в тыл и наносили им удары в спину, взрывали склады оружия. Мундек устроил нападение на тюрьму Павиак и освободил всех заключенных.

На пятнадцатый день боев погибла Ревекка Ландау. Вместе с другими «Искупителями» она обороняла позицию в квартале щеточников, неподалеку от штаба группы. Ревекка осталась в живых одна, когда от непрерывного минометного огня стены обрушились; ей пришлось выскочить из укрытия. Путь к отступлению был отрезан, она вынула из-за

пазухи гранату и побежала навстречу немцам. Добежав, дернула предохранитель и погибла, убив трех врагов и себя.

Через три недели Строоп изменил тактику. Он оттянул войска назад, окружил гетто плотным кольцом и приступил к осаде. Начался непрерывный обстрел гетто из тяжелых орудий, разрушались все здания, где можно было найти укрытие. По ночам «хейнкели» сбрасывали на гетто зажигательные бомбы.

...Мундек вернулся к «Искупителям» после совещания в штабе восстания. Все собрались вокруг него. Бойцы едва держались на ногах от изнеможения, голода и жажды. Многие были обожжены, ранены.

— Артиллерия разрушила почти все здания. Что еще не рухнуло, то горит, — сказал он.

— С подпольем связь установлена?

— Связь мы установили, но они нам не помогут. У нас теперь не будет ни продовольствия, ни воды, ни боеприпасов. Рассчитывать надо только на то, что у нас под руками. Наши коммуникации разрушены. Короче, друзья, мы больше не можем воевать по плану. Отныне каждый бункер сам себе хозяин. Попытаемся держать связь со штабом через посыльных, но, когда немцы опять пойдут в наступление, будем действовать против них самостоятельно, кто как сумеет.

— А сколько мы сможем продержаться, Мундек? Из всей группы нас осталось всего человек тридцать, и на всех десяток пистолетов и шесть винтовок.

Мундек улыбнулся.

— Вся Польша продержалась двадцать шесть дней. Мы и так уж бьемся дольше.

Он расставил охрану, раздал остатки пищи и назначил маршрут для утреннего патруля.

Ривка, одна из девушек, взяла в руки потрепанный аккордеон и стала наигрывать грустную мелодию. В сыром, вонючем бункере, на глубине трех метров под землей, последние оставшиеся в живых «Искупители» неумело запели песню, которую разучили еще в детстве. В песне говорилось о прекрасной земле Галилея, о пшенице на ее полях, которую колышет ветер. В бункере варшавского гетто они пели о полях, которые — они это хорошо понимали — никто из них уже не увидит.

— Тревога! — крикнул наверху караульный, заметив

одинокую тень, которая приближалась со стороны горящих развалин.

В бункере вмиг потушили свет, стало темно и тихо. Раздался условный стук. Дверь открыли и опять закрыли, зажгли свет.

— Дов! Ради Бога! Что ты здесь делаешь?

— Не отсылай меня назад, Мундек!

Братья обнялись, и Дов заплакал. Все уселись вокруг мальчика, и он рассказал им то, о чем они уже и сами догадались: польское подполье не придет на помощь.

— Канализационные проходы забиты людьми, — сказал Дов. — Они лежат прямо в дерьме, у них нет даже сил встать. Им некуда идти. Никому они в Варшаве не нужны.

Дов вернулся в гетто. Вскоре началось нечто непостижимое: Евреи, которым удалось спрятаться у католиков, стали возвращаться в гетто на последний бой. Они решили, что лучше умереть с достоинством, чем дрожать по углам.

Май 1943

Яростный обстрел наконец прекратился. Едва канонада стихла, в гетто вновь вошли карательные отряды. На этот раз у евреев не было ни оборонительных позиций, ни связи друг с другом, ни общего плана действий, у них почти не было пищи, воды и оружия.

Немцы действовали по четкой схеме. Они отрезали один квартал за другим, истребляя огнем орудий и огнеметов всех в бункерах, а затем полностью разрушали здания.

Они изо всех сил старались хоть кого-нибудь взять в плен, чтобы пытками заставить его выдать расположение бункеров, но восставшие предпочитали сгореть заживо, чем сдаться.

Они открыли канализационные люки и накачали в канал отравляющие газы: вскоре зловонные трубы и подземные галереи заполнились трупами. Но восставшие все-таки не сдавались. Германские потери все росли и исчислялись уже тысячами.

14 мая Мундек собрал оставшихся двенадцать человек и предложил им выбрать: либо остаться в гетто и стоять на-смерть, либо с помощью Дова попытаться выйти по канализационным трубам на волю. В этом случае у них оставался шанс — очень, правда, небольшой — добраться до партизан.

Дов убедил Мундека, что можно обойти те части канализационной сети, которые немцы отравили газами.

Сначала он отправился один. Добравшись до Забровской улицы, Дов инстинктивно почувствовал что-то неладное. Пройдя мимо дома Ванды, он заметил несколько человек, следивших за домом с разных концов улицы. Дов не знал, попалась ли Ванда в лапы гестапо, но понял, что это место небезопасно.

Он вернулся в гетто поздно ночью. Даже он с трудом теперь нашел бункер, так как ни улиц, ни домов вокруг больше не осталось — сплошные развалины. Подойдя к бункеру, Дов почуял запах горелого мяса. Спустился под землю, зажег свечу, которую всегда носил с собой в канале. Слабый, мерцающий свет упал на стены. Дов обошел бункер, то и дело опускаясь на колени. Везде лежали трупы. Струя огнемета до того обезобразила еще теплые тела, что он никого не сумел опознать. Даже Мундека.

15 мая 1943 года радиостанция восставших в последний раз передала отчаянный крик о помощи: «Говорит варшавское гетто. Ради всего святого, помогите нам!»

16 мая 1943 года. Сорок два дня прошло после первой немецкой атаки на гетто. Желая достойно увенчать «победу», генерал Строоп приказал взорвать Большую синагогу на Гламацкой улице, с давних пор олицетворявшую польское еврейство. И подобно тому как храм Соломона пал от рук римлян, так пала и эта синагога. Немцы сообщили, что проблема варшавского гетто окончательно решена.

Разрушено было все. На территории бывшего гетто не осталось строений выше человеческого роста. Строоп доложил о взятых трофеях: шестнадцать пистолетов и четыре винтовки. И еще — горы камня и кирпича в развалинах, которые можно использовать как строительный материал. Пленных нет.

Но даже после этого тщательнейшего поголовного истребления в живых осталось несколько бойцов. Среди развалин продолжалась борьба. Чудом уцелевшие евреи, объединяясь по два-три человека, нападали по ночам на патрули. Немцы и польские синерубашечники клялись, что в гетто водятся черти.

Дов встретил среди развалин шестерых бойцов. Они обследовали квартал за кварталом, но больше живых не нашли. В бункерах отыскалось оружие. Ночью Дов водил бойцов из-

вестным ему одному ходом в город, где они совершали молниеносные нападения на продовольственные магазины.

Днем Дов и его новые товарищи сидели под землей в свежевыкопанном бункере. Пять нескончаемых, ужасных месяцев никто из них не видел солнца. Они погибли один за другим: трое во время вылазки в Варшаву, двое покончили с собой, а один умер с голоду.

Уцелел только Дов. Пять месяцев спустя его, полуживого, почти протерявшего человеческий облик, нашел немецкий патруль. Дова привели в чувство ровно настолько, чтобы потащить в гестапо на допрос. Допросы всегда кончались избиением, но мальчик молчал.

Гестаповцы отказывались верить, что он ухитрился один прожить пять месяцев среди развалин варшавского гетто. Дов Ландау, тринадцати лет от роду, знаток ходов канализации и развалин, специалист по подделкам, был включен в состав транспорта с «переселенцами». Пункт назначения — Освенцим.

ГЛАВА 24

Дова Ландау вместе с шестьюдесятью евреями погрузили на открытую платформу. Поезд шел по заснеженной местности на юг, в сторону Освенцима.

Берлин, Германия, 1940

Полковник СС Карл Гесс вошел в кабинет полковника СС Эйхмана, которому было поручено «окончательное решение» еврейского вопроса. Эйхман познакомил Гесса с планом геноцида — венцом коллективного творчества нацистских главарей.

Европа густо усеивалась концентрационными лагерями и политическими тюрьмами. Каждая оккупированная страна насыщалась учреждениями гестапо. Сверх того Европу опутывала сеть из трехсот комбинированных лагерей. Половина из них предназначалась для евреев.

Тщательно разработанный план произвел на Гесса глубокое впечатление.

Однако проектировщики чувствовали, что рано или поздно столкнутся с особой трудностью, из-за которой Гесс и был вызван в Берлин. Нацисты знали, что гарантировать беспере-

бойную работу лагерей уничтожения в Западной Европе будет чрезвычайно трудно. Куда удобнее использовать Польшу, занимающую положение между Западной Европой и Балканами. Там можно построить огромный образцовый лагерь, ведь помимо евреев предстояли еще русские и прочие военнопленные, партизаны, политические противники в оккупированных странах, марксисты, большевики, религиозные фанатики-католики, цыгане, уголовники, масоны, наконец — соотечественники-немцы, болтающие о мире, свободе, профсоюзах и тому подобном. А еще есть подозрительные иностранцы, проститутки, гомосексуалисты и множество других нежелательных элементов. Всех их необходимо уничтожить, чтобы превратить Европу в место, пригодное для жизни арийцев.

Как раз о создании такого лагеря, куда можно было бы помещать людей любой категории, и говорил Эйхман с Гессом. В награду за долголетнюю верную службу Гесс назначался начальником этого лагеря. Эйхман указал на карте небольшой городок у польско-чешской границы — Освенцим.

Поезд, что вез Дова Ландау на юг, остановился в Кракове. Состав подали на боковую ветку, а там к нему прицепили вагоны с французскими, греческими, югославскими и голландскими евреями. На открытых платформах везли итальянских евреев, тоже следовавших на «поселение». Стоял жестокий холод. Ледяной ветер со снегом пробирал насквозь Дова, не защищенного от холода ничем, кроме разорванной в клочья рубашки и скупого тепла от тесно сбитых в кучу человеческих тел.

Берлин, Германия, 1940 — 1941

Нацистские главари не случайно назначили Гесса руководить чудовищной человеческой бойней в Освенциме. Они знали, кого выбирают. Карьера Гесса началась с прихода Гитлера к власти. До назначения в Освенцим он был заместителем начальника лагеря в Заксенхаузене. Гесс был человек аккуратный до педантичности, способный выполнить любой приказ, не задавая вопросов. Кроме того, он не боялся никакой работы.

Вечно утопающий в грязи небольшой городок Освенцим, расположенный на окраине Силезского угольного бассейна, ничем до этого не выделялся. Неподалеку от него расчистили от деревень и ферм территорию в 20 тысяч акров и

окужили ее забором. На осуществление грандиозного проекта были брошены лучшие инженеры, строители, транспортники. Газовые камеры решили строить в двух милях от главного лагеря, в поселке Биркенау, который находился на отшибе и имел собственные подъездные пути. Оттого на Биркенау и пал выбор, что туда было удобно подавать железнодорожные составы со всех концов Европы.

Прежде чем приступить к созданию системы концлагерей, немцам пришлось сначала преодолеть разногласия в своей собственной среде. Германской армии для успешного ведения войны на Восточном фронте постоянно требовались вагоны. Использование дефицитнейшего подвижного состава для перевозки евреев генералы считали нелепостью. Однако нацистские главари твердо стояли на том, что «окончательное решение» еврейского вопроса столь же важно, как и успешное ведение войны. Так утверждал сам Гитлер, принявший, несмотря на возражения военного командования, сторону СС, СД и гестапо.

Став начальником освенцимского лагеря, Гесс поехал в Трехлинку, чтобы ознакомиться с тамошними методами уничтожения, и пришел к выводу, что начальник Трехлинки полковник СС Вирт — не более чем дилетант. В Трехлинке евреев уничтожали окисью углерода, что было малоэффективно. Аппаратура уничтожения то и дело выходила из строя, расходовался ценный бензин. Вирт действовал бессистемно, почти не прибегал к обману отправляемых на смерть, отчего часто случались беспорядки. Наконец, считал Гесс, что это за лагерь, где за один прием можно уничтожить только триста человек!

Когда газовые камеры в Биркенау были введены в эксплуатацию, Гесс провел серию опытов над первыми «гостями». Он и его ученые пришли к заключению, что наиболее эффективен «циклон Б», газ, содержащий синильную кислоту. Он заказал огромные количества этого газа у гамбургской компании по производству инсектицидов.

Газовые камеры в Биркенау имели по проекту разовую пропускную способность три тысячи человек. При соответствующей погоде и максимальном использовании мощностей можно было уничтожить до десяти тысяч в день.

Поезд, что вез Дова Ландау, состоял теперь из пятидесяти вагонов. Он остановился на станции Гжанов, последней перед Освенцимом. Каждый пятый пассажир умер в пути.

Сотни других примерзли к стенам вагонов и не могли сдвинуться с места, не оставив ключев своего мяса. Многие женщины выбрасывали по дороге детей из вагонов, надеясь, что крестьяне, глазевшие на поезда, подберут их. Трупы выгрузили и забросили в шесть новых вагонов, специально для этого прицепленных в хвосте. Дов, хоть и полуживой, был начеку. Он знал, что его ждет, и понимал, что теперь как никогда раньше ему понадобится проявить находчивость. Поезд опять тронулся. До Освенцима оставался час езды.

Освенцим, 1941 — 1942

Гесс непрерывно совершенствовал процесс уничтожения в Биркенау. Сначала он разработал систему обмана, благодаря чему жертвы сохраняли спокойствие до самого конца. Вокруг зданий, в которых размещались газовые камеры, посадили деревья, разбили газоны и цветники, прибили таблички с надписью на разных языках: «Зона санитарной очистки». Главный же обман состоял в том, что жертвам внушали, будто они должны пройти медосмотр и дезинфекцию, а там им выдадут новую одежду и отправят в рабочие лагеря.

Вокруг газовых камер были оборудованы чистенькие раздевалки с пронумерованными вешалками для одежды. Каждому приказывали запомнить свой номер. Затем их стригли наголо и велели снять очки, прежде чем зайти в «душевую».

Каждому выдавали нумерованный кусочек мыла, затем их вели нагими — по три тысячи человек сразу — по длинным коридорам, по бокам которых были десятки огромных дверей. Когда эти двери открывались, идущие «на дезинфекцию» могли видеть огромные душевые.

Большинство людей находились в таком подавленном состоянии, что ничего не успевали заподозрить и спокойно входили в «душевые». Только немногие успевали рассмотреть свой кусочек мыла и обнаружить, что это всего лишь камень. Кое-кто изредка замечал, что душевые отверстия на потолке фальшивые, а на полу нет стока для воды.

Бывало, в последнюю минуту возникала паника, но немцы хранили бдительность, они заталкивали строптивых в «душевые» кнутами и дубинками. Затем стальные двери плотно запирались на болты.

На каждую «душевую» уходило одна-две канистры «циклона Б»; минут через десять — пятнадцать все заканчивалось.

Затем приходили зондеркоманды, составленные из таких же заключенных, которые разгружали газовые камеры и перевозили трупы к печам. Перед загрузкой в печь с трупов снимали золотые кольца, вырывали золотые коронки. Все это отправлялось на переплавку, а затем в слитках — в Берлин. Черепа особо красивой формы эсэсовцы-охранники частенько брали после соответствующей обработки себе на память в качестве пресс-папье.

На семейные фотокарточки или письма, которые находились в карманах жертв, не обращали внимания. Эсэсовцы куда больше интересовались подкладкой одежды: там частенько прятали драгоценности. Случалось, что в куче одежды находили ребенка, припрятанного матерью. Его немедленно отправляли в очередной «душ».

Гесс хорошо относился к подчиненным. Если в Биркенау прибывал большой эшелон и работы оказывалось много — выдавал им дополнительные пайки и шнапс. Его система работала безотказно, и ничем его было не пронять. Он не волновался даже тогда, когда Эйхман отгрузил в адрес лагеря четверть миллиона венгерских евреев практически без предупреждения.

Гесс нажимал на ученых, собранных в лагере, требуя от них повышения производительности камер и печей и снижения себестоимости работ. Его проектировщики предложили сделать в камерах передвижные полы, которые перемещались гидравликой, как лифты, на другой этаж, где располагался крематорий. Другие проекты предусматривали увеличение производительности камер до сорока тысяч трупов в день.

Самым узким местом в Биркенау была обработка трупов. В первые месяцы работы лагеря их вывозили из камер прямо в поле, бросали в рвы и засыпали известью. Вонь, однако, была невыносимая. Тогда эсэсовцы заставили евреев из зондеркоманды выкопать трупы, сжечь их, а затем измельчить кости в порошок. Но при этом тоже стоял ужасный запах, и пришлось ускорить строительство специальных печей.

Поезд, в котором ехал Дов Ландау, миновал Освенцим и остановился на станции Биркенау.

ГЛАВА 25

Дов был полумертв от голода, весь окоченел, но долгие годы, проведенные в непрерывной смертельной опасности, до предела обострили его инстинкт. Даже в этом состоянии он был начеку и полон решимости уцелеть. Он понимал, что предстоящий час решит его судьбу.

Борта и двери товарных вагонов открылись; всем приехавшим на открытых платформах приказали прыгнуть на землю. Жертвы заполнили длинный перрон, вдоль которого в ряд стояли штурмовики с собаками, рвущимися с поводков. Засвистели кнуты, и люди закричали от боли. Дубинки глухо ударяли по головам, слышались хлопки пистолетных выстрелов — это пристреливали тех, у кого не было сил передвигаться.

Людей построили в колонну по четыре и повели в сторону огромного станционного здания. Колонна приближалась к нему медленно, но без остановок.

Дов осмотрелся. Слева стояли поезда. За поездами, по ту сторону вокзала, он заметил колонну грузовиков, их кузова были открытые; это не душегубки, подумал Дов. Справа, за цепью охранников, он увидел чистенькие газоны и деревья, окружавшие кирпичные здания. По их контурам и конусообразным трубам он понял, что это газовые камеры.

Колонна напирала сзади. Кто-то споткнулся, упал и не смог встать. На него спустили двух псов, и упавший тут же был разорван в клочья. Его вопли повергли Дова в дрожь. Он изо всех сил старался овладеть собой, сейчас никак нельзя было проявлять страх.

Его четверка вошла в здание. Внутри колонна расходилась, и каждый ряд направлялся к одному из столов в глубине зала. За каждым столом сидел немецкий врач, а вокруг стояло человек десять охранников и помощников. Дов, желая разобраться, что происходит, не отрывал глаз от стола, к которому подходил его ряд.

Врач быстро осматривал каждого подходящего, а затем указывал, куда ему идти.

Семь человек из десяти он направил в дверь справа. Это были либо старики, либо дети, либо больные. Дов догадался, что справа газовые камеры, и сделал вывод, что те, кому велят отойти вправо, отправятся прямо в печь.

Дверь слева вела туда, где стояла колонна грузовиков.

Из каждых десяти человек сюда направляли не более двух. Дов подумал, что эти попадут в трудовой лагерь.

Дверь справа означала смерть, дверь слева — жизнь!

Была еще одна группа. В нее попадал один из десяти, а то и меньше, чаще всего молодые женщины, некоторые — довольно красивые. Туда же определили несколько подростков. Девушек отбирали для борделей, а мальчиков — для офицеров-педерастов.

Когда стала подходить его очередь, Дов сделал несколько глубоких вздохов. Это вряд ли могло помочь, все равно он был кожа да кости и знал, что у него нет никаких шансов попасть налево, в трудовой лагерь.

Рядом раздались вопли женщины. На нее бросились эсэсовцы, опрокинули на пол и сорвали юбку. Женщина пыталась спрятать ребенка.

— Направо... направо... направо... — то и дело приказывал врач.

Дов остановился перед столом.

Врач поднял голову, посмотрел на него:

— Направо!

Дов слегка улыбнулся.

— Это ошибка, доктор, — сказал он спокойно. — Я специалист по фальшивым документам. Распишитесь на этом листочке бумаги, и я вам покажу.

Доктор ошеломленно откинулся назад. Хладнокровие Дова произвело на него впечатление. Было ясно: парень знает, что ему предстоит. В однообразном шествии к смерти произошла заминка. Два охранника схватили Дова и потащили к двери.

— Подождите! — приказал доктор, еще раз посмотрел на Дова и велел ему подойти к столу. Мгновение он колебался, но любопытство взяло верх. Врач расписался на листочке бумаги.

Дов мгновенно сделал еще шесть подписей и протянул листок врачу:

— Можете определить, какая подпись ваша?

Охранники изумленно вытаращили глаза. Врач еще раз посмотрел на Дова, затем пошептался с одним из охранников, который тут же отошел прбчь.

— Стой здесь, — бросил врач Дову, указав место сбоку.

Дов стоял у стола и смотрел на людей, проходивших мимо. Они шли на смерть со скоростью четыре человека в минуту.

Прошло пять минут, десять. Казалось, конца не будет плетущейся колонне.

Охранник наконец вернулся вместе с офицером. Доктор протянул офицеру блокнот. Тот долго изучал подписи, потом посмотрел на мальчика.

— Где ты этому научился? — резко спросил он.

— В варшавском гетто.

— Что ты умеешь делать?

— Паспорта, проездные билеты, любые документы. Все что хотите.

— За мной.

Дов вышел в дверь налево. Когда он сел в машину, ему вспомнились слова Мундека: «Хоть один Ландау должен уцелеть». Через несколько минут машина проехала через главные ворота. Над ними красовалась надпись: «Труд освобождает».

Место, где был расположен главный лагерь, утопало в грязи. Один за другим тянулись деревянные бараки, разделенные высокими заборами из колючей проволоки, по которой шел ток.

Эти бесконечные бараки снабжали рабочей силой около тридцати трудовых лагерей при Освенциме. Заключенные носили полосатую одежду, а на рукаве и груди у каждого был пришит лоскут определенного цвета: у гомосексуалистов — розовый, у женщин, превращенных в шлюх для охранников, — черный, у уголовников — зеленый, у священников — фиолетовый, у русских и поляков — красный, у евреев же — традиционная шестиконечная звезда.

Дов получил в Освенциме еще один опознавательный знак: ему накололи номер на левом предплечье. Теперь он стал узником номер 359195.

«Труд освобождает». Дов Ландау отметил в Освенциме свой четырнадцатый день рождения, подарком к этому празднику стала жизнь. В конце концов ему повезло: среди десятков тысяч заключенных маленькая группа фальшивомонетчиков, куда попал Дов, была самой привилегированной. Дову досталось подделывать купюры достоинством в один и пять долларов для немецких шпионов в западных странах.

Прошло некоторое время, и Дов стал все чаще думать, что, пожалуй, лучше бы ему было погибнуть в Биркенау.

Заключенных морили голодом, заставляли работать до

изнеможения, а спать на тесных нарах позволяли всего пять часов в сутки. Свирепствовали эпидемии, людей пытали, над ними издевались с изощренной жестокостью. Многие не выдерживали и сходили с ума.

Каждое утро вынимали из петли самоубийц. Некоторые, желая избавиться от мук, бросались на колючую проволоку. Ни днем, ни ночью не прекращались пытки, розги хлестали по обнаженным ягодицам на виду у всех прямо на перекличке.

Провинившихся сажали в темную одиночку штрафного изолятора и кормили пересоленными овощами, а потом мучили жаждой, не давая воды.

В блоке «Икс» нацистские врачи Вирте, Шуман и Клауберг использовали людей как сырье для своих опытов. Польский заключенный, доктор Владислав Деринг, по приказу и под надзором своих немецких хозяев кастрировал мужчин и стерилизовал женщин.

Таков был Освенцим. Такова была жизнь, полученная Довом в подарок ко дню рождения.

«Труд освобождает».

«Хоть один Ландау должен уцелеть». Какой он был, Мундек? Дов уже не мог припомнить. А Руфь, Ревекка, отец, мать? Отца он не помнил совсем. Он помнил только смерть и ужасы и уже просто не мог представить жизнь без ужасов и смерти.

Прошел год. В трудовых лагерях от болезней и голода умирало людей не меньше, чем в Биркенау. И все-таки инстинкт самосохранения не позволял Дову умереть и не давал сойти с ума.

В этом аду случались просветы. Существовал лагерный оркестр, и даже здесь мужчина мог найти женщину.

Лето 1944

Освенцим охватило беспокойство. Дов часто видел в небе русские бомбардировщики, и тайный радиоприемник лагерного подполья все чаще сообщал о немецких поражениях. Сквозь пытки и муки пробивался слабый луч надежды. Каждая новая победа союзников ввергала эсэсовцев в безумную свирепость; дошло до того, что заключенные стали бояться известий о немецких поражениях. Газовые камеры Биркенау действовали теперь, не останавливаясь круглые сутки.

Осень 1944

Стало ясно, что гитлеровская Германия идет к поражению. Немецкую армию громили на всех фронтах. Но чем больше фашисты терпели поражений на поле битвы, тем кровожаднее и с большим наслаждением они убивали безоружных. Эйхман мобилизовал все силы на завершение своей программы геноцида.

Октябрь 1944

Зондеркоманды подняли в Биркенау бунт и взорвали один из крематориев. Бунтовщиков отправили в печи. Но когда их уничтожили, Освенциму потребовались новые работяги.

Эйхман пошел на последнее зверство. Из лагеря Терезин на территории Чехословакии, где содержались ученые и интеллигенты — сливки европейского еврейства, — в Биркенау на уничтожение было отправлено 20 тысяч человек.

Число евреев, умерщвленных в Биркенау, росло и росло, пока в него не вошло около миллиона выходцев из Польши, 50 тысяч — из Германии, 100 тысяч — из Голландии, 150 тысяч — из Франции, 50 тысяч — из Австрии и Чехословакии, 50 тысяч — из Греции, 250 тысяч — из Болгарии, Италии, Югославии и Румынии и еще четверть миллиона — из Венгрии.

Ноябрь 1944

Мастерскую фальшивомонетчиков в Освенциме внезапно закрыли, и всех их отправили в Биркенау для пополнения зондеркоманд.

Новая работа Дова заключалась в том, чтобы ждать в коридоре у газовых камер, пока не затихнут предсмертные крики и жертвы не перестанут отчаянно биться о стальные двери. Затем выжидали еще минут пятнадцать, чтобы камеры проветрились. Лишь после этого двери открывались, и бригада начинала работать. Крючьями и веревками Дов разбирали клубки сплетенных тел, вытаскивал трупы из камер и грузил на вагонетки для отправки в печь. Потом он возвращался, окатывал из шланга пол водой и готовил камеру для новой партии жертв, которая уже ждала в раздевалках.

На четвертый день этой чудовищной работы силы оставили Дова. Здесь уже не помогала неукротимая воля к

жизни. Мальчик в ужасе ожидал мгновения, когда откроются стальные двери и он вновь увидит на полу клубок трупов. Он боялся этой минуты больше, чем чего бы то ни было в гетто, и знал, что выдержит такое недолго.

Но тут произошло что-то невероятное.

Немцы начали разрушать печи и взрывать газовые камеры. Союзные войска наступали с запада, русские — с востока, и нацисты делали отчаянные усилия, чтобы скрыть свои преступления. По всей Польше вскрывали рвы, размазывали в порошок кости убитых. Транспорт, в котором так отчаянно нуждалась армия, направили для вывоза евреев в Германию.

22 января 1945

Русская армия вступила в Освенцим и Биркенау и освободила заключенных. Оргии убийц наступил конец. Дов Ландау, пятнадцати лет от роду, был одним из пятидесяти тысяч польских евреев, что уцелели из трех с половиной миллионов. Он сдержал обещание, данное брату.

ГЛАВА 26

Русские врачи были поражены тем, что лагерные ужасы и лишения, почти не повлияли на здоровье Дова. Правда, он был слаб и мал ростом, особенно крепким ему уже никогда не стать, но при надлежащем уходе его можно поставить на ноги.

Хуже обстояло с душевным состоянием. Парень уцелел только благодаря невероятному упорству. Теперь, когда после шести лет постоянного напряжения он мог расслабиться, на него нахлынул поток мучительных воспоминаний, от которых нельзя было спрятаться ни днем, ни ночью. Он стал нелюдим, впал в апатию, и его психика все более приближалась к той тонкой грани, которая отделяет разум от безумия.

Колочую проволоку сняли, газовые камеры и печи уничтожили, но память о них была неистребима. Дову казалось, что в воздухе по-прежнему пахнет горелым мясом. Лагерный номер, наколотый на руке, неизменно вызывал в памяти картину открывающихся дверей газовых камер. Вновь и вновь ему виделось, как его мать и сестру Руфь вытаски-

вают крючьями из такой же камеры в Трешлинке. Вновь и вновь подносил он мерцающую свечу к обгоревшим телам в бункере варшавского гетто, пытаясь найти Мундека. Вновь и вновь видел он черепа своей матери и сестры на письменном столе эсэсовца.

Евреев, уцелевших в Освенциме, собрали в нескольких бараках. Дов не мог представить себе, что где-то есть жизнь без лишений. Даже весть о капитуляции немцев не вызывала в Освенциме бурной радости. Эти люди разучились радоваться.

Воспоминания породили в нем ненависть. Дов жалел, что нет больше газовых камер. Ведь он все время воображал нескончаемые ряды эсэсовцев, которых загоняет в эти камеры вместе с их собаками.

Война кончилась, но никто не знал, что делать, куда податься? Варшава? До нее километров двести, и дороги запружены потоками беженцев. Но если даже доберешься туда, что толку? На месте гетто — одни развалины; мать, отец, сестры, Мундек — никого нет, все погибли. День за днем Дов молча стоял у окна и смотрел на низкое, мрачное небо Силезии.

Один за другим евреи из Освенцима отправлялись по домам. И один за другим возвращались в растерянности назад: рушились их последние надежды. Немцев не стало, но и поляки мало скорбели о гибели трех с половиной миллионов евреев. Напротив, в городах были расклеены антисемитские плакаты, народная молва гласила: «Жида навлекли на нас войну... Они затеяли эту войну, чтобы нажиться... Во всем виноваты жида!» Было мало слез и много ненависти к горстке оставшихся в живых. Громили еврейские лавки, избивали евреев, пытавшихся вернуться в свои дома.

Поэтому те, кто пытался покинуть Освенцим, возвращались обратно. Они сидели в загаженных бараках и как безумные ждали смерти. Мысль о смерти не покидала их, в воздухе по-прежнему носился смрад Биркенау.

Лето 1945

В Освенциме появился молодой человек — ему было едва за двадцать, — крепкий, с большими черными усами, в белоснежной рубашке с закатанными рукавами. Он ходил чудесной походкой свободного человека. По его настоянию созвали собрание под открытым небом.

— Я Бар Дрор, Шимшон Бар Дрор, — громко сказал он. — Меня прислали из Палестины забрать вас домой!

Впервые за годы люди радостно закричали, некоторые даже заплакали. Шимшона Бар Дрора забросали миллионами вопросов, многие падали на колени, целовали ему руки, другие рвались хотя бы дотронуться до него, слышать, видеть его. Свободный еврей из Палестины! Шимшон Бар Дрор — Самсон Сын Свободы — явился, чтобы забрать их домой!

Бар Дрор взял дела лагеря в свои руки и с головой окунулся в работу. Он сказал, что пройдет некоторое время, прежде чем они смогут тронуться с места. А пока Моссад Алия Бет все устроит, им надо наладить здесь достойную жизнь.

Повеяло новым духом. Бар Дрор создал комитеты и поручил им навести порядок в лагере. Организовали школу, драмкружок, небольшой оркестр, наладили выпуск информационного листка и проводили нескончаемые дискуссии о Палестине. Бар Дрор даже устроил ферму, чтобы люди привыкли к труду на земле.

Пока Бар Дрор и другие агенты Моссада Алия Бет без усталости работали, собирая евреев, чтобы вывезти их из Польши, другие силы работали не менее упорно, чтобы их в Польше оставить.

Во всей Европе британские посольства и консульства требовали закрыть перед беженцами границы. Англичане утверждали, что все это заговор мирового сионизма, который хочет навязать свое решение палестинской проблемы.

Пока шла беспощадная тайная борьба между англичанами и Моссадом Алия Бет, польское правительство приняло поразительный декрет: все евреи, находящиеся на польской территории, должны остаться в Польше. Будто оно опасалось, что, если уцелевшим евреям удастся покинуть Польшу, они расскажут всему миру, как поляки продолжают гонения на них. Таким образом евреев силой удерживали в стране, где они были нежелательны, и не давали им уехать в страну, где их ждали.

В Освенциме настала зима, и люди впали в отчаяние. Все усилия Бар Дрора пошли насмарку. Он созывал собрания, чтобы объяснить, какая вокруг них развернулась борьба, но люди не хотели слушать. Им было не до политики.

Глубокой зимой в лагере появился еще один агент Моссада Алия Бет. Посоветовавшись с ним, Бар Дрор принял

отчаянное решение: созвал руководителей групп и распорядился готовиться в путь.

— Мы доберемся до чешской границы, — сказал он. — Это не так уж далеко, но мы сможем передвигаться не быстрее самого слабого из нас. К тому же придется держаться подальше от шоссе.

Бар Дрор наметил на карте маршрут длиной примерно в сто километров по Карпатским горам, через Яблунский перевал.

— Что будет, когда мы доберемся до границы? — спросил кто-то.

— Наши агенты должны подкупить польских пограничников. Если нам удастся пробраться в Чехословакию, мы будем в безопасности. Ян Масарик — наш друг. Он не позволит выгнать нас из Чехословакии.

Горстка несчастных, оставшихся в живых (более сильные поддерживали слабых, несли на руках детей), вышла из Освенцима глубокой ночью и двинулась по проселкам в стороне от шоссе. Они плелись по полям, покрытым снегом, шесть кошмарных дней. Затем, пронизываемые ледяным ветром, начали взбираться в горы, и вожакам лишь чудом удалось довести их до границы живыми.

Агенты Моссада Алия Бет подкупили польских пограничников, и, когда изможденная толпа наконец добралась до границы, те сделали вид, что ничего не видят и не слышат.

Надо было еще в жестокий холод перейти через Яблунский перевал. Наконец они оказались на чешской стороне — голодные, больные, с разбитыми в кровь ногами. Моссад арендовал специальный поезд. Беженцев погрузили в вагоны, где их ждали тепло, пища и заботливый уход. Первый этап труднейшего путешествия был позади.

Евреи, легально въезжавшие в Палестину, сдавали свои паспорта Моссаду, чтобы их можно было использовать еще раз. Пятьсот таких паспортов были розданы беженцам из Освенцима. Моссад позаботился снабдить эти паспорта въездными визами Венесуэлы, Эквадора, Парагвая и других стран Южной Америки. Эти документы были призваны обмануть англичан на первых порах.

Си-Ай-Ди, узнав о пятистах евреях, бежавших из Польши, немедленно доложило в министерство иностранных дел. Уайтхолл направил британскому послу в Праге предписание встретиться с чехословацким министром иностранных дел Масариком и добиться задержки поезда. На аудиенции

посол потребовал, чтобы евреев отправили назад в Польшу. Он заявил, что эта операция Моссада нелегальна, незаконна и что ее инициаторы — сионисты, стремящиеся навязать миру свое решение палестинского вопроса.

Масарик улыбнулся. Всем было известно, что он выступает в защиту евреев.

— Я не очень разбираюсь в нефтяных делах, господин посол, — сказал он, — зато разбираюсь в человеческих.

Тогда посол намекнул, что Великобритания может высказать свое неудовольствие более конкретным образом.

— Господин посол, — ответил Масарик, — я не подчинюсь угрозам Великобритании. Пока я министр иностранных дел Чехословакии, границы моей страны будут открыты для евреев независимо от того, с паспортами они или без паспортов, с визами или без.

Посол доложил Уайтхоллу, что поезд задержать не удалось. А поезд тем временем направлялся в Братиславу, где сходились границы Венгрии, Чехословакии и Австрии. На этот раз евреи пересекли австрийскую границу под личным покровительством сочувствовавшего американского офицера.

В Вене поезд сделал остановку, чтобы беженцы отдохнули и получили необходимую медицинскую помощь. На базе, созданной на средства американских евреев, стремящихся помочь еврейским соплеменникам, им выдали новую одежду.

Следующим этапом стала Италия. Тут Моссад Алия Бет пользовался открытой поддержкой населения и официальных учреждений, но страна находилась под британской оккупацией.

Некоторые из британских оккупационных частей, как ни парадоксально, состояли из палестинских еврейских подразделений. Палестинская бригада британской армии и ее подразделения, расположенные по всей Италии, считались образцовыми. Агенты Моссада проникали в эти части, и вскоре солдаты-палестинцы начали помогать в создании лагерей для беженцев, организации нелегальных морских рейдов и в прочих делах. Фактически они подчинялись Моссаду и Пальмаху. Шимшон Бар Дрор был сержантом в таком подразделении и воспользовался своими воинскими документами, чтобы съездить в Польшу и собрать там беженцев.

Стояла уже весна, когда группа беженцев из Освенцима,

в которой находился Дов, опять села в поезд и отправилась в Италию.

Поезд остановился в окрестностях Милана, на глухой боковой ветке. Беженцев предупредили, что их встретят солдаты, одетые в британскую форму, но все равно чуть не возникла паника. Эти люди никак не могли представить военных с шестиконечной звездой на рукаве. Звезда Давида олицетворяла для них гетто. Если не считать восстания в гетто, евреи не воевали уже две тысячи лет.

...Беженцы сошли с поезда, оглядываясь с опаской. Солдаты встретили их по-доброму, все они говорили на иврите, а некоторые даже на идише. Они были мягки в обращении, но мало похожи на евреев.

Спустя неделю после прибытия поезда в Милан Дова и еще сто человек забрали глубокой ночью из небольшого лагеря, где они находились, и посадили в британские грузовые машины. За рулем сидели бойцы Палестинской бригады. Колонна на полной скорости добралась до тайного места у побережья, где ее ждали еще триста беженцев из других лагерей. Со стороны расположенного неподалеку порта Специя подплыло небольшое судно «Врата Сиона».

Оно бросило якорь в открытом море, беженцев погрузили на резиновые лодки и доставили на борт. Судно немедленно подняло якорь и пересекло трехмильную зону. Британский флот, который был всегда начеку, тут же обнаружил его.

Но что-то вышло не так с этими «Вратами Сиона». Не в пример другим судам с беженцами, тот корабль не взял курс прямо на Палестину. Он пошел в Лионский залив на южном побережье Франции. Ни англичане, ни беженцы на борту «Врат Сиона» не имели ни малейшего понятия, что это суденышко выполняет специальное задание...

ГЛАВА 27

Билл Фрай сидел за столиком в ресторанчике братьев Миллер в Балтиморе. Бросив горсть крекеров в большую тарелку кипящей ухи, он размешал их ложкой. Потом хлебнул пару раз, но аппетита не было. «Господи Боже мой, — думал капитан, — как же мне переправиться на этой лохани через Атлантику?»

Билл Фрай считался самым удачливым капитаном Мос-

сада. Высадка «Звезды Давида» у Кесарии открыла новую страницу в войне нелегальной иммиграции. Она заставила англичан создать лагеря на Кипре. Моссад направлял в Палестину судно за судном, а англичане с той же регулярностью заворачивали их. Назревал кризис. Моссад навез столько беженцев, что лагеря на Кипре их уже не вмещали.

Полный решимости переломить британскую политику запрета на иммиграцию, Моссад разработал отчаянный план, исполнение которого опять возложили на Билла Фрая.

Его «Звезда Давида» с двумя тысячами пассажиров была до сего времени крупнейшим нелегальным транспортом. Но Моссад решил, что, если ему удастся прорвать блокаду на корабле, вмещающем более пяти тысяч беженцев, это нанесет сокрушительный удар по английским запретам на иммиграцию и сделает их попросту бессмысленными.

Биллу было поручено найти подходящее судно, отремонтировать его и погрузить на борт пять тысяч беженцев из лагеря Ля Сиотат на юге Франции. Чтобы англичане ничего не пронюхали раньше времени — за европейскими портами Си-Ай-Ди наблюдало неусыпно, — судно решили купить в Соединенных Штатах или в Южной Америке. Агенты Моссада рыскали по Южной Америке, а сам Билл объезжал порты Мексиканского залива и Восточного побережья США. Скоро выяснилось, что на деньги, которыми они располагали, подходящее судно купить невозможно. Биллу пришлось пойти на риск, и теперь он не находил себе места. Он купил старый-престарый пароход, который совершал когда-то ночные рейсы по заливу между Балтимором и Норфолком. Прогулочное судно — пароход «Генерал Стоунвол Джексон» — никогда по океану не плавало. Единственное преимущество состояло в том, что его удалось купить дешево.

Официант в белой куртке подошел к столику и спросил:

— Что-нибудь не так с супом, сэр?

— А? О, черт, нет... суп чудный, — пробормотал Билл, поднеся ложку ко рту.

Может быть, покупка этой лохани была ошибкой? Пароход находился в Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния, где его переоборудовали для перевозки почти семи тысяч пассажиров.

Билл вздохнул. Есть же и другая сторона медали. Если бы ему только удалось одним махом вывезти из Европы семь

тысяч беженцев! Вся политика англичан полетела бы вверх тормашками!

Билл отодвинул суп и попросил счет. Взял из пепельницы потухшую сигару, зажег ее и еще раз прочитал телеграмму, полученную из Ньюпорт-Ньюс: «Джексон» готов».

На следующий день Билл собрал свою команду, состоящую из пальмахников и моссатовцев, американских евреев и сочувствующих им испанцев, итальянцев и французов. Он осмотрел судно и сделал пробный рейс вдоль берега в южной части залива. Затем скомандовал: «Полный вперед!» — и вышел в океан.

Не прошло и трех часов, как из-за неполадок в двигателе пришлось вернуться в Ньюпорт-Ньюс.

В течение следующих двух недель Билл сделал еще два пробных рейса. Как только старое судно покидало привычные воды, оно начинало бунтовать, и приходилось возвращаться в порт.

Билл признался моссатовцам, что сделал ошибку. «Джексон» был неспособен справиться с поставленной задачей. Однако моссатовцы уговорили его загнать судно в док на неделю, а потом попробовать еще раз.

Команда затаила дыхание, когда ветхий пароход обогнул мыс Генри и, пыхтя, вышел в Атлантический океан. К радостному изумлению всех он продолжал пыхтеть.

Двадцать два дня спустя «Генерал Стоунвол Джексон» притащился во французский порт Тулон, неподалеку от которого расположился лагерь Ля Сиотат.

Во Франции бастовали водители грузовых машин, и Си-Ай-Ди, неусыпно наблюдавшее за Ля Сиотат, немного ослабилось, решив, что без грузовиков не будет и движения. Кроме того, после прибытия «Врат Сиона», на борту которого находился Дов, из европейских портов не поступало сведений о новых нелегальных судах.

Прибытие «Джексона» застало англичан врасплох. Их надули, как детей. До сих пор не было случая, чтобы моссатовский корабль переплыл океан. Когда «Джексон» подходил к Тулону, люди Моссата обратились к председателю профсоюза водителей грузовиков и попросили его о помощи. Шоферы согласились и в разгар забастовки быстро перевезли шесть с половиной тысяч беженцев из Ля Сиотат в Тулон. Среди них был и Дов.

В Си-Ай-Ди узнали об этом лишь в последний момент. Агенты тут же бросились в Тулон и принялись раздавать слу-

жащим порта взятки, чтобы задержать отплытие «Джексона» до тех пор, пока не придут указания из Лондона.

Моссад Алиа Бет, раздавая еще большие взятки, хлопотал о разрешении на выход в море. «Джексон», переименованный в «Землю Обетованную», открыто, вызываясь поднял сине-белый флаг.

В Лондоне шли срочные совещания. Было ясно, какими осложнениями все это грозит политике англичан. «Землю Обетованную» надо было задержать во что бы то ни стало. Англичане направили французам ноту, полную гневных угроз. К границе нейтральных вод возле Тулона подплыли британские военные корабли. В ответ французы дали разрешение на отплытие судна.

«Земля Обетованная» вышла из тулонской гавани под радостные крики ее пассажиров. Как только корабль вошел в трехмильную зону, за ним увязались два британских крейсера — «Апекс» и «Данстон Хил».

Три с половиной дня Билл следовал прямым курсом в Палестину. Длинная узкая труба парохода дымила, машина стонала, на палубе копошились люди, а крейсера спокойно шли вслед за судном и держали постоянную связь с адмиралтейством в Лондоне. Когда «Земле Обетованной» оставалось до палестинского берега пятьдесят миль, англичане нарушили правила игры. «Апекс» подплыл вплотную к пароходу и дал предупредительный залп. Затем в громкоговоритель прокричал:

— Контрабандисты! Приготовьтесь к обыску!

Билл Фрай принялся грызть сигару. Затем, приняв решение, схватил мегафон и шагнул на мостик.

— Мы в открытом море! — заорал он. — Если вы возьмете нас на абордаж, это будет чистейшим пиратством!

— Очень жаль, ребята, но приказ есть приказ. Сопротивление бессмысленно.

Билл обернулся к командиру пальмахников, стоявшему позади.

— Устроим встречу этим мерзавцам?

«Земля Обетованная» дала полный вперед, пытаясь ускользнуть. «Апекс» поплыл рядом, затем резко повернул и протаранил бок ветхого судна. Пароход покачнулся от удара. Пробоина получилась огромная, но над ватерлинией. «Апекс» открыл пулеметный огонь поверх голов, чтобы прогнать всех с палубы и приступить к абордажу.

Вооруженные пистолетами британские матросы в про-

тивогазах прыгнули на палубу «Земли Обетованной» и бросились к палубным надстройкам, окруженным ограждениями из колючей проволоки. Пальмахники обрушили на десант град камней, струи из брандспойтов.

Англичане отступили назад к борту и потребовали подкрепления. На борт «Земли Обетованной» высадились свежие силы, появились ножницы для резки проволоки. Матросы вновь пошли в атаку, и вновь вода из брандспойтов отогнала их. Когда же под прикрытием пулеметного огня с «Апекса» матросы все-таки добрались до колючей проволоки и принялись орудовать ножницами, на них обрушились струи кипятка. Пальмахники воспользовались замешательством англичан, перешли в наступление и сбросили их в море.

«Апекс» прекратил огонь, чтобы поднять на борт барахтавшихся в воде людей, а «Земля Обетованная» с огромной пробоиной в боку опять запыхтела. «Данстон Хил» тут же настиг ее. На борту крейсера спорили, не протаранить ли пароход еще раз. Но от второй пробоины ветхое судно могло пойти ко дну, поэтому рисковать не стали. Вместо этого «Данстон Хил» открыл свирепый огонь из пулеметов, и беженцам вместе с пальмахниками пришлось укрыться в трюмах. Приставив к борту лестницы, матросы «Данстон Хила» перебрались на пароход. Началась яростная рукопашная схватка. Действуя дубинками, изредка стреляя, англичане рвались на трап, ведущий к капитанскому мостику.

Тем временем «Апекс» подплыл к другому борту теплохода. Под дымовой завесой его абордажная команда пришла на помощь матросам с «Данстон Хила».

Дов Ландау участвовал в схватке. Он с группой беженцев охранял трап, ведущий на капитанский мостик. Несколько раз они сбрасывали англичан с лестницы, но слезоточивый газ и пистолеты заставили их отступить.

Англичане захватили всю палубу. Получив подкрепление и держа беженцев под прицелом, они постепенно добрались до рубки и завладели штурвалом.

Билл Фрай и пятеро матросов встретили англичан отчаянным сопротивлением. Капитан, отесненный в сторону, продолжал драться, пока не упал без сознания. Англичане выволокли его из рубки.

Сражение длилось четыре часа. Англичане потеряли восемь человек убитыми и два десятка ранеными. Евреев погибло пятнадцать, среди погибших был и капитан судна аме-

риканец Билл Фрай. Англичане наконец завладели «Землей Обетованной».

Когда «Данстон Хил» с продырявленным пароходом на буксире подплывал к Хайфе, там были приняты чрезвычайные меры предосторожности. Британские солдаты наводнили район порта. Шестую дивизию парашютистов, вооруженную до зубов, привели в боевую готовность. Однако, несмотря на все попытки сохранить тайну, ничего из этого не получилось. Англичане не знали, что подробное сообщение о захвате «Земли Обетованной» было передано по радио.

Когда суда подплыли к Хайфе, палестинские евреи объявили всеобщую забастовку. Англичанам пришлось бросить войска и даже применить танки, чтобы не дать смешаться беженцам с местными жителями.

Четыре британских корабля, предназначенных для перевозки заключенных — «Эмпайр Монитор», «Эмпайр Риноун», «Эмпайр Гардиан» и «Магна Харта», — ждали погрузки беженцев с «Земли Обетованной». Но в тот момент, когда ветхий пароход ввели в гавань, порт и вся Хайфа вздрогнули от мощного взрыва. «Эмпайр Монитор» разнесло на куски — пальмахники-подводники подложили мину ему под днище.

«Земля Обетованная» причалила. Большинство беженцев пали духом и уже не помышляли о сопротивлении. Их раздели догола, обыскали, провели под дезинфекционным душем, затем отконвоировали на оставшиеся три корабля. Это было трагическое зрелище.

Дов Ландау и еще человек двадцать пять беженцев засели в трюме, вооружившись кусками стальных труб, и сопротивлялись до конца. В трюм накачали слезоточивые газы. Дова схватили четыре солдата, но он все равно не переставал отчаянно отбиваться. Его скрутили и перевезли на «Магна Харта».

Забитые до отказа три британских судна в сопровождении крейсеров «Данстон Хил» и «Апекс» подняли якоря и отплыли из Хайфы.

Если бы беженцев отправили на Кипр, в переполненные лагеря, то евреи достигли бы своей цели: еще на шесть с половиной тысяч человек, вывезенных из Европы, увеличилось бы число заключенных, ожидавших на Кипре отправки в Палестину.

Но беженцы с «Земли Обетованной» подлежали возвращению в порт отправления, то есть Тулон. Отныне всех не-

легальных иммигрантов, которые попытаются пробраться в Палестину, англичане намеревались возвращать в те порты, где они сели на судно.

Пальмахники и агенты Моссада, находившиеся на борту трех кораблей вместе с беженцами, решили ни под каким видом эту высадку не допустить — если англичане добьются своего и беженцев вернут в Тулон, на этом нелегальная иммиграция закончится.

Когда корабли встали на якоря в Лионском заливе, командиры Пальмаха передали капитанам всех трех кораблей заявление: «Вы сможете высадить нас на берег только силой». Французы приняли сторону евреев, несмотря на возможное осложнение отношений с англичанами.

Начальник эскадры радировал обо всем в Лондон и попросил инструкций. Уайтхолл тут же принялся нажимать на Париж, угрожая разрывом англо-французских отношений. Он требовал, чтобы французы не поддерживали евреев и не возражали против высадки беженцев силой. Четыре дня донесения и инструкции летали между кораблями и Лондоном, Лондоном и Парижем. Затем французское правительство заявило, что оно не станет участником насильственной высадки беженцев. Но если беженцы пожелают вернуться во Францию по своей воле, их примут с радостью.

Беженцы ликовали. Они единодушно решили не двигаться с места. Оправившись от удара, англичане объявили: либо эти люди добровольно высадятся в Тулоне, либо будут торчать в заливе, пока не сдохнут.

Евреи тем временем начали организовывать свою жизнь. Пальмахники обучали беженцев ивриту, выпускали информационный листок, организовали драмкружок — делали все, чтобы люди не падали духом. Французские власти ежедневно направляли к кораблям баржи с продовольствием и медикаментами. На кораблях успели родиться больше десятка детей. Прошла неделя, а беженцы стояли на своем.

Тремя кораблями, окруженными тайной завесой, заинтересовались журналисты. Однажды ночью агент Моссада с «Эмпайр Гардиан» добрался вплавь на берег и рассказал обо всем французским репортерам.

Информация немедленно разнеслась по Франции, Италии, Голландии и Дании. Редакционные статьи газет во всех четырех странах были полны упреков в адрес британских властей.

Лондон заранее приготовился к взрыву негодования. Он был готов ко всему, кроме упорства беженцев. Условия на кораблях были ужасные, стояла невыносимая духота, и многие заболели. Тем не менее беженцы по-прежнему отказывались высаживаться. Судовые команды, не отважившиеся посещать зарешеченные трюмы, начинали малопомалу нервничать. Прошла вторая неделя, а евреи не сдавались.

Возмущение печати действиями англичан все нарастало. Прошла еще неделя. Затем еще одна.

Наконец интерес к противостоянию ослабел. Но вскоре на берег доставили первого еврея. Он был мертв. Последовал новый взрыв возмущения мировой печати. Капитаны всех трех кораблей доложили, что беженцы как никогда полны решимости не сдаваться. Нажим на Уайтхолл все усиливался. Англичане поняли: если на берег будут доставлены новые трупы, дело примет скверный оборот.

Тогда они прибегли к обходному маневру и предложили беженцам переговоры, рассчитывая, что удастся найти компромисс, который позволит им выйти из этой истории с честью. Но со всех кораблей пришел один и тот же ответ: «Мы согласны высадиться только в Палестине».

Пошла шестая неделя. После смерти еще одного беженца англичане поставили ультиматум: либо евреи высадятся на берег, либо вся ответственность за дальнейшее падет на них. Было не совсем ясно, о какой ответственности идет речь, но, когда беженцы отклонили ультиматум, англичане начали действовать.

«Эмпайр Гардиан» и «Эмпайр Риноун» получили приказ немедленно поднять якоря и следовать в Гамбург, расположенный в британской зоне оккупации. Пассажиров этих кораблей было приказано высадить на берег и отправить в Дахау до дальнейшего распоряжения.

Пока «Эмпайр Гардиан» и «Эмпайр Риноун» направлялись через Гибралтарский пролив в Германию, Моссад лихорадочно строил планы посадить на два других судна пятнадцать тысяч новых беженцев, чтобы снова нелегально вывезти их в Палестину. Когда «Риноун» и «Гардиан» прибыли в Германию, возмущение мировой общественности бесчеловечной английской политикой достигло предела. Однако моральная победа, одержанная Моссадом над Англией, была довольно безрадостна.

Последнему из трех кораблей, транспортному судну

«Магна Харта» англичане все же разрешили высадить беженцев на Кипре. Дову Ландау повезло. Свой шестнадцатый день рождения он отпраздновал не в Дахау, а в Караолосе.

ГЛАВА 28

Следующий день рождения Дов встретил там же, в лагере. Он молча лежал на койке, глядя в потолок. Он вообще ни с кем не разговаривал с того самого дня, когда его вытащили из трюма «Земли Обетованной». Длинные недели стояния на якоре перед Тулоном еще более ожесточили его.

В Караолосе с ним пытались разговаривать десятки людей: врачи, учителя, пальмахники, но Дов никому не доверял и никого не хотел видеть. Никому так и не удалось пробить стену его молчания.

Днем он лежал на койке. Ночью же гнал от себя сон, ибо со сном всегда приходили воспоминания. Вновь и вновь Дов видел, как открываются двери газовых камер Освенцима. Долгими часами он разглядывал номер, наколотый на руке: 359195.

В палатке напротив жила девушка. Красивая — таких он еще не видел: в местах, где ему приходилось жить, женщины не могли быть красивыми. Она возилась с малышами, улыбалась ему и не сердилась на его отчужденность, как все остальные. Это была Карен Хансен-Клемент.

Карен тоже обратила внимание на Дова и поинтересовалась, почему этот парень не учится в школе, ни с кем не знает. Ее предупредили: держись подальше от него, он не в себе и, пожалуй, даже опасен.

Предупреждение только раззадорило Карен. Она знала, что Дов был в Освенциме, и испытывала к нему сострадание.

Однажды Дов лежал, как обычно, на койке и глядел в потолок. Вдруг он почувствовал, что кто-то зашел в палатку, и молниеносно спрыгнул на пол. Перед ним стояла Карен. Мальчик напрягся.

— Не одолжишь мне ведро? Мое прохудилось, а водовоз вот-вот подъедет.

Дов молча смотрел на нее.

— Я говорю, ведро не одолжишь?

Дов что-то проворчал.

— Так как же? Да или нет? Ты что, немой?

Они стояли, как два петушка, приготовившиеся к драке.

Карен уже жалела, что зашла в палатку. Она глубоко вздохнула:

— Я живу напротив.

Дов молчал, не сводя с нее глаз.

— Ну, дашь ведро?

— Чего тебе здесь надо? Зачем ты пришла сюда?

— Я пришла, чтобы попросить ведро. Много ты о себе воображаешь!

Дов отвернулся, сел на койку и стал грызть ногти. Прямота Карен обезоружила его. Он показал на ведро, стоявшее в углу, и посмотрел на девушку искоса. Карен взяла ведро.

— А тебя как зовут? Приду возвращать ведро, а как обратиться, не знаю.

Он не отвечал.

— Ну?

— Дов!

— А меня Карен. И здороваться со мной можешь. А там, глядишь, и улыбаться научишься.

Он медленно обернулся, но девушка уже выскочила из палатки. Дов подошел к выходу, посмотрел ей вслед. Подъехала цистерна, и Карен подошла набрать воды. Удивительно красивая!

Карен совсем не походила на тех, кто пытался заговорить с ним до этого. Прямая, слегка капризная, но ласковая, она не надоедала, не говорила громких слов, в которые сама не верила, не жаловалась, как большинство в Караолосе. И голосок у нее был нежный, но решительный.

— Привет, Дов, — сказала Карен, вернувшись. — Возьми ведро. Спасибо!

Он что-то буркнул.

— Ах да, ты же не умеешь говорить по-человечески, только рычишь. У меня в садике есть такой. Он разыгрывает из себя льва.

— Привет! — заорал Дов что было мочи.

Вскоре Дов знал, когда она встает, когда стирает, когда идет к своим питомцам и возвращается от них. Однажды он украдкой забрался в палатку к Карен и осмотрел ее ведро. Оно не текло! Дов по-прежнему целыми днями лежал на койке, но теперь он с нетерпением ждал стука ее каблуков и украдкой смотрел ей вслед. Частенько и Карен смотрела в сторону его палатки, тогда их взгляды на мгновение встречались. Тут Дов обычно сердился и упрекал себя за слабость характера.

Дни шли за днями, и для Дова что-то неприметно изменилось. Он по-прежнему молчал и чуждался людей, но его мысли все чаще оказывались далеки от смерти и ненависти. Дов прислушивался, как дети играют рядом на площадке, и слышал, как Карен что-то им говорит. За время жизни в Караолосе он перестал различать детские голоса, и теперь испытывал странное чувство.

Однажды ночью Дов стоял у колючей проволоки и следил, как лучи прожекторов скользят над палатками. Он часто проводил так ночи, потому что боялся засыпать. Пальмахики устроили костер на детской площадке, там пели и плясали. Когда-то он тоже пел и плясал на собраниях «Искупителей». Тогда были живы и Мундек, и Руфь, и Ревекка...

— Привет, Дов!

Он резко обернулся и увидел изящный силуэт Карен. Ветер играл ее длинными волосами.

— Пойдем к костру!

Он повернулся к ней спиной.

— Ведь я же тебе нравлюсь, дурачок ты этакий! Можешь меня не стесняться. Почему ты живешь таким волком?

Он только мотнул головой.

— Дов... — шепотом сказала она.

Он в бешенстве обернулся к ней.

— Бедный Дов! — передразнил он кого-то. — Несчастный сумасшедший! Ты ничуть не лучше остальных! Ты только красивее! — Дов вцепился ей в горло. — Оставь меня в покое... оставьте меня в покое!

Карен глянула ему прямо в глаза.

— Убери руки... Сию же минуту!

Он послушно отнял руки.

— Я только хотел нагнать на тебя страху, — сказал он. — Ничего плохого я бы тебе не сделал.

— Никакого страха ты на меня не нагнал и не нагоишь, — ответила она презрительно и пошла прочь.

Неделю Карен не разговаривала с ним, не смотрела в его сторону. Дов ощутил мучительное беспокойство. Он уже не проводил, как раньше, долгие часы на койке в молчании, а целыми днями холил по палатке из угла в угол. Зачем он связался с этой девушкой? Ему вполне хватало воспоминаний: с ними было по-своему спокойно.

Как-то вечером Карен играла с детьми на площадке. Один из малышей упал и стал плакать. Она обняла его и

начала успокаивать, и, когда подняла голову, неожиданно увидела перед собой Дова.

— Привет! — сказал он быстро и пошел прочь.

Карен поняла, что все-таки нашла ключик к этой душе. Стало ясно, как хочется Дову выбраться из мрачного одиночества.

Несколько дней спустя Карен нашла у себя рисунок, на котором стоящая на коленях девушка обнимала ребенка на фоне колючей проволоки. Она тут же пошла к Дову в палатку. Увидев ее, Дов отвернулся.

— Ты хорошо рисуешь, — сказала гостя.

— Еще бы! — бросил он в ответ. — Рука набита. А Джорджа Вашингтона и Линкольна я вообще рисую с закрытыми глазами.

Он присел на край койки и принялся кусать губы. Карен села рядом. Никогда еще он не сидел так близко к девушке. Она дотронулась пальцем до голубой наколки на его руке.

— Освенцим?

— На кой черт я тебе сдался?

— Может, ты мне нравишься.

— Нравлюсь?

— Ага. Когда не рычишь. И голос у тебя приятный, если не орешь.

У него задрожали губы.

— А я... а ты мне действительно нравишься. Ты не такая, как остальные. Кажется, понимаешь меня... У меня был брат Мундек, он тоже всегда понимал.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. — Дов вскочил на ноги и резко повернулся к ней. — Боже, как я ненавижу этих англичан! Они ничуть не лучше немцев!

— Дов!

Он замолчал и тут же на глазах Карен вернул своему лицу прежнее, ставшее уже привычным мрачное выражение. Но начало было положено: Дов хоть немного сбросил маску.

Дов стал искать общества Карен, и девушка доверяла ему все больше. Карен рассказала ему самое сокровенное: она хочет попасть в Палестину, чтобы найти отца. Дов радовался, что Карен выбрала именно его, но и девушке эти беседы тоже были приятны. С тех пор как она оставила Хансенов, у нее не было возможности подружиться с кем-нибудь.

И вот однажды произошло важное событие: Дов Ландау улыбнулся.

Карен рассказывала о Хансенах, о датчанах, о детях, которых она так любила, о своей надежде найти отца, и ему тоже захотелось рассказать о чем-нибудь приятном. Но как Дов ни силился, ничего такого припомнить не мог. Родители, сестры, родной дом — это было так давно, что он все позабыл.

Карен избегала тем, которых избегал он сам, и никогда не расспрашивала Дова об Освенциме или гетто.

Спустя несколько недель она явилась к нему с просьбой.

— Дов, есть дело, сделай его для меня...

Он сразу сжался, прищурился.

— Людям из Моссада известно, что ты умеешь подделывать бумаги.

— Ну так что же?

— Здесь какой-то новый человек из Палестины... Хочет побеседовать с тобой. Его зовут Ари Бен Канаан. Ему нужны паспорта и всякие бумаги. Помоги ему.

— Ах, вот оно что! Ты подлизывалась ко мне, чтобы завербовать?!

— Ты сам не веришь тому, что несешь.

— Если я им так уж нужен, — пробормотал Дов, — то почему они не пришли и не попросили сами?

— Как же они могут попросить тебя, если ты ни с кем не разговариваешь?

— А с какой стати мне работать на них?

— С той стати, что они работают на тебя.

— Как бы не так! Они работают только на самих себя!

— Ладно, будь по-твоему. Но ведь они не хуже немцев, а если ты мог подделывать доллары для немцев, то ничего с тобой не случится, если будешь делать паспорта для Моссада.

— За словом в карман ты не лезешь.

— Дов, я тебя никогда ни о чем не просила. А теперь прошу. Что им сказать?

— Скажи, что я, может быть, соглашусь, но нужно сначала кое о чем договориться.

— Вот и договорись. Ари Бен Канаан ждет.

— Хорошо, пускай приходит.

Ари Бен Канаан понравился Дову, хотя он ни за что бы в этом не признался. Он говорил только по делу и без обиняков объявил Дову, что если тот не согласится работать,

то его отправят с Кипра последним. Дову нравилась в нем хватка — ею Ари напомнил Мундека. Он согласился работать, но все, кроме Карен, продолжали считать его неисправимым. Он по-прежнему говорил только зло и сердито. Иногда на него находило бешенство, и Карен звали, чтобы его успокоить.

ГЛАВА 29

До начала последнего этапа операции «Гедеон» остались сутки. Ари Бен Канаан созвал своих командиров на совещание в дом Мандрии.

Давид Бен Ами вручил Ари наряды, изготовленные Довом, Ари посмотрел бумаги и признал, что этот парень — настоящий артист. Никто не догадается, что это подделка. Давид доложил, что закончены все приготовления — от принятия мер безопасности до доставки кошерной пищи для верующих.

Иоав Яркони сообщил, что грузовики тоже готовы и потребуется не больше двадцати минут, чтобы они добрались от 23-й роты до Караолоса.

Зеев Гильбоа доложил, что погрузка детей в Караолосе займет считанные минуты. О цели поездки он скажет им прямо перед отправкой.

Американец Хэнк Шлосберг, капитан «Исхода», собирался поднять якорь в Ларнаке на рассвете, чтобы прибыть в Кирению за час, а то и два до прибытия автоколонны.

Мандрия сказал, что расставил наблюдателей вдоль пути следования. Они немедленно предупредят водителей, если произойдет непредвиденное. Другие наблюдатели установят контроль за запасными маршрутами. Мандрия будет ждать у себя дома, в Фамагусте. Как только колонна проедет мимо его дома, он тут же позвонит в Кирению Марку Паркеру.

Ари встал и окинул взглядом помощников. Все нервничали. Даже обычно безмятежный Яркони уставился в землю. Ари не стал ни поздравлять их, ни желать успеха. С поздравлениями еще успеется. Что же касается успехов, то пусть они об этом побеспокоятся сами.

— Сначала я хотел устроить побег через три дня, когда англичане сами начнут перебрасывать детей в новые лагеря. Но стало известно, что майор Алистер что-то заподозрил.

Есть основания считать, что он потребовал из Лондона указаний, минуя своего непосредственного начальника, генерала Сазерленда. Поэтому приходится действовать немедленно. Грузовики придут в Караолос в девять утра. Надеюсь, к десяти дети будут в машинах. С момента, когда мы свернем с ларнакского шоссе, начнутся два решающих часа. Нет оснований бояться, что колонну остановят. Наши машины известны по всему Кипру. Однако мы не должны терять бдительности. Вопросы есть?

— Лехаим! — воскликнул Давид Бен Ами, подняв рюмку. Восторженная натура не позволила ему покончить с таким делом буднично.

— Лехаим! — ответили остальные.

— Мне частенько приходится слышать это «лехаим», — сказал Мандрия. — Что оно означает?

— Это означает «За жизнь!», — ответил Давид. — В устах евреев это не так уж мало.

— За жизнь, — повторил Мандрия. — Хорошо как!

Ари подошел к Мандрии и обнял его.

— Вы стали нам настоящим другом, — сказал он.

На глазах Мандрии появились слезы. Он знал, что так пальмахики обнимаются только со своими.

Полчаса спустя капитан Халев Мур, он же Ари, встретил Марка Паркера на террасе отеля «Король Георг». Марк отчаянно нервничал.

Ари сел, от сигареты отказался и заказал себе виски.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Марк.

— Мы будем в Караолосе завтра в девять утра.

— Я думал, вы подождете, пока англичане сами начнут перебрасывать детей.

— Оно было бы лучше, но мы не можем ждать. Человек из Си-Ай-Ди сообщил нам, что Алистер о чем-то догадывается, — сказал Ари. — Но ничего, еще немного — и все будет позади. Англичане хотя и заподозрили что-то, но сами не знают что. Вот и все наши дела.

Марк кивнул. Он готовился послать телеграмму о продлении отпуска. В Лондоне Брэдбери узнает по подписи «Марк», что операция «Гедсон» закончилась успешно, и немедленно напечатает репортаж, который Марк отправил ему неделю назад.

— А что, если Мандрия не позвонит мне в десять?

Ари улыбнулся.

— Тогда я бы советовал дать деру как можно скорее. Разве только ты захочешь написать репортаж о моей казни.

— Репортаж получился бы неплохой, — мрачно заключил Марк, допивая свою рюмку.

— Кстати, — сказал Ари, глядя в сторону моря, — с того дня, как мы включили Карен в список, Китти не разу не была в лагере.

— Она в «Куполе».

— И как она?

— А как ты думаешь? Плохо, конечно. Она не хочет, чтобы Карен попала на «Исход». Можно ли осуждать ее за это?

— Я и не осуждаю. Просто жаль ее.

— Очень мило с твоей стороны. Я не подозревал, что ты умеешь жалеть.

— Мне жаль, что она так поддалась чувству.

— Ну да, я забыл. Ты ведь не признаешь чувств.

— Какой ты нервный...

Спокойствие Ари злило Марка. Он вспомнил, как горевала Китти, когда, вернувшись в Кирению, рассказывала ему, что Карен попала в список пассажиров «Исхода».

— Что ты хочешь от Китти? Она перенесла в жизни больше страданий, чем может вынести женщина.

— Страданий? — переспросил Ари. — Боюсь, что миссис Фремонт вообще не знает, что это такое.

— Иди к черту, Бен Канаан! Не думаешь ли ты, что евреи взяли на откуп все страдания на свете?

— По счастью, вам платят не за сочувствие. Да мне ваше сочувствие и не нужно.

— Как ты можешь? Я сочувствую каждой человеческой слабости.

— У меня их нет в рабочее время.

Марк поднялся, собираясь уйти. Ари схватил его за рукав. Марк впервые видел этого гиганта по-настоящему сердитым.

— Это тебе не вечеринка в саду у герцогини. Завтра мы вызовем на бой всю Британскую империю.

Ари тут же пожалел о своей вспышке и выпустил рукав Марка. А Марк пожалел его. Ари, конечно, умеет скрывать чувства, но нарастающее напряжение сказывается даже на нем.

Несколько часов спустя Марк стучал в дверь номера Китти в «Куполе». Она встретила его с улыбкой, но покрасневшие веки говорили о ее переживаниях.

— Завтра.

Китти сжалась.

— Так быстро?

— Они боятся, как бы англичане не спохватились.

Китти подошла к окну и посмотрела на пирс. Стоял солнечный, ясный вечер, вдаль виднелись размытые очертания турецкого берега.

— Я попытаюсь набраться мужества, соберу вещи и уеду.

— Как только с этим будет покончено, съездим на пару недель на Ривьеру, — сказал Марк.

— Чтобы зализать раны? Я думала, ты собираешься в Палестину.

— Вряд ли англичане меня туда пустят. Я чувствую себя последним мерзавцем, что втянул тебя в эту историю.

— Ты не виноват, Марк.

— Очень мило с твоей стороны, но ты не права. Как ты думаешь — справишься?

— Думаю, справлюсь. Зря только ввязалась. Ты правда предупреждал. Все время мне казалось, будто по льду хожу. Помнишь, Марк, мы спорили с тобой ночью, когда ты познакомил меня с Бен Канааном? Я сказала — в евреях есть что-то особое. Они не похожи на нас.

— У них особый талант попадать в беду. В этом им не откажешь, — сказал Марк, потирая виски. — Но как бы то ни было, надо поесть. Я голоден.

Китти стояла, прислонившись к двери, пока Марк умывался холодной водой. Он потянулся за полотенцем. Китти схватила его за руку.

— Марк! На «Исходе» будет очень опасно?

Он колебался с минуту, но обманывать ее не стал.

— Этот твой «Исход» — настоящая плавающая мина. В любой момент может взорваться.

У Китти сжалось сердце.

— Скажи правду, Марк. У них есть хоть какой-нибудь шанс?

— С таким командиром, как это бесчувственное чудовище Бен Канаан, у них шансы неплохие.

Солнце село, наступила ночь. Они по-прежнему молча сидели в номере Китти.

— Что же, всю ночь так и будем сидеть? — сказал Марк наконец.

— Не уходи, — попросила Китти. — Я только прилягу поверх одеяла.

Она достала из тумбочки две таблетки снотворного, потушила лампу и растянулась на кровати.

Марк уселся у окна, от нечего делать следя за прибором.

Прошло минут двадцать. Он обернулся и увидел, что Китти заснула беспокойным сном. Марк подошел к кровати, постоял над ней, затем прикрыл Китти одеялом и вернулся к своему стулу.

В Караолосе Дов и Карен сидели в палатке, слишком возбужденные, чтобы заснуть. Они тревожно шептались: во всем лагере только они знали, что будет завтра.

Карен пыталась успокоить Дова, который без умолку говорил, как он, приехав в Палестину, немедленно присоединится к террористам и будет убивать британских солдат. Она успокаивала его, как умела, и все-таки уговорила прилечь.

Когда он закрыл глаза, Карен тихонько встала. Ее охватило странное ощущение. Дов, оказывается, значил для нее куда больше, чем она думала до сих пор. Сначала она его просто жалела. Теперь же была в его власти. Карен не понимала, как это могло случиться. Хорошо бы поговорить об этом с Китти, но Китти рядом нет.

— Карен?

— Я здесь, Дов...

В темноте тикали часы.

В 23-й транспортной роте три человека лежали на койках с открытыми глазами.

Зеев Гильбоа вспоминал весну в Галилее. Он думал о жене и ребенке, о своем хозяйстве. Ребенку было всего несколько месяцев, когда Пальмах направил Зеева на Кипр.

Иоав Яркони тоже думал о своем хозяйстве. Совсем не таком, как у Зеева. Расположенное у самого моря, на севере Саронской долины, оно звалось Слот-Ям — Морские Нивы — и занималось преимущественно рыболовством. Яркони любил скитаться по заброшенным руинам Кесарии, копаться в поисках древностей. Он надеялся, что теперь Пальмах отпустит его на некоторое время домой. Яркони хотел увидеть брата и сестру, поплавать на своем катере.

Давид Бен Ами думал об Иерусалиме. Он любил этот город, лежащий на скалистых холмах Иудеи, почти так же сильно, как Иордану, сестру Ари. Теперь он побудет с ними

обоими, пока его не пошлют куда-нибудь с новым заданием. Давид приподнялся на локте и прочитал еще раз потертое письмецо, которое привез ему Ари. У него бешено забилося сердце. Иордана, любовь моя!

Все трое знали, что их остановка в Палестине не будет долгой. Они принадлежали Пальмаху и Моссаду, в любой момент их могли отправить куда угодно. Но в эту ночь их мысли были дома.

Генерал Брюс Сазерленд проснулся, измученный кошмарами, оделся и вышел прогуляться по ночной Фамагусте. Он шел вдоль погруженной в темноту древней крепостной стены и вглядывался в Старый город с сотнями церквей и соборов, с развалинами дворцов и памятников прошедшей славы. Он шел, пока не добрался до башни Отелло. Взобрался на башню и посмотрел вниз, в сторону порта. Он устал, ужасно устал. Будет ли еще в его жизни ночь, когда он сможет спокойно закрыть глаза и заснуть мирным сном?

Майор Алистер заснул за письменным столом. Почти всю ночь он рылся в донесениях, в отрывочных рапортах, поступающих от агентов, пытаясь отгадать, что замышляют евреи в Караолосе.

Мандрия шагал взад и вперед по той самой комнате, в которой Моссад и Пальмах провели столько совещаний. Всего несколько недель назад Ари Бен Канаан и Давид Бен Ами смотрели отсюда, с балкона, на колонну машин с евреями, снятыми с «Врат Надежды». Завтра он тоже будет стоять на балконе и смотреть, как мимо проезжает другая колонна. Это будет венцом безумного плана Бен Канаана. Отвага Моссада произвела огромное впечатление на греческих киприотов; те из них, кто, подобно Мандрии, сотрудничал с евреями, уже подумывали о собственном подпольном движении против британского владычества.

Один только Бен Канаан спал крепко, мирным сном хорошо накормленного ребенка, у которого нет никаких забот.

Луч света упал на лицо Марка Паркера, дремлющего у окна, задрав ноги на подоконник. Марк открыл глаза и зевнул. Он весь ооченел, во рту было горько от табака и виски. Марк оглянулся и увидел Китти, спящую спокойным и глубоким

сном. Он опустил шторы, на цыпочках вышел из комнаты, побрился, принял холодный душ и почувствовал себя бодрее. Вернувшись в комнату, он осторожно присел на край кровати, нежно погладил Китти по волосам. Она медленно открыла глаза. Увидев Марка, улыбнулась и сладко потянулась. Но тут же ее лицо исказила тревога.

Без двадцати девять Ари Бен Канаан, одетый в капитанский мундир, сел в военный джип, возглавлявший колонну из двадцати грузовых машин 23-й транспортной роты. Вели машины пальмахники, переодетые в британскую форму. Колонна выехала с базы и минут через двадцать остановилась в Караолосе перед зданием лагерного управления, находящегося вне зоны.

Ари постучался в кабинет начальника лагеря, с которым предусмотрительно подружился за последние три недели:

— Доброе утро, сэр!

— Доброе утро, капитан. Чем могу служить?

— Мы получили приказ из штаба, сэр. Похоже, что новые лагеря готовы раньше срока. Мне приказано перевести туда часть детей уже сегодня.

Ари положил на стол поддельные наряды.

Начальник лагеря полистал бумаги.

— В нашем графике ничего об этом не сказано, — заметил он. — Мы рассчитывали начать переброску только через три дня.

— Таков приказ, — ответил Ари.

Начальник лагеря принялся кусать губы в задумчивости. Он посмотрел на Ари, затем еще раз на бумаги и поднял телефонную трубку.

— Алло, говорит Поттер. Капитан Мур привез приказ на переброску трехсот детей из пятидесятой секции. Выделите бригаду им в помощь.

Начальник достал ручку и завизировал наряды, потом подписал еще дюжину пропусков — для каждого водителя.

— Только, пожалуйста, побыстрее, Мур. Через час должна прибыть другая колонна. Как бы не получилась пробка.

— Хорошо, сэр.

— Э-э... Мур. Большое спасибо, старик, за виски, что вы прислали для нашего клуба.

— Мне это доставило большое удовольствие, сэр.

Ари собрал бумаги со стола. Начальник вздохнул.

— Евреи приходят и евреи уходят.

— Да, сэр, — ответил Ари, — они приходят... и уходят.

Столик с завтраком стоял напротив окна в комнате Марка. Он и Китти едва дотрагивались до еды. Зато пепельница была полна окурков.

— Который час? — уже в пятнадцатый раз спросила Китти.

— Почти половина десятого.

— Что там происходит?

— Если все идет по графику, то в эту минуту дети забираются в машины. Посмотри, — сказал Марк, показывая на море.

Старая развалина «Афродита», переименованная в «Исход», медленно вползала в гавань.

— Боже мой, — вскрикнула Китти, — это и есть «Исход»?

— Да, это он.

— Но ведь он вот-вот развалится на части, Марк.

— Вполне возможно.

— Но как же они думают разместить там триста детей?

Марк зажег новую сигарету. Ему очень хотелось походить по комнате, но он боялся выдать Китти свое беспокойство.

Девять тридцать.

Девять сорок.

«Исход» проплыл между маяком и «Куполом» сквозь узкий просвет между рукавами мола.

Без десяти десять...

— Марк, пожалуйста, присядь. Надоело.

— Вот-вот должен позвонить Мандрия. Остались считанные минуты.

Десять.

Пять минут одиннадцатого.

Шесть минут, семь...

— Что они там, уснули? Я ведь заказал кофе. Китти, звони, пожалуйста, из своей комнаты. Пусть немедленно несут сюда.

Четверть одиннадцатого. Кофе наконец принесли.

Семнадцать минут одиннадцатого. Нервы Марка начали сдавать. Он знал: если Мандрия не позвонит в теч-

ние десяти минут, значит, произошло что-то непредвиденное.

Двадцать минут одиннадцатого. Звонок!

Марк и Китти обменялись взглядами. Марк вытер потную ладонь, сделал глубокий вдох и поднял трубку.

— Алло.

— Мистер Паркер?

— У телефона.

— Минуточку, сэр. Вас вызывают из Фамагусты.

— Алло... алло... алло...

— Паркер?

— У телефона.

— Говорит Мандрия.

— Слушаю.

— Они только что проехали.

Марк немедленно положил трубку.

— Все в порядке. Он их вывез-таки из Караолоса. Теперь едет по ларнакскому шоссе и минут через пятнадцать повернет на север. Какие-нибудь пятьдесят миль, все по ровной местности. Только раз придется перевалить через горы, если, конечно, не потребуются ехать в обход. Они придут, вероятно, сразу после обеда... если все пойдет хорошо.

— Я почти надеюсь, что дело пойдет не так.

— Ладно, пойдем. Теперь уже незачем сидеть и ждать.

Он взял бинокль, спустился с Китти к телеграфу и попросил бланк.

*Кеннету Брэдбери,
заведующему отделом АСН,
Лондон*

Подвернулось дело. Прошу продлить отпуск на две недели. Подтвердите получение.

Марк

— Отправьте это, пожалуйста, срочно. Когда дойдет?

Телеграфист прочитал текст.

— Будет в Лондоне через пару часов.

Они вышли из «Купола» и направились к пристани.

— Что это было? — спросила Китти.

— Условный знак, чтобы мой репортаж отдавали в набор.

Они постояли несколько минут на набережной, глядя, как ветхое судно причаливает к пристани. Потом Марк повел Китти дальше. Они пересекли порт и взобрались на башню Дворца Девы. Отсюда открывался вид на порт и далеко внизу виднелось шоссе, по которому должна была проехать колонна.

В четверть двенадцатого Марк направил бинокль на шоссе. Он смотрел, как оно вьется вдоль берега, исчезая за холмами, вновь появляясь. Вдруг словно мороз прошел у него по коже. На горизонте показалось облако пыли и колонна автомашин, которые с этого расстояния выглядели не крупнее муравьев. Он толкнул Китти в бок, протянул ей бинокль. Она тоже направила его на машины, которые ползли по извилистому шоссе.

— Всего полчаса пути.

Они спустились с башни, вновь пересекли порт и остановились на самом конце набережной, в пяти минутах ходьбы от «Купола». Когда колонна проехала госпиталь на окраине города, Марк взял Китти под руку и повел ее в гостиницу.

Он вошел в телефонную кабину и позвонил в британскую контрразведку в Фамагусте.

— Мне нужно срочно поговорить с майором Алистером, — сказал Марк, положив носовой платок на микрофон и стараясь говорить без американского акцента.

— Назовите, пожалуйста, свою фамилию и объясните, по какому делу он вам нужен.

— Послушайте, старик, — ответил Марк. — Триста евреев только что удрали из лагеря. Бросьте эти дурацкие вопросы и немедленно соедините меня с Алистером.

Его соединили.

— Алистер слушает, — послышался в трубке сдержанный голос майора.

— Говорит доброжелатель, — произнес Марк. — Хочу вам доложить, что несколько сот евреев совершили побег из Караолоса и в эту самую минуту направляются на борт корабля в Кирении.

Он тут же положил трубку. Алистер нажал несколько раз на рычаг.

— Алло... алло... кто говорит? Алло...

Он тоже положил трубку и тут же позвонил сам.

— Говорит Алистер. Мне только что сообщили о побеге евреев. Они якобы направляются на борт корабля в Кире-

нии. Сейчас же объявите тревогу. Военный комендант Кирении пусть проверит это сообщение немедленно. Если это правда, нужно срочно послать туда несколько военных кораблей.

Алистер положил трубку и побежал вниз, в кабинет Сазерленда.

Автоколонна остановилась на набережной. Ари Бен Канаан вылез из джипа, и шофер отвел машину в сторону. Грузовики начали подъезжать к «Исходу». Благодаря тренировкам Зеева дети перебрались на борт корабля спокойно и быстро. Иоав, Давид и Хэнк Шлосберг, капитан судна, указывали каждому место в трюме или на палубе. Всю операцию провели в тишине и почти без слов.

На происходящее глазели прохожие, оказавшиеся на набережной. Несколько британских солдат пожимали плечами и чесали в затылках. Как только очередную машину разгружали, ее тут же угоняли в горы и там, в окрестностях монастыря святого Илариона, бросали. 23-я транспортная рота, выполнив свое задание, прекращала существование. Иоав оставил в своей машине записку, в которой благодарил англичан за помощь.

Ари поднялся на борт «Исхода» и направился в рубку. Машины одна за другой выгружали детей. Не прошло и двадцати минут, как все они были на корабле. Зеев, Давид, Иоав и Хэнк Шлосберг доложили, что погрузка закончена. Ари отдал команду Хэнку, тот вышел, и тут же заработала машина.

— Идите к детям, — распорядился Ари. — Объясните им, что от них требуется. Если кто-нибудь чувствует, что у него не хватит сил, пусть приходит ко мне в рубку, и мы его тут же отправим назад в Караолос. Разъясните им, что, оставаясь здесь, они рискуют жизнью. На желающих вернуться не оказывать никакого давления.

Пока пальмахники беседовали с детьми, «Исход» доплыл до середины гавани и бросил якорь.

И в эту минуту повсюду завывли сирены. Ари посмотрел в бинокль на берег. Десятки британских грузовиков и джипов мчались со всех сторон к Кирении. Он не мог удержаться от смеха, увидев и грузовики бывшей 23-й транспортной роты. Следуя в противоположную сторону, чтобы остаться в горах, они разминулись с автоколонной, что неслась в сторону Кирении.

Ари взглянул на палубу. Дети были спокойны.

Англичане наводнили весь порт. К пристани подъехали машины с солдатами. Офицеры указывали на «Исход», отдавали какие-то приказы. Солдаты побежали по обоим рукавам мола и установили у входа в гавань пулеметы и минометы, чтобы отрезать путь судну, если оно попытается выйти в открытое море.

Пристань оцепили, удалили зевак с набережной. Ари наблюдал за все прибывающим британским пополнением. Не прошло и часа, как в порту было не меньше пяти сотен солдат. За гаванью бросили якоря несколько торпедных катеров. На горизонте показались три миноносца. Сирены продолжали выть. Мирный городок превратился в военный лагерь. Затем по набережной прогрохотали танки, а пулеметы у входа в гавань заменили орудиями.

Сирены завывали с новой силой, когда к пристани подъехали генерал Сазерленд, Колдуэлл и Алистер. Майор Кук, военный комендант Кирении, отдал Сазерленду рапорт:

— Вон то судно, сэр, посреди гавани, доверху забито евреями. Но уйти оно никак не сможет.

Сазерленд внимательно оглядел пристань.

— Вы стянули войска, словно предстоит бой с танковой дивизией, — сказал он. — Эти люди на судне просто сошли с ума. Распорядитесь, чтобы установили громкоговоритель.

— Слушаюсь, сэр.

— Если бы вы спросили меня, то я бы советовал сбросить их всех в море, — сказал Колдуэлл.

— Но я вас не спрашиваю, — отрезал Сазерленд. — Кук, оцепите район порта. Организуйте абордажный отряд. Слезоточивые газы, легкое оружие — на случай, если они не согласятся сойти на берег добровольно. Фредди, сбегайте в «Купол» и передайте в штаб, что я требую прекращения связи с внешним миром.

Алистер стоял молча и вдумчиво изучал судно.

— Ваше мнение, Алистер?

— Мне все это не нравится, сэр, — ответил он. — Они не рискнули бы устроить побег средь бела дня, если бы у них на уме не было еще чего-то.

— Бросьте! Вам всегда мерещатся призраки.

Марк Паркер проложил себе путь через оцепление и пошел к офицерам.

— Что тут происходит? — спросил он.

Как только Алистер заметил Марка, он сразу понял, что его подозрения правильны.

— Действительно, Паркер, — сказал он. — Надеюсь, вы нам это и расскажете. Вам, старина, не мешало бы поработать над британским произношением. На случай, если захотите еще разок поговорить со мной по телефону.

— Не понимаю, о чем вы, майор.

Генерал Сазерленд тоже начал догадываться. Он посмотрел на судно, затем на Паркера, затем на Алистера и понял, что Моссад Алия Бет захватил его врасплох. Он покраснел. Майор Кук подошел с докладом.

— Минут через десять абордажные группы смогут приступить. Двести человек доберутся до судна на рыбацких катерах.

Сазерленд не стал даже слушать его.

— Где громкоговоритель, черт возьми?!

Десять минут спустя Сазерленд взял микрофон. Катера с абордажными командами стояли посреди гавани, готовые в любую минуту двинуться к «Исходу».

— Эй, на судне! С вами говорит генерал Брюс Сазерленд, — раздался голос. Ему громко вторило эхо. — Вы меня слышите?

В рубке «Исхода» Ари включил свой громкоговоритель.

— Алло, Сазерленд, — крикнул он в ответ. — С вами говорит капитан Халев Мур из 23-й транспортной роты Еврейского Воинства Его Величества на Кипре. Ваши грузовики находятся в окрестностях монастыря святого Илариона.

Сазерленд побледнел. Алистер разинул рот.

— Эй, вы, там, — сердито заорал Сазерленд. — Даю вам десять минут, чтобы подплыть к пристани. Если не сделаете этого, мы пошлем вооруженную абордажную команду.

— Алло, Сазерленд! Говорит «Исход». У нас на борту триста два ребенка. Машинное отделение набито динамитом. Как только кто-нибудь из ваших людей ступит на борт или откроет огонь, мы взорвем корабль.

В эту минуту репортаж Марка Паркера передавался по телеграфу из Лондона во все концы света.

Сазерленд, Алистер и пятьсот солдат потеряли дар речи, когда на мачте «Исхода» взвился британский флаг со свастикой посередине. Бой за «Исход» начался.

ГЛАВА 30

Экстренный выпуск!

Давид против Голиафа, вариант 1946 года

От специального корреспондента

Американского Синдиката Новостей

Марка Паркера

Кирения, Кипр, АСН

Я пишу этот репортаж в Кирении. Это крохотный, похожий на жемчужину портовый городок на северном побережье Кипра, британской королевской колонии.

У Кипра богатая и бурная история. На острове много следов блистательного прошлого, начиная с руин Саламиды, соборов Фамагусты и Никосии и кончая множеством дворцов эпохи крестоносцев.

Однако красочное прошлое — ничто по сравнению с драмой, которая происходит в данную минуту в этом тихом, никому не известном и заброшенном городке. Вот уже несколько месяцев, как Кипр превращен в место ссылки для еврейских беженцев, пытавшихся прорваться через британскую блокаду в Палестину.

Сегодня триста детей в возрасте от десяти до семнадцати лет совершили побег из британского лагеря, расположенного в Караолосе, пересекли остров и сели в Кирении на переоборудованное для этой цели старое судно водоизмещением примерно в двести тонн, которое ожидало их в порту, чтобы отплыть с ними в Палестину.

Почти все беглецы — бывшие узники немецких лагерей смерти. Транспортное судно, метко переименованное в «Исход», было обнаружено британской разведкой еще до того, как ему удалось покинуть порт.

Теперь судно с тремя сотнями детей на борту стоит на якоре посреди гавани диаметром не более трехсот метров, и его экипаж решительно отклоняет все попытки англичан принудить детей высадиться на берег и вернуться в Караолос.

Представитель «Исхода» заявил, что трюм судна набит динамитом, дети полны решимости покончить с собой; они взорвут судно при первой попытке англичан подняться на корабль силой.

Генерал Кларенс Тевор-Браун бросил газету на письменный стол. Он зажег сигару и принялся изучать поступившие донесения.

Репортаж Марка Паркера, первосортная журналистская бомба, всколыхнул не только всю Европу, но и Соединенные Штаты. Сазерленд отказался от взятия «Исхода» и попросил инструкций.

Тевор-Браун знал, что часть вины лежит на нем самом. Это он, Тевор-Браун, рекомендовал Брюса Сазерленда на эту должность, он же не обратил должного внимания на донесение Алистера, предупреждавшего: что-то затевается и Сазерленда нужно немедленно сменить.

В кабинет вошел Хамфри Кроуфорд. Этот снедаемый честолюбием, всегда бледный чиновник ближневосточного отдела в министерстве колоний служил связующим звеном между армией и Уайтхоллом.

— Добрый день, сэр Кларенс, — нервно поздоровался Кроуфорд. — Нам пора на встречу с Бредшоу.

Тевор-Браун встал из-за стола и собрал бумаги.

— Да. Не стоит заставлять старика ждать.

Кабинет Сесили Бредшоу находился в Институте международных связей. Вот уже тридцать лет этот человек был одним из главных творцов британской политики на Ближнем Востоке.

В конце Первой мировой войны между Великобританией и Францией разгорелась борьба за сферы влияния. Когда Великобритания получила мандат на Палестину, Бредшоу вместе с Уинстоном Черчиллем не жалел усилий для создания на половине территории мандата отдельного арабского государства. Это государство получило название Трансиордания. Цель его создания заключалась в обеспечении Британии надежной военной базой. С английской помощью была создана местная армия, так называемый Арабский легион, а во главе государства поставлен король Абдалла, враг Сауда, короля Саудовской Аравии.

К концу Второй мировой войны к власти в Англии пришла лейбористская партия. Чего только она не обещала во время предвыборной кампании! В том числе и создать еврейское государство в Палестине, прибежище для уцелевших жертв нацизма. Именно Сесиль Бредшоу возглавлял фрак-

цию, убедившую нового министра иностранных дел, что предвыборные обещания, хотя звучат красиво, для дела совершенно непригодны, так как британские интересы требуют поддержки арабов. У арабов десять миллионов квадратных миль территории, и вся она богата нефтью; там же находится Суэцкий канал, жизненно важный для Великобритании.

Сэр Кларенс Тевор-Браун и Хамфри Кроуфорд прошли в кабинет Сесилия Бредшоу. Бредшоу, грузный мужчина за шестьдесят лет, стоял у стены спиной к вошедшим, заложив за спину толстые руки. Хамфри Кроуфорд нервно присел на край стула. Тевор-Браун комфортабельно расположился в голубом кожаном кресле и зажег сигару.

— Поздравляю вас, господа, — глядя в стену, сказал Бредшоу язвительным, дрожащим от гнева голосом. — Мы с вами попали сегодня, кажется, на первую полосу.

Он похлопал себя по круглому животу и улыбнулся.

— Вы, верно, ожидали, что со мной случился припадок. Ничего подобного. Уайтхолл, правда, звонил с утра. Как и следовало ожидать, министр спихнул дело с «Исходом» мне.

Бредшоу сел за письменный стол, взглянул на лежавшие на столе донесения и резким рывком сорвал с носа очки.

— Сэр Кларенс, скажите мне... Ваша разведка там вымерла, или они занимаются исключительно игрой в теннис? Кроме того, не объясните ли вы, что нашло на Сазерленда? Ведь назначить его туда была ваша идея.

Тевор-Браун не дал себя огорошить:

— А вашей идеей было создать лагеря на Кипре.

— Господа, — быстро вмешался Кроуфорд, чтобы предупредить ссору, — мы попали из-за этого «Исхода» в весьма неловкое положение. Впервые о этих делах заговорили даже в американской печати.

Бредшоу язвительно захохотал. Его розовые щеки побавровели.

— Вопреки всем Трумэнским разговорам, американцы приняли с конца войны не более десятка тысяч еврейских беженцев. Конечно, Трумэн за сионизм... покуда Палестина не находится в Пенсильвании. У всех на устах громкие слова, но миллион евреев сидит именно на нашей шее. Миллион евреев, которые могут подорвать все наши позиции на Ближнем Востоке. — Бредшоу вновь надел очки. — «Звезда Давида», «Моисей», «Пальмах», «Врата Сиона», «Врата Надежды», а теперь вот «Исход». Эти сионисты хитрый народ. Вот

уже двадцать пять лет, как они валят на нас все шишки в Палестине. Они вычитывают из статей мандата и Бальфурской декларации такое, чего там никогда не было. Они даже верблюда способны убедить, что он ишак. Господи Боже... двухчасовая беседа с Хаимом Вейцманом, и я сам стал бы сионистом. — Сесиль Бредшоу опять снял очки. — Ваши симпатии, Тевор-Браун, нам известны.

— Я не принимаю вашего намека, Бредшоу. Может быть, я и впрямь твердолоб, если считаю, что единственный способ удержать Ближний Восток — это создать сильную еврейскую Палестину. Но я руководствуюсь при этом не еврейскими, а британскими интересами.

Бредшоу перебил его.

— Поговорим лучше об «Исходе». Последствия совершенно ясны. Мы пошли на уступки в истории с «Землей Обетованной», но на этот раз мы не уступим. Судно находится в наших водах, а не во французских. Мы не будем брать их силой, не станем отправлять их в Германию, не потопим судно. Мы их будем держать в Кирении, пока они не сдохнут. Сдохнут — слышите, Тевор-Браун? Именно сдохнут! — Бредшоу впал в ярость, у него задрожали руки.

Тевор-Браун прикрыл глаза.

— Мы не можем пойти на это хотя бы из моральных соображений. У нас нет никаких оснований удерживать триста детей, выросших в концентрационных лагерях, и мешать им попасть в Палестину. Нефть... каналы... арабы... к черту все это! Мы выставили себя на посмешище, отправив беженцев с «Земли Обетованной» в Германию!

— Мне известны ваши симпатии.

— Господа!

Тевор-Браун поднялся, опираясь на письменный стол Бредшоу.

— Есть только один способ выйти с честью из этой истории. Евреи тщательно спланировали свою пропагандистскую акцию. Спутайте им карты. Дайте «Исходу» отплыть сию же минуту. Именно этого они не хотят.

— Никогда!

— Неужели вы не видите, что, упорствуя, мы только сыграем им на руку?

— Пока я сижу в Четем Хаузе, это судно не поднимет якорь.

ГЛАВА 31

*Марку Паркеру,
гостиница «Купол»,
Кирения, Кипр*

Получилось неплохо. Гоните продолжение.

Кен Брэдбери, АСН, Лондон

Кирения, Кипр, АСН
От вашего специального корреспондента
Марка Паркера

Смешно: тысяча вооруженных солдат, танки, артиллерия и военно-морская эскадра стоят и беспомощно смотрят на невооруженное транспортное судно.

Первая неделя борьбы за «Исход» закончилась вничью. Обе стороны, англичане и беженцы, твердо стоят на своем. До сих пор никто не пытался взобраться силой на борт нелегального судна, экипаж которого заявил, что оно взлетит на воздух, если такая попытка будет предпринята. Между тем до судна всего несколько сот метров от набережной, и в хороший бинокль видно все, что происходит на борту.

Моральный дух трехсот детей на борту «Исхода», по всем признакам, очень высок. Всю неделю они пели песни и издевались над британскими солдатами, которые несли охрану на набережной и на молу.

Марк отправлял свои репортажи день за днем, добавляя все новые и новые подробности.

Когда Сесиль Бредшоу принял решение поставить все на карту и превратить «Исход» в назидательный пример, он знал, что на него обрушится убийственная критика. Французская печать всегда реагировала на подобные события возмущенно, но на этот раз она была попросту безудержна: ничего подобного не бывало за всю историю англо-французского сотрудничества. Печать других стран тоже судила об этом деле резко, и даже в британской прессе мнения разделились. Все чаще в газетах высказывались сомнения в мудрости решения, принятого Уайтхоллом.

Опытный политик Бредшоу пережил на своем веку не один шторм, и сейчас, как ему казалось, речь шла о буре в

стакане воды, которая вот-вот стихнет. Он послал в Кирению трех надежных журналистов, чтобы нейтрализовать репортажи Марка Паркера. Полдюжины экспертов день и ночь занимались разъяснением британской позиции. У англичан была зацепка, и они ловко использовали ее.

Если сионисты действительно такие благородные люди, говорили они, то почему подвергают опасности жизнь трехсот невинных детей? Мы наблюдаем мрачный и хладнокровно задуманный заговор, имеющий целью вызвать сочувствие и напустить туман при решении палестинского вопроса. Мы имеем дело с фанатиками. Ари Бен Канаан — матерый сионистский агент с большим стажем нелегальной деятельности.

В аэропорту Никосии высадились корреспонденты из десятков стран, требуя разрешения поехать в район Кирении. Гостиница «Купол» все больше напоминала резиденцию небольшого политического съезда.

В парижских кафе англичан ругали.

В лондонских пивных англичан защищали.

В Стокгольме читали проповеди.

В Риме спорили.

В Нью-Йорке букмекеры устраивали пари. Ставили четыре против одного, что «Исходу» не дадут поднять якорь.

К концу второй недели Ари разрешил Марку подняться на борт. Марк договорился с Ари при помощи сигналов; ему казалось, что он выбрал подходящий момент. Марк стал первым посторонним, которому удалось попасть на «Исход». Следующие три его репортажа все газеты напечатали на первых страницах.

Первое интервью,
данное нашему
специальному корреспонденту
на борту «Исхода»
Ари Бен Канааном
Кирения, Кипр, АСН

Сегодня я стал первым корреспондентом, который взял интервью у Ари Бен Канаана, представляющего интересы детей с «Исхода».

Я попросил его прокомментировать появившиеся в печати обвинения в том, что он профессиональный сионистский бунтовщик, а также другие обвинения, выдвинутые против него Уайтхоллом. Мы беседовали в рубке судна,

единственном не забитом детьми месте. Моральное состояние детей продолжает и сегодня оставаться высоким, но двухнедельная осада начинает сказываться на их физическом состоянии.

Бен Канаан — мужчина лет тридцати, свыше шести футов ростом. У него черные волосы и холодные голубые глаза, он легко мог бы сойти за киноактера. Ари выразил глубокую благодарность доброжелателям во всем мире и заверил меня, что дети держатся великолепно. В ответ на мои вопросы он сказал: «Мне наплевать на личные нападки. Интересно, впрочем, упомянули ли англичане о том, что во время войны я служил в британской армии в чине капитана? Признаюсь, я действительно сионистский агент и останусь им до тех пор, пока они не выполняют всех своих обещаний, касающихся Палестины. Легальна моя работа или нелегальна — это зависит от того, как смотреть на дело».

Я задал вопрос насчет английских доводов о двусмысленности проводимой акции. Бен Канаан ответил: «Нас, евреев, обвиняют во многом, и мы к этому привыкли. Когда дело касается проблемы, связанной с британским мандатом на Палестину, они всегда вытаскивают на свет новую провокацию сионистов. Я удивляюсь, что они еще не обвинили сионистов в беспорядках, происходящих в Индии. Ганди, к счастью, не еврей».

Уайтхолл опять прибегает к старому жупелу таинственного сионизма, чтобы прикрыть им три десятилетия грязного правления, лживых заверений, данных как евреям, так и арабам, когда тех и других продавали и предавали. Не успели они опубликовать в 1917 году Декларацию Бальфура, обещавшую создать в Палестине отечество евреев, как тут же ее нарушили. С тех пор они все время нарушают свое слово. Последнее предательство совершили лейбористы, обещавшие перед выборами открыть двери Палестины для уцелевших жертв нацизма.

Крокодиловы слезы Уайтхолла по поводу судьбы трехсот детей просто смешны. Каждый ребенок, находящийся на борту «Исхода», пришел сюда добровольно. Каждый ребенок на борту «Исхода» — сирота по вине Гитлера. Почти все эти дети провели в немецких или британских концентрационных лагерях по пять-шесть лет.

Если Уайтхолл в самом деле так озабочен благополучием этих детей, то пусть откроет ворота лагерей в Караолосе, чтобы журналисты могли познакомиться с положением тех,

кто там сидит. Их держат за колючей проволокой под дулами автоматов, плохо кормят, там не хватает воды, медицинское обслуживание никуда не годится. Эти люди ни в чем не виноваты. И тем не менее их держат под стражей.

Уайтхолл обвиняет нас, будто мы пытаемся навязать ему несправедливое решение палестинского вопроса. В Европе из шести миллионов евреев уцелело не больше двухсот пятидесяти тысяч. Британская норма иммиграции евреев в Палестину составляет 700 человек в месяц. И это они называют справедливостью?

Наконец, я вообще оспариваю право англичан на Палестину. Неужели у них больше прав находиться там, чем у жертв нацизма? Позвольте, напомнить вам: Господь предназначил эту землю сынам Израиля. Следовательно, здесь будут жить и они, и дети их, и дети их детей».

Ари Бен Канаан положил Библию обратно на стол и добавил: «Впредь пусть господа из Уайтхолла получше обосновывают свои претензии. Я скажу министру иностранных дел то же самое, что один великий человек сказал другому поработителю три тысячи лет тому назад: «Отпусти народ мой»*.

Назавтра после появления в печати репортажа под заголовком «Отпусти народ мой» Марк огласил некоторые подробности операции «Гедеон», в том числе и историю о том, как при побеге использовались британские военные машины. Над англичанами начали смеяться...

По совету Марка Ари разрешил и другим журналистам подняться на борт «Исхода». После этого они стали громко требовать пропуска в караолосские лагеря.

Сесиль Бредшоу был готов к нападкам, но никогда не думал, что они достигнут такой небывалой резкости. Сопровождение следовало за совещанием — гавань в Кирении попала в центр внимания всего мира. Теперь уже никак нельзя было разрешить «Исходу» поднять якорь; для британского престижа это обернулось бы настоящей катастрофой.

Генерал Тевор-Браун тайно вылетел на Кипр, чтобы взять командование в свои руки.

Его самолет под строжайшим секретом приземлился в предрассветные часы в никосийском аэропорту. Встречал генерала майор Алистер. Они сели в штабную машину и помчались в генштаб, расположенный в Фамагусте.

* Исх. 5, 1.

— Мне хотелось поговорить с вами, Алистер, прежде чем Сазерленд передаст мне дела. Я, конечно, получил ваше письмо. Можете говорить не стесняясь.

— Я бы сказал, сэр, что это дело оказалось не по силам Сазерленду. С ним происходит что-то непонятное. Колдуэлл сказал мне, что у него каждую ночь кошмары. Ночи напролет, вплоть до самого утра, он рассказывает по комнате и все время читает Библию.

— Проклятье! — воскликнул Тевор-Браун. — Брюс всегда был отменным солдатом. Надеюсь, все останется между нами. Мы должны отстоять его.

— Конечно, сэр, — ответил Алистер.

Кирения, Кипр, АСН

От нашего специального корреспондента

Генерал сэр Кларенс Тевор-Браун, знаменитый своими славными победами в пустыне, инкогнито высадился ночью в никосийском аэропорту. Сэр Кларенс был в штатском, и его прибытие держалось в секрете. Появление на сцене Тевор-Брауна свидетельствует о том, что Уайтхолл глубоко озабочен историей с «Исходом». Весьма возможно, что произойдут перемены в политике, а то и в руководстве.

Марк поднялся на борт «Исхода» и попросил, чтобы к нему в рубку привели Карен. Он нервничал, пробираясь по забитой детьми палубе. Дети были бледны, от них дурно пахло: для мытья воды не хватало.

Ари сидел в рубке, невозмутимый, как всегда. Марк передал ему сигареты и несколько бутылок бренди.

— Как дела на берегу? — спросил Ари.

— С прибытием Тевор-Брауна, похоже, ничего не изменилось. Газеты по-прежнему шумят о вас, даже больше, чем я ожидал. Послушайте, Ари. У вас, как и у меня, это дело выгорело на славу. Вы добились, чего хотели: вон какой фонарь посадили англичанам. Однако у меня есть сведения, что они не пойдут на уступки.

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что можно завершить это дело чертовски эффективной концовкой. Высадите детей на берег, и, когда англичане повезут их обратно в Караолос, мы развернем такую кампанию в газетах, что весь свет будет рыдать.

— Китти послала вас с этим предложением?

— Оставьте, пожалуйста! Вы только посмотрите на детей. Они валяются с ног.

— Они знали, на что идут.

— И вот еще что, Ари. Боюсь, что мы достигли вершины в нашей газетной шумихе. Конечно, мы еще на первых полосах, но если завтра Фрэнк Синатра заедет какому-нибудь газетчику в рыло в ночном кабаке, то мы сразу окажемся на задворках.

В рубку вошла Карен.

— Здравствуйте, мистер Паркер, — поздоровалась она тихо.

— Привет, детка. Вот тебе письмо от Китти и небольшая посылочка.

Она взяла письмо и передала конверт для Китти. От посылки, как и всякий раз до этого, отказалась.

— Господи, у меня не хватает духу признаться Китти, что она отказывается от ее передач. Девочка больна. Вы заметили синие круги под глазами? Еще пара дней, и вы бед не оберетесь на этом корабле.

— Мы говорили о том, как поддержать интерес публики. Поймите, Паркер. Мы ни за что не вернемся в Караолос. Четверть миллиона евреев по всей Европе ждут, и только мы одни можем помочь им. С завтрашнего утра мы объявим голодовку. Тех, кто не выдержит и свалится с ног, вынесем наверх и положим на палубу, чтобы англичане могли налюбоваться вдоволь.

— Вы чудовище... вонючее чудовище, — прошипел Марк.

— Называйте меня, как хотите, Паркер. Думаете, мне приятно обрекать сирот на голод? Дайте мне какое-нибудь другое оружие. Дайте что-нибудь, с чем я мог бы броситься на эти танки и миноносцы! У нас ничего нет, кроме нашего духа и нашей веры. Две тысячи лет нас избивали и уничтожали. Но этот бой мы выиграем.

ГЛАВА 32

На «Исходе» объявлена голодовка! Дети предпочитают голодную смерть возвращению в Караолос.

Выждав две недели, пока шумиха, поднятая газетами, не всколыхнула весь мир, Ари Бен Канаан неожиданно пере-

шел в атаку. Это уже не была игра в поживем-увидим; ситуация с детьми вынуждала англичан принять четкое решение.

За борт «Исхода» вывесили огромную доску, на которой по-английски, по-французски и на иврите менялись надписи:

Голодовка, час 1...

Голодовка, час 15...

Двое мальчиков и пятнадцатилетняя девочка потеряли сознание; их положили на верхнюю палубу...

Голодовка, час 20...

Десять детей лежали без сознания на палубе.

— Ради Бога, Китти! Перестань ходить, сядь!

— Уже двадцать часов. До каких же пор это будет продолжаться? У меня просто не хватает духу пойти на набережную. Карен тоже лежит на палубе?

— Я сто раз говорил тебе: нет!

— У этих ребятшек вообще слабое здоровье, а тут еще две недели на проклятом судне. Это подорвало их последние силы.

Китти затянулась сигаретой и принялась нервно тереть волосы.

— Этот Бен Канаан просто зверь.

— Я много думал над этим, — сказал Марк, — очень много. Боюсь, нам никогда не понять того, что движет этими людьми. Ты когда-нибудь была в Палестине? Это мертвая пустыня на юге, выветрившаяся степь посередине и сплошное болото на севере. Вонючая выжженная дыра, окруженная плотным кольцом смертельных врагов, которых не меньше пятидесяти миллионов. И все же они валят туда сломя голову. Они называют эту дыру Землей Обетованной, где течет молоко и мед... Они поют песни о брызгалках и оросительных каналах. Две недели назад я сказал Бен Канаану, что у евреев нет монополии на страдание, но теперь начинаю сомневаться. Ей-богу, начинаю сомневаться. Какова же должна быть мера страдания, чтобы люди стали такими фанатиками!

— Не защищай его, Марк, не защищай, пожалуйста, этих сумасшедших...

— Ты подумай вот о чем. Без поддержки детей у Ари ничего бы не вышло. Они же — за него, безоговорочно.

— Это-то и страшно, — ответила Китти. — Такая круговая порука... Они горой стоят друг за друга.

Зазвонил телефон. Марк поднял трубку, послушал и положил ее на рычаг.

— Что случилось? Что случилось, Марк?

— На палубу снова вынесли детей, потерявших сознание. Человек пять-шесть.

— А... Карен?

— Не знаю. Пойду погляжу.

— Марк!

— Что?

— Я хочу на «Исход».

— Это невозможно.

— Я больше не могу, — прошептала она.

— Если ты это сделаешь, ты пропала.

— Нет, Марк... тут что-то другое. Мне только узнать, что она жива и здорова. Клянусь тебе, что справлюсь с собой. Я хорошо это знаю. Но сидеть так, сложа руки, и знать, что она там умирает... Нет, на это у меня нет сил.

— Если мне даже удастся уговорить Бен Канаана, тебя все равно не пустят англичане.

— Ты должен, — настаивала она. — Ты должен.

Она встала спиной к двери и загородила ему дорогу. Ее лицо выражало твердую решимость. Марк опустил глаза.

— Постараюсь, — сказал он.

Голодовка, час 35...

Перед посольством Великобритании в Париже и в Риме начались бурные демонстрации протеста. Возмущенные ораторы решительно требовали выпустить «Исход» в море. В Париже полиции пришлось пустить в ход слезоточивые газы. В Копенгагене, в Стокгольме, в Брюсселе, в Гааге тоже устраивали демонстрации. Но там они проходили более спокойно.

Голодовка, час 38...

На Кипре стихийно возникла всеобщая забастовка протеста. Транспорт замер, закрылись магазины, порты, театры и рестораны. Фамагуста, Никосия, Ларнака и Лимасол словно вымерли.

Голодовка, час 40...

Ари Бен Канаан не сводил глаз со своих помощников.

Зеев, крестьянин из Галилеи, заговорил первым.

— Я солдат. Не могу стоять и смотреть, как дети умирают с голоду.

— В Палестине, — резко оборвал его Ари, — ребята не старше их уже воюют.

— Одно дело воевать и совсем другое — умирать здесь с голоду.

— Это та же борьба, только в другой форме, — ответил Ари.

Иоав Яркони знал Ари много лет, они вместе воевали...

— Я никогда не шел против тебя, Ари. Но в ту минуту, когда, не приведи Господь, кто-нибудь из детей умрет, затея обернется бумерангом против нас.

Ари посмотрел на капитана судна, американца Хэнка Шлосберга. Хэнк пожал плечами.

— Вы здесь начальник, Ари, но судовая команда начинает нервничать. Об этом в договоре нет ни слова.

— Другими словами, — сказал Ари, — вы хотите сдать. Молчание в ответ подтвердило его догадку.

— Давид, а ты? Ты еще ничего не сказал.

Давид был ученым и хорошо разбирался в Священном писании. Он ближе стоял к Богу и поэтому пользовался особым уважением.

— Шесть миллионов евреев погибли в газовых камерах, не зная, за что, — начал он. — Нас всего триста. Если мы погибнем, то будем хорошо знать, во имя чего. И весь мир будет знать тоже. Когда две тысячи лет назад мы были нацией и боролись против римского и греческого порабощения, у нас установилась традиция драться до последнего. Так было в Арбеле и Иерусалиме, в Бейтаре и Геродиуме. Массаду обороняли четыре года, а когда римляне наконец ворвались в крепость, они всех застали мертвыми. Никогда ни один народ не дрался за свою свободу так, как наш. Мы гнали со своей земли римлян и греков, пока нас самих не рассеяли по всему свету. За последние две тысячи лет нам нечасто приходилось бороться как нации. Но когда мы поднялись в варшавском гетто, то остались верны древней традиции. Сойдя с этого судна и добровольно вернувшись за колючую проволоку, мы предадим своего Бога.

— Вопросы будут? — спросил Ари.

Голодовка, час 42...

В синагогах Соединенных Штатов, Южной Африки, Англии состоялись массовые молебны. Во многих христианских церквях молились о спасении детей с «Исхода».

Голодовка, час 45...

В Аргентине евреи объявили пост в знак солидарности с детьми «Исхода».

Голодовка, час 47...

Уже темнело, когда Китти поднялась на борт «Исхода». Запах стоял невыносимый. По всей палубе, в спасательных лодках, у палубных построек лежали дети. Они не шевелились, чтобы не тратить последних сил.

— Я хочу осмотреть всех потерявших сознание, — сказала она.

Давид повел ее на верхнюю палубу, где в три ряда лежали шестьдесят детей. Он опускался на колени, поднося фонарь к лицам, а Китти передвигалась от одного к другому, шупая им пульс и поднимая веки. Несколько раз она едва не теряла сознание, когда поворачивала к себе девочку, похожую на Карен.

Давид повел ее по тесной палубе. Приходилось шагать прямо через тела. Дети смотрели потухшими глазами. Лица были покрыты толстым слоем грязи, волосы нечесаны.

Давид повел ее по лестнице в трюм. Китти чуть не стошнило от ударившей в нос вони. Она различала в полумраке детей, лежавших вповалку в своих клетках.

На верхнем ряду нар дети тесно прижимались друг к другу. Китти нашла Карен в дальнем углу. Рядом с Карен дремал Дов. Они лежали на лохмотьях, пол был скользкий от грязи и сырости.

— Карен, — шепнула она. — Карен, это я, Китти.

Карен приподняла веки. Под глазами чернели круги, губы потрескались. У нее не было сил подняться.

— Китти?

— Да, это я.

Карен протянула руки, и Китти крепко обняла ее.

— Не уходи, Китти. Я боюсь.

— Я буду с тобой, — шепнула Китти, успокаивая девушку.

Она пошла в лазарет, посмотрела, что там осталось из лекарств, и вздохнула.

— Попробую что-нибудь сделать, — сказала она Давиду. — Вы с Иоавом сможете помочь мне?

— Конечно.

— Некоторые дети в тяжелом состоянии. Придется делать холодные компрессы, чтобы согнать температуру. Их надо укрыть. Кроме того, все работоспособные должны взяться за уборку судна.

Китти вступила в лихорадочную борьбу со смертью. Но это было все равно что пытаться вычерпать океан наперстком. Пока она приводила в чувство одного ребенка, заболели трое других. У нее не было ни лекарств, ни воды, вообще ничего. Единственное, что помогло бы — пищу, — Китти использовать не могла.

Голодовка, час 81...

Семьдесят детей лежали без сознания на раскаленной палубе «Исхода».

У английских солдат на набережной Кирении появились признаки неповиновения. Многие, рискуя попасть под военный трибунал, требовали, чтобы их заменили.

Голодовка, час 82...

Карен Хансен-Клемент вынесли без сознания на верхнюю палубу.

Голодовка, час 83...

Китти вошла в рубку и в изнеможении упала на стул. Она проработала без перерыва тридцать пять часов и валилась с ног от усталости. Ари налил ей виски.

— Выпейте, — сказал он. — Вы-то в голодовке не участвуете.

Китти проглотила виски и попросила еще. Вторая порция вернула ей силы. Она уставилась на Ари Бен Канаана. Какой он сильный. Осада на нем почти не отразилась. Китти смотрела в его холодные глаза и пыталась угадать, что Ари замышляет. Она спрашивала себя, испытывает ли Ари страх, знает ли вообще, что такое страх, озабочен ли, потрясен ли происходящим.

— Я рассчитывал, что вы придете ко мне гораздо раньше, — сказал он.

— Не стану вас просить, Ари. Но, Господи, надо ли так?.. Там, на палубе, дети на пороге смерти. Я просто докладываю, как добросовестный пальмахник. Они вот-вот умрут. Каковы будут указания?

— Меня столько оскорбляли, Китти, что я не обращаю на это внимания. Кстати, ваши гуманные чувства продиктованы заботой обо всех детях или только о ком-нибудь одном?

— Вы не имеете права задавать мне этот вопрос.

— Вы хотите спасти жизнь одной девочки. А мне нужно спасти жизнь четверти миллиона людей.

Она поднялась.

— Я пойду работать, Ари. Но скажите: вы ведь знали,

отчего мне так хотелось попасть на «Исход». Почему же разрешили?

Он повернулся спиной и взглянул на море, где стояли на вахте крейсер и миноносец.

— Может быть, потому, что мне хотелось видеть вас. Голодовка, час 85...

Генерал Кларенс Тевор-Браун ходил по кабинету Сазерленда. Дым сигар заполнял комнату. Тевор-Браун несколько раз останавливался и смотрел в окно в сторону Кирении.

Сазерленд выбил трубку, взглянул на бутерброды на чайном столике.

— Присядьте, сэр Кларенс, выпейте чаю.

Тевор-Браун посмотрел на часы и вздохнул. Он сел, взял бутерброд, оглядел его, откусил кусочек, но тут же швырнул еду на стол.

— Мне совестно есть сейчас, — сказал он.

— Да, эта история не для тех, у кого есть совесть, — ответил Сазерленд. — Две войны, одиннадцать должностей за рубежом, шесть наград, три ордена. А оборвала карьеру кучка безоружных детей. Блестящий конец для тридцатилетней службы, не так ли, сэр Кларенс?

Тевор-Браун опустил глаза.

— Я знаю, вам нужно поговорить со мной, — сказал Сазерленд.

Тевор-Браун налил себе чаю.

— Послушайте, Брюс. Если бы по мне...

— Чепуха, сэр Кларенс. Вы тут ни при чем. Это не вы, а я должен чувствовать себя неловко. Я ведь подвел вас. — Сазерленд поднялся. — Я устал. Ужасно устал.

— Мы добьемся для вас полной пенсии, а отставка пройдет без шума. Можете положиться на меня, — сказал Тевор-Браун. — Послушайте, Брюс. По дороге сюда я остановился в Париже и долго беседовал с Недди. Рассказал ей о ваших трудностях. Старик, если вы будете действовать умно, то сможете сойтись с ней опять. Недди рада вернуться, а вам она теперь понадобится.

Сазерленд покачал головой.

— Между нами все кончено. Если нас и связывало что-нибудь раньше, так это была моя служба в армии. Только на этом держался наш брак.

— У вас есть другие планы?

— Со мной что-то произошло здесь на Кипре, в особен-

ности за последние недели. Можете не верить, но я не считаю, что потерпел поражение. Наоборот, у меня такое чувство, будто я выиграл что-то очень важное. Нечто такое, что я давным-давно потерял.

— А именно?

— Правду. Помните день, когда я согласился на эту должность? Вы сказали тогда, что единственное царство, где правят добро и справедливость, это Царствие Небесное, а на земле правит нефть.

— Очень хорошо помню, — сказал Тевор-Браун.

— Так вот, — продолжал Сазерленд. — Я много думал об этом с тех пор, как началась история с «Исходом». Всю жизнь я знал, что такое правда, и умел отличить добро от зла. Большинство людей это умеет. Но знать, где правда, это одно... А вот жить по правде, создавать Царствие Небесное на земле — это совсем другое. Как часто приходится делать в жизни вещи, о которых знаешь, что они постыдны, и все-таки делаешь, потому что того требуют твои интересы. Как я всегда восхищался теми немногими, кто умел постоять за свои убеждения, хотя бы это и угрожало позором, пытками и даже смертью. Как чудесно должно быть ощущение душевного покоя, которое испытывают они. Ощущение, которое мы, обыкновенные смертные, никогда не узнаем. Возьмите Ганди... Я поеду в ту дыру, которую эти евреи называют Обетованной Землей. Я хочу посмотреть на Галилею, Иерусалим... на все это.

— Завидую вам, Брюс.

— Может быть, я поселюсь где-нибудь в окрестностях Сафед или на Канаанской горе.

В кабинет вошел майор Алистер. Он был бледен, его рука дрожала, когда он протянул Тевор-Брауну бумагу. Тевор-Браун читал бумагу, перечитывал и не мог поверить своим глазам.

— Да смиляется Господь над всеми нами! — прошептал он и протянул бумагу Сазерленду.

Экстренно

Ари Бен Канаан, представитель «Исхода», заявил, что, начиная с завтрашнего дня, десять добровольцев будут ежедневно в полдень лишать себя жизни на капитанском мостике на виду у британского гарнизона. Эти акции протеста будут продолжаться до тех пор, пока «Исход» не получит разрешения сняться с якоря.

Бредшоу в сопровождении Хамфри Кроуфорда и еще нескольких помощников оставил Лондон и направился в мирную тишину своего небольшого загородного дома. До начала самоубийств на «Исходе» осталось 14 часов.

Он сильно сплеховал в этом деле. Во-первых, не учел решимости и упрямства людей на борту. Во-вторых, недооценил размеры шумихи, которая поднялась во всем мире. И главное, дал захватить себя врасплох, так что теперь Бен Канаан попросту навязывал ему решение. Бредшоу был упрям как бык, но он умел проигрывать, и теперь лихорадочно искал какой-нибудь компромисс, чтобы выйти из этой истории с честью.

Он попросил Кроуфорда и его помощников обратиться по телеграфу и телефону к еврейским лидерам Англии, Палестины и Соединенных Штатов. Палестинцы в особенности могли повлиять на Бен Канаана. В крайнем случае они могли бы добиться отсрочки, во время которой Бредшоу нашел бы компромисс. Если только удастся уговорить Бен Канаана пойти на переговоры, уж он, Бредшоу, сумеет договориться. Через шесть часов пришел ответ от еврейских лидеров. Они в голос заявили, что вмешиваться не намерены.

Бредшоу тут же связался с Кипром. Он велел Тевор-Брауну передать на «Исход», что английское правительство разрабатывает компромиссное решение, и потребовал отсрочки самоубийств хотя бы на двадцать четыре часа.

Тевор-Браун немедленно выполнил указание и вскоре передал в Лондон ответ Бен Канаана.

Срочно

Бен Канаан ответил, что в переговоры не вступит. Он заявил: либо «Исход» выйдет в плавание, либо нет. Он также поставил условием полную амнистию для всех агентов, прибывших из Палестины и ныне находящихся на борту. В заключение Бен Канаан сказал: «Отпусти народ мой».

Тевор-Браун

Сесиль Бредшоу не смог заснуть в эту ночь. Он, не останавливаясь, метался по комнате. До момента, когда дети на «Исходе» совершат самоубийства, оставалось немногим более шести часов. У него самого, следовательно, оставалось всего три. Вот срок, за который нужно внести в правительство со-

ответствующее решение. Никакого компромисса добиться не удалось.

Что он, безумец, этот Бен Канаан? Или просто хитрый, бессовестный игрок, который хладнокровно втягивает его в западню?

Отпусти народ мой!

Бредшоу медленно подошел к письменному столу и включил лампу.

«Ари Бен Канаан, представитель «Исхода», заявил, что, начиная с завтрашнего дня, десять добровольцев будут ежедневно в полдень лишать себя жизни...»

Бумага выпала у него из рук.

На столе лежали официальные ноты от нескольких европейских и американских правительств. В них выражалась тревога по поводу тупика, в который зашло дело с «Исходом». С другой стороны, тут же находились ноты от арабских правительств, в которых говорилось, что разрешение «Исходу» следовать в Палестину будет рассматриваться как вызов, брошенный их странам и каждому арабу в отдельности.

Сесиль Бредшоу растерялся. Последние несколько дней он жил как в аду. Когда же все это началось? Тридцать лет он успешно разрабатывал политическую линию на Ближнем Востоке и вдруг попал в безвыходное положение из-за жалкого невооруженного транспортного судна.

Каким образом он оказался в палачах? Никто не посмел бы обвинить его в антисемитизме. В глубине души Бредшоу восхищался палестинскими евреями, понимал их стремление вернуться на родину. Он не без удовольствия схлестывался с сионистами на всевозможных конференциях, отдавая должное натиску их блестящих ораторов, и при этом верил, что в интересах Англии надлежит держать сторону арабов. Еврейское население подмандатной территории достигло полумиллиона, и арабы утверждали, что британцы нарочно насаждают среди них чужаков.

Все эти годы Бредшоу был честен с самим собой. Что же случилось теперь? Он представил, что на борту судна находятся его собственные внуки. Бредшоу знал Библию не хуже любого другого англичанина и, как все англичане, относился к ней с почтением, хотя и не был религиозен. Могло ли оказаться, что дети на «Исходе» движимы некой сверхъестественной силой? Нет, он — реалист и дипломат, и он не верит во всякую чертовщину.

У него армия, флот, он в два счета может покончить с

«Исходом» и с прочими незаконными иммигрантами. Но вот беда: он никак не может решиться на это!

А разве египетский фараон не был силен? По лицу Бредшоу струился пот. Все это чепуха, он просто устал. Слишком велико напряжение. Какое безумие!

Отпусти народ мой!

Бредшоу прошел в библиотеку, достал Библию и начал лихорадочно листать страницы Исхода, где говорилось о десяти казнях, ниспосланных Богом на Египет.

Неужели он — фараон? Неужели он навлекает проклятие на Великобританию? Бредшоу вернулся к себе, попытался прилечь, но в его мозгу началась какая-то дикая пляска... отпусти народ мой... отпусти...

— Кроуфорд! — завопил он. — Кроуфорд!

Кроуфорд вбежал в комнату, застегивая на ходу халат.

— Вы меня звали?

— Кроуфорд! Немедленно свяжитесь с Тевор-Брауном. Передайте ему... передайте ему, пусть отпускает «Исход» в Палестину.

Книга вторая
МОЯ ЗЕМЛЯ

*Ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня.
По всей земле владения вашего позволяйте
выкуп земли.*

Лев. 25, 23,24

ГЛАВА 1

Борьба за «Исход» закончилась!

Через несколько секунд весть о том, что «Исход» поднимает якорь, разнеслась по эфиру, чтобы вскоре попасть в заголовки газет всего мира.

Радость киприотов была неопишуемой, да и весь мир вздохнул с облегчением.

Но дети на «Исходе» были слишком измучены, чтобы радоваться. Англичане предложили Бен Канаану подать судно к пирсу, чтобы они могли оказать детям медицинскую помощь, а заодно осмотреть и отремонтировать судно. Ари согласился, и, когда «Исход» причалил, в Кирении закипела лихорадочная работа. Группа английских военных врачей поднялась на борт, и вскоре на берег перевезли самых больных детей. В «Куполе» был спешно оборудован госпиталь. На пристань подвозили продовольствие, одежду, медикаменты. Вдобавок на судно обрушились сотни подарков от жителей острова. Инженеры британского флота осмотрели ветхое судно от носа до кормы, заварили трещины, отремонтировали двигатель. Санитары провели полную дезинфекцию.

Бен Канаану доложили, что потребуется несколько дней, прежде чем дети достаточно окрепнут, чтобы перенести полуторадневный рейс в Палестину. Небольшая еврейская община Кипра послала к Ари делегацию с просьбой позволить детям отпраздновать на острове первый день праздника Хануки, который должен был начаться через несколько дней. Ари согласился.

Только теперь, после многократных заверений, что у Карен все в порядке, Китти позволила себе роскошь принять горячую ванну, съесть сочный бифштекс, выпить двойную порцию виски и погрузиться почти на сутки в чудесный, глубокий сон.

Проснувшись, она задумалась над вопросом, увиливать от которого уже было нельзя. Требовалось выбирать: положить

ли раз и навсегда конец истории с Карен или следовать за девушкой в Палестину.

Поздно вечером, когда Марк пришел к Китти выпить чаю, на ее лице уже не было никаких следов пережитых раздумий. Наоборот, после долгого сна она выглядела отдохнувшей и вполне привлекательной.

— Корреспонденты по-прежнему беснуются?

— Вообще-то нет, — ответил Марк. — Короли и рыцари пера уезжают. «Исход» — это уже старо: ведь прошли целые сутки. В репортажи о нем можно заворачивать селедку. Но я все-таки надеюсь, что мы еще попадем на первую полосу, когда судно дотащится до Хайфы.

— До чего же люди непостоянны!

— Люди тут ни при чем. Просто мир не стоит на месте.

Она отпивала чай маленькими глотками и молчала. Марк закурил сигарету и положил ноги на подоконник. Сложив пальцы правой руки пистолетом, он развлекался тем, что целился поверх своих башмаков в сторону пирса.

— А ты как, Марк?

— Я? Старик Марк Паркер несколько злоупотребил гостеприимством британской короны. Подамся в Штаты, а там, может, махну в Азию. Мне уже давно хочется туда... Там опять заваривается каша.

— В Палестину англичане теперь тебя не пустят?

— Ни под каким видом. Они теперь относятся ко мне хуже некуда. Не будь они благовоспитанными джентльменами, я бы сказал, что они ненавидят меня, как чуму. Впрочем, я не в претензии.

— Дай сигарету.

Марк прикурил еще одну сигарету и протянул ее Китти. Затем он опять принялся стрелять из воображаемого пистолета в цель.

— Ну тебя к черту, Марк! Терпеть не могу эту твою манеру читать мои мысли.

— А ты, конечно, уже успела сходить куда надо, чтобы получить разрешение на въезд в Палестину. Как истые рыцари, они наверняка распахнули перед тобой дверь и отвесили поклоны. Ты ведь для них всего лишь аккуратная американка, выполнившая свой долг. О твоих махинациях с Моссадом Си-Ай-Ди понятия не имеет. Ладно... Ты поедешь или нет?

— Господи, не знаю.

— Ты хочешь сказать, что еще не успела уговорить себя.

— Я просто хочу сказать, что еще не знаю.

— Если так, то чью же сторону ты прикажешь принять мне?

— Да перестань ты изображать этакое противного Будду и смотреть свысока на обыкновенных смертных. И перестань в меня целиться.

Марк спустил ноги с подоконника.

— Поезжай! Поезжай в Палестину. Ведь этого ты от меня ждешь, не так ли?

— Я все еще чувствую себя не совсем ловко с евреями. Ничего не могу с собой поделывать.

— Зато ты себя очень хорошо чувствуешь с этой девчушкой, ведь так? Она тебе все еще напоминает дочь?

— Не совсем. Вернее, совсем уже не напоминает. Она слишком личность, чтобы напоминать кого бы то ни было. Но я ее люблю и хочу быть с ней, если ты это имеешь в виду.

— У меня к вам еще один вопрос, миссис Фремонт, весьма щекотливый.

— Слушаю.

— Ты влюблена в Ари Бен Канаана?

Влюбилась ли она в Бен Канаана? Она знает только, что испытывает волнение, когда разговаривает с ним, смотрит на него, даже когда думает о нем. Она знает еще, что никогда не встречала мужчину, который был бы хоть чуточку похож на него. Она знает, что испытывает трепет от его мрачной невозмутимости и неукротимой энергии, восхищается его мужеством и отвагой. Она знает, что временами ненавидит его так, как еще никого никогда не ненавидела. Но любить?

— Не знаю, — ответила она тихо. — Я не могу ни ринуться к нему без оглядки, ни отойти прочь... Не знаю, в чем тут дело... не понимаю.

Немного погодя Китти спустилась вниз и просидела около часа с Карен в больничной палате, устроенной на втором этаже гостиницы. Девушка быстро поправлялась. Врачи поражались тому, какое волшебное действие оказывают слова Эрец Исраэль на этих детей. Два слова действовали сильнее любых медикаментов. Сидя у кровати Карен, Китти смотрела на ребят, лежавших в палате. Кто они? Откуда они? Куда направляются? Какой странный, непонятный народ... какой непостижимый, всесильный фанатизм!

Почти весь час Китти и Карен молчали. Ни та, ни другая не смели заговорить об отъезде в Палестину. Под конец Карен заснула. Китти долго смотрела на девушку. До чего

же она мила! Китти поцеловала девушку в лоб, погладила по волосам, и Карен улыбнулась ей сквозь сон.

Китти вышла в коридор, где ходил взад и вперед Дов Ландау. Завидев ее, юноша остановился, и они молча взглянули друг другу в глаза.

Уже смеркалось, когда Китти вышла на набережную. У пирса Зеев Гильбоа и Иоав Яркони наблюдали за погрузкой ящиков. Китти украдкой огляделась вокруг, надеясь увидеть Ари, но его нигде не было.

— Шалом, Китти! — крикнули ей парни.

— Привет! — откликнулась она.

Китти пошла вниз по набережной, в сторону маяка. Становилось прохладно, пришлось надеть жакет. «Я должна понять... я должна понять... должна...» — повторяла она про себя. У самого маяка сидел Давид Бен Ами. Он задумчиво смотрел на море и время от времени бросал в воду камешки.

Китти подошла, он поднял голову и улыбнулся.

— Шалом, Китти. Вы чудесно выглядите.

Она присела рядом. Некоторое время оба молча смотрели на море.

— О доме задумались? — спросила Китти.

— О доме.

— Иордана... так, кажется, ее зовут — сестру Ари?

Давид кивнул.

— Теперь повидаетесь с ней?

— Если повезет.

— Давид...

— Да?

— Что будет с детьми?

— О них позаботятся. Они — наше будущее.

— Там опасно?

— Очень опасно.

Китти помолчала.

— Вы поедете с нами? — спросил Давид.

У нее екнуло сердце.

— Почему вы спрашиваете?

— Мы к вам привыкли. Кроме того, Ари, кажется, говорил что-то в этом роде.

— Если... если Ари хочет, чтобы я поехала, то почему бы ему не попросить меня об этом?

— Ари никогда ни о чем не просит, — ответил Давид, смеясь.

— Давид, — сказала она внезапно. — Вы должны мне

помочь. Я в ужасном сомнении. Вы, пожалуй, единственный человек, который хоть что-нибудь понимает...

— Помогу, если это в моих силах.

— Я никогда в жизни не имела дела с евреями. Вы для меня какие-то загадочные.

— Не только для вас — для самих себя тоже, — ответил Давид.

— Можно, я поговорю с вами откровенно? Я чувствую себя чужой...

— В этом нет ничего необычного. Почти все чувствуют то же самое. Даже те немногие, которых мы считаем своими друзьями, даже те, кто предан нам до фанатизма. Некоторые, мне кажется, чувствуют за собой некоторую вину за все то, что нам пришлось вынести. Другие хотят быть евреями — один Бог знает почему... Вы правы — мы загадочный народ.

— Но Ари Бен Канаан? Кто он? Какой он на самом деле?

Они повернули назад в сторону гостиницы. Время шло к ужину.

— Не знаю, с чего лучше начать, — сказал Давид. — Все же, я думаю, настоящую историю Ари Бен Канаана лучше всего начинать с Симона Рабинского, жившего за еврейской чертой оседлости на юго-западе Российской империи — на Украине, и начинать надо с конца прошлого столетия, точнее — с 1884 года.

ГЛАВА 2

Житомир, Россия, 1884

Симон Рабинский был сапожником. Его жену, добрую, преданную женщину, звали Рахилью. У Рабинских было двое сыновей, и Симон души в них не чаял.

Младшему, Якову, исполнилось четырнадцать. Горячий мальчуган, острый на язык и скорый на руку, готовый чуть что спорить до хрипоты.

Шестнадцатилетний Иося был силачом ростом под два метра, с копной рыжих, как у матери, волос. Насколько Яков был горяч, настолько же Иося добродушен. Он никогда не злился, всегда хранил спокойствие и доброжелательность.

Рабинские были крайне бедны. Они жили в той части российского юга, куда входили Бессарабия, Украина, Крым и часть Белоруссии, — в черте оседлости. Границы этой

черты установили еще в 1804 году, и только там разрешалось селиться евреям. Это было, по существу, огромное гетто. Москва и Петербург находились за его пределами — там только немногим богатым евреям удавалось получить за взятки вид на жительство.

Создание черты оседлости было всего лишь звеном в долгой цепи гонений. Евреи появились в Крыму еще в первом веке нашей эры. Позже иудаизм пришелся по душе хазарам, завоевавшим Крым, и они сделали его своей религией. Хазарское ханство стало, в сущности, еврейским государством. Это время стало для евреев временем мира и расцвета. Однако они оказались между двух огней: на севере укреплялись славяне, на юге поднимался пламенный меч ислама. В десятом веке славянские племена обрушились на хазар и рассеяли их без следа. Тогда-то и началась мрачная летопись гонений на евреев в России.

После поражения мусульман и присоединения к России ее нынешних южных территорий православная церковь распространила свою власть на необъятную страну, и евреям пришлось несладко. Русское крестьянство издавна питало ненависть к евреям. Невежественному русскому крестьянину беспрестанно вдалбливали в голову, что евреи колдуны и пользуются кровью христиан в ритуальных целях. На тех, кто отказывался принять православие, обрушивались погромы. Но попытки заставить евреев переменить веру потерпели провал. Тогда из России выслали миллион евреев. Большинство их уехало в Польшу.

В беспокойные времена, когда Польшу не раз оккупировали, делили и разделяли, этот миллион евреев достался Екатерине Второй.

Была установлена черта оседлости. В 1827 году евреев изгнали из деревень и переселили в битком набитые еврейские кварталы местечек побольше. В том же году царским указом была установлена норма поставки еврейских рекрутов в царскую армию на четвертьвековую службу.

Симон Рабинский, житомирский сапожник, его верная жена Рахиль и сыновья были пленниками черты оседлости. Между евреями и коренным населением почти отсутствовали контакты. Единственные постоянные посетители извне — сборщики налогов. Часто, но не регулярно из-за черты оседлости являлись толпы, жаждущие еврейской крови.

Изолированные от общества, евреи не питали преданности к матушке-Руси. Они говорили и писали не по-русски, а

на идише — искаженном немецком. Молились же на древнем иврите. Одеждой евреи тоже выделялись среди окрестных жителей. Они носили черные шляпы и длинные черные кафтаны.

Симон Рабинский вел точно такой же образ жизни, как его отец и дед. Они были очень бедны, каждая потраченная копейка вызвала бесконечные споры. Однако, несмотря на несказанно трудную жизнь, Рабинские придерживались весьма строгих правил. Обман, воровство считались чем-то немислимым.

Вся жизнь общины вращалась вокруг священных законов, синагоги и раввина, который был одновременно учителем, духовным пастырем, судьей и управляющим. Раввины в черте оседлости считались великими учеными. Их мудрость признавалась всеобъемлющей, а авторитет непререкаемым.

Внутри местечек действовало самоуправление, полностью подчиненное власти раввинов. Существовали свои суды, библейские и талмудические общества, приюты для сирот, общества, собиравшие приданое девушкам из бедных семей, общества, которые заботились о больных, стариках и инвалидах. Были духовные лица, специально занимавшиеся венчанием и составлением брачных контрактов. При каждой синагоге состоял избранный казначей и другие служители: чтецы псалмов, надзиратели за ритуальными банями... Не оставалось сферы жизни, которая бы не регулировалась общиной.

Бедные жертвовали для еще более бедных. Те — для совсем нищих. Благотворительность была одиннадцатой неписаной заповедью. Сверх того, полагалось заботиться о книжниках и духовенстве, чтобы житейские заботы не мешали их занятиям.

Многие говорили, что сапожник Симон Рабинский не уступает в учености ни одному раввину. А в черте оседлости, где все были нищие, авторитет человека немало зависел от его учености. Симон был старостой своей синагоги, каждый год его избирали на другие почетные должности. Мечтал он об одном: дать своим детям образование.

Евреи сравнивали Талмуд с бескрайним морем, до противоположного берега которого добраться нельзя, хотя бы ты всю жизнь только и делал, что корпел над Талмудом. Братья Рабинские долго изучали этот огромный свод законов, говорящих решительно обо всем — от поведения в обществе до личной гигиены.

Помимо Талмуда, дети Симона усердно учили Пятикнижие, то есть пять священных книг Моисея, составля-

ющих Торю. Они изучали Мишну, народные легенды, мудрые изречения и комментарии к Библии, содержащиеся в Мидраше. Они изучали каббалу, книгу тайного учения, а сверх того — молитвы, песни, обычаи. Они изучали Маймонида и Раши, великих ученых средневековья.

Хотя Рабинским жилось трудно, они не считали свое бытие безрадостным. Вечно бурлили споры, обсуждались если не какие-нибудь чрезвычайные происшествия, то предстоящие или уже состоявшиеся свадьбы, или бармицвэ, роды, похороны... Но главным праздником всегда оставалась суббота.

Один раз в неделю Симон Рабинский, как и всякий еврей, становился королем. Когда раздавался звук традиционного рожка, Симон прятал инструмент и начинал готовиться ко дню, посвященному Господу Богу. Как он любил звук этого рожка! Звук, который вот уже четыре тысячелетия призывает его народ к молитве и к бою. Симон отправлялся в баню, а Рахиль зажигала субботние свечи, произнося слова молитвы.

Затем он надевал свой субботний костюм — длинный черный шелковый кафтан и красивую шляпу, отороченную мехом. Взяв Иосю и Якова за руки, он гордо направлялся в синагогу.

К субботней трапезе они всегда приглашали какую-нибудь семью беднее их самих. При свете горящих свечей Симон благословлял хлеб и вино, благодаря Господа за все ниспосланное.

Затем Рахиль подавала фаршированную рыбу, куриный бульон с лапшой. После ужина он либо отправлялся навещать больных, либо принимал гостей у себя в мастерской, так как гостиной у него в доме, конечно, не было.

Всю субботу Симон Рабинский проводил в молитвах, благочестивых размышлениях и беседах со своими сыновьями, проверяя их знание религии и философии.

Когда солнце садилось, Симон с женой и детьми пели заключительную молитву: «Возрадуйся, Израиль... избави нас от бед».

Наутро он возвращался к мрачной действительности. В сыром подвале, служившем ему и жилищем и мастерской, Симон Рабинский сидел, согнувшись над своим верстаком, и при мерцающем свете свечи резал морщинистыми руками кожу. За работой он шептал те же молитвы, которые евреи твердили с времен изгнания в вавилонское рабство...

«Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прильпни язык мой к гортани моей, если не буду по-

мнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего»*.

Молитва утешала — Симон Рабинский был глубоко религиозен. Но даже вера не могла облегчить жизнь в ужасающей нищете. «Доколе, Господи... доколе?.. — вопрошал он, бывало. — Доколе нам жить в этой непроглядной тьме?» И тут же утешал себя, повторяя проникновенно свой излюбленный пасхальный стих: «На будущий год — в Иерусалиме!»

На будущий год в Иерусалиме? Сбудется ли это когда-нибудь? Явится ли когда-нибудь Мессия, чтобы вернуть евреев на родину?

ГЛАВА 3

Яков и Иося шли домой из Талмуд-Горы, религиозной школы. Иося шагал, низко опустив голову. Он задумался над отрывком из Библии, который они изучали сегодня. Рядом вприпрыжку, швыряясь камнями, неся неугомонный Яков. У него карманы всегда были набиты камнями — на случай, если нападут хулиганы.

Дойдя до угла, Яков схватил Иосю за руку.

— В мастерской Когана сегодня вечером опять собрание, — сказал он.

— Я уже слышал об этом, — ответил Иося.

— Пойдешь?

— Нет.

— Сегодня тебе надо бы пойти, — посоветовал Яков. — Будет выступать настоящий билуец из Палестины.

У Иоси забилося сердце. Настоящий билуец из Палестины! Как бы ему хотелось увидеть и послушать человека, который побывал в Палестине! Иося завидовал младшему брату, который тайком посещал собрания «Друзей Сиона». Эта новая организация, призывающая создавать отряды самообороны и готовиться к возвращению в Святую Землю, возбуждала его любопытство. Настоящий билуец! Нет, он не поддастся соблазну, ведь отец относится к «Друзьям Сиона» с неодобрением.

Они завернули за угол и вошли в мастерскую, поцеловав, как водится, мезузу — священный свиток в коробочке, прибитой к дверному косяку. Сильно пахло кожей. Отец поднял голову и улыбнулся.

* Пс. 136, 6.

— Здравствуй, отец, — сказали они в один голос и пошли за занавеску, в угол подвала, который служил им спальней.

Симон сразу почувствовал по их поведению, что они только что шептались о чем-то тайном. Он догадывался, на что Яков подбивает брата, но не сказал ни слова. Пусть сами решат, подумал Симон. Не стоит навязывать им свою волю, даже заговаривать первым. Пусть они придут ко мне сами.

По меркам местечка, Симона считали счастливым. Все в его семье здоровы, у него работа, которая, хоть и скудно, все же кормит их.

Смертность среди евреев была вдвое выше, чем среди остального населения России. Но бедствовали не одни евреи. По всей стране раздавались требования: земли, воли, реформ! Однако положение евреев было хуже некуда, так что их можно было найти во всех подпольных организациях, стремившихся свергнуть царское самодержавие.

России охватило брожение. Появились отважные люди, прямо призывавшие к восстанию. Лишь тогда царь Александр Второй отменил крепостное право и в числе прочих реформ несколько смягчил законы, касавшиеся евреев. Новые правила разрешали евреям-ремесленникам проживать в Москве. В Бессарабии евреям разрешили владеть землей.

Но реформы были явно недостаточны. Недовольство не исчезло, страна продолжала бурлить. Стараясь отвлечь внимание народа от истинных причин его бедственного положения, царские чиновники направили гнев людей на привычного козла отпущения — евреев. Ненависть к евреям, замешанная на религиозных предрассудках, усиливалась теперь поиском виновных. Русское правительство превращало антисемитизм в надежное политическое оружие. С помощью данных об участии евреев в террористической организации «Земля и воля» оно надеялось доказать, что революционное движение — это еврейский заговор с целью посеять анархию и под шумок захватить власть в России.

Это оружие тщательно оттачивалось и совершенствовалось до тех пор, пока обыватели не обрушили погромы на еврейские местечки в черте оседлости. Рекой потекла кровь. Погромщики бесчинствовали, грабили, насиловали, но полиция смотрела на это сквозь пальцы, а то и сама участвовала в погромах.

1 марта 1881 года на евреев обрушилась страшная ката-

строфа: был убит Александр Второй. Одна из участниц заговора оказалась еврейкой!

Годы, последовавшие за убийством царя, были ужасны. Сигналом к погромам, начавшимся в городах и местечках черты оседлости, стала коронация Александра Третьего.

Наибольшим влиянием при дворе Александра Третьего пользовался заслуживший мрачную известность Победоносцев. В его глазах свобода, равенство, братство были крамолой, лозунгами черни, которой он объявил беспощадную войну.

Насчет евреев у Победоносцева были особые планы. В качестве обер-прокурора Святейшего Синода он заручился молчаливым согласием Православной Церкви на проведение в жизнь своего плана, сводившегося к вытеснению еврейского населения из России. Тех, кто не обратится в христианство или не согласится на изгнание, ждали погромы. Победоносцев провел с десяток законов, сведших на нет свободы, дарованные евреям.

После событий 1881 года евреи принялись искать выход из нового положения. Выдвигались сотни предложений, одно другого несбыточней. В общинах все громче раздавались голоса людей, называвших себя «Друзьями Сиона».

Появилась брошюра Леона Пинскера, где указывался путь решения еврейского вопроса. Брошюра призывала к освобождению собственными силами — единственной возможности вырваться из черты оседлости.

Группа еврейской молодежи из города Ромны действительно покинула черту и отправилась в Палестину с девизом «Beth Iakov Leku Ueneelkha»*. Эта отважная группа из сорока человек получила широкую известность под названием БИЛУ, составленным из первых букв их девиза.

Билуицы построили небольшую деревню в Саронской долине и назвали ее Ришон Лецион — Первенец Сиона.

Погромы в черте оседлости усиливались и достигли пика жестокости в Пасхальную неделю 1882 года, после чего в Землю Обетованную подались новые группы билуицев; движение «Друзья Сиона» крепло с каждым днем. В Саронской долине билуицы построили еще один поселок Петах-Тиква — Врата Надежды, в Галилее основали Рош-Пину — Краеугольный Камень, в Самарии — Зихрон-Иаков — Память о Иакове.

* Дом Иакова, тронемся в путь (*уерит*).

К 1884 году на Святой Земле уже было с полдюжины маленьких поселений, жители которых мужественно боролись за свое существование.

По ночам в Житомире и других городках черты оседлости происходили тайные собрания. Молодежь начинала бунтовать против вековой покорности отцов.

Яков Рабинский, младший из братьев, с головой окунулся в новую жизнь. Часто он лежал ночью без сна в углу, где спал вместе с братом, и глядел в темноту. Какое это было бы счастье — бросить все и отправиться в Святую Землю! Голова Якова была набита историями о славном прошлом евреев. Он часто воображал, как он, Яков Рабинский, плечом к плечу с Иудой Маккавеем изгоняет завоевателей из Иудеи и вместе с ним победоносно входит в Иерусалим.

Юноше представлялось, что он, Яков Рабинский, стоит рядом с Симоном Бар-Гиорой, который восемнадцать месяцев удерживал Иерусалим под натиском Рима. Что он, закованный в цепи, следует за легендарным и гордым еврейским героем, брошенным в Риме на растерзание львам.

Или вот он, Яков Рабинский, сражается рядом с величайшим из героев Бар-Кохбой, наводящим страх на римлян.

Или вот он там — в Геродиуме, Махерусе, Массаде, Бейтаре, где после долголетней осады легли все до последнего...

Однако более всех героев древности Якова привлекал рабби Акива, принявший мученическую смерть в Кесарии, — учитель, ученый и боец.

Яков стал ходить на собрания «Друзей Сиона», едва они появились в Житомире. Призыв к освобождению собственными силами звучал для него райской музыкой. «Друзьям Сиона» очень хотелось привлечь в свои ряды и его брата, силача Иосю, но тот держался в стороне.

Однако после того, как на собрании в свечной мастерской Когана выступил прибывший из Палестины член группы БИЛУ, Иося не выдержал. Он расспросил брата: какой он, этот билуец, что сказал, как себя вел.

— Думаю, Иося, тебе надо сходить со мной на собрание.

Иося вздохнул. Это означало первый раз в жизни вступить в спор с отцом.

— Ладно, — шепнул он наконец и до самого вечера молился, испрашивая прощения за грех, который собирался совершить.

Братья сказали отцу, что отправляются читать Кадиш —

поминальную молитву по недавно скончавшемуся соседу. А сами поспешили в мастерскую свечника Когана. Как и отцовская, она располагалась в подвале. Здесь сладко пахло воском. Окна тщательно занавесили, а на улице выставили караул. Иося увидел среди присутствующих много знакомых, и это его сильно поразило. Выступал человек из Одессы, которого звали Владимиром.

Владимир держался и говорил совсем не так, как они. Он и выглядел совсем по-другому: без бороды, без пейсов, одетый в кожаные сапоги и кожаную куртку. Как только он заговорил, Яков забыл обо всем на свете. Но Владимира то и дело перебивали издевательские голоса:

— Уж не Мессия ли ты, что зовешь нас на родину предков?

— А ты, случаем, не наткнулся на Мессию под кроватью, где прятался в дни погрома? — ответил Владимир.

— Ты уверен, что ты не царский агент?

— А ты уверен, что ты не следующая царская жертва? — парировал Владимир.

Наконец установилась тишина. Владимир говорил спокойно. Он кратко коснулся истории евреев в Польше и России, затем перешел к Германии и Австрии, потом заговорил о насильственном изгнании евреев из Франции и Англии.

Владимир напомнил, как Папа Римский призвал христиан освободить Святую Землю и как крестоносцы три столетия истребляли евреев именем Господа. Он рассказал об испанской инквизиции, во время которой над евреями именем церкви Христовой совершались самые невероятные зверства.

— Товарищи, нет такого места на свете, где бы над нами не издевались. Мы должны вновь стать нацией, вот в чем наше единственное спасение. Пинскер это понял, поняли «Друзья Сиона» и, наконец, билуйцы. Мы должны восстановить Дом Иакова.

Когда возвращались домой, Яков возбужденно говорил:

— Видишь, Иося? Я был прав! Даже рабби Липцин и тот пришел на собрание!

— Мне еще надо подумать, — уклончиво ответил Иося, но в глубине души он уже знал, что Владимир и Яков правы.

На улице было тихо и темно. Дойдя до дома, они быстро поцеловали мезузу и вошли. На верстаке горела свеча. Отец стоял в длинной ночной рубашке, заложив руки за спину.

— Здравствуй, отец, — сказали они скороговоркой, спеша пройти за занавеску.

— Подождите! — приказал Симон.

Братья подошли к верстаку. В эту минуту послышался голос матери:

— Симон, ребята дома?

— Дома.

— Скажи им, чтобы не ходили так поздно.

— Ладно, мать, — ответил Симон. — Ложись, я им скажу.

Симон взглянул сначала на Якова, затем на Иосю, затем опять на Якова.

— Я завтра скажу вдове Горовица, что теперь ее покойному мужу Царство Небесное обеспечено: оба моих сына прочитали по нему Кадиш.

Иося не мог лгать отцу.

— Мы не молились за упокой Горовица, — пробормотал он.

Симон изобразил удивление и поднял руки.

— Вот как! Впрочем, мне следовало догадаться. Вы, верно, невесту смотрели. Как раз сегодня у меня был Абрам, наш шадхен. Говорит: «Хороший парень этот твой Иося. Он приведет к тебе в дом богатейшую невесту». Представляешь, Иося? Он подыскивает для тебя невесту.

— Никакой невесты мы не смотрели, — вырвалось у Иоси.

— Как? Вы не были ни на смотринах, ни на молитвенном собрании?.. Может, вы в синагоге задержались за священными книгами?

— Нет, отец, — чуть слышно ответил Иося.

Яков не мог больше сдерживаться и крикнул:

— Мы были на собрании «Друзей Сиона»!

Иося с глуповатым видом уставился на отца, краснея и кусая губы, а Яков был рад, что наконец-то сказал отцу правду. Симон вздохнул и пристально посмотрел на сыновей.

— Вы меня обидели, — сказал он наконец.

— Именно поэтому мы и молчали. Не хотели обижать тебя, — ответил Иося.

— Я обижен не тем, что вы пошли на собрание «Друзей Сиона», а тем, что сыновья Симона Рабинского не доверяют своему отцу.

Теперь и Яков смутился.

— Но ведь если бы мы тебе сказали, ты бы мог и запретить.

— Ну-ка, Яков, скажи мне, когда я запрещал вам набираться знаний? Разве я вам когда-нибудь запрещал читать

книжки? Даже когда тебе взбрело на ум прочесть, прости Господи, христианское Евангелие, разве я тебе запретил?

— Нет, отец, — ответил Яков.

— Нам пора поговорить в открытую, — сказал Симон.

Рыжие волосы Иоси светились в розовом свете свечи. Он стоял перед отцом, на целую голову выше его, и говорил без колебаний. Иося был медлителен, но, раз приняв решение, редко менял его.

— Мы с Яковом не хотели обижать тебя потому, что знаем, как ты относишься к «Друзьям Сиона» и к новым идеям. Но я рад, что пошел сегодня на собрание.

— Я тоже рад, что ты пошел, — ответил Симон.

— Рабби Липцин предложил мне записаться в отряд самообороны.

— Рабби Липцин нарушает столько обычаев, что я начинаю сомневаться, еврей ли он.

— В том-то и дело, отец, — сказал Иося. — Тебя просто пугают эти новые идеи.

Симон вышел из-за верстака, обнял сыновей за плечи, повел их за занавеску и усадил там на койку.

— Вы думаете, я не понимаю, что происходит в ваших головах? Новые идеи — смотри-ка! Совершенно те же разговоры об освобождении и самообороне велись, еще когда я был мальчишкой. Вы переживаете сейчас кризис, который переживает в своей жизни каждый еврей. Вам хочется найти ответ на мучающие вас вопросы, найти свое место в жизни. В вашем возрасте я даже подумывал о крещении. Так что напрасно вы думаете, будто я не смогу вас понять.

Иося был поражен. Его отец подумывал о крещении!

— А что плохого, если мы хотим постоять за себя? Разве грешно бороться за лучшую жизнь? — запальчиво спросил Яков.

— Ты — еврей, — ответил отец, — а это налагает кое-какие обязанности.

— Прятаться под кровать, когда придут бандиты?

— Не повышай голоса на отца, — бросил Иося.

— Никто не говорит, что быть евреем — легко. Мы родились не затем, чтобы наслаждаться благами жизни. Мы пришли на свет, чтобы соблюдать законы, установленные Господом. Вот наша миссия, вот наша цель.

— А то, как живем, — расплата! — резко ответил Яков.

— Придет время, и явится Мессия. Он поведет нас назад на родину, — невозмутимо продолжал Симон, — и я не

думаю, что дело Якова Рабинского — подвергать сомнению мудрость Всевышнего. Я думаю, дело Якова Рабинского состоит в том, чтобы жить по законам Священной Торы.

В глазах Якова заблестели слезы гнева.

— Я вовсе не сомневаюсь в мудрости Всевышнего, — крикнул он, — я только сомневаюсь в мудрости некоторых людей, которые берутся толковать эти законы.

Наступило молчание. Иося нервно глотал слюну. Никто никогда не смел говорить с его отцом в таком тоне. Но в глубине души он восхищался смелостью брата.

— Если мы сотворены по образу и подобию Бога, — продолжал Яков, — то Мессия живет в каждом из нас, а тот Мессия, который в моей душе, велит мне обороняться и стоять за себя. Он повелевает мне присоединиться к «Друзьям Сиона» и отправиться с ними в Землю Обетованную. Вот что мне велит Мессия, отец.

Симон Рабинский был по-прежнему невозмутим.

— За тысячи лет нашей истории мы немало пострадали от всякого рода лжемессий. Боюсь, ты тоже попался на удочку одного из них.

— А как же мне отличить настоящего от мнимого? — вызывающе спросил Яков.

— Вопрос заключается вовсе не в том, распознает ли и признает ли Яков Рабинский Мессию. Вопрос заключается в том, признает ли Мессия Якова Рабинского. Если Яков Рабинский начнет отходить от Господних законов и прислушиваться к мнимым пророкам, то Мессия, безусловно, не признает его за еврея. Я предлагаю поэтому Якову Рабинскому, чтобы он оставался евреем и следовал дорогой своего отца, своего народа.

ГЛАВА 4

— Бей жидов!

Через окно, разбив стекло, в класс влетел камень. Раввин поспешно повел ребят черным ходом в подвал. На улицах обезумевшие от страха евреи беспорядочно бежали кто куда в тщетных поисках укрытия от озверевшей толпы, насчитывавшей по меньшей мере тысячу человек.

— Бей жидов! — иступленно орала толпа. — Бей жидов!

Это был очередной погром, вдохновителем которого был Андреев, горбатый директор местной гимназии и один из самых ярых антисемитов в Житомире. Гимназисты Андреева, ворвавшись в еврейские кварталы, били окна, громили лавки, выволакивали на улицу евреев, которые не успели спрятаться, и жестоко избивали их.

— Бей жидов!.. Бей жидов!.. Бей жидов!..

Яков и Иося бросились домой. Они спешили по узким пустынным закоулкам, чтобы защитить и спасти родителей. То и дело раздавался топот казачьих лошадей, иступленный рев гимназистов, и братьям не раз приходилось прятаться.

Но вот они свернули на свою улицу и напоролась на шайку хулиганов в гимназических фуражках — это были ученики Андреева.

— Вот еще двое!

Яков и Иося повернули назад, стремясь увести их от родительского дома. С визгом и улюлюканьем гимназисты бросились за ними. Погоня продолжалась, пока гимназисты не загнали братьев в тупик. Иося и Яков стояли, припертые к стене, тяжело дыша и вытирая пот, ливший с них градом, а гимназисты, образовав полукруг, подступали все ближе. Главарь погромщиков с куском трубы в руке подошел совсем близко и замахнулся на Иосю.

Иося отбил удар, схватил гимназиста и что было силы швырнул его на остальную банду. Яков, всегда носивший в карманах камни, поддержал брата. Швырялся он метко, и тут же двое хулиганов схватились за пробитые головы. Этого хватило, чтобы гимназисты, не ожидавшие сопротивления, обратились в бегство.

Ребята помчались домой.

— Мать! Отец!

В мастерской все было разбито вдребезги.

Они нашли обезумевшую от страха мать в дальнем углу. Иося бросился к ней.

— Где отец?

— Тора! — крикнула мать. — Тора!

В это время Симон Рабинский пробирался к амвону горящей синагоги. Он раздвинул занавес с вытканными десятью заповедями и достал Тору, пергаментный свиток Моисея Пятикнижия.

Симон прижал священный свиток к груди, чтобы защитить его от пламени, и, пошатываясь, стал пробираться к вы-

ходу. Из-за дыма нечем было дышать. Кое-как он дополз до выхода.

Десятка два молодчиков ждали его на улице.

— Бей жида!

Симон прополз на коленях несколько шагов и рухнул без сознания, прикрыв Тору своим телом. Ему раскрыли череп дубинкой, кованые сапоги обезобразили лицо...

В смертельной муке Симон Рабинский выкрикнул:

— Слушай, Израиль...

Его труп был изуродован до неузнаваемости. Тору погромщики бросили в огонь.

Все житомирское гетто оплакивало гибель Симона Рабинского, который умер самой достойной для еврея смертью — защищая Тору. Его похоронили вместе с десятками других жертв андреевского погрома.

Для Рахили Рабинской гибель мужа стала очередным звеном в бесконечной цепи трагедий, из которых состояла ее жизнь. Но на этот раз ее силы и воля были надломлены. Сыновья не могли ее утешить. Родственники увезли Рахиль в другое местечко.

Иося и Яков ходили два раза в неделю в синагогу читать Кадиш по отцу. Иося помнил, как старался отец жить настоящим евреем, чтобы Мессия немедленно признал его. Всю жизнь отец посвятил одному — блюсти закон Божий. Может быть, он был прав, и жизнь действительно дана евреям не для того, чтобы наслаждаться ею, а чтобы хранить Божьи законы? Убитый горем Иося пытался найти хоть какое-нибудь оправдание гибели отца.

В душе Якова бушевала ненависть. Даже во время молитвы его душила злоба, и он не находил себе места от желания мстить.

Иося понимал, что происходит с братом, и не спускал с него глаз. Он пытался успокоить его и утешал как мог, но все было бесполезно.

Через месяц после гибели Симона Рабинского Яков взял длинный отцовский нож, ночью украдкой вышел из дома и направился на улицу, где жил Андреев.

Иося проснулся от неясного ощущения тревоги. Заметив, что брата нет, он тут же натянул одежду и выбежал на улицу. Иося знал, куда мог направиться Яков.

В четыре часа утра Яков Рабинский постучал медным молотком в дверь андреевского дома. Когда горбун приоткрыл

дверь, Яков выскочил из темноты и по самую рукоятку всадил ему нож в сердце. Андреев коротко взвизгнул и упал замертво.

Иося застал брата над трупом убитого, от которого тот не мог оторвать взгляда. Он схватил его за руку и потащил прочь.

Сутки они прятались в подвале рабби Липцина. Весть об убийстве Андреева распространилась с быстротой молнии. Еврейские старейшины собрались и приняли решение.

— Есть основания опасаться, что вас узнали, — сказал раввин, вернувшись с собрания. — Какие-то люди будто бы видели тебя, Иося.

Иося принялся кусать губы, но даже не заикнулся о том, что пытался помешать убийству. Яков же не чувствовал никакого раскаяния.

— С удовольствием повторил бы сейчас то же самое, — сказал он.

— Мы, конечно, понимаем, почему ты сделал это, — сказал раввин, — но все равно это тебя не оправдывает. Может разразиться новый погром. С другой стороны... мы — евреи, и справедливости нам ждать не приходится. Поэтому принято решение, которому вы должны безоговорочно подчиниться.

— Да, рабби, — сказал Иося.

— Вы переоденетесь гоями. Дадим вам продукты и деньги, которых хватит на неделю. Вы должны сейчас же покинуть Житомир и никогда сюда не возвращаться.

Так в 1884 году Яков и Иося Рабинские, четырнадцати и шестнадцати лет, стали беглецами. Они шли на восток, в сторону города Лубны, что километрах в ста с лишним от Житомира. Шли только по ночам, а днем прятались. В Лубнах они сразу направились к раввину — в городе о них уже знали. Здесь тоже собрали старейшин, и было решено дать им продуктов и денег еще на неделю. На этот раз они направились в Харьков в надежде, что в большом городе их будут искать не так упорно.

Прошло двадцать дней, прежде чем им удалось добратся до Харькова. К тому времени по всей черте оседлости только и говорили что о братьях Рабинских. Власти считали их поимку делом чести. Две недели парни скрывались в сыром подвале харьковской синагоги. Об этом знали только раввин и кое-кто из старейшин.

Наконец рабби Соломон спустился к ним в подвал.

— Здесь тоже небезопасно, — сказал он. — Через несколько дней вас все равно найдут. Полицейские уже ходят

вокруг и разнюхивают. А на носу зима, пробираться дальше станет почти невозможно.

Рабби вздохнул и покачал головой.

— Мы пытались раздобыть для вас бумаги, которые позволили бы вам выбраться, но, боюсь, это не получится: уж больно хорошо вас знают в полиции. Остается одно: тут в деревнях живет несколько еврейских семейств, выдающих себя за крещеных. Нам кажется, вам лучше всего пересидеть у них хотя бы до весны.

— Рабби Соломон, — ответил Яков, — я очень благодарен за все, что вы сделали для нас, но мы с братом уже приняли другое решение.

— А именно?

— Мы отправимся в Палестину, — сказал Яков.

Старик был ошеломлен.

— В Палестину? А как?

— Мы уже продумали маршрут. С Божьей помощью доберемся.

— Конечно, Бог вам поможет, но, знаете, все-таки нехорошо, когда люди пытаются заставить Бога совершить чудо. До Одессы добрых шестьсот верст. И если вы даже доберетесь туда, вам все равно не сесть на пароход без бумаг.

— А мы пойдем вовсе не через Одессу.

— Но ведь другого пути нет.

— А пешком?

Рабби Соломон открыл рот от удивления.

— Моисей странствовал сорок лет, — сказал Яков, — мы управимся быстрее.

— Молодой человек, мне очень хорошо известно, что Моисею пришлось странствовать сорок лет. Однако как вы собираетесь добраться до Палестины?

— Сейчас скажу, — вступил в разговор Иося. — Мы отправимся на юг. Как раз на юге нас не станут разыскивать. Мы выберемся из черты, проберемся в Грузию, а оттуда в Турцию.

— Это же чистое безумие! То, что вы задумали, совершить невозможно. Неужели вы в самом деле надеетесь пройти пешком свыше трех тысяч верст по совершенно незнакомой местности, перевалить через высочайшие горы, и вдобавок скрываясь от полиции? Да ведь у вас еще молоко на губах не обсохло!

Глаза Якова горели, когда он поднял их на раввина.

— Господь соберет своих сыновей и дочерей со всех концов земли! — убежденно сказал он.

Вот так и получилось, что братья Рабинские, которых разыскивали по делу об убийстве, покинули Харьков и направились сначала на восток, а затем повернули на юг. Зимой, по ночам, в нечеловеческий мороз, по льду и снегу они шли, обмотав тряпками ступни, — шаг за шагом, версту за верстой, неделю за неделей.

Весной они дошли до Ростова. Местные евреи приняли их, накормили и обогрели, дали новую одежду. Несколько недель братья восстанавливали силы, прежде чем продолжить свой путь.

Хотя погода теперь не мешала, двигаться приходилось с еще большей осторожностью — они вышли за черту оседлости и не могли больше рассчитывать на помощь еврейских общин.

Тем временем приближалась новая зима.

Братьям пришлось решиться на трудный выбор: либо попытаться зимой перевалить через Кавказский хребет, либо попробовать перебраться через Черное море на каком-нибудь судне.

В Ставрополе им удалось украсть одежду и пищу для похода. Затем, спасаясь от полиции, братья забрались в горы и направились в сторону Армении.

И снова лютая зима. Теперь они шли днем, пробираясь через перевалы и воруя еду в деревнях. Прошлая зима закалила их, и они чувствовали себя уверенно. Все сильнее их тянуло в Палестину, это поддерживало их силы. Но дорога давалась трудно. Когда становилось совсем невмоготу, Яков читал по памяти Библию.

Но вот настала вторая весна. Перейдя границу, они впервые вдохнули воздух свободы: «матушка-Россия» осталась навсегда позади.

Теперь им не требовалось скрываться. Вокруг была загадочная страна, все звучало и даже пахло как-то непривычно. В Восточной Турции много гор, и пробирались они медленно. У них не было ни документов, ни еды. Когда пищу не удавалось украсть, они нанимались на полевые работы. Дважды той весной их сажали в тюрьму, правда ненадолго.

Иося решил, что пора перестать воровать: ведь если поймают, могут отправить обратно в Россию.

В середине лета братья миновали подножие горы Ара-рат, к которой в незапамятные времена причалил Ноев ковчег. Они спешили дальше на юг, пока не наступили холода.

В каждой деревне они первым делом спрашивали: «Евреи здесь есть?»

В некоторых деревнях действительно жили евреи. Они встречали братьев по-доброму, приглашали к себе в дома, кормили, одевали, давали отдохнуть. Это были простые крестьяне, невежественные и суеверные. Тем не менее они свято чтити Тору, соблюдали субботу и праздники.

— Евреи здесь есть?

— Мы евреи.

— Мы хотим поговорить с вашим раввином.

— Куда вы, ребята, идете?

— В Землю Обетованную.

Эти слова творили чудеса и всюду служили пропуском.

— Евреи здесь есть?

— В соседней деревне живет несколько семей...

Ни разу им не отказали в гостеприимстве.

Так прошло еще два года. Братья упрямо продолжали свой путь, останавливаясь лишь для отдыха и чтобы заработать на хлеб.

— Евреи здесь есть?

И вот они добрались до сирийской границы. Еще одна незнакомая страна.

В Алеппо братья впервые познакомились с арабским миром. Они шли по базарам, по покрытым грязью и навозом переулкам, а с минаретов раздавались мусульманские песнопения...

Наконец перед ними предстала сине-зеленая гладь Средиземного моря. Море появилось внезапно, и после холодных горных ветров они обливались потом, угодив в тридцатиградусную жару. Они шли вдоль берега все дальше к югу.

— Евреи здесь есть?

Да, здесь тоже были евреи, но опять совсем другие, во всем похожие на арабов: та же одежда, тот же язык. Они, однако, знали и иврит и Тору. Точно так же, как и в российской черте оседлости и в Турции, эти евреи без лишних вопросов оказывали братьям Рабинским гостеприимство, делились с ними пищей и кровом и так же благословляли их на святой подвиг.

Путь вел теперь в Ливан — через Триполи и Бейрут. И вот они уже совсем близко от Земли Обетованной.

— Евреи здесь есть?

Шел 1888 год. Минуло сорок месяцев с той ночи, когда братья бежали из Житомира. Иося стал стройным атлетом. Ему

исполнилось двадцать лет, и теперь он носил пламенно-рыжую бороду.

Якову исполнилось восемнадцать. Он тоже возмужал и окреп за время похода, но почти не вырос, да и характер его не изменился — остался таким же дерзким и беспокойным.

Они стояли на вершине горы. Перед ними простиралась долина. Яков и Иося Рабинские смотрели вниз на Хулу в Северной Галилее. Иося присел на скалу и заплакал. Их поход наконец-то закончился.

Яков положил руку на плечо брата:

— Мы дома, Иося! Мы дома!

ГЛАВА 5

Они смотрели с вершины горы на простиравшуюся перед ними страну. По ту сторону долины, на ливанской стороне, возвышался покрытый снегом Хермон. Под ними лежало озеро Хула. Справа в горах приютилась арабская деревушка. Иося Рабинский был охвачен волнением, какого он еще ни разу не испытывал. До чего же прекрасна Земля Обетованная, если смотреть отсюда! Он поклялся, как это часто делают молодые люди, что обязательно вернется сюда и будет долго смотреть на эту землю, когда она станет его землей.

Братья провели сутки на вершине горы, а на следующее утро спустились к арабской деревушке. Белые саманные домики, теснившиеся в ложбинке, сияли в утреннем солнце. Луга и оливковые рощи тянулись вниз до самого озера. Ишаки перевозили тощие снопики невзрачного урожая. В виноградниках мелькали женщины. Деревушка была, вероятно, такой же, как и тысячу лет назад.

Чем ближе Иося и Яков подходили к селению, тем оно становилось непригляднее. Вскоре братьям ударила в нос невыносимая вонь. В деревне их встретили подозрительно. Женщины с закутанными лицами поспешно спрятались в убогие хижинки. Улицы здесь были сплошь покрыты верблюжьим и ослиным навозом, над которым кружили тучи мух. Сонная собака лежала без движения в сточной канаве, наслаждаясь прохладной сыростью. Половина домов была полуразрушена, в них, разделенные перегородками, жили вместе люди и скот.

Братья остановились возле деревенского колодца, у ко-

того разговаривали стройные девушки с огромными кувшинами на головах.

Как только к колодцу подошли чужие мужчины, все мгновенно замолкли.

— Можно попить? — спросил Иося.

Никто не ответил. Братья сами вытащили ведро воды, умылись, напились, наполнили свои фляги и двинулись дальше.

Чуть в стороне стояла покосившаяся хижина, служившая кофейней. Мужчины лениво сидели или лежали на дражных коврах, предоставляя женам работать в поле. Некоторые играли в нарды. В воздухе пахло крепким кофе, табаком, гашишем.

— Нам бы хотелось спросить кое-что, — сказал Иося.

После некоторого молчания поднялся один араб и велел им следовать за собой. Он повел их за деревню, в сторону речушки. Там стояла небольшая мечеть с минаретом, рядом с ней — небольшое помещение, в котором размещалось деревенское начальство. Их пригласили войти и предложили сесть. Высокие толстые стены были побелены известкой, окна хорошо пригнаны, отчего в комнате задерживалась прохлада. По всей длине стен стояли широкие скамьи с пестрыми подушками. Над ними висели сабли, пистолеты, портреты каких-то людей, некоторые из них были одеты по-европейски.

Вошел мужчина лет двадцати пяти в полосатом халате до колен, в головном уборе с черной окантовкой. Похоже, что это был состоятельный человек.

— Меня зовут Камал, я мухтар села Абу-Йеша, — сказал он и хлопнул в ладоши, блеснув кольцами на пальцах.

Гостям подали фрукты и кофе. В комнате воцарилось молчание. Затем один за другим стали входить старейшины села.

К удивлению братьев, Камал немного говорил на иврите.

— На месте, где стоит эта деревня, похоронен, по преданию, Иисус Навин, — сказал он. — Иисус Навин не только еврейский герой, но и мусульманский пророк.

Затем, по арабскому обычаю не задавая прямых вопросов, Камал повел беседу вокруг да около, чтобы узнать, кто они такие, эти гости, и зачем прибыли. Под конец он осторожно осведомился, не заблудились ли они, так как еще не было случая, чтобы хоть один еврей забрел в Хулу.

Иося пояснил, что они пришли с севера и ищут ближай-

шее еврейское селение. Через полчаса окольных расспросов Камал окончательно убедился, что эти двое не собираются селиться в его владениях, и рассказал, что он не только местный мухтар и владелец всей земли в Абу-Йеше, но еще и духовный вождь общины, единственный грамотный человек в деревне.

Иосе мухтар понравился, но чем именно, он не смог бы объяснить. Он рассказал Камалу об их бегстве из России, долгом путешествии, о том, что они мечтают поселиться в Святой Земле и обрабатывать ее. Отведав фруктов, гости стали прощаться.

— Вы найдете евреев километрах в тридцати к югу. Если поднажать и не сворачивать с дороги, туда можно добраться еще засветло — в Рош-Пину.

Рош-ПИНА! Неужели правда! Они не раз слышали это название еще в Житомире.

— Рош-ПИНА на полпути от Хулы до Тивериадского озера. Вам попадетя по дороге большой курган. Под ним — древний город Хоцор... Да поможет вам Аллах в пути!

Дорога шла по полям села Абу-Йеши, затем — вдоль зловонных болот Хулы. Иося оглянулся и посмотрел туда, где они стояли утром.

— Я вернусь, — сказал Иося себе, — я обязательно вернусь...

В полдень они дошли до кургана, о котором говорил Камал. Взбираясь вверх, они все время думали, что здесь похоронен древний Хоцор. Иося снова разволновался:

— Ты только подумай! Может быть, Иисус Навин стоял на этом самом месте, сражаясь с хананеями.

На Святой Земле он пришел в такое приподнятое настроение, что совершенно не замечал утрюмого состояния брата. Яков не хотел огорчать Иосю и поэтому молчал, но его настроение портилось с каждым часом.

В сумерках они дошли до Рош-ПИНЫ, Краеугольного Камня, самого северного из еврейских поселений. Их появление вызвало суматоху. Братьев привели в небольшое здание, служившее местом для сходов, и стали жадно расспрашивать. Но они покинули Житомир сорок месяцев назад и могли рассказывать лишь то, что после 1888 года погромы становились с каждым разом все страшнее.

Рош-ПИНА жестоко разочаровала братьев. Вместо цветущих хозяйств они нашли запущенную деревню. Несколько

десятков евреев жили здесь лишь немного лучше, чем арабы в Абу-Йеше.

— Порой я думаю, что, пожалуй, стоило бы остаться в России, — сказал один из поселенцев. — Там мы по крайней мере жили среди евреев: читали книги, слушали музыку, было с кем поговорить, были женщины. Здесь ничего этого нет и в помине.

— Но как же! Ведь сколько говорили на собраниях «Друзей Сиона»... — вставил Иося.

— Ну, конечно, сначала мы тоже были полны решимости, но вскоре растеряли все идеалы. Вы только посмотрите! Все так запущено, здесь уже ничего не сможет вырасти. То немногое, что у нас есть, крадут бедуины, а что остается после них, отнимают турки. На вашем месте, ребята, я пошел бы в Яффу и на первом же пароходе уплыл в Америку. Если бы не помощь Ротшильда, Гирша и Шумана, мы бы здесь давно подошли с голоду.

«Какая чушь», — подумал Иося.

Наутро они покинули Рош-Пину и направились через горы в Сафед, один из четырех городов, которые евреи почитали священными, расположенный на красивом холме, что отделяет Хулу от Галилеи. В Сафедде жило уже четвертое поколение евреев, изучающих тайное учение каббалы, и Иося надеялся, что их разочарование развеется. Однако повторилось то же, что и в Рош-Пине. Братья встретили несколько сот стариков, которые только и знали, что корпели над книгами. Жили они на пожертвования евреев всего мира и ничуть не думали о восстановлении Дома Иакова. Они хотели только одного: сидеть тихо, хотя бы и в нищете, и изучать священные книги.

Наутро братья Рабинские ушли из Сафедда. Они поднялись на гору Канаан, расположенную неподалеку, и сделали там привал. Перед ними открывалась великолепная картина. Позади была конусообразная гора, на которой расположен Сафед, а дальше к югу — Тивериадское озеро. На севере — склоны Хулы. Именно здесь Иося впервые ступил на родную землю. Да, клялся он еще и еще, когда-нибудь это будет его собственная земля.

Яков не скрывал больше горечи:

— Всю нашу жизнь, все молитвы мы посвятили одному. И вот — смотри!

Иося обнял брата за плечи.

— Я смотрю. Посмотри и ты. Посмотри, какая кругом

красота! Вот увидишь, когда-нибудь мы сделаем так, чтобы все в этой стране стало таким же красивым.

— Я уже не знаю, во что мне еще верить, — тихо ответил Яков. — Все эти ночи в горах, когда мы коченели от холода... весь летний зной... к этому ли мы стремились?

— Ну ладно, нечего падать духом. Завтра мы пойдем в Иерусалим.

Иерусалим! Услышав магическое слово, Яков воспрял духом.

На следующее утро они спустились с горы Канаан и двинулись на юг, вдоль Тивериадского озера, пересекли Гинносарскую долину, миновали Арбель и Хитимские выступы, где сын курдов Саладин когда-то разбил крестоносцев.

Чем дальше они шли, тем становились печальнее.

В Земле Обетованной отнюдь не текли молоко и мед. Это была страна зловонных болот, оголенных склонов, каменистых полей и бесплодной почвы. Эта земля давно растеряла свое древнее плодородие и лежала перед ними голая, вся в ранах.

В центре Галилеи они поднялись на прославленную гору Табор, которая сыграла такую большую роль в истории их народа. Здесь еврейская Жанна д'Арк Девора и ее полководец Барак устроили засаду, наголову разбив врага, который пытался завладеть страной. Вокруг со времен крестоносцев лежали руины, а неподалеку, на месте, где произошло преображение Христово, стоял маленький монастырь. С грустью смотрели братья на безрадостную картину, представшую их глазам: серая, лишенная растительности, умирающая земля.

Они продолжали путь с тяжелым сердцем, окруженные тенью прошлого. Вот гора Гильбоа, где в битве пали Саул и Ионафан и где похоронен Гедеон, вот Вифлеем и Иерихон...

Дойдя до Иудейских гор, они снова воспряли духом! Древние террасы стояли еще с того времени, когда сотни тысяч евреев пожинали здесь богатые плоды земли. Теперь от изобилия не осталось и следа: склоны гор лежали нагие, выветрившиеся. И все же один вид этих древних террас глубоко взволновал юношей.

Добравшись до вершины, Иосия и Яков Рабинские наконец увидели город Давида!

Иерусалим! Кровь их сердца, самая сокровенная мечта! В это мгновение они забыли все горести и перенесенные

муки. Братья вошли в город через Дамасские ворота и направились по узким проулкам и торговым рядам к знаменитой синагоге Хурва.

— Эх, был бы отец с нами! — вздохнул Иося.

— Если я тебя забуду, Иерусалим... — прошептал Яков молитву изгнанников.

От синагоги они пошли к единственной стене, сохранившейся от древнего Храма. Эта стена, величайшая святыня для всех евреев, стояла рядом с мечетью Омара.

Когда братья стали искать ночлег, их постигло жестокое разочарование. Впервые Иося и Яков столкнулись с тем, что евреи отказывают им в гостеприимстве.

Евреи Иерусалима — хасиды, религиозные фанатики — толковали закон Божий с такой строгостью, что им приходилось отказываться от очень многого. Даже в черте оседлости эти сектанты жили обособленно от всех прочих евреев. Они с неприязнью относились к билуйцам, а «Друзей Сиона» считали богоотступниками.

В эту ночь братья чувствовали себя непрошеными гостями в собственной стране. Они распрощались с Иерусалимом, спустились с Иудейских гор и направились в Яффу.

Этот древнейший город, служивший портом еще финикийцам, очень походил на Бейрут, Алеппо или Триполи. Те же узкие улицы, та же грязь и то же запустение. Правда, неподалеку находились несколько еврейских селений: Ришон-Лецион, Реховот, Петах-Тиква. В самой Яффе жили еврей-торговцы, было даже агентство для еврейских иммигрантов. Здесь-то они и узнали наконец всю правду. Во всей Палестинской провинции Оттоманской империи проживало всего лишь тысяч пять евреев, в основном старики, посвятившие жизнь молитве. Они жили в четырех городах, считавшихся святыми: Сафед, Хевроне, Иерусалиме и Тивериаде. Сельскохозяйственные поселения, созданные руками евреев, были в очень тяжелом положении. Они существовали только благодаря помощи богатых европейских евреев: барона де Гирша, Ротшильда и швейцарского миллионера де Шумана. Высокие идеалы билуйцев понемногу улетучивались. Одно дело — мечтать о восстановлении Дома Иакова в каком-нибудь подвале в черте оседлости и совсем другое — преодолевать нечеловеческие трудности в самой Палестине. У билуйцев не было никакого сельскохозяйственного опыта. Их богатые покровители посылали им на помощь специалистов, но в итоге все сводилось к использованию дешевой рабочей

силы арабов и выращиванию двух-трех культур на экспорт: маслин, цитрусовых, винограда. Вести настоящее хозяйство никто не пытался.

Доходы евреев облагались огромными налогами, перед ними воздвигались немыслимые преграды и ограничения. Разбойничьи банды бедуинов смотрели на них, как на обреченных, так как евреи не умели, да и не хотели, обороняться.

И все же в окрестностях Яффы набралось несколько молодых парней вроде братьев Рабинских, перенявших идеи билуйцев. Задача возродить обнищавшую страну казалась почти невыполнимой, но если бы в стране собралось побольше евреев, можно было бы попробовать. Иося считал, что рано или поздно российские евреи ринутся в Палестину толпами, — погромы происходили все чаще, а черта оседлости уже была охвачена брожением.

...Прошел целый год, прежде чем пришел ответ от рабби Липцина. Он писал, что их мать скончалась от безутешного горя.

Прошло еще пять лет. Яков и Иося превратились в настоящих мужчин. Они работали то в порту, то на полях еврейских колоний батраками или надсмотрщиками. Работали и каменщиками, когда по инициативе богатого английского еврея Моисея Монтефиоре иммигранты стали селиться за пределами Старого города и в Иерусалиме началось новое строительство. Строительным материалом служил известняк, добываемый в Иудейских горах.

Мало-помалу братья отвыкли от религиозных обрядов, которые играли такую большую роль в черте оседлости. Лишь по великим праздникам они отправлялись в Иерусалим, а в молитве проводили только Йом-Киппур, День искупления, да еще Рош-Гашану. Яков и Иося постепенно стали евреями совершенно нового склада. Они были молоды, сильны, но им не хватало ясной цели и соплеменников, оставленных в Европе.

Прошло еще три года. За это время в страну прибыло лишь несколько десятков поселенцев, живших на подаяния благодетелей. Но пока Яков и Иося прозябали, казалось, бесцельно в Палестине, на другом конце земли происходили драматические события, которые определили их судьбы, а также судьбу каждого еврея на многие времена.

ГЛАВА 6

Франция, 1894 — 1897

Положение евреев во Франции и в большинстве стран Западной Европы было значительно лучше, чем на Востоке. После массовых погромов и гонений в средние века европейский антисемитизм утратил кровавый характер.

Великая французская революция принесла евреям новую жизнь. После пятнадцати веков бесправия по крайней мере одна европейская нация официально признала их людьми. Франция стала первой страной в Европе, которая предоставила евреям полные гражданские права без ограничений. При Наполеоне, который видел в иудаизме только религию, положение евреев еще более укрепилось.

В XIX веке для французских евреев началась золотая эра. Они дали стране множество блестящих врачей, юристов, ученых, поэтов, писателей, композиторов и государственных деятелей, и казалось, что наполеоновская политика ассимиляции была совершенно правильной.

Правда, антисемитизм во Франции не исчез, но стал более скрытым. Так или иначе, еврейское происхождение причиняло во Франции меньше неприятностей, чем в любой другой стране. К середине девятнадцатого столетия евреи заняли места во всех областях французской жизни и организовали мощный Всеобщий альянс, развернувший широкую деятельность.

Однако неприязнь к евреям дала рецидивы.

В конце прошлого столетия во французской армии служил молодой капитан. В 1893 году его отдали под суд, сфабриковав обвинение в продаже немцам секретных французских документов. Судебный процесс над этим человеком вызвал бурю во всем мире и нанес сильный удар французскому правосудию. Военный трибунал признал капитана виновным и приговорил к пожизненному заключению.

Этого человека звали Альфред Дрейфус.

В суровую зиму 1894 года несчастного Дрейфуса вывели для публичного разжалования. С него сорвали погоны и пуговицы, ударили по щекам и переломили его шпагу. Под приглушенный бой барабанов он был объявлен предателем Франции. Когда его уводили под конвоем, Дрейфус воскликнул:

— Я невиновен! Да здравствует Франция!

Альфред Дрейфус был евреем.

Зараза антисемитизма захлестнула Францию. На улицах Парижа толпы французов, возглавляемые Эдуардом Дрюмоном, в исступлении выкрикивали: «Смерть евреям!»

Впоследствии в дело Дрейфуса вмешался великий французский писатель Эмиль Золя. В открытом письме, адресованном французскому президенту, он заклеил неслыханное злоупотребление французского правосудия.

При церемонии публичного разжалования Дрейфуса среди приглашенных присутствовал один человек. Хотя Дрейфуса впоследствии и оправдали, он не мог забыть крик несчастного: «Я невиновен!» Он не мог забыть и испуганных воплей парижской толпы: «Смерть евреям!» Эти видения преследовали его днем и ночью.

Звали его Теодор Герцль. Он был евреем из состоятельной будапештской семьи. Вскоре после его появления на свет родители переехали в Австрию, и мальчик вырос в Вене. Он знал иудаизм весьма поверхностно, поскольку, как и его семья, был сторонником господствовавшей тогда теории ассимиляции.

Герцль, блестящий эссеист, драматург и журналист, подобно многим творческим натурам, постоянно испытывал непонятное беспокойство и тягу к путешествиям.

Объехав чуть ли не весь свет, Герцль подался в Париж и стал там корреспондентом крупнейшей венской газеты «Нойе фрайе прессе». В Париже, беззаботном городе, работа доставляла ему радость, а главное — здесь была ключом культурная жизнь.

Что привело его в Париж? Чья невидимая рука повела его в тот парижский двор зимой? Почему именно Герцля? Он не придерживался ни еврейского образа жизни, ни еврейского образа мыслей, но, когда он услышал крики «Смерть евреям!», в нем произошла перемена.

Теодор Герцль сделал вывод, что проклятие антисемитизма никогда нельзя будет устранить окончательно. До тех пор пока будет жив хоть один еврей, всегда найдутся люди, которые будут его ненавидеть. Он стал искать выход из этого положения и пришел к выводу, к которому до него приходили миллионы евреев, к выводу, который сделал неведомый ему Пинскер: только тогда евреи станут свободными людьми, когда снова объединятся в нацию. Они должны внушать уважение как равные среди равных, а для этого необходимо

собственное, всеми признанное государство. Все это Герцль изложил в небольшой книжке, которую так и назвал — «Еврейское государство».

Преисполненный сознания важности своей миссии, Герцль принялся действовать. Он отправился к богатым евреям, которые поддерживали поселения в Палестине, но те откровенно высмеяли его план. Одно дело благотворительность — будучи евреями, они, конечно, не откажут в помощи нуждающимся братьям, — но воскрешать нацию — это казалось им чистым безумием.

Тем не менее идея создания еврейского государства быстро распространилась по всему миру. Она не была оригинальной, но неутомимая деятельность Герцля дала ей новую жизнь. Не жалея усилий, он вербовал сторонников.

Вскоре он получил поддержку от Макса Нордау, всемирно известного писателя, родившегося, как и Герцль, в Венгрии и пустившего корни в Париже, Вольфсона в Германии и Де-Хааса в Англии. Кроме того, его план поддерживали многие высокопоставленные христиане.

В 1897 году в швейцарском городе Базеле был созван конгресс представителей евреев всего мира. Это был, в сущности, парламент мирового еврейства. Ничего подобного не бывало с тех пор, как разрушили второй Храм. На конгресс съехались сторонники ассимиляции и «Друзья Сиона», религиозные евреи и социалисты. Каких бы они ни придерживались взглядов, они были евреями и все до единого готовы были восстать против чудовищных преследований. Базельский конгресс призвал евреев вернуться на свою историческую родину, так как только создание собственного государства обеспечит им настоящую свободу.

Это движение получило название сионизм.

В то самое время, когда кровавые погромы и издевательства вспыхнули с новой силой в России, Польше, Румынии, Австрии, Германии и даже во Франции, Базельский конгресс принял свою историческую программу: «Создать для еврейского народа правоохраняемое убежище в Палестине».

Теодор Герцль записал в своем дневнике: «В Базеле я заложил основу еврейского государства. Если бы я это сказал вслух, меня бы неминуемо высмеяли. Может быть, лет через пять, и наверняка — через пятьдесят это признают все».

После формальной декларации сионизма Герцль, как безумный, ринулся в работу. Прирожденный оратор, он вдохновлял окружающих. Он завербовал массу сторонников,

учредил денежные фонды и, наконец, создал всемирную организацию.

Ближайшей целью Герцля было добиться государственного договора или другой законной основы, на которой сионизм мог бы воздвигать свое здание более уверенно.

Среди евреев не было единства. На Герцля то и дело нападали люди, которые считали его политический сионизм не совсем чистым. Часть религиозного еврейства объявила его лже-Мессией, другая, напротив, видела в нем настоящего Мессию. Однако движение, возглавляемое Герцлем, уже нельзя было остановить. Сотни тысяч евреев носили с собой шекель, подтверждающий их участие в движении.

Герцль тем временем добивался аудиенций у глав правительств, чтобы изложить им свои планы.

Он работал до изнеможения, растратил свое имущество, пренебрегал семьей, расстроил здоровье. Он всего себя посвятил сионизму. Наконец ему удалось добиться аудиенции у султана дряхлеющей Оттоманской империи Абдул-Хамида Второго, «проклятого Абдуллы». Старый деспот хитрил, обещая, что предоставит евреям право на Палестину в обмен на огромную сумму денег, но в итоге отказал Герцлю. Это был страшный удар для еврейства.

В 1903 году резко ухудшилось положение евреев в России. В Кишиневе их снова обвинили в том, что они пользуются христианской кровью в ритуальных целях. На Пасху царские власти спровоцировали новый погром: кишиневское гетто было превращено в развалины.

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков в решение еврейского вопроса включилась Англия. Она все больше распространяла свое влияние на Ближнем Востоке и успела стать серьезным соперником Турции. Англичане проникли в Египет, в многочисленные княжества Аравийского полуострова. Они стремились заручиться поддержкой мирового еврейства для достижения своих целей и предложили сионистам часть Синайского полуострова. Предполагалось, что, завладев Палестиной, англичане пустят туда евреев, так как Синайский полуостров граничит с Землей Обетованной. Перспективы реализации этой идеи выглядели весьма неопределенно, поэтому Герцль решил продолжать хлопоты о мандате на Палестину. В конце концов английский план лопнул.

Когда волна погромов захлестнула большую часть Европы, Герцль решил, что надо получить хоть какое-нибудь временное убежище. Англичане предложили для еврейской им-

миграции и колонизации Уганду. Другого выхода не было, и Герцль согласился обсудить этот вопрос на предстоящем конгрессе.

Но конгресс встретил новый английский план в штыки. Особенно возмущались сионисты из России, говорившие, что в Библии нет ни слова об Уганде.

Ухудшение положения евреев в России и Польше привело к тому, что они покидали Восточную Европу тысячами. К началу двадцатого столетия в Палестину перебралось около пятидесяти тысяч евреев. Абдул-Хамид Второй, видевший в них потенциальных союзников Великобритании, заявил, что не допустит больше в Палестину ни одного иммигранта из России, Польши или Австрии.

Однако в турецкой империи продавалось и покупалось все что угодно. Сионисты организовали в Англии всемирный штаб и создали ему в поддержку мощный банк. С помощью взяток они получали разрешения на въезд в Палестину для всех желающих.

Это была первая волна еврейского Исхода!

Одновременно с возвращением части изгнанников в Землю Обетованную в арабском мире происходили важные события. После долгих веков чужеземного владычества среди арабов началось брожение, предвещавшее зарождение арабского национализма. Во всем арабском мире не было ни одного независимого государства.

Арабский национализм впервые проявился в либеральных кругах Ливана как прогрессивное движение, требовавшее давно назревших реформ. В Париже была созвана конференция, призывавшая арабов к пробуждению.

Новые идеи не только испугали колониалистов, но и всколыхнули местных шейхов и религиозных лидеров, решивших подчинить себе зарождающееся движение и поставить его на службу собственным интересам. Под их влиянием первоначально передовые идеи выродились в догмы. Ловко маневрируя, арабские шейхи стремились перехватить контроль над умирающей Оттоманской империей.

Двадцатый век!

Хаос на Ближнем Востоке! Сионизм! Арабский национализм! Развал Оттоманской и рост Британской империи! Все это бродило в одном гигантском котле и рано или поздно должно было перелиться через край.

Звезда Теодора Герцля молниеносно пронеслась по историческому небосклону, оставив за собой яркий и неизгла-

димый след. Прошло всего десятилетие с того дня, когда он услышал крик Дрейфуса: «Я невиновен!»

Герцль скончался от сердечного приступа, не дожив до сорока пяти лет.

ГЛАВА 7

Когда возникло сионистское движение, братья Рабинские были уже старожилами Палестины. Они знали каждый уголок страны, перепробовали всякую работу и утратили почти все иллюзии.

Яков был полон горечи и беспокойства.

Иося, напротив, пытался радоваться жизни. Он ценил свою относительную свободу и никогда не переставал мечтать о запавших в душу местах около Хулы, к северу от Сафеда.

Яков презирал и арабов, и турок. Он видел в них таких же врагов, как казаки и русские гимназисты. Турки, правда, не допускали убийств евреев, но во всем остальном вели себя не лучше. Не одну ночь братья провели в спорах.

— Конечно, мы должны приобрести землю законным путем, — говорил Яков, — но где же мы возьмем людей, чтобы ее обрабатывать, а главное — как принудить бедуинов и турок оставить нас в покое?

— Погромы в России не прекратятся, так что люди у нас будут, — отвечал Иося. — Что касается турок, то их всегда можно подкупить. А с арабами мы должны научиться жить бок о бок как мирные соседи. Для этого надо научиться их понимать.

Яков пожимал плечами.

— Арабы понимают только одно. — Он поднял кулак. — Вот это они понимают.

— Когда-нибудь тебя повесят, помани мое слово, — отвечал Иося.

Пути братьев расходились: Иося стремился к миру и взаимопониманию, а Яков считал, что клин нужно вышибать клином, иначе никогда не будет конца несправедливостям, которые терпят евреи.

В начале нового столетия Яков присоединился к группе, которая затеяла дерзкое дело. Один из еврейских фондов приобрел небольшой участок в глубине ЕздRELонской долины, куда веками не отваживался забираться ни один еврей. Здесь пятнадцать пионеров создали сельскохозяйственную

школу и опытное хозяйство. Они называли это место Сде-Тов — Доброе поле. Жить там было опасно, так как вокруг располагались арабские деревни и, кроме того, постоянно приходилось ждать нападения бедуинов, готовых на убийство ради малейшей наживы.

К 1900 году в Палестине собралось довольно много евреев, но большинство их были городскими жителями; они не хотели иметь ничего общего с нищими сельскохозяйственными колониями. Они старались устроиться ремесленниками или торговцами в Яффе. Некоторые поселились в маленьком портовом городке Хайфе. Вскоре торговцев стало больше, чем покупателей.

Евреи все чаще поговаривали о приобретении земли. Первую контору по покупке участков для иммигрантов — Сионистское поселенческое общество — открыли в грязной, обшарпанной гостинице в Яффе, и она быстро превратилась в штаб еврейской иммиграции. Палестинские компании Ротшильда и де Шумана тоже стали покупать землю, чтобы основать новые села для «возвращенцев».

В середине 1902 года общество де Шумана предложило Иосе Рабинскому должность главного агента. Он отлично знал страну, знал почти всех живущих в ней евреев и славился тем, что часто ездил по местам, населенным только арабами. Кроме того, Иося умел вести дела с турками, а это было ценное качество, так как права евреев на приобретение земли ограничивались и приходилось все время проявлять дипломатическую находчивость. Вдобавок надо было уметь торговаться с арабскими землевладельцами. Иося сомневался в необходимости новых сельскохозяйственных поселений. Жить на средства благодетелей и пользоваться наемным трудом феллахов — это не казалось ему наилучшим путем освоения Земли Обетованной. Но он все же принял предложение. Как бы то ни было, появлялась возможность помогать евреям.

Была и другая причина, побудившая Иосю согласиться. Благодаря должности главного агента он мог изучить все уголки Палестины, а ведь каждый клочок этой земли был связан со славными делами предков, которыми Иося не уставал восторгаться. Он мечтал как можно чаще бывать на севере, по ту сторону Рош-Пины, чтобы любоваться Хулой и в особенности той частью долины, где расположено село Абу-Йеша.

Иосе как раз исполнилось тридцать. Рослый, могучий мужчина, он был невероятно хорош, когда мчался на своем белоснежном арабском скакуне. Его яркая борода выделя-

лась на фоне белых арабских одежд. На груди он носил патронташи крест-накрест, сбоку болталась нагайка. В поисках земли он объезжал Саронскую долину и забирался глубоко в горы Самарии.

В Палестине большая часть угодий принадлежала нескольким десяткам всемогущих людей, так называемым эфенди. Они сдавали землю в аренду феллахам, получали за это чуть ли не три четверти урожая, и равнодушно взирали на бедственное положение крестьян.

Иося и агенты других обществ платили огромные деньги за землю. К тому же эфенди соглашались продавать евреям только худшие участки — неплодородные пустоши, болота.

Иося частенько поднимался выше Рош-Пины и бывал у Камала, мухтара Абу-Йеши. Они стали друзьями.

Камал был на несколько лет старше его. Среди эфенди он слыл белой вороной, ибо не жил, как все, за границей и не проматывал деньги в Каире или Бейруте. Камал пользовался в своих владениях абсолютной властью, ему принадлежала вся земля в селе и его окрестностях, но он не искал легкой жизни. В молодости он пережил несчастную любовь к дочери нищего феллаха. Девушка страдала трахомой, но отец Камала не внял просьбам сына и ничего не сделал для ее лечения. Он считал, что Камал может себе позволить четырех жен и сколько угодно любовниц, поэтому ни к чему возиться с какой-то крестьянкой. Девушка ослепла и умерла, не дожив до восемнадцати лет.

Этот случай настроил Камала против собственного клана и заставил его глубоко задуматься над общественным укладом своей родины. Он поехал в Каир, но не развлекаться, а учиться сельскому хозяйству и медицине. После смерти отца он вернулся в Абу-Йешу, твердо решив жить среди народа и работать для его блага.

Камал затеял безнадежное дело. Турки не разрешили открыть в селе ни школу, ни амбулаторию, и феллахи продолжали жить так же, как и их предки тысячу лет назад. Больше всего Камал переживал из-за того, что не мог претворить в жизнь полученные знания. Неграмотные феллахи просто не понимали, что ему от них надо. И хотя, став мухтаром, Камал добился улучшения жизни в Абу-Йеше, местный быт оставался весьма примитивным.

Камал недоумевал, зачем евреи вдруг стали переселяться в Палестину? Он хотел разобраться в этом и сам искал дружбы с Иосей Рабинским.

Иося уговаривал Камала продать ему клочок пустующей земли, пригодный для обработки. Камал не соглашался. Евреи сбивали его с толку, и он не знал, можно ли им доверять. Далеко не все они были похожи на Иосю Рабинского. Кроме того, он не собирался стать первым эфенди в долине Хулы, который продаст землю евреям.

Камал учился у Иоси, а Иося у Камала. Несмотря на полученное образование, Камал остался арабом с ног до головы. Он никогда не говорил о своих трех женах — женщины считались рабынями, и разговаривать о них не считалось приличным. Камал был всегда любезен, но едва доходило до какой-нибудь сделки, отчаянно торговался. Иося с интересом наблюдал, как он правит селом. Несмотря на сочувствие к крестьянам, Камал не мог даже представить себе какую-либо иную форму отношений с ними, кроме беспрекословного их повиновения.

Бывало, он даже обращался за советом к Иосе, и, хотя зачастую речь шла о сугубо мошенническом деле, это несколько не смущало араба.

Благодаря Камалу Иося Рабинский многое узнал о славной и трагической истории арабского народа.

В седьмом веке среди полудиких бедуинских племен Аравийской пустыни возникла новая религия — ислам. Вдохновленные учением Магомета арабы, оставив пустыню, огнем и мечом принялись насаждать ислам от границ Китая до Гибралтара. За сто лет под зеленые знамена встали сотни миллионов людей, но душой ислама оставались арабы. В те годы евреи добились высокого положения в арабском мире.

Аравийская пустыня подарила человечеству новую цивилизацию. В продолжение пяти столетий арабы породили передовых мыслителей, развитую науку, величайших мастеров во всех областях творчества.

Затем начались священные войны крестоносцев, сеявших смерть и разрушение.

После крестовых походов наступил век монгольских нашествий. Монголы, явившись из бескрайних степей Азии, пронеслись, как смерч, превосходя жестокостью и кровожадностью всех, кто нападал на эти земли ранее. Вехами на пути монголов стали пирамиды из арабских черепов.

Арабы до того обессилели за столетия непрерывных войн, что их некогда могущественные города почти вымерли, а цветущие оазисы, прекрасные острова плодородия и изобилия, неуклонно поглощала пустыня. Арабы все больше

погрязали в междоусобных войнах, в кровной мести. Из-за внутренних распрей рушилось хозяйство, погибала культура, и у них уже не осталось сил обороняться, когда наступила окончательная катастрофа, виной которой стали единоверцы-мусульмане. Арабы попали под власть турок, и вслед за этим последовали пять столетий сонного прозябания.

Капля воды обрела цену золота в этой стране, потерявшей плодородие. Жизнь превратилась в непрерывную мучительную борьбу. Лишенный воды, арабский мир погряз в дерьме. Болезни, неграмотность и нищета стали всеобщими: не осталось ни песен, ни радости — лишь борьба за существование.

В таких условиях хитрость, коварство, зависть и кровная месть стали обычным делом. Жестокость, даже в отношениях между братьями, вошла в норму. Арабы арабов превращали в рабов, за воровство отсекали руку, за проституцию побивали камнями. Люди отвыкли сочувствовать друг другу. Феллахи и бедуины, прозябавшие в невообразимой нищете, обратились к единственному средству, которое могло поддержать их в жалком существовании, — стали религиозными фанатиками. Этим они напоминали местечковых евреев в труднейшие дни их жизни.

Так стоит ли удивляться, что арабы не доверяли посторонним? Освободительное движение возникло у них среди богатых, потому что бедуины и феллахи просто не представляли, что такое свобода. Массы были всего лишь пешками в игре эфенди и шейхов. Их в любую минуту можно было ввергнуть в религиозную истерию — и они становились мощным орудием.

Противоречивый характер арабов не нравился Иосе. Они могли часами торговаться, осыпая друг друга ругательствами. Арабы вели себя так, словно все время играли в шахматы. Каждый ход рассчитан на то, чтобы перехитрить окружающих. Разъезжая по стране, Иося увидел полнейшее отсутствие у арабов привычных ему этических принципов. Но стоило ему войти в арабский дом, как он становился объектом такого гостеприимства, какого, пожалуй, нигде не встретишь. Его сбивала с толку странная логика, находившая оправдание всякому преступлению, только не убийству. Положение женщин было просто невыносимым. Они жили в беспрекословном повиновении, не показывались на людях, не участвовали в разговоре, никто с ними никогда не сове-

товался. Часто женщины жестоко мстили за это, иногда даже прибегали к кинжалу или яду. Корыстолюбие и страсть к наслаждениям, ненависть и хитрость, коварство и насилие, дружелюбие и гостеприимство — все это были составные части арабского характера, столь непонятного посторонним.

Камал познакомил Иосю Рабинского с Кораном, священной книгой ислама. Иося узнал, что праотец Авраам был предком не только евреев, но и арабов. Арабское племя происходило, по преданию, от Исмаила, сына Агари и Авраама.

Иося узнал и то, что арабы считают Моисея, великого законодателя евреев, одним из главных своих пророков; что все библейские пророки — одновременно пророки Корана и даже некоторые из великих раввинов почитаются у мусульман святыми.

Камалу не нравилось, что приезжает все больше и больше евреев. Они законно покупали землю, спокойно говорили об освоении страны. Понимая причины их возвращения, Камал соглашался в душе, что оно естественно и справедливо, но, с другой стороны, не мог поверить, что эти новоприбывшие не станут когда-нибудь теснить и эксплуатировать арабов.

Тем временем Яков покинул Сде-Тов. Опыт с экспериментальным хозяйством не удался. В желчном состоянии духа он продолжал ездить по стране, ища и не находя себе места.

В 1905 году в России началась давно назревавшая революция. Она была подавлена. Ее поражение послужило сигналом для новых погромов. Эти погромы отличались такой жестокостью, что цивилизованный мир пришел в ужас. Лев Толстой был до того потрясен, что написал статью, резко осуждавшую царя, министра внутренних дел графа Плеве и черную сотню, возглавлявшую погромы и убийства. Однако черносотенцы, пользуясь тайной поддержкой властей, развязывали один погром за другим, пока Россию не покинули сотни тысяч евреев. Большинство подались в Америку, но некоторые оказались в Палестине.

Началась вторая волна еврейского Исхода.

ГЛАВА 8

Вторая волна иммиграции несла тот идеализм, которого недоставало в Палестине. Новые иммигранты не собирались торговать в Яффе, еще меньше они хотели жить на пожер-

твования единоверцев. Они ехали полные решимости освоить страну.

Наиболее ценным из всего, что принесла Вторая алия, был провозглашенный ею принцип физического труда. Благодаря стараниям и личному примеру ее лидера Гордона, труд на земле приобрел некий возвышенный характер. Сам Гордон был пожилым образованным человеком, но ради высокой цели возделывать землю собственными руками он добровольно отказался от интеллектуальной карьеры. Многим старожилам одна мысль о том, что евреи будут работать в поле, словно рабы, казалась невероятной. Сами они работали в крайнем случае надсмотрщиками.

Яков воспрял духом в эти дни. Он снова отправился — на этот раз в Галилею, — чтобы вместе с другими создать в Седжере опытное хозяйство. Как только в Седжере прибыли молодые представители Второй алии, жизнь там забила ключом. Однажды Яков приехал в Яффу, чтобы повидаться с братом. Он был одержим новой идеей и очень волновался, когда рассказывал о ней Иосе.

— Как тебе известно, — пылко говорил Яков, — бедуины идут на все, чтобы заставить нас поручить им охрану наших сел от них же. В Седжере они явились к нам и угрозили, что и то сделают нам, и это, если не заключим с ними договор. Мы отказались и прекрасно себя охраняем сами. Поначалу было трудно, но мы устроили засаду и подстрелили их вожака. С тех пор они не высовываются. Выходит, если мы управимся в одном селе, то с таким же успехом можем охранять и другие села. Мы разработали план организации вооруженных отрядов. Хотим, чтобы ты взял на себя руководство одним из них.

Еврейская охрана! Неслыханная вещь! Идея взволновала Иосю, но он не подал виду и ответил с обычным спокойствием:

— Я подумаю.

— Чего тут думать?

— У тебя, как всегда, все очень просто. Бедуины без борьбы не откажутся от такого важного источника дохода. Кроме того, есть еще и турки. Они не допустят, чтобы мы носили оружие.

— Я тебе прямо скажу, — сказал Яков, — мы хотим получить тебя, потому что никто не знает страну лучше и ни у кого нет такого опыта общения с арабами и турками.

— Ишь ты, — ехидно ответил Иося, — вдруг до тебя

дошло, что моя долголетняя дружба с арабами не была напрасной тратой времени.

— Ты лучше скажи, согласен или нет.

— Я уже сказал — подумаю. Придется сначала убедить поселенцев, чтобы они согласились поручить охрану нам. Но меня больше всего тревожит то, что, увидев у нас оружие, кое-кто заподозрит, что мы ищем драки.

Яков нетерпеливо всплеснул руками:

— Выходит, если мы хотим отстоять свое имущество, то уже ищем драки? Ты живешь в Палестине двадцать лет, а все смотришь на вещи, как еврей из гетто.

Иося не сдавался.

— Мы приехали сюда мирно. Мы законно приобрели землю. Мы построили свои села, никому не мешая. Если мы станем носить оружие, это будет отступлением от мирного характера сионизма, и ты не пытайся мне доказать, что здесь нет никакого риска.

— От тебя заболеть можно, — рассердился Яков. — Ладно, Иося... Строй страну под великодушным покровительством головорезов-бедуинов. Очень хорошо. Я скажу ребятам, что мой брат погрузился в размышления. Однако знай, что с тобой или без тебя, а отряды будут. Тот, который мы хотели передать тебе, отправится уже на будущей неделе.

— Куда?

— На гору Канаан.

Канаан! Сердце Иоси вздрогнуло. Он облизал губы, пытаясь скрыть волнение.

— Я подумаю, — сказал он еще раз.

Иося и впрямь решил подумать. Десяток вооруженных евреев, сорвиголов вроде Якова, мог доставить немало хлопот. Им явно не хватало спокойствия и мудрости. Однако мысль о том, что появится возможность жить в окрестностях горы Канаан и время от времени отправляться в долину Хулы, была великим соблазном. И Иося не удержался. Он уволился из шумановского фонда и присоединился к отряду, названному «Гашомер» — «Охранник».

Отряд Иоси должен был охранять местность от горы Канаан и Рош-Пины на севере до Гиносара на юге и до Сафеда и Мерона — на западе.

Иося знал, что рано или поздно стычек не миновать. Как только бедуины поймут, что потеряли выгодную работу, они обязательно нападут на отряд. Самые воинственные племена бедуинов возглавлял старый контрабандист, кото-

рого звали Сулейманом. Его основные силы располагались в горах над Абу-Йешей. За услуги по охране Сулейман требовал у крестьян Рош-Пины четверть урожая. Сразу после прибытия отряда, пока арабы еще ничего не узнали, Иося верхом, один и без оружия, отправился к Сулейману.

Он нашел лагерь бедуинов — палатки из козлиных шкур, разбросанные по коричневому склону, — неподалеку от Тель-Хая, расположенного у ливанской границы. Эти вечные кочевники считали себя самыми чистокровными арабами и с презрением относились к нищим феллахам и горожанам. И действительно, хотя жилось бедуинам трудно, они все-таки оставались вольными людьми. Безмерно преданные своему племени, будуйны превосходили любого араба отвагой в бою и хитростью в делах.

Появление незнакомого рыжебородого великана вызвало в лагере всеобщий переполох. Женщины в черных одеждах и ожерельях из монет попрятались в палатках.

Иося не спеша доехал до середины лагеря, когда на встречу ему вышел суданский негр, раб Сулеймана. Негр повел его к просторной палатке, рядом с которой паслась большая отара коз.

Старый разбойник, одетый в черные одежды, вышел из палатки. На поясе у него висели два богатейших серебряных кинжала. Он был слеп на один глаз, все лицо его покрывали шрамы.

Сулейман пригласил Иосю в палатку и велел принести фрукты и кофе. Добрых полчаса они курили из одной наргиле и обменивались любезностями, лишенными всякого значения. Подали плов из баранины, затем дыни. Они провели в болтовне еще час. Сулейман понял, что Иося пришел не по пустячному делу.

Наконец он спросил гостя о цели приезда. Иося сообщил, что отныне еврейские поселения будет охранять «Гашомер» и поблагодарил Сулеймана за помощь. Араб не моргнул глазом. Иося протянул ему руку в знак заключения договора о дружбе. Сулейман улыбнулся и пожал ее.

Поздно ночью Иося поехал в Рош-Пину и созвал крестьян, напуганных известием о «Гашомере», на общее собрание. Они не сомневались, что теперь разгневанный Сулейман перережет их всех до единого. Появление Иоси Рабинского и его обещание остаться в Рош-Пине немного успокоили их.

Вместе с другими на собрание пришла девушка лет двад-

цати, недавно приехавшая из Силезии. Ее звали Сарой. Насколько Иося был крупным, настолько она была миниатюрной, и волосы ее были густо-черные в противоположность его рыжим волосам. Она смотрела на него во все глаза.

— Вы, видно, недавно приехали, — сказал он ей после собрания.

— Да.

— Меня зовут Иося Рабинский.

— Кто же вас здесь не знает?

Иося пробыл в Рош-Пине больше недели. Он подозревал, что Сулейман что-то замышляет, но араб был достаточно хитер и не торопился. Впрочем, Иося тоже не спешил — отчасти из-за Сары, которая произвела на него сильное впечатление. При ней он застенчиво молчал, так как совсем не умел общаться с девушками. Чем больше Сара его дразнила, тем больше он замыкался в себе. Всем в Рош-Пине стало ясно, что он безнадежно влюблен.

На девятый день десяток арабов пробрались ночью в Рош-Пину и унесли несколько мешков зерна. Иося, стоявший на вахте, видел их каждый шаг и запросто мог накрыть с поличным, но он придумал нечто иное.

Наутро он оседлал коня и отправился к Сулейману, взяв с собой трехметровый кнут. Он галопом ворвался в лагерь, резко осадил коня у палатки Сулеймана и соскочил с седла. Раб-суданец встретил его слащавой улыбкой и пригласил зайти. Иося отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

— Сулейман! — Его голос загредел на весь лагерь. — Выйди ко мне!

Десяток арабов с винтовками появились словно из-под земли и уставились на него.

— Выйди сюда! — закричал Иося еще раз.

Старый разбойник не спешил. Наконец он вышел из палатки, подбоченился и угрожающе усмехнулся. Их разделяло метра три.

— Кто это тут блеет у меня перед палаткой, словно чесоточная коза? — спросил Сулейман.

Бедуины громко захохотали. Иося пристально уставился на главаря.

— Это я, Иося Рабинский, блею здесь, как чесоточная коза, — ответил он. — И не просто блею, а утверждаю, что Сулейман — вор и лгун.

Ухмылка на лице Сулеймана превратилась в злобную

гримасу. Бедуины ждали только знака, чтобы наброситься на дерзкого пришельца.

— Давай, давай, — спокойно продолжал Иося, — позови всю свою родню. Чести у тебя не больше, чем у свиньи, а мужества, я слышал, столько же, сколько у бабы.

Баба! Это оскорбление смертельно для бедуина! Это уже личный вызов, которого нельзя не принять.

Сулейман воздел кулаки.

— Твоя мать шлюха, какой нет больше на свете!

— Давай, давай, баба, трепись больше! — отозвался Иося.

Сулейман выхватил кинжал и со звериным рыком бросился на Иосю.

В воздухе засвистел кнут, обвил ноги Сулеймана и сбил его с ног. Иося не дал опомниться вождю бедуинов. Он с такой силой хлестал его, что эхо ударов слышалось в окрестных горах.

— Мы ведь братья с тобой! Мы ведь братья! — вскоре завизжал Сулейман, моля о пощаде.

Иося ткнул кнутовищем в грудь поверженного врага.

— Сулейман, мы с тобой обменялись рукопожатием в знак честной дружбы, а ты нарушил слово. Если твои люди еще раз покажутся на наших полях, я разорву тебя на куски вот этим самым кнутом и брошу шакалам.

Иося круто обернулся и грозно посмотрел на бедуинов. Те словно окаменели. Им никогда еще не приходилось видеть такого сильного, такого бесстрашного и такого сердитого человека. Будто не замечая их винтовок, Иося повернулся к ним спиной, сел на лошадь и уехал.

С тех пор Сулейман не трогал еврейских полей.

На следующее утро, когда Иося собрался вернуться к своему отряду у горы Канаан, Сара спросила, когда он придет снова. Иося пробормотал, что будет навещать Рош-Пину раз в месяц, а то и чаще. Когда он вскочил в седло и ускакал, Сара чуть не расплакалась. Глядя ему вслед, она поклялась; что всю жизнь будет любить только Иосю Рабинского.

Иося командовал «Гашомером» целый год, да так умело, что во всем районе почти не было стычек. Ему ни разу не пришлось стрелять. Когда возникали осложнения, он отправлялся к арабам и разговаривал с ними по-дружески. Если это не помогало — пускал в ход свой кнут, который

вскоре стал в Северной Галилее таким же известным, как и рыжая борода Иоси. Арабы прозвали его молнией.

Яков между тем заскучал. Ему не нравилась спокойная жизнь. Пробыв месяцев шесть в «Гашомере», он снова заметался по стране, ища, чем бы заняться.

Иося не испытывал восторга от службы в «Гашомере», но и не тяготился ею. Она приносила ему больше удовлетворения, чем работа для шумановского фонда, и к тому же доказывала, что евреи вполне могут постоять за себя. Он с нетерпением ждал очередного рейда на север, чтобы побывать у своего друга Камала, а затем подняться на гору и помечтать о будущем.

Готовясь к поездкам в Рош-Пину, он заранее радовался. Подъезжая к селу на своем белом жеребце, он подтягивался и принимал вид еще более бравый, чем обычно. Сердце его билось все сильнее при мысли о Саре, смуглой девушке из Верхней Силезии. Но когда они оказывались рядом, Иося словно набирал в рот воды.

Сара не знала, что делать. Ей никак не удавалось сломить его застенчивость. На старой родине все было гораздо проще: шадхен отправился бы к родителям Иоси и все устроил. Здесь же не было ни шадхена, ни даже раввина.

Так прошел год.

Но однажды Иося неожиданно приехал в Рош-Пину и осмелился предложить Саре съездить с ним на север, в долину Хулы.

Сару охватило волнение. Никто из евреев, кроме Иоси Рабинского, не отваживался выбираться севернее Рош-Пины. Они проехали мимо Абу-Йеши, поднялись наверх и остановились на вершине горы Канаан.

— Здесь я когда-то перешел границу, — сказал он.

Достаточно было видеть, с какой нежностью Иося смотрит на долину Хулы, чтобы понять, как дороги ему эти места. Они долго стояли и смотрели вниз. Сара едва доходила ему до плеча...

— Иося Рабинский, — прошептала Сара, — не хотите ли вы на мне жениться?

Иося откашлялся и пробормотал:

— Странно, что вы об этом заговорили как раз сейчас! Я только что хотел задать вам примерно тот же вопрос.

Не бывало еще в Палестине такой свадьбы, как у Иоси и Сары! Гости съехались со всей Галилеи и даже из Яффы, откуда было два дня пути. Собрался почти в полном составе

«Гашомер», приехал Яков, явились все жители Рош-Пины, начальники-турки, Камал и даже Сулейман. Все пришли посмотреть, как Иосю и Сару венчают под балдахином, как они произносят ритуальный обет и пьют освященное вино. Потом Иося бросил свой стакан на землю и в память разрушения Храма раздавил его каблуком. Угощения хватило бы на добрый полк; танцы и веселье продолжались чуть ли не целую неделю.

Когда гости разъехались, Иося повел жену в палатку на склоне горы Канаан. Там они и провели первую брачную ночь.

Наутро молодожены распрощались с Канааном и отправились в Яффу, где Иосю ждала напряженная работа. Он обрел к тому времени немалую известность и стал одним из руководителей Сионистского поселенческого общества.

В 1909 году к Иосе обратились за советом по важному делу. Евреи Яффы хотели иметь благоустроенные дома, но в старом арабском городе это было невозможно. Иося приложил немало усилий, чтобы купить севернее Яффы кусок песчаной полосы с примыкающими к нему апельсиновыми рощами.

На этой земле был простроен первый за две тысячи лет чисто еврейский город. Его называли Тель-Авив — Холм весны.

ГЛАВА 9

Старые сельскохозяйственные поселения находились в плачевном состоянии. Причин тому было много, и прежде всего — потеря идеалов и последовавшая за этим апатия. Поселенцы по-прежнему выращивали только фрукты на экспорт, используя дешевый труд арабов. Несмотря на приток евреев и желание вновь прибывших обрабатывать землю, старые хозяева неохотно меняли свои привычки.

Положение страны оставалось малоутешительным. Оно почти не изменилось за те двадцать лет, что братья Рабинские прожили в Палестине. Энергия и душевный подъем людей второй волны начинали исчезать. Как некогда Яков и Иося, они бесцельно металась с места на место, нигде не пуская корней.

По мере того как Сионистское поселенческое общество покупало новые земли, становилось ясно, что заселять страну нужно по-другому.

Иося и его товарищи пришли к убеждению, что единолично вести хозяйство здесь невозможно. Поселенцы не чувствовали себя в безопасности, у них не было сельскохозяйственного опыта, а главное, мешала страшная запущенность земли.

Иося мечтал о селах, жители которых будут обрабатывать землю собственными руками, кормить себя без посторонней помощи и смогут постоять за себя. Для этого нужно было, чтобы вся земля стала собственностью Сионистского поселенческого общества.

Вскоре произошло важное событие: евреи Второй алии торжественно поклялись трудиться на благо строительства родины, забыв про личную выгоду. Эта клятва открывала путь к созданию коллективных хозяйств. Сельскохозяйственная коммуна родилась не из общественных или политических идеалов. Она была необходима в условиях ежедневной борьбы за жизнь; другого пути не существовало.

Так возникли предпосылки для драматического эксперимента. Шел 1909 год. Поселенческое общество купило четыре тысячи дунамов земли к югу от Тивериады, там, где река Иордан вливалась в Тивериадское озеро. Это было сплошное болото. Общество снабдило двадцать молодых парней и девушек инвентарем, продовольствием и деньгами на год, поставив перед ними задачу освоить эту землю.

Иося отправился с ними, чтобы помочь ставить палатки на краю болота. Они назвали это место Шошана — по имени дикой розы, которая растет в окрестностях Тивериадского озера.

Опыт работ на общественной земле в Шошане мог и должен был послужить основой для будущего заселения страны. Это был самый важный шаг, предпринятый евреями с начала второго Исхода.

Построили три барака из нестроганных досок. В одном устроили столовую и место для собраний, в другом — сарай и склад для инструментов, в третьем жилье для шестнадцати мужчин и женщин.

В первую зиму бараки обрушивались раз десять под натиском ветра и воды. Дороги стали непроходимы, и колонисты оказались оторваны от остального мира. В конце концов им пришлось перебраться в соседнюю арабскую деревню, где они и дождались весны.

Весной Иося снова навестил Шошану. Нужно было шаг за шагом отвоевывать землю у болота. Посадили сотни ав-

стралийских эвкалиптов, высасывающих влагу из почвы, выкопали вручную дренажные каналы, работали от зари до зари, причем треть людей все время болела малярией. У них было только одно средство против малярии — старое, арабское: надрезать мочки ушей и пустить кровь. Все лето они работали в адской жаре по пояс в болоте.

Иося убедился, что стремление построить себе родину у этих двух десятков человек настолько сильно, что они готовы изнемогать безвозмездно на неблагоприятной изнурительной работе. В Тель-Авиве он продолжал упорно добиваться поддержки эксперимента.

Трудности в Шошане не кончались, но по истечении двух лет здесь освоили достаточно земли, чтобы приступить к севу. Это был критический момент, так как никто не знал, как обрабатывать землю. Поселенцы действовали наобум, и, конечно, результаты оказались плачевными. Они не умели пахать и сеять, не умели выращивать, доить коров и с трудом отличали курицу от петуха. Сельское хозяйство было для них сплошной тайной.

И все же молодые люди не теряли упорства. Землю нужно было орошать, и воду сначала возили на ослах в бочках. Потом применили первобытное подъемное колесо и попробовали рыть колодцы, пока наконец не выкопали оросительные каналы и не построили систему плотин, чтобы задерживать дождевые воды зимой.

Мало-помалу земля стала поддаваться. У Иоси дух захватывало, когда он видел, как работают жители Шошаны. У них не было личных вещей кроме того, что они носили на себе, да и то принадлежало не лично им, а всему коллективу. Они питались скудно в общей столовой, у них были общие душевые и уборные, и все спали под одной крышей. Арабы с удивлением следили, как крепнет Шошана. Увидев, что засеяно уже несколько сот акров, они решили прогнать евреев.

Вдобавок к болезням и изнурительному труду у поселенцев появилась новая проблема — угроза постоянного нападения. Полевые работы пришлось вести под вооруженной охраной. После нечеловечески тяжелого дня люди, валившиеся с ног от усталости, поочередно дежурили ночами. Однако ни оторванность от мира, ни окружавшая их жестокость, ни угрозы, ни болота, ни убийственный зной, ни малярия, ни множество других трудностей не смогли запугать этих людей, поклявшихся и упорно выполнявших свою клятву.

Яков Рабинский тоже решил попытать счастья в Шошане. Одновременно туда приехал Иосиф Трумпельдор. Он служил когда-то офицером в царской армии, храбро воевал во время русско-японской войны, на которой потерял руку. Увлеченный идеями сионизма, Иосиф приехал в Палестину и сразу подался в Шошану. Трумпельдор и Яков взялись за организацию безопасности работников, и вскоре набеги бе-диуинов прекратились.

Совместное ведение хозяйства поставило перед людьми гораздо больше проблем, чем они могли предвидеть. Прежде всего — как управлять таким коллективом? Почти никогда не бывает, чтобы два еврея придерживались одного мнения по какому-нибудь вопросу, и существовала опасность, что и тут управление превратится в бесконечные митинги и препирательства.

Все, что касается здравоохранения, социальных дел и воспитания, решалось коллективом. Но как быть, если кто-нибудь не может или не хочет работать, как все? Как быть с теми, кто недоволен порученным делом? С теми, кому не нравится еда или жилье? Как разбирать личные ссоры?

Каждый житель Шошаны всем сердцем ненавидел то, что делало его похожим на еврея гетто. Они были полны решимости построить страну заново. Это объединяло их и помогало преодолевать трудности. В Шошане существовал свой кодекс чести, свои общественные законы. Даже в брак здесь вступали или, наоборот, разводились только с общего согласия. Они полностью порвали со старыми традициями, покончили с прошлым раз и навсегда.

После долгих веков гонений в Шошане сбылась вековая мечта: родилось подлинно свободное еврейское крестьянство. Они одевались, как крестьяне, и плясали хору при свете костра. Возделывание земли и строительство страны становились самыми почетными делами в жизни.

Время шло. В селении везде разбили цветники, посадили деревья и построили новые красивые здания. Для семейных пар соорудили небольшие коттеджи, начали строить библиотеку, в селе работал врач, получавший содержание из общих денег.

А затем случился женский бунт. Одну из четырех девушек, приехавших в Шошану, звали Руфью. Именно эта невысокая, некрасивая девушка возглавила бунт. Руфь доказывала, что женщины не для того покинули черту оседлости и, конечно же, не для того приехали в Шошану, чтобы стать

здесь домохозяйками. Она требовала полного равенства не только дома, но и на работе. Женщины Шошаны опрокинули общепринятые традиции и даже в поле вышли вместе с мужчинами. Они обнаружили ничуть не меньше способностей и выносливости, чем мужья и братья. Они научились обращаться с оружием и несли вахту по ночам наравне со всеми.

Руфь поставила перед собой цель — возглавить животноводческую ферму, но мужчины на это ни за что не соглашались. Яков, самый опытный оратор, ринулся в словесную перепалку с Руфью. Как же она не понимает, что коровы — это слишком опасно для женщин! Кроме того, эти пять коров — самое ценное достояние Шошаны, которое надо беречь как зеницу ока.

Ко всеобщему изумлению Руфь замолчала и подчинилась. Это было так на нее не похоже! Целый месяц она не вспоминала о коровах, но при малейшей возможности убегала украдкой в соседнее арабское село и училась доить. В редкие свободные от работы часы Руфь от корки до корки изучила все книжки по животноводству, какие только ей удалось достать.

Однажды рано утром Яков вошел в коровник и застал там Руфь! Она доила Иезавель, их лучшую корову.

Немедленно был созван митинг, чтобы вынести Руфи общественное порицание за недисциплинированность. Однако эта неугомонная девица привела цифры, которые убеждали, что при правильном уходе за коровами можно увеличить надои. Она упрекнула мужчин в невежестве и нетерпимости. Чтобы доказать вздорность утверждений Руфи, собрание решило временно поручить ей стадо.

Дело кончилось тем, что Руфь все-таки добилась своего. Со временем ее стадо увеличилось в двадцать пять раз, а она стала одним из лучших животноводов во всей Палестине.

Яков и Руфь поженились. Говорили, что иного быть не могло, потому что Руфь — единственный на свете человек, способный переспорить Якова Рабинского. Они любили друг друга и были счастливы.

Новый кризис наступил в Шошане с рождением первых детей. Должна ли женщина после родов оставлять работу и заниматься только домашним хозяйством? Нельзя ли найти другой выход? Жители Шошаны пришли к выводу, что коль скоро они ведут необычный образ жизни, то и в воспитании детей должны искать свой собственный путь.

Так возникли детские дома. Нескольким поселенцам было поручено ухаживать за детьми и воспитывать их в рабочее время. Это освободило женщин для работы в хозяйстве. По вечерам дети возвращались в семьи. За пределами Шошаны многие подняли крик, что такой образ жизни разрушит семью, в которой евреи всегда находили единственное спасение. Однако семейные связи в Шошане остались такими же крепкими, как и в любом другом селении.

Наконец-то Яков Рабинский обрел свое счастье. Шошана все растет, около ста ее жителей возделывают свыше тысячи дуланов земли. У Якова нет никакого личного имущества; даже одежда ему не принадлежит. Но зато есть жена, которая не лезет за словом в карман и слывет одним из лучших скотоводов Галилеи. По вечерам, после работы, он гуляет с ней, на людях — такой языкатой, но наедине — такой ласковой, по ухоженным газонам и цветникам, поднимается на холмы и любителю зеленеющими полями. Яков был счастлив.

Шошана, первый кибуц в Палестине, стал долгожданным ответом на самый трудный вопрос, стоявший перед сионистским движением.

ГЛАВА 10

Однажды вечером Иося вернулся домой с совещания в комитете по делам языка «Ваад Галашон», погруженный в глубокие раздумья. К нему, занимавшему видное положение в стране, обратились с неожиданным предложением.

У Сары всегда был готов чай. Они сидели на веранде своей трехкомнатной квартиры на улице Гаяркон, откуда открывался прекрасный вид на Средиземное море. Была хорошо видна излучина побережья, переходящая из Тель-Авива в Яффу.

— Сара, — сказал он после долгого молчания, — я принял решение. Сегодня в «Ваад Галашоне» меня попросили взять новую фамилию и разговаривать только на иврите. Выступал сам Бен Иегуда. Он проделал огромную работу по модернизации иврита.

— Чепуха какая! — ответила Сара. — Ты мне как-то сам сказал, что ни разу во всей человеческой истории не удалось воскресить язык.

— Правильно. Но ведь и ни один народ еще не пытался

воскресить нацию, а мы воскрешаем. Когда я смотрю на все, что сделано в Шошане и в других кибуцах...

— Вот-вот, хорошо, что ты сам заговорил о Шошане. Ты хочешь переменить фамилию только потому, что так поступил твой брат?

— Глупости.

— Кстати, как его теперь зовут, твоего бывшего Якова?

— Акивой. Он назвался именем человека, которого боготворил с детства.

— А ты назовешь себя Иисусом Христом, которым тоже восхищался в детстве?

— Ты невозможна, — рассердился Иося и ушел с веранды.

— Если бы ты хоть изредка посещал синагогу, — продолжала как ни в чем не бывало Сара, пойдя за ним, — то знал бы, что древнееврейский существует только для того, чтобы общаться с Богом.

— Сара! Порой я думаю — зачем ты, собственно, приехала сюда из Силезии? Если мы хотим думать и жить как нация, то и говорить должны как единая нация.

— А мы и говорим. Идиш — вот наш язык.

— Идиш — язык диаспоры. Идиш — язык гетто. Иврит — вот общий язык всех евреев.

Она погрозила мужу пальцем.

— Брось эту сионистскую пропаганду. Меня, Иося, агитировать нечего. Для меня ты до самой смерти останешься Иосей Рабинским.

— Ну, как знаешь. А я твердо решил, Сара. Советую тебе тоже заняться ивритом: с этого дня мы будем говорить дома только на этом языке.

— Сплошная чушь это твое твердое решение!

Иося и сам не сразу согласился с Бен Иегудой, но потом понял, что тот прав. Пора воскрешать язык. Если их стремление к национальной самобытности действительно неодолимо, то, значит, воскресится и язык. Однако Сара была упряма. Она всю жизнь говорила на идише, на том же языке говорила ее мать, и ей вовсе не хотелось приниматься за учебу.

Целую неделю Иосе пришлось спать на диване, но не сдавался и разговаривал на иврите. Жена отвечала на идише.

— Иося, — позвала Сара однажды вечером. — Иося, поди сюда, помоги мне.

— Прошу извинить, — ответил он, — но в этом доме нет

никакого Иоси. Если ты имеешь в виду меня, то, да будет тебе известно, меня зовут Бараком. Барак Бен Канаан.

— Барак Бен Канаан?!

— Да, я долго выбирал имя и фамилию. Арабы звали мой кнут молнией, а Барак и есть молния на иврите. Так звали полководца легендарной Деворы. А фамилию Бен Канаан я выбрал потому, что люблю, как ты знаешь, гору Канаан.

Сара хлопнула дверью.

Иося повысил голос:

— Да, я был счастлив на горе Канаан! Тогда моя жена еще не была такая упрямая! Привыкай, привыкай, Сара Бен Канаан!

Иося, теперь Барак, снова перебрался спать на диван. Целую неделю воюющие стороны не проронили ни слова.

Однажды ночью, через месяц после начала семейной баталии, Барак вернулся из Иерусалима с утомительного трехдневного совещания. Он приехал усталый, и ему очень хотелось поделиться новостями с Сарой за чашкой чая. Однако дверь в спальню была заперта. Он вздохнул, снял ботинки и лег. При своем росте Барак не помещался на диване, и ноги свисали. Он мечтал отдохнуть в кровати и уже жалел, что затеял перевоспитание этой упрямой женщины. Он уже засыпал, как вдруг заметил через щель под дверью, что в спальне зажегся свет. Дверь открылась, Сара подошла к нему на цыпочках, опустила на колени перед диваном и положила голову на его широкую грудь.

— Я тебя люблю, Барак Бен Канаан, — прошептала она на иврите.

У Барака была масса дел в новом городе Тель-Авиве. С ростом еврейского населения Палестины — ишува, как оно называло себя, — иврит становился разговорным. Бен Канаан занимал теперь очень высокое положение среди сионистов и в поселенческом обществе. Его жизнь превратилась в сплошную череду заседаний, совещаний, переговоров с турками и арабами. Он писал политические доклады, не раз ездил с Сарой в Лондон, где находился генеральный штаб сионистов, и в Швейцарию — на съезды. И все же у Барака не было того полного счастья, какое нашел его брат Акива в Шошане. Сердце Барака осталось в долине Хулы, что к северу от горы Канаан. Сара, умная, преданная жена, меч-

тала стать матерью, но у нее пять раз подряд случались преждевременные роды. Она очень страдала из-за этого, понимая, что их годы уходят: Бараку было уже за сорок.

В начале 1908 года произошло восстание младотурок, которое отстранило от власти старого деспота Абдул-Хамида. Сионистское движение воспряло духом, когда турецким султаном и духовным вождем мусульманского мира стал Мохаммед V. Вскоре, однако, выяснилось, что восстание никак не повлияло на дело о предоставлении евреям мандата на Палестину. Мохаммед V получил в наследство империю, готовую вот-вот развалиться, — ее так и называли во всем мире: больной на Босфоре.

Англичане с самого начала постоянно демонстрировали симпатии к сионизму. Барак чувствовал, что если британские и еврейские интересы можно как-то согласовать, то сотрудничать с турками невозможно. Англичане предлагали в свое время евреям и Синай, и Уганду, многие британские деятели открыто поддерживали идею создания еврейского государства. Англия была центром сионистского движения, там жил доктор Хаим Вейцман, уроженец России, впоследствии это движение возглавивший.

По мере того как на Ближнем Востоке росло британское влияние и падало турецкое, сионисты, а за ними весь ишув открыто заняли пробританскую позицию.

Мохаммед V проиграл ряд дорогостоящих войн на Балканах. Его положение тени Аллаха, духовного вождя ислама, пошатнулось. Пятисотлетняя империя едва не рухнула, когда в стране разразился острейший финансовый кризис.

Четыре столетия русские цари мечтали о незамерзающих портах на Средиземном море. Теперь, когда Оттоманская империя шла к развалу, был разработан хитрый план, чтобы наконец добиться этой цели. Россия провоцировала Турцию и подталкивала ее к союзу с немцами. Стремясь к войне с Турцией на стороне англичан и французов, она требовала, чтобы после победы Константинополь стал русским. Мохаммед хорошо понимал, чего добивается Россия, и тщательно избегал конфликта. Он знал, что не только русским, но и англичанам, французам, итальянцам не терпится разделить между собой его империю.

И все же Первая мировая война разразилась.

Мохаммед не собирался терять престол в угоду русским или англичанам. Его солдаты сражались с такой храбростью и решимостью, какой никто от них не ожидал. Русские войс-

ка, пытавшиеся в самом начале войны пересечь границу, были остановлены, а на Ближнем Востоке турки одним рывком заняли Синайский полуостров и добрались до главной артерии Британской империи — Суэцкого канала.

Макмагон, британский представитель в Египте, пообещал арабам независимость, если только они восстанут против турок. Англичане в отчаянных попытках поднять восстание арабов обратились к Ибн-Сауду, могущественному вахабиту Аравийского полуострова, но тот решил подождать, пока не станет ясно, на чьей стороне сила. Тем временем Мохаммед V призывал правоверных подняться на священную войну против англичан, но его призывы были встречены молчанием.

Англичане в конце концов поняли, что есть только один способ заручиться поддержкой арабов — подкупить их, и пустили в ход огромные суммы.

Правитель Мекки традиционно пользовался в Османской империи некоторой независимостью, ибо числился настоятелем святых мест в Мекке и Медине. Эта должность передавалась по наследству прямым потомкам Магомета. Он не пользовался большим влиянием в арабском мире, но был смертельным врагом Ибн-Сауда. Когда англичане установили с ним контакт, он понял, что перед ним открывается возможность захватить власть над арабским миром, когда Мохаммед V, а с ним и вся империя рухнут. Правитель Мекки переметнулся на сторону англичан, получив в награду несколько сот тысяч фунтов стерлингов. Его сын Фейсал, который — величайшая редкость среди арабов — обладал чем-то вроде политического сознания, согласился поддержать отца и попытался поднять восстание среди арабов.

Еврейское население Палестины не требовалось ни подкупать, ни уговаривать — оно решительно стояло на стороне англичан. Когда началась война, это стало весьма опасным.

Кемаль-Паша, будущий Ататюрк, молниеносным выпадом оккупировал всю провинцию, и над евреями Палестины навис террор.

Барака Бен Канаана предупредили: через шесть часов необходимо покинуть Палестину. Он и его брат Акива значились в турецком списке среди тех, кто подлежал немедленному расстрелу. Сионистскому поселенческому обществу при-

шлось закрыть все свои учреждения, и еврейская деятельность в Палестине прекратилась.

— Сколько нам еще осталось, дорогой? — спросила Сара.

— На рассвете мы должны уйти. Возьми с собой только маленький чемодан. Остальное придется бросить.

Сара прислонилась к стене и погладила свой живот. Она была на шестом месяце, и на этот раз чувствовала себя гораздо лучше, чем в предыдущие пять беременностей.

— Я не могу ехать. Не могу.

Барак резко обернулся к ней, его глаза сузились.

— Давай, Сара, пошли, сейчас не время для капризов.

Она кинулась в его объятия:

— Барак! Я лишусь и этого ребенка. Я не могу этого допустить. Не могу!

Он глубоко вздохнул.

— Ты должна ехать со мной. Один Бог знает, что сделают турки, если попадешь к ним в руки.

— Я не могу отказаться от этого ребенка.

Барак медленно сложил чемодан и запер его.

— Тогда отправляйся в Шошану, — сказал он наконец. — Руфь позаботится о тебе... Ты только поосторожнее там с коровами.

Он нежно поцеловал жену, и она, поднявшись на цыпочки, крепко его обняла.

— Шалом, Сара, любовь моя! — Он повернулся и быстро вышел.

Сара без приключений доехала на ослах до Шошаны и там, окруженная заботой Руфи, стала ждать родов.

Акива и Барак бежали в Каир, где встретили старого друга, однорукого Иосифа Трумпельдора. Трумпельдор был занят организацией воинской части из палестинских евреев, чтобы сражаться на стороне англичан.

Соединение Трумпельдора, Еврейский корпус погонщиков мулов, участвовало в операции, имевшей целью напасть на Константинополь с юга. В ней приняли участие и Барак с Акивой. Они высадились вместе с британскими частями на полуострове Галлиполи, но турки отразили нападение. При отступлении Акиву ранили в грудь.

После разгрома англичан на Галлиполи Еврейский корпус расформировали. Акива и Барак подались в Англию, где Зеев Жаботинский, прославленный сионистский деятель,

создавал другое боевое соединение, так называемую Еврейскую бригаду, включающую 38-й, 39-й и 40-й полки королевских стрелков.

Акива еще не совсем поправился после ранения. Его послали в Соединенные Штаты для агитации в пользу еврейского государства среди тамошних евреев. Американских сионистов тогда возглавлял верховный судья Брандейс.

Когда стало известно, что среди стрелков Еврейской бригады находится Барак Бен Канаан, его немедленно отозвали. Доктор Вейцман, руководитель мирового сионизма, считал, что для такого человека найдется дело поважнее.

Едва Барака зачислили на новую должность, как поступили сведения о новом поражении англичан на Ближнем Востоке. Генерал Мод развернул наступление на восточном фланге турецкой армии. Воспользовавшись Междуречьем как трамплином, он намеревался прорваться в Палестину с севера. Предполагалось, что англичане дойдут до Багдада, а оттуда, повернув на запад, пробьются к морю. Пока войска Мода воевали с арабскими частями, все шло хорошо. Операцию даже называли блестящей. Но потом у Кута англичане натолкнулись на турецкую дивизию, потерпели поражение и оказались в трудном положении. Турки засели на берегу Суэцкого канала. Теперь попытки англичан поднять арабское восстание ни к чему не могли привести.

Доктор Вейцман и сионисты чувствовали, что настало время добиваться принципиальных уступок в деле создания еврейского государства. Ведь Англия нуждалась в сочувствии и помощи.

Когда переговоры между сионистами и англичанами подошли к концу, лорд Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, написал письмо лорду Ротшильду, в котором говорилось:

«Правительство Его Величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели».

Так родилась Бальфурская декларация, Великая Хартия еврейского народа.

ГЛАВА 11

Руфь и другие жители Шошаны бережно ухаживали за Сарой, стараясь, чтобы она чувствовала себя спокойно перед родами. Полиция Кемаль-Паши была не столь предупредительна. Сару отыскивали за две недели до родов, бросили среди ночи в закрытый грузовик и повезли по разбитой, тряской дороге в Тивериаду к черному базальтовому зданию полиции.

Там ее беспрерывно допрашивали целые сутки.

Где муж? Как ему удалось скрыться? Как поддерживаете связь? Ты передаешь ему информацию, мы это точно знаем. Шпионишь по заданию англичан. Вот посмотри эти бумаги, они написаны твоим мужем; этого ты не станешь отрицать? С какими еще евреями в Палестине поддерживаешь связь?

Сара четко, без тени смущения отвечала на все вопросы. Она не отрицала, что Барак бежал из-за своих симпатий к англичанам — об этом знали все. Все остальные обвинения она решительно отвергала. К исходу суток Сара осталась самым спокойным человеком в кабинете следователя.

Ей угрожали, но Сара хранила невозмутимость. Наконец ее схватили и бросили в одиночную камеру без окон. Над деревянным столом горела тусклая лампочка. Пятеро полицейских опрокинули Сару на спину, разули и стали бить палками по пяткам, повторяя все те же вопросы; она упорно не соглашалась с обвинениями.

— Шпионка! Как передаешь информацию Бараку Бен Канаану? Признавайся! Ты поддерживаешь связь с британскими агентами! Назови их!

Боль была невыносима. Сара стиснула зубы, пот лился с нее градом. Мужество маленькой женщины еще больше обозлило турок.

От ударов лопнула кожа и брызнула кровь.

— Говори! — орали они. — Признавайся!

Сара только дрожала, извиваясь от боли.

— Жидовка! Шпионка!

Она потеряла сознание.

Ей вылили на голову ведро воды и возобновили побои. Она еще раз лишилась сознания, и ее опять привели в чувство:

— Говори! Говори!

Три дня и три ночи пытали Сару Бен Канаан. Полицейские были поражены выносливостью этой женщины, кото-

рая так мужественно переносила пытки. Наконец Сару отпустили. Руфь, проведшая все это время в приемной полиции, увезла ее на повозке, запряженной ослом, в Шошану.

И только когда начались родовые схватки, Сара позволила себе роскошь покричать вволю. Она откричалась за все дни, когда турки тщетно пытались выжать из нее крик боли. Судороги сотрясали ее избитое тело. Крики становились все слабее. Никто уже не верил, что она перенесет роды. Однако Сара Бен Канаан родила сына и выжила.

Две недели ее жизнь висела на волоске. Руфь и все жители Шошаны окружили ее самой нежной заботой. Сила духа, благодаря которой маленькая черноглазая женщина выдержала турецкие пытки, помогла ей справиться и на этот раз. Желание снова увидеться с Баракком оказалось сильнее смерти.

Выздоровление было медленным и мучительным. Прошли месяцы, прежде чем Сара смогла встать на изуродованные пыткой ноги и сделать первые шаги. Небольшая хромота осталась на всю жизнь.

Ребенок тем не менее родился крепким и сильным. Говорили, что он вырастет вторым Баракком; от Сары мальчик унаследовал только смуглый цвет лица. Теперь, когда худшее было позади, Сара и Руфь ждали своих мужей.

А братья в своих скитаниях тем временем попали в Америку. Ни на день их не покидала тревога за жизнь Сары и Руфи: беженцы из Палестины рассказывали страшные истории о терроре Кемаль-Паши.

В начале 1917 года британская армия двинулась в наступление из Египта и отогнала турецкие войска через Синайский полуостров до границ Палестины. В Газе наступление захлебнулось. Командование британскими силами принял генерал Алленби, и под его руководством англичане снова пошли вперед. К концу 1917 года они ворвались в Палестину, захватили Беер-Шеву. Вслед за этой победой англичане предприняли атаку на древние врата Газы, и Газа пала. Затем они двинулись вдоль берега и захватили Яффу.

Одновременно с наступлением началось сильно запоздавшее и обошедшееся очень дорого восстание арабов, на которое когда-то возлагались большие надежды. Когда стало совсем ясно, что турки терпят поражение, Фейсал, сын правителя Мекки, собрал в пустыне несколько племен. Арабские повстанцы ни разу не приняли участия в настоящем

сражении — большом или малом, но нападали на отступающих турок, чтобы быть первыми при дележе добычи.

Между тем на подступах к древнему городу Мегиддо произошел решающий бой между войсками Алленби и турками. На месте, где впоследствии были найдены конюшни царя Соломона и где, по преданию, должно состояться второе пришествие Христа, в течение тысячелетий решались судьбы сотен завоевателей и их армий. На север от Мегиддо идет глубокое ущелье, по нему двигались завоеватели с незапамятных времен.

Алленби завладел Мегиддо. Перед Рождеством, менее чем через год после своего назначения, он ввел британские войска в Иерусалим.

Англичане продолжали наступать на Дамаск, нанося туркам сокрушительные удары один за другим. Падение Дамаска решило участь Оттоманской империи.

Русский царь, хотевший в начале войны захватить Константинополь, так и не сумел осуществить свое намерение. Русские подняли восстание, царь был свергнут, а потом расстрелян со всей семьей.

Барак Бен Канаан и его брат Акива вернулись домой. Цвели розы, вся страна утопала в зелени, а воды Иордана мирно текли в Тивериадское озеро. Братья въехали в Шошану.

В рыжей бороде Барака появилась седина, седина серебрилась и в черных волосах Сары. Они встретились у калитки своего дома. Барак нежно обнял жену, и в эту минуту было забыто все, что выпало им в последние годы. Затем Сара взяла мужа за руку и, слегка прихрамывая, повела в дом. Крепкий светловолосый трехлетний карапуз с любопытством уставился на незнакомого бородатого великана. Барак осторожно поднял мальчика под потолок.

— Мой сын, — прошептал он, — мой сын!

— Твой сын Ари, — сказала Сара.

ГЛАВА 12

Пятьдесят государств ратифицировали Бальфурскую декларацию.

Война вызвала новую волну погромов в Восточной Европе. Спасаясь от преследований, в Палестину хлынул новый поток иммигрантов, и Третья алия пополнила еврейское население, сильно поредевшее из-за турецкого террора.

Сионистское поселенческое общество годами присматривалось к Ездrelонской долине, расположенной на юге Галилеи. Большая ее часть была заболочена, здесь ютилось несколько совершенно обнищавших арабских деревушек. Почти вся Ездrelонская долина принадлежала роду Сурсуков, феодалов, которые жили в Бейруте. Турки не разрешали евреям покупать земельные участки, но после прихода англичан запреты были сняты. Барак Бен Канаан с двумя агентами съездил в Бейрут и сумел купить у Сурсуков полосу земли, которая тянулась от Хайфы до Назарета. Это была крупнейшая сделка; впервые покупку земли полностью финансировали из фонда мирового еврейства. Ездrelонская долина открыла широкие возможности для создания новых кибуцев.

Старые кибуцники бескорыстно покидали свои хозяйства, чтобы помочь созданию новых. Акива и Руфь вместе с недавно родившейся дочкой Шароной оставили насиженное место в Шошане, к которому привязались всей душой, и отправились в новый кибуц, создававшийся к северу от Рош-Пины. Он получил название Эйн-Ор — Источник света.

Наконец-то сбылась мечта Барака Бен Канаана. Были куплены земельные участки в глубине долины Хулы, неподалеку от сирийской и ливанской границ. Пахали даже на горе Канаан, поблизости от которой построили кибуц Кфар-Гилади — Гилеадское село. Иосиф Трумпельдор, старый друг Барака, занялся в Кфар-Гилади организацией охраны.

Одновременно с поселениями разрастались Тель-Авив и другие города. Евреи покупали участки на горе Кармель в Хайфе и строили там дома. В Иерусалиме они уже селились за крепостной стеной Старого города. Религиозные круги присоединились к сионистам в стремлении создать страну заново.

Британские власти провели ряд реформ. Прокладывали шоссе, строили школы и больницы. Сам Бальфур приезжал в Иерусалим, чтобы участвовать в торжественной закладке фундамента Еврейского университета на горе Скопус.

Для управления ишувом евреи избрали представительный орган — Еврейский национальный совет. Он стал своего рода правительством, отстаивавшим интересы поселенцев, служил связующим звеном между поселенческим обществом и сионистами во всем мире. Национальный совет и Сионистское поселенческое общество переехали в Иерусалим.

Барака Бен Канаана, старого и всеми уважаемого члена

ишува, выбрали в национальный совет, но работу в поселенческом обществе он не оставил.

В те же годы, однако, начали появляться и тревожные симптомы. Палестина превращалась в центр беспощадной борьбы великих держав.

Это стало ясно с момента, когда было предано гласности секретное соглашение Сайка-Пико, по которому Великобритания и Франция собирались разделить Ближний Восток между собой. Русское революционное правительство нашло этот документ в царских архивах и опубликовало его, чтобы досадить западным державам.

Соглашение Сайка-Пико противоречило данному Великобританией обещанию предоставить арабам независимость. Арабы почувствовали себя обманутыми. Их опасения оправдались, когда на конференции в Сан-Ремо Великобритания и Франция поделили между собой ближневосточный пирог, причем львиная доля досталась англичанам. Франция получила только Сирию и нефтепровод, идущий от богатых месторождений Мосула.

Палестина и Ливан при турках входили в состав Сирии, поэтому Франция претендовала по крайней мере на Северную Палестину. Но англичане оказались непреклонны. Им тоже хотелось провести нефтепровод, идущий от Мосула до Хайфы. Они ссылались на единственное в своем роде положение Палестины и Бальфурскую декларацию, где было обещано создать очаг для евреев, и потому настаивали, чтобы вся Палестина находилась под английским управлением.

В ответ на это Франция подкупила в Сирии несколько арабских племен, чтобы те заняли территорию на севере Палестины, пока не закреплены точно ее границы.

Евреи, поселившиеся в Кфар-Гилади, попали в ловушку. Нанятые французами арабы напали на Толь-Хай — то самое селение, где братья Рабинские впервые ступили на землю Палестины. В бою пал Иосиф Трумпельдор, легендарный еврейский герой, но Толь-Хай выстоял. Евреям удалось удержать Кфар-Гилади, а долина Хулы так и осталась в пределах английской подмандатной территории.

Затем французам стал чинить неприятности Фейсал, сын властителя Мекки и вождь пресловутого арабского восстания во время Первой мировой войны. Фейсал явился в Дамаск, расположился там и объявил себя королем новой арабской монархии, а также духовным главой всех мусульман. Французы прогнали его из Сирии. Фейсал перебрался

в Багдад, где англичане радушно встретили его и наградили государством, созданным в Междуречье. Государство назвали Ираком, а Фейсала объявили королем.

У Фейсала был брат Абдалла, которого тоже нужно было как-то поощрить. Не согласовав свое решение даже в Лиге Наций, англичане создали еще одно государство на территории Палестинского мандата и объявили Абдаллу королем Трансиордании.

Фейсал и Абдалла были смертельными врагами Ибн-Сауда, который отказался помогать англичанам в Первую мировую войну.

Таким образом, дела у англичан пошли неплохо. У них были марионетки в Ираке и Трансиордании, у них были Египет, Суэцкий канал, нефтеносный район Мосула и вдобавок еще ряд протекторатов и княжеств на Аравийском полуострове.

Англичане хорошо знали о взаимной вражде арабов, прекращающейся кровной мести и ловко пользовались этим. Они дарили своим ставленникам автомобили новейших марок и не мешали им беззаботно наслаждаться в переполненных гаремах.

Хуже обстояло дело с Палестиной. Бальфурскую декларацию ратифицировал весь мир. Палестинский мандат прямо обязывал англичан создать здесь еврейский очаг. Вдобавок евреи преподнесли им демократически избранное полуправительство — национальный совет, единственный демократический орган на всем Ближнем Востоке.

Барак Бен Канаан, доктор Хаим Вейцман и другие сионистские вожди вступили в исторические переговоры с Фейсалом, тогдашним вождем арабского мира. Был подписан договор о взаимной дружбе, в котором стороны обязывались уважать чаяния друг друга. Арабы приветствовали возвращение евреев и признали их исторические права на Палестину, а также их общечеловеческое право на отечество. Кроме того, арабы прямо заявили, что приветствуют культуру и «еврейское золото», которые репатрианты завозят в страну. Евреи назывались в договоре пионерами и носителями прогресса.

В Палестине, как и всюду в арабском мире, не существовало представительных органов власти. Когда англичане потребовали от арабов, чтобы они создали такой орган, началась обычная грызня между феодальными кланами, кото-

рые представляли лишь небольшой процент арабского населения.

Наибольшим влиянием пользовался род эль-Хусейни, который владел обширными земельными участками в районе Иерусалима. Остальные эфенди объединились против эль-Хусейни, и этот раскол сделал объединение арабов под единой властью совершенно невозможным.

Во главе рода эль-Хусейни стоял самый хитрый и коварный интриган, какой только рождается в этих краях. Его звали Хадж Эмин эль-Хусейни. Когда-то Хадж Эмин сражался на стороне турок, но теперь, как и десятки других арабских вождей, решил воспользоваться падением Оттоманской империи в собственных интересах. Первым делом он решил наложить лапу на Палестину и стать иерусалимским муфтием. После Мекки и Медины Иерусалим считался самым святым мусульманским городом. При турках должность муфтия была лишь почетным титулом. По-настоящему миром ислама и всеми мусульманами правил Стамбул. Но когда Оттоманская империя пала, а Палестиной завладела христианская держава, должность муфтия приобрела громадное значение. От мусульман всего мира поступали огромные суммы на содержание святых мест. Когда-то этими суммами распоряжался султан, но теперь они оседали в казне муфтия. Существовала и другая причина, побуждавшая Хадж Эмина добиваться должности муфтия. Палестинские феллахи были на девяносто девять процентов неграмотны. Единственным средством массовой информации служила паперть. Склонность феллахов к религиозной истерии могла при умелом подстрекательстве стать весьма эффективным политическим оружием.

Одно мешало Хадж Эмину: по мусульманскому закону эту должность мог получить лишь прямой потомок Магомета. Хадж Эмин устранил это препятствие женитьбой на девушке из рода Пророка. Этим, уверял он, было выполнено условие, предусмотренное адатом.

Арабские эфенди знали о претензиях Хадж Эмина и опасались их. На выборах, назначенных после смерти старого муфтия, ему досталось лишь четвертое место. Это его ничуть не обескуражило. Клан эль-Хусейни так запугал первых трех кандидатов, что они сами неожиданно отказались от должности.

Теперь главным препятствием к осуществлению его честолюбивых планов стало возвращение евреев в Палестину.

В мусульманский праздник рождества Моисея новый муфтий произнес ядовитую проповедь, полную ненависти к евреям. Толпа феллахов впала в неистовство и учинила погром. Они обошли стороной кибуцы и города, где евреи могли постоять за себя, и вырезали беззащитных благочестивых стариков в священных городах Сафед, Тивериада, Хевроне и Иерусалиме.

Когда вспыхнул погром, Руфь была в Тивериаде, на пути из Шошаны в Эйн-Ор. Ее схватили и убили вместе с дочерью Шароной.

Акива был безутешен. Барак помчался в Эйн-Ор и увез брата в Тель-Авив. Теперь он снова, как в дни юности, не спускал с него глаз. Прошли месяцы, прежде чем Акива пришел в себя, однако в душе у него осталась глубокая рана, которая не зажила никогда.

Когда англичане получили мандат на Палестину, многие поселения сдали оружие. Если бы арабы осмелились напасть на них, то смогли бы вырезать всех до единого. Ответственность за соблюдение порядка в стране лежала теперь на англичанах, и ишув терпеливо ждал, чтобы те обуздали фанатиков и отдали убийц под суд. При турецкой власти такого быть не могло: какими бы продажными ни были турки, убийств они не терпели.

Специальная следственная комиссия признала Хадж Эмина эль-Хусейни виновным, но его помиловали!

Сразу после этого английское министерство колоний выпустило Белую книгу, излагавшую новую британскую политику, согласно которой иммиграция евреев должна была происходить впредь лишь в пределах «экономической интеграции». Это произошло как раз в те дни, когда Черчилль осуществил раздел подмандатной Палестины, чтобы на большей части этой территории создать Трансиорданию. Так завершилась первая, сравнительно благоприятная эпоха ишува.

Благожелательное отношение англичан к евреям лопнуло, как пузырь. Национальный совет и Сионистское поселенческое общество созвали в Тель-Авиве тайное совещание пятидесяти лидеров ишува. Для участия в нем специально прилетел из Лондона доктор Вейцман. Были здесь Барак и Акива, который еще не совсем оправился от своего горя. Присутствовал Ицхак Бен Цви.

Крепко сбитый, невысокого роста молодой человек с густыми бровями, представитель Второй алии, которого

звали Давидом Бен Гурионом, тоже участвовал в совещании. Многие предчувствовали, что этот пламенный сионист, то и дело цитирующий Библию, станет в дальнейшем вождем ишува.

В совещании принимал участие Авидан, лысый великан, приехавший во время Третьей алии из России, где он храбро сражался в рядах русской армии. Его считали заменой погибшему Трумпельдору и прочили в командующие еврейскими вооруженными силами.

Совещание открыл Барак Бен Канаан. Мужчины, собравшиеся в подвальном помещении, слушали его напряженно, с трудом подавляя гнев. Барак говорил о бедствиях, во все века выпадавших на долю евреев только потому, что они родились евреями. И вот именно здесь, где они надеялись избавиться от преследований, произошел погром.

Доктор Хаим Вейцман представлял группу, которая считала, что раз англичане осуществляют официальную власть в стране, то именно с ними и следует вести открытые, законные переговоры. Ведь англичане целиком отвечают за безопасность жителей Палестины.

Другая группа, ультрапацифисты, напоминала, что вооружение евреев вызовет новые трудности во взаимоотношениях с арабами.

Резко противоположную позицию занимали активисты, которых возглавлял Акива. Они требовали немедленных решительных мер в ответ на погромы. Эти люди говорили, что надежда на благожелательное отношение и защиту со стороны колониальных властей — иллюзия. Англичане защищают только собственные интересы. Любые торжественные заявления и документы куда меньше действуют на арабов, чем заряженная винтовка.

Прения затянулись за полночь. Одни проклинали англичан, другие превозносили их. В противоположность крайним взглядам Бен Гурион, Бен Канаан, Авидан и другие предлагали реалистичный, средний путь. Признавая необходимость вооружиться, они в то же время не отказывались и от законных путей.

Эти люди, которых поддерживало большинство ишува, решили тайно создать и обучить милицию. Цель одна — самозащита. Официально представители ишува о ее существовании знать не должны, но втайне милиции будет оказана всяческая помощь. Теперь евреи смогут продолжать

переговоры с англичанами и в случае надобности давать отпор арабам.

Главой новой организации, названной Хаганой — армией самообороны, избрали опытного воина Авидана.

ГЛАВА 13

Третья волна иммиграции хлынула в недавно купленные Ездrelонскую и Саронскую долины, в Самарию, в горы Иудеи и Галилеи и даже на юг, в пустыню. Земля пробудилась от вековой спячки. Иммигранты завезли сельскохозяйственные машины, ввели севооборот и использование удобрений, построили ирригационные системы. Помимо винограда, цитрусовых и маслин, которые шли в основном на экспорт, выращивались пшеница, овощи, фрукты, лен. Развивались птицеводство и скотоводство. Внедрялись новые культуры и увеличивалась урожайность старых.

Иммигранты добрались до Мертвого моря, принялись за солончаки, на которых тысячи лет ничего не росло, и заставили их давать урожай. Они рыли пруды и разводили рыбу.

К середине двадцатых годов около пятидесяти тысяч евреев в сотне новых поселений возделывали свыше полумиллиона дунамов земли. Многие из них носили голубые рубашки кибуцников. Они посадили около миллиона деревьев. Пройдет десять — двадцать лет, и деревья надежно защитят землю от эрозии. Лесопосадки стали навязчивой идеей ишува. Куда бы евреи ни пришли, они оставляли за собой леса.

Новым поселениям присваивали библейские названия. Возникали новые звучные названия: Бен-Шемен — Сын Масла, Дегания — Василек, Эйн-Ганим — Садовый родник, Кфар-Иехезкиел — Село Иезекииля, древнего библейского пророка, Мерхавия — Просторы, Тель-Иосеф — Холм Иосифа. Кибуц, расположенный у входа в долину Хулы, столь милую сердцу Барака, был назван Аелет-Гашахар — Утренняя звезда. Был и Гешер — Мост, и Гиват-Гашлоша — Холм Трех. Каждый месяц приходилось подыскивать название новому поселению.

Кибуцное движение, дитя суровой необходимости, стало основой заселения страны. Кибуцы были в состоянии принять массу новых иммигрантов.

И все же не каждый смог приспособиться к коллективной жизни. Многие женщины, которые решительно боролись за равноправие, не слишком дорожили им после того, как оно было достигнуто. Другим не доставало личной свободы. Третьим не нравилось, что дети растут отдельно от родителей. Многим не хватало земельного участка и двора, которые они могли бы назвать своими. Поэтому небольшая группа откололась от кибуцного движения и стала называться движением мошавов. В мошаве каждый имел свой участок и свой личный двор. Общественными были только управление и сельскохозяйственные машины. Некоторые культуры возделывались сообща, всем мошавом, а снабжением и сбытом занималась организация, действующая на кооперативных началах.

Главное отличие мошава от кибуца заключалось в относительно большей личной свободе. И еще в том, что каждая семья жила отдельно и обрабатывала свой участок так, как считала нужным. Первый мошав создали в Ездзелонской долине и назвали Нахалал — Наследство. Это безнадежно заболоченное место поселенцы после долгих лет нечеловеческого труда сумели превратить в плодородную землю.

Недостатком мошава было то, что его члены работали только на себя, и значит, он не мог принять столько новых иммигрантов, как кибуцы. Тем не менее оба движения развивались и крепили.

С ростом ишува осложнялись и его проблемы. Барак Бен Канаан, теперь уже всеми уважаемый ветеран, не знал покоя. К нему ходили советоваться по любому вопросу. Сионизм стал громоздкой машиной. В ишуве появилось множество политических течений. После погромов взаимоотношения с арабами усложнились. Не менее запутанными стали и отношения с англичанами — особенно после того, как они пренебрегли Бальфурской декларацией и параграфами мандата. Хотя беспорядков и погромов больше не было, атмосфера оставалась напряженной. Каждый Божий день случались нападения, кражи, выстрелы из-за угла. Не прекращались враждебные проповеди в мечетях. Хадж Эмин эль-Хусейни продолжал свое черное дело и прилагал все усилия, чтобы вражда не стихала.

Шел 1924 год. Однажды Барак вернулся в Тель-Авив из Иерусалима после очень трудной недели в национальном совете. Он всегда бывал счастлив, когда возвращался в свою квартиру на улице Гаярсон, из окон которой открывался

чудесный вид на Средиземное море. На этот раз его ждал дома старый друг Камал, мухтар из Абу-Йеши.

— Много лет я стараюсь помочь моему народу. Больно признаться в этом, но нет хуже эксплуататоров, чем наши арабские эфенди. Они ничего не хотят делать для феллахов...

Барак слушал внимательно. В устах араба это было в высшей степени необычное признание.

— Я видел, как евреи приезжали сюда и совершали чудеса. У нас нет ничего общего: ни религии, ни языка, ни обычаев. Я даже не уверен, что евреи не завладеют когда-нибудь страной. Но... евреи — единственное спасение для арабов. Именно они, впервые за тысячу лет, принесли свет в эту заброшенную землю.

— Я знаю, Камал, вам нелегко говорить об этом...

— Дайте досказать. Если мы только сможем жить мирно, как добрые соседи, то хоть мы и далеки друг от друга, но в конце концов мы тоже извлечем выгоду из всего того, что делаете вы. Я просто не вижу другого пути для арабов, Барак, хотя и не разобрался еще, хорошо это или плохо.

— Мы ни разу не давали повода сомневаться в нашем искреннем стремлении к миру.

— Да, но есть силы гораздо могущественнее, чем мы с вами, и они легко могут развязать конфликт помимо нашей воли.

А ведь он прав, подумал Барак, очень и очень прав.

— Барак, я хочу продать Сионистскому поселенческому обществу те земли у озера Хулы, которые вам всегда так нравились.

Сердце Барака забилося.

— Я делаю это не только из дружеских чувств и ставлю некоторые условия. Вы должны позволить арабам из Абу-Йеши перенять ваш сельскохозяйственный и санитарный опыт. Для этого, конечно, потребуется время. Кроме того, я хочу, чтобы часть детей нашего села, самые способные, могли посещать вашу школу.

— Мы с удовольствием предоставим им эту возможность.

— И еще одно условие.

— А именно?

— Вы сами должны переехать туда.

Барак встал и почесал свою лохматую бороду.

— Я? Почему именно я?

— Потому что, покуда вы там, я буду уверен, что усло-

вия будут соблюдаться и мы все сможем жить в мире. Я проникся доверием к вам еще в тот день, когда вы впервые появились мальчиком в Абу-Йеше, тридцать с лишним лет тому назад.

— Я подумаю, — ответил Барак.

— Ну и что ты скажешь Камалу? — спросила Сара.

Барак пожал плечами.

— Что я могу сказать? Мы не можем, вот и все. Как жалко. Годами я умолял его продать эту землю. Если мы теперь туда не поедем, то уже никогда ее не получим.

— Да, жалко, — согласилась Сара, разливая чай.

Барак шагал по комнате. Вид у него был несчастный.

— В конце концов, Сара, — бормотал он, — я нужен здесь. Тут и национальный совет, и поселенческое общество. Ведь я же не конфетами торгую.

— Конечно нет, дорогой, — сочувственно ответила Сара. — Ты тут незаменим. Весь ишув нуждается в тебе.

— Да, — сказал он, продолжая шагать по комнате, — к тому же мы с тобой уже не дети. Мне шестой десяток, а с этой землей придется здорово повозиться.

— Ты прав, Барак. Мы слишком стары, чтобы снова стать пионерами. Ты уже сделал свое для строительства этой страны.

— Точно! Придется отказать Камалу.

Он тяжело опустился в кресло и глубоко вздохнул. Ему не удалось убедить себя. Сара стояла над ним и улыбалась.

— Никак, ты смеешься надо мной? — спросил он тихо. — Что ты там затеяла?

Она села к нему на колени, такая маленькая. Он погладил ее волосы своими ручищами, которые вдруг стали удивительно нежными.

— Я думала о тебе и Ари. Работа, конечно, будет очень тяжелая, да и вообще будет нелегко.

— Молчи и пей чай.

Барак уволился из поселенческого общества, продал тель-авивскую квартиру и вместе с двадцатью пятью семьями репатриантов отправился в район болот Хулы, чтобы строить новый мошав Яд-Эль — Рука Господня.

Они разбили палатки ниже полей Абу-Йеши. Редко кому приходилось сталкиваться с такими трудностями. Болото было глубокое, с густой растительностью, полусгнившими корягами, над которыми возвышались заросли трост-

ника и папоротника. В нем кишели ядовитые змеи, скорпионы, крысы и прочая нечисть. По ночам у одинокого лагеря кружили волки. Решительно все, в том числе и воду для питья и хозяйственных надобностей, приходилось завозить на мулах.

Саре поручили работу в больничной палатке и на кухне. Барак руководил работой бригад, которые каждый день отправлялись на болото с лопатами и кирками.

Первое изнурительное лето они работали без выходных в невыносимый зной, стоя по пояс, а то и по горло в воде, вырубая бурелом и прокладывая сточные канавы. По вечерам они не чуяли рук от непрерывной работы топорами. Женщины работали на болоте вместе с мужчинами. Один из трех детей мошава, Ари Бен Канаан — ему уже было десять лет — отгаскивал мусор и носил рабочим еду. Работа шла непрерывно, от зари до зари. И все же у людей оставались силы, чтобы прежде, чем лечь, спеть вместе несколько песен или сплясать хору, хотя для сна им никогда не оставалось больше шести-семи часов. Вдобавок ночью пришлось по очереди караулить лагерь из-за возможных нападений зверей или бедуинов.

Люди спешили закончить дренажные работы до начала зимних дождей. Им ежедневно оказывали помощь окрестные кибуцы и мошавы. Все понимали: если не будет стока, то труд всего лета пойдет насмарку. Попутно посадили сотни австралийских эвкалиптов, которые должны были высасывать воду.

Как ни силен и непреклонен был Барак, но и он начал сомневаться — не слишком ли непосильную ношу взвалили они на себя? Каждый раз, когда он смотрел на Сару и Ари, у него сердце обливалось кровью. Они вечно были искусаны насекомыми, страдали от поноса и нередко голодали.

Страшнее всего была свирепствовавшая среди поселенцев малярия. Сара перенесла пять приступов, Ари — четыре. Лихорадка и жар отнимали все силы, но Сара и Ари терпеливо переносили болезнь.

Многие не выдержали трудностей. Около половины людей вернулись в город, чтобы подыскать себе дело полегче.

А вскоре Яд-Элю пришлось обзавестись собственным кладбищем: двое поселенцев умерли от малярии.

Яд-Эль, Рука Господня! Может быть, их и впрямь при-

вела сюда рука Господа, но осушить болото должны были человеческие руки.

Три года ушло, прежде чем набралось осушенной земли на двадцать пять хозяйств по двести дунамов в каждом. Но радоваться времени не оставалось, нужно было сеять, строить дома.

Ари Бен Канаан, благополучно справившись с малярией и с другими болезнями, вытянулся в рослого парня, крепкого, как скала. В четырнадцать лет он не уступал в работе взрослым.

Когда они переехали в свой дом и посевная оказалась позади, Сара вознаградила Барака за все трудные годы вестью о том, что она беременна.

К концу четвертого года в Яд-Эле произошли два знаменательных события. Сара подарила Бараку девочку с такими же, как у него, огненно-рыжими волосами. Вторым событием стал праздник первого урожая, снятого в Яд-Эль.

Вот тут-то усталые труженики приостановили наконец свою бесконечную работу и устроили праздник. Съехались кибуцники и мошавники со всей округи, помогавшие в трудную минуту жителям Яд-Эля, пришли арабы из Абу-Йеши. Целую неделю шел пир горой, и ночи напролет отплясывали хору, пока люди под утро не валились с ног от радостной усталости. Все любовались дочерью Барака и Сары. Ей дали имя Иордана, по названию реки, протекавшей тут же, на окраине Яд-Эля.

В самый разгар праздника Барак позвал Ари, они оседлали коней и поскакали в Тель-Хай, туда, где сорок лет назад Барак пересек границу Земли Обетованной. Тель-Хай, место гибели Иосифа Трумпельдора, чтит весь ишув. Барак остановился на вершине горы и посмотрел вниз на Яд-Эль.

— Я привел сюда твою мать, прежде чем мы поженились, — сказал он Ари, обняв сына за плечи. — Когда-нибудь в этой долине будут десятки сел, и она будет зеленеть круглый год.

— До чего же красив наш Яд-Эль! — воскликнул Ари.

Внизу вращались дождевые установки, строилась новая школа. На огромном дворе стояли трактора и другие машины. По всему селу виднелись кусты роз, клумбы и просторные газоны. Вдоль дорожек росли деревья.

Но было и горе: на кладбище в Яд-Эле появилось уже пять могил.

Как полагал Камал, Яд-Эль производил на арабов Абу-Йеши большое впечатление. Процветание мошава было для них совершенно неожиданным. Барак честно выполнял условия договора: организовал для арабов курсы, где их обучали гигиене, санитарии, работе на сельскохозяйственных машинах и передовым агротехническим методам. На эти курсы мог поступить каждый молодой житель Абу-Йеши. Врач и медсестра Яд-Эля обслуживали и арабов.

Любимый сын Камала — Таха, будущий мухтар Абу-Йеши, был чуть моложе Ари. Он проводил в Яд-Эле больше времени, чем в собственном селе, и стал закадычным другом Ари.

Яд-Эль и Абу-Йеша жили мирно, доказывая, что арабы и евреи могут сосуществовать, несмотря на различные традиции. Тем временем многие феодальные семейства Палестины испытывали все большее опасение за свое будущее. Их пугал дух прогресса, привезенный третьей волной иммиграции.

Вначале феодалы продавали переселенцам бесполезные, на их взгляд, болота и выветрившиеся скалистые холмы, стремясь получить как можно больше «еврейского золота». Они не сомневались, что у евреев ничего не получится. Тем, однако, не отступали перед трудностями и творили чудеса. Земля становилась плодородней, а по всей Палестине возникали новые города.

Пример евреев мог привести к нежелательным последствиям. Что, если феллахи тоже начнут требовать образования и медицинского обслуживания? Вдруг феллахам взбредет на ум, Боже упаси, тоже ввести у себя самоуправление и свободные выборы, а право голоса получают не только мужчины, но и женщины? Это было бы катастрофой для привычного жизненного уклада!

После нескольких лет относительного спокойствия Хадж Эмин эль-Хусейни начал новую кампанию, в результате которой прокатилась новая волна погромов.

Место в Иерусалиме, где стоял Храм на скале, или мечеть Омара, священо для мусульман: именно отсюда, по преданию, Магомет вознесся на небо. Рядом стоит стена, сохранившаяся от еврейского Храма, разрушенного римлянами в 76 году нашей эры. Эта стена — святое место для евреев. Около нее всегда собираются группы благочестивых евреев, молящихся и оплакивающих былое величие Израиля. Именно поэтому эту стену так и называют — Стена плача.

Муфтий распространил фотографии, на которых евреи, собравшиеся у Стены плача, якобы готовятся осквернить мечеть Омара. Этого хватило, чтобы фанатики учинили погром, набросившись на беззащитных стариков. Кривая резня на этот раз была гораздо страшнее, чем погромы, спровоцированные тем же муфтием десять лет назад. Погромщики разгромили несколько поселений и бесчинствовали на дорогах. Жертвы с обеих сторон исчислялись тысячами. Англичане и на этот раз оказались бессильны остановить резню.

Они назначили следственную комиссию, которая однозначно установила вину арабов. И все же, по какой-то странной логике, не считаясь ни с Бальфурской декларацией, ни с параграфами мандата, комиссия предложила ограничить иммиграцию и приобретение земли евреями, «чтобы не вызывать у арабов лишних опасений».

ГЛАВА 14

В том же 1929 году земледельцы Яд-Эля заключили договор с мельником арабского села Аата, расположенного километрах в десяти от кибуца.

Как-то Барак поручил Ари отвезти на мельницу зерно. Сара не хотела, чтобы четырнадцатилетний мальчик отправлялся в путь один, да еще когда существует угроза. Барак твердо стоял на своем: ни Ари, ни Иордана не должны знать страха, который отравлял жизнь евреев в гетто.

Ари, польщенный доверием отца, сиял от гордости, когда забирался в запряженную осликом повозку с дюжиной мешков пшеницы. Мальчик гикнул, и повозка тронулась в сторону Ааты.

Как только Ари въехал в село, арабские подростки, стоявшие возле кофейни, заметили его, подождали, пока он свернет за угол, и украдкой последовали за ним на мельницу.

Ари договорился с мельником на арабском языке, которому научился у Тахи, и тщательно проследил, чтобы всю намотую муку высыпали в мешки и не подмешали, чего доброго, муку худшего качества. Мельник, который надеялся поживиться на этой сделке хотя бы мешком зерна, был удивлен смысленностью подростка.

Закончив дела на мельнице, Ари отправился обратно в Яд-Эль. Подростки тем временем договорились с мельником, что он купит у них муку, которую они отнимут у Ари,

и, обогнав мальчика коротким путем, устроили на дороге засаду.

Через несколько минут появился ничего не подозревавший Ари. Парни выскочили из укрытий и начали бросать камни. Ари стегнул ослика кнутом, но дорога была завалена булыжником, и ему волей-неволей пришлось остановиться. Его столкнули с повозки, зверски избили и оставили полуживого на дороге. Пока четверо парней его избивали, остальные стащили мешки с повозки и убежали.

Мальчик вернулся в Яд-Эль лишь поздно ночью.

Сара открыла дверь и вскрикнула, увидев его окровавленное лицо и разорванную одежду. Не говоря ни слова, он постоял с минуту, затем, сжав зубы, ринулся мимо матери в свою комнату и закрылся на замок.

Сколько мать ни упрашивала, Ари так и не открыл дверь, пока Барак не вернулся с собрания в мошаве.

Затем он предстал перед отцом.

— Я тебя подвел... У меня отняли муку, — процедил он сквозь губы.

— Не ты меня, а я тебя подвел, — ответил Барак.

Сара бросилась к мальчику и обняла его.

— Никогда, никогда он больше не поедет один.

Барак не произнес больше ни слова.

На следующее утро, перед тем, как отправиться в поле, он взял сына за руку и повел в амбар.

— Я упустил кое-что в твоём воспитании, — сказал Барак, снимая с гвоздя старый кнут. Он сделал чучело, прибил его к перегородке и показал Ари, как прикидывать глазом расстояние, как целиться, как ударять. Как только зашвистел кнут, прибежала Сара с Иорданой на руках.

— Ты с ума сошел! Ведь он еще совсем маленький!

— Проваливай отсюда! — заревел Барак таким голосом, какого она ни разу от него не слыхала. — Сын Барака Бен Канаана — вольный человек! Он никогда не будет евреем из гетто. Ну, теперь ступай, у нас дело.

Ари упражнялся с кнутом с утра до вечера и рассек чучело в клочья. Еще несколько дней он сражался с камнями, пустыми консервными банками и бутылками, пока не научился поражать их резким движением запястья. К вечеру у него немела рука.

Спустя две недели Барак снова погрузил в повозку десяток мешков пшеницы, обнял сына за плечи, повел к повозке и вручил ему кнут.

— Свези пшеницу в Аату на мельницу.

— Да, отец, — тихо ответил Ари.

— Помни, сын: у тебя в руках оружие, но пусть оно служит только справедливости. Никогда не пользуйся им в порыве гнева или ради мести. Только для защиты.

Ари прыгнул на повозку, выехал из села и повернул на шоссе. Сара, тихо плача, побежала в спальню.

Барак занялся тем, чего не делал уже много лет: сел и принялся читать Библию.

Арабские подростки и на этот раз устроили Ари засаду на обратном пути, в километре от Ааты. Но теперь Ари был начеку. Помня наставления отца, он оставался спокойным. Когда полетели первые камни, мальчик спрыгнул с повозки, нашел взглядом жоака, прицелился и молниеносно взмахнул рукой. Кнут засвистел в воздухе и обвил шею парня. Рывок — и жоак лежит распростертый на земле. Вторым рывком Ари освободил кнут и с такой силой ударил противника, что рассек ему мышцы до самых костей. На этом бой закончился: напавшие бросились врассыпную.

Бледный от волнения Барак ждал сына. Солнце склонилось к закату, но Ари все не было. Отец вышел к околице. Наконец показалась повозка с осликом, и лицо Бен Канаана расплылось в широкой улыбке. Ари остановил повозку перед отцом.

— Молодец, Ари! Как съездил?

— Хорошо.

— Я сам разгружу муку. Иди к матери, она почему-то беспокоилась.

К 1930 году погромы прекратились. Впрочем, в Абу-Йеше и Яд-Эле их и не было. Большинство деревень вдали от Иерусалима, за пределами сферы влияния муфтия, не принимали участия в беспорядках.

Ари Бен Канаан рос, все больше становясь похожим на отца, и не только внешне. Рассудительный и настойчивый, он понимал, как важно поддерживать хорошие отношения с арабскими соседями. Таха по-прежнему был его близким другом.

Ари влюбился в девушку, которую звали Дафной. Ее родители жили в километре от Бен Канаанов. Все были убеждены, что рано или поздно Ари и Дафна поженятся: никого, кроме друг друга, они не замечали.

Маленькая рыжая Иордана росла живой, непослушной

девочкой. Таковы были многие, родившиеся в Палестине. Родители, воспитанные в гетто и познавшие все страхи и унижения, выпавшие на долю евреев только потому, что они родились евреями, были полны решимости избавить своих детей от этих страхов. Нередко они даже перегибали палку в стремлении вырастить их вольными и сильными.

В пятнадцать лет Ари стал бойцом Хаганы, тайной армии самообороны. Дафна, которой не было еще тринадцати, тоже умела обращаться с оружием. Это было новое поколение, новая порода евреев, которой предстояло решать задачи, непосильные даже для отважных людей Второй и Третьей алии. Хагана достаточно окрепла, чтобы обуздать приверженцев муфтия и отбить у них охоту разбойничать, однако устранить причины погромов сил не хватало; с этим могли справиться только англичане.

Пользуясь нерешительностью англичан, муфтий все больше наглел. Он созвал в Иерусалиме конференцию мусульманских вождей, которая создала организацию для, как было громогласно заявлено, спасения ислама от англичан и жидов. Возглавил ее сам Хадж Эмин.

Добрые отношения первых лет и то, что евреи подняли благосостояние Палестины, заброшенной и никому не нужной тысячу лет, — все это вмиг забылось, как только раздались подстрекательские проповеди иерусалимского муфтия. Уничтожение еврейского очага стало священной задачей панарабизма.

Одновременно произносились демагогические речи против англичан. Они, дескать, лгали, обещая арабам независимость, а сами поддерживали евреев против арабов. Арабские демагоги неистовствовали, но англичане словно не замечали этого.

В 1933 году на евреев обрушилось страшное бедствие: в Германии пришел к власти Гитлер, который сразу набросился на выдающихся деятелей еврейского происхождения. Наиболее дальновидные из них покинули Германию, многие нашли убежище в Палестине.

Создание национального очага для евреев становилось все более необходимым, преследования могли вспыхнуть в любой момент и в любой части земного шара. Это понимал каждый еврей.

Немецкие евреи, бежавшие от Гитлера, сильно отличались от восточноевропейских евреев. Они успели ассимилироваться в Германии и не были убежденными сионистами.

Это были не мастеровые или торговцы, а врачи, юристы, ученые и инженеры.

В 1933 году вожди призвали арабов провести всеобщую забастовку в знак протеста против еврейской иммиграции в Палестину. Были даже попытки вызвать новую волну погромов. Однако на этот раз ничего не вышло. Большинство арабов, поддерживавших деловые связи с евреями, выступили против этого; многие села, например Абу-Йеша и Яд-Эль, продолжали жить в добром согласии друг с другом. Кроме того, Хагана была начеку и не допустила бы повторения беспорядков 1929 года.

На призывы к забастовке англичане снова ответили лишь уговорами да назначением новых комиссий. На этот раз они установили ограничения на иммиграцию евреев и на приобретение ими земли. Именно тогда, когда ишув отчаянно нуждался в открытой иммиграции, англичане предпочли забыть о своих обещаниях.

Еврейский национальный совет принял ответные меры. Так возникла Алия Бет.

Муфтий тем временем продолжал требовать, чтобы англичане направили флот для борьбы с Алией Бет и блокады палестинского побережья.

Влияние Хадж Эмина эль-Хусейни росло с каждым днем, он нашел могущественного союзника — Гитлера. Немцев, имевших свои планы насчет Ближнего Востока, создавшееся там положение весьма устраивало. Их пропаганда на все лады перепевала тезис, будто евреи стремятся захватить земли арабов точно так же, как хотели захватить Германию. Ненависть к евреям и к британскому империализму — какая музыка для слуха муфтия! У немцев дела шли неплохо, да и Хадж Эмин эль-Хусейни наконец-то нашел способ обеспечить себе власть над арабским миром.

Немецкие деньги открыли истинное лицо Каира и Дамаска. Немцы — наши друзья! Арабская земля — для арабов! Долой англичан и еврейских марионеток! Высшие круги Каира, Багдада и Дамаска обменивались дружескими рукопожатиями с нацистами.

Пока над ишувом собирались тучи, у него осталась одна надежда — Хагана. Эта тайная армия не была официально связана с Еврейским национальным советом. Евреи делали вид, что слыхом о ней не слыхали, но англичане знали, что Хагана существует, и — что было гораздо важнее — об этом знал муфтий.

Хагана стала мощной силой, насчитывающей свыше двадцати пяти тысяч мужчин и женщин, почти поголовно — добровольцев; лишь несколько десятков командиров получали жалованье. У нее была небольшая, но в высшей степени профессиональная разведка. С Хаганой сотрудничали многие британские офицеры, и она могла купить сколько угодно арабских шпионов. В каждом городке, в каждом селе, кибуце или мошаве имелись ее ячейки. Секретный пароль мог поднять тысячи мужчин и женщин, которые за несколько минут получили бы оружие на тайных складах.

Авидан, лысый, гигантского роста человек, глава Хаганы, полтора десятка лет создавал эту организацию под носом у англичан. Хагана действовала в высшей степени слаженно: она руководила нелегальной иммиграцией, вела подпольные радиопередачи, ее агентурная сеть охватила весь мир, всюду скупалось оружие и переправлялось в Палестину.

Существовали сотни способов нелегального ввоза оружия. Чаще всего его прятали в строительное оборудование: в паровой каток укладывали до ста винтовок. Каждый ящик, каждый агрегат, даже консервная банка или бутылка вина, могли служить тайником для провоза оружия. Чтобы остановить контрабанду, англичанам пришлось бы подвергать тщательной проверке все подряд. Возможно, именно поэтому британские служащие смотрели на нее сквозь пальцы.

Весь ишув принимал участие в провозе и сокрытии оружия. Винтовки и пистолеты любых образцов имелись в Хагане хотя бы в двух-трех экземплярах. Ни в одном арсенале мира не было такой коллекции. На складах Хаганы хранились даже тросточки, из которых можно было стрелять — правда, только один раз. Однако тяжелое вооружение провозить не удавалось, и простейшие пушки приходилось делать тайком на месте.

Кибуцы прекрасно справились не только с освоением земель, но и с созданием вооруженных отрядов. В селах было несложно обучать молодых бойцов. Десяток-другой будущих воинов легко растворялись среди нескольких сот кибуцников. Кибуцы оказались также наиболее подходящим местом для тайного хранения и производства оружия. А главное — здесь без труда размещали новоприбывших нелегальных иммигрантов. Не случайно именно из кибуцев вышло большинство лучших командиров Хаганы.

Основная сила Хаганы состояла в безоговорочном признании ишувом ее авторитета. Распоряжения ее штаба вы-

полнялись беспрекословно. Авидан и остальные руководители Хаганы соблюдали чрезвычайную осторожность и пускали в ход оружие только в целях самообороны. Когда в 1933 году была объявлена всеобщая забастовка, Авидан предупредил, что не намерен вмешиваться в события. «Палестина будет завоевана нашим потом». Это была армия, которая не давала себя спровоцировать.

И все же многие ее бойцы проявляли нетерпение и требовали немедленных действий в ответ на любое нападение.

Так же считал и Акива. Официально он числился членом кибуца Эйн-Ор, в действительности же был одним из ведущих деятелей Хаганы: ему поручили оборону всей Галилеи.

Годы состарили Акиву гораздо сильнее, чем Барака. Лицо его прорезали глубокие морщины, борода почти вся поседела. Он так и не оправился после гибели Руфи и Шароны.

Акива выдвинулся в лидеры крайней фракции Хаганы, которая требовала активных действий. По мере того как положение обострялось, группа Акивы становилась все воинственнее. За пределами Палестины тоже появились группы сионистов, которые его поддерживали.

Когда англичане объявили блокаду палестинского побережья, терпение Акивы лопнуло, и он решил действовать.

Весной 1934 года Авидан срочно вызвал Барака в Иерусалим.

— Плохая новость, Барак, — сказал он. — Твой брат Акива вышел из Хаганы и увлек за собой десятки командиров. Сотни наших людей хотят последовать их примеру.

Барак глубоко вздохнул.

— Он уже давно грозил этим. Вообще-то я удивляюсь тому, как он сдержанно вел себя до сих пор. Он бунтарь с юности, с тех пор, как убили нашего отца, а гибель жены нанесла ему новый удар...

— Ты не представляешь, — сказал Авидан, — сколько сил мне приходится тратить, чтобы удерживать ребят от опрометчивых действий. Если только дать им волю, они завтра же объявят войну англичанам. Мы с тобой и даже с Акивой мыслим одинаково, но он может погубить нас всех. Ведь добиться всего, чего мы добились в Палестине, нам удалось именно потому, что, несмотря на наши распри, мы всегда действовали заодно. Англичанам и арабам приходилось

вести переговоры с нами как со сплоченным воедино народом. Теперь у Акивы эти отряды горячих голов... Если они начнут террор, отвечать придется всему ишуву.

Барак поехал на север, в Эйн-Ор, расположенный неподалеку от его Яд-Эля. Как и большинство кибуцев, Эйн-Ор превратился в цветущий сад. Его основатель Акива жил в двухкомнатном коттедже, битком набитом книгами. У него был даже радиоприемник и личная уборная — большая редкость в кибуцах того времени. Акива любил Эйн-Ор, как раньше любил Шошану. После смерти Руфи и Шароны Барак долго упрашивал его переехать к ним в Яд-Эль, но Акива предпочел не расставаться со своими горестными воспоминаниями.

Разговор братьев не складывался. Акива заранее предугадал доводы Барака. Он нервничал, предчувствуя, что на этот раз дойдет до разрыва.

— Итак, господа из совета послали тебя уговаривать меня. Они становятся большими мастерами уговоров.

— Я бы и без их просьбы приехал, как только узнал о безумии, которое ты затеял, — ответил Барак.

Акива зашагал по комнате. Барак не отрывал от него глаз. В Акиве бушевал тот же злой огонь, что и в юные годы.

— Я делаю всего лишь то, что и сам национальный совет считает правильным, но делать боится. Рано или поздно им тоже придется посмотреть правде в глаза. Англичане — наши враги.

— Мы так не думаем, Акива. В конце концов мы немалого добились при их власти.

— В таком случае ты просто дурак.

— Может, я и бывал не прав. Но, что ни говори, англичане — законная власть.

— И спокойно смотрят, как нас режут, — издевательски произнес Акива. — Господа из национального совета ходят с портфелями, вручают вежливые ноты, делятся мнениями, заискивающе кланяются, а тем временем муфтий и его говорезы творят что хотят. Ты когда-нибудь видел, чтобы арабы вступали в переговоры?

— Мы добьемся своего законным путем.

— Мы добьемся своего в борьбе!

— Пусть так. Но тогда мы должны вступить в борьбу сплоченно. Создавая свои отряды, ты становишься на одну доску с муфтием. Ты когда-нибудь думал, что будет, когда англичане покинут Палестину? Как бы ты ни был прав, но

они все-таки пока единственное наше орудие на пути к государственной независимости.

Акива презрительно отмахнулся.

— Мы добьемся государственной независимости так же, как возродили эту страну — потом и кровью. Я не желаю сидеть сложа руки и ждать подачек от англичан.

— Последний раз прошу, Акива. Не делай этого. Наши враги станут показывать на нас пальцем, а ты дашь им еще один повод для лживой пропаганды.

— Ах вот оно что! — закричал Акива. — Вот мы и добрались до сути. Евреи, значит, должны играть твердо по правилам, евреям нельзя применять силу. Им дозволено только умолять и выпрашивать! Еврей обязан подставлять щеку!

— Перестань!

— Не перестану! — продолжал кричать Акива. — Все что угодно, только не драться! Не то немцы, арабы и англичане подумают, чего доброго, что мы плохие ребята!

— Я говорю, перестань!

— Ты остался евреем из гетто, Барак. И ты, и твои дружки из национального совета. Но вот что я тебе скажу, мой дорогой брат! Перед тобой человек, который не боится поступить дурно и твердо решил не сдаваться. Наплевать на то, что скажет этот твой трижды проклятый мир.

Барака трясло от гнева, но он изо всех сил сдерживался. Акива же говорил и говорил. И так ли уж он был не прав? Сколькo горя и унижений, измен и побоев должен вынести человек, прежде чем ответит ударом?

Барак поднялся и направился к двери.

— Скажи Авидану, господам из совета и всем этим мелким маклерам, что Акива и маккавеи велят передать англичанам и арабам: «Око за око, зуб за зуб!»

— Чтобы ноги твоей не было в моем доме, — сказал Барак.

Братья стояли друг против друга. В глазах Акивы заблестели слезы.

— В твоём доме?

Барак не отвечал.

— Мы же с тобой братья, Барак. Ты меня на своем горбу принес в Палестину.

— О чем теперь жалею.

У Акивы задрожали губы.

— Я такой же еврей, как и ты, и не меньше твоего люблю Палестину. Можно ли осуждать меня, если я следую велению совести?

Барак вернулся в комнату.

— Ты и твои маккавеи натравливаете брата на брата. Еще когда мы были детьми, ты ловко подбирал цитаты из Библии. Так вот, почитал бы теперь про зилотов, которые натравливали брата на брата и привели Иерусалим к разрушению римлянами. Вы называете себя маккавеями, но вы — зилоты.

Барак снова направился к двери.

— Помни одно, Барак Бен Канаан, — сказал Акива. — Что бы мы ни сделали, это не сравнится с тем, что творили с нами. Дела маккавеев придется сопоставлять с убийством, которое длилось две тысячи лет.

ГЛАВА 15

Яд-Эль разросся и стал настоящим селом. Мошав продолжал осушать болота, на отвоеванной земле могла поселиться еще добрая сотня семейств. Хозяйство закупило две дюжины тракторов и комбайнов, устроило опытную станцию, в прудах разводило рыбу.

Улицы Яд-Эля зеленели круглый год. Появились начальная и средняя школы, общественные здания, плавательный бассейн, библиотека, театр и небольшая больница с двумя штатными врачами.

Крупнейшим событием в жизни новых сел стала электрификация. Когда лампочки одновременно зажглись в Эйн-Оре, Кфар-Гилад, Аелет-Гашахаре и Яд-Эле, это было отмечено празднествами, каких не видела долина Хулы.

В том же году евреи из Яд-Эля помогли своим арабским соседям проложить водопровод в Абу-Йешу, которая стала в Палестине первым арабским селом с водопроводом. Кроме того, на полях Абу-Йеши проложили оросительную систему с электрическими насосами. Арабы стали обучаться интенсивному поливному земледелию.

В благодарность Камал подарил Сионистскому поселенческому обществу несколько дунамов земли на небольшом плато над селом: он знал, что евреи ищут участок для нового поселения.

Ари Бен Канаан был гордостью отца. Ему еще не исполнилось семнадцати, а рост — уже за метр восемьдесят и сила, как у льва. Кроме иврита и английского, он знал немецкий,

французский и идиш — когда Сара волновалась или злилась, она частенько пользовалась привычным жаргоном.

Ари любил работать на земле.

Как и большинство молодежи мошава, да и всего ишува, Ари с Дафной были членами молодежной группы. Они исходили Палестину вдоль и поперек, посетили поля древних сражений, забытые города и могилы. Они взбирались на гору, где стояла крепость Масада, — когда-то римляне осаждали ее три года; побывали в пустыне, где проходил путь Моисея и двенадцати колен Израилевых. Они носили традиционные голубые рубашки и шорты, пели, плясали и грезили восстановлением родины.

Дафна стала стройной, крепкой девушкой, очень красивой и беззаветно влюбленной в сына Барака Бен Канаана. Было ясно, что они поженятся и либо создадут собственное хозяйство в Яд-Эле, либо построят вместе с другими такими же молодыми парами новый мошав или кибуц, как это часто делали дети переселенцев, окончив школу. Когда в стране начались беспорядки, у Ари с Дафной оставалось все меньше времени для свиданий. Несмотря на юный возраст, Ари стал превосходным бойцом Хаганы; Авидан видел в нем одного из самых многообещающих воинов. Впрочем, большинству солдат Хаганы не было в двадцати.

Когда Ари исполнилось семнадцать, он организовал оборону Яд-Эля, Эйн-Ора и еще полдюжины кибуцев и так хорошо справился с этим, что Хагана все чаще стала поручать ему новые задания.

С началом борьбы за иммиграцию Ари отправился в те места, где приставали нелегальные суда Алии Бет. Он прятал подпольных иммигрантов в кибуцах, собирал паспорта и визы у туристов, приезжавших в Палестину легально.

Когда у него выдавался свободный день, Ари звонил в Яд-Эль, и Дафна мчалась в Тель-Авив, чтобы повидаться с ним. Они ходили в филармонию, созданную музыкантами, бежавшими из Германии — первым концертом здесь дирижировал сам Tosканини, — бывали на художественных выставках и лекциях в молодежном клубе, а то и просто гуляли по Алленби или по улице Бен Иегуды, где люди пили кофе за столиками прямо на тротуарах. Иногда они шли в северную часть города и подолгу бродили вдоль тихого пляжа Тель-Авива. Чем дальше, тем болезненнее молодые люди переживали разлуку, но Ари не хотел жениться, пока не обзаведется участком и не построит дом.

Они очень любили друг друга. Она отдалась ему, когда ей было семнадцать, а ему — девятнадцать, и с тех пор влюбленные стремились уединиться, как только представлялся случай.

Напряжение, возникшее после начала немецкой иммиграции в 1933 году, достигло апогея в 1935-м, когда евреям легально и нелегально удалось переправить в Палестину гораздо больше переселенцев, чем когда-либо раньше. Если вторая волна иммиграции принесла в страну идеалы и руководителей, а третья — основную массу поселенцев, то с анией из Германии в ишуве начался культурный и научный подъем.

Арабские феодалы кипели от гнева. Они впервые забыли свои распри и, сплотившись воедино, потребовали от англичан раз и навсегда положить конец иммиграции.

В начале 1936 года национальный совет потребовал от британских властей несколько тысяч виз на въезд, так как положение евреев в Германии становилось все более угрожающим. Из-за нажима арабов англичане выдали несколько сотен.

Видя уступчивость англичан, муфтий решил одним ударом захватить власть над Палестиной. Весной 1936 года он спровоцировал новую волну погромов под предлогом, будто евреи ловят и убивают арабов в Тель-Авиве. Первые погромы прошли в Яффе и вскоре прокатились по всей стране. Как всегда, жертвами становились в основном беззащитные старики в священных городах. С началом погромов Хадж Эмин объявил о создании под своим руководством Высшего арабского совета для проведения забастовок и акций протеста против «проеврейской» британской политики.

На этот раз муфтий тщательно подготовился. Сразу после создания комитета в арабские города и села прибыли люди, которые следили, чтобы никто не мешал выступлениям сторонников муфтия. Они организовали несколько убийств арабов — своих политических противников.

Камал, старый друг Барака Бен Канаана, жестоко заплатился за свою дружбу с евреями. Головорезы эль-Хусейни застали престарелого мухтара за молитвой в маленькой мечети Абу-Йеши и перерезали ему горло; Тахе, сыну Камала, удалось спрятаться в Яд-Эле.

Кровавые оргии муфтия заставили арабов бойкотировать евреев. Урожай гнил на полях, так как сбывать его было

некому. Яффский порт словно вымер. Но забастовка нанесла огромный ущерб и арабскому населению — чем сильнее арабы бедствовали, тем они становились отчаяннее и злее. В своих проповедях Хадж Эмин эль-Хусейни во всем обвинял евреев и осыпал их проклятиями. Вскоре арабы стали нападать на еврейские села, жечь поля и грабить дома. Если им попадался безоружный еврей, ему не просто перерезали горло, но отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

Авидан призывал евреев к спокойствию. «Арабы, — говорил он, — жертвы преступной агитации. Ответное насилие ничего хорошего не даст».

До поры до времени англичане смотрели на Хагану сквозь пальцы, так как знали о ее сдержанности. Более того, Хагана никогда не трогала англичан. Другое дело маккавеи. Они ненавидели британцев и не собирались церемониться с ними. Вскоре после того как они откололись от Хаганы, англичане объявили их вне закона. Акива и его боевики ушли в подполье, скрываясь в городах, в основном в Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе.

Сторонники Акивы решили ответить террором на террор, но их было слишком мало, чтобы тягаться с бандами муфтия. Взяв Палестину за горло, Хадж Эмин эль-Хусейни перешел ко второй части своего плана. Он обратился к арабам всех стран с призывом соединиться в борьбе за освобождение Палестины от британского империализма и сионизма.

Банды Хусейни вербовали в арабских деревнях бойцов для нападения на еврейские села. Большинство феллахов вовсе не хотели воевать, но они были слишком запуганы и не смели отказываться.

На воззвание муфтия отозвался иракский офицер Кавуки, увидевший в палестинских событиях шанс удовлетворить свое тщеславие. Он решил попытать счастья, став военным руководителем сил Хадж Эмина. Его болезненное воображение не знало границ. Он заказал множество мундиров со всевозможными нашивками и объявил себя генералиссимусом армии освобождения. На деньги, которые муфтий вымогал у палестинских арабов, Кавуки разъезжал по Ближнему Востоку и собирал армию. Он принимал всех без разбора: воров, контрабандистов, торговцев наркотиками и живым товаром, которым обещал сколько угодно еврейских девушек и «еврейского золота». И вскоре банды «генералиссимуса» Кавуки двинулись из Ливана, чтобы спасти великого мученика ислама Хадж Эмина эль-Хусейни.

Кавуки прибегал к простой и безопасной тактике. Подготовив заранее путь к отступлению, он заваливал шоссе камнями. Как только появлялись автобус, машина или повозка, вынужденные остановиться перед препятствием, он нападал, убивал и скрывался.

Вскоре Кавуки и банды муфтия распространили террор на всю страну. Арабские города и села были беспомощны, евреи только оборонялись, а англичане не могли, да и не хотели принимать меры. Вместо того чтобы разгромить банды, они ограничились прямо-таки смехотворными действиями. Несколько раз прочесали села, где скрывались бандиты, кого-то оштрафовали, а однажды разрушили пару таких сел. В основном же они предпочитали окапываться. По всей стране было построено свыше полусотни бетонных укреплений. В каждом могли разместиться от ста до нескольких тысяч бойцов. Эти крепости должны были контролировать примыкающие к ним районы. Проектировал их некий Тагарт, а строили евреи.

Форты Тагарта, разбросанные по всей Палестине, воскрешали систему обороны, столь же древнюю, как сама страна. В библейские времена евреи использовали для подобной цели двенадцать холмов. Крестоносцы также воздвигали крепости в пределах видимости одна от другой. Даже сами евреи старались сооружать новые сельскохозяйственные поселения так, чтобы жители могли видеть своих соседей.

Ночью англичане запирались в своих крепостях и до утра не показывали носа. Дневные их рейды были малоэффективны. Как только отряд выходил из крепости, весть об этом немедленно передавалась по всей округе. Каждый арабский крестьянин был потенциальным шпионом. Пока англичане добивались до цели, бандиты успевали скрыться.

И все же даже в этих невыносимо трудных условиях евреи переправляли в страну иммигрантов и строили для них новые села. На участке, где намечалось новое поселение, рано утром собиралось несколько сот строителей и жителей соседних сел. Первым делом они сооружали башню, устанавливали генератор и мощные прожекторы, а затем огораживали небольшой участок вокруг башни. К вечеру работа заканчивалась, соседи расходились по домам, а новые иммигранты под прикрытием небольшого отряда Хаганы располагались на ночь в огороженном месте.

Ари Бен Канаан, которому едва минуло двадцать, стал специалистом по созданию таких поселений с башней и ог-

радой. Обычно он командовал отрядом Хаганы, который оставался охранять поселенцев. Бойцы обучали новоприбывших обращению с оружием и тактике борьбы с арабскими бандами. Арабы нападали на каждое новое село, но не было случая, чтобы Ари или другой командир Хаганы отступили перед ними. Когда иммигранты осваивались, Ари уходил со своим отрядом к другому поселению с башней и оградой.

Новоселы осваивали свой участок постепенно. Мало-помалу они строили дома, и вскоре на новых местах возникали деревни. Если это был кибуц, то первым делом строили дом для детей. Он всегда находился в центре участка, чтобы при нападении банде было трудно добраться до него.

Авидан говорил, что в этих поселениях воплощается библейский рассказ о воссоздании Иерусалима с лопатой в одной руке и копьем — в другой. В книге Неемии говорится: «...половина молодых людей у меня занималась работою, а *другая* половина их держала копья...»*. Так и они — обрабатывали землю и строили дома; каждого землепашца или плотника охранял человек с винтовкой.

Арабы действовали до того открыто, что англичанам стало невозможно сидеть сложа руки. Хадж Эмин и Кавуки превращали их в посмешище, и законная власть наконец-то решила действовать. Англичане разогнали Высший арабский совет и выдали ордер на арест Хадж Эмина. Муфтий скрылся от английской полиции в мечети Омара. Англичане долго колебались, но так и не решились ворваться в мечеть, опасаясь гнева мусульман. Хадж Эмин скрывался в мечети около недели, затем, переодевшись женщиной, сбежал в Яффу, а оттуда морем в Ливан.

Когда стало известно, что иерусалимский муфтий бежал из Палестины, вся страна, и прежде всего сами арабы облегченно вздохнули. Беспорядки и погромы прекратились, а в Палестину пожаловали новые британские следственные комиссии.

Арабы бойкотировали следствие, лишь иногда посылая своих представителей читать по шпаргалке заранее подготовленные речи. Хотя Хадж Эмин и унес ноги, клика эль-Хусейни по-прежнему сохраняла влияние. Перед следственной комиссией арабы все увеличивали свои претензии к евреям, которые платили восемьдесят процентов суммы налогов страны, хотя их было гораздо меньше, чем арабов.

* Неем. 4, 16.

Наконец, изучив в очередной раз ситуацию в стране, англичане выдвинули новое предложение: разделить Палестину на два государства. Арабы должны получить большую часть территории страны, а евреи — узкую полосу вдоль побережья от Тель-Авива до Хайфы и часть Галилеи, которую они освоили.

Национальный еврейский совет, всемирная сионистская организация и все палестинские евреи устали от арабского фанатизма и вероломства англичан. Когда-то мандат на Палестину включал обе стороны реки Иордан — теперь англичане предлагали мизерный клочок. И несмотря на это, евреи решили принять предложение.

Англичане пытались растолковать арабам, что самое благоразумное — это согласиться, так как территория, которую предлагают выделить евреям, не сможет принять много иммигрантов. Арабы, однако, требовали, чтобы евреев выбросили в море. Хадж Эмин эль-Хусейни, находившийся тем временем в Бейруте, организовывал в Палестине новые беспорядки.

Тагарт, разработавший британскую систему укреплений, построил вдоль ливанской границы стену из колючей проволоки, по которой пропустили ток. Она должна была остановить молодчиков муфтия и контрабандистов, наводнявших Палестину оружием. Вдоль стены Тагарт построил новые укрепления.

Одно из этих укреплений выросло над Абу-Йешей и Яд-Элем, в том месте, где, по преданию, была похоронена царица Эсфирь. Его так и назвали — фортом Эсфири. Стена Тагарта затруднила действия террористов, но не смогла остановить их.

В рядах Хаганы нарастала тревога, и весь ишув все чаще задавал себе вопрос — когда же наконец национальный совет прикажет ей действовать. Под этим нажимом Бен Гурион в конце концов согласился с планом, который разработал Авидан. Сионистское поселенческое общество купило земельный участок на севере Галилеи у ливанской границы, в том самом месте, где, по данным разведки Хаганы, в страну проникало большинство арабских террористов. Вскоре после этого Ари и еще двух молодых бойцов вызвали в Тель-Авив, в тайную штаб-квартиру Авидана.

Глава отрядов самообороны развернул перед ними карту и показал местоположение нового участка. Его стратегическое значение было очевидным.

— Вы трое возглавите подразделение и построите здесь кибуц. Мы самым тщательным образом отобрали для этого восемьдесят мужчин и двадцать женщин. Ну, а о том, что вас там ждет, вряд ли стоит говорить.

Они кивнули.

— Муфтий не пожалеет усилий, чтобы прогнать вас отсюда. Мы впервые выбрали место для кибуца из-за стратегических соображений.

Сара Бен Канаан чуть не слегла от горя. Сотню лучших сынов и дочерей ишува отправляли на дело, равносильное самоубийству. Ари поцеловал мать, вытер слезы на ее лице и заверил, что все будет в порядке. Отцу он молча пожал руку: им-то все было понятно без слов.

Вбежала Дафна, родители попрощались и с ней.

Дафна и Ари вышли из села, еще раз обернулись, чтобы взглянуть на поля и на собравшихся у околицы друзей. Когда сын с невестой скрылись из виду, Барак вздохнул и обнял Сару за плечи.

— Им ведь так мало надо от жизни, — шепнула Сара. — До каких же пор, Господи, нам придется отдавать детей?

Барак покачал огромной головой, прищурился, чтобы взглянуть еще раз на удаляющиеся фигуры.

— Господь потребовал от Авраама, чтобы он принес в жертву сына. Тень этого события до сих пор лежит на нас. Если такова будет Божья воля, отдадим и Ари.

Сотня сынов и дочерей ишува отправилась на ливанскую границу, чтобы встать на пути бандитов и убийц. Ари Бен Канаан, двадцати двух лет, был вторым по чину командиром. Они назвали это место Гамишмар — Вахта.

ГЛАВА 16

Десять грузовых машин промчались по береговому шоссе мимо Нагарии, последнего еврейского населенного пункта в Северной Галилее, и заехали в такую местность, куда не отваживался до сих пор забираться ни один еврей. Тысячи арабских глаз пристально следили за колонной, взбирающейся по горной дороге на границе с Ливаном вверх к стене Тагарта.

Наконец колонна остановилась. Прибывшие выставили часовых и быстро разгрузили машины. Грузовики еще за светло поехали назад, к Нагарии. Сотня молодых людей ос-

талась у подножия кишевших бандитами гор, рядом с дюжиной враждебных арабских деревень.

Они наскоро построили ограду и стали ждать ночи.

Наутро всю страну облетела весть: «Евреи двинулись в горы!» Хадж Эмин эль-Хусейни в Бейруте кипел от гнева. Это был открытый вызов. Он поклялся бородой пророка, что не успокоится, пока не сбросит их в море.

В продолжение нескольких дней отряд работал до изнеможения, укрепляя лагерь. На четвертую ночь нападение состоялось.

Около тысячи арабских стрелков обрушили на лагерь шквал огня с вершины горы. Обстрел длился около пяти часов. В этом бою арабы впервые использовали артиллерию. Ари и его люди прятались в окопах и ждали атаки.

И вот она началась. Арабы поползли по-пластунски, держа ножи в зубах.

И вдруг...

Пять мощных прожекторов вспыхнули из-за ограды и осветили всю местность. Все стало видно как на ладони. Евреи открыли огонь, от первого же залпа погибли шестьдесят арабов.

Атакующие в замешательстве остановились. Ари вывел половину отряда из-за ограды и ринулся в контратаку. Арабы, захваченные врасплох, гибли десятками. Те, кто остался в живых, бежали.

Целую неделю арабы не возобновляли атак. Как ни старались муфтий и Кавуки, а заставить их пойти еще раз на приступ не удалось.

В первом ночном бою отряд Хаганы потерял трех парней и одну девушку. Среди погибших был и командир отряда. Заменить его пришлось Ари Бен Канаану.

Каждый день отряд продвигался на несколько метров вверх по горе, укрепляя свои позиции и дожидаясь ночи. Арабы неотступно следили за ними с вершины горы, но напасть ни разу не посмели. К концу недели Ари покинул первый лагерь и занял позицию примерно на полпути к вершине.

Первое поражение не выходило у арабов из памяти. Они возобновили нападения, но избегали прямой атаки и довольствовались тем, что обстреливали лагерь с большого расстояния.

Видя их нерешительность, Ари взял инициативу в свои руки. К концу второй недели на рассвете он бросился в

атаку. Выждав, пока арабы устанут от ночных бдений и потеряют бдительность, он с отрядом из двадцати пяти мужчин и десяти женщин напал на сонных противников и сбросил их с вершины. Пока арабы приходили в себя и собирались для контратаки, евреи успели окопаться. Ари потерял пятерых убитыми, но удержал позицию.

Он построил наблюдательный пункт на макушке горы, откуда открывался вид на всю местность. Евреи лихорадочно работали не покладая рук и превратили позицию в настоящую крепость.

Муфтий обезумел от ярости. Он сместил командиров и собрал новый отряд в тысячу воинов. Однако, попав под огонь Хаганы, бандиты бежали.

С тех пор арабы не отваживались больше на прямую атаку. Но они отнюдь не собирались оставлять пришельцев в покое и непрерывно обстреливали их. Отряд был совершенно отрезан от ишува. Все припасы и даже воду приходилось доставлять через вражескую территорию на машинах.

Но, несмотря на трудности, Гамишмар выстоял. Внутри заграждения поселенцы построили несколько хижин и тут же начали прокладывать дорогу в долину.

Ночные патрули, дежурившие вдоль стены Тагарта, перехватывали диверсантов и поставщиков оружия. Лазейка муфтия в Палестину была наглухо закрыта.

Почти все воины пришли в отряд Хаганы из кибуцев и мошавов. Они привыкли возделывать землю и поэтому взялись за нее и в Гамишмаре. Ведь в конце концов они пришли сюда, чтобы создать кибуц. Но горное земледелие оказалось нелегким занятием. А тут еще воды не хватало, так что надеяться оставалось только на дождь. Тем не менее они принялись за дело столь же энергично, как за осушение болота в Ездзелонской долине. На склонах возникли террасы, и у поселенческого общества были затребованы средства на приобретение инвентаря.

Национальный совет и Хагана были в восторге от успехов молодежи из Гамишмара и решили в дальнейшем строить часть поселений на стратегически важных участках.

Вскоре еще один отряд отправился создавать село на таком же беспокойном месте. Он целиком состоял из верующих евреев. Они проникли в глубь долины Бет-Шеан, построили кибуц на стыке трансйорданской и сирийской границ и назвали его Тират-Цви — Крепость рабби Цви. Кибуц расположился посреди арабских городов и сел, население

которых не скрывало враждебности к евреям. Муфтий пытался устроить так, чтобы поселенцев прогнали. Но хотя это были верующие, они мало напоминали безответных старцев из священных городов. Как и в Гамишмаре, арабы не смогли выжить евреев из Тират-Цви.

Он спал в своей палатке.

— Ари, вставай! Скорее! — разбудил его кто-то.

Он сбросил одеяло, схватил винтовку и помчался вниз к южным полям, где строили террасы под виноградник. Там собрался весь кибуц. Все замерли, когда Ари подошел ближе. Он пробился сквозь толпу и посмотрел на землю. Земля была запятнана кровью. Тут же валялись клочья голубой блузки. Кровавый след вел вверх на гору. Ари смотрел в лицо то одному, то другому. Все молчали.

— Дафна, — прошептал он.

Два дня спустя труп Дафны подбросили в окрестностях лагеря. Уши, нос, руки были отрублены. Глаза — выколоты. Тело носило следы бесчеловечных издевательств.

Никто не видел слез в глазах Ари, не слышал от него жалоб. После убийства Дафны он исчезал время от времени на несколько часов и возвращался смертельно бледный. Он сдерживал свои чувства, ни разу не выказал ни ненависти, ни даже гнева и больше не произносил ее имя вслух. Ари принял трагедию точно так же, как принимал подобные несчастья весь ишув. Арабские деревни в окрестностях Гамишмара со страхом ждали кары, но ее не было.

Евреи удержались в Гамишмаре, Тират-Цви и других стратегических поселениях. Новая тактика тормозила диверсионную деятельность муфтия, но полностью остановить ее не могла.

В эту неразбериху вмешался майор английской разведки Мальколм, командированный в Иерусалим, как только муфтий поднял бунт. Это был одинокий волк — всегда неряшливо одетый, не любящий формальностей и церемоний и откровенно презирающий офицерские традиции. Свое мнение Мальколм выражал открыто, а порой и резко. Целые дни он проводил в глубоких размышлениях, частенько забывая побриться и причесаться. Желание уединиться наступало неожиданно и в самое неподходящее время — случалось, даже во время официальных смотров, которые он ненавидел и считал напрасной тратой времени. Язык у Мальколма был острый как бритва и постоянно шокировал непривычных со-

беседников. Это был своевольный человек, офицеры смотрели на него как на чудака.

Высокий и худой, с костлявым лицом, он чуть-чуть прихрамывал и был как раз таким, каким истинно британский офицер быть не должен.

Когда Мальколм прибыл в Палестину, он сочувствовал арабам — среди английских офицеров это было модно. Но симпатии длились недолго. Прошло некоторое время, и майор стал истовым сионистом.

Как и большинство христиан, поддерживающих сионизм, он превосходил решительностью и фанатизмом самих евреев. Каждую свободную минуту Мальколм проводил за чтением Библии на иврите, которому выучился сам, и пришел к выводу, что в планы Бога входило воскрешение евреев как нации. Он тщательно изучал библейские военные походы, тактику Иисуса Навина, Давида и в особенности Гедеона. Наконец майор уверовал в то, что само Провидение направило его в Палестину. Господь избрал его, П. П. Мальколма, для того, чтобы он повел детей Израилевых к их благородной цели.

Мальколм изездил всю Палестину в ветхом драндулете, который купил по случаю, а места, где не было дорог, прошагал, как цапля, на своих длинных ногах; побывал на полях всех библейских битв, пытаясь реконструировать происходившие там события. Евреи и арабы изумленно глазели на это странное существо, которое плелось вдоль проселочных дорог и во все горло распевало псалмы, ничего не замечая вокруг.

Непонятно было, почему англичане терпят в рядах вооруженных сил такого олуха. Но генерал Чарльз, командующий британскими войсками в Палестине, считал Мальколма особым талантом, которому позволительно опрокидывать общепринятые нормы. Мальколм высмеивал британские боевые уставы, зло издевался над их тактикой и считал половину расходов на армию напрасным разбазариванием средств. Никому не удавалось одолеть его в споре.

Однажды вечером в окрестностях Яд-Эля в машине майора лопнули сразу две шины. Он вылез из машины и поплелся, прихрамывая, в село. Не успел он подойти к границе села, как перед ним выросли часовые. Он улыбнулся и махнул рукой.

— Молодцы, ребята! А теперь будьте добры отвести меня к Бараку Бен Канаану.

Вскоре Мальколм шагал взад-вперед по гостиной Барака. Битый час он читал хозяину лекцию о величии сионизма и предназначении еврейской нации.

— Я в восторге от ваших солдат, — говорил Мальколм. — Еврейский воин — самый толковый из всех, так как он живет и борется ради высоких идеалов. Все происходящее в этой стране касается его непосредственно. Все напоминает ему славное библейское прошлое. Ваша Хагана, вероятно, самая передовая, образованная и в то же время самая идеалистическая воинская организация в мире. Возьмите британского солдата, — продолжал майор. — Он упорный вояка, и это хорошо. Он дисциплинирован, и это тоже хорошо, но это все. Он болван: слишком много пьет и частенько ведет себя как свинья. Я приехал к вам, Бен Канаан, потому что хочу взяться за вашу Хагану и сделать из нее действительно первоклассную организацию. Такой отличный материал мне еще ни разу не попадался.

Барак раскрыл от изумления рот.

Мальколм посмотрел в окно на дождевальные установки, вертящиеся на полях, на Абу-Йешу, угнездившуюся под крепостью Эсфири, входящую в систему укреплений Тагарта.

— Вот посмотрите на это сооружение. Вы его называете фортом Эсфири, а я — дурости. Арабы преспокойно могут обойти его кругом. Нет, что ни говорите, англичане никогда ничему не научатся. — Мальколм принялся напевать псалом, слова он произносил подлинными, древнееврейскими. — Я выучил наизусть все псалмы до сто двадцать шестого. Они прекрасны.

— Майор Мальколм, — сказал наконец Барак, — извините, но я так и не понял цель вашего визита.

— Все знают, что Барак Бен Канаан справедлив и слов на ветер не бросает. Хотя большинство евреев любят поболтать. В моей еврейской армии им не придется говорить лишнего. Говорить буду я.

— Я уже убедился, что вы любите поговорить.

— Гм, — буркнул Мальколм, продолжая смотреть в окно на цветущие поля Яд-Эля. Внезапно он обернулся, и в его глазах засверкал тот блеск, который Барак часто видел в глазах своего брата Акивы. — Драться! — воскликнул Мальколм. — Вот что надо делать! Драться! Еврейская нация — дитя Провидения, Бен Канаан, Провидения!

— Я не меньше вашего убежден в будущем моего отечества. И вряд ли нуждаюсь, чтобы мне об этом напоминали.

— Нет, вы нуждаетесь, вы все нуждаетесь, иначе вы не сидели бы взаперти в своих селах. Мы должны подняться и наказать этих бандитов. Если какой-нибудь араб выходит из кофейни и стреляет по кибуцу с расстояния в целый километр, он считает себя героем. Пора подвергнуть этих кровавых язычников испытанию. Древних евреев, вот кого мне надо... древнееврейских воинов. Устройте мне немедленно встречу с Авиданом. Англичане слишком тупы, чтобы понять меня.

Мальколм покинул Яд-Эль так же внезапно, как и появился. Горланя псалом, он вышел из села, оставив Барака в сильном недоумении. Потеребив некоторое время бороду, Барак все же позвонил Авидану. Говорили они на идише, на случай, если кто-нибудь подслушает.

— Кто он, этот майор? — спросил Барак. — Он вторгся ко мне, словно Мессия и начал расхваливать сионизм.

— Мы слышали о нем, — ответил Авидан. — Сказать правду, мы просто не знаем, что думать об этом чуде.

— Доверять ему можно?

— Не знаю.

Майор Мальколм стал проводить все свободное время среди евреев. Не прошло и нескольких месяцев, как его знал весь ишув. Он при каждом удобном случае называл британских офицеров тупицами и болванами, но начальство относилось к нему как к безобидному дурачку. «Наш полоумный», — называли его смеясь.

Через полгода после визита к Бараку Мальколм явился в кабинет Бен Гуриона в здании национального совета в Иерусалиме, даже не договорившись предварительно о встрече.

— Бен Гурион, вы безнадежный дурак, — съязвил он. — Тратите все свое время на то, чтобы уговаривать врагов, а для друга у вас нет и свободных пяти минут.

После чего повернулся на каблуках и вышел.

...Затем Мальколм отправился к генералу Чарльзу и предложил использовать еврейские отряды для борьбы с арабами. Хотя Чарльз, как и почти все члены его штаба, был настроен проарабски, он не мог не видеть, что муфтий представляет англичан в смешном свете. Генерал решил не мешать Мальколму.

Вскоре знакомый всей Палестине драндулет замаячил на подступах к Гашишмару. Часовые привели майора на гору к

Ари. Рослый командир отряда изумленно уставился на тощего англичанина.

Мальколм хлопнул его по плечу.

— Вы мне нравитесь, — сказал он. — Слушайте меня во всем, выполняйте все мои приказы, и я сделаю из вас первоклассного солдата. А теперь покажите мне лагерь и все ваши укрепления.

Ари был ошеломлен. Англичане держались подальше от Гамишмара и делали вид, что ничего не знают о его патрулях. Еще ни разу они не появлялись здесь.

— Где твоя палатка, сынок? — спросил Мальколм.

В палатке он растянулся на койке и погрузился в размышления.

— Вы для чего, собственно, приехали? — спросил Ари.

— Дай-ка мне карту, сынок, — ответил Мальколм, не обращая внимания на вопрос.

Ари протянул карту. Мальколм приподнялся и почесал небритый подбородок.

— Где тут у арабов главная база?

Ари показал небольшое село, расположенное в Ливане на расстоянии километров пятнадцати от границы.

— Сегодня ночью мы ее уничтожим, — спокойно произнес Мальколм.

В эту ночь небольшой отряд из восьми мужчин и двух женщин перешел ливанскую границу. Командовал ими сам Мальколм. Бойцы были поражены выносливостью и быстротой, с которыми этот хилый на вид англичанин преодолевал подъемы и завалы. Он ни разу не остановился, чтобы передохнуть или сориентироваться. Перед выходом кто-то из бойцов чихнул. Мальколм немедленно забраковал его и предупредил, что нещадно избьет каждого, кто отстанет хотя бы на шаг. В пути он напевал псалмы и говорил бойцам о благородстве их миссии.

Когда они приблизились к цели, Мальколм отправился на разведку и вернулся через полчаса.

— Как я и надеялся, они не расставили часовых. Смотрите, что мы сделаем.

Он быстро набросал схему села, пометив на ней хижины, где, по его мнению, находились арабские террористы.

— Трое пойдут со мной в деревню. Мы откроем огонь с близкого расстояния и забросаем их гранатами. Когда они бросятся бежать, мы загоним их вот сюда, на окраину села, где вы, Ари, устроите засаду. Хорошо бы только взять па-

рочку живыми. Здесь у них, вероятно, хватает складов с оружием.

— Это безумный план. Ничего не получится, — сказал Ари.

— В таком случае пошли назад в Палестину, — коротко ответил англичанин.

Это был первый и последний раз, когда Ари подверг сомнению решение Мальколма. С англичанином было бесполезно спорить.

— Не смейте критиковать меня, молодой человек, — сказал он.

План Мальколма был выполнен в точности. Хижины забросали гранатами и открыли огонь из винтовок. Как Мальколм и предвидел, поднялась паника. Он хладнокровно погнал контрабандистов туда, где засел Ари. Вся операция длилась не больше десяти минут.

К майору подвели двух пленных.

— Где оружие? — спросил он одного из них по-арабски. Араб пожал плечами.

Мальколм наотмашь ударил его по лицу и повторил вопрос. Араб стал клясться и призывать Аллаха в свидетели, что ничего не знает. Мальколм спокойно достал пистолет и выстрелил ему в голову, а потом повернулся ко второму пленному:

— Где спрятано оружие?

Араб тут же указал тайник.

— Надеюсь, вы, сыны и дочери Иудеи, научились кое-чему в эту ночь, — сказал Мальколм. — Утром я объясню вам все подробно. Только вот что: никогда не прибегайте к пыткам. Действовать надо кратчайшим путем.

Весть о рейде Мальколма пронеслась по стране как гром среди ясного неба. Для евреев это стало историческим событием. Впервые они вышли из поселений и предприняли открытую атаку. Многие говорили: давно бы так.

Англичане были огорошены. Большинство требовало, чтобы Мальколма тут же отозвали, но генерал Чарльз придерживался иного мнения. Британские методы борьбы с арабскими террористами были весьма неэффективны, и он чувствовал, что Мальколм гораздо лучше справится с этим.

Для клики эль-Хусейни и фанатиков-мусульман это был чудовищный удар. Ари совершил вместе с Мальколмом десять успешных рейдов в глубь ливанской территории. Банды мародеров, диверсантов и контрабандистов, наемни-

ки Кавуки лишились покоя. Нападать на евреев стало опасно: Хагана отвечала беспощадными рейдами. За голову майора Мальколма муфтий назначил премию в тысячу фунтов стерлингов.

Когда Мальколм и его отряд из Гашишмара навели порядок на линии Тагарта, майор разбил штаб в кибуце Эйн-Ор. Он потребовал, чтобы Хагана выделила для него полтора десятка отборных бойцов, в особенности он настаивал на Ари Бен Канаане, которого очень высоко ценил.

Когда со всего ишува собрались полтора десятка бойцов, он отправился с ними в поход к горе Гильбоа, где, по преданию, похоронен великий древнееврейский судья и воин Гедеон, которого Мальколм боготворил. У могилы Гедеона он раскрыл Библию и прочитал по-древнееврейски:

— «...И подошел Гедеон и сто человек с ним к стану, в начале средней стражи, и разбудили стражей, и затрубили трубами, и разбили кувшины, которые были в руках их. И затрубили все три отряда трубами, и разбили кувшины, и держали в левой руке своей светильники, а в правой руке трубы, и трубили, и кричали: «меч Господа и Гедеона!» И стоял всякий на своем месте вокруг стана; и стали бегать во всем стане, и кричали, и обратились в бегство»*.

Мальколм закрыл Библию. Он зашагал перед строем, сцепив руки за спиной.

— Гедеон был умный человек, — сказал он. — Он знал, что мадианитяне — невежественные, суеверные люди. Гедеон знал, что может сыграть на их первобытном страхе, что они боятся темноты и что их легко испугать шумом. Гедеон все это знал... Мы тоже знаем.

Никогда арабы не могли угадать, где отряд Мальколма ударит в следующий раз. Способы разведки, которые неплохо служили им до этого, стали бесполезны. Мальколм отправлял три отряда в три разных места и сбивал арабов с толку, проходил мимо какого-нибудь укрытия террористов, будто бы не зная о нем, но тут же поворачивал отряд и молниеносно нападал с тыла. Он отправлял колонну автомашин по шоссе, люди спрыгивали поодиночке и целый день прятались в придорожных канавах, чтобы ночью собраться там, где их никто не ждал.

Мальколму всегда удавалось заставить противника па-

* Суд. 7, 19 — 21.

никовать. Его бойцы поднимали такой оглушительный шум, что казалось — их тысячи.

Ари Бен Канаан стал восторженным учеником чудаковатого англичанина. Он участвовал бок о бок с Малькольмом во множестве рейдов в тылу врага, и ни разу тот не допустил промаха. Казалось, им руководит какая-то высшая сила. Он разработал безошибочную тактику в борьбе с арабами, требовал железной дисциплины, фанатичного, беспрекословного повиновения и — вел отряд от одной победы к другой.

Арабы стали бояться рейдового отряда еще больше, чем клики эль-Хусейни. С горсткой в полтора человека Мальколм разбил их наголову. «Великая армия освобождения» Кавуки в панике отступила в Ливан. В отчаянии муфтий поджег нефтепровод, идущий из Мосула в Хайфу.

— Двадцать тысяч тугодумов-англичан не смогли обеспечить охрану нефтепровода, — возмущался Мальколм. — Наш отряд с этим справится запросто. После каждого повреждения линии мы будем стирать с лица земли ближайшую к этому месту арабскую деревню. Тогда арабы станут кровно заинтересованы в охране нефтепровода и не будут скрывать бандитов. Репрессии... нам придется прибегать к репрессиям, потому что евреев, увы, очень мало...

С тех пор каждый раз, когда арабы предпринимали какие бы то ни было враждебные действия, их немедленно настигал ответный удар: возмездие стало главным принципом еврейской самообороны.

Арабское восстание постепенно затухало и наконец погасло. С самого начала плохо организованное, оно стало в высшей степени разорительной затеей. Арабы Палестины истратили массу средств и потеряли лучших людей. Три года беспорядков и кровопролития привели их на грань банкротства. За эти годы им не только не удалось выжить евреев из Палестины — они даже не смогли помешать созданию пятидесяти новых поселений.

Когда арабское восстание пошло на убыль, Уайтхолл провел на подмандатной территории основательную чистку. Мальколму, сыгравшему решающую роль в усмирении арабов, предписали покинуть Палестину, посчитав, что его отношения с евреями ни к чему хорошему привести не могут. Но обученные им бойцы уже стали ядром, вокруг которого формировалась великая новая армия.

И вот майор Мальколм в последний раз встал перед

своим отрядом в Эйн-Оре. Бойцы с красными нашивками на синей крестьянской одежде замерли по стойке смирно, у многих на глазах были слезы.

Мальколм сказал:

— Ради истины вы перепоясали себя мечами. С вами Господь!

Он повернулся и быстро зашагал к ожидавшей его машине. Ишув оказал Мальколму высшую честь, какая могла быть оказана нееврею: присвоил ему звание «друга».

После роспуска отряда Ари вернулся в Яд-Эль. Сердцем он все еще пребывал на одиноком холме у ливанской границы, где рядом с двумя десятками юношей и девушек, отдавших жизнь за Гашишмар, покоилась Дафна.

Когда положение стабилизировалось, Таха, скрывавшийся в Яд-Эле в семье Бен Канаана, вернулся в Абу-Йешу, чтобы вступить в должность мухтара. За восемнадцать дней, прожитых в их доме, Таха влюбился в Иордану, которой недавно исполнилось тринадцать лет; влюбляться в маленьких девочек было в обычае арабов. Барак и Сара, надеясь, что влюбленность у парня пройдет, сделали вид, будто ничего не заметили.

Тем временем в Палестину прибыла новая британская администрация во главе с генералом Хэвн-Херстом. Первым ее деянием был арест бойцов рейдового отряда. Их отдали под суд и приговорили к срокам от шести месяцев до пяти лет по обвинению — надо же было додуматься! — в незаконном хранении оружия.

Ари и сотня других парней из Хаганы, сражавшихся в отряде Мальколма, оказались в мрачных застенках тюрьмы в Акко. Эта сырая, с толстыми стенами тюрьма кишела клопами и крысами. Но бойцы Хаганы относились к своему заключению с юмором, заполняли дни издевками над английскими надзирателями и с утра до вечера распевали боевые песни и марши.

Весной 1939 года Ари вышел на волю. Он вернулся в Яд-Эль осунувшийся и бледный.

Сара тихо заплакала, встретив сына. Что он видел в жизни, кроме кнута, винтовки и страданий? Убили Дафну, убили многих его товарищей — до каких же пор это будет продолжаться? Сара дала обет, что больше не отпустит его из Яд-Эля.

Хэвн-Херст правил твердо. Он вел откровенно антиеврейскую политику. Новая следственная комиссия возложила

вину за три года кровопролития, организованного иерусалимским муфтием, на еврейских иммигрантов.

Невилл Чемберлен, английский премьер-министр и незадачливый миротворец, потряс мир своим заявлением. В самый канун Второй мировой войны британское правительство опубликовало проарабскую Белую книгу и начисто лишило охваченных паникой немецких евреев возможности эмигрировать в Палестину, запретив им покупать там землю. Мюнхенские «миротворцы», предавшие Испанию и Чехословакию, предали и палестинских евреев.

ГЛАВА 17

Белая книга потрясла ишув. Всякое бывало, но не такое. Англичане закрывали перед немецкими евреями путь к спасению.

Маккавеи, которые до сих пор были не слишком активны, развернули лихорадочную деятельность. Белая книга толкнула в их ряды сотни евреев. Они провели ряд дерзких операций: взорвали британский офицерский клуб в Иерусалиме, обчистили склад оружия, устроили несколько засад автоколоннам и стали терроризировать арабов.

Генерал Хэвн-Херст решительно отказался от сотрудничества с евреями. Он распустил еврейскую полицию и загнал Хагану в подполье.

Бен Гурион снова призвал ишув к мудрой сдержанности, которая не раз спасала евреев в прошлом, и публично отмежевался от тактики террора. Но даже среди его сторонников было немало таких, которые рвались в бой. Авидан опасался, что, если дойдет до открытого столкновения, Хагана будет ликвидирована, и поэтому старался удержать армию от опрометчивых действий.

Барака Бен Канаана командировали в Лондон, чтобы вместе с доктором Хаимом Вейцманом и другими сионистскими вождями добиваться у англичан отмены Белой книги. Однако Уайтхолл твердо решил не отказываться от нее; она необходима, уверяли англичане, для умиротворения арабов.

Тем временем клан эль-Хусейни не сидел без дела. Несмотря на то, что сам Хадж Эмин был в ссылке, его люди убивали каждого, кто смел им перечить. Высшим арабским советом управлял теперь племянник муфтия Джемаль Хусейни.

В Германии положение евреев становилось отчаянным. Сионистские организации работали с большим напряжением, так как даже те, кто до недавнего времени еще сохранял какие-то иллюзии, стремились покинуть страну во что бы то ни стало.

Англичане не только препятствовали иммиграции в Палестину, но и не давали определенной категории евреев выезжать оттуда. Они понимали, что каждый, кто связан с Хаганой и Алией Бет, — потенциальный агент этих организаций. Когда Ари получил приказ Авидана выехать из Палестины, ему пришлось нелегально перейти неподалеку от Гамишмара ливанскую границу, а там идти пешком до Бейрута. У него был паспорт с визой какого-то еврея, который прибыл в Палестину как турист. В Бейруте Ари сел на пароход до Марселя. Спустя еще неделю он прибыл в Берлин и явился в сионистский штаб, расположенный на Мейнен-штрассе, 10.

Ари получил задание помочь выехать из Германии как можно большему количеству евреев.

Штаб сионистов был охвачен паникой. Немцы старались извлечь из торговли выездными визами максимум выгоды. Чем отчаяннее становилось положение евреев, тем быстрее росли цены. Пять лет из Палестины неслись настойчивые призывы к немецким евреям покинуть Германию, но сначала их мало кто слушал. А теперь многие семейства отдавали за визы целые состояния. Визы подделывали и воровали — они были шансом на жизнь. Но тут евреям пришлось столкнуться с новой бедой: очень немногие страны разрешили им въезд. Большинство государств попросту захлопывали дверь перед беженцами.

На долю Ари досталось решать, кому давать и кому отказывать в визе. Каждый Божий день ему угрожали, пытались подкупить, умоляли. Главная задача состояла в спасении детей. Кроме того, важно было спасти выдающихся ученых, художников, артистов — словом, цвет нации.

Алия Бет вывозила их сотнями, а надо было — тысячами или десятками тысяч.

И тут Ари решился на отчаянный шаг, который обещал обеспечить разом несколько тысяч виз. Он предупредил работников Алии Бет во Франции, чтобы те приготовились к приему большого количества людей; если же они не придут, это будет означать, что он сам угодил в концлагерь.

Ари начал переговоры с высокопоставленными нацист-

скими сановниками. Англия и Франция, говорил он, хотят снискать благосклонность арабов. Чем больше евреев попадет в Палестину, тем труднее будет положение англичан.

Как ни парадоксально, но Алии Бет удалось сыграть на неприязни немцев к англичанам. При покровительстве гестапо Ари быстро создал в окрестностях Берлина несколько учебных хозяйств — там готовили еврейских поселенцев.

Кроме добывания виз, которые ему удавалось купить, украсть, подделать, получить за взятки и любыми другими путями, Ари сумел наладить нелегальную отправку людей по железной дороге. Страшное лето 1939 года Ари работал буквально по двадцать четыре часа в сутки.

Столь же напряженно Барак Бен Канаан и его товарищи работали в Лондоне. Они уговаривали членов парламента, министров, каждого, кто только соглашался их слушать. Однако их усилия ни к чему не привели: англичане не меняли отношения к еврейской иммиграции.

В середине августа Ари получил срочную телеграмму из Франции: «Немедленно выезжай». Он оставил ее без внимания и продолжал работу, потому что каждый новый день давал лишний шанс в состязании со смертью.

Но пришла еще одна телеграмма. На этот раз с категорическим приказом от Хаганы.

Ари работал еще трое суток: он как раз выбивал визы для нового транспорта детей в Данию.

Но пришла еще одна телеграмма, потом еще...

Он уехал тогда, когда эшелон с детьми пересек датскую границу. Он покинул Германию за сорок восемь часов до нападения вермахта на Польшу. Началась Вторая мировая война.

Ари и Барак Бен Канаан вернулись в Палестину, усталые и отчаявшиеся.

Через десять минут после известия о начале войны еврейские руководители призвали ишув вступать в британскую армию и бороться вместе с англичанами против общего врага. Хагана поддержала этот призыв, так как с появлением добровольцев получала возможность открыто обучать своих людей.

Генерал Хэвн-Херст, командующий английскими войсками в Палестине, упорно возражал против приема евреев в ряды британской армии: «Если мы обучим их и дадим накопить им боевой опыт, мы нанесем этим вред самим себе,

так как рано или поздно нам придется воевать с этими евреями», — говорил он.

Не прошло и недели с начала войны, как сто тридцать тысяч мужчин и женщин — четверть всего ишува — подали заявления в Еврейский национальный совет о вступлении добровольцами в британскую армию. Арабы же видели в немцах своих освободителей и мечтали об их приходе.

Англичане не могли игнорировать предложение ишува. В то же время они не могли пренебречь предостережениями генерала Хэвн-Херста. Поэтому военное министерство решило принимать евреев в ряды армии, но не обучать их и не давать им участвовать в боях. Добровольцев направляли в интендантскую службу, на транспорт, в саперные батальоны. Еврейский национальный совет гневно протестовал против такой дискриминации и требовал для евреев равноправия.

Ишув выступал теперь единым сплоченным фронтом, если не считать раскольников Акивы. Авидан решил поступиться самолюбием и через подпольные каналы договорился о встрече с ним.

Они встретились в подвале на улице Кинг-Джордж в Иерусалиме, под рестораном Френкеля. Подвал был забит консервными банками и бутылками, тускло горела единственная лампочка.

Авидан не подал руки Акиве, когда тот вошел в сопровождении двух маккавеев. Прошло пять долгих лет с того дня, когда они виделись в последний раз.

Акиве шел уже седьмой десяток, а выглядел он даже старше своих лет. Тяжелая жизнь и годы в подполье превратили его в старика.

Телохранители ушли, и они остались одни.

Авидан заговорил первым:

— Я предлагаю тебе примириться с англичанами, пока идет война.

Акива что-то буркнул в ответ, а затем, не выдержав, выплеснул перед Авиданом презрение к англичанам и к их Белой книге, гнев против национального совета и Хаганы, трусливо избегающих борьбы.

— Пожалуйста, перестань, — сдержанно попросил Авидан. — Твои чувства мне хорошо известны. Я прекрасно знаю, какая пропасть разделяет нас. Но, несмотря на все это, ты должен согласиться: немцы угрожают нашему существованию куда больше, чем англичане.

Акива отвернулся и задумался. Потом вдруг резко

обернулся — в его глазах засверкал тот же огонь, что и раньше.

— Именно сейчас нужно заставить англичан отменить Белую книгу! Да, сейчас, именно сейчас они должны провозгласить нашу государственную независимость по обе стороны Иордана! Немедленно! Надо бить англичан, пока они в беде!

— Неужели независимость государства так важна, что мы должны ради нее помогать немцам?

— А ты думаешь, у англичан дрогнет рука, когда они снова начнут продавать нас?

— Я думаю только о том, что у нас нет выбора: мы обязаны воевать с немцами.

Акива нервно зашагал по цементному полу. Он что-то пробормотал про себя, затем остановился и с дрожью в голосе тихо сказал:

— Пусть англичане блокируют наше побережье и закрывают дорогу несчастным людям, у которых нет другого пути к спасению, пусть англичане создают в своей армии гетто для наших ребят, пусть они продали и предали нас своей Белой книгой, пусть ишув участвует на их стороне в войне, в то время как арабы затаились, как стервятники, и ждут добычи, пусть сегодня англичане меньшее зло и надо воевать на их стороне. Ладно, Авидан... маккавеи пойдут на перемирие.

Они пожали друг другу руки. Акива спросил:

— Как мой брат?

— Барак только что вернулся из Лондона с переговоров.

— Да, переговоры... На это Барак горазд. А как Сара, дети?

— Нормально. Можешь гордиться своим племянником.

— О да, Ари — чудный парень. Как выглядит сейчас Эйн-Ор?

Авидан опустил глаза.

— Эйн-Ор и Шошана щедро приносят плоды любви и пота, пролитого их создателями.

С этими словами он повернулся и направился к лестнице, ведущей к потайному выходу.

— Сион спасется правосудием, — крикнул ему вслед Акива, — отступникам же и грешникам — гибель, и оставившие Господа истребятся. Еще наступит час расплаты с англичанами!

Ари сильно изменился, стал молчалив и перестал улыбаться. Он носил оружие чуть ли не с детства. Затем Гамишмар, рей-

довый отряд, тюрьма в Акко. Потом тяжелая работа для Али и Бет в Берлине. И конечно, гибель Дафны. Ари жил в Яд-Эле, каждый день выходил в поле и хотел только одного: чтобы его оставили в покое. Он почти ни с кем не разговаривал.

Даже когда началась война, Ари остался в Яд-Эле. Свободное время он проводил чаще всего в Абу-Йеше с другом детства Тахой, который теперь был мухтаром.

Однажды, через несколько месяцев после начала войны, Ари вернулся вечером с поля и застал дома Авидана. Поужинав, Ари, Авидан и Барак расположились в гостиной, чтобы поговорить.

— Думаю, ты догадываешься, зачем я пришел, — сказал Авидан.

— Могу представить.

— Тогда перейдем прямо к делу. У нас есть несколько десятков ребят, которые, я думаю, должны пойти служить. Англичане ищут тебя и хотят предложить тебе офицерский чин.

— Меня это не интересует.

— Ты им нужен. Я уверен, что мы сможем устроить тебя на такое место, где ты сможешь принести большую пользу Хагане. Скажем, вести разведку среди арабов.

— Очень мило с их стороны. А то я уж думал, что они отправят меня на уборку мусора вместе с солдатами ишува. Приятно все-таки, что меня считают привилегированным евреем.

— Брось эти шутки. А то мне придется приказать тебе.

— А ты прикажи. Но я ведь могу и не исполнить.

Авидан смутился. Он знал Ари как одного из самых дисциплинированных и толковых солдат Хаганы.

— Я рад, что мы об этом заговорили, — сказал Барак. — Мальчик прямо ест себя поедом с тех пор, как вернулся из Берлина.

— С какой стати я должен напяливать английскую форму? Чтобы они потом снова упрятали меня в тюрьму за то, что я дрался за них?

Барак умоляюще поднял руки.

— Ладно, отец. Если вы настаиваете, скажу прямо. Еще пять лет назад у дяди Акивы хватило храбрости назвать нашего врага по имени.

— Ты не смеешь произносить его имя в этом доме! — заорал Барак.

— Пора, давно пора произнести его. Если б не ты, я бы давно присоединился к маккавеям.

— Но, Ари, — вмешался Авидан, — даже Акива согласился на перемирие с англичанами.

Ари встал и направился к двери.

— Я пошел к Тахе играть в нарды. Позовите меня, когда немцы высадятся в Палестине.

Немцы вихрем неслись по Европе. Англичане терпели одно поражение за другим. Дюнкерк! Крит! Греция! Лондон нещадно бомбили.

Даже после того как ишув поставил все на службу Великобритании, евреям все равно приходилось терпеть оскорбления со стороны англичан. Несколько чудовищных событий вывели из себя даже самых благожелательных евреев.

Небольшое ветхое судно «Струма», плававшее по Дунаю, вошло в порт Стамбула, имея на борту около восьмисот евреев, бегущих из Европы. Судно находилось в плачевном состоянии, ужасно было положение пассажиров. Национальный совет умолял британские власти разрешить этим людям въезд в Палестину. Англичане отказали. Более того, они оказали дипломатический нажим на турецкое правительство, чтобы выдворить «Струму» из Стамбула. Турки взяли судно на абордаж, вытащили через Босфор в Черное море и там бросили — без воды, пищи и без горючего. «Струма» пошла ко дну. Семьсот семьдесят девять человек утонули, спастись удалось только одному пассажиру.

Два видавших виды парохода добрались до Палестины с двумя тысячами человек. Англичане распорядились пересадить всех на пароход «Патрия» и отправить на остров Маврикий. «Патрия» пошла ко дну прямо у палестинского берега, на виду у Хайфы, и сотни иммигрантов утонули.

Англичане упорно держались за свою Белую книгу, не желая вызвать недовольство арабов. К концу 1941 года палестинские евреи влились в английские боевые части, несмотря на сопротивление генерала Хэвн-Херста. В то время, когда от арабов англичане не получили никакой поддержки, ни одного человека хотя бы для вспомогательных частей, пятьдесят тысяч лучших сынов ишува надели британскую форму.

Оккупировав Западную Европу, немцы готовились форсировать Ла-Манш и высадиться в Англии; десантные суда

уже стояли наготове. Англия оказалась припертой к стене, но это был час английской славы! Немцы стояли и не решились вступить в открытый бой с отважными англичанами. Они их боялись!

Может быть, именно поэтому Германия решила начать с расчленения Британской империи. Мощный африканский корпус Роммеля готовил серию ударов, которые должны были выбить англичан с Ближнего Востока, открыть дорогу на Дальний Восток и в Индию.

Хадж Эмин эль-Хусейни покинул Ливан. Он прибыл в Багдад, столицу Ирака, который был союзником Англии, но только на словах. В Багдаде Хусейни чествовали как великого мученика ислама. С группой местных офицеров он попытался организовать переворот и сдать Ирак немцам. Но англичане послали в Ирак войска и сумели установить контроль над страной.

Хадж Эмину снова пришлось бежать. На этот раз он подался в Германию, где Гитлер приветствовал его как брата. Два безумца быстро нашли общий язык. Муфтий надеялся с помощью немцев захватить власть в арабском мире. Гитлеру же муфтий был нужен, чтобы показать, какая дружба возможна между арабами и немцами. Хадж Эмин снова и снова обращался по берлинскому радио к арабскому миру:

— О братья арабы, восстаньте и отомстите за своих мучеников! Я, муфтий Иерусалима, объявляю эту войну священной войной против британского ига. Я знаю, какую ненависть вы питаете к угнетателям. Я знаю, что все мусульмане видят в англичанах и евреях главных врагов ислама и священных принципов Корана. Евреи хотят отнять у нас святыни, дорогие сердцу каждого мусульманина. Они уже сейчас замышляют строительство своего храма рядом с нашей святейшей мечетью Омара; они, конечно, осквернят нашу святыню, как уже неоднократно пытались сделать это в прошлом. Бейте евреев всюду, где они вам попадутся, ибо это богоугодное дело. Бог, история и наша священная вера не забудут ваших подвигов. Вы этим спасете свою честь. С вами Аллах! Да сгинут евреи!

Арабский мир не оставил эти слова без внимания.

В Сирию и Ливан, находящиеся в руках вишистской Франции, непрерывным потоком шло немецкое снаряжение, чтобы, когда пробьет час, проложить фашистам дорогу в Палестину и Египет.

Начальник египетского генерального штаба продавал

немцам военные секреты. Египетский король Фарук отказался предоставить в распоряжение англичан хотя бы одного солдата для защиты от Роммеля. В Ираке замыслился новый переворот.

Единственный друг союзников, старый деспот Ибн-Сауд был куплен на американские доллары. Но даже Ибн-Сауд не предложил ни единого верблюда британской Восьмой армии, находящейся в тяжелом положении.

На всем Ближнем Востоке у союзников был только один надежный помощник — ишув!

Роммель, опьяненный победой в Ливии, начал поход на Александрию, где население уже готовило тайком немецкие флаги, чтобы встречать «освободителей». На русском фронте вермахт добрался до Сталинграда. Это было самое черное время для союзников.

Главной целью немцев были Суэцкий канал, Египет и Палестина — солнечное сплетение Британской империи. Прорыв в Сталинграде мог открыть путь для молниеносного похода через Кавказ на Восток и в Индию.

Наконец англичане обратились к Еврейскому национальному совету с просьбой организовать партизанские подразделения, которые могли бы в случае надобности прикрыть их отступление и оказать сопротивление возможной немецкой оккупации. Это партизанское объединение получило название Пальмах. Впоследствии Пальмах стал ударной силой Хаганы.

Однажды за ужином Ари Бен Канаан сказал как ни в чем не бывало:

— Я вступил в британскую армию.

На следующий день он явился в кибуц Бет-Алоним — Дом Дубов, где собрались молодые люди со всей Палестины. Это были первые бойцы Пальмаха.

ГЛАВА 18

Кибуц Бет-Алоним находился у подножия горы Табор в центре Ездрелонской долины. Ари дали офицерский чин и поручили командовать партизанским соединением, созданным на случай захвата немцами Палестины. Среди будущих партизан преобладали совсем молодые юноши и девушки, а большинство командиров составляли «ветераны» чуть старше двадцати лет.

В Пальмах вошло много бывших бойцов рейдового отряда, которые теперь обучали новобранцев тактике майора Мальколма.

Военной формы в этой армии не было, не было званий и знаков отличия. Девушки обучались наравне с парнями.

Двух молодых бойцов, проявивших незаурядные способности, назначили командирами отрядов. Один был невысокий крепыш, кибуцник из Галилеи Зеев Гильбоа. Он первым отрастил густые черные усы, которые вскоре стали носить все пальмахники. Второй — изящный, серьезный студент из Иерусалима Давид Бен Ами. Им обоим недавно исполнилось девятнадцать.

Однажды в лагерь пожаловал с визитом сам генерал Хэвн-Херст, рослый, подтянутый блондин лет пятидесяти. Его приезд не вызвал особого восторга. После обхода генерал приказал Ари явиться с докладом в штаб.

Когда Ари вошел в кабинет, они сдержанно кивнули друг другу.

— Садитесь, лейтенант Бен Канаан, — сказал Хэвн-Херст. — Должен высказать удовлетворение по поводу того, что вам удалось сделать из этих пальмахников.

— Благодарю вас, сэр.

— Я тщательно познакомился с вашим личным, или, если хотите, уголовным, делом. Вы немало повидали на своем веку.

— Что делать — таковы условия, в которых мне приходится жить, — ответил Ари. — По натуре же я хлебороб.

Хэвн-Херст проглотил намек.

— Главная цель моего приезда в Бет-Алоним вот в чем. Я хочу спросить, не согласитесь ли вы взять особое задание? Мне известно, что вы вступили в британскую армию главным образом для того, чтобы обучить отряды Пальмаха. Однако дело, с которым я приехал, очень важное, и, мне кажется, с обучением можно подождать.

— Я солдат британской армии, генерал Хэвн-Херст. Готов выполнить любое поручение.

— Очень хорошо. Немцы развили лихорадочную деятельность в Сирии. Мы опасаемся, как бы они не организовали этой весной нападение на Палестину.

Ари кивнул.

— Мы не находимся в состоянии войны с вишистской Францией и не можем поэтому совершить рейд в Сирию, но у нас есть вооруженные силы «Свободной Франции». Одна-

ко предварительно нужно наладить разведку. Вы знаете Сирию и Ливан с тех дней, когда были в Гамишмаре, хорошо владеете арабским. Мы хотим, чтобы вы собрали парней, которые служили с вами в Гамишмаре, вернулись с ними туда и организовали разведывательную базу. Когда начнутся военные действия, у вас появятся дополнительные поручения. Вы получите звание капитана.

— Тут есть одна загвоздка, сэр.

— А именно?

— Многие мои товарищи из Гамишмара брошены английскими властями в тюрьму, они все еще там.

Лицо Хэвн-Херста побагровело.

— Мы их освободим.

— Это хорошо, сэр. И еще вот что. У меня есть тут двое — прекрасные солдаты. Мне бы хотелось взять их с собой в Гамишмар.

— Очень хорошо, — ответил Хэвн-Херст. — Захватите их с собой.

Ари направился к двери.

— Нападение на Сирию, — сказал он на прощание, — замечательная стратегическая операция. В случае чего она как нельзя лучше прикроет отступление британской Восьмой армии в Индию.

Хэвн-Херст вперил ненавидящий взгляд в еврея.

— Похоже, Бен Канаан, когда-нибудь нам с вами придется стоять по разные стороны баррикады.

— Мы и сейчас стоим, сэр.

Ари, Зеев Гильбоа и Давид Бен Ами отправились в Гамишмар, к той горе, с которой у Ари были связаны столь горестные воспоминания. Они собрали полсотни бойцов рейдового отряда.

Используя Гамишмар как базу, разведчики Ари доходили до самого Дамаска. Действовать приходилось крайне осторожно, так как нападение предполагалось совершить внезапно. Метод Ари был прост. Его бойцы бегло говорили по-арабски и хорошо знали местность. Переодетые арабами, они бродили по дорогам, собирая сведения. Ари хотелось проникнуть в Дамаск и Бейрут. Это было рискованно, и он понимал, что поручить операцию можно только очень смелому и ловкому человеку, да к тому же такому, вид которого не вызовет ни малейших подозрений. Ари связался со штабом Хаганы, и в его распоряжение прислали семнадцатилетнего юношу по имени Иоав Яркони.

Яркони, марокканский еврей из Касабланки, действительно мог сойти за араба. Это был паренек небольшого роста, с огромными, горящими как угли черными глазами, отчаянно дерзкий и веселый.

В Касабланке он жил с семьей в меллахе, африканской разновидности гетто. У тамошних евреев было мало общего с выходцами из России или Германии. Предки большинства из них бежали от испанской инквизиции, многие продолжали носить испанские фамилии.

Тысячу лет тому назад, когда ислам покорил полсвета, евреи добились высших почестей в арабском мире. Они были придворными врачами, философами, деятелями науки и искусства — словом, принадлежали к высшему обществу. Потом, когда арабский мир пришел в упадок, евреи почувствовали это особенно сильно.

Мусульмане никогда не доходили до таких крайностей в их истреблении, как христиане. Арабские погромы всегда держались в определенных рамках: за раз убивали не больше десятка евреев.

Родители Иоава Яркони бежали из меллаха, когда он был еще совсем маленьким. Семья поселилась в кибуце Сдот-Ям неподалеку от Кесарии. В тех местах к берегу приставало множество нелегальных судов, доставлявших оружие, и двенадцатилетний Иоав выполнял поручения Алии Бет по его переправке.

Когда ему исполнилось пятнадцать, он совершил поступок, поразивший весь ишув. Иоав отправился пешком с осликом из Сдот-Яма в Багдад, где украл несколько саженцев тщательно охраняемой знаменитой иракской финиковой пальмы и привез их в Палестину. Саженцы отправили в Шошану, где положили начало первым в Палестине финиковым плантациям.

С заданием Иоав справился легко. Он отправился пешком в Дамаск, оттуда — через Бейрут в Тир и недели через три вернулся в Гашишмар. Добытые им сведения подтвердили то, что Ари уже знал, но, кроме того, помогли уточнить расположение и численность вишистских войск.

Солдаты «Свободной Франции» тайно сосредоточились в Галилее и стали готовиться к нападению. Отряду Ари прислали в подкрепление сорок австралийцев — минеров и автоматчиков.

Бойцов разделили на три группы по тридцать человек. Они получили задание до начала операции пробраться в

Ливан и Сирию, захватить мосты, перерезать дороги и удерживать позиции до прибытия главных сил.

Группе Ари досталось самое опасное — пройти вдоль ливанского побережья до вишистского гарнизона и преградить врагу путь к горным мостам. В отряд из шестнадцати евреев и десяти австралийцев Ари включил Иоава, Зеева и Давида.

Они выступили за сутки до сигнала к общей атаке и без труда прошли один за другим шесть мостов. На перевале, за пять километров до вишистского гарнизона, расположенного в Форт-Генриде, отряд заминировал дорогу, установил пулеметы и стал ждать основные силы.

Но Ари не знал, что восточный фланг французов пересек Трансиорданию и вступил в Сирию на полсутки раньше назначенного срока. Этот преждевременный поход на Дамаск раскрыл противнику план операции.

Теперь предстояло удерживать горную дорогу вместо трех или четырех часов, которые требовались союзникам для выхода на намеченные позиции, по крайней мере шестнадцать.

Между тем вишисты, которые сосредоточили в Форт-Генриде два батальона с танками и артиллерией, двинулись по шоссе на юг, чтобы взорвать горные мосты.

Как только Ари заметил это, он понял, что дело плохо, и немедленно отправил Давида и Зеева за подкреплением.

Вишистские войска двигались в сторону перевала. Когда они достигли его, раздались взрывы и на них обрушился пулеметный огонь. Захваченные врасплох вишисты панически отступили. Однако вскоре они ответили артиллерийским огнем.

Прошло шесть невероятно трудных часов, прежде чем Давид и Зеев вернулись с батальоном войск «Свободной Франции». Все мосты остались целы, вишисты не смогли к ним пробиться, хотя оставили на перевале сотни трупов. От группы Ари осталось всего лишь пятеро. Сам Бен Канаан тоже находился на волосок от смерти: вся спина иссечена осколками, два пулевых ранения, сломана нога и перебит нос...

Войска «Свободной Франции» захватили Сирию.

Для Ари война на этом кончилась. Его увезли в Палестину, где он медленно и долго поправлялся. Британское командование присвоило ему звание майора и представило к награде за вклад в победу союзников.

Не меньший вклад внесли в английские успехи и другие герои ишува. Евреи Палестины сражались в отрядах смертников, бравших Тобрук и Бардию. Впоследствии батальон, целиком состоящий из них, участвовал в знаменитой обороне Тобрука. Они воевали в Италии и Греции, на Крите и в Нидерландах. Тысячи палестинских евреев служили в британских военно-воздушных силах, несли береговую охрану вдоль средиземноморского побережья. В самой Палестине Хагана не давала арабам бесчинствовать, дралась в пустыне, участвовала в захвате Сиди-Баррани, Солюма и Форт-Капуццо.

Еврейские штурмовые отряды, прославившиеся своей храбростью, были брошены в бои за Эритрею и Эфиопию. Три тысячи бойцов из Палестины влились в освободительные силы Чехословакии, Голландии, Франции и даже Польши. Еврейский отряд смертников получил приказ уничтожить нефтеочистительный завод в Триполи — его солдаты погибли все до единого. Англичане поручали евреям особые разведывательные задания. Выходцы из Германии, переодетые в форму гитлеровских офицеров, проникли в самый штаб Роммеля. Евреи гибли, охраняя мосульские нефтяные поля от непрерывных набегов арабов.

Когда англичанам потребовались агенты на Балканах, они также обратились к евреям и создали из них отряды десантников и парашютистов. Они считали, что еврей легче найдет укрытие среди соплеменников в той стране, куда его сбросят, и часто оказывались правы. Но назад все равно вернулись немногие. Девушку по имени Хана Сенеш из того же кибуца, что Иоав Яркони, сбросили в Венгрию. Она попала в руки нацистов, ее подвергли нечеловеческим пыткам и замучили насмерть.

Ишув покрыл себя неуязвимой славой. Но англичане замалчивали вклад ишува в свои победы, ибо опасались, что когда-нибудь это станет козырем евреев в борьбе за создание своего очага в Палестине.

Роммелю так и не удалось взять Александрию; немцы не смогли сломить оборону Сталинграда.

Когда чаша весов стала склоняться в сторону союзников, арабы перестали ждать «освободителей» и поспешно объявили войну Германии. Больше всего им хотелось получить возможность участвовать в будущих переговорах о мире и блокировать сионистов.

Несмотря на доблесть воинов ишува, англичане не от-

менили Белую книгу и не пересмотрели свою иммиграционную политику. Даже уничтожение шести миллионов евреев не заставило их открыть двери Палестины перед остатками наполовину истребленного народа.

Хагану охватило брожение. Но не она, а маккавеи возобновили военные действия. Серия террористических актов потрясла страну и заставила англичан укрыться в крепостях. Маккавеи, которых теперь было несколько тысяч, взрывали британские объекты один за другим.

Генерал Хэвн-Херст устроил на маккавеев настоящую охоту. Он с удивительной быстротой депортировал сотни боевиков в Судан. Но мстители Акивы не дали себя запугать. Тогда Хэвн-Херст приказал избивать пленных кнутом. Маккавеи ответили тем же: ловили английских солдат и публично секли их. Тогда англичане стали вешать маккавеев; в ответ начались казни английских солдат. Кроме того, боевики застрелили дюжину особенно рьяных английских офицеров.

Арабы, поняв, что от англичан кары не последует, начали беспощадную резню евреев. Святая Земля содрогнулась от террора.

Во время войны Хадж Эмин эль-Хусейни объявил себя духовным вождем югославских мусульман, сражавшихся в рядах фашистской армии. Правительство Югославии признало его военным преступником. Хадж Эмина арестовали во Франции, однако англичане помогли ему бежать в Египет. Арабы устроили муфтию восторженный прием и провозгласили его героем ислама. Власть над арабами Палестины захватил племянник муфтия Джемаль.

Новый исторический этап поставил Соединенные Штаты в центр борьбы за влияние на Ближнем Востоке. Американские евреи стали лидерами сионистского движения, так как большинство европейского еврейства погибло.

Учитывая рост американского влияния, англичане предложили США создать совместную комиссию для анализа положения в Палестине. Англо-американская комиссия побывала в лагерях для перемещенных лиц в Европе и пришла к выводу: необходимо немедленно разрешить въезд в Палестину ста тысячам евреев.

Англичане, однако, заявили, что примут это предложение, только если Хагана и Пальмах будут немедленно распущены. И вообще это невозможно! Нашлись десятки предложений, чтобы не считаться с рекомендациями комиссии.

Это переполнило чашу терпения Еврейского нацио-

нального совета. Хагана и Пальмах совершили несколько налетов на британские военные объекты. В ответ англичане ввели в Палестину части, состоящие из бывших фронтовиков, и превратили страну в полицейское государство. Во время массовой облавы они арестовали несколько сот деятелей ишува и бросили их в тюрьму.

Хагана ответила блестящей контроперацией: за одну ночь были взорваны мосты на всех дорогах, ведущих в страну.

Алия Бет доставляла англичанам все больше и больше хлопот, и наконец министр иностранных дел Великобритании в откровенно антиеврейском выступлении объявил, что прекращается всякая иммиграция.

Ответ на это заявление дали маккавеи. Группа маккавеев, переодетых арабами, привезла несколько десятков бидонов молока в иерусалимский отель «Царь Давид», в правом флигеле которого размещался главный штаб англичан. Бидоны поставили в подвал как раз под правым флигелем, и в них было не молоко, а динамит. Подключив взрыватели и настроив часовой механизм, маккавеи ушли и предупредили по телефону англичан о предстоящем взрыве. Те только посмеялись: кто посмеет взорвать британский генеральный штаб!

Десять минут спустя раздался оглушительный взрыв, который, казалось, был слышен во всей стране. Правый флигель отеля «Царь Давид» взлетел на воздух.

ГЛАВА 19

«Исход» был готов отплыть к берегам Палестины.

Ари назначил отправление на утро после торжественного ужина в честь праздника Хануки, устроенного на террасе «Купола».

Было приглашено около трехсот гостей. Небольшая еврейская община Кипра и команда «Исхода» сидели за длинным столом. Выздоровевших, веселых детей, одетых в новую одежду, встретил гул восторга. Их завалили подарками. Дети оставили себе по одному сувениру, остальные попросили раздать тем, кто оставался в Караолосе. Столы ломились от лакомств, и дети кричали от радости. Голод и страх были позади. Тогда они вели себя как взрослые герои, но теперь снова стали детьми. Вокруг террасы толпились десятки греков и англичан, они тоже радовались.

Карен лихорадочно искала глазами Китти, и вся засияла, когда заметила ее у перил с Марком Паркером.

— Иди сюда, Китти, — крикнула Карен, — здесь есть место для тебя.

— Это твой праздник, — ответила Китти. — Я буду смотреть.

Когда дети налюбовались подарками, из-за стола встал Давид. На террасе воцарилась тишина. Только глухой шум прибоя доносился со стороны моря.

— Сегодня мы празднуем первый день Хануки, — начал Давид. — Мы празднуем этот день в честь Иуды Маккавея, его мужественных братьев и горстки верных ему людей, которые спустились с гор Иудеи, чтобы бороться с греками, поработившими наш народ.

Дети подперли щеки кулаками и приготовились слушать.

— У Иуды Маккавея с горсточкой храбрецов, в сущности, не было никаких шансов победить такого мощного противника, как греки, которые правили тогда всем миром. Но он верил, что единый и истинный Бог укажет ему путь. Иуда был прекрасным воином. Он раз за разом обманывал греков и завлекал их в западню. Его люди были храбрейшими бойцами, так как несли в своих сердцах веру в Господа. Маккавеи взяли Иерусалим и вышвырнули всемогущих греков из Палестины.

Раздался взрыв аплодисментов.

— Иуда вошел в Храм, его воины разрушили изваяние Зевса и вновь посвятили Храм единому истинному Богу. Тому самому Богу, который помог нам в нашей борьбе с англичанами.

Давид рассказал историю возрождения еврейского народа. Китти Фремонт слушала его с особым вниманием. Она смотрела на Карен, на Дова Ландау, на Марка и вдруг почувствовала, что кто-то остановился рядом с ней. Это был бригадный генерал Брюс Сазерленд.

— Сегодня вечером, — продолжал Давид, — мы зажжем первую свечу Меноры. Каждый вечер будем зажигать по свече, пока их не наберется восемь. Мы называем Хануку праздником свечей.

Давид Бен Ами ко всеобщему восторгу детей зажег первую свечу.

— Завтра вечером в море мы зажжем вторую ханукальную свечу, а третью уже в Эрец Исраэль.

Давид надел ермолку. Китти смотрела на Зеева Гильбоа, галилейского хлебороба; на Иоава Яркони, марокканского еврея; на Давида Бен Ами, студента из Иерусалима. Наконец ее взгляд задержался на Ари Бен Канаане. Вокруг его глаз были синие круги — свидетельство глубокой усталости. Давид положил Библию на стол и произнес:

— Не дремлет и не спит хранящий Израиля.

По телу Китти Фремонт пробежал холодок. Она не могла оторвать взгляда от усталого лица Ари.

Не дремлет и не спит хранящий Израиля...

Ветхая машина «Исхода» задрезжала, судно дало задний ход, направляясь к середине бухты, чтобы выйти в открытое море и взять курс на Палестину.

Утром перед пассажирами показалась земля.

— Палестина!

— Эрец Израэль!

Дети смеялись, пели, плакали.

Старая лохань подплывала к берегу, и весть об этом распространилась по всей стране. Наконец-то прибыли дети, те самые дети, что заставили сдаться всемогущую Британскую империю!

«Исход» вошел в гавань Хайфы под звуки оркестра. Салют взлетел над Хайфой, над селами, кибуцами, мошавами, над дорогой в Иерусалим.

Двадцать пять тысяч жителей Палестины пришли на пристань, чтобы приветствовать маленькое судно. Оркестр местной филармонии исполнил еврейский гимн «Гатикву» — «Надежду».

Китти Фремонт увидела, что по щекам Карен текут слезы.

«Исход» пришел домой.

Книга третья ОКО ЗА ОКО

*...Отдай душу за душу, глаз за глаз,
зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,
обожжение за обожжение...*

Исх. 21, 23 — 25

ГЛАВА 1

Колонна серебристо-синих автобусов транспортной компании «Эгтед» ждала детей на пристани. Торжественную встречу сократили до минимума. Ребят усадили в автобусы и вывезли из порта. Их сопровождал конвой британских бронемашин.

Карен опустила стекло и на ходу что-то крикнула Китти, но та из-за шума ничего не разобрала. Автобусы укатили. Четверть часа спустя пристань опустела; остались только бригада докеров и несколько британских часовых.

Китти стояла неподвижно у перил «Исхода», ошеломленная внезапной переменой. Она с трудом соображала, где находится, и смотрела на Хайфу, которая была прекрасна той особой красотой, что отличает любой город, построенный на склонах гор вокруг залива. У самого берега ютились домишки арабского квартала. Еврейский район простирался по всему склону горы Кармель. Слева, рядом с Хайфой, открывалась футуристическая панорама огромных резервуаров и труб нефтеочистительного завода, куда подходил нефтепровод из Мосула. Неподалеку в доке стояли на якоре штук десять ветхих и обшарпанных судов Алии Бет, которым, подобно «Исходу», удалось добраться до палестинского берега.

Зеев, Давид и Иоав прервали ее раздумье. Они поздоровались и поблагодарили ее за помощь. Когда они ушли, Китти осталась одна.

— Красивый город, правда?

Она обернулась. Позади стоял Ари Бен Канаан.

— Мы стараемся, чтобы гости приезжали в Палестину через Хайфу. Первое впечатление должно быть приятным.

— Куда увезли детей? — спросила она.

— Их расселят в центрах «Молодежной алии». Некоторые из них расположены в кибуцах, у других — собственные поселки. Через несколько дней я смогу сказать вам точно, куда попала Карен.

— Буду очень благодарна.

— А вы, Китти, какие у вас планы?

Она горько улыбнулась.

— Тот же вопрос я задаю себе сама. Этот и еще кучу других. Я ведь здесь чужая, мистер Бен Канаан, и чувствую себя не совсем ловко, когда думаю, как сюда попала. Но ничего, у сестры Китти неплохая профессия, на которую всегда большой спрос. Как-нибудь устроюсь.

— Может быть, позвольте помочь вам устроиться?

— Мне кажется, вы так заняты. Я постараюсь устроиться сама.

— Слушайте, Китти. Я думаю, что «Молодежная алия» подошла бы вам лучше всего. Глава этой организации — мой хороший друг.

— Очень любезно с вашей стороны, но мне бы не хотелось утруждать вас.

— Глупости. Если вы сможете выдержать мое общество несколько дней, то я с удовольствием доставлю вас в Иерусалим. Правда, сначала мне надо съездить по делу в Тель-Авив, но это к лучшему. Там я сумею получить для вас назначение.

— Мне бы меньше всего хотелось, чтобы вы считали себя обязанным что-то делать для меня.

— Я хочу это сделать, — ответил Ари.

Китти облегченно вздохнула. Ей очень не хотелось оставаться одной в чужой стране. Она улыбнулась и поблагодарила Ари.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня нам придется переночевать в Хайфе из-за комендантского часа на дорогах. Уложите все, что вам нужно на несколько дней, в один чемодан. Если будет много багажа, англичане станут проверять его каждые пять минут. Остальные вещи я оставлю на таможне.

Покончив дела с таможней, Ари заказал такси. Они поднялись на Кармель, в еврейскую часть города, и остановились на самой вершине горы, у небольшого пансиона, утопавшего в ельнике.

— Лучше поселиться здесь. В Хайфе меня хорошо знают, и, если мы остановимся где-нибудь в центре, не будет ни минуты покоя. Идите отдыхать. Я спущусь в город за машиной и вернусь к ужину.

Вечером Ари повел Китти в ресторан на вершине Кармеля, откуда открывался изумительный вид. Весь склон был покрыт зелеными деревьями, из-под которых виднелись

особняки и кубики жилых домов, построенных в арабском стиле из коричневого камня. Гигантский нефтеочистительный завод казался отсюда небольшим пятном. Когда стемнело, вдоль извилистой улицы, ведущей вниз к кварталам на берегу, вспыхнула и засияла золотая вереница огней.

Китти порозовела от возбуждения. Неожиданное внимание Ари радовало ее.

Покончив с ужином, они заказали коньяк. Китти серьезно и внимательно разглядывала панораму города. Хайфа, пожалуй, выглядела куда современнее, чем Афины и Салоники.

— Все еще не можете понять, как сюда попали?

— Еще бы. Это кажется чудесным сном.

— Скоро вы убедитесь, что мы вполне цивилизованные, а порой даже приятные люди. Кстати, я вас еще не поблагодарил как следует.

— Вы и не должны благодарить. Вы меня уже отблагодарили. Я знаю только одно место, которое могло бы сравниться с Хайфой своей красотой.

— Сан-Франциско?

— Вы там бывали, Ари?

— Нет. Но все американцы говорят, что Хайфа напоминает Сан-Франциско.

Стемнело, по всему Кармелю замигали огни. Маленький оркестр играл негромкую музыку. Ари налил Китти еще коньяку, и они чокнулись.

Вдруг оркестр утих. Разговоры в зале прекратились.

К ресторану подъехал грузовик с британскими солдатами, которые оцепили здание и стали проверять документы.

— Ничего особенного, — шепнул Ари. — Скоро привыкнете.

Капитан, возглавлявший отряд, подошел к ним.

— Ба, да это Ари Бен Канаан! — саркастически воскликнул он. — Давненько я не видел вашего портрета среди разыскиваемых преступников. Верно, шкодничали в другом месте.

— Добрый вечер, капитан, — ответил Ари. — Я бы представил вас своей спутнице, если бы помнил вашу фамилию.

Капитан усмехнулся.

— Зато я хорошо помню вашу. Мы следим за вами, Бен Канаан. Старая камера в Акко давно тоскует по вас. Кто

знает, может быть, на этот раз губернатор догадается одарить вас веревкой вместо тюрьмы.

Капитан издевательски помахал на прощание и удалился.

— Как любезно встречают вас, — сказала Китти. — Каков мерзавец!

Ари нагнулся к ней и шепнул:

— Это капитан Аллан Бриджес. Он один из лучших друзей Хаганы и сообщает нам о передвижениях арабов и англичан в этом районе. То, что вы видели, — спектакль.

Китти изумленно покачала головой. Патруль удалился, захватив с собой двух евреев, у которых бумаги были не в порядке. Оркестр сыграл ему вслед «Боже, храни короля».

Грузовик укатил, и минуту спустя ресторан гудел как ни в чем не бывало. Китти была потрясена несоответствием между происшедшим и спокойствием людей.

— К этому скоро привыкают, — сказал Ари. — Вы тоже привыкнете. Это страна, в которой живут злые и нервные люди. Пройдет некоторое время, и вам даже будет скучно, если в виде исключения выдастся спокойная неделя. Не огорчайтесь...

Ари не успел закончить фразу: ударная волна огромной силы встряхнула ресторан, раздался звон битого стекла. Они увидели гигантский оранжевый шар, поднимавшийся к небу. Раздалась еще целая серия взрывов, потрясших здание.

— Крекинг! — закричали кругом. — Они взорвали нефтеочистительный завод! Это маккавеи!

Ари схватил Китти за руку.

— Бежим, пока не поздно. Минут через десять вся долина Кармея будет кишеть солдатней.

Через несколько секунд зал опустел. Ари быстро вывел Китти наружу. Внизу полыхал нефтеочистительный завод, дико ревели сирены пожарных машин и британских джипов.

Ночью Китти долго не могла уснуть, силясь понять то, что так внезапно обрушилось на нее. Она радовалась тому, что рядом с ней Ари, но в то же время ей казалось, что приезд в Палестину был горькой ошибкой.

Пожар на крекинге продолжался и утром. Туча густого дыма висела над всей округой. Ходили слухи, что взрыв — результат операции, которую возглавил Бен Моше, ближайший помощник Акивы, бывший до вступления в ряды маккавеев профессором в Иерусалимском университете. Нападение на нефтеочистительный завод оказалось только частью операции. Второй удар был направлен на аэродром

в Лидде, где террористам удалось уничтожить несколько истребителей «спитфайр» стоимостью шесть миллионов долларов. Так маккавеи приветствовали прибытие «Исхода».

Ари удалось взять напрокат старенький «фиат». Обычно путь до Тель-Авива занимает всего несколько часов, но так как Ари никогда не жил нормальной жизнью, он предложил выехать из Хайфы рано утром. Они спустились с Кармеля и поехали по береговому шоссе вдоль Самарии, мимо радующих глаз зеленых полей прибрежных кибуцев. Сочная зелень резко выделялась под ослепительным солнцем на фоне коричневых скалистых холмов. Через несколько минут они наткнулись на первый шлагбаум. Ари предупредил, что шлагбаумы здесь на каждом шагу. Китти наблюдала, как он делает вид, будто ему все нипочем — даже англичане, многие из которых узнавали его и обещали, поддразнивая, что амнистия евреям — до поры до времени.

Ари свернул с шоссе и поехал в сторону моря, к руинам Кесарии. Сидя на древнем молу, они позавтракали захваченными из Хайфы бутербродами. Ари показал на домики Сдот-Яма — кибуца, где жил Иоав Яркони и где он сам часто бывал в довоенные годы, когда Алия Бет нелегально высаживала здесь иммигрантов в 1936 — 1939 годах. Потом рассказал об арабском городке, построенном на римских развалинах. Арабы умели использовать остатки чужих цивилизаций и, в сущности, за тысячу лет построили в Палестине всего лишь один целиком арабский город. Великолепные римские статуи и колонны из Кесарии можно было найти в арабских домах по всей Самарии и Саронской долине.

После завтрака они поехали дальше на юг, к Тель-Авиву. Движения на шоссе почти не было. Только изредка проезжали автобус или повозка с вечным осликом в упряжке. Время от времени их обгоняли британские автоколонны, которые неслись на максимальной скорости. Проезжая мимо арабских сел, Китти поражалась их убожеству, особенно в сравнении с еврейскими. На коричневых каменистых полях трудились одни женщины. Они шли по обочине шоссе с огромными тюками на головах, закутанные в длинные одежды, стеснявшие движения. Кофейни вдоль шоссе были битком набиты мужчинами, игравшими в нарды. У Зихрон-Якова они проехали мимо первой тагартовой крепости, мрачного сооружения, окруженного оградой из колючей проволоки. За Хадерой виднелась еще одна крепость, потом они замаячили чуть ли не у каждого перекрестка.

К югу от Хадеры, в Саронской долине, поля были еще плодороднее, а зелень сочнее. По обеим сторонам дороги росли австралийские эвкалипты.

— Лет двадцать пять назад ничего этого не было и в помине, — сказал Ари. — Сплошная пустыня.

В полдень они въехали в Тель-Авив.

Город лежал на берегу Средиземного моря, ослепительно белый на солнце, напоминая глазурь на огромном торте. Ари ехал по широким бульварам, вдоль которых возвышались современные жилые дома. Жизнь в городе была ключом, и Китти здесь сразу понравилось.

Ари остановился на улице Гаяркон у гостиницы «Гат-Римон».

Часам к четырем, после долгого обеденного перерыва, открылись магазины. Ари и Китти пошли побродить по улице Алленби. Китти хотела поменять немного денег, кое-что купить, а главное — посмотреть город. За площадью Мограби, где стоял театр, начались маленькие магазинчики. Они прошли мимо десятка книжных лавок, и Китти остановилась у вывесок на иврите, которые не могла разобрать. Через деловые кварталы они вышли к бульвару Ротшильда. Здесь начинался Старый город, возникший когда-то как пригород Яффы. Китти казалось, что время пошло вспять. Чем дальше, тем грязнее становились улочки, мельчали лавки, пахло нечистотами. Они сделали крюк и вернулись назад по узкому проулку, где расположился арабо-еврейский базар и у прилавков толпились люди. Добравшись до площади Мограби, они повернули на широкую, обсаженную деревьями улицу Бен Иегуды. Здесь прямо на тротуарах стояли столики разнообразных кафе. У каждого свой особый стиль, своя клиентура. В одном собирались юристы, в другом — политики-социалисты. Третье посещали только актеры, четвертое — деловые люди. Где-то шептались угрюмые личности, вид которых заставлял вспомнить о террористах, а в соседнем заведении коротали время за нескончаемой игрой в шахматы пенсионеры.

Продавцы маленьких, из двух листочков, газет выкрикивали новости о нападении маккавеев на аэродром в Лидде, на завод в Хайфе и о прибытии «Исхода». Толпа не уменьшалась. Люди в восточных одеждах шли вперемежку с элегантными дамами, одетыми по последней моде европейских столиц. Но больше всего было уроженцев Палестины в шортах защитного цвета и белых рубашках с отложными ворот-

ничками. Многие были в сандалиях и голубой одежде кибуцников. На шее они носили тоненькие цепочки со звездой Давида. Большинство мужчин носили густые усы — отличительный признак коренного жителя. Женщины, как правило, рослые, с высокой грудью, были одеты в простые платья, шорты или брюки. В их осанке была вызывающая гордость.

Вдруг улица стихла.

Наступила тишина. Посреди улицы медленно ехала английская бронемашина с громкоговорителем. В ней, сжав губы, сидели у пулеметов солдаты.

«Внимание, евреи! Командующий войсками объявил комендантский час. С наступлением темноты ни один еврей не должен находиться на улице. Внимание, евреи! Командующий войсками объявил комендантский час...»

Публика встретила это объявление взрывом аплодисментов и смехом.

— Осторожнее, Томми! — крикнул кто-то. — Следующий перекресток заминирован.

Когда бронемашина уехала, улица как ни в чем не бывало зажила прежней жизнью.

— Вернемся в гостиницу, — попросила Китти.

— Я говорил — не пройдет и месяца, как вы до того привыкнете к нашему укладу, что просто жить не сможете без постоянных волнений.

— Никогда я к этому не привыкну, Ари.

Они вернулись в гостиницу, нагруженные покупками, выпили по коктейлю в маленьком уютном баре, а затем поужинали на террасе, с которой открывался вид на море. Был хорошо виден изгиб берега там, где сливались Тель-Авив и Яффа, древнейший в мире портовый город.

— Спасибо за чудесный день. Британские патрули и шлагбаумы не в счет.

— Придется попросить у вас извинения, — ответил Ари. — После ужина мне нужно уйти ненадолго.

— А как же комендантский час?

— Вы же слышали — он касается только евреев, — отшутился Бен Канаан.

Ари оставил Китти и поехал в пригород Рамат-Ган — Холм-Сад. Тут вместо многоэтажных зданий стояли особняки с черепичными крышами, окруженные газонами и цветниками. Ари поставил машину и погулял с полчаса, чтобы убедиться, что за ним нет слежки.

На улице Монтефиоре он подошел к большому особняку доктора Тамира. Доктор сам открыл дверь, крепко пожал Ари руку и повел его в подвал.

В этом доме была резиденция генерального штаба Ханы.

В подвале хранились запасы оружия и боеприпасов, стоял печатный станок, выпускающий листовки на арабском языке, в которых арабов призывали хранить спокойствие и не нарушать мир. Тут же записывали на магнитофонную ленту передачи для секретной передвижной радиостанции «Кол Израэль» — «Голос Израиля». Здесь же изготовляли гранаты, собирали самодельные мины. Вся работа остановилась, когда доктор Тамир появился в сопровождении гостя. Ари поздравляли с успешным завершением операции «Исход», со всех сторон посыпались вопросы.

— Потом, потом, — успокаивал товарищей Тамир.

— Мне нужно поговорить с Авиданом, — сказал Ари.

Он прошел мимо груды ящиков с винтовками к двери и постучал.

— Входите.

Ари открыл дверь и увидел лысого силача, командира подпольной армии. Авидан оторвался от бумаг, лежавших на шатком столе, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ари, шалом!

Он вскочил, обнял своего любимца, усадил в кресло и хлопнул по спине с такой силой, будто забивал сваю.

— Как хорошо, что ты снова здесь, Ари! Здорово ты показал англичанам! А где остальные ребята?

— Я их отпустил домой.

— Правильно. Они заслужили несколько дней. Может, и сам отдохнешь?

В понимании Авидана, за четверть века ни разу не знавшего отпуска, это была высшая награда.

— А что это за девушка приехала с тобой?

— Арабская разведчица. Не будь таким дотошным.

— Она хоть друг?

— Нет. Ни друг, ни даже сочувствующая.

— Жаль. Нам бы пригодилась американка, да еще христианка.

— Нет. Она просто милая женщина, которая смотрит на евреев, как на диковинных зверей в зоопарке. Завтра я отвезу ее в Иерусалим и познакомлю с Харriet Зальцман: может, удастся пристроить ее в «Молодежную алию».

— Лично, что ли, заинтересован?

— Да отстань ты, ради Бога, со своим еврейским любопытством.

В кабинете стало душно. Авидан достал огромный синий платок и вытер лысину.

— Маккавеи неплохо отметили наше прибытие. Я слышал, нефтеочистительный будет гореть еще целую неделю. Плакала их нефть! Когда-то они теперь восстановят завод!

Авидан покачал головой.

— Вчера у них, положим, получилось неплохо. А позавчера? А что будет завтра? На удачную операцию обычно приходится две неудачные. Каждый раз, когда маккавеи прибегают к насилию, страдать приходится всему ишуву. Отдаться приходится всем нам. Завтра генерал Хэвн-Херст или губернатор явятся в национальный совет и будут стучать кулаками по столу Бен Гуриона, требуя, чтобы Хагана приструнила маккавеев. Клянусь тебе, порой я просто не знаю, что делать. До сих пор англичане не трогали Хагану. Но если террор не прекратится, знаешь, что будет? Маккавеи начали грабить банки, чтобы финансировать свои операции.

— Надеюсь, английские банки? — Ари закурил сигарету, встал и прошелся по кабинету. — Может, и нам пора организовать парочку хороших рейдов?

— Нет, мы не можем рисковать Хаганой. Нелегальная иммиграция — вот наше главное оружие сегодня. Один «Исход» важнее взрыва десятка крекингов.

— Но когда-нибудь мы же должны начать действовать, Авидан. Либо у нас есть армия, либо ее нет.

Авидан достал из ящика стола несколько бумажек и протянул Ари. Тот прочитал: «Боевая диспозиция. Шестая авиатранспортная дивизия», — поднял голову и изумленно спросил:

— Неужели у них тут три бригады десантных войск?

— Читай!

«Королевский бронетанковый корпус с королевскими гусарами, полки: 53-й Вустерширский, 249-й авиатранспортный, гвардейские драгуны, королевские стрелки, гордонские горные стрелки, ольстерские карабинеры, Хертфордширский полк...» — нескончаемый список британских частей, расположенных в Палестине. Ари бросил листки на стол:

— Они что же, с русскими собрались воевать?

— Вот видишь? Каждый Божий день я изучаю этот список с каким-нибудь нетерпеливым пальмахником. Почему

не действуем? Почему не принимаем бой? Думаешь, мне приятно отсиживаться? Но, Ари, у них здесь пятая часть списочного состава британских вооруженных сил. По меньшей мере сто тысяч человек, не считая Арабского легиона в Трансиордании. Маккавеи носятся туда-сюда, стреляют, шумят, строят из себя героев, а нас обвиняют в трусости. — Авидан ударил кулаком по столу. — А я, черт возьми, все пытаюсь сколотить армию! У нас нет даже десяти тысяч винтовок, попробуй повоюй! А погибнет Хагана — мы все погибнем. Маккавеи могут наносить удары, а затем скрываться. Нам же приходится топтаться на месте, и только на месте. Мы не можем позволить себе действовать, не можем даже позлить Хэвн-Херста. На каждых пять евреев у них тут по солдату. Британские облавы становятся с каждым днем все опаснее. Арабы тем временем набирают силы, а англичане на них — ноль внимания.

Ари снова достал список британских частей и молча просмотрел его еще раз.

— Куда мне теперь?

— Пока никуда. Поезжай домой, отдохни пару дней, потом явишься в Эйн-Ор в штаб Пальмаха. Хочу, чтобы ты хорошенько изучил наши силы в каждом населенном пункте Галилеи. Нужно заранее знать, что сможем удержать и что отдать.

— Ты еще никогда так не говорил, Авидан.

— Никогда еще наше положение не было так серьезно. Арабы даже отказались сесть с нами за один стол в Лондоне.

Ари направился к двери.

— Привет Бараку и Саре. Скажи Иордане, пускай не очень скачет из-за приезда Давида. Я его тоже отправлю в Эйн-Ор.

— Я еду в Иерусалим завтра, — сказал Ари. — Поручений не будет?

— Как же! Собери мне там тысяч десять фронтовиков с оружием.

— Шалом, Авидан.

— Шалом, Ари. Хорошо, что ты снова дома.

Ари был мрачен, когда возвращался в Тель-Авив. Еще на Кипре он как-то сказал Давиду Бен Ами, что Хагана, Пальмах, Алия Бет разбрасываются, пробуют то одно, то другое. Некоторые планы удаются, некоторые — нет. А дело следует делать, не поддаваясь эмоциям. Так, как поступает он, Ари Бен Канаан. Он был толковый и отважный воин.

Однако лишь теперь все представало перед ним в истинном свете, и от этого ему становилось не по себе.

«Исход», хайфский завод, удар здесь, удар там. Люди гибнут, пытаясь протащить какие-то жалкие полсотни винтовок. Людей вешают только за то, что они нелегально провезли сотню бывших лагерников, чудом оставшихся в живых. Он маленький человек, а воевать приходится с великаном. В эту минуту ему, материалисту, ужасно захотелось поверить в Бога.

Китти ждала его в маленьком баре в конце вестибюля. Эти дни Ари был так любезен, что она решила дожидаться его, поболтать немножко и выпить рюмку-другую на сон грядущий. Китти увидела, как Бен Канаан подошел к администратору за ключом.

— Ари! — позвала она.

Его лицо было таким же сосредоточенным, как тогда, в первый день их знакомства на Кипре. Китти помахала ему рукой, но он не заметил ее и поднялся в свой номер.

ГЛАВА 2

Два автобуса везли пятьдесят детей с «Исхода» в долину Хулы мимо холма, где лежали развалины древнего Хацора. Пока ехали по Галилее, юные путешественники высовывались из окон, визжали от восторга и размахивали руками.

— Дов! Посмотри, какая красота! — крикнула Карен.

Дов буркнул в ответ, что не видит ничего особенного.

Автобусы забрались далеко в долину Хулы, до Яд-Эля, где жила семья Бен Канаана. Здесь от главного шоссе уходила дорога в горы, к границе с Ливаном. Дети заволновались, когда увидели указатель, на котором было написано «Ган-Дафна». Один только Дов Ландау утрюмо молчал. Автобусы медленно поползли вверх по извилистой дороге, и вскоре открылся вид на долину Хулы, зеленые ковры полей кибуцев и мошавов. Широкое болото окаймляла дюжина прямоугольных прудов, в которых разводили рыбу.

На полпути, когда они въехали в арабскую деревню Абу-Йешу, автобусы замедлили ход. Здесь их встречали без настороженности, которую дети заметили в других арабских деревнях. Наоборот, им приветственно махали руками.

Миновав Абу-Йешу, они преодолели подъем и вскоре въехали в Ган-Дафну — Сад Дафны, село «Молодежной

алии». Автобусы остановились перед громадным газоном в центре селения, расположенного на широком плоскогорье. Вокруг стояли административные здания, от которых расходились ряды жилых домиков, утопавших в цветах. Когда дети вышли из автобусов, оркестр исполнил торжественный марш.

В самом центре газона стояла в человеческий рост статуя Дафны, девушки, именем которой было названо село. Бронзовая девушка с винтовкой смотрела вниз на долину Хулы точно так же, как смотрела Дафна в тот страшный день, когда ее убили в Гамишмаре.

Основатель селения доктор Либерман, невысокий горбун, куривший огромную трубку, вышел вперед и обратился с приветствием к прибывшим. Он сказал, что покинул Германию в 1933 году и через семь лет построил Ган-Дафну на участке, который Камал, покойный мухтар Абу-Йеши, великодушно уступил «Молодежной алии». Доктор поздоровался лично с каждым ребенком и каждому сказал несколько слов на его родном языке. Карен показалось, будто она его где-то видела раньше. Он напоминал кельнских профессоров, которые приходили в гости к ее родителям. Но это было так давно, что она почти ничего не помнила.

Потом к новичкам подошли ребята, жившие в селении.

— Карен Клемент — это ты?

— Да.

— А я Иона, твоя соседка по комнате, — сказала девушка, египетская еврейка чуть постарше Карен. — Пойдем, я покажу тебе нашу комнату. Тебе здесь понравится.

Карен крикнула Дову, что скоро придет, и пошла за Ионой мимо административных зданий и школы, вдоль обсаженной кустами аллеи, по обеим сторонам которой стояли коттеджи.

— Нам повезло, — сказала Иона. — Мы с тобой постарше, поэтому будем жить в коттедже.

Карен остановилась перед небольшим домиком, посмотрела на него, словно не веря глазам, и вошла. Это была самая обыкновенная комната, но Карен показалось, что она никогда в жизни не видела такого чуда. Кровать, стол, шкаф, кресло — и все это принадлежит ей.

После ужина состоялся концерт в летнем театре. Уже темнело, когда Карен нашла Дова на газоне у статуи Дафны. Впервые за много недель ей захотелось танцевать; казалось, что она попала в рай. Карен встала рядом с Довом и показала на домики Абу-Йеши, белеющие в седловине, над которыми

мрачно громоздилась тагартова крепость. Совсем внизу, в долине, лежали поля мошава Яд-Эль. Еще дальше, на вершине горы, стоял Тель-Хай, где погиб Трумпельдор, а по другую сторону, в Сирии, поднималась вершина Хермона.

Карен была в брюках оливкового цвета, крестьянской блузе с закрытым воротником и легких сандалиях.

— Дов! — воскликнула она. — Это самый счастливый день в моей жизни. Иона — чудная девушка. Она мне сказала, что на свете нет человека добрее, чем доктор Либерман.

Она легла на траву, посмотрела в небо и вздохнула. Дов стоял над ней, не говоря ни слова. Карен села, схватила его за руку и потянула к себе.

— Брось ты это! — сказал он резко.

Но девушка не отпустила его руку, пока он не сел рядом. Когда она положила голову ему на плечо, Дов совсем растерялся.

— Пожалуйста, Дов, не хмурься. Неужели ты не рад?

— Нашла о чем думать!

— Я думаю о тебе, — сказала Карен.

— Подумай лучше о себе.

— Я и о себе думаю. — Она встала на колени и положила ему руки на плечи. — Ты видел свою комнату, койку? Сколько лет прошло с тех пор, как ты жил в такой комнате?

Дов покраснел и опустил глаза.

— Ты только подумай, Дов. Кончились лагеря. Нет больше ни Сиотатов, ни Караолосов, ни нелегальных пароходов. Мы дома, Дов! Мне даже не снилось, что все будет так прекрасно.

Дов медленно поднялся и повернулся к ней спиной.

— Прекрасно для тебя. У меня другие планы.

— Забудь ты об этих планах, — взмолилась Карен. Снова заиграл оркестр. — Пойдем лучше в театр, — сказала Карен.

Как только Ари и Китти оставили Тель-Авив и проехали мимо британского лагеря в Сарфанде, она снова почувствовала беспокойство. Они проехали по Рамле, арабскому городу, и Китти впервые почувствовала на себе враждебные взгляды. Ари, казалось, не замечал ни арабов, ни Китти. За весь день он не сказал и десятка слов.

За Рамле по узкой дороге, которая извивалась в горах Иудеи, машина въехала в Баб-эль-Вад. По обе стороны, прямо на скалах, росли посаженные евреями молодые леса.

Дальше, в горах, виднелись следы древних террас, которые выделялись на фоне обнаженных скал, как ребра изголодавшейся собаки. Когда-то эти холмы и террасы кормили сотни тысяч людей, теперь все разрушилось, выветрилось. Только на верхушках гор белели арабские дереvушки.

Здесь, в Баб-эль-Ваде, Китти впервые почувствовала власть Иерусалима. Говорили, что каждый, кто первый раз едет по горам Иудеи, испытывает на себе таинственную мощь города Давида. Но Китти удивилась, что он действует на нее с такой силой. Ведь ее религиозное воспитание было довольно поверхностно. Дорога поднималась все выше, и ее волнение нарастало. Китти словно слилась с Библией, она вдруг поняла, что значит находиться на Святой Земле.

Далеко на горизонте появились неясные очертания Иерусалима, волнение Китти увеличилось еще больше.

Они въехали в Новый город, построенный евреями, и двинулись по Яффскому шоссе, мимо бесчисленных магазинов, в сторону крепостной стены Старого города. У Яффских ворот Ари свернул к бульвару Царя Давида и вскоре затормозил перед огромной гостиницей с тем же названием.

Китти вышла из машины и чуть не вскрикнула, заметив, что правый флигель здания начисто разрушен.

— Когда-то здесь размещался британский штаб, а маккаеи усовершенствовали здание, — пояснил Ари.

Громадная гостиница была построена из иерусалимского камня в европейском стиле, несколько перегруженном архитектурными излишествами. Холл, как считалось, воспроизводил двор царя Давида.

Китти спустилась к обеду первой. Она села на террасе, откуда открывался вид на небольшую долину у крепостной стены. Напротив возвышалась Башня Давида, а сама терраса утопала в зелени. Позади играл небольшой эстрадный оркестр.

Вскоре появился Ари. Увидев Китти, он остановился как вкопанный. Красивая женщина, ничего не скажешь! Такой он ее еще не видел: элегантноe вечернее платье, широкополая шляпа, белые перчатки. В эту минуту он чувствовал себя так, будто разом перенесся на другой край света. Китти в точности походила на красивых женщин Рима или Парижа, в которых нет привычной домашней простоты, которые опасны, непонятны — но так соблазнительны. Расстояние в световой год отделяло эту женщину от Дафны.

Он присел рядом.

— Я позвонил Хариэт Зальцман, — сказал он. — После обеда мы ходим к ней.

— Спасибо. Иерусалим произвел на меня огромное впечатление.

— Да, в нем есть какая-то таинственная сила. Кто бы сюда ни приехал, все испытывают то же самое. Возьмите Давида Бен Ами. Он бредит Иерусалимом. Уверен, что он поведет вас завтра показывать Старый город.

— Очень мило с его стороны.

Ари пристально посмотрел на нее. Казалось, она стала еще красивее. Он отвел взгляд и подозвал официанта, затем, покончив с заказом, уставился в пространство. Китти показалось, что Ари тяготеет заботой о ней, которую взвалил на себя. Минут десять они молчали.

Китти поковыряла салат.

— Я вам очень в тягость?

— Да что вы!

— Со вчерашнего вечера вы ведете себя так, словно я не существую.

— Прошу прощения, Китти, — сказал он, не поднимая глаз. — Вы, пожалуй, правы собеседник из меня сегодня никудышный.

— Что-нибудь не так?

— Много не так, но и вы и я тут бессильны. Давайте я лучше расскажу вам про Хариэт Зальцман. Она тоже американка. Ей, пожалуй, далеко уже за восемьдесят. Если бы здесь присваивали звания святых, то она стала бы нашей святой номер один. Видите вон ту гору за Старым городом? Это гора Скопус. Там помещается самый современный медицинский центр на всем Ближнем Востоке. Его строительство финансировали американские сионистки из «Гадассы». Эту организацию Хариэт создала сразу после Первой мировой войны. Большинство палестинских больниц и медицинских центров — дело рук «Гадассы».

— Ого, она, видно, очень энергична.

— Да уж, энергии ей не занимать. Когда Гитлер пришел к власти, Хариэт создала «Молодежную алию», которая спасла тысячи детей и подростков. Теперь у «Молодежной алии» десятки центров по всей стране. Мне кажется, вы с ней работаетесь.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Хариэт прожила здесь долгие годы, но в душе она все-таки американка.

Оркестр замолк.

На Иерусалим опустилась тишина. С минарета послышался слабый крик муэдзина, призывающего правоверных к молитве, и опять стало тихо. Зазвонили колокола на башне через дорогу, мягкие звуки полились по окрестным горам и долинам. И снова тишина. Кругом было так мирно и тихо, что слова были бы кощунством. Казалось, будто время остановило свой бег.

— Какое изумительное ощущение, — шепнула Китти.

— Такие спокойные минуты выпадают в наши дни довольно редко, — сказал Ари. — Но боюсь, спокойствие обманчиво. Извините, пожалуйста, мне нужно выйти на минутку.

Еще направляясь на террасу, он заметил коротышку Бар Исраэля, связанного маккавеев. Бар Исраэль кивнул Ари и тут же исчез.

Ари прошел в вестибюль к киоску и купил пачку сигарет. Постоял минуту, полистал иллюстрированный журнал. Бар Исраэль подошел к нему сзади и шепнул:

— Дядя Акива в Иерусалиме. Хочет встретиться с тобой.

— Сейчас мне нужно в поселенческое общество, но я быстро освобожусь.

— Найдешь меня в русском квартале, — тихо сказал связанной и торопливо покинул вестибюль.

Широкий бульвар Кинг-Джордж в Новом Иерусалиме был застроен административными зданиями, школами и церквями. Сионистское поселенческое общество размещалось в большом четырехэтажном здании на углу. К главному подъезду вела длинная дорожка.

— Шалом, Ари! — воскликнула Харизет Зальцман, вскочив из-за письменного стола с живостью, какую трудно было ожидать от женщины ее лет. Она поднялась на цыпочки, обняла Ари и крепко поцеловала его в щеку. — Ну ты им показал на Кипре! Молодец!

Китти молча остановилась на пороге. Поздоровавшись с Ари, старушка повернулась к ней:

— Кэтрин Фремонт? Вы очень милы, дитя мое.

— Благодарю вас, миссис Зальцман.

— Бросьте вы эту «миссис»! Только англичане и арабы зовут меня так, и тогда я чувствую себя совсем старой. Садитесь, сейчас принесу чаю. Может быть, вы хотите кофе?

— Лучше чаю.

— Ну вот, Ари, перед тобой настоящая американская девушка, — сказала Харизет с широким жестом в сторону Китти.

В глазах старухи светилось озорство.

— Убежден, что далеко не все американские девушки так красивы, как эта.

— Не надо, прошу вас. А то я совсем засмущаюсь.

— Ну, девушки, вижу, что я вам тут не очень-то нужен. У меня есть дела, так что я, пожалуй, пойду. Если вовремя не вернусь, вы сможете, Китти, взять такси и вернуться в гостиницу?

— Иди, иди, — успокоила его старушка. — Китти пойдет ко мне, и мы вместе пообедаем. Кому ты нужен?

Ари улыбнулся и ушел.

— Хороший парень, — сказала Харизет. — И у нас много таких. Достается им, и умирают они, так и не пожив как следует. — Она закурила и протянула пачку сигарет Китти. — Откуда вы?

— Из Индианы.

— А я из Сан-Франциско.

— Чудный город, — сказала Китти. — Я была там с мужем. Всегда надеялась — съезжу туда как-нибудь еще.

— Мне тоже ужасно этого хочется, — сказала старушка. — С каждым годом все больше тоскую по Штатам. Вот уже пятнадцать лет клянусь, что возьму да и съезжу хотя бы ненадолго, но тут конца нет работе. Эти несчастные малютки все прибывают и прибывают, а я места себе не нахожу от тоски. Видно, старость.

— Глядя на вас, не скажешь.

— Хорошо быть евреем и работать на возрождение еврейского государства, но американцем тоже быть неплохо, и вы, пожалуйста, никогда об этом не забывайте, сударыня. Мне не терпелось познакомиться с вами с тех самых пор, как началась эта история с «Исходом», и должна сказать, что вы меня поразили — а меня удивить не просто.

— Боюсь, газеты сильно преувеличили...

За простой внешностью Харизет Зальцман скрывался острый ум, и, хотя Китти чувствовала себя вполне непри-
нужденно, она тем не менее понимала, что старушка тща-
тельно ее изучает. Они попивали чай, болтали о разных раз-
ностях, но главным образом об Америке. Харизет загрузила.

— На будущий год обязательно съезжу домой, постараюсь найти какой-нибудь предлог. Может быть, возьмусь со-

бирать деньги. Мы часто отправляемся в такие поездки. Известно ли вам, что американские евреи дают нам больше, чем вносят все жители США в Красный Крест? Однако зачем я рассказываю вам все это? Вы же хотите работать у нас?

— Мне очень жаль, но я не принесла документов.

— Не надо никаких документов. Мы знаем вас.

— Вот как?

— Да-да. У нас добрая дюжина сообщений о вас.

— Уж и не знаю, радоваться или обижаться.

— Не надо обижаться. Такое время сейчас. Мы должны быть уверены в каждом. Кстати, когда вы сюда вошли, я как раз читала донесение, которое касается вас, и ломала голову, что же все-таки привело вас к нам?

— Я медсестра, а вам нужны медсестры.

Харизт покачала головой.

— Из-за этого сюда не приходят. Тут должно быть что-то другое. Не в Ари ли тут дело?

— Нет... то есть он мне, конечно, нравится.

— Он нравится многим женщинам, но на этот раз, похоже, нашлась женщина, которая понравилась ему.

— Не думаю, Харизт.

— Слишком велико расстояние между Яд-Элем и Индианой. Он — сабра, и только сабра может понять его.

— Сабра?

— Так мы называем тех, кто родился здесь. Вообще-то, сабра — это плод дикого кактуса, растущего в Палестине. Он шероховатый и колючий снаружи, а внутри мягкий и сладкий.

— Прекрасное сравнение.

— Ари, как и все сабры, понятия не имеет об американском образе жизни. Вы не представляете, что у него за жизнь.

После небольшой паузы Харизт продолжала:

— Буду с вами откровенна. Если нееврей приходит к нам, то только потому, что он друг. Вы же нас даже не знаете как следует. Красивая американская девушка, совершенно сбита с толку этим странным народом, который зовется евреями. Зачем же вы все-таки пришли к нам?

— Ничего тут странного нет. Я сильно привязалась к одной девушке в Караолосе. Она тоже приплыла на «Исходе». Боюсь, что ей так и не удастся разыскать своего отца. Если она его не отыщет, я удочерю ее и увезу в Америку.

— Вот как. Теперь я все поняла и мы можем перейти к делу. У нас есть вакансия старшей сестры в одном из молодежных сел в Северной Галилее. Чудное место. Директор,

доктор Эрнст Либерман, один из моих старых и близких друзей. Селение называется Ган-Дафна, там около четырехсот детей, в основном из концлагерей. Они очень нуждаются в помощи. Надеюсь, вы согласитесь. Зарплата и прочие условия — очень неплохие.

— Я хотела бы спросить о...

— Карен Хансен?

— Откуда вы знаете?

— Я же вам сказала: вся Палестина — маленькая деревня. Карен тоже в Ган-Дафне.

— Не знаю, как вас благодарить.

— Благодарите Ари, он все и устроил. Он отвезет вас туда, это недалеко от его дома.

Старушка допила чай и откинулась в кресле.

— Можно дать вам дельный совет?

— Буду благодарна.

— Я работаю с сиротами с 1933 года. Вы не сразу поймете тягу к Палестине, которую испытывают эти дети. Подышав воздухом свободы, они быстро проникаются преданностью этой стране, и тогда им становится очень трудно уехать отсюда. Те же, кто все-таки уезжает, почти никогда не пускают корни за пределами Палестины. Их любовь к этой стране чрезвычайно глубока. Для американцев очень многое разумеется само собой. А здесь человек встает рано утром, и сразу наступает тревога. Он не знает, не исчезнет ли внезапно то, ради чего он проливал пот и кровь. Эта страна занимает его мысли двадцать четыре часа в сутки и постепенно превращается в смысл существования.

— Вы хотите сказать, что я не сумею убедить девочку уехать со мной?

— Я хочу только сказать, что у вас будут большие трудности.

В дверь постучали.

— Войдите!

Появился Давид Бен Ами.

— Шалом, Харизэт. Шалом, Китти. Ари сказал, что вы здесь. Я не помешал?

— Нет. Мы уже покончили с делами. Кэтрин получила направление в Ган-Дафну.

— Это прекрасно. Мне пришла в голову идея показать Китти Меа-Шеарим.

— Отличная мысль, Давид.

— Тогда пошли. Вы тоже с нами, Харизэт?

— Да что ты! В мои годы таскаться по городу! Ровно через два часа ты приведешь Китти сюда. Она сегодня обедает у меня.

Китти встала, поблагодарила старушку и повернулась к Давиду. Он не сводил с нее глаз.

— В чем дело, Давид? Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто я еще не видел вас красиво одетой. Вы просто великолепны. — Он смущенно посмотрел на свою одежду. — Мне даже неловко идти с вами в таком виде.

— Глупости. Я оделась получше, чтобы явиться к начальству.

— Шалом, дети, и до свидания.

Китти была рада, что Давид пришел за ней. С ним она чувствовала себя спокойнее, чем с любым другим евреем. Они вышли из здания поселенческого общества и свернули на улицу Пророков. Китти взяла Давида под руку. Он был так поглощен окружающим, что, казалось, не она, а он впервые знакомится с городом. Давид словно заново открывал вечный город и радовался всему, как ребенок.

— Хорошо оказаться дома, — сказал он. — Как вам нравится мой город?

— У меня нет слов. Он подавляет и даже чуточку пугает.

— На меня Иерусалим производит такое же впечатление.

— Очень любезно с вашей стороны уделять время мне, а не своей семье.

— Мы еще не все съехались. У меня шестеро братьев, почти все в Пальмахе. Я самый младший, и все соберутся в честь моего возвращения. Только один из братьев не придет, придется встретиться с ним отдельно.

— Он что же, болен?

— Нет, он террорист, ушел к маккавеям. Отец не пускает его на порог. Он все время с Бен Моше, одним из их вождей. Бен Моше был когда-то моим преподавателем в университете.

Давид остановился и показал на гору Скопус, по ту сторону долины Кедрона, где за медицинским центром «Гадасы» виднелись здания университета.

— Вы тоскуете по учебе?

— Конечно. Когда-нибудь буду снова учиться.

Когда начало темнеть, раздался хриплый звук.

— Шабат! Шабат! — громко возвестили на улице.

По всему Иерусалиму разнеслись звуки древнего рога.

Давид надел ермолку и повел Китти на улицу Меа-Шеарим — Ста Ворот, где жили самые религиозные евреи.

— Здесь вы сможете увидеть в синагогах, как люди молятся на тысячу ладов. Некоторые из йеменитов, к примеру, покачиваются во время молитвы, как будто едут на верблюде. Это своего рода реакция на то, что им когда-то запрещалось садиться на верблюда, чтобы их головы, не дай Бог, не возвышались над головой какого-нибудь мусульманина.

— Да что вы говорите!

— Или возьмите потомков испанских евреев. Во времена инквизиции они под страхом смерти должны были принять крещение и стать католиками. Они произносили вслух латинские молитвы, а под конец про себя — еврейскую. Они и сейчас молятся молча после каждой молитвы.

Улица Меа-Шеарим поразила Китти. По обе стороны шли двухэтажные каменные домики с богато разукрашенными чугунными решетками на балконах. Мужчины с бородами и пейсами были одеты в длинные черные сатиновые кафтаны и шапки, отороченные мехом. Тут же были йемениты в арабских одеждах, курдские, бухарские, персидские евреи в пестрых шелковых халатах. Все шли из бани после ритуального омовения одинаковой торопливой походкой, покачиваясь, словно погруженные в молитву.

Прошло несколько минут, и улица опустела: все вошли в синагоги, небольшие строения, порой просто каморки, которых было по нескольку на каждый квартал. Тут существовали общины из Италии, Афганистана, Польши, Венгрии и Марокко. Вся улица гудела от молитвенных субботних напевов, от громких восклицаний впадающих в экстаз хасидов. Женщинам входить в синагоги не разрешалось, поэтому Давид и Китти ограничились тем, что заглянули в забранные чугунными решетками окна.

Какие странные помещения, какой странный народ! Китти смотрела, как мужчины почти в истерике толпились вокруг Торы, громко вздыхая и рыдая. Она видела вдохновенные лица йеменитов, которые молились, сидя по-турецки на подушках. Она видела стариков, беспрестанно покачивающихся взад и вперед и быстро читающих пожелтевшие молитвенники. Как не похожи эти люди на красивых и независимых мужчин и женщин Тель-Авива!

— Евреи очень разные, — пояснил Давид. — Я нарочно привел вас сюда. Я знаю, Ари ни за что бы этого не сделал. Он, как все сабры, презирает традицию. Эти люди ведь не

пашут, не воюют, да к тому же противятся тому, что пытаемся сделать мы. Однако если живешь в Иерусалиме столько, сколько я, то относишься к ним более терпимо — особенно если понимаешь, какая ужасная жизнь превратила их в фанатиков.

...Ари Бен Канаан ждал у церкви в русском квартале. Становилось темно. Внезапно появился Бар Израэль. Ари последовал за ним в переулок, где стояло такси. Они сели в машину, и Бар Израэль достал большую черную повязку.

— Неужели нельзя без этого?

— Я доверяю тебе, Ари, но приказ есть приказ.

Ари завязали глаза, потом попросили лечь на пол и небросили на него одеяло. Минут двадцать такси кружило по городу, чтобы сбить Ари с толку, а затем повернуло в сторону Катамоны, бывшей немецкой колонии. Наконец машина остановилась, его быстро провели в дом и лишь здесь разрешили снять повязку.

Комната была почти пуста: стул, стол, на нем свеча, бутылка коньяка и две рюмки — Ари не сразу все разглядел. Напротив стола стоял дядя Акива. Его голова и борода побелели как снег, лицо прорезали глубокие морщины, спина сгорбилась. Ари медленно подошел и остановился перед ним.

— Шалом, дядя! — сказал он.

— Шалом, сын мой.

Они обнялись, и старик, с трудом справившись с волнением, поднес свечу к лицу племянника и улыбнулся:

— Выглядишь ты чудесно, Ари. Хорошо поработал на Кипре.

— Спасибо.

— Я слышал, ты привез с собой девушку.

— Американку. Она очень нам помогла, но, в сущности, человек посторонний. А ты как себя чувствуешь?

Акива пожал плечами:

— Как может себя чувствовать человек в подполье? Я тебя давно не видел, Ари, чересчур давно. Пожалуй, больше двух лет. Хорошо было, когда Иордана училась здесь в университете. Мы с ней встречались каждую неделю. Ей скоро двадцать. Как она? Все еще встречается с тем мальчишкой?

— С Давидом Бен Ами? Да, они очень любят друг друга. Давид был со мной на Кипре, очень способный парень.

— Его брат — один из наших, знаешь об этом? А Бен

Моше был его преподавателем в университете. Может быть, мы и с Давидом когда-нибудь встретимся.

— Конечно, встретитесь.

— Я слышал, Иордана в Пальмахе.

— Да, она учит детей в Ган-Дафне, а кроме того, работает на передвижной радиостанции, когда та действует из нашего района.

— Выходит, она живет неподалеку от моего кибуца. Наверное, частенько бывает в Эйн-Оре?

— Да.

— Никогда не говорит, как там?

— Эйн-Ор всегда прекрасен.

— Может быть, я тоже смогу побывать там когда-нибудь. Акива сел и налил коньяку. Рука у него дрожала. Ари взял рюмку, они чокнулись.

— Лехаим, — сказал старик.

— Я говорил вчера с Авиданом, дядя. Он мне показал расстановку британских сил в Палестине. Твои ребята знакомы с этим документом?

— У нас есть друзья в британской разведке.

Акива встал и стал ходить по комнате.

— Хэвн-Херст намеревается ликвидировать мою организацию. Англичане спят и видят, как бы уничтожить маккавеев. Они нас пытаются, вешают, сослали всех наших командиров. У нас хватает мужества бороться с этими убийцами, но приходится еще и воевать с предателями среди наших. Да-да, Ари, мы знаем, что Хагана предает нас англичанам.

— Это неправда, — резко возразил Ари.

— Правда!

— Да нет же! Как раз сегодня Хэвн-Херст потребовал, чтобы национальный совет помог в ликвидации маккавеев, но получил отказ.

Акива заходил быстрее.

— А откуда, по-твоему, англичане получают информацию, если не от Хаганы? Эти трусы из национального совета предоставляют маккавеям проливать кровь и погибать. Мало того, эти трусы еще и предают нас. Хитро, правда, но предают! Предают!

— Не хочу даже слушать, дядя. Хагана и Пальмах тоже рвутся в бой. По крайней мере подавляющее большинство людей. Ты думаешь, нам легко? Но нельзя разрушать то, что создано таким трудом.

— Вот как! Значит, мы разрушаем?

Ари стиснул зубы и промолчал. Старик продолжал ходить по комнате, затем резко остановился и, подбоченившись, произнес:

— Недаром говорят, что я мастер затевать бесполезные ссоры.

— Ничего, дядя, все в порядке.

— Ты уж извини, Ари. Давай лучше выпьем еще по одной.

— Спасибо, я больше не буду.

Акива повернулся к нему спиной и глухо спросил:

— А как там мой брат?

— Был в порядке, когда я его видел. Собирается в Лондон на конференцию.

— Да, узнаю Барака. Говорить он мастер. Так и будет болтать до самого конца. — Акива облизнул губы и нерешительно спросил: — Он знает, что вы — Иордана, ты, Сара — встречаетесь со мной?

— Думаю, знает.

Акива посмотрел племяннику прямо в глаза. Его лицо выражало страдание.

— Он когда-нибудь спрашивал обо мне?

— Нет.

Акива коротко и сухо рассмеялся, затем опустил на стул и налил себе еще коньяку.

— До чего же странно получается. Я всегда сердился, а он прощал. Ари, я очень устал. Год за годом... Кто знает, когда все это кончится и сколько я еще протяну. Конечно, мы не забудем муки, которые причинили друг другу, но должен же он найти в себе силы, чтобы прекратить молчание. Ари, он должен простить меня хотя бы во имя памяти нашего отца.

ГЛАВА 3

Сотни колоколов церковей Старого города, Кедронской долины, Масличной и Сионской горы присоединились к торжественному звону. В Иерусалиме было воскресенье, христианский день отдыха.

Давид Бен Ами повел Китти через богато разукрашенные Дамасские ворота по Виа Долороза — Крестному пути — к Львиным воротам, откуда открывался вид на Кед-

ронскую долину, на могилы Захарии, Авессалома и Марии, и на Масличную гору, откуда, по христианскому преданию, вознесся Христос.

Они шли по узким переулкам, по арабским базарам, мимо маленьких лавчонок, где шел отчаянный торг. На ступеньках мечети Омара лежали сотни пар обуви. Бородатые евреи рыдали у Стены плача. До чего же все это странно, снова и снова думала Китти. Здесь, в этих унылых городах, как в фокусе, тысячелетиями сходились сотни цивилизаций. Почему именно здесь, почему избран именно этот клочок земли, эта улица, эта церковь? Римляне и крестоносцы, греки, турки и арабы, ассирийцы, вавилоняне и англичане — всех их влекло сюда, в город презренных евреев. Он и свят, и проклят. Сила и слабость — все, что есть в людях хорошего и дурного, воплощено в нем. Крестный путь и Гефсиманский сад. Тайная вечеря, последний вечер Иисуса...

Давид повел Китти в храм Гроба Господня, где в маленькой часовне, украшенной множеством светильников, над мраморной гробницей Христа день и ночь горели свечи. Китти опустилась на колени и поцеловала реликвию, как миллионы паломников до нее.

На следующее утро Ари и Китти оставили Иерусалим и направились на север, в Галилею. Они ехали мимо застывших арабских деревень в Ездрелонскую долину, болота которой евреи превратили в самые плодородные земли Ближнего Востока. Но когда они стали подниматься к Назарету, их будто отбросило на несколько столетий назад: вдоль дороги лежали выжженные солнцем, растрескавшиеся поля арабов. Назарет почти не изменился со времен Иисуса.

Ари остановил машину в центре города и принялся отгонять бросившихся к ним арабских мальчишек, но один никак не хотел отставать.

— Хотите, я вас провожу?

— Не надо.

— Может, вам нужны какие-нибудь сувениры? У меня есть щепки от креста Господня, лоскуты от Его одежды.

— Пошел вон!

— А картинки с голыми бабами?

Ари попытался уйти, но мальчуган схватил его за штанину:

— Тогда, может быть, мы с вами договоримся насчет моей сестры? Она еще девушка.

Ари бросил ему монету:

— На! Береги машину. Отвечаешь за нее головой.

В городе стояла ужасная вонь. Улицы были покрыты навозом, везде попадались калеки и нищие, под ногами ползали полуголые, невообразимо грязные дети, воздух гудел от мух. Китти крепко держалась за руку Ари, пока они прокладывали путь по тесному базару туда, где когда-то находилась кухня Пресвятой Девы и столярная мастерская Иосифа.

Потом Китти долго не могла прийти в себя — какое ужасное место.

— Зато арабы здесь дружелюбные, — сказал Ари. — Они тут почти все христиане.

— Христиане-то христиане, но им всем срочно нужна баня.

Они остановились у церкви Кафр-Каны, где Христос, по преданию, совершил первое чудо, превратив воду в вино. Кана Галилейская стала теперь маленькой арабской деревней, а в остальном вряд ли изменилась за тысячи лет.

Китти пыталась понять то, что ей довелось увидеть за эти дни. Маленькая страна, каждый дюйм которой пропитан славой и кровью. Ее охватывал священный трепет, но порой он уступал место отвращению. Некоторые святые места производили на нее большое впечатление, другие, наоборот, оставляли ощущение фальши, какое испытываешь во время карнавала. Погруженные в молитву евреи в квартале Меа-Шеарим — и горящий нефтеочистительный завод; дерзкие сабры Тель-Авива — и земледельцы Ездrelонской долины; все тесно переплелось, на каждом шагу противоречия и парадоксы.

Под вечер Ари въехал в Яд-Эль и остановил машину перед домиком, утопающим в цветах.

— Какая красота! — воскликнула Китти.

Дверь распахнулась, и Сара Бен Канаан бросилась им навстречу.

— Ари! — заплакала она, обнимая сына.

— Шалом, има.

— Ари, Ари...

— Ну, будет, има, не надо плакать! Пожалуйста, не плачь!

Выбежал громадный Барак Бен Канаан и крепко обнял сына.

— Шалом, аба, шалом.

Старый великан продолжал прижимать к себе сына, не переставая хлопать его по спине.

— Ты чудесно выглядишь, Ари, прямо-таки чудесно.

Сара не сводила с сына глаз.

— Он устал. Разве ты не видишь, Барак, как он устал?

— Я в порядке, има. Я привез вам гостью. Познакомьтесь, пожалуйста, с миссис Кэтрин Фремонт. С завтрашнего дня она будет работать в Ган-Дафне.

— Значит, это вы Кэтрин Фремонт, — заулыбался Барак, взяв ее руку в свои огромные лапищи. — Добро пожаловать в Яд-Эль.

— Какой же ты, Ари, глупый, — сказала мать. — Почему не позвонил и не предупредил, что миссис Фремонт придет с тобой? Входите, входите, примите душ, переоденьтесь, я приготовлю ужин. Какой же ты все-таки глупый, Ари. — Сара обняла Китти за талию и повела в дом. — Барак, возьми чемодан миссис Фремонт.

Иордана Бен Канаан стояла перед детьми с «Исхода» на сцене летнего театра. Высокая, стройная, она держалась прямо и независимо. Огненно-рыжие волосы свободно падали на плечи, подчеркивая ее поразительную красоту. Ей было всего девятнадцать, но она давно уже состояла в Пальмахе, который направил Иордану в Ган-Дафну. Здесь она возглавила отряд Гадны и обучала военному делу тех, кому исполнилось четырнадцать лет. В селе находился один из важнейших тайных складов оружия, отсюда его переправляли в долину Хулы. Кроме того, Иордана работала на передвижной радиостанции «Кол Израэль». Жила Иордана прямо в конторе Ган-Дафны.

— Меня зовут Иордана Бен Канаан, — обратилась она к детям. — Я командир Гадны. В ближайшие недели вы научитесь ходить в разведку, доставлять донесения, чистить оружие и обращаться с ним. Мы будем учиться также штыковому бою и ходить в походы. Теперь вы в Палестине, вам никогда больше не придется склонять голову и бояться того, что вы евреи. Работать придется упорно, потому что это нужно Эрец Израэлю. Завтра первый поход. Мы пойдем на север, в горы, в Тель-Хай, откуда мой отец прибыл в Палестину лет шестьдесят назад. Там же погиб и похоронен наш легендарный герой Иосиф Трумпельдор. У его могилы стоит огромный каменный лев, который смотрит вниз на долину. На цоколе памятника Трумпельдору высечены слова: «Нет

ничего прекраснее, чем отдать жизнь за родину». Я добавлю: нет ничего прекрасней, чем иметь родину, за которую можно отдать жизнь.

Когда Иордана возвращалась в контору, ее позвали к телефону. Она подняла трубку:

— Шалом, Иордана слушает.

— Шалом! Это има с тобой говорит. Ари приехал!

— Ари!

Иордана помчалась в конюшню, вскочила на белого арабского жеребца и поскакала через ворота Ган-Дафны. С развевающимися огненно-рыжими волосами, без седла она неслась по дороге в Абу-Йешу.

Арабы шарахались в стороны, когда она мчалась по главной улице деревни. Мужчины, сидевшие в кофейне, смотрели ей вслед и злобно шипели: наглая шлюха, рыжая сука, она смеет ездить верхом и в шортах по их улице! Ее счастье, что она дочь Барака и сестра Ари.

Ари взял Китти за руку и повел к двери:

— Я хочу показать вам наше хозяйство, пока не стемнеет.

— Вы не голодны, миссис Фремонт? — спросила Сара.

— Я так наелась, что вот-вот лопну.

— А удобно ли вам в комнате?

— Как нельзя лучше, миссис Бен Канаан.

— Ну, тогда идите. Только ненадолго, ужин будет готов к приезду Иорданы.

Сара и Барак посмотрели вслед молодым людям, затем друг на друга.

— Красивая женщина. Но подходит ли она нашему Ари?

— Ты еще, чего доброго, вздумаеть устроить сватовство? — сказал Барак.

— Ничего ты не понимаешь, Барак. Если бы ты видел, какими глазами он на нее смотрит. Неужели ты собственного сына до сих пор не знаешь? Впрочем, он ужасно устал.

Ари и Китти прошли по огороду к невысокой изгороди. Ари молча смотрел на поля мошава. От вертящихся разбрызгивателей тянуло прохладной сыростью, вечерний ветерок слегка колыхал листву, пахли розы. Китти смотрела на Ари, а он стоял, не отрывая глаз от полей. Впервые с тех пор, как она его увидела, Ари был спокоен. Наверное, ему редко выпадают такие минуты, подумала Китти.

— Далеко до вашей Индианы, — сказал Ари.

— Грех вам жаловаться.

— Ну, вам не пришлось строить Индиану на болоте.

Ари хотел объяснить Китти, как тоскует по дому, как мечтает вернуться к своим полям. Ему хотелось рассказать ей, что значит для его народа обладать этой землей.

Китти стояла, прислонившись к изгороди, и любовалась окружавшей ее красотой, гордостью Яд-Эля. Ари едва удержался, чтобы не обнять ее. Они повернули назад, прошли вдоль изгороди до хозяйственных построек, где их встретило кудахтанье кур и шипенье гусей. Ари открыл дверь птичника и увидел, что верхняя перекладина сломана.

— Надо бы поправить, — сказал он. — Многое здесь пора поправить, но я и Иордана совсем не бываем дома. Отец пропадает на совещаниях, и я боюсь, что работы в хозяйстве Бен Канаанов падают на плечи соседей. Но когда-нибудь мы все вернемся, и тогда вы увидите, что такое хозяйство.

Они остановились у свинарника, где свинья нежилась в луже, а дюжина жадных поросят толкалась около нее.

— Зебры, — бросил Ари.

— Не будь я специалистом по зебрам, я поклялась бы, что это свиньи, — ответила Китти.

— Ш-ш-ш... не дай Бог, услышит кто-нибудь из работников национального фонда. Видите ли, мы не должны выращивать... э... зебр на землях Еврейского национального фонда. В Ган-Дафне дети зовут их пеликанами. В кибуцах относятся к этому более прозаически и зовут их товарищами.

Они миновали хозяйственные постройки, навес, под которым стояли машины, и подошли к полю.

— Отсюда видна Ган-Дафна. — Ари показал рукой вверх.

— Вон те белые домики?

— Нет, то — арабская деревня Абу-Йеша. Смотрите чуточку правее и дальше в гору, где деревья на плато.

— О, вижу, теперь вижу! Господи, да ведь она витает в облаках. А что за строение позади нее на самой верхушке?

— Это Форт-Эстер, британская пограничная крепость. Пойдем дальше, я покажу кое-что еще.

Они зашагали по полям. Солнце уже садилось и бросало на горы странный, неверный свет. Они дошли до перелеска на краю поля, где река впадала в озеро.

— В Америке негры поют про эту реку очень мелодичные религиозные песни.

— Неужели Иордан?

— Он и есть.

Ари близко подошел к Китти, и они пристально посмотрели друг на друга.

— Нравится? А мои родители вам понравились?

Китти кивнула. Она ждала, что Ари ее обнимет. Он коснулся ее плеч.

— Ари! Ари! — закричал кто-то во весь голос.

Ари резко повернулся. Прямо на них в лучах заходящего солнца несся всадник. Они увидели тоненькую девичью фигуру и огненные волосы.

— Иордана!

Девушка резко осадил жеребца, радостно вскрикнула и спрыгнула прямо в объятия брата, да так, что оба упали на землю. Она уселась на него верхом и покрыла его лицо поцелуями.

— Ну, будет, будет! — запротестовал Ари.

— Сейчас насмерть зацелую!

Иордана принялась щекотать его и не унялась, пока гигант не положил ее на обе лопатки. Китти смотрела на них и смеялась. Вдруг Иордана заметила, что они не одни, и ее лицо застыло. Ари смущенно улыбнулся и помог сестре встать на ноги.

— Это моя свихнувшаяся сестра. Боюсь, что она меня перепутала с Давидом Бен Ами.

— Здравствуйте, Иордана, — сказала Китти. — Мне кажется, что мы знакомы сто лет. Давид столько о вас рассказывал.

Китти протянула ей руку.

— Вы, верно, Кэтрин Фремонт? Я тоже о вас много слышала.

Рукопожатие было довольно холодным, и это удивило Китти. Иордана подошла к коню, подняла поводья и повела его к дому. Ари и Китти пошли за ней.

— Ты видел Давида? — спросила Иордана через плечо.

— Он остался в Иерусалиме на несколько дней и просил передать, что позвонит сегодня ночью, а к концу недели и сам приедет, если только ты не поедешь в Иерусалим.

— Мне нельзя. К нам привезли новичков.

Ари подмигнул Китти.

— Ах да, — сказал он как бы между прочим. — Я встречался в Тель-Авиве с Авиданом. Он что-то говорил о том, что... о чем же он говорил? Вот память! А, вспомнил. Он говорил, что собирается откомандировать Давида в Эйн-Ор в распоряжение Галилейской бригады.

Иордана быстро обернулась и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ари, неужели это правда? — сказала она наконец. — Ты меня не обманываешь?

— Вот глупышка!

— Какой же ты противный! Почему сразу не сказал?

— Откуда мне знать, что это так важно?

Иордана чуть снова не набросилась на брата, но ее удержало присутствие Китти.

— Боже, как я счастлива! — только и сказала она.

Китти заставили поест еще раз. Понимая, что отказ могут неправильно понять, она не посмела спорить и храбро села за стол со всеми. Когда с ужином покончили, Сара вынесла во двор несколько столов с угощением для гостей.

В этот вечер к Бен Канаанам явился почти весь Яд-Эль — поздороваться с Ари, а заодно посмотреть на американку. Гости тихо, но возбужденно обменивались мнениями на иврите. Они очень старались выразить Китти самые добрые чувства. Ари не отходил от нее ни на шаг, стараясь уберечь гостью от расспросов, но вскоре, к своему удивлению, заметил, что Китти прекрасно справляется сама.

Лишь Иордана вела себя отчужденно и не скрывала неприязни к Китти, и та знала почему. Китти легко читала мысли девушки: что ты за человек, что тебе нужно от моего брата?

И верно: именно так думала Иордана, глядя, как Китти, похожая на бесполезных белоручек, жен английских офицеров, проводящих дни за чаем и сплетнями в отеле «Царь Давид», очаровывает любопытных крестьян Яд-Эля.

Было очень поздно, когда ушел последний гость, и Ари с Баракком смогли наконец остаться наедине и поговорить о хозяйстве. Хотя их подолгу не бывало дома, дела шли своим чередом: обо всем заботился мошав. Конечно, если бы Барак, Ари и Иордана не отлучались так надолго, уход за посевами был бы лучше.

Барак нашел среди угощений бутылку с остатками коньяка и налил Ари и себе по рюмке. Они удобно уселись, вытянув ноги.

— Ну, теперь расскажи про миссис Фремонт. Мы все умираем от любопытства.

— Жаль, но придется разочаровать тебя. Она приехала в Палестину из-за одной девочки, которая прибыла на «Ис-

ходе». Насколько я понимаю, она хочет удочерить ее. Мы же с ней просто друзья.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Миссис Фремонт мне нравится, Ари. Очень нравится, хоть она и не из наших. Ты виделся с Авиданом?

— Да. Меня пошлют, вероятней всего, в Эйн-Ор, в штаб Пальмаха долины Хулы. Он хочет, чтобы я проинспектировал наши силы в каждом населенном пункте.

— Это хорошо. Тебя так долго не было с нами. Мать будет рада, что сможет тебя немножко побаловать.

— А как твои дела, отец?

Барак погладил рыжую бороду и хлебнул коньяку.

— Авидан хочет, чтобы я поехал в Лондон для участия в переговорах.

— Я так и думал.

— Понятно, что мы должны и дальше добиваться политической победы. Ишув пока не может позволить себе вооруженную борьбу. Значит, мне придется ехать в Лондон. Как ни неприятно, но я тоже начинаю думать, что когда-нибудь англичане продадут нас с потрохами.

Ари встал и заходил по комнате. Он уже почти жалел, что Авидан не дал ему новое задание. Когда день и ночь работаешь, по крайней мере не остается времени думать о страшной действительности, угрожающей существованию ишува.

— К Тахе в Абу-Йешу не собираешься?

— Почему его не было сегодня? Что-нибудь случилось?

— То, что случается теперь всюду в стране! Двадцать лет мы жили мирно и дружно с арабами Абу-Йеши. Я дружил с Камалом добрых полвека. А теперь будто кошка пробежала между нами. Мы их всех знаем по именам, бывали у них в гостях, вместе гуляли на свадьбах, они учились в наших селах. Ари, что бы ни случилось, они наши друзья. Не знаю, где искать ошибку, но знаю, что ее надо во что бы то ни стало исправить.

— Я схожу к нему завтра, как только отвезу миссис Фремонт в Ган-Дафну.

Ари стоял, прислонившись к полкам, на которых стояли книги еврейских, английских, французских, русских классиков. Он провел рукой по корешкам и, поборов нерешительность, резко обернулся к Бараку:

— Я в Иерусалиме видел Акиву.

Барак открыл было рот, но все же не дал вырваться наружу вопросу о здоровье брата.

— Не будем говорить о нем в моем доме, — ответил он тихо.

— Он сильно постарел. Ему уже немного осталось. Он умоляет тебя помириться хотя бы ради памяти отца.

— Перестань, Ари. Не хочу даже слушать об этом.

— Неужели пятнадцати лет мало?

Барак выпрямился во весь рост и посмотрел сыну в глаза:

— Он ссорит между собой евреев. Сейчас его люди настраивают против нас жителей Абу-Йеши. Пускай ему Бог простит, но я ему этого никогда не прошу.

— Отец, послушай...

— Спокойной ночи, Ари.

На следующее утро Китти распрощалась с семейством Бен Канаан, и Ари повез ее горной дорогой в Ган-Дафну. В Абу-Йеше он сделал короткую остановку, чтобы передать Тахе, что вернется через час.

Чем выше они поднимались в гору, тем больше Китти не терпелось увидеть Карен. Она тревожилась — как-то все получится в Ган-Дафне? Почему Иордана так вела себя с ней: из ревности или она ненавидит других только потому, что они другие? Еще Хариэт Зальцман предупреждала: вы здесь чужая. Китти старалась быть любезной с евреями, но, может быть, подсознательно отстранялась от них, и это было заметно. Уж какая есть, думала Китти, в той стране, откуда я приехала, людей оценивают по поступкам.

Пока они ехали по безлюдным горам, ей стало тоскливо и одиноко.

— Мне придется сразу уехать, — сказал Ари.

— Но вы будете заезжать?

— Время от времени. А вам хочется, чтобы я приезжал, Китти?

— Да.

— В таком случае постараюсь делать это почаще.

Они проехали последний поворот, и перед ними раскинулось плато Ган-Дафны. Доктор Либерман, оркестр села, учителя, дети с «Исхода» собрались вокруг статуи девушки в центре газона и устроили Китти теплую, сердечную встречу; от всех ее тревог не осталось и следа. Карен выбежала вперед, обняла Китти и вручила букет зимних роз. Китти оказалась в плотном кольце детей с «Исхода», но она все же заметила, как Ари развернул машину и уехал.

Когда возбуждение улеглось, доктор Либерман и Карен повели Китти по аллее, вдоль которой стояли чистенькие двух- и трехкомнатные коттеджи для администрации, и остановились перед белым домиком, который утопал в цветах.

Карен взбежала на крыльцо, распахнула дверь и, затаив дыхание, посмотрела вслед Китти, которая медленно вошла в дом. Комната, предназначенная служить гостиной и спальней, была обставлена просто, но не без изящества. На кушетке лежали занавески и покрывало из грубого местного полотна, везде стояли букеты цветов и висел транспарант, написанный детской рукой: «Шалом, Китти!» Карен подбежала к окну, отодвинула занавеску, и перед ними открылся чудесный вид на долину, лежавшую метров на шестьсот ниже Ган-Дафны. В домике был еще небольшой рабочий кабинет, маленькая кухня и ванная. Все выглядело чрезвычайно мило и трогательно.

— Ну, а теперь иди, — сказал доктор Либерман, ласково подталкивая Карен к двери. — Ты еще наговоришься с миссис Фремонт. Иди, иди.

— До свидания, Китти.

— До свидания, родная.

— Вам нравится? — спросил он.

— Спасибо, мне здесь будет очень удобно.

Либерман присел на край кушетки.

— Дети с «Исхода» трудились день и ночь, когда узнали, что вы будете работать в Ган-Дафне, — покрасили домик, сшили занавески, посадили цветы. Теперь в вашем палисаднике растут все цветы, какие только водятся здесь. Просто сладу с детьми не было. Уж очень они вас любят.

Китти была тронута до глубины души.

— Я этого ничем не заслужила.

— Дети чувствуют, кто им действительно друг. Может быть, пройдемся по Ган-Дафне?

— С удовольствием.

Китти оказалась почти на голову выше своего нового начальника. Они медленно пошли к административным зданиям. Доктор Либерман то держал руки за спиной, то хлопал себя по карманам в поисках спичек, чтобы прикурить.

— Я приехал из Германии в 1933 году. Мне с самого начала было ясно, что там назревает. Моя жена умерла сразу после переезда сюда. После ее смерти и до 1940 года я преподавал классическую филологию в Иерусалимском университете. Потом Хариэт Зальцман предложила мне основать

здесь молодежное поселение. Это было как раз то, о чем я мечтал долгие годы. Покойный мухтар Абу-Йеши, очень великодушный человек, отдал нам это плато. Если бы все арабы и евреи жили между собой так же мирно! У вас нет спичек?

— К сожалению, не захватила.

— Ничего, я и так курю слишком много.

Они подошли к газону в центре села. Отсюда открывался вид на долину Хулы.

— Вон там, в долине, наши поля. Их нам дал мошав Яд-Эль.

Они остановились перед статуей.

— Это Дафна. Она была из Яд-Эля, воевала в Хагане и погибла. Ари Бен Канаан очень любил ее. Ее именем названо наше селение.

У Китти сжалось сердце будто от ревности. Пусть это только изваяние, а все-таки Дафна сильнее ее. Бронза изображала крестьянскую девушку, похожую на Иордану или тех девушек из селения, которые приходили вчера к Бен Канаанам.

Доктор Либерман замахал руками.

— Со всех сторон нас окружает история. По ту сторону долины — гора Хермон, а рядом — древний Дан. Я мог бы рассказывать часами, тут каждый клочок земли пропитан историей.

Маленький горбун с гордостью посмотрел на свое детище, потом взял Китти под руку и повел ее дальше.

— Мы, евреи, создали здесь в Палестине странную цивилизацию. Всюду в мире культура шла из крупных городов, а здесь все наоборот. Извечная тоска евреев по своей земле настолько сильна, что здесь решительно все берет начало именно от земли. Музыка, поэзия, искусство, наука и армия — все вышло из кибуцев и мошавов. Видите домики детей?

— Вижу.

— Обратите внимание, все окна выходят в долину, к нашим полям. Последнее, что они видят, засыпая, и первое, просыпаясь, — это своя земля. Хорошая половина школьных дисциплин — сельскохозяйственные. Наши питомцы уходят группами и создают новые кибуцы. Мы полностью кормим себя, сами выращиваем овощи, птицу и скот. Мы сами себя одеваем, сами делаем мебель, ремонтируем машины. У детей есть самоуправление, и, надо сказать, очень толковое.

Они дошли до конца лужайки. Перед зданием администрации газон обрывался, отсюда вокруг всего плато шла длинная траншея. Китти заметила окопы и даже вход в бомбоубежище.

— Это, конечно, не столь красиво, — сказал доктор Либерман. — К тому же здесь чересчур восхищаются боевыми подвигами. Так оно, вероятно, и останется, пока мы не обретем независимость и не построим жизнь на более гуманных началах.

Они пошли вдоль траншеи. Китти поразило, что там, где траншея проходила возле деревьев с совершенно голыми корнями, под верхним слоем почвы виднелась сплошная скала. Не верилось, что дерево может расти на камне, но корни вели упорную борьбу: извивались тонкими прожилками и становились толще там, где натыкались на живительный слой грунта.

— Посмотрите, как упорно борется это дерево, — сказала Китти. — С какой волей к жизни корни прокладывают себе путь в скале.

Доктор Либерман поглядел на корни и сказал:

— Вот так и мы, евреи, вернувшиеся в Палестину.

Ари стоял в гостиной Тахи, мухтара Абу-Йеши. Молодой араб, друг детства, взял грушу с огромного подноса и укусил ее, не сводя глаз с собеседника.

— Хватит пустой болтовни, как на переговорах в Лондоне, — начал Ари. — Нам с тобой это ни к чему. Поговорим без обиняков.

Таха положил грушу на стол.

— Как убедить тебя, Ари? На меня со всех сторон давят, но я все же не сдаюсь.

— Не сдаешься?

— Но ведь времена какие!

— Постой, постой. Жители наших сел вместе пережили два периода смуты и погромов. Ты учился в нашей школе, жил в нашем доме, мой отец опекал тебя.

— Правильно. Я доверял вам свою жизнь, а теперь ты требуешь, чтобы все село пошло по тому же пути. Сами вы небось вооружаетесь, так почему же нам нельзя? Неужели, если у нас будет оружие, вы нам не сможете больше доверять? Мы ведь вам доверяли?

— Я тебя просто не узнаю.

— Надеюсь, я не доживу до того дня, когда нам с тобой

придется вступить в драку. Однако сидеть сложа руки теперь нельзя, и ты это прекрасно знаешь.

Ари резко обернулся:

— Таха! Какая муха тебя укусила? Ладно, если ты так настаиваешь, я напомню тебе еще раз. Вот эти ваши каменные дома, кто их проектировал и строил? Мы! Только благодаря нам ваши дети умеют читать и писать. Благодаря нам у вас есть теперь сточные трубы, и ваши дети не умирают, не достигнув шести лет. Мы научили вас обрабатывать землю и жить по-человечески. Мы дали вам то, чего ваши собственные предки не дали за тысячелетие. Твой отец понимал это, и у него достало ума и мужества признать, что никто так не эксплуатирует арабов, как сами арабы. Он и умер оттого, что знал: евреи — ваше спасение, и не побоялся постоять за свои убеждения.

Таха поднялся.

— А ты поручишься, что маккавеи не придут в Абу-Йешу этой же ночью и не вырежут нас всех?

— Поручиться я, конечно, не могу, но ты прекрасно знаешь, кого представляют маккавеи и кого — муфтий.

— Я никогда не подниму руку на Яд-Эль, Ари. Клянусь тебе в этом.

— Что ж, спасибо и на этом.

Ари повернулся и вышел на улицу. Он не сомневался, что Таха не лжет, но у Тахи не было мужества Камала. Они заверили друг друга в том, что мир между ними не будет нарушен, но трещина уже пролегла между Яд-Элем и Абу-Йешей, как и между многими арабскими и еврейскими селениями, мирно соседствовавшими до сих пор.

Таха смотрел вслед другу, который шагал вдоль реки, мимо мечети. Ари давно уже исчез из виду, а он продолжал неподвижно стоять у окна. С каждым днем нажим на него все усиливался, его упрекали даже в собственном селе. Ему говорили, что он араб и мусульманин и пора принять сторону своих. Но как мог он выступить против Ари и Барака Бен Канаана? А с другой стороны, как заставить молчать недовольных в селе?

Он и Ари — братья. Так ли это? Этот вопрос не переставал мучить его. С самого детства отец учил его управлять селом. Он знал, что евреи построили крупные города, шоссе, школы; что они заново освоили землю и что культура у них гораздо выше, чем у арабов. В самом ли деле он им ровня? Не становится ли он второсортным гражданином в собствен-

ной стране, вынужденным угодничать и подбирать крохи с чужого стола?

Да, евреи принесли ему немалую пользу. Еще больше они сделали для жителей его села. Но разве он им ровня? Действительно ли есть равенство, о котором все время толкуют евреи, или это пустая фраза? Действительно ли они видят в нем товарища или просто терпят его?

Настоящий он брат Ари Бен Канаану или только бедный родственник? Таха часто задавал себе этот вопрос. И все увереннее думал: я только числюсь братом.

Какова цена лживому равенству? Разве мог он, араб, открыто заявить, что любит Иордану Бен Канаан, любит с тех пор, когда жил в ее доме, а ей не было еще и тринадцати лет.

Как далеко простирается терпимость евреев? Согласятся ли они когда-нибудь, чтобы он женился на Иордане? Придут ли на свадьбу все эти проповедники равенства из Яд-Эля?

А что произойдет, если он, Таха, пойдет к Иордане и признается в любви? Она плюнет ему в лицо.

Таха испытывал комплекс неполноценности, и это отталкивало его от евреев, хотя, по существу, жители Яд-Эля были ему куда ближе, чем собственные феллахи.

Он не мог поднять руку на Ари, но не мог и признаться в любви Иордане. Он не мог воевать против своих друзей, но не мог и выдержать нажим тех, кто убеждал: ты — араб и, следовательно, враг евреев, и должен бороться против них.

ГЛАВА 4

Доктор Эрнст Либерман, маленький смешной горбун, сумел воплотить в конкретном деле свою любовь к молодежи и создал в Ган-Дафне атмосферу полной свободы. Уроки велись под открытым небом; мальчики и девочки слушали их, лежа на траве в шортах.

Эти ребята приехали из самых мрачных мест земного шара — гетто и концлагерей. Тем не менее серьезных нарушений дисциплины, грубости и воровства в Ган-Дафне не было и в помине, отношения между юношами и девушками сохранялись чистыми и естественными. Ган-Дафна стала для детей целым миром, и они сами управляли им, соблюдая порядок с гордостью и достоинством, как в зеркале отражая любовь, которой они были здесь окружены.

Диапазон школьных и самостоятельных занятий в Ган-Дафне был чрезвычайно широк; с трудом верилось, что эти бесчисленные предметы преподаются подросткам. Библиотека была богатейшая — от Фомы Аквинского до Фрейда. Ни одну книгу не запрещали, ни одну тему не объявляли слишком сложной или чересчур вольной. Дети разбирались в политике не хуже воспитателей, вложивших в них самое главное — сознание того, что их жизнь имеет смысл.

Работники Ган-Дафны составляли настоящий интернационал; среди учителей были выходцы из двадцати двух стран — от Ирана до Англии. Китти оказалась единственной нееврейкой и в то же время единственной американкой. К ней относились сдержанно, но с любовью. Опасение, что ее встретят с неприязнью, не оправдалось. Интеллектуальная атмосфера в Ган-Дафне напоминала скорее университет, чем детдом. Китти сразу заняла достойное место в коллективе, высшим предназначением которого было обеспечить благополучие детей. Она быстро подружилась со многими работниками и чувствовала себя в их обществе совершенно непринужденно. Религия занимала в ее жизни гораздо меньше места, чем она ожидала. Еврейство Ган-Дафны основывалось скорее на национальном чувстве, чем на религиозном. Религиозные обряды здесь не соблюдались, не было даже синагоги.

Несмотря на то что по всей Палестине участились кровавые стычки, дети Ган-Дафны не знали тревоги и страха. Селение находилось вдали от кровавых событий, однако признаки внешней угрозы появились и здесь. Рядом проходила граница, Форт-Эстер был всегда на виду. Окопы, бомбоубежища, оружие и военное обучение стали ежедневной реальностью.

На краю лужайки стояло здание санчасти с поликлиникой и хорошо оборудованным стационаром на двадцать две койки. Здесь был даже операционный зал. Врач обслуживал мошав Яд-Эль, но в Ган-Дафне непременно бывал каждый день. Были еще дантист, четыре медсестры-практикантки, подчиненные Китти, и психиатр.

Китти первым делом перестроила работу санчасти и добилась, чтобы поликлиника и больница работали, как хорошо смазанный механизм. Она составила четкий график приема в поликлинике, обходов и процедур в стационаре и своей требовательностью вскоре завоевала непререкаемый авторитет. Китти соблюдала дистанцию между собой и под-

чиненными и отказалась от панибратства, которое насаждали многие учителя. Это было необычно для Ган-Дафны, но все уважали ее, так как санчасть превратилась в самую налаженную службу в селе. В своем стремлении к свободе евреи частенько пренебрегали дисциплиной, к которой привыкла Китти. Но методы, которыми она управляла санчастью, выглядели столь эффективно, что никому и в голову не приходило их осуждать. Ну а в часы отдыха, как только Китти снимала халат, она становилась центром внимания. От ее строгости не оставалось и следа. Пассажиры «Исхода» так и остались детьми, а она превращалась в их маму. Китти добровольно вызвалась помочь психиатру. Детям, у которых пострадала психика, она отдавала всю теплоту, на какую только была способна. Ган-Дафна и Палестина и сами по себе оказывали целебное действие, но пережитые ужасы все-таки оборачивались ночными кошмарами, подозрительностью и нелюдимостью, для борьбы с которыми требовались терпение, опыт, а главное — любовь.

Раз в неделю по утрам Китти отправлялась вместе с врачом вниз, в Абу-Йешу. До чего же жалки и грязны были арабские дети в сравнении с крепышами Ган-Дафны! Как убога казалась их жизнь рядом с кипучим котлом молодежного села! Казалось, здесь не знают, что такое смех, игры, не представляют, ради чего живут на свете. Это было какое-то застывшее прозябание — еще одно поколение в вечном караване в бескрайней пустыне. У нее сжималось сердце, когда она входила в эти убогие дома, где на глинобитном полу спали вповалку по восемь-десять человек, и здесь же содержались собаки и куры.

И все же Китти не испытывала неприязни к этим людям. Несмотря на убогие условия, они были добродушны и тоже мечтали жить лучше. Она подружилась с Тахой, молодым мухтаром села, который нарочно никуда не уезжал в дни приема. Китти все время казалось, что Таха хочет поговорить с ней о чем-то. Но Таха был арабом, а арабу можно посвящать женщину далеко не во все дела. Он так и не поделился с Китти своими тревогами.

Наступила зима 1947 года.

Карен и Китти были неразлучны. Девушка, которая в самых адских условиях ухитрялась находить крохи счастья, буквально расцвела в Ган-Дафне и стала гордостью всей деревни. Китти сознавала, что каждый день жизни здесь все дальше отодвигает Карен от Америки, и постоянно напоми-

нала ей о чудесной стране за океаном, а Карен тем временем продолжала разыскивать отца.

Хуже было с Довом. Несколько раз Китти порывалась вмешаться в его дружбу с Карен — уж очень они становились близки. Но она понимала, что противодействие может еще сильнее их сблизить, и отступила. Ее поразила привязанность Карен к парню, внешне совершенно равнодушно к девушке. Дов по-прежнему ходил угрюмый и сторонился людей. Правда, разговаривал он несколько чаще, чем прежде, но если надо было его о чем-нибудь попросить, то это могла сделать только Карен.

У Дова вдруг появилось желание учиться. Он забыл все то небольшое, что успел узнать до Освенцима, но теперь со страстью наверстывал упущенное и сутками сидел за книгами. Кроме того, он продолжал рисовать. Время от времени из его рук выходили рисунки, в которых отражался незаурядный талант. Казалось, вот-вот его нелюдимость исчезнет и Дов станет таким же, как и другие дети, но нет — он по-прежнему замыкался в себе. Так Дов и жил: сторонился людей, не участвовал в развлечениях, а после занятий встречался только с Карен.

Китти решила поговорить с доктором Либерманом. Он ведь повидал на своем веку не одного такого Дова. Либерман сказал, что у Дова Ландау очень живой и ясный ум да вдобавок талант. Доктор считал, что любая попытка что-нибудь навязать парню приведет к противоположным результатам. Пока мальчик никого не обижает и его состояние не становится хуже, его лучше оставить в покое.

Неделя шла за неделей, и Китти огорчалась, что Ари не дает о себе знать. Статуя Дафны и мошав Яд-Эль постоянно напоминали о нем. Изредка, бывая в Яд-Эле, она заходила к Саре Бен Канаан и подружилась с ней. Иордана узнала об этом, и ее откровенная неприязнь стала еще сильнее. Молодая огненно-рыжая красавица взяла за правило грубить Китти при каждом удобном случае.

Однажды вечером Китти вернулась в свой коттедж и застала Иордану перед зеркалом с одним из своих выходных платьев в руках. Дерзкая девчонка примеряла его то так, то этак. Появление Китти несколько не смутило ее.

— Красивая штука, если только согласиться носить такое, — сказала она, вешая платье в шкаф.

Китти подошла к плите и поставила чайник.

— Чему обязана? — спросила она холодно.

Иордана без всякого стеснения разглядывала ее комнату и безделушки.

— Несколько частей Пальмаха проходят военное обучение в кибуце Эйн-Ор, — сказала она наконец.

— Я тоже слышала об этом, — ответила Китти.

— У нас не хватает инструкторов. Собственно, у нас всего не хватает. Так вот, мне поручили спросить вас, не согласитесь ли вы приезжать в Эйн-Ор раз в неделю и обучать оказанию первой помощи раненым.

Китти сбросила туфли и села на койку.

— Я бы предпочла не делать ничего такого, что привело бы меня к общению с солдатами.

— Почему же? — спросила Иордана.

— Мне вряд ли удастся объяснить вам свой отказ и одновременно соблюсти приличия. Пальмах, я думаю, поймет и так.

— Чего тут понимать?

— Ну, хотя бы мои личные чувства. Не хочу принимать в здешней распре ничью сторону.

Иордана презрительно засмеялась:

— Так я и знала. Я говорила в Эйн-Оре, что это напрасная трата времени.

— Неужели так трудно уважать мои личные чувства?

— Миссис Фремонт, вы можете делать свое дело и при этом сохранять нейтралитет где угодно, но только не здесь. Работать в Палестине и ни во что не вмешиваться — это, согласитесь, очень странно. Зачем вы тогда вообще приехали?

Китти сердито прыгнула с койки.

— Не ваше дело!

Раздался свист чайника. Китти сняла его с плиты.

— А я знаю, зачем вы приехали. Вам нужен Ари.

— Вы нахальная девчонка, и у меня нет желания продолжать этот разговор.

На Иордану это нисколько не подействовало.

— Я видела, какими глазами вы на него смотрите.

— Ну, уж если бы я хотела заполучить Ари, то вас бы не спросила.

— Можете обманывать себя как угодно, но меня-то вы не обманете. Поймите: вы ему совершенно не подходите, вам нет никакого дела до нас.

Китти отвернулась и закурила. Иордана подошла к ней сзади.

— Вот Дафна — это была женщина. Она его понимала. А американка никогда не поймет.

Китти резко обернулась:

— Это почему же? Если я не бегаю в шортах, не лазаю по горам, не стреляю из пушек и не сплю в окопах, то я уже не женщина? Чем вы или та статуя лучше меня? Я прекрасно знаю, в чем дело. Вы меня просто боитесь.

— Вот это уже смешно.

— Не вам меня учить, что такое женщина. Вы сами разве женщина? Вы — подруга какого-то Тарзана и ведете себя, словно только что выскочили из джунглей. Взяли бы расческу да привели себя в порядок.

Китти прошла мимо Иорданы к шкафу и распахнула дверцу.

— Подойдите и взгляните. Вот что должна носить настоящая женщина.

У Иорданы от злости выступили слезы.

— Впредь, если захотите меня видеть, приходите в санчасть, — холодно сказала Китти. — Я вам не кибуцница и дорожу своей личной жизнью.

Иордана хлопнула дверью с такой силой, что коттедж задрожал.

После вечернего приема в санчасть к Китти пришла Карен и сразу упала в кресло.

— Привет, — улыбнулась Китти. — Как дела?

Карен поймала в воздухе воображаемое коровье вымя и сделала несколько движений.

— Неуклюжие у меня руки, в доярки не гожусь, — сказала она с обидой. — Китти, у меня действительно большая беда. Я обязательно должна поговорить с тобой.

— Давай!

— Не сейчас. Скоро занятия, надо чистить какие-то венгерские винтовки.

— Ничего, подождут твои винтовки. В чем дело?

— Иона, моя соседка по комнате... Мы только успели подружиться, а она уходит на будущей неделе в Пальмах.

У Китти екнуло сердце. Господи, вдруг и Карен скоро соберется туда? Китти отодвинула бумаги.

— Послушай, Карен. Знаешь, о чем я подумала? У нас ведь так не хватает медицинского персонала. То есть я имею в виду — в Пальмахе, да и в селениях. У тебя большой опыт, ты работала с детьми в лагерях. Здесь немало детей, которым нужен уход. Как ты думаешь, не поговорить ли мне с Либер-

маном, чтобы он разрешил тебе работать со мной? Заодно ты приобретешь специальность.

— Это было бы прекрасно! — Карен радостно улыбнулась.

— Очень хорошо. Тогда я попытаюсь освободить тебя от сельскохозяйственных занятий, и ты после школы будешь ходить сюда.

Карен задумалась.

— А честно ли это будет по отношению ко всем остальным?

— В Америке в таких случаях говорят: двойной выигрыш. Бездарным фермером меньше, толковой медсестрой больше.

— Ой, Китти, я должна тебе признаться. Только, пожалуйста, не говори об этом начальству. Во всем селе нет крестянки хуже меня. Мне ужасно хочется стать медсестрой.

Китти встала, подошла к Карен и обняла ее за плечи.

— А как ты смотришь на то, чтобы теперь, когда Иона ушла, поселиться со мной?

Лицо девушки просияло от счастья. Китти обрадовалась еще сильнее. Она быстро договорилась с доктором Либерманом и побежала за Карен. Доктор подумал и решил, что дело нисколько не пострадает, если плохой фермер станет хорошей медсестрой.

Расставшись с девушкой, Китти пересекла лужайку и остановилась перед статуей. У нее было такое чувство, будто сегодня она одержала победу над Дафной. Если Карен будет жить рядом, она помешает ей стать дерзкой и грубой саброй. Хорошо, конечно, если у человека есть цель в жизни. Однако если жить исключительно ради цели, то можно перестать быть женщиной. Она нанесла удар Иордане без промаха — Китти это хорошо понимала. С самого рождения Иордана посвятила себя выполнению возвышенной миссии и принесла в жертву личное счастье, карьеру и даже женственность. Иордана не могла соперничать с элегантными женщинами, приезжающими в Палестину из Европы или Америки. Она ненавидела Китти, потому что втайне хотела походить на нее. И Китти это хорошо понимала.

— Китти! — раздался голос в темноте.

— Да?

— Надеюсь, я не напугал вас?

Это был Ари. Когда он подошел поближе, ее охватила

беспомощность, которую она всегда испытывала в его присутствии.

— Жаль, что я никак не мог приехать раньше. Иордана передала привет от меня?

— Иордана? Да, конечно, — солгала Китти.

— А как вы с ней уживаетесь?

— Прекрасно.

— Я пришел, чтобы предложить вам вот что. Группа пальмахников поднимается завтра на гору Табор. Не хотите пойти с нами? Будет очень интересно.

— С удовольствием пойду.

ГЛАВА 5

На рассвете Ари и Китти приехали в расположенный рядом с горой Табор кибуц Бет-Алоним — Дом Дубов, где когда-то возник Пальмах.

Табор производил странное впечатление: для горы — недостаточно высок, для холма — чересчур массивен. Он вздымался посреди равнины, словно кулак, торчащий из земли.

Позавтракав, Ари сложил в рюкзаки еду, фляги, одеяло, взял со склада автомат, и они отправились в путь. Ари хотел добраться до места, пока не наступила жара, и не стал дожидаться остальных участников похода. Китти предвкушала приключение. Они прошли арабскую деревню Даббурию у подножия Табора и вступили на узкую тропинку. Перед ними открылся вид на Назарет, лежащий среди холмов. Было прохладно, шли они довольно быстро, и Китти начала понимать, что путь не будет легким. Табор поднимался на шестьсот метров. Даббурия становилась все меньше и вскоре стала как бы игрушечной.

Вдруг Ари остановился и внимательно огляделся.

— Что такое?

— Козы. Разве вы не чувствуете?

Китти потянула носом.

— Нет, ничего не чувствую.

Глаза Ари сузились. Он пристально посмотрел вверх, где тропа сворачивала в сторону и скрывалась из виду.

— Наверное, это бедуины. В кибуц поступило донесение об их появлении. Они здесь со вчерашнего дня.

За поворотом стояла дюжина палаток из козьих шкур,

рядом паслось стадо маленьких черных коз. Подошли два бедуина с винтовками. Ари перебросился с ними парой фраз на арабском и направился к палатке побольше, которая, по видимому, принадлежала вождю.

Китти огляделась. Бедуины производили удручающее впечатление. Женщины носили похожие на мешки засаленные черные платья до пят. Запаха коз Китти не почувствовала, зато ощутила резкий запах, идущий от этих женщин. Связки турецких монет свисали со лба и скрывали их лица. Между палатками копошились дети, закутанные в невообразимо грязные лохмотья.

Седой мужчина вышел из палатки и поздоровался с Ари. Они о чем-то поговорили, затем Ари шепнул Китти:

— Надо зайти к нему в палатку, не то обидится. Постарайтесь попробовать все, что вам подадут. Позже можете вызывать рвоту.

В палатке пахло еще хуже, чем на улице. Они уселись на шерстяную кошму и повели вежливый разговор. Вождь поразился, когда узнал, что Китти приехала из Америки, и поспешил похвастаться фотографией Элеоноры Рузвельт.

Подали еду. Китти сунули в руки жирную баранью ногу и чашку густого отвара с рисом. Она отведала угощение под пристальным взглядом вождя, слабо улыбнулась и кивнула, как бы подтверждая, что яства в высшей степени вкусные. Затем подали невымытые фрукты, а под конец — густой, приторно сладкий кофе в грязных чашках. Пообедав, бедуины вытерли руки о штаны, а рты рукавами, и разговор продолжился, пока наконец Ари не встал и начал прощаться.

Когда стоянка бедуинов осталась позади, Китти глубоко вздохнула.

— Мне их очень жаль, — сказала она.

— И напрасно. Эти люди убеждены, что они — самые свободные на свете. Разве вы не ходили в детстве на «Песнь пустыни»?

— Ходила, но теперь я знаю, что автор никогда не видел живых бедуинов. О чем вы с ними беседовали?

— Посоветовал воздержаться от попыток обворовать пальмахников.

— А еще о чем?

— Он хотел купить вас. Предлагал шесть верблюдов.

— Вот старый черт! А что вы ответили?

— Сказал, что за вас можно запросто получить не шесть, а десять верблюдов. — Ари посмотрел на солнце, которое

поднималось все выше. — Скоро станет жарко. Пожалуй, лучше снять теплую одежду и убрать ее в рюкзак.

Китти осталась в синих шортах, которые взяла со склада Ган-Дафны.

— О, теперь вы ни дать ни взять — сабра!

Они поднимались по тропинке, извивающейся на южном склоне Табора. Тропинка то и дело обрывалась, приходилось карабкаться по скалам. На самых крутых подъемах Ари поддерживал Китти; было уже за полдень, когда они миновали шестисотметровую отметку.

С обширного круглого плато на вершине открывался потрясающий вид на Ездрелонскую долину. Китти смотрела на квадратные поля, на зеленые оазисы, раскинувшиеся вокруг еврейских селений, на унылые пятна арабских деревень — все это простиралось до горы Кармель и дальше, до Средиземного моря. На севере виднелось Тивериадское озеро. В бинокль можно было разглядеть Эйн-Дор, где Саул встретил волшебницу, и лысую вершину горы Гильбоа, где Саул и Ионафан пали в битве с филистимлянами.

— Горы Гелвуйские! Да не сойдет ни роса, ни дождь на вас, и да не будет на вас полей с плодами; ибо там повержен щит сильных, щит Саула... * — проговорил Ари словно про себя.

Китти опустила бинокль.

— Что с вами, Ари? Кажется, вы ударились в лирику?

— Это все высота. Отсюда все выглядит таким далеким. Посмотрите — вон долина Бет-Шеан. Под ее курганами лежат остатки самой древней цивилизации в мире. Таких курганов в Палестине — сотни. Давид знает об этом гораздо больше, чем я. Он говорит, что если сейчас приняться за раскопки, то нынешние города сами превратятся в руины, пока мы эти раскопки доведем до конца. Понимаете, Палестина — это мост, по которому идет история, а вы сейчас стоите на самой середине этого моста. Гора Табор была полем сражений, еще когда люди воевали каменными топорами. Древние евреи бились здесь против римлян, арабы — против крестоносцев, гора раз пятьдесят переходила из рук в руки. Девора ударила здесь по хананеянам и отбросила их. Извечное поле сражений. Знаете нашу поговорку? Пусть бы Моисей блуждал еще лет сорок, зато нашел бы место получше.

На плато они вошли в сосновую рощу, выросшую на

* 2 Цар. 1, 21.

развалинах сооружений разных времен — римских и византийских, крестоносцев и арабов; всюду валялись черепки и куски мозаики, остатки стен.

На том месте, где, согласно Евангелию, произошло преображение Христа, где Иисус беседовал с Моисеем и пророком Илией, стояли две часовни: православная и католическая.

За рошей, на самом высоком месте горы Табор, сохранились развалины двух крепостей: крестоносцев и сарацинов. Ари и Китти с трудом шли по развалинам, пока не добрались до восточной крепостной стены на краю горы — Стены восточных ветров. Отсюда открывался вид на Тивериадское озеро и Хаттинские отроги, где Саладин разбил крестоносцев.

Добрый час просидели они на стене, и Ари все показывал места, памятные по Библии. Ветер трепал волосы Китти, стало снова прохладно.

Потом они вернулись к краю роши и снова оделись теплее. Ари расстелил одеяло. Китти легла, устало потянулась и сказала счастливым голосом:

— Какой чудный день, Ари! Правда, теперь мышцы будут болеть целую неделю.

Ари лежал, опершись на локоть, и смотрел на Китти. Он чувствовал влечение к ней, но не подавал виду.

С началом темноты стали подходить пальмахники группами по три-четыре человека. Тут были и смуглые сефарды, и совсем темнокожие африканцы, и блондины, и сабры с огромными усами на дерзких лицах; было много девушек — большинство стройные, с высокой грудью. Ради конспирации пальмахники обучались в разных кибуцах небольшими группами. Лишь изредка они могли повидаться с друзьями, односельчанами, подружками. То и дело раздавались восхищенные восклицания, звонкие поцелуи; пальмахники хлопали друг друга по плечам, смеялись. Это были полные энергии молодые ребята, многим еще не исполнилось двадцати.

Узнав, что придет Китти, явились Иоав Яркони и Зеев Гильбоа, которым она искренне обрадовалась.

Пришли и Давид с Иорданой. Иордана злилась, что жених уделяет столько внимания Китти, но старалась этого не показывать.

Когда совсем стемнело, на вершине собрались почти двести пальмахников. У крепостной стены вырыли яму для костра, натаскали хвороста и сучьев, насадили на вертела три

бараньих туши. Когда солнце совсем зашло, запылал костер и пальмахники сели у огня. Китти как гостью усадили на почетное место рядом с Иоавом, Зеевом и Ари.

Вскоре на вершине Табора зазвучали песни. Это были те же песни, которые Китти не раз слышала в Ган-Дафне. В них говорилось о чудо-брызгалках, возродивших страну, о красоте Галилеи и Иудеи, о волшебной прелести Негева. Они пели полные огня походные песни стражей из «Гашомера», Хаганы и Пальмаха. В одной песне говорилось, что царь Давид по-прежнему жив и шествует по Израилю.

Иоав сидел, скрестив ноги, а перед ним был барабан — самодельный, обтянутый козьей шкурой. Кончиками пальцев, а то и кулаками он отбивал такт, в то время как другой пальмахник исполнял на самодельной флейте древнееврейскую мелодию. Несколько девушек танцевали в медленной, чувственной манере, как это делалось, верно, еще во дворце Соломона.

С каждой новой песней, танцем становилось веселее.

— Иордана! — крикнул кто-то. — Пусть спляшет Иордана!

Рыжая красавица встала, аккордеон заиграл венгерскую мелодию, все захлопали в ладоши, и она понеслась по кругу, выбирая то одного, то другого парня для дикого чардаша. Один за другим парни валились с ног, а Иордана с развевающейся огненной гривой неслась все быстрее. Аккордеон увеличивал темп, не жалели ладоней зрители...

После Иорданы в круг вошли шестеро пальмахников и начали хору — танец еврейских крестьян. Круг становился все шире, потом встали все остальные и образовали еще один круг. Иоав и Ари потянули с собой Китти. Круг двигался сначала в одну сторону, затем останавливался и менял направление.

Пение и пляски длились добрых четыре часа, но было незаметно, чтобы кто-нибудь устал. Давид с Иорданой потихоньку ушли в развалины крепости сарацинов, куда почти не доносились звуки песен и барабана. Они нашли тихую нишу в Стене восточных ветров, где слышалось только завывание ветра из Ездrelонской долины. Давид расстелил одеяло, и они упали в объятия друг друга.

— Давид! Давид! — дрожащим голосом шептала Иордана. — Я так тебя люблю!

Ветер стих на мгновение, и снова до них донеслись звуки бешеной музыки.

— Давид... Давид... — стонала она в забытьи, пока он покрывал поцелуями ее шею.

И Давид тоже снова и снова повторял ее имя.

Его руки гладили ее тело. Иордана сбросила с себя одежду, они еще теснее прижались друг к другу и слились в одно целое.

Потом она лежала неподвижно в его объятиях. Давид нежно гладил ее губы, глаза, волосы. Стало так тихо, что они слышали, как бьются сердца друг друга.

— Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему... О, Давид, скажи мне, скажи!.. — шептала Иордана.

Давид прикоснулся губами к ее уху и шепнул:

— О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна, глаза твои голубиные под кудрями твоими... Как лента алая губы твои...

Он поцеловал ей грудь... Два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...

Поцеловал губы... Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Тесно обнявшись, Давид и Иордана погрузились в сон, полный блаженства.

В четыре часа утра подали баранину и горячий арабский кофе. Первый кусок поднесли Китти; баранина была чудесна. Песни и пляски поутихли; парни и девушки отдыхали.

Иоав продолжал бить в барабан, и флейта позади него наигрывала напев столь же древний, как сама эта страна. Одна из девушек, родом из далекого Йемена, пела таинственным и грустным голосом песню, взятую прямо из Библии, — псалом царя Давида.

Китти Фремонт вглядывалась в лица при свете костра.

Что это за войско без мундиров и званий? Что это за армия, где женщины сражаются наравне с мужчинами? Кто они такие, эти молодые львы Иудеи?

Она взглянула в лицо Ари и ощутила дрожь: это армия не простых смертных.

Это — войска древних евреев! Это были лица Дана и Реувена, Иуды и Эфраима! Перед ней были Самсоны и Деворы, Иоавы и Саулы.

Это — армия Израиля, и нет силы на земле, которая устоит перед ней, ибо с ней сам Бог.

Четем-Хауз, Институт международных отношений, Лондон

Сесиль Бредшоу, эксперт по делам Ближнего Востока, угрюмо сидел над донесениями. Третий день он изучал эти бумаги. Департамент по делам колоний, министерство и даже дом 10 на Даунинг-стрит поторапливали его. Дело с палестинским мандатом зашло в тупик. Необходимо было найти новую политическую линию. Бредшоу имел за плечами тридцатисемилетний опыт. За это время он участвовал в бесчисленных переговорах как с арабами, так и с евреями. Как и вся официальная Англия, Бредшоу считал, что английские интересы совпадают с арабскими. Ему не раз удавалось справиться с угрозами и вымогательствами арабов. На этот раз, однако, они вели себя неуступчиво. Переговоры, идущие в Лондоне, не приносили результатов.

«Совершенно ясно, что Хадж Эмин эль-Хусейни, муфтий Иерусалима, руководит Высшим арабским советом из каирской ссылки. Наш ошибочный отказ привлечь муфтия к суду в качестве военного преступника оборачивается теперь против нас. Позиция арабов стала совершенно безрассудной. Они отказываются сидеть за одним столом с евреями, если только тем не будут заранее предъявлены определенные условия».

Бредшоу когда-то заседал на конференции в Сан-Ремо, где Ближний Восток разделили между англичанами и французами, он участвовал в разработке статей мандата и даже присутствовал в момент провозглашения декларации Бальфура. Бредшоу сотрудничал с группой Черчилля, которая отторгла половину территории подмандатной Палестины и создала королевство Трансиорданию. Во все годы, во времена самых необузданных беспорядков, спровоцированных иерусалимским муфтием, они ни разу не имели дел с такими отчаянными ребятами, как маккавеи. Фанатизм еврейских террористов внушал первобытный ужас.

«Мы снова и снова требовали от Еврейского национального совета и всего еврейского населения, чтобы они оказали поддержку британским властям и помогли нам ликвидировать эти террористические банды, которые называют себя

маккавеями. Хотя ишув и заявляет, что не имеет никакой власти над этими людьми и даже публично осуждает действия маккавеев, все же известно, что значительные слои палестинского еврейства тайно одобряют их акции. Никакой поддержки мы от ишува не добились. Действия маккавеев достигли таких размеров, что необходимо, по нашему мнению, срочно эвакуировать из Палестины всех англичан, без которых можно обойтись, а также их семьи».

Бредшоу перечитал донесения об участвовавших в террористических актах, от которых содрогалась Палестина.

«Вдобавок к нападениям на нефтеочистительный завод в Хайфе, что привело к остановке завода на две недели, и аэродром в Лидде, где была уничтожена эскадрилья истребителей, устроено еще десять крупных засад и совершено пятнадцать атак на британские объекты. Поступает все больше сведений о том, что Хагана и ее особое подразделение Пальмах охвачены нарастающим беспокойством; возможно даже, что они приняли участие в недавних нападениях».

...А тут еще эти лоханки, плавающие гробы Алии Бет, доставляют к берегам Палестины все новые толпы нелегальных иммигрантов.

«Несмотря на усиление береговой охраны, после случая с «Исходом» Алия Бет заметно усилила свою деятельность. Нелегальные суда «Америка», «Сан-Мигель», «Улюа», «Абриль», «Сюзанна» и «Сан-Филиппо» доставили в Палестину тысячи иммигрантов из европейских лагерей для перемещенных лиц. Есть все основания считать, что, помимо перечисленных, еще двум судам удалось прорвать блокаду и высадить иммигрантов в Палестине. Наши посольства и консульства в средиземноморских странах сообщают, что Алия Бет готовит по меньшей мере пять новых судов для доставки нелегальных иммигрантов в ближайшем будущем».

Британские власти располагали в Палестине мощными силами. Пятьдесят две тагартовы крепости опутывали маленькую страну густой сетью. Кроме того, на границах стояли более крупные крепости, такие, как, например, Форт-Эстер. В каждом городе размещался гарнизон регулярных полицейских сил, а главное — в распоряжении англичан был много-

численный, хорошо вооруженный Арабский легион Трансиордании. Кроме крепостей, у англичан имелись большие военные базы в районе Атлита, казармы «Шнеллер» в Иерусалиме и гигантский военный лагерь Сарфанд в окрестностях Тель-Авива.

«За последние месяцы мы провели ряд операций: «Ной», «Ковчег», «Омар», «Макрель», «Осторожный», «Одинокий», «Осьминог», «Расквартирование» и «Арфа» с целью обуздать ишув. Речь идет в основном о поимке нелегальных иммигрантов, массовых обысках, поиске оружия и ответных акциях в случае нападения на наши части. Однако из-за круговой поруки ишува наши меры дали ограниченные результаты. Евреи прячут оружие в цветочных ящиках, конторских шкафах, кухонных плитах, холодильниках, выдолбленных ножках столов и в тысяче прочих мест, где обнаружить его практически невозможно. Для переноски оружия используются женщины и дети, которые с удовольствием идут на это. Наши старания завербовать агентов среди евреев результатов не дали. С другой стороны, евреи не только подкупают арабов, но и получают информацию от сочувствующих им работников британского командования. Они наладили производство простейшего оружия, их полуавтоматы, мины и гранаты становятся все более эффективными. Когда недавно мы пытались ворваться в такую мастерскую, устроенную в одном из кибуцев, женщины поливали наших солдат кипятком...»

...Не только мандат доставлял Бредшоу неприятности. Другие дела, которые как будто отношения к мандату не имели, причиняли ему дополнительные хлопоты. В Англии все еще действовала карточная система, население терпело лишения, экономическое положение страны было из рук вон плохим. Содержание войск в Палестине влетало в астрономические суммы, и к тому же англичане устали от кровопролития. Что касается внешней политики, то американские сионисты явно перетянули президента Трумэна на свою сторону и получили в его лице надежного союзника.

«После того как мы отклонили рекомендацию англо-американской комиссии разрешить ста тысячам евреев въезд в Палестину, наш авторитет в глазах союзников сильно упал. Не меньший удар по нашему авторитету наносят унижительные

для нас операции маккавеев. Недавно они буквально из зала суда выкрали британского судью, вынесшего приговор еврейскому террористу».

Сесиль Бредшоу снял роговые очки, вытер покрасневшие глаза и покачал головой. Вот беда! Он снова принялся листать донесения. Джемаль Хусейни, племянник муфтия, снова ополчился против арабской оппозиции в Палестине и беспощадно убивал своих противников. Хагана со своей Алией Бет и эти маккавеи Акивы создали в стране невыносимое напряжение. Британских офицеров публично избивали кнутом среди бела дня, а рядовых вешали. Те самые евреи, которые вели себя мирно во время беспорядков, дважды разразившихся до войны, не желали теперь мириться с действиями арабов.

В официальных кругах поговаривали, что после случая с «Исходом» у Сесилия Бредшоу не хватает духу ответить на вызов евреев. Палестинский мандат дышал на ладан. А между тем маленькая страна сохраняла огромное экономическое и стратегическое значение. Военно-морская база и нефтеочистительный завод в Хайфе, непосредственная близость к Суэцкому каналу — все это настоятельно диктовало необходимость удержать Палестину во что бы то ни стало.

На столе зазвонил внутренний телефон.

— Прибыл генерал Тевор-Браун.

Бредшоу сухо поздоровался с генералом. Тевор-Браун был одним из немногих официальных лиц, которые поддерживали евреев. Именно он предсказал в этом самом кабинете конец мандата, когда началась история с «Исходом», и потребовал, чтобы кораблю разрешили отплыть еще до объявления голодовки. Тевор-Браун всегда считал, что англичане должны поддерживать не арабов, а евреев, которые стали бы в отличие от арабов верными союзниками. Он всегда стоял за создание в Палестине еврейского государства, которое входило бы в Британское содружество наций.

Однако взгляды Тевор-Брауна не влияли на Бредшоу и его многочисленных единомышленников из Четем-Хауза и департамента колоний. Даже теперь у них не доставало мужества, чтобы сознаться в роковой ошибке, хотя это угрожало им всем серьезными неприятностями. Боязнь потерять арабскую нефть и Суэцкий канал всегда брала верх.

— Я как раз читал донесения, — сказал Бредшоу.

Тевор-Браун зажег сигару.

— Интересные донесения, ничего не скажешь. Евреи никак не желают сделать нам одолжение и отступить в Средиземное море.

Бредшоу забарабанил пухлыми пальцами по столу.

— Держите колкости при себе, сэр Кларенс. Мне нужно представить проект в ближайшие недели. Я хотел посоветоваться с вами вот о чем. Мне кажется, Хэвн-Херста стоит немножко подтолкнуть. Ему следует вести себя с евреями поосторожнее.

— О, Хэвн-Херст — это как раз то, что вам нужно. Разве только вы решитесь прибегнуть к услугам какого-нибудь эсэсовского генерала, отбывающего срок. Позволю себе напомнить, что в Палестине у нас все еще имеется гражданская власть. Например, у верховного комиссара.

Бредшоу побагровел, но совладал с собой.

— Я все же полагаю, что нам надо предоставить Хэвн-Херсту больше полномочий.

Он протянул Тевор-Брауну письмо, адресованное кавалеру ордена Британской империи, ордена Бани, ордена «За военные заслуги» и Воинского креста генералу сэру Арнольду Хэвн-Херсту, командующему британскими войсками в Палестине. «Положение стало критическим. Если вы не сможете предложить меры, способные обеспечить немедленную стабилизацию, я буду вынужден рекомендовать, чтобы вопрос был поставлен перед Организацией Объединенных Наций».

— Хорошо сформулировано, Бредшоу, — сказал Тевор-Браун. — Я уверен, что предложения Хэвн-Херста покажутся вам чрезвычайно интересными, если, конечно, вы любитель романов ужасов.

Сафед, Палестина

После истории с «Исходом» генерала Брюса Сазерленда уволили в запас сразу и без шума. Он отправился в Палестину и поселился на южном склоне горы Канаан, неподалеку от Сафед, древнего города в Северной Галилее, у самого входа в долину Хулы.

Казалось, он обрел покой после долгих лет душевных мук, наступивших со смертью матери. Наконец его перестали мучить ночные кошмары. Сазерленд купил роскошную виллу. Во всей Палестине не найдешь местечка с таким чудесным воздухом, а благодаря свежему ветерку даже летом

здесь не ощущалась жара. Стены его особняка были отштукатурены и выбелены известью, крыша выложена красной черепицей, полы — плитками. Дом был со вкусом обставлен в средиземноморском стиле. За домом на целых четыре дунама поднимался террасами склон горы, где Сазерленд разбил роскошный сад. Главной гордостью бывшего генерала стали четыреста кустов роз.

Из сада открывался чудесный вид на Сафед, расположенный по ту сторону долины. У подножия горы начинались извилистые улицы, которые вели к Акрополю, расположенному на самой вершине, на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Как и многие крепости, Акрополь в Сафед служил когда-то цитаделью евреев, восставших против греков и римлян.

Сазерленд проводил время, ухаживая за розами, — его сад считался самым красивым в стране. Он разъезжал по святым местам, изучал иврит и арабский, с наслаждением бродил по кривым, запутанным переулкам Сафеда. Это был поразительный город. Его по-восточному узкие улицы, построенные без всякого плана, прижимались к горе. Дома теснились беспорядочно, придавая городу неповторимое очарование, — у каждого собственная архитектура, причудливые решетки, окна, двери и балконы; людям оставались лишь узкие проходы между ними.

Еврейские кварталы, занимавшие не более десятой части города, населяли еврей-ортодоксы, жившие в ужасающей бедности на пожертвования единоверцев. Они строго следовали каббале, еврейскому мистическому учению. Старики проводили целые дни над священными книгами и в молитвах; их облик был красочен, под стать городу. Они бродили вдоль лавчонок, одетые в чужеземные одежды, жалкие остатки некогда роскошных шелковых нарядов. Тихие и миролюбивые последователи каббалы из Сафеда натерпелись больше других в дни погромов, учиненных поклонниками иерусалимского муфтия: они не смогли постоять за себя.

История этой секты — одно из наиболее грустных свидетельств стремления евреев к Святой Земле. Крестоносцы изгнали евреев, но после разгрома крестоносцев каббалисты вернулись в Сафед и с тех пор жили здесь из поколения в поколение. Кладбищу, где покоятся великие знатоки каббалы, уже четыре или пять столетий. Каббалисты верят: кто похоронен в Сафед, тот отправляется прямо в рай.

Сазерленд без усталости бродил по кривым улочкам, где на

каждом шагу попадались маленькие синагоги, наблюдал за прохожими, слушал легенды о раввинах и каббале.

Арабская часть города состояла из обычных покосившихся лачуг, каких полно в любом палестинском селении. Но чудесный климат и живописная местность привлекли сюда и многих помещиков, которые построили в городе великолепные просторные дома. Подобно тому как гору Канаан занимали особняки состоятельных евреев, в Сафедэ жило немало богатых арабов. У Сазерленда были друзья и тут, и там.

В подтверждение способностей арабов строить на чужих руинах в кварталах Сафедэ красовались остатки средневековых зданий, приспособленные к современным нуждам. Колоритно выглядела мечеть дочерей Иакова, построенная на развалинах монастыря венгерских крестоносцев.

Жемчужиной Сафедэ был Акрополь. Извилистые тропы вели мимо древней крепости и развалин еврейского форта. А с вершины, заросшей хвойными деревьями, открывалась великолепная панорама от Тивериадского озера на юге до долины Хулы на севере, между которыми протекал Иордан. На горизонте вздымался Хермон, а на западе, по ту сторону Мерена, виднелись горы и долины Галилеи.

Раз в год евреи поднимались на эту гору, чтобы зажечь костер. Этот сигнал передавался с вершины на вершину, когда еще не существовало календарей и даты великих праздников определяли главные раввины. Костры, которые зажигали — сначала на вершине горы в Иерусалиме, а затем на горах Табор и Гильбоа, в Сафедэ, — оповещали о наступлении нового года всех евреев, даже тех, кто томился в вавилонском плену.

Единственным, что нарушало гармонию чудесного пейзажа, была неуклюжая бетонная громадина тагартова форта, расположившаяся у шоссе, что поднималось на гору Канаан. Крепость была хорошо видна из особняка Сазерленда.

Генерал путешествовал по северу страны: ездил в Тель-Хацор у границы с Ливаном, к могиле Эсфири у Форт-Эстер, к могиле Иисуса Навина у Абу-Йеши и однажды случайно попал в Ган-Дафну. Он быстро подружился с доктором Либерманом и Китти Фремонг. Оба — Сазерленд и Китти — были рады возобновить старое знакомство. Вскоре Сазерленд превратился в покровителя детей и находил в этом огромное удовлетворение. Китти частенько ездила к нему в

гости вместе с детьми, нуждавшимися в смене впечатлений после тяжелых душевных травм.

Однажды днем Сазерленд вернулся из Ган-Дафны и с удивлением застал дома своего бывшего адъютанта, майора Фреда Колдуэлла.

— Вы давно в Палестине, Фредди?

— Недавно приехал.

— Где сейчас служите?

— При штабе в Иерусалиме. В контрразведке. Мои функции — связь с Си-Ай-Ди. У нас идет реорганизация. Представьте себе, есть сведения, что кое-кто из наших сотрудничает с Хаганой и даже с маккавеями.

Сазерленд вполне представлял себе это.

— Впрочем, сэр, я приехал к вам не только чтобы засвидетельствовать почтение, хотя, конечно, намеревался побывать у вас и справиться о здоровье. Повидаться с вами мне поручил генерал Хэвн-Херст.

— Вот как?

— Вам, вероятно, известно, что мы проводим операцию «Глушь» по эвакуации из Палестины всех англичан, без которых можно обойтись.

— Да, я слышал, только при мне ее называли операцией «Чушь», — ответил Сазерленд.

Фредди вежливо улыбнулся и откашлялся.

— Генерал Хэвн-Херст просил меня узнать, какие у вас планы.

— У меня нет никаких планов. Я нахожусь дома и никуда не собираюсь.

Фредди нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Может быть, я выразился недостаточно ясно. Генерал Хэвн-Херст велел передать вам, что, когда все лишние англичане покинут страну, он не сможет больше отвечать за вашу безопасность. Если вы останетесь, это может причинить нам хлопоты.

Сазерленд понимал, что за словами Колдуэлла скрывается нечто иное: Хэвн-Херст хорошо знал его симпатии и боялся, как бы отставной генерал не начал сотрудничать с Хаганой. По сути дела, он предлагал Сазерленду убраться из Палестины.

— Передайте генералу Хэвн-Херсту, что я благодарен за заботу и что мне совершенно ясна его позиция в этом вопросе.

Фредди попытался настаивать, но Сазерленд встал, по-

благодарил его за визит и проводил к крыльцу, где в штабной машине Колдуэлла ждал сержант. Генерал проследил, как машина спускается по шоссе в сторону тагартова форта. Как всегда, Фредди не справился с поручением: уж очень неуклюже он передал предостережение Хэвн-Херста.

Сазерленд вернулся в дом и задумался. Ему, конечно, угрожала опасность. Маккавейам вполне мог не понравиться английский генерал в отставке, который вдобавок дружит с арабами. Правда, маккавеи сто раз подумают, прежде чем решатся убрать его. А Хаганы вообще бояться нечего. Он поддерживал с ней связь и знал, что ее люди и на словах и на деле выступают против террора. С другой стороны, трудно угадать, что примет Хусейни, зная, что у Сазерленда много друзей среди евреев и некоторые из них, возможно, связаны с маккавейами.

Он вышел в парк, где всюду цвели ранние розы, посмотрел вниз на Сафед и сразу ощутил покой и умиротворение. Нет, он не уедет отсюда — ни завтра, ни вообще никогда.

Покинув Сазерленда, Колдуэлл завернул в форт. Во внутреннем дворе находился учебный плац, тут же была и стоянка для машин. Его встретили и попросили зайти в отделение Си-Ай-Ди.

— Вы думаете сегодня вернуться в Иерусалим, майор Колдуэлл? — спросил его инспектор.

Фредди взглянул на часы.

— Да. Если сейчас выеду, то доберусь засветло.

— Очень хорошо. У меня тут один еврей, которого надо отправить в Иерусалим на допрос. Маккавей, опасный тип. Не исключено, что бандиты устроят засаду, если мы отправим его под конвоем. Будет лучше, если вы заберете его с собой.

— С удовольствием.

— Приведите этого еврейского мальчишку.

Два солдата втащили в кабинет мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, связанного по рукам и ногам. Во рту у него торчал кляп, а разбитое в кровь лицо свидетельствовало, что допрос в Иерусалиме будет не первым. Инспектор подошел к арестованному.

— Не обращайтесь внимания на ангельское выражение лица этого Бен Соломона. Он очень опасная тварь.

— Бен Соломон? Что-то не припомню такого имени.

— Мы схватили его вчера вечером. Нападение на здание полиции в Сафед. Они пытались выкрасть оружие. Этот звереныш убил гранатой двух полицейских. Вы только посмотрите на эту тварь!

Бен Соломон и бровью не повел, но его глаза горели презрением.

— Не вздумайте вытаскивать кляп, майор Колдуэлл, а то он немедленно примется распевать псалмы. Опасный фанатик.

Инспектор, которого раздражал ненавидящий взгляд мальчика, подошел к нему и ударил кулаком по зубам. Мальчик свалился на пол.

— Уберите! — приказал инспектор.

Мальчика бросили на пол машины. На заднее сиденье уселся вооруженный солдат, а Колдуэлл расположился рядом с шофером.

— Грязный щенок! — пробурчал шофер. — Если спросить меня, майор Колдуэлл, то нам следовало бы посвятить этим евреям пару недель. Мы бы научили их вести себя как полагается.

— Мой приятель получил пулю от маккавеев на прошлой неделе, — сказал солдат. — Такой был хороший парень. Жена у него недавно родила.

В долине Бет-Шеан трое англичан облегченно вздохнули. Опасность нападения миновала: здесь жили одни арабы. Теперь оставался опасный участок на подъезде к Иерусалиму.

Колдуэлл обернулся и посмотрел на пленного, лежавшего на полу. Его душила злоба. К Брюсу Сазерленду он испытывал презрение, потому что знал: отставной генерал сочувствует Хагане. Сазерленд выслуживается перед евреями, он сознательно спровоцировал катастрофу тогда на Кипре.

Колдуэлл вспомнил, как однажды он стоял у колючей проволоки в Караолосе и толстая еврейка плюнула ему в лицо.

Он посмотрел на связанного мальчика. Посередине заднего сиденья развалился охранник. Он давил тяжелым ботинком на голову мальчика, лежащего на полу, и таким образом развлекался.

— Грязный еврей! — пробормотал Колдуэлл.

На своем веку он насмотрелся на этот народец — Уайт-чепел кишел боролатыми евреями. Он помнил запах их лавчонок, помнил, как они молились, согнувшись в три погребели. Колдуэлл помнил шумную ораву детей в черных ермолках, идущих в свою еврейскую школу.

Они въехали в Наблус. Колдуэлл улыбнулся, вспомнив офицерский клуб и еврейские анекдоты. Как-то в детстве мать водила его к заносчивому еврейскому врачу...

А еще говорят, что Гитлер был не прав, подумал майор. А ведь Гитлер хорошо знал, что надо делать. Жаль, что он не успел разделаться с евреями до того, как кончилась война. Колдуэлл вспомнил, как вместе с Сазерлендом оказался в Берген-Бельзене. Сазерленд заболел от того, что пришлось там увидеть. А ему, Колдуэллу, хоть бы что. Чем больше подохнет евреев, тем лучше.

Они въехали в арабскую деревню, жители которой были настроены против ишува особенно враждебно; здесь был опорный пункт Хусейни.

— Останови, — приказал Колдуэлл. — Мы сейчас выбросим этого гаденыша вон.

— Но, майор, они же убьют его, — возразил охранник.

— Я не люблю евреев, сэр, — сказал шофер, — но с нас спросят. Мы должны доставить арестованного в штаб.

— Молчать! — истерически взвизгнул Колдуэлл. — Я приказываю вышвырнуть его вон. Вы оба покажете под присягой, что маккавеи устроили засаду и отбили его. Если кто-нибудь из вас когда-нибудь проговорится, пусть пеняет на себя. Поняли?

Солдаты покорно кивнули, заметив безумный блеск в его глазах. Мальчика выбросили из машины и умчались в Иерусалим.

Все произошло именно так, как думал Колдуэлл. Через час Бен Соломон был убит, а тело его изувечено. Человек двадцать арабов сфотографировались с его отрубленной головой. Эту фотографию в назидание евреям разослали по всей Палестине.

Майор Фред Колдуэлл совершил роковую ошибку. Один из арабов, сидевших на корточках в кофейне и видевших, как мальчика выбросили из машины, был на самом деле маккавеем.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст, кавалер множества британских орденов, дал волю своему гневу. Он метался по кабинету в генштабе, расположенном в шнеллеровских казармах в Иерусалиме, время от времени хватал со стола письмо Сесилия Бредшоу и перечитывал его.

«Положение стало до того критическим, что, если вы не сможете предложить меры, способные обеспечить немедленную стабилизацию, я буду вынужден рекомендовать, чтобы вопрос был передан на рассмотрение в ООН».

Объединенные Нации, вот еще! Он презрительно фыркнул, смял письмо и швырнул на пол. Прошла всего неделя, как генерал Хэвн-Херст отдал распоряжение о бойкоте еврейских магазинов.

Вот, значит, как его отблагодарили за пять лет непрерывной борьбы с евреями! Он еще в дни войны предупредил министерство колоний, чтобы евреев не принимали в армию, но его не послушались. А теперь уплывает и мандат на Палестину. Хэвн-Херст уселся писать ответ Бредшоу.

«Я предлагаю немедленно принять следующие меры, которые, на мой взгляд, приведут к стабилизации положения в Палестине.

1. Роспуск гражданских судов и передача судебных прав военным властям.

2. Роспуск Еврейского национального совета, ликвидация поселенческого общества и прочих еврейских учреждений.

3. Запрещение всех еврейских газет и изданий.

4. Быстрая без излишнего шума ликвидация примерно шестидесяти лидеров ишува. Хадж Эмин эль-Хусейни доказал эффективность этого метода в борьбе с собственной оппозицией. Это мероприятие могут осуществить наши арабские союзники.

5. Передача Арабского легиона Трансиордании в наше распоряжение.

6. Арест нескольких сот второстепенных лидеров ишува с их последующей высылкой в отдаленные африканские колонии.

7. Предоставление главнокомандующему права смести с лица земли любой кибуц, мошав, любую деревню или часть города, в которых будет обнаружено оружие. Проведение поголовной облавы и немедленная высылка всех нелегальных иммигрантов.

8. Наложение коллективных штрафов на еврейское население за каждый акт террора маккавеев, причем штрафы должны быть достаточно высоки, чтобы побудить евреев сотрудничать с нами в поимке этих бандитов.

9. Назначение больших премий за информацию, касающуюся ведущих террористов, агентов Алии Бет, вождей Хаганы и т. д.

10. Расстрел или повешение на месте каждого пойманного маккавея.

11. Проведение серии бойкотов с целью подрыва еврей-

ской экономики и сельского хозяйства. Запрещение еврейского импорта и экспорта. Строгий контроль за всем транспортом евреев.

12. Ликвидация Пальмаха путем вооруженных нападений на кибуцы, известные как укрытия пальмахников.

Вверенные мне силы вынуждены действовать в чрезвычайно трудных условиях. Нас принуждают строго соблюдать правила и воздерживаться от полного и эффективного применения наших сил. Между тем наши противники — маккавеи, Хагана, Пальмах и Алия Бет — не придерживаются никаких правил и всячески злоупотребляют нашей сдержанностью, считая ее слабостью. Если мне будет дозволено полностью использовать вверенные мне силы, то я могу поручиться за восстановление порядка в самый короткий срок.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст»

*Четем-Хауз, Институт международных отношений,
Лондон*

Сесиль Бредшоу был бледен, когда генерал Тевор-Браун вошел в его кабинет.

— Что ж, Бредшоу, вы сами попросили Хэвн-Херста изложить вам его идеи. Теперь вы их знаете.

— Да он там с ума сошел. Господи Боже мой, этот рапорт звучит не лучше окончательного решения Адольфа Гитлера!

Бредшоу взял со стола доклад Хэвн-Херста и покачал головой.

— Одному Богу известно, как нам хочется удержать Палестину. Но убийства, горящие деревни, виселицы, голодная смерть? Нет, согласия на такую мерзость я дать не могу. А если бы даже дал, не знаю, хватит ли во всей британской армии солдат, чтобы провести это в жизнь. Всю жизнь я стоял за империю, сэр Кларенс, и не раз нам приходилось прибегать к хитростям и жестокостям, чтобы ее сохранить. Но я все-таки верую в Бога. Такими методами Палестину не удержишь. Я умываю руки. Пускай кто-нибудь другой дает полномочия Хэвн-Херсту. Я этого делать не стану.

Сесиль Бредшоу смял доклад Хэвн-Херста, положил его в пепельницу и поднес зажженную спичку.

— Возблагодарим Всемогущего, что у нас хватает мужества отвечать за свои прегрешения, — прошептал он.

Палестинский вопрос был отдан на рассмотрение Организации Объединенных Наций.

ГЛАВА 7

После поездки на Табор Ари исчез из жизни Китти. Она не получала о нем никаких вестей. Возможно, он что-нибудь передавал через Иордану, но та молчала. Обе женщины почти не разговаривали друг с другом. Китти старалась быть терпимой, но Иордана по-прежнему сохраняла неприязнь.

Тем временем ООН сделала попытку решить проблему палестинского мандата и приступила к созданию специального комитета из представителей малых и нейтральных государств, который должен был изучить проблему и представить рекомендации Генеральной Ассамблее. Национальный совет и Всемирная сионистская организация дали согласие на посредничество ООН. С другой стороны, арабы продолжали угрозы, бойкот, шантаж — только бы не допустить беспристрастного решения вопроса. В Ган-Дафне вовсю шло военное обучение. Деревню превратили в склад оружия. Дети чистили винтовки, которые затем переправляли на грузовиках в села Хулы, в подразделения Пальмаха. Карен часто участвовала в переправке оружия. У Китти каждый раз замирало сердце, но приходилось молчать.

Карен упорно, но тщетно продолжала поиски отца. Надежда, казавшаяся в лагере Ля Сиотат столь реальной, сильно поблекла. Она каждую неделю писала Хансенам и каждую неделю получала ответные письма, а то и посылочку из Копенгагена. Мета и Ааге Хансен уже оставили надежду на ее возвращение. В письмах Карен появилось нечто новое, ясно говорившее им, что она для них потеряна навсегда. Прирастание Карен к Палестине становилось очевидно для всех, кроме Китти Фремонг.

Дов Ландау по-прежнему вел себя странно. Иногда он выходил из своего уединения, и в эти минуты его дружба с Карен становилась искренней и глубокой. Но тут же, словно испугавшись собственной отваги и белого света, он снова забирался в свою скорлупу. В те минуты, когда ему удавалось трезво смотреть на вещи, Дов ненавидел себя за огорчения, которые доставлял Карен. Но тут же приходила жалость к

себе, и потому он одновременно ненавидел и любил эту девушку. Дов боролся со своим чувством к Карен, но, с другой стороны, не мог решиться оборвать свою единственную связь с внешним миром. В тоске он часами сидел и смотрел на синий номер, наколотый на руке. Затем с остервенением брался за книги и чертежи и не замечал ничего, что творится вокруг, словно опускался на морское дно. Но всякий раз Карен удавалось вытащить его на поверхность, и озлобленность Дова отступала перед девушкой.

Китти Фремонт тем временем стала в селе незаменима. Доктор Либерман все больше доверял ей. Многие относились к Китти как к сочувствующему, но все-таки постороннему человеку, и поэтому она оказывала на окружающих особое благотворное влияние, которое свойственно только людям со стороны. Дружба с Либерманом радовала ее бесконечно. Она растворилась в жизни Ган-Дафны и творила чудеса, поднимая на ноги больных детей. Она сознавала, что причина невидимого барьера, отделяющего ее от окружающих, в ней самой, но отнюдь не пыталась его разрушить.

С Брюсом Сазерлендом Китти чувствовала себя гораздо свободней, чем с жителями Ган-Дафны, и с нетерпением ждала выходных дней, когда отправлялась с Карен к нему в гости. В обществе генерала она еще острее чувствовала разницу между собой и евреями.

Харизет Зальцман дважды приезжала в Ган-Дафну, чтобы уговорить Китти принять руководство новым центром «Молодежной алии», созданным в районе Тель-Авива. Незаурядные организаторские способности и богатый опыт американки очень пригодились бы там. Харизет Зальцман понимала, что именно человек со стороны крайне полезен в любом молодежном селении.

Китти отклонила предложение. Она прижилась в Ган-Дафне, а главное, именно здесь Карен чувствовала себя как дома. К тому же у Китти отсутствовало желание делать карьеру в Палестине. Она решительно не хотела занимать должность, которая требовала ответственности за военное обучение и нелегальную переправку оружия. Это превратило бы ее в соучастницу, а Китти старалась остаться нейтральной. Ее деятельность должна и впредь оставаться чисто профессиональной, а не политической.

К Карен Клемент она относилась как старшая сестра, заменившая мать, и сознательно стремилась стать для нее необходимой. Хансены блекли в памяти девушки, поиски

отца не давали результатов. У нее оставался один Дов, но он только забирал тепло и ничего не давал взамен. Китти старалась, чтобы девушка нуждалась в ней и зависела от нее, — только так можно было пересилить Эрец Исраэль, ее главного врага.

Шли недели, один за другим приходили и уходили праздники.

Первым на исходе зимы наступил праздник деревьев Ту-бишват. По этому случаю евреи засеяли всю страну сотнями тысяч новых саженцев.

В конце марта отмечали день павших героев. Иордана Бен Канаан повела отряды Гадны к самой границе, в Тель-Хай, где когда-то Барак и Акива перешли из Ливана в Палестину. Теперь эта земля считалась священной. Бойцы Пальмаха и ребята из Гадны собрались у могилы Трумпельдора, чтобы воздать почести героям.

Затем наступил славный праздник Пурим. В Ган-Дафне царила атмосфера настоящего карнавала — носились ряженные, село утопало в гирляндах, венках и украшениях. Читалась вслух книга Эсфири, в которой рассказывается, как славная царица спасла от гибели евреев, живших в персидском царстве. Аман замыслил истребить евреев, но Эсфирь разоблачила его и спасла свой народ. Могила Эсфири находилась тут же, у Форт-Эстер, где и проходила часть празднеств. Рассказ о давних тревогах звучал для детей Ган-Дафны совершенно реально: они сами были жертвами современного Амана, которого звали Адольфом.

Затем праздновали исход из Египта — Пасху.

Праздник Лаг-баомер, которым отмечается второе восстание евреев против римлян, приходится на полнолуние в тридцатый день после Пасхи. В этот день воздается честь великим учителям, похороненным в Тивериаде, Сафед и Мероне, — философу и врачу Моисею Маймониду, рабби Хие, Элиезару и Кагану, а также великому революционеру рабби Акиве. В Тивериаде находится также могила рабби Меира Чудотворца. Празднества начинаются в Тивериаде, затем переносятся в Сафед, а из Сафеда благочестивые евреи толпами идут в Мерон, где похоронены рабби Иоханн Гасандлар-Сапожник, Гилел и Шамай. В Мероне сохранилась часть древней синагоги с дверью, в которую при явлении своем войдет Мессия.

Наибольшие почести во время Лаг-баомера воздаются рабби Шимеону Бар Иохан, который восстал против запре-

тивших иудаизм римских эдиктов. Он скрылся в селение Пекиин и жил там в пещере. Господь дал ему для пропитания рожковое дерево и родник для питья. Так он прожил семнадцать лет, раз в год отправляясь на один день в Мерон, чтобы обучать своих питомцев Торе, запрещенной римлянами. И мусульмане, и христиане признают, что они обязаны своими религиями еврейским учителям, которые, скрываясь, уберегли иудаизм, без чего не было бы ни христианства, ни ислама; обе эти религии уходят корнями в Тору, именно из иудаизма почерпнули они жизнь и живую душу.

Скрываясь в пещере, Бар Иохан написал книгу «Зогар» — «Сияние», в которой излагаются основы мистического учения каббалы. И теперь хасиды и члены восточных общин стекаются со всех уголков Палестины в Тивериаду и Сафед, откуда отправляются в Мерон, чтобы молиться, петь, плясать и воспевать великого рабби Шимеона.

В мае дожди прекратились. Долина Хулы, горы Сирии и Ливана покрылись сочной зеленью, низины густо заросли полевыми цветами, по всей Галилее пышно расцвели ранние розы, а Ган-Дафна стала готовиться к очередному празднику. Это был Шавуот, день уборки первых плодов нового урожая.

Все праздники, связанные с сельским хозяйством, особенно близки сердцу палестинских евреев. По традиции в Ган-Дафну на Шавуот съехались делегации со всей долины Хулы. Снова селение принарядилось для карнавала. Приехали на грузовиках мошавники из Яд-Эля, и среди них Сара Бен Канаан; прибыли кибуцники из Айелет Гашахар, Эйн-Ора и Кфар-Гилади, что на самой границе с Ливаном, из Дана на сирийской границе, из Манара, расположенного на вершине горы.

Доктор Либерман огорчился, что из Абу-Йеши прибыла делегация вполовину меньшая, чем обычно, а Таха не приехал вовсе. Причины были ясны и весьма досадны.

Китти внимательно вглядывалась в каждую машину. Она надеялась, что Ари тоже приедет, и ей не удалось скрыть разочарования, когда он так и не появился. Иордана следила за ней с язвительной улыбкой.

Из Форт-Эстер тайно пришли несколько английских солдат. Это были друзья, которые предупреждали село об облавах.

Целый день не прекращалось веселье. Состязались

спортивные команды, на лужайке в центре селения танцевали хору, а столы, расставленные под открытым небом, ломились от угощений.

С наступлением темноты все направились в окруженный соснами летний театр, вырубленный в склоне холма. Он быстро заполнился до отказа, и сотни гостей расположились на лужайке.

Вспыхнули гирлянды разноцветных лампочек, развешанных по деревьям, детский оркестр сыграл «Гатикву», и доктор Либерман, произнеся короткую речь, открыл праздничный парад. Затем он вернулся на свое место рядом с Китти, Сазерлендом и Харизт Зальцман.

Открыла парад Карен. У Китти сжалось сердце, когда она увидела свою любимицу на белом коне, с огромным знаменем, где на белом фоне красовалась синяя звезда Давида. На Карен были простые брюки, вышитая крестьянская блузка и сандалии. Волосы, заплетенные косичками, спускались на маленькую девичью грудь. Китти вцепилась в подлокотники кресла: Карен выглядела воплощением еврейского духа!

Неужели я ее теряю? Неужели теряю? Знамя развевалось на ветру, лошадь на мгновение закапризничала, но Карен живо справилась с ней. Она уйдет от меня, как ушла от Хансенов, подумала Китти.

Харизт внимательно посмотрела на нее, и Китти опустила глаза.

Карен отъехала в тень, а за ней на освещенную прожекторами площадку выползли пять начищенных до блеска тракторов Ган-Дафны. Каждый тащил прицеп, груженный фруктами, овощами и первыми снопами, сжатыми на полях молодежного селения.

За тракторами двинулись утопающие в цветах джипы, грузовики и пикапы. Проехали машины с детьми, которые сжимали вилы, грабли, серпы и прочие крестьянские орудия.

Затем прогнали коров, нарядно украшенных лентами и цветами, лоснившихся лошадей с заплетенными гривами и хвостами. За ними последовали овцы и козы, а под конец дети провели собак, кошек и обезьянку. Детские мордашки светились весельем и любовью. Потом дети пронесли одежду из полотна, которую они сами соткали из собственноручно выращенного льна, газеты, которые они сами выпустили, плакаты, корзины, керамику и прочие художественные изделия, изготовленные собственными руками. Завершили

шествие спортивные команды. Когда парад закончился и публика проводила участников аплодисментами, к доктору Либерману подошла его секретарь и что-то шепнула на ухо.

— Извините, — сказал он соседям, — меня срочно вызывают к телефону.

— Не задерживайся, — бросила ему вдогонку Харизет Зальцман.

Свет внезапно потух, и на мгновение театр погрузился в темноту. Затем прожекторы осветили сцену. Поднялся занавес. Тростниковая флейта заиграла древнюю мелодию. Дети начали разыгрывать историю Руфи. Спектакль был задуман как пантомима на фоне грустной музыки.

Костюмы маленьких артистов походили на настоящие, танцы в точности повторяли медленные и томные движения времен Руфи и Ноэми. Затем на сцене появились танцоры, которые исполнили дикие, зажигательные пляски, вроде тех, которые Китти видела на горе Табор.

Как же радуется этих детей воскрешение событий прошлого, подумала Китти. С каким воодушевлением они стремятся восстановить славу Израиля!

И вот на сцену вышла Карен. В публике воцарилось молчание. Карен исполняла роль Руфи. Ее танец рассказывал простую и прекрасную историю девушки-моавитянки и ее свекрови-еврейки, историю пути в Бейт-Лехем — Дом Хлеба. Историю про любовь и про единого Бога, которая ежегодно рассказывалась в праздник Шавуот с незапамятных времен древних маккавеев.

Руфь была чужая в еврейской стране, но ее потомком стал царь Давид.

Китти не отрывала глаз от сцены, когда Карен-Руфь говорила Ноэми, что последует за ней в страну евреев.

«Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом»*.

Китти расстроилась, как никогда раньше. Карен не разубедить. Она, Китти Фремонт, здесь чужая. И всегда останется чужой. Разве может она сказать, как Руфь: «Народ твой будет моим народом»? Значит, она потеряет Карен?

Секретарь дотронулась до плеча Китти и шепнула:

— Доктор Либерман просит вас срочно зайти в его кабинет.

* Руф. 1, 16.

Китти извинилась и тихонько ушла. Поднявшись по тропе, она обернулась и еще раз посмотрела сверху на театр, где дети исполняли танец жнецов, а Карен-Руфь присела у ног Вооза. Китти отвернулась и направилась в селение.

Было темно. Она зажгла фонарик, и все равно идти приходилось осторожно, чтобы не споткнуться. Китти пересекла центральную лужайку, прошла мимо статуи Дафны. Позади гремели барабаны и плакали флейты. Китти вошла в здание администрации, открыла дверь в кабинет доктора Либермана.

— Боже мой! — воскликнула она испуганно. — Что случилось? У вас такой вид, словно...

— Нашли отца Карен, — прошептал он.

ГЛАВА 8

На следующее утро Сазерленд повез Карен и Китти в Тель-Авив. Китти поехала под предлогом срочных покупок и взяла девушку с собой будто бы для того, чтобы показать ей город. Они добрались к обеду и остановились в гостинице на улице Гаяркон у самой набережной. После обеда Сазерленд распрошался с ними и ушел. В полдень магазины закрыты, поэтому Китти и Карен побродили немного по песчаному пляжу у гостиницы, а заодно искупались.

В три часа Китти вызвала такси, и они поехали в Яффу. Ей сказали, что там можно недорого купить прекрасные арабские и персидские изделия из бронзы. Китти хотела украсить свой коттедж. Таксист привез их в самый центр блошиного базара. Лавки здесь помещались прямо в бойницах крепостной стены времен крестоносцев. У входа в одну из них дремал грузный мужчина в красной феске, опущенной на глаза. Китти и Карен принялись рассматривать лавку. Крошечное помещение было сплошь увешано утварью, урнами, подносами, подсвечниками, тазами. Пол не подметали по меньшей мере десять лет.

Толстый араб, почуяв покупателей, тут же проснулся и галантным жестом пригласил их в лавку. Он сбросил с ящиков какой-то товар, предложил женщинам сесть, а сам выбежал и послал старшего сына за кофе для почетных гостей. Вскоре кофе был подан. Китти и Карен вежливо отпили по глотку и обменялись любезными улыбками с хозяином. Сын, с виду туповатый малый, глазел на них с порога. У входа

собрались зеваки. Беседы не получилось, и язык пришлось заменить жестами, хотя Карен свободно говорила по-датски, французски, немецки, английски и на иврите, а Китти знала испанский и немного греческий. Торговец ничего не понимал, кроме родного арабского. Он снова послал сына — на этот раз за базарным переводчиком, и через несколько минут тот явился. Язык переводчика отдаленно напоминал английский, и торг начался.

Китти и Карен осмотрели, сдувая пыль, несколько инкрустированных изделий, покрытых вековым слоем грязи, — лучшим свидетельством их подлинности. Порывшись в лавке с истинно женской основательностью минут сорок, они перебрали и перещупали все, что там было, и отобрали пару ваз, три изящных арабских кофейника с удлиненными горлышками и огромный персидский поднос, сплошь покрытый гравировкой. Китти спросила о цене, поставив условие, чтобы весь товар был начищен и доставлен в гостиницу. Кучка зевак у входа подошла ближе, а хозяин и переводчик оживленно заговорили между собой.

Наконец переводчик повернулся к покупательницам и, вздыхая, сказал:

— Его сердце совсем разбито. Расстаться с этими сокровищами! Подносу — он клянется Аллахом — триста лет.

— А сколько надо заплатить, чтобы снова склеить разбитое сердце? — спросила Китти.

— Только для вас, для вашей дочки, такой прекрасной, мистер Аким делал специально скидку. Берите все, тогда шестнадцать фунт стерлинг.

— Это даром, — шепнула Китти спутнице.

— Но если ты заплатишь, не торгуясь, — возмутилась Карен, — то испортишь ему настроение.

— Надо немедленно брать и смываться, — ответила Китти шепотом. — За один этот таз в Штатах пришлось бы заплатить триста, а то и четыреста долларов.

— Китти, пожалуйста! — взмолилась Карен. Она решительно выступила вперед, и улыбка мгновенно исчезла с лица Акима. — Девять фунтов, и ни гроша больше, — твердо заявила она.

Переводчик передал контрпредложение хозяину. Мистер Аким изобразил оскорбление до глубины души и начал плакаться. Он не может, не имеет права, у него семья. Снова подвело его доброе сердце, только из-за него он назвал такую небольшую цену. Вещи, отобранные дамами, — на-

стоящие антикварные ценности. Дамы это прекрасно знают. Он клянется своей честью, честью отца, бородой пророка. Тринадцать фунтов.

— Двенадцать, но окончательно.

Аким чуть не зарыдал. Это себе в убыток! Но что он может сделать, он всего-навсего нищий араб. Двенадцать с половиной.

— По рукам.

Едва сделка состоялась, все снова заулыбались — и в лавке, и у дверей. Стороны долго трясли друг другу руки, Аким цветисто благословлял женщин, а также их потомство до седьмого колена. Китти оставила Акиму адрес гостиницы и велела доставить тщательно вычищенные покупки в гостиницу, где с ним рассчитаются. Дав на чай переводчику и тупице-сыну, Китти и Карен вышли из лавки.

Они шатались по блошиному базару и не переставали изумляться, как ухитряются вместить эти крошечные лавчонки столько товара, а заодно — столько грязи. Когда они дошли до угла, мужчина с внешностью сабры подошел к Карен, пошептался с ней на иврите и тут же скрылся.

— Кто это?

— Не знаю. Он по одежде определил, что я еврейка. Хотел знать, не англичанка ли ты. Я ему сказала, кто ты, и он посоветовал нам немедленно вернуться в Тель-Авив. Тут заваривается какая-то каша.

Китти окинула взглядом улицу, но мужчины и след пропал.

— Наверное, из маккавеев, — сказала Карен.

— Тогда уходим.

Китти успокоилась, только когда Яффа осталась позади. Они подошли к углу улицы Алленби и бульвара Ротшильда. Вдоль улицы шли ряды новых магазинов, а бульвар, нарядный и широкий, был застроен ультрасовременными трехэтажными домами и утопал в зелени. Здесь все так разительно отличалось от Яффы. Машины и автобусы шли сплошным потоком, пешеходы торопились, как во всех больших городах.

— Просто дух захватывает! — сказала Карен. — Я ужасно рада, что поехала с тобой. Трудно даже представить, что все, кого видишь: шоферы, официанты, продавцы, — евреи. Они построили настоящий большой город. Еврейский город. Вряд ли ты понимаешь, что это значит — город, в котором все принадлежит евреям.

Китти обиделась:

— У нас в Америке живет много евреев, и они счастливы, как все настоящие американцы.

— Да, но это все-таки не то, что еврейское государство. Необходимо знать, что на свете есть уголок, где ты нужен, местечко, которое принадлежит лично тебе.

Китти порылась в сумке и достала клочок бумаги.

— Вот адрес. Где бы это могло быть?

Карен посмотрела на бумажку.

— Через два квартала! Когда ты наконец научишься понимать иврит?

— Боюсь, никогда, — ответила Китти, затем быстро добавила: — Вчера чуть не вывихнула себе челюсть, когда пыталась сказать несколько слов.

Они нашли дом. Это оказался магазин готовой одежды.

— Что нам здесь нужно? — спросила Карен.

— Я собираюсь обновить твой гардероб. Это подарок от Сазерленда и от меня.

Карен остановилась как вкопанная.

— Я не могу, — сказала она.

— Но почему, дорогая?

— А чем плоха одежда, которая на мне?

— Она хороша для Ган-Дафны...

— Никакой другой мне не надо, — упорствовала Карен.

Еще одна Иордана, подумала Китти.

— Карен, не забывай: ты молодая девушка. Никаких принципов ты не предашь, если иной раз наденешь приличное платье.

— А я горжусь тем, что...

— Да будет тебе! — решительно оборвала ее Китти. — Ты с каждым днем все больше напоминаешь сабру. Когда ты куда-нибудь едешь со мной, пожалуйста, одевайся так, чтобы мы с Сазерлендом могли тобой гордиться.

Китти рассердилась, в ее голосе послышалась непреклонность. Карен прикусила язык и пошла на попятную. Она покосилась на разодетые манекены в витрине и последний раз попыталась возразить:

— Это нечестно по отношению к остальным девочкам.

— А мы спрячем эти платья под винтовками, если тебе так хочется.

Несколько минут спустя Карен уже вертелась перед зеркалом, как истая женщина, и была, честно говоря, рада, что Китти проявила настойчивость. Так приятно чувствовать на

себе эти вещи и посмотретья в зеркало! Когда она одевалась так нарядно? В Дании, пожалуй, но это было так давно! Китти тоже радовалась, видя, как Карен у нее на глазах превращается в изящную девушку. Затем они обошли всю улицу Алленби, заходили в магазины, покупая то одно, то другое, пока наконец, нагруженные свертками, добрались до площади Мограби. Усталые, они присели к столику ближайшего кафе. Карен ела мороженое, не сводя широко раскрытых глаз с улицы и торопливых прохожих.

— Это самый прекрасный день, сколько я себя помню. Как жаль, что с нами нет Дова и Ари.

Какая она прелесть, подумала Китти. Она так добра, что всегда помнит о других.

Карен задумалась, выковыривая из стаканчика остатки мороженого.

— Я частенько думаю, что нам с тобой досталась пара кислых лимонов.

— Нам с тобой?

— Ну, как же... ты и Ари, я и Дов.

— Я не знаю, откуда ты взяла, будто между мной и мистером Бен Канааном что-то есть. Ты глубоко ошибаешься.

— Так почему же вчера ты чуть не свернула себе шею, осматривая каждый грузовик? Кого же ты там высматривала, если не Ари Бен Канаана? — рассмеялась Карен.

Китти усмехнулась и отпила глоток кофе, чтобы скрыть смущение.

Карен вытерла губы и пожала плечами:

— Да хоть кого спроси, все знают, что ты к нему неравнодушна.

Китти строго посмотрела на нее:

— Послушай-ка, мисс Всезнайка...

— Попробуй только отрицать. Я тогда возьму и закричу об этом во весь голос на иврите.

Китти вскинула руки:

— Сдаюсь. Может быть, когда-нибудь ты поймешь, что женщине, которой перевалило за тридцать, тоже может нравиться мужчина. Да, Ари мне нравится, но это решительно ничего не значит. Я должна разочаровать твое романтическое воображение: ничего серьезного между нами нет.

Карен смотрела на Китти, и ее взгляд говорил, что она не верит ни единому слову. Девушка вздохнула, придвинулась поближе, взяла Китти за руку, словно собиралась поделиться с ней Бог весть какой тайной, и серьезно сказала:

— Ты очень нужна Ари, я это знаю.

Китти похлопала Карен по руке и поправила локон, выбившийся у нее из-под ленты.

— Хотела бы я снова быть шестнадцатилетней девочкой, и чтобы все стало мне таким простым и ясным. Нет, милая, Ари Бен Канаан — супермен, которому никто не нужен и который полагается только на себя с того самого дня, когда отец сунул ему в руки воловий кнут. Его кровь состоит из малюсеньких частиц стали и льда, а сердце у него — обыкновенный насос вроде двигателя вон того автобуса. Ему неведомы простейшие человеческие чувства.

Она замолчала, неподвижно глядя куда-то поверх головы Карен.

— Но все-таки ты его любишь.

— Да, — вздохнула Китти, — я его люблю, и то, что ты сказала, — правда. Нам с тобой досталась пара кислых лимонов. Ну, а теперь вернемся в гостиницу. Я хочу, чтобы ты успела переодеться и нарядиться как принцесса. У нас с Брюсом есть для тебя сюрприз.

Когда Сазерленд явился на ужин, Карен действительно выглядела как принцесса. Сюрприз заключался в том, что они отправились в национальный театр «Габима» на «Лебединое озеро». Там играл оркестр Палестинской филармонии. Весь спектакль Карен просидела, наклонившись вперед, на краешке стула, не сводя глаз с балерины, плывущей по сцене. Божественная красота балета произвела на девушку потрясающее впечатление.

Господи, как же это прекрасно! — думала она, уже почти забывшая, что на свете существует балет. Какое счастье, что у нее есть Китти! Сцена утопала в синем свете, гремел финал, отважный Зигфрид побеждал злого Ротбарта, а лебеди превращались в красавиц. Слезы радости текли по лицу девушки.

Китти следила больше за Карен, чем за балетом. Она чувствовала, что разбудила в ее сердце что-то потаенное. Карен вспоминала, что на свете есть вещи не менее важные, чем зеленые поля Галилеи. Китти решила поддерживать это чувство в душе Карен во что бы то ни стало. Как бы евреи ни завладели ее сердцем, а все-таки оставалось и такое, на что их власть никогда не распространится.

Завтра Карен увидится с отцом, и ее жизнь изменится. Китти многого добилась за этот день.

Они вернулись в гостиницу поздно. Карен светилась от

счастья. Рывком открыв тяжелую входную дверь, она, танцуя, прошла по вестибюлю. Английские офицеры у стойки изумленно подняли брови. Китти отправила ее наверх и велела готовиться ко сну, а сама подошла с Сазерлендом к бару, чтобы выпить по рюмке.

— Вы уже сказали ей про отца?

— Нет еще.

— Хотите, я пойду с вами?

— Нет, я лучше сама.

— Хорошо.

— Только неплохо будет, если вы потом придете.

— Я буду здесь.

Китти поднялась с табурета и поцеловала Сазерленда в щеку.

— Спокойной ночи, Брюс.

Карен все еще танцевала, когда в номер вошла Китти.

— Помнишь Одетту в последней сцене? — спросила девушка.

— Поздно уже, и ты устала, как негр на плантации.

— Ах, какой чудесный день! — вздохнула Карен, опускаясь на постель.

Китти прошла в ванную, переделалась на ночь. Она слышала, как Карен напевает мелодии балета.

— Господи! — зашептала Китти. — За что же ей такое наказание?

Она закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

Потом она лежала в темноте с широко раскрытыми глазами. Вдруг Карен встала, подошла к кровати Китти, опустилась на колени и положила голову ей на грудь.

— Я очень, очень тебя люблю, — прошептала она. — Родную мать, и то не могла бы любить больше.

Китти отвернулась и погладила девушку по волосам.

— Иди спать, — сказала она, сдерживая слезы. — Завтра будет утомительный день.

Китти лежала без сна, курила сигарету за сигаретой, вставала, ходила по комнате. Каждый раз, когда она смотрела на спящую девушку, у нее сжималось сердце. Было далеко за полночь, а она все сидела у окна, прислушиваясь к шуму прибоя и глядя на Яффу, еле видную за поворотом. Лишь под утро Китти погрузилась в беспокойный сон.

Она проснулась усталая, с тяжелым сердцем и синевой вокруг глаз. Попыталась начать тяжелый неизбежный разговор, но не могла решиться. Они молча завтракали на террасе.

- А где генерал? — спросила Карен.
- У него какие-то дела. Придет попозже.
- Какие у нас планы на сегодня?
- О, всякие.
- Китти... это связано с моим отцом, верно?

Китти опустила глаза.

- Я все время догадывалась.
- Я не собиралась тебя обманывать, дорогая. Я...
- Что... расскажи мне все... Что с ним?..
- Он очень, очень болен.

Карен стала кусать ногти, ее губы задрожали.

- Я должна его видеть.
- Девочка, он не узнает тебя.

Карен выпрямилась и посмотрела в сторону моря.

- Я так долго ждала этого дня.
- Карен, не надо...

— Каждую ночь с тех пор, как началась война, уже больше двух лет, я видела один и тот же сон. Лежу, бывало, в постели и стараюсь представить, что мы с ним встретились. Я знала совершенно точно, как он выглядит, что мы скажем друг другу. В лагерях и все эти месяцы на Кипре я каждую ночь видела это... отец и я. Понимаешь? Я все время знала, что он жив и что мы с ним увидимся.

— Карен, подожди! Все будет совсем не так, как в тво-ем сне.

Девушка задрожала, ее ладони взмокли. Она вскочила:

— Веди меня к нему!

Китти крепко стиснула ее руку:

- Ты должна приготовиться к ужасному.
- Пожалуйста, Китти... пойдём.
- Знай, что бы ни случилось, что бы тебе ни пришлось там увидеть, я с тобой. Я буду с тобой, Карен. Помни!
- Я буду помнить.

И вот Карен и Китти сидят перед доктором.

— Вашего отца пытали в гестапо, — сказал он Карен. — В начале войны они хотели заставить его работать на них и прибегали к самым жестоким мерам. И все же им пришлось отказаться от своего плана. Он просто не мог работать на фашистов, хотя и подвергал этим вашу мать и братьев смер-тельной опасности.

— Я вспоминаю, — сказала Карен. — Как-то вдруг не стало писем. Я все приставала к Ааге, не случилось ли что с родными.

— Его отправили в Терезиенштадт, это в Чехословакии, а мать и братья...

— О них мне все известно.

— Его отправили в Терезиенштадт в надежде, что он передумает. Только после войны ваш отец узнал, что случилось с женой и сыновьями. Его мучила совесть, он винил себя в том, что задержался в Германии, из-за чего ваша мать и братья попали в западню. Когда он узнал про их судьбу, его ум помрачился.

— Но ведь он поправится?

Доктор посмотрел на Китти.

— У него депрессия, крайняя меланхолия.

— А что это означает?

— Карен, твой отец вряд ли поправится.

— Я вам не верю! — закричала девушка. — Я хочу видеть его.

— Вы его помните?

— Очень мало.

— Сохраните лучше о нем воспоминание, какое у вас есть, не советую смотреть на него теперь.

— Она должна его увидеть, доктор, во что бы то ни стало, — сказала Китти.

Доктор повел их вниз по коридору и остановился перед дверью. Сопровождавшая их сестра отомкнула замок. Доктор оставил дверь открытой.

Карен вошла в помещение, напоминающее келью. В комнате стояли стул, этажерка и кровать. Она оглянулась вокруг и застыла на месте. Кто-то сидел в углу на полу, босой и непричесанный, прислонившись спиной к стене, обхватив руками колени и тупо глядя на стену.

Китти шагнула к этому человеку. Он был небрит, лицо в рубцах. Внезапно Карен почувствовала облегчение. Это недоразумение, подумала она. Какой-то посторонний несчастный человек. Это не отец. Он просто не может им быть. Ошибка! Она с трудом подавила желание выскочить вон и закричать: неужели вы не видите, как ошибаетесь, это недоразумение! В углу сидит не Иоганн Клемент, не ее отец. Отец живет где-то в другом месте и ждет встречи с ней. Карен остановилась перед больным, пристально посмотрела в его потухшие глаза. Она почти ничего не помнила, но это был не тот человек, о встрече с которым она мечтала.

Там был камин и запах трубочного табака. Там был большой добродушный бульдог, которого звали Максимили-

ан. В комнате рядом плакал ребенок. «Мириам, сходи посмотри, что с Гансом. Я читаю девочке сказку, а он мешает».

Карен Хансен-Клемент опустилась на колени перед неподвижным калекой.

В доме бабушки в Бонне пахло свежее испеченным пирожным. Она всегда пекла его, готовясь встречать родных в воскресенье.

Несчастный продолжал смотреть на стену, словно был один в комнате.

«Ты только посмотри, какие смешные обезьяны! Кёльнский зоопарк лучший в мире. Когда же снова карнавал?»

Она пристально разглядывала его от босых ног до рубцов на лбу. Ничего... ничего похожего.

«Жидовка! Жидовка!» — это орет ей вслед толпа, и она с разбитым в кровь лицом бежит домой. «Будет, Карен, не плачь! Папа не даст тебя в обиду».

Карен дотронулась до его щеки.

— Папочка? — сказала она.

Человек не шевельнулся, даже не заметил ее.

Притихшие дети в поезде; говорят, что их везут в Данию, но ей безразлично — очень устала. «До свидания, папочка. Возьми мою куклу, она будет смотреть за тобой». Она стоит в тамбуре, не сводя глаз с отца, а он становится все меньше.

— Папочка! — закричала Карен. — Это я, Карен, твоя дочь. Я уже большая, папочка. Неужели ты меня не помнишь?

Врач крепко держал Китти, которая стояла в дверях, дрожа всем телом.

— Пустите меня! Я ей помогу, — умоляла Китти.

— Оставьте ее, — ответил врач.

А Карен наконец вспомнила.

— Да, да! Это мой отец! Это мой папа. Папочка! — рыдала она, обнимая его за шею. — Пожалуйста, скажи мне что-нибудь. Поговори со мной! Я умоляю!

Человек, который когда-то был Иоганном Клементом, заморгал глазами. На лице появилось выражение любопытства — он почувствовал, что его обнимают. Какой-то проблеск появился в его глазах, словно в нем кто-то пытался пробить окружающий мрак, — но лишь на мгновение, потом взгляд снова потух.

— Папа! — закричала Карен. — Папочка!

Только эхо оттолкнулось от стен пустой комнаты.

Сильные руки врача оторвали Карен от отца. Ее осто-

рожно вывели из комнаты, дверь снова заперли, и она навсегда рассталась с Иоганном Клементом. Девушка разрыдалась в объятиях Китти.

— Он меня даже не узнал. Боже, Боже... да что же это такое? Почему он меня не узнал? Боже, ответь... ответь!

— Все хорошо, дитя мое, теперь все хорошо. Китти с тобой.

— Не оставляй меня, Китти, никогда не оставляй!

— Нет-нет, деточка... Китти никогда тебя не оставит, никогда!

ГЛАВА 9

Весть об отце Карен дошла до Ган-Дафны быстрее, чем они успели вернуться. Дов Ландау был потрясен — впервые с тех пор, как Мундек держал его в объятиях в бункере гетто, он обнаружил, что может сочувствовать не только себе. Сострадание, которое он испытывал к Карен Клемент, стало лучом света, который пробил наконец его мрачный мир.

Она — единственный человек на свете, к которому Дов чувствовал доверие и привязанность. Почему же именно ей выпало на долю такое? Как часто в том вонючем лагере на Кипре Карен уверяла, что ее отец жив! Удар, который обрушился на нее, причинил глубокую боль и Дову.

Кто же теперь остался у Карен? Только он да миссис Фремонт. Бывало, ему хотелось ненавидеть и Китти, но он сдерживался потому, что Китти добра к Карен. Теперь, когда нечего больше надеяться на отца, миссис Фремонт, может быть, увезет Карен в Америку.

Кто он Карен? Жернов на шее, и только. Он мешает ее отъезду — ясно, что Карен его не бросит. Значит, оставалось только одно...

Парень по имени Мордехай тайно вербовал юношей в ряды маккавеев прямо в Ган-Дафне. Через него Дов узнал, как можно связаться с подпольем. Коттеджи в селе никогда не закрывали на замок, и однажды вечером, когда все ушли ужинать, он украл из домиков для персонала несколько золотых вещиц и уехал в Иерусалим.

Брюс Сазерленд явился к доктору Либерману и убедил его, что Карен, пока не оправится от шока, должна провести вместе с Китти неделю-другую в его особняке.

Карен переносила свое горе с присущими ей мужеством и достоинством. Китти не спускала с нее глаз и ни на минуту не оставляла одну.

Страшная участь отца и исчезновение Дова Ландау — все складывалось в пользу Китти: она одержала победу, грустную, но все-таки победу. Китти чувствовала, что теперь, может быть, удастся увезти Карен в Америку. Находясь в доме Сазерленда, она думала об этом все время и порой презирала себя за то, что хочет извлечь выгоду из горя Карен, но вести себя по-другому уже не могла. С того дня, когда Китти впервые увидела Карен в лагерной палатке, вся ее жизнь сосредоточилась вокруг этой девушки.

Однажды после обеда к Сазерленду приехал Ари Бен Канаан. Мужчины проговорили почти час. Покончив с делами, Сазерленд вдруг сказал:

— Кстати, у меня гостят ваша приятельница Китти Фре-монт и Карен.

— Я слышал, вы крепко подружились с ней.

— Да, Кэтрин Фремонт — одна из самых приятных и толковых женщин, с которыми мне доводилось встречаться. Съездите в Ган-Дафну и посмотрите, какие чудеса она там творит. Там есть мальчик, который шесть месяцев назад не мог сказать ни слова. Теперь он не только говорит — играет на трубе в оркестре.

— Слышал, — сказал Ари.

— Я настоял, чтобы она приехала ко мне и привезла с собой Карен. Девушка нашла отца, но бедняга совершенно помешан. Для девушки это страшный удар, что и говорить. Идемте к ним в парк.

— Весьма сожалею, но у меня куча дел.

— Чепуха! Не хочу слушать. — Он взял Ари под руку и потащил за собой.

Китти не видела Ари с поездки на гору Табор. Его вид огорчил ее, он явно не щадил себя.

Ее удивило, как мягко и тактично он выразил Карен соболезнование. Так ласково он относился, по-видимому, только к своим — с ней он всегда держался по-другому. Значит, он считает Карен своим человеком, сказала себе Китти и тут же рассердилась! До чего дошло! Она начинала рассматривать все на свете с точки зрения еврейства Карен. А разве дело только в этом?

Китти и Ари пошли прогуляться по парку.

— Как она? — спросил Ари.

— Очень крепкая и мужественная девушка, — ответила Китти. — Шок перенесла ужасный, но удивительно хорошо с ним справилась.

Ари обернулся и посмотрел, как Карен и Сазерленд играют в шашки.

— Она действительно прелесть, — искренне сказал он.

Эти слова поразили Китти. Она никогда не слышала, чтобы Ари кого-нибудь похвалил, и даже спрашивала иногда себя, замечает ли он вообще красоту? Дойдя до конца дорожки, они остановились. Вокруг парка шла низенькая каменная ограда. За ней гора спускалась в долину, к Сафеду. Китти присела на забор, любуясь Галилеей. Ари достал сигареты, они закурили.

— Ари, я никогда не обращалась к вам с просьбой, но теперь хочу кое о чем попросить.

— Просите!

— Беду с отцом Карен со временем как-нибудь переживет, но есть еще одно дело, с которым она, пожалуй, не справится. Дов Ландау сбежал из Ган-Дафны. Думаем, что он подался в Иерусалим к маккавеям. Вы, конечно, знаете, что Карен шефствовала над парнем, теперь она очень болезненно переживает его исчезновение. Я прошу вас найти его и вернуть в Ган-Дафну. Думаю, вы сумеете его разыскать. Если вам удастся убедить Дова, что он нужен Карен, Дов вернется.

Ари пустил струйку дыма и с любопытством посмотрел на Китти:

— Я не понимаю вас. Девушка принадлежит теперь всецело вам. Дов — единственный человек, который мог бы помешать, и вот он сам ушел...

Китти смотрела на него бесстрастно.

— Ваши слова должны бы меня обидеть, но я не обижаюсь, так как вы правы. Но я не могу строить свою жизнь на ее несчастье, не могу увезти ее в Америку, не решив проблему с Довом.

— Весьма похвально.

— Дело не в благородстве. Карен умная девушка, но до тех пор, пока речь не заходит об этом мальчике. У каждого из нас есть слабости, не так ли? Ей будет гораздо легче справиться с этим, если Дов вернется в Ган-Дафну.

— Прошу прощения за мой примитивный образ мыслей, вы очень проникательны.

— Я люблю эту девушку, и что же в этом плохого или хитрого?

— Вы хотите уверить ее, что ей ничего не остается, кроме как уехать с вами.

— Я хочу только, чтобы ей было хорошо. Вы мне, пожалуй, не поверите, но если бы я решила, что ей лучше остаться в Палестине, то я бы оставила ее здесь.

— Почему же? Вполне верю.

— Скажите, положила руку на сердце, разве я делаю что-то плохое, желая увезти ее в Америку?

— Ничего дурного в этом нет.

— Тогда помогите мне вернуть Дова.

Наступило долгое молчание. Ари потушил сигарету о забор, машинально разорвал окурки, высыпал остатки табака, смял остатки бумаги в шарик и положил в карман. Майор Мальколм приучил его не бросать окурки, по которым противник всегда может найти тебя.

— Это не в моих силах, — сказал Ари наконец.

— Нет, в ваших. Дов очень уважает вас.

— Дело не в этом. Конечно, найти его нетрудно. Я даже могу заставить его вернуться в Ган-Дафну и приказать: сиди, мой мальчик, и не рыпайся, потому что дамы тревожатся о тебе. Однако Дов Ландау принял решение. Каждый еврей в нашей стране должен сам решить этот вопрос в соответствии со своими убеждениями, и мы тут чрезвычайно щепетильны. Из-за разногласий в этом деле мой отец и его брат не разговаривают друг с другом уже пятнадцать лет. Дов Ландау всей душой жаждет мести. Остановить его может только Бог или пуля.

— Вы говорите так, словно одобряете террористов.

— Бывает, я им сочувствую, иной раз питаю к ним отвращение, но судить их не собираюсь. Кто вы такая и кто я такой, чтобы говорить Дову Ландау, будто он не прав? Вам известно, что ему пришлось вынести. Кроме того, вы ошибаетесь еще и в другом. Если его вернуть в Ган-Дафну, он принесет этой девушке горе. Нет, Дов должен делать то, что он считает нужным.

Китти поднялась, и они направились к воротам.

— Да, Ари, — сказала она, — вы, пожалуй, правы.

Когда они вышли за ворота и направились к машине, подошел Сазерленд.

— Вы долго пробудете в этих краях, Бен Канаан? — спросил он.

— У меня кое-какие дела в Сафед.

— А почему бы вам не вернуться и не поужинать с нами?

— Но я...

— Пожалуйста, приходите, — сказала Китти.

— Спасибо. Приду.

— Вот и прекрасно. Как только управитесь с делами в Сафед, сразу же и возвращайтесь.

Они помахали ему вслед. Ари поехал под гору, мимо форта, и скрылся из виду.

— Не дремлет и не спит хранящий Израиля, — сказала Китти.

— Да вы, Китти, никак псалмы стали цитировать?

Они вернулись в парк.

— Вид у него изнуренный.

— Для человека, который работает сто десять часов в неделю, он выглядит неплохо, — возразил Сазерленд.

— В жизни не видела такой самоотверженности, чуть не сказала — фанатизма. Его приезд к вам удивил меня, Брюс. Я и понятия не имела, что вы тоже замешаны в их дела.

Сазерленд набил трубку.

— Ну, положим, не так уж и замешан. Хагана попросила меня составить список арабских частей, находящихся за пределами Палестины. Им нужна объективная оценка специалиста. Но раз уж мы об этом заговорили, Китти, не кажется ли вам, что каждому из нас пора честно разобраться во всем этом?

— Я же сказала вам, что не хочу брать ничьей стороны.

— Китти, боюсь, вы действуете, как страус. Сидите посреди поля сражения и говорите: «Не троньте мой дом, я закрыла ставни».

— Я уеду, Брюс.

— Тогда вам нужно торопиться. Если думаете, что сможете и дальше жить здесь так, как до сих пор, то глубоко ошибаетесь.

— Мне нельзя ехать сейчас. Надо подождать, пока Карен поправится.

— Только поэтому?

Китти покачала головой:

— Временами мне кажется, что я смогу забыть и Карен, и Палестину, но порой, как сейчас, я сомневаюсь и боюсь доводить дело до решающего испытания.

Перед ужином они смотрели на полную луну, повисшую над городом.

— Три дара обещал Господь Израилю, но каждый из них будет обретен ценой страдания. Один из этих даров — Эрец

Израэль, — изрек Сазерленд. — Это сказал Бар Йохан две тысячи лет назад. Мудрые слова, ничего не скажешь.

— Уж коли мы заговорили о мудрецах, — сказал Ари, — то завтра я еду к Тивериадскому озеру. Вы бывали там, Китти?

— Нет, я мало путешествую.

— Обязательно нужно побывать там. И как можно скорее. Через несколько недель будет чересчур жарко.

— А почему бы вам не взять ее с собой? — быстро вернула Карен.

Наступило неловкое молчание.

— Это идея, — сказал Ари. — Я выкрою несколько дней. Почему бы нам не поехать вчетвером?

— Меня не считайте, — сказала Карен. — Я была там дважды.

Сазерленд понял намек девушки.

— На меня тоже не рассчитывайте, старина. Я бывал в тех местах раз десять.

— А почему бы вам не поехать вдвоем? — не отставала Карен.

— Лучше я побуду здесь, с тобой, — ответила Китти.

— Глупости, — буркнул Сазерленд. — Мы с Карен прекрасно справимся одни. Если хотите знать, вы нам доставите только удовольствие, если избавите от своего присутствия на несколько дней. Да и Ари не мешает отдохнуть.

Китти засмеялась:

— Ари, вы чувствуете? У них заговор. Похоже, мы имеем дело с двумя кумушками, которые только и мечтают, как бы сострипать шидох*.

— Нет, вы только послушайте, что она говорит! — закричала Карен.

— А что? Я сабра не хуже тебя. Кажется, мы с вами попались, Ари.

— Я этому очень рад, — ответил он.

ГЛАВА 10

На следующее утро Ари и Китти сели в машину и поехали к Тивериадскому озеру. Они въехали в Геносаретскую долину, которая тянется вдоль его северного берега. По ту сто-

* Сватовство (*иврит*).

рону озера над этой очень низкой местностью, расположенной ниже уровня моря, вздымались выветрившиеся коричневые сирийские горы. Теплый, душный воздух словно застыл.

Это озеро — собственность самого Господа Бога, подумала Китти. Снова она была наедине с Ари и снова ощущала, что теряет чувство времени, как однажды в горах Иудеи. Почему эта страна действует на нее так сильно именно тогда, когда рядом Ари?

Ари остановился у самого берега и повел ее к развалинам капернаумской синагоги. Здесь, на этом месте, ходил Иисус, учил и лечил людей. В памяти Китти всплыли слова, которые она, казалось, совершенно забыла. «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море... И приходит в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил»*.

Казалось, что Он все еще здесь. На берегу рыбаки закидывали сети в море, тут же паслось небольшое стадо черных коз — время словно застыло с тех пор.

Ари повел ее к церкви, построенной якобы на том самом месте, где неподалеку от Капернаума произошло чудо с хлебами и рыбами. Пол церкви был украшен византийской мозаикой с изображением бакланов, цапель, уток и прочих диких птиц, до сих пор населяющих озеро. Затем они поднялись на гору Благословений и подошли к небольшой часовне, стоящей там, где Иисус произнес Нагорную проповедь.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»**.

Это были Его слова, произнесенные на этом самом месте. Когда Китти увидела святые для христианина места, ей пришла в голову ошеломляющая мысль, что Ари Бен Канаан, Давид Бен Ами и даже Карен так близки этим местам, как сама она никогда не будет.

Они промчались мимо сонной арабской деревни Мигдал, где родилась Мария Магдалина, затем проехали под отрогами Хаттина, где находилась могила Иофора, тестя Мои-

* Мф. 4, 18; Мк. 1, 21.

** Мф. 5, 10 — 12.

сея и главного пророка друзов, но душевное беспокойство мешало Китти сосредоточить внимание. Затем машина свернула и въехала на плоскогорье, словно залитое алой краской — везде росли яркие дикие цветы.

— Какой красивый красный цвет, — восхитилась Китти. — Остановитесь на минуту, Ари.

Он съехал с дороги. Китти вышла из машины и сорвала цветов.

— Никогда в жизни не видела ничего подобного, — взволнованно прошептала она.

— Здесь, в пещерах, когда-то жили древние маккавеи. Это единственное место на земле, где растет такой цветок. Мы называем его «Кровь маккавеев».

Китти посмотрела внимательно: цветок действительно отливал кровью. Она поспешно бросила его и даже вытерла руки.

Предания этой страны обступали ее со всех сторон. Даже полевой цветок и тот напоминает о них. Века насаждают на человека, тревожат, закабаляют.

На Китти напал страх. Она вдруг подумала, что ей нужно покинуть Палестину как можно скорее. Чем упорнее она сопротивляется, тем увереннее эта страна ее закрепощает, смыкается вокруг нее, проникает в душу. Китти почувствовала себя почти обреченной.

Они въехали в Тивериаду с севера через современное еврейское предместье Кирыят Шмуэль, миновали громоздкую тагартову крепость и спустились в Старый город, расположенный на уровне озера. Почти все здания здесь были построены из черного базальта.

Проехав город, они завернули в гостиницу, расположенную на самом берегу. Стоял полдень, было очень жарко. На обед подали местную рыбу. Китти ела неохотно, молчала. Она уже жалела, что поехала.

— Самое святое место я вам еще не показал, — сказал Ари.

— Что за место?

— Кибуц Шошана. Там родился ваш покорный слуга.

Китти улыбнулась. Она чувствовала, что Ари догадался о причине ее смятения и старается развеселить ее.

— И где же находится эта святыня?

— В нескольких километрах отсюда, там, где Иордан впадает в озеро. Говорят, правда, что я чуть не явился на свет в здании турецкой полиции, тут в городе. Зимой здесь полно

туристов, но теперь сезон уже кончился, все озеро в нашем распоряжении. Может, поплаваем?

— Хорошая идея, — согласилась Китти.

Длинный, метров в тридцать, базальтовый пирс выходил в озеро тут же у гостиницы. Ари был уже на пирсе, когда появилась Китти в купальном халате. Он помахал рукой. Спускаясь, она поймала себя на том, что любит его. Ари был строен, в его мускулистой фигуре чувствовалась мощь.

— Эй! — крикнула она. — Вы уже окунулись?

— Нет, ждал вас.

— А там глубоко?

— Метра три. Вы сможете доплыть вон до того плота?

— Еще посмотрим, кто быстрее доплывет.

Китти сбросила халат и стала натягивать шапочку. Теперь любовался Ари. В ней не было угловатости, которая отличала девушек, родившихся в Палестине. Мягкие, округлые формы выдавали американку.

Их глаза встретились на мгновение, и оба смутились.

Китти пробежала мимо него и прыгнула в воду. Ари последовал за ней. Китти плыла быстрым, красивым кролем, и он не без труда догнал ее и опередил на несколько метров. Запыхавшись и смеясь, они взобрались на плот.

— Вы неплохо разыграли меня, — сказал Ари.

— Забыла сказать вам, но...

— Знаю, знаю. Вы входили в университетскую сборную по плаванию.

Она растянулась на спине и глубоко вздохнула от удовольствия. Прохладная вода освежила ее и, казалось, смыла дурное настроение.

Было уже далеко за полдень, когда они вернулись в отель, выпили по коктейлю и пошли отдохнуть перед ужином.

Ари очень устал за последние недели и мгновенно заснул. За стенкой Китти шагала по своему номеру из угла в угол. Смятение, охватившее ее утром, прошло, но нервное напряжение давало о себе знать. Она по-прежнему побаивалась мистической силы этой страны. Китти мечтала о нормальной, разумной и размеренной жизни и была убеждена, что и Карен нуждается в этом больше всего. Она твердо решила поговорить обо всем с Карен в ближайшее время.

Вечер принес приятную прохладу. Китти принялась переодеваться к ужину. Она открыла шкаф и, поколебавшись немного, достала платье, которое Иордана примеряла

перед зеркалом. Она вспомнила, как Ари смотрел на нее на пирсе. Ей приятно было ощутить его взгляд... Плотное прилегающее декольтированное платье выгодно подчеркивало ее фигуру.

Мужчины повернули головы, когда раздетая и надушенная Китти прошла по вестибюлю. Ари застыл как вкопанный и спохватился только тогда, когда она подошла совсем близко.

— У меня для вас сюрприз, — сказал он, подавив замешательство. — Сегодня концерт в кибуце Эйн-Гев на том берегу. Давайте съездим после ужина?

— А это платье подойдет?

— Э... Да... Думаю, вполне...

Стояла ясная ночь. Когда катер отчаливал от пристани, из-за сирийских гор показался огромный диск луны и осветил зеркальную гладь озера таинственным сиянием.

— Какая тишина! — сказала Китти.

— Это озеро коварно. Стоит Богу разгневаться, как оно в мгновение ока превращается в бушующий океан.

За полчаса они переплыли на другой берег и причалили к пристани кибуца Эйн-Гев — Источника на перевале. Кибуц был создан в 1937 году евреями, бежавшими из Германии, и занимал важный стратегический пункт, с которого обозревалось все Тивериадское озеро. Здесь жили отважные люди: кибуц был оторван от остальной Палестины, и прямо над ним нависали горы Сирии. Над самым селением находилась арабская деревня, а его поля примыкали к линии границы.

Расположен Эйн-Гев в котловине, где с одной стороны протекает Ярмук, а с другой проходит граница между Сирией и Трансиорданией. Каждый день кибуцники обнаруживали остатки древней культуры. Здесь сохранились следы примитивного земледелия, посуда тысячелетней давности — доказательства того, что еще в седой древности в этих местах жили люди.

На стыке между кибуцем и сирийскими горами вздымалась небольшая отвесная гора Сусита — Кобыла. На ее вершине стояли развалины одной из девяти крепостей, построенных римлянами в Палестине. Сусита господствовала над всей местностью.

Среди основателей кибуца были музыканты из Германии. Эти трудолюбивые люди занимались земледелием и рыболовством. Между этими занятиями им пришла идея со-

здать симфонический оркестр; они купили два катера для туристов, приезжающих зимой в Тивериаду, и стали давать концерты. Затея себя оправдала: концерты в Эйн-Геве превратились в традицию, и ни один меломан, посетивший Палестину, не упускал случая побывать на них. На лужайке, окаймленной деревьями, прямо на берегу построили огромный летний театр, и уже проектировался настоящий концертный зал.

Ари расстелил одеяло на траве, они легли на краю лужайки и смотрели, как поднимается огромная луна, становясь все меньше и освобождая место для миллионов звезд. Оркестр исполнял произведения Бетховена, нервное напряжение Китти постепенно проходило. В эту минуту она чувствовала себя счастливой. Ничего прекраснее нельзя было и вообразить: все происходящее так напоминало чудесный сон, что Китти захотелось никогда не просыпаться.

Концерт подошел к концу. Ари взял ее под руку и повел от зашумевшей публики. Они пошли по тропинке вдоль берега. Было безветренно, остро пахло сосной, а озеро сияло, как отшлифованное зеркало. У самой воды стояла скамья; собственно, не скамья, а плоская каменная плита, лежавшая на двух каменных блоках, — остаток какого-то древнего храма.

Они сидели и смотрели на мигающие огни Тивериады. Ари чуть касался Китти. Она повернулась и посмотрела на него. Господи, какой же этот Бен Канаан красавец! Ей захотелось взять его за руку, дотронуться до его щеки, погладить по волосам, сказать, чтобы он берег себя, чтобы не был таким черствым. Ей захотелось признаться, как у нее хорошо на душе, когда он рядом; попросить, чтобы он не относился к ней как к чужой... Однако Ари был чужим, и она не посмела что-либо сказать ему.

Тихие волны стали ровно и едва слышно набегать на берег, и тростник закачался от внезапного порыва ветра. Китти отвернулась. Дрожь пробежала по ее телу, когда она почувствовала прикосновение к плечу.

— Вам холодно, — сказал Ари, подавая ей шаль.

Китти набросила ее на плечи. Они долго смотрели друг другу в глаза.

Ари внезапно встал.

— Катер возвращается, — сказал он. — Нам пора.

Когда катер отчалил, озеро внезапно превратилось в бушующий океан. У носа вздымались волны, пена заливала па-

лубу. Он обхватил Китти за плечи и притянул к себе, чтобы защитить от брызг. Весь обратный путь она простояла с закрытыми глазами, слушая биение его сердца.

Рука об руку они шли от пирса к гостинице. Сбоку росли три ивы, ветви которых, опускаясь до самой воды, образовывали что-то вроде гигантского шатра. Китти остановилась и попыталась что-то сказать, но так волновалась, что не сумела выдать из себя ни слова.

Ари потрогал ее волосы и поправил упавшую на лоб намокшую прядь. Он легонько обнял ее за плечи, и мышцы его лица напряглись, когда он потянул ее к себе. Китти с готовностью повернула к нему лицо.

— Ари, — шепнула она, — поцелуйте меня!

Все, что назревало месяцами, вспыхнуло ярким пламенем при первом поцелуе.

Боже, как хорошо! Какой он сильный! Китти никогда в жизни не испытывала ничего подобного — даже с Томом Фремонтом. Они снова и снова целовались, она прижималась к нему всем телом и чувствовала силу его рук. Затем они отстранились друг от друга и молча пошли к гостинице.

Китти в растерянности остановилась перед дверью своего номера. Ари хотел пройти к себе, но Китти схватила его за руку. С минуту они молча смотрели друг другу в глаза. Затем Китти кивнула, повернулась, быстро прошла в номер и закрыла за собой дверь.

Она разделась в темноте, надела ночную сорочку и подошла к балкону: у Ари горел свет. Она слышала, как он ходит по номеру. Вдруг свет потух. Китти отступила в темноту и тут же увидела Ари на своем балконе.

— Я не могу больше, — сказал он.

Она бросилась к нему, прижалась всем телом, дрожа от страсти. Он целовал ее губы, щеки, затылок, и она отвечала на его поцелуи самозабвенно и пылко. Ари поднял ее, понес к кровати и опустил рядом на колени. Китти почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Она вцепилась в простыни и, вклипывая, извивалась под его ласками.

Ари опустил бретельки ночной сорочки и стал гладить ее грудь.

Внезапно Китти вырвалась из его объятий и соскочила с кровати.

— Нет! — крикнула она.

Ари застыл на месте.

Слезы брызнули из ее глаз. Прижимаясь спиной к стене,

она изо всех сил старалась унять дрожь, потом упала в кресло. Прошло несколько минут, прежде чем дрожь улеглась и дыхание снова стало ровным.

Ари стоял перед ней.

— Вы меня, наверное, ненавидите, — сказала она.

Он не ответил. На его лице была глубокая обида.

— Ну, Ари, скажите что-нибудь.

Он не ответил.

Китти медленно поднялась и посмотрела ему в глаза.

— Я не хочу этого, Ари. Я не хочу... Боюсь, во всем виновата луна...

— Вот уж не думал, что имею дело со строптивой девственницей, — произнес наконец Ари.

— Ари, пожалуйста...

— Мне некогда предаваться играм и заниматься болтовней. Я не юноша, и вы взрослая женщина.

— Как точно вы это выразили!

Его голос звучал сухо:

— Если не возражаете, я выйду через дверь.

Китти вздрогнула, когда хлопнула дверь. Она долго стояла у окна, выходящего на балкон, и смотрела на озеро. Оно сердито бушевало, и луна исчезла за огромной черной тучей.

Китти не могла понять: почему она оттолкнула Ари? Она никогда еще не испытывала столь сильного чувства к мужчине и никогда не теряла самообладания так, как в этот раз. Она испугалась собственной необузданности и теперь уверяла себя, что Ари Бен Канаан вовсе ее не любит. Она нужна ему только на одну ночь.

Но вскоре ей стало ясно, что она испугалась собственного чувства, своей буйной страсти, из-за которой ей, чего доброго, грозило остаться в Палестине. Такое не должно повториться. Она и Карен немедленно уедут отсюда, и ничто не должно помешать этому. Она поняла, что боится Ари, потому что он может разрушить все ее планы. Стоит ему проявить настойчивость, и она не устоит.

Китти бросилась на кровать и под завывание ветра провалилась в сон. Мысль о его стальной холодности усиливала ее решимость сопротивляться, успокаивала ее и в то же время глубоко огорчала.

К утру озеро успокоилось.

Китти сбросила одеяло, соскочила с кровати и, вспомнив прошедшую ночь, покраснела. Ничего страшного, конечно, не произошло, но все-таки было неловко. Она спро-

воцировала сцену, которая, наверное, показалась Ари дешевой мелодрамой. Она одна во всем виновата. Но ничего, она переговорит с Ари, и все снова станет на свои места. Китти быстро оделась и спустилась в ресторан.

Она пила кофе, ждала Ари и обдумывала, как лучше начать разговор. Прошло полчаса, а Ари все не появлялся. Выкурив третью сигарету, она подошла к администратору.

— Вы не видели мистера Бен Канаана?

— Мистер Бен Канаан уехал в шесть утра.

— Он не сказал, куда едет?

— Мистер Бен Канаан никогда не говорит этого.

— Может быть, он оставил что-нибудь для меня?

Администратор обернулся. На полке, кроме ключа, ничего не было.

— Понятно... Я вижу... Извините за беспокойство.

ГЛАВА 11

Дов Ландау снял номер в полуразрушенной третьеразрядной гостинице на Канатной улице в Старом Иерусалиме. Он явился, как ему велели, в кафе «Саладин» на Наблусской улице неподалеку от Дамасских ворот и оставил там записку со своим адресом для Бар Исраэля.

Потом он заложил золотые вещи, украденные в Ган-Дафне, и принялся изучать Иерусалим. Для бывшей крысы варшавского гетто и опытного воришки этот город был чрезвычайно прост. Не прошло и трех дней, как Дов знал каждую улицу. С его цепкими глазами и ловкими руками в этих торговых кварталах можно было кормиться хоть и не совсем праведно, но вечно. Скрыться в базарной толпе или узких переулках — сущий пустяк.

Большую часть денег Дов потратил на принадлежности для рисования и книги. Прогуливаясь вдоль книжных лавок Яффской улицы, он купил сочинения по искусству, черчению и архитектуре.

Затем он запасся сушеными фруктами и фруктовым соком, закрылся в номере и стал ждать, когда маккавеи установят с ним связь. Он просиживал над книгами до глубокой ночи. Света не было, приходилось жечь свечи. Из окна гостиницы, расположенной как раз посередине между еврейским и мусульманским кварталами, открывался великолепный вид на мечеть Омара и Стену плача, но Дов не за-

мечал этого. Он читал до боли в глазах, затем клал книгу на грудь, глядел в потолок и думал о Карен Клемент. Дов не предполагал, что ему будет так трудно без нее; разлука причиняла ему физические страдания. Он провел с Карен столько времени, что забыл, как обходился без нее. Зато он помнил каждое мгновение, прожитое бок о бок с ней: дни в Караолосе, потом на «Исходе», когда она лежала рядом с ним в трюме. Он вспоминал, как она радовалась и как была прекрасна, когда они приехали в Ган-Дафну. Он вспоминал ее ласковое, выразительное лицо, нежные прикосновения и голос — строгий, когда она сердилась.

Сидя на краю койки, Дов набросал десятки портретов Карен. Он изображал ее во всех возможных видах, но тут же комкал рисунки и швырял на пол, потому что ни один не выражал того, как была она прекрасна в его представлении.

Две недели Дов почти не покидал номер. Когда у него кончились деньги, он отправился в город, чтобы заложить еще несколько колец. Выходя из ломбарда, он заметил человека, прячущегося в тени. Дов опустил руку в карман, взялся за пистолет и пошел мимо, готовый к мгновенному отпору.

— Стоять смирно, не оборачиваться! — раздался голос за спиной.

Дов застыл.

— Ты интересовался Бар Израэлем. Что тебе надо?

— Сами знаете.

— Как фамилия?

— Ландау. Дов Ландау.

— Откуда приехал?

— Из Ган-Дафны.

— Кто послал?

— Мордехай.

— Как попал в Палестину?

— На «Исходе».

— Иди прямо и не оборачивайся. Когда надо будет, с тобой свяжутся.

После этой встречи Дов потерял покой. Он едва не вернулся в Ган-Дафну: ему не хватало Карен. Он писал ей письма, но комкал их одно за другим. Надо порвать с ней, порвать окончательно, снова и снова уговаривал он себя.

Он лежал в номере и читал. Клонило ко сну. Дов встал и зажег новую свечу: из-за кошмаров, которые когда-то мучили его, он не любил просыпаться в темноте.

Вдруг постучали.

Дов вскочил на ноги, схватил пистолет и подошел к двери.

— Это друзья, — услышал он.

Дов сразу узнал голос мужчины, который караулил его тогда на улице. Он открыл дверь. В коридоре никого не было.

— Повернись лицом к стене, — приказал голос откуда-то из темноты.

Дов послушался. Сзади подошли двое. Ему надели повязку на глаза и повели вниз по лестнице, затем посадили в машину, попросили опуститься на пол и чем-то накрыли. Машина рванулась.

Дов пытался понять, куда его везут. Проехали улицу Царя Соломона, свернули на Виа Долороза в сторону Львиных ворот. Для Дова Ландау, который столько раз пробирался в темноте по подземным каналам Варшавы, ориентировка по памяти была детской игрой.

Шофер переключил скорость, и машина пошла в гору. Наверное, мимо могилы Святой Девы в сторону Масличной горы, догадался Дов. Вскоре дорога стала ровной, — значит, они едут мимо университета и медицинского центра на горе Скопус.

Минут через десять машина остановилась.

Дов точно определил, что они находятся в квартале Санхедрия, близ могил членов Синедриона, высших духовных судей древности.

Его повели в дом, где сильно пахло табачным дымом, и велели сесть. Дов почувствовал, что в комнате находятся еще пять-шесть человек. Его допрашивали два часа. Вопросы сыпались один за другим — Дов даже вспотел от волнения. Постепенно он понял, чего от него хотят. Маккавеи узнали, что Дов — специалист по подделкам. Видно, перед ним сидят важные деятели, может быть, даже руководители. Наконец они удостоверились, что на Дова действительно можно положиться.

— Перед тобой занавес, — сказал голос. — Просунь руки за него.

Дов послушно выполнил приказание. Одну его руку положили на пистолет, другую — на Библию. Затем он повторил вслед за чьим-то голосом клятву маккавеев:

«Я, Дов Ландау, безоговорочно и бесповоротно отдаю душу, тело и всего себя маккавеям и их борьбе за свободу.

Я беспрекословно буду выполнять любые приказания. Я безоговорочно буду повиноваться вышестоящему начальству. Даже под пыткой, даже перед лицом смерти я никогда не выдам своих товарищей и вверенные мне тайны. Я буду бороться с врагами еврейского народа до последнего издыхания. Я никогда не прекращу этой священной борьбы, пока не будет создано еврейское государство по обе стороны реки Иордан, на что мой народ имеет естественное историческое право. Мой девиз будет гласить: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ожог за ожог. Во всем этом я клянусь именами Авраама, Исаака и Иакова, Сары, Ревекки, Рахили и Лии, пророков всех убиенных евреев и моих славных братьев и сестер, героически павших за свободу».

Наконец Дову сняли повязку, потушили перед ним ритуальные свечи Меноры и включили свет. Он увидел шесть суровых мужчин и двух женщин. Они все поздоровались с ним за руку и назвали свои имена. Здесь был и легендарный Акива, и Бен Моше, начальник штаба, у которого в рядах английской армии погиб брат, а сестра была в Пальмахе, и Нахум Бен Ами, один из семерых братьев — остальные шестеро сражались в Пальмахе. Всех этих людей объединяло то, что они не отказывались от активных действий, как весь ишув.

Акива подошел к Дову.

— Ты очень нужен нам, поэтому мы приняли тебя без обычных процедур.

— Я пришел не за тем, чтобы рисовать картинки, — резко сказал Дов.

— Ты будешь делать то, что тебе прикажут, — строго сказал Бен Моше.

— Дов, ты теперь маккавей, — сказал Акива, — и значит, имеешь право назвать себя именем какого-нибудь древнего героя. Ты уже выбрал себе подходящее имя?

— Гиора, — ответил Дов.

В комнате раздался смех. Дов заскрипел зубами.

— Ты сказал — Гиора? — спросил Акива. — Боюсь, что тебя опередили.

— Пожалуй, подойдет Гиора маленький, — сказал Нахум Бен Ами. — А там, смотришь, он станет Гиорой Великим.

— Я им стану очень скоро, если только дадите возможность.

— Твое дело — организовать мастерскую, где будешь

подделывать документы, — сказал Бен Моше, — ну, и еще придется ездить с нами. Если справишься с поручением, мы, может быть, разрешим тебе иногда участвовать в рейдах.

Майор Фред Колдуэлл играл в бридж в большом зале британского офицерского клуба в Иерусалиме. Игра не шла: мысли Фредди все время вращались вокруг девицы из маккавеев, которую вот уже третий день допрашивали в штабе Си-Ай-Ди. Она руководила музыкальным кружком в университете, и звали ее Аялой, эту двадцатилетнюю красавицу. То есть — она была красавицей, пока не попала на допрос. Девушка вела себя вызывающе и не скрывала презрения к Си-Ай-Ди. Как большинство задержанных маккавеев, она беспрестанно цитировала Библию, предсказывая вечный позор мучителям и победу правого дела.

В это утро терпение следователей лопнуло, и ее допросили с пристрастием.

— Ваш ход, Фредди, — заметил партнер.

Фред Колдуэлл быстро посмотрел на карты.

— Прошу прощения, — сказал он и пошел не с той карты.

Он припоминал, как Аялу били по лицу резиновой дубинкой. Он явственно слышал глухие удары, видел, как сначала ей сломали нос, потом изуродовали губы, как вздулось ее лицо и заплыли глаза.

Собственно, Фредди было наплевать, заговорит девка или нет. Но воспоминание о том, что эту еврейскую физиономию как следует изуродовали, доставляло ему удовольствие.

К столу подошел вестовой.

— Прошу прощения, джентльмены, вас, майор, вызывают к телефону.

— Извините, ребята, — сказал Фредди, направился к телефону и взял трубку.

— Алло, майор? Говорит дежурный сержант из Си-Ай-Ди. Следователь Паркингтон велел немедленно связаться с вами и передать, что эта девица раскололась. Он просит вас немедленно явиться в штаб.

— Понял. Сейчас приеду.

— Паркингтон послал за вами машину, сэр. Через пару минут она подъедет.

Колдуэлл вернулся к партнерам.

— Очень жаль, ребята, но мне нужно идти. Работа, ничего не поделаешь.

— Не везет тебе, Фредди.

Тоже выдумал! Разве это — не везет? Совсем наоборот, такая работа — удовольствие для него. Фредди вышел из клуба. Часовые отдали честь. У подъезда затормозила машина, из-за руля выскочил солдат и тоже отдал честь.

— Майор Колдуэлл?

— Он самый.

— Ваша машина, сэр.

Он распахнул заднюю дверцу. Фредди влез в машину, солдат обошел ее спереди, сел за руль, и машина тронулась. Через два квартала они притормозили у тротуара. В одно мгновение дверцы распахнулись, и в машину ворвались трое мужчин.

У Колдуэлла от страха перехватило горло. Майор вскрикнул и попытался наброситься на Бен Моше, оказавшегося справа от него. В ответ мужчина на переднем сиденье обернулся и ударил его по лицу рукояткой пистолета. Бен Моше схватил майора за шиворот и пригнул к сиденью. Шофер снял военную фуражку и посмотрел в зеркало.

Колдуэлл спросил в ужасе:

— Что это значит?

— Спокойно, майор, — сухо ответил Бен Моше. — Не надо расстраиваться.

— Немедленно остановите машину и высадите меня, слышите!

— А как высадить-то? Так же, как вы высадили в арабской деревне мальчика по имени Бен Соломон? Видите ли, майор Колдуэлл, душа Бен Соломона велела нам отомстить убийце.

Пот полился по лицу Колдуэлла ручьями.

— Все это ложь, ложь!

Бен Моше положил что-то Колдуэллу на колени и зажег фонарик. Это была фотография с отрубленной головой Бен Соломона.

Колдуэлл воззвал к милосердию. Он перегнулся, и его стошнило от страха.

— Кажется, майор Колдуэлл готов нам кое-что рассказать. Отвезем-ка его в штаб и допросим как следует, а потом уже решим, что с ним делать.

Колдуэлл рассказал все, что знал о планах британской армии и готовившихся операциях Си-Ай-Ди, и удостоверил

своей подписью то, что именно он приказал выбросить мальчика из машины.

Спустя три дня труп майора нашли на Сионской горе, у Малых ворот Старого города. К нему были прикреплены фотографии Бен Соломона и фотокопия признания Колдуэлла, которую пересекали слова: «Око за око, зуб за зуб».

Майора Фреда Колдуэлла постигла та же судьба, что и Сисару Хананея, попавшего в руки Иаили, когда он спасался бегством с поля боя, где Девора и Варак нанесли ему сокрушительное поражение.

ГЛАВА 12

Казнь майора Колдуэлла произвела потрясающее впечатление. Вряд ли кто сомневался в справедливости этой мести, но все-таки на этот раз маккавеи позволили себе больше, чем им могло сойти с рук.

Общественному мнению Англии палестинские дела давно уже надоели, и от лейбористского правительства требовали, чтобы оно отказалось от злосчастного мандата. Британские войска, расквартированные в Палестине, были охвачены гневом и тревогой.

Через два дня после того, как у Малых ворот нашли труп Колдуэлла, Аяла скончалась от внутреннего кровоизлияния, вызванного побоями. Когда весть о ее смерти дошла до маккавеев, они в течение двух недель обрушивали на англичан одно возмездие за другим. Иерусалим сотрясался от террористических рейдов. Последним стало дерзкое нападение среди бела дня на штаб Си-Ай-Ди.

За две «адские недели», как их называли, Дов Ландау проявил такую безумную отвагу, что поразились даже бывалые боевики. Он участвовал в четырех рейдах, в том числе и в нападении на Си-Ай-Ди. В эти дни сложилась легенда о «Маленьком Гиоре», чье имя стало синонимом бесстрашия.

Затаив дыхание, Палестина ждала следующего удара. Генерал Хэвн-Херст быстро справился с первой растерянностью и обрушил на ишув чрезвычайные меры: военно-полевые приговоры, облавы, рейды и казни. Его операция «Аркан» опутала всю страну.

Убийство Колдуэлла, «адские недели», затем нападение на штаб Си-Ай-Ди сильно ударили по авторитету британской администрации. Пользуясь неразберихой, Алия Бет

доставила к берегам Палестины еще три нелегальных транспорта с беженцами. Хотя подпольная иммиграция не вызвала такой реакции, как рейды маккавеев, вреда англичанам она приносила не меньше. Британские солдаты патрулировали улицы и автострады, ожидая нападения каждую минуту.

До приезда комиссии ООН оставалось недолго, и Хэвн-Херст был полон решимости обезглавить ишув до ее прибытия. Генерал потребовал, чтобы ему представили список английских солдат и офицеров, особо отличившихся в антиеврейских операциях. Из этого списка он лично отобрал шесть самых отчаянных головорезов: двух офицеров и четырех солдат. Все шестеро были доставлены к нему в шнеллеровские казармы, где под величайшим секретом им поручили особое задание. Детали его разрабатывались пять дней, а на шестой Хэвн-Херст начал операцию, на которую возлагал последние надежды.

Шестеро вояк переоделись арабами. Двое на грузовике, в кузове которого лежали две тонны динамита, подъехали к зданию Сионистского поселенческого общества на бульваре Кинг-Джордж. Они остановили грузовик перпендикулярно воротам и повернули руль так, чтобы машина своим ходом могла подъехать к зданию по внутренней дорожке. Затем шофер закрепил руль, включил скорость, нажал на газ до отказа и отпустил педаль сцепления. В ту же секунду ряженные спрыгнули с машины и скрылись.

Грузовик въехал через ворота во двор, помчался по дорожке, наехал на бордюр и опрокинулся у входа в здание. Раздался оглушительный взрыв. От дома остались одни развалины.

В это же время двое других пытались взорвать таким же образом здание Еврейского национального совета, расположенное в двух кварталах от поселенческого общества. Как раз шло заседание с участием почти всего руководства ишува.

Но этот грузовик ударился об ограду, свернул и врезался в жилой дом рядом со зданием совета.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст попытался одним ударом ликвидировать все руководство палестинского еврейства. В здании поселенческого общества погибло около ста человек, но из членов национального совета не пострадал никто. Среди убитых была и Хариэт Зальцман, восьмидесятилетняя руководительница «Молодежной алии».

Сразу после взрывов разведчики Хаганы и маккавеев

принялись прочесывать страну в поисках террористов. К вечеру установили, что шестеро арабов вовсе не арабы, а переодетые англичане. Удалось даже выяснить, что операцию разработал сам Хэвн-Херст, но прямых доказательств этого раздобыть не удалось. Отчаянная игра генерала обернулась против него самого: она сплотила евреев Палестины и заставила Хагану и маккавеев объединить усилия. Хагана добыла копию доклада Хэвн-Херста. Если до того еще оставались какие-то сомнения, то теперь стало совершенно ясно: Хэвн-Херст решил уничтожить палестинское еврейство. Авидан отправил Зеэва Гильбоа в Иерусалим, чтобы тот связался с Бар Исраэлем и устроил встречу между руководителями Хаганы и маккавеев. Это было невероятно — лишь в начале мировой войны Авидан встречался с Акивой, чтобы попросить его воздержаться от террора на время борьбы против гитлеровцев.

Встреча состоялась в час ночи в открытом поле неподалеку от Иерусалима, в том самом месте, где когда-то стоял лагерь Десятого римского легиона. Присутствовало всего четверо: Акива и Бен Моше от маккавеев, Авидан от Хаганы и Зеэв Гильбоа от Пальмаха. Не было никаких рукопожатий и приветствий. Они стояли в темноте, настороженно вглядываясь друг в друга. Хотя наступило лето, ночь была прохладная.

— Я хотел встретиться, — начал Авидан, — чтобы узнать, нельзя ли нам договориться о совместных действиях.

— Хочешь покомандовать нами? — подозрительно спросил Бен Моше.

— Я давно уже отказался от намерения влиять на действия вашей группы, — ответил Авидан, — но все же думаю, что сейчас необходимо объединить усилия для решающей битвы. У вас немалые силы в трех главных городах, и к тому же вы можете действовать гораздо свободнее, чем мы.

— Вот как! — крикнул Акива. — Значит, хотите загребать жар нашими руками?

— Дай ему высказаться, — перебил его Бен Моше.

— Мне не нравится эта затея. Я с самого начала был против встречи с ними, Бен Моше. Эти люди продавали и предавали нас в прошлом и сейчас сделают то же самое.

— Я не буду обращать внимания на твои оскорбления, Акива, — сказал Авидан, — потому что слишком многое поставлено на карту. Думаю все-таки, что ты в первую очередь еврей и любишь Эрец Исраэль.

С этими словами он протянул Акиве копию доклада

Хэвн-Херста. Старик в свою очередь передал бумагу Бен Моше, который направил на нее свет карманного фонаря.

— Еще четырнадцать лет тому назад я утверждал, что англичане — наши враги, — тихо сказал Акива.

— Я не собираюсь спорить с тобой. Будете сотрудничать с нами или нет? — спросил Авидан.

— Что ж, попытаемся, — ответил Бен Моше.

После этой встречи представители обеих организаций разработали план совместной операции. Спустя две недели после взрывов с англичанами рассчитались за все.

За одну ночь Хагана вывела из строя всю железнодорожную сеть Палестины, полностью прервав сообщение с соседними странами.

Следующей ночью маккавеи ворвались в здание шести британских посольств и консульств, аккредитованных в странах Средиземноморья, и уничтожили документы, содержащие сведения о нелегальной иммиграции.

Пальмах повредил нефтепровод Мосул — Хайфа в пятнадцати местах.

Вслед за этим приступили к последней части операции — ликвидации генерала Арнольда Хэвн-Херста. Маккавеи установили круглосуточное наблюдение за шнеллеровскими казармами: следили за передвижениями солдат, регистрировали каждую машину и составили детальный план казарм.

Уверенности в успехе не было. Хэвн-Херст расположился в самом центре крепости, а кругом было полно солдат. Никто, кроме английских военных, не мог подойти к его штабу. Выезды Хэвн-Херста за пределы казарм держались в большом секрете, к тому же его всегда сопровождала такая охрана, что маккавеи потеряли бы много людей, если бы попытались напасть на него в городе.

Им удалось установить, что три раза в неделю легковая машина с гражданским номером выезжает из казарм между полночью и первым часом ночи и возвращается незадолго до рассвета. В машине всегда сидел один водитель в штатском. Регулярность и необычные часы этих рейсов вызвали подозрения.

По номеру машины установили хозяина — оказалось, что она принадлежит богатому арабскому семейству. Маккавеи поначалу решили, что хозяин машины — обычный агент англичан и, значит, через него они вряд ли доберутся до Хэвн-Херста.

Тем временем тщательно изучались сведения, касающиеся поведения и привычек генерала. Стало известно, что это очень тщеславный человек и что его жена из весьма влиятельных кругов. Брак с ней обеспечил Хэвн-Херсту богатство и положение в обществе, он всячески берег семью. Генерала считали уважаемым джентльменом, корректным и скучным до тошноты.

Однако, покопавшись глубже, маккавеи выяснили, что у Хэвн-Херста случались внебрачные связи и даже как будто он содержит любовницу. И тогда встал вопрос: а не чувствует ли себя Хэвн-Херст чересчур одиноко в казармах? Он женат, занимает высокое положение и не посмеет, конечно, возить женщину в казармы. Но не ездит ли он сам к любовнице? Что, если таинственная машина вывозит регулярно его из казармы, а затем доставляет обратно?

Это предположение казалось нелепым. Но нельзя было отбрасывать и такой вариант. Кем могла быть любовница Хэвн-Херста? Ни одна еврейка не стала бы жить с ним, подходящих англичанок не было, значит, это могла быть только арабская женщина. Если и имелось у Хэвн-Херста любовное гнездышко, то скрывал он его в высшей степени ловко.

Следить за машиной было опасно: это грозило испортить все дело. Поначалу маккавеи хотели устроить засаду, однако командование решило, что если есть хоть малейший шанс, что в ней ездит сам Хэвн-Херст, то лучше установить, куда он ездит, и накрыть его с поличным. Выяснили, что в семье, которой принадлежит таинственная машина, есть дочь, которая вполне могла понравиться Хэвн-Херсту. За домом арабского семейства стали следить. На вторую ночь усилия увенчались успехом. В полночь девушка вышла из дома, направилась в сторону богатого арабского квартала Эль-Бак, расположенного у Хевронского шоссе, и зашла в какой-то дом. Полчаса спустя подъехал таинственный автомобиль, и маккавеи увидели, как в том же доме скрылся Хэвн-Херст.

В три часа утра Хэвн-Херста разбудил громовой голос, читавший стих из Библии, от которого у генерала в жилах застыла кровь: «Славьте Господа, мстящего за Израиль!»

Хэвн-Херст соскочил с кровати. Его подружка дико завизжала, а по комнате уже неслись пули маккавеев.

Несколько часов спустя в британский штаб поступила телефонограмма с сообщением, где можно найти тело главнокомандующего. Кроме того, в ней говорилось, что обстоятель-

ства кончины сэра Арнольда Хэвн-Херста запечатлены на фотопленку и что эти фотографии будут преданы гласности, если только англичане вздумают прибегнуть к контрмерам.

В генштабе сообразили, какой возникнет скандал, если станет известно, что британского генерала убили в постели арабской любовницы, и решили спрятать концы в воду. Официально объявили, что Хэвн-Херст погиб в автомобильной катастрофе.

Маккавеи не стали опровергать эту версию.

Едва генерала убрали со сцены, террор прекратился. Вот-вот должна была прибыть комиссия ООН, и в стране воцарилось напряженное ожидание.

В конце июня 1947 года специальная комиссия, состоявшая из представителей Швеции, Нидерландов, Канады, Австралии, Гватемалы, Уругвая, Перу, Чехословакии, Югославии, Ирана и Индии, прибыла в Хайфу. Состав ее был весьма невыгоден для Израиля. Иран — мусульманская страна. Индия тоже частично мусульманская, к тому же входящая в Британское содружество; да и индийский представитель был мусульманином. В содружество входили также Канада и Австралия. Страны советского блока — Чехословакия и Югославия — вели традиционную антиссионистскую политику. Представители южноамериканских стран — Уругвая, Перу и Гватемалы — были католиками, подверженными влиянию Ватикана, а тот относился к сионизму весьма неприязненно. По-настоящему беспристрастными были только Швеция и Нидерланды.

И все же ишув приветствовал комиссию.

Палестинские арабы возражали против вмешательства ООН. Они объявили всеобщую забастовку и собирали митинги протеста, на которых произносились проклятия и угрозы. В арабских странах снова начались кровавые еврейские погромы.

И опять ишув призвал на службу старого бойца и дипломата Барака Бен Канаана. Вместе с Бен Гурионом и доктором Вейцманом он вошел в совещательный комитет при комиссии ООН.

ГЛАВА 13

Вернувшись в Ган-Дафну, Китти ждала удобного момента, чтобы переговорить с Карен. Когда пришло письмо от Дова Ландау, она решила, что откладывать больше нельзя.

...Китти прополоскала длинные, густые каштановые волосы Карен лимонной водой, отжала их и вытерла насухо большим полотенцем.

— Фу! — фыркнула Карен, протирая кончиком полотенца глаза, куда попало мыло.

Вода в чайнике закипела. Карен встала, завязала полотенце тюрбаном и налила чаю. Китти за кухонным столом делала маникюр. Пахло лаком.

— Ты о чем задумалась? — ласково спросила Карен.

— Нельзя уж и задуматься на минутку!

— Нет, что-то тебя беспокоит с тех самых пор, как ты вернулась с экскурсии к озеру. Между тобой и Ари что-нибудь произошло?

— Между мной и Ари произошло много чего, но не это меня тревожит. Карен, нам с тобой нужно поговорить о нас с тобой и нашем будущем.

— Не понимаю.

Китти помахала рукой в воздухе, чтобы лак скорее высох, затем встала и неторопливо закурила сигарету.

— Ты, конечно, знаешь, как много ты для меня значишь и как я тебя люблю?

— Думаю, знаю, — ответила девушка шепотом.

— С того дня, когда я тебя впервые увидела в Караоло-се, мне хочется, чтобы ты стала моей дочкой.

— Мне тоже этого хочется, Китти.

— Значит, ты согласишься, что я тщательно все обдумала. Я ведь желаю тебе только добра. Ты должна доверять мне во всем.

— А разве я не доверяю?

— Тебе будет непросто понять то, что я скажу сейчас. Мне и самой нелегко сказать это, потому что мне очень дороги эти дети и я как-то срослась с Ган-Дафной... Карен, я хочу забрать тебя домой, в Америку.

Девушка посмотрела на Китти, словно ее ударили. Она даже не сразу поняла, о чем речь.

— Домой? Но ведь... я дома. У меня нет другого дома.

— Я хочу, чтобы твой дом был у меня — всегда.

— Я тоже хочу, Китти. Больше всего на свете... Это так странно.

— Что странно?

— То, что ты говоришь: домой, в Америку.

— Но ведь я американка, Карен, и мне хочется домой.

Карен прикусила губу, чтобы не заплакать.

— А ты говоришь — не странно! Я думала, все у нас останется как было. Ты останешься в Ган-Дафне и...

— А ты отправишься в Пальмах, а потом... в какой-нибудь пограничный кибуц?

— Ты угадала.

— Я многое полюбила здесь, но это не моя страна и не мой народ.

— Какая же я эгоистка, — сказала Карен. — Ни разу даже не подумала, что тебе тоже хочется домой, что ты вообще можешь хотеть чего-нибудь для себя.

— В жизни не слышала такого комплимента.

Карен задумалась. Китти была для нее всем, но — уехать?

— Не знаю, как сказать, Китти, но, как только я научилась читать, это было в Дании, я все время думала, что значит быть евреем? Я до сих пор не умею ответить на этот вопрос. Знаю только, что здесь, в этой стране, у меня есть что-то, чего у меня никто никогда не отнимет. Не знаю, как это называется, но для меня нет ничего важнее. Может быть, когда-нибудь я сумею объяснить тебе лучше, но уехать из Палестины не могу.

— Никто ничего не собирается отнимать у тебя. Евреи, которые живут в Америке, да и, думаю, повсюду, испытывают то же, что и ты. От того, что ты уедешь, ничего не изменится.

— Но ведь они живут на чужбине.

— Нет, дитя мое! Американские евреи любят Америку!

— Немецкие евреи тоже любили Германию!

— Перестань! — крикнула Китти. — Мы не такие, я и слушать не стану эту ложь, которой тебя тут пичкают! — И, тут же спохватившись, добавила: — В Америке есть люди, которые так любят свою страну, что скорее умрут, чем допустят, чтобы там произошло то же, что в Германии.

Она подошла к девушке и дотронулась до ее плеча:

— Думаешь, я не знаю, как это трудно? Думаешь, я смогу когда-нибудь причинить тебе боль?

— Нет, — тихо ответила Карен.

Китти опустила перед девушкой на колени и посмотрела ей в глаза.

— Ах, Карен. Ты ведь даже не знаешь, что такое мир. Ты еще не жила без страха. Ты думаешь, здесь когда-нибудь станет лучше? Я всей душой хочу, чтобы ты осталась еврей-

кой, чтобы любила эту землю, но есть и другие вещи, которые я хочу сделать для тебя.

Карен отвела взгляд.

— Если ты останешься здесь, то проведешь всю жизнь с винтовкой в руке. Ты огрубеешь и очерствеешь, как Ари с Иорданой.

— С моей стороны было нечестно рассчитывать на то, что ты останешься.

— Поехали со мной, Карен, мы обе достаточно пострадали. Давай поживем по-человечески. Мы не можем друг без друга.

— Не знаю, смогу ли я уехать... Не знаю, и все тут, — сказала девушка срывающимся голосом.

— Ах, Карен... Мне так хочется видеть тебя и в сапожках для верховой езды, и в бальном платье, и в «форде», и на футбольном матче. Хочу, чтобы тебе звонили поклонники. Хочу, чтобы твоя головка была занята прекрасными пустяками, а не контрабандой оружия и боеприпасов. Сколько же на свете вещей, о которых ты понятия не имеешь! Тебе бы хоть познакомиться с ними, прежде чем принимать окончательное решение. Пожалуйста, Карен, прошу тебя.

Карен побледнела и отошла в сторону.

— А как же Дов?

Китти достала из кармана письмо и протянула его Карен:

— Я нашла это у себя на столе. Понятия не имею, как оно туда попало.

«Миссис Фремонт!»

Эти строки написаны человеком, который владеет английским гораздо лучше, чем я, но я переписываю его, чтобы вы по почерку убедились, что это я. По известным причинам письмо будет вам доставлено несколько необычным образом. В эти дни я очень занят. У меня тут много друзей, первых моих друзей за много, много лет, и это настоящие друзья. Теперь, когда я устроился окончательно, мне хочется сказать вам, как я рад, что мне не приходится больше жить в Ган-Дафне, где решительно все мне смертельно надоело, не исключая и вас с Карен Клемент. Я для того, собственно, и пишу вам, чтобы сказать, что мы с Карен больше не увидимся, так как я слишком занят и нахожусь среди настоящих друзей. Пускай Карен не думает, что я когда-нибудь вернусь

к ней. Она же еще сущий ребенок. У меня тут настоящая женщина, одних лет со мной, с ней я и живу. Кстати, почему вы не уезжаете с Карен в Америку? Здесь ей делать нечего.

Дов Ландау».

Китти взяла письмо и разорвала на клочки.

— Я скажу доктору Либерману, что увольняюсь. Как только мы все здесь уладим, — закажем билеты и уедем.

— Ладно, Китти. Я поеду с тобой, — ответила Карен.

ГЛАВА 14

Каждые несколько недель главный штаб маккавеев переезжал с места на место. После «адской недели» и убийства Хэвн-Херста Бен Моше и Акива решили на время оставить Иерусалим. Их организация была, в сущности, невелика: несколько сот бойцов, несколько тысяч человек, вступающих в дело лишь время от времени, да несколько тысяч сочувствующих. Из-за необходимости постоянно менять пристанище главный штаб состоял всего из шестерых человек. Теперь, когда положение резко обострилось, в штабе осталось только четверо, и в Тель-Авив отправились Акива, Бен Моше, Нахум Бен Ами и Маленький Гиора, то есть Дов Ландау. Дов стал любимцем Акивы. Благодаря невероятной отваге и мастерству, с которым он подделывал документы, Дов вошел в высший круг руководства маккавеев.

Они расположились в подвале, принадлежавшем человеку, который сочувствовал маккавеям, на улице Бне-Брак, неподалеку от центральной автобусной станции и старого базара, где всегда толпился народ. Вокруг дома расставили часовых, позаботились о запасном выходе, словом, все устроили как следует.

Вот уже пятнадцать лет Акива сводил на нет все усилия Си-Ай-Ди. В годы мировой войны англичане объявили амнистию, и Акива мог свободно ездить по стране. Все остальное время за ним охотились. Ему всегда удавалось обходить расставленные ловушки. За его поимку англичане объявили премию в несколько тысяч фунтов.

По чистой случайности Си-Ай-Ди установило слежку за помещением на улице Бне-Брак — всего через три дома от штаба маккавеев. Там устроила склад товаров, доставленных

в яффский порт в обход таможи, шайка контрабандистов. Агенты Си-Ай-Ди, зорко наблюдая за складом из здания напротив, заметили подозрительных людей у подвала, где находился штаб. Их сфотографировали и, сверившись с досье, опознали двух маккавеев. Так, охотясь за контрабандистами, англичане случайно наткнулись на добычу, которая была для них в тысячу раз важнее. Многолетний опыт войны с маккавеями подсказал им, что необходимо действовать без проволочек. Контрразведка быстро стянула силы, понятия не имея, что речь идет о самом штабе.

Дов сидел в одной из трех комнат полуподвальной квартиры и подделывал сальвадорский паспорт. Кроме него, на месте находился только Акива. Нахум и Бен Моше отправились на свидание с Зеевом Гильбоа, связным Хаганы и Пальмаха. Акива вошел к Дову.

— Ну-ка, Маленький Гиора, — начал старик, — признавайся! Как тебе удалось сегодня вывернуться? Ведь Бен Моше хотел взять тебя с собой?

— Мне нужно доделать этот паспорт, — буркнул Дов. Акива взглянул на часы и лег на койку.

— Они вот-вот должны вернуться.

— Вы как хотите, а я не доверяю Хагане, — сказал Дов.

— Выбирать нам не из чего. Приходится пока доверять, — ответил старик.

Дов посмотрел страницы паспорта на свет, чтобы убедиться, не задеты ли водяной знак и печать. Чистая работа. Даже эксперт не смог бы обнаружить подделку.

Дов снова склонился над документом и тщательно изобразил подпись неизвестного ему сальвадорского чиновника. Потом он встал и беспокойно зашагал по комнате, то и дело проверяя, высохли ли чернила.

— Не будь таким нетерпеливым, Маленький Гиора. Самое тяжелое в подполье — ждать. Я частенько задаю себе вопрос: а чего, собственно, мы ждем?

— Мне уже приходилось жить в подполье, — живо ответил Дов.

— Я знаю. — Акива встал и потянулся. — Ждать, ждать и снова ждать. Ты еще очень молод, сынок. Не будь таким серьезным и постоянно настроенным на работу. Это всегда было одним из моих недостатков. Я тоже весь отдавался делу, день и ночь работал для дела.

— Странно слышать такое от Акивы.

— В мои годы начинают болтать всякое. Мы ждем.

Чего? Возможности окунуться в новое ожидание. Если мы попадемся, то в лучшем случае отделаемся ссылкой или пожизненным заключением. Теперь англичане чаще вешают и пытают. Вот поэтому я и говорю — не надо быть таким серьезным. Я думаю, немало девушек были бы рады познакомиться с Маленьким Гиорой. Почему бы тебе не пожить, пока живется?

— Я к этому равнодушен, — твердо ответил Дов.

— Ишь ты, — засмеялся старик. — Может быть, у тебя уже есть девушка?

— У меня была девушка, — ответил Дов, — но теперь с этим покончено.

— Придется попросить Бен Моше, чтобы подобрал тебе другую подругу. Хоть будет с кем выйти погулять.

— Мне никого не надо, и никуда я отсюда не уйду. У меня нет важнее дела, чем работать в штабе.

Старик снова прилег и задумался, а затем сказал:

— Ты не прав, Гиора, ты очень, очень не прав. Самое важное дело на свете — это вставать утром, отправляться в поле, работать там, затем возвращаться вечером и знать, что тебя ждут дома те, кого ты любишь и кто любит тебя.

Снова старик ударился в сентиментальность, подумал Дов. Чернила высохли. Он приклеил фотокарточку. Акива задремал на койке, а Дов снова зашагал по комнате. После того как он отослал письмо миссис Фремонт, ему стало еще хуже. Теперь он все время рвался в рейды. Рейд, и еще рейд, и еще. Рано или поздно он попадет англичанам, те его повесят, и тогда будет покончено со всем. Никто не подозревал, что Дов оттого так безрассудно храбр, что ему на все наплевать. Он ничего не хотел — только погибнуть от вражеской пули. Ему снова снились кошмары, и Карен больше не появлялась между ним и дверцей, ведущей в газовую камеру. Теперь она уедет с миссис Фремонт в Америку. Это хорошо. А он будет ходить на задания, пока не попадет, — зачем жить без Карен?

Полсотни переодетых полицейских подобрались к зданию, где расположился штаб. Они быстро и бесшумно сняли часовых. Затем окружили плотным кольцом весь квартал.

Пятнадцать мужчин, вооруженных автоматами, гранатами со слезоточивым газом, топорами и кувалдами, спустились в подвал и остановились у двери штаба.

Акива вздрогнул, когда раздался стук.

— Это, наверно, Бен Моше и Нахум. Поди открой.

Дов надел цепочку и приоткрыл дверь. В ту же секунду кувалда обрушилась на дверь и сорвала ее с петель.

— Англичане! — взвизгнул Дов.

...Акива и Гиора попались!

Эта ошеломляющая весть была у всех на устах. Легендарный Акива, который больше десяти лет водил англичан за нос, попал в руки врага.

«Измена!» — кричали маккавеи. Они обвиняли во всем Хагану. Ведь Бен Моше и Нахум встречались с Зеевом Гильбоа. Значит, либо он сам, либо другой агент Хаганы выследили их и установили, где расположен штаб. Как иначе его могли обнаружить? Обе организации снова оказались на ножах.

Британский губернатор Палестины потребовал немедленного суда над задержанными в надежде, что приговор деморализует маккавеев. Ему казалось, что, если быстро приговорить Акиву, это в какой-то мере восстановит авторитет британских властей и положит конец террору, вдохновителем которого старик был долгие годы.

Губернатор распорядился, чтобы суд был закрытым. Фамилию судьи ради его безопасности держали в тайне. Акива и Маленький Гиора были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор собирались привести в исполнение через две недели.

Обоих посадили в тюрьму Акко, из которой еще никто не убегал.

В своей ретивости губернатор совершил ошибку: не пустил на суд журналистов. У маккавеев всюду, особенно в США, были влиятельные друзья, которые оказывали им всяческую, в том числе и финансовую, помощь. Они постарались, чтобы вопрос о виновности или невиновности Акивы и Маленького Гиоры утонул во взрыве возмущения, последовавшем за оглашением приговора. Как и в случае с «Исходом», приговор вызвал ожесточенные нападки на англичан. Журналисты раскопали и опубликовали биографию Дова: все, что ему пришлось вынести в варшавском гетто и в Освенциме. По Европе покати́лась волна сочувствия к осужденным. Особенно возмущало то, что суд был тайным. Фотографии старика Акивы и восемнадцатилетнего Маленького Гиоры, пророка и его ученика, потрясли воображение читательской публики. Журналисты требовали свидания с осужденными.

Сесиль Бредшоу находился в это время в Палестине в составе комиссии ООН. После событий на «Исходе» он знал, к каким последствиям может привести подобная шумиха. Посоветовавшись с губернатором, Бредшоу тут же потребовал инструкций от министерства колоний. Инцидент снова выставлял англичан в дурном свете, и как раз тогда, когда в Палестину приехала комиссия ООН. К тому же он обещал спровоцировать новую волну террора. Бредшоу и губернатор решили показать всему миру милосердие британского правосудия. Ссылаясь на юный возраст Дова и глубокую старость Акивы, они объявили, что осужденные могут просить о помиловании и спасти свои жизни. Это заявление притупило бурю протеста.

Губернатор и Бредшоу съездили в Акко, чтобы лично переговорить с арестантами. Осужденных привели в кабинет начальника тюрьмы, где двое сановников без обиняков изложили им свое предложение.

— Мы люди рассудительные, — сказал губернатор. — Подпишите эти бумаги. Официально — это ходатайства о помиловании, но, между нами, чистая формальность...

— Вы подпишете прошения, и мы заключим с вами договор, — сказал Бредшоу. — Мы вывезем вас из страны в одну из африканских колоний, где вы отбудете небольшой срок, а через несколько лет вся эта история забудется.

— Я вас не совсем понимаю, — ответил Акива. — Почему это мы должны отбывать какой-то срок в Африке? Мы никакого преступления не совершали, а всего лишь боремся за наши права. С каких это пор солдат, сражающийся за родину, — преступник? Мы военнопленные, и вы не имеете права приговаривать нас к какому-либо сроку. Мы действуем в стране, оккупированной врагом.

Лоб губернатора покрылся капельками пота. Было видно, что уговорить старика будет нелегко. Он не раз слышал все это от фанатичных маккавеев.

— Послушайте, Акива. Мы приехали не для того, чтобы вести с вами политические дискуссии. Речь идет о вашей жизни. Либо вы подписываете эти ходатайства о помиловании, либо мы приведем приговор в исполнение.

На лицах сановников без труда читалось беспокойство. Акиве стало ясно, что англичане ведут какую-то игру.

— Послушайте, юноша, — обратился Бредшоу к Дову. — Ведь вам не хочется болтаться на веревке, не правда ли? Возьмите и подпишите, а за вами подпишет Акива.

Бредшоу придвинул к Дову ходатайство и достал авто-ручку. Дов оглядел документ, а затем плюнул на него.

Акива посмотрел на оторопевших от неожиданности англичан.

— Своими же устами ты вынес себе приговор, — изрек он презрительно.

В газетах под аршинными заголовками появились сообщения о нежелании Акивы и Маленького Гиоры просить о помиловании. Этот отказ был истолкован как протест против политики англичан. Десятки тысяч евреев Палестины, которые до сих пор не питали особых симпатий к маккавеям, почувствовали гордость за поступок осужденных. Старик и юноша стали олицетворением героического духа сопротивления.

Вместо того чтобы нанести удар маккавеям, англичане ухитрились создать двух новых мучеников. Им не осталось ничего другого, как назначить срок казни: ровно через десять дней.

С каждым днем напряжение возрастало. Рейды Хаганы и маккавеев, правда, прекратились, но страна жила, как на пороховой бочке.

Город Акко, населенный арабами, находился на северном конце залива, южная часть которого омывает Хайфу. Тюрьма помещалась в уродливом здании, построенном на развалинах крепости крестоносцев. Ахмад эль-Джацар — Мясник — превратил это странное сооружение, состоящее из башен, высохших рвов, внутренних дворов, непробиваемо толстых стен и подземных ходов, в турецкую крепость, выстоявшую перед Наполеоном. Англичане устроили здесь одну из худших тюрем страны.

Дова и Акиву поместили в сырые и вонючие соседние камеры северного флигеля. Стены, потолок, пол здесь были каменные, наружная стена достигала толщины без малого пяти метров, а решетчатые двери выходили в небольшое помещение со стальной дверью, в которой имелось смотровое отверстие, закрывающееся снаружи. Была еще узкая щель, пробитая высоко в стене, через которую в камеры попадала полоска дневного света. Сквозь нее Дов видел верхушки деревьев и макушку холма, носившего имя Наполеона, — крайней точки, до которой дошел французский император во время похода на Восток.

Акива чувствовал себя неважно. С потолка и стен текла

вода; сырость действовала на его ревматические суставы, и они невыносимо ныли.

Два-три раза в день приходили британские чиновники и уговаривали узников спасти свою жизнь компромиссом. Дов не обращал на них внимания, а Акива прогонял, выкрикивая цитаты из Библии, которые долго потом звенели в их ушах.

За шесть дней до казни Акиву и Дова перевели в другое крыло здания — в камеры смертников, расположенные рядом с помещением, где находилась виселица. Место казни окружали четыре бетонные стены, между ними было глубокое замаскированное отверстие, а с потолка свисал стальной кронштейн, на котором укреплялась веревка. Надежность виселицы предварительно испытывали: подвешивали мешок с песком примерно того же веса, что и осужденный, надзиратель нажимал на рычаг, крышка опускалась, и мешок проваливался в отверстие.

Акиве и Дову выдали рубашки и штаны кровавого цвета — традиционную одежду английских висельников.

ГЛАВА 15

Был час ночи. Брюс Сазерленд дремал в библиотеке над книгой, когда раздался резкий стук в дверь и лакей ввел в комнату Карен Клемент.

Сазерленд протер глаза.

— Какая нелегкая заставила тебя приехать среди ночи?

Карен стояла, дрожа всем телом.

— Китти знает, что ты здесь?

Карен покачала головой.

Сазерленд усадил ее в кресло. Карен была смертельно бледна.

— Ты ужинала, Карен?

— Я не голодна, — ответила девушка.

— Принесите бутерброд и стакан молока, — распорядился Сазерленд. — Ну, милочка, может быть, ты мне все-таки расскажешь, что случилось?

— Я должна видеть Дова Ландау. Только вы можете мне в этом помочь.

Сазерленд вздохнул и зашагал по комнате, заложив руки за спину.

— Если я даже и смогу тебе помочь, это ничего, кроме

огорчений, не принесет. Вы ведь уезжаете с Китти через пару недель. Ты не должна о нем думать, дитя мое.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Я все это уже слышала, но с тех пор, как его схватили, я не могу думать ни о чем другом. Я обязательно должна увидеть его хотя бы один-единственный раз. Пожалуйста, генерал, умоляю вас — помогите!

— Попытаюсь, — ответил он. — Но первым делом мы должны позвонить Китти и сказать, что ты здесь. Она, верно, там с ума сходит. И разве это дело — ездить одной по арабским селам?

На следующее утро Сазерленд позвонил в Иерусалим. Губернатор мгновенно разрешил свидание: англичане все еще надеялись уговорить Дова и Акиву изменить решение и хватались за любую соломинку. Может быть, Карен удастся сломить сопротивление Дова? Китти, Сазерленд и Карен с полицейским конвоем добрались до Акко, где их провели прямо в кабинет начальника тюрьмы.

Всю дорогу Карен провела словно в забытьи. Когда она оказалась в здании тюрьмы, ей почудилось, что она видит сон.

Вошел начальник тюрьмы.

— Все готово.

— Я пойду с тобой, — сказала Китти.

— Нет, я хочу его видеть одна, — твердо ответила Карен.

Два вооруженных надзирателя ждали девушку в коридоре. Они провели ее через длинный ряд стальных дверей в безобразный каменный двор, окруженный со всех сторон окнами в решетках. Из-за решеток на Карен смотрели заключенные. Карен шла, глядя прямо перед собой. Они поднялись по узкой лестнице в крыло, где размещались камеры смертников, прошли мимо огороженного колючей проволокой пулемета, затем остановились перед новой стальной дверью, охраняемой двумя часовыми с примкнутыми штыками.

Карен проводили в крохотную камеру. Вместе с ней вошел надзиратель, и дверь снова заперли на замок. Надзиратель открыл маленькое отверстие в стене.

— Будете разговаривать через это отверстие.

Карен кивнула и заглянула внутрь. По ту сторону стены были две камеры. В одной она впервые увидела Акиву, в другой — Дова, обоих в кроваво-красных одеждах. Дов лежал

на топчане и смотрел в потолок. Надзиратель подошел к решетчатой двери его камеры, отомкнул ее и рывкнул:

— Встать, Ландау! К тебе пришли на свидание.

Дов поднял книгу с пола, раскрыл ее и принялся читать.

— Оглох, что ли? К тебе пришли.

Дов перевернул страницу.

— Встать, говорю! Тебя хотят видеть.

— Мне надоели ваши послы. Передай им — пускай убираются к...

— Это не наш, а ваш посол. Это какая-то девушка, Ландау.

Руки Дова крепко стиснули книгу. Сердце забилося.

— Скажи ей, что я занят.

Надзиратель пожал плечами и подошел к отверстию.

— Говорит, что ему никого не надо.

— Дов! — закричала Карен. — Дов!

Ее голос пронесся по камерам смертников.

— Дов! Это я, Карен!

Дов стиснул зубы и перевернул еще одну страницу.

— Дов! Дов!

— Да поговори ты с ней, парень, — закричал Акива. —

Не отправляйся в могилу молча, как по милости моего брата отправляюсь я. Поговори.

Дов отложил книгу, встал с топчана и знаком велел надзирателю отомкнуть дверь. Затем он подошел к глазку, заглянул в него и увидел лицо Карен.

Она посмотрела в его холодные, злые глаза.

— Мне осточертели эти хитрости, — сказал он язвительно. — Если тебя подослали, чтобы ты начала хныкать, то лучше сразу уходи. Я у этих гадов не стану просить милосердия.

— Как ты со мной разговариваешь, Дов?!

— Да ведь тебя же подослали, я знаю.

— Никто меня не подсылал. Клянусь тебе!

— Тогда зачем ты пришла?

— Просто хотела повидаться с тобой.

Дов стиснул зубы, чтобы не потерять самообладание. Зачем она пришла? Он умирал от желания дотронуться до ее щеки.

— Как ты себя чувствуешь, Дов?

— Хорошо, вполне хорошо.

Последовала длинная пауза.

— Дов, ты тогда правду написал Китти или просто хотел, чтобы...

— Я написал правду.

— Мне хотелось знать.

— Теперь ты знаешь.

— Да, знаю. Дов, я скоро покину Эрец Исраэль. Я еду в Америку.

Дов пожал плечами.

— Пожалуй, мне не нужно было приходиться. Ты уж извини.

— Да чего уж там. Я знаю, ты хотела сделать мне приятное. Вот если бы я мог повидаться с моей девушкой, это было бы действительно приятно. Но она из маккавеев и не может прийти. Она моя ровесница, ты знаешь?

— Да.

— Ну, все равно. Ты хорошая девушка, Карен. Уедешь к себе в Америку и постарайся забыть там обо всем. Желаю тебе счастья.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо сказала Карен.

Она выпрямилась. Дов даже не повел бровью.

— Карен!

Она быстро обернулась.

— А... Мы с тобой все-таки друзья... Давай, если надзиратель не возражает, пожмем друг другу руки...

Карен протянула руку в отверстие, Дов крепко схватил ее, прижался к стене и закрыл глаза.

Карен потянула его руку к себе.

— Нет, — вырвалось у него. — Нет, нет!

Она плача прильнула к его руке губами, прижала ее к щеке и снова к губам.

Когда дверь камеры захлопнулась, Дов грохнулся на топчан. Он забыл, когда последний раз плакал, но теперь не мог удержать слез. Юноша повернулся спиной к двери, чтобы никто не видел его лица, и тихо заплакал.

Барак Бен Канаан как представитель ишув сопровождал комиссию ООН в поездках по стране. Ишув знакомил комиссию со своими достижениями, с тем, как устроены беженцы, с кибуцами, заводами и новыми городами. Члены комиссии были поражены контрастом между еврейскими и арабскими районами. После инспекционной поездки они приступили к открытому опросу, давая каждой из сторон возможность высказать свои претензии.

Бен Гурион, Вейцман, Барак Бен Канаан и другие вожди ишсува убедительно доказывали благородные цели и справедливость еврейских требований.

Арабы же, в первую очередь Высший арабский совет, которым заправлял Хусейни, резко выступили против ООН. Они преградили комиссии доступ в ряд арабских городов, где царил нищета, а хозяйство велось в нечеловечески трудных, первобытных условиях. Когда приступили к опросу, арабы официально бойкотировали его.

По мере работы комиссии становилось ясно: если исходить из соображений справедливости, то следует решить дело в пользу евреев. Однако нельзя было сбрасывать со счетов арабские угрозы.

Евреи давно согласились на компромиссы и даже на раздел страны, но очень опасались создания в Палестине нового гетто, вроде черты оседлости.

Завершив инспекционную поездку и опрос, комиссия ООН отправилась в Женеву, чтобы обстоятельно проанализировать собранные данные, пока специальный подкомитет будет изучать лагеря для перемещенных лиц в Европе, где все еще находилось около четверти миллиона евреев. После этого комиссия должна была представить Генеральной Ассамблее ООН свои рекомендации. Барак Бен Канаану поручили поехать в Женеву и продолжать там работу в качестве советника комиссии.

Незадолго до отъезда он наведлся в Яд-Эль, чтобы провести хоть несколько дней с Сарой, которая, несмотря на его частые отлучки, никак не могла к ним привыкнуть. Точно так же, как не могла привыкнуть к отъездам Иордана и Ари.

Ари и Давид Бен Ами были в это время по соседству — в Эйн-Оре, где располагался штаб Пальмаха. Они приехали в Яд-Эль на прощальный ужин. Иордана тоже пришла из Ган-Дафны. Весь вечер Барак был задумчив. Он почти не говорил о работе комиссии, предстоящей поездке и вообще о политике. Это был довольно угрюмый ужин.

— Вы, верно, слышали, что миссис Фремонт собирается покинуть Палестину, — сказала Иордана, когда ужин подошел к концу.

— Нет, не слышал, — ответил Ари.

— Да, она уезжает и уже сообщила об этом доктору Либерману. Она забирает с собой эту девушку, Карен Клемент. Так и знала, что она сбежит при первой же неприятности.

— А почему бы ей и не уехать? — спросил Ари. — Она

американка, а в Палестину приехала исключительно ради девушки.

— Ей вообще нет до нас дела, — резко бросила Иордана.

— Ну, уж это неправда, — заступился Давид.

— Миссис Фремонт очень милая женщина, — вмешалась Сара Бен Канаан, — и мне по душе. Когда она проезжала мимо, то всегда навещала меня. Она очень много сделала для этих детей, и они души в ней не чают.

— Нет уж, пусть лучше уезжает, — упорствовала Иордана. — Это, конечно, скандал, что она увозит с собой девушку, хотя благодаря ее воспитанию и не подумаешь, что эта Карен еврейка.

Ари встал и вышел за дверь.

— Какая у тебя противная привычка, всегда стараешься уколоть его! — сердито сказала ей Сара. — Ты же знаешь: Ари неравнодушен к миссис Фремонт. А какая она милая!

— Она ему теперь никто, — отмахнулась Иордана.

— Как ты можешь судить, что происходит в душе мужчины? — вмешался Барак.

Давид взял Иордану за руку:

— Ты же обещала, что мы покатаемся верхом.

— Ты тоже всегда принимаешь ее сторону, Давид.

— А что? Китти мне нравится. Ну, пошли кататься.

Иордана и Давид вышли из комнаты.

— Пускай погуляют, — сказал Барак. — Давид ее вмиг успокоит. Боюсь, что наша дочь просто завидует миссис Фремонт, и это не удивительно. Может быть, когда-нибудь наши девушки тоже станут такими же женственными.

Барак вертел чашку, а жена стояла у него за спиной, положив щеку на его седеющую гриву.

— Барак, ты не должен больше молчать. Если сейчас не поговоришь с ним, то будешь жалеть об этом до конца своих дней.

Он похлопал Сару по руке:

— Ладно, пойду поищу парня.

Ари стоял в саду, глядя вверх, в сторону Ган-Дафны.

— Здорово она тебе влезла в душу, а?

Ари пожал плечами.

— Она мне и самому нравится, — сказал Барак.

— Чего уж там, явилась сюда из мира шелков и духов и туда же возвращается.

Барак взял сына под руку, и они пошли по полю к бе-

регу Иордана. В отдалении маячили на лошадях Иордана и Давид, слышался их смех.

— Вот видишь, Иордана уже забыла обо всем. А как дела Пальмаха в Эйн-Оре?

— Как всегда, отец. Хорошие ребята, но их мало. Да и молоды они, чтобы идти в бой. С ними не выиграешь войну против семи армий.

Солнце начало садиться за Ливанскими горами, в поле завертелись разбрызгиватели. Отец и сын долго смотрели на поля. Наступит ли когда-нибудь день, когда у них не будет другой заботы, кроме починки изгороди или пахоты?

— Вернемся в дом, — сказал Ари. — Мама там одна.

Он пошел к дому, но остановился, почувствовав на плече тяжелую руку отца. Барак стоял с опущенной головой.

— Через два дня я еду в Женеву. Никогда еще не уезжал в таком тяжелом настроении. Вот уже пятнадцать лет за нашим столом кого-нибудь не хватает. Я всю жизнь вел себя гордо и упрямо, за что и расплачиваюсь. Но в последнее время боль стала просто невыносимой. Ари, сын мой, не допусти, чтобы Акиву вздернули на виселицу.

ГЛАВА 16

Иерусалим кипел накануне отъезда комиссии ООН. Арабы провоцировали беспорядки. Оккупационные власти разбили город на квадраты и разделили их колючей проволокой; во многих местах оборудовали пулеметные точки.

Ари Бен Канаан переходил из одного сектора в другой, обходя все известные ему места, где мог скрываться Бар Израэль. Но связной маккавеев словно исчез с лица земли. С тех пор как англичане схватили Акиву и Маленького Гиору, связь между маккавеями и Хаганой оборвалась. У Ари, однако, не было недостатка в источниках информации, и в конце концов он узнал, что Бар Израэль живет в районе Эль-Катамон.

Ари вошел к нему в дом и открыл дверь в его комнату, даже не постучав. Бар Израэль играл в шахматы. Он поднял голову, увидел Ари и снова уставился на доску.

— Уходи, — скомандовал Ари его партнеру. — Не прикидывайся дурачком, Бар Израэль. Ты хорошо знаешь, что я ищу тебя повсюду.

Бар Израэль пожал плечами и закурил.

— Как не знать, ведь ты разбросал по городу полсотни любовных записок.

— Почему же ты не связался со мной? Я уже сутки в Иерусалиме.

— Не мог же я лишиться тебя удовольствия появиться так красиво. Что тебе надо?

— Проводи меня к Бен Моше.

— Мы с вами больше не играем. И больше не водим командиров Хаганы в штаб.

— Ты разговариваешь сейчас не с командиром Хаганы, а с племянником Акивы.

— Ари, тебе лично я доверяю, но приказ есть приказ.

Ари схватил Бар Израэля за лацкан пиджака, приподнял со стула, опрокинув шахматный столик, и потряс, словно пустой мешок.

— Немедленно поведешь меня к Бен Моше, не то я сверну тебе шею.

Бен Моше сидел за столом в новом штабе маккавеев в Греческом квартале. Позади стоял Нахум Бен Ами. Оба гневно смотрели на растерянного Бар Израэля и Ари Бен Канаана.

— Мы все хорошо знаем Ари, — оправдывался связанной, — вот я и рискнул.

— Выйди, — прошипел Бен Моше. — С тобой мы разберемся потом. А ты, Бен Канаан, раз уж здесь, может быть, скажешь, зачем пожаловал?

— Мне надо знать, что вы собираетесь предпринять для спасения Акивы и мальчика.

— Предпринять? Ничего, конечно. Да и что мы можем?

— Врешь!

— Впрочем, что бы мы ни предприняли, это не твое собачье дело, — вмешался Нахум.

Ари с такой силой ударил кулаком, что треснула столешница.

— Это мое дело! Акива мой дядя

— Хватит с нас сотрудничества с предателями, — сухо отозвался Бен Моше.

Ари нагнулся над столом, чуть ли не упираясь лбом в лоб Бен Моше.

— Терпеть не могу твою рожу. И твою, Нахум, тоже. Но я не уйду отсюда, пока не узнаю ваших планов.

— Ты доиграешься до пули в голову.

— Заткнись, Нахум, не то я отделаю тебя!

Бен Моше снял очки, протер их и снова надел.

— Ари, ты избрал прекрасный способ убеждения, — сказал он. — Так вот, мы думаем пробраться в тюрьму и освободить Акиву и Маленького Гиору.

— Так и знал. А когда?

— Послезавтра.

— Я с вами.

Нахум хотел было возразить, но Бен Моше поднял руку, не дав ему заговорить.

— А ты ручаешься честным словом, что Хагана не знает, где ты сейчас?

— Ручаюсь.

— Подумаешь, твое честное слово! — презрительно бросил Нахум.

— Для меня честного слова человека, носящего фамилию Бен Канаан, достаточно.

— А мне это все-таки не нравится, — упорствовал Нахум.

— Тем хуже для тебя. Ты, Ари, понимаешь, конечно, что нам пришлось мобилизовать все силы. Ты сидел в Акко и знаешь, что это за местечко. Но если дело выгорит, англичанам несдобровать.

— В Акко живут сплошь арабы. Тюрьма в этом городе — самая неприступная крепость англичан.

Бен Моше достал пачку чертежей. Это были подробнейшие схемы района: план города, подступы к тюрьме, подробно разработанные пути отступления. Внутренние чертежи тюрьмы, насколько мог судить Ари, были точны. Их наверняка делали люди, отбывавшие там срок. Посты, склад оружия, коммуникации — они ничего не забыли.

Ари принялся изучать план операции, расписанный по секундам. План предусматривал хитроумное применение изготовленных маккавеями взрывных устройств и гранат.

— Ну что скажешь, Ари?

— Великолепно. Одно только замечание. Вы до мельчайших подробностей предусмотрели, как пробраться в тюрьму и выбраться из нее, но вот как покинуть город... — Ари покачал головой. — Что-то вы недоработали.

— Конечно, было бы удобно спрятаться в ближайшем кибуце, но на это мы пойти, увы, не можем, — резко сказал Нахум.

— Шансы на побег из города невелики, — согласился Бен Моше.

— А точнее, они равны нулю. Я знаю, что для вас нет большей чести, чем погибнуть в бою. Это как раз и произойдет, если вы кое-что не измените в своем плане.

— Я знаю, что он сейчас предложит, — вмешался Нахум. — Он скажет, чтобы мы привлекли к этому делу Хагану и кибуцы.

— Вот именно. Если вы на это не пойдете, появится целая толпа новых мучеников. Бен Моше, ты же все-таки в своем уме. Если действовать по вашему плану, то шансы на удачу не более двух процентов. Если вы согласитесь, чтобы я разработал более надежный вариант, они станут половина на половину.

— С ним нужно держать ухо востро, — вмешался Нахум. — Ишь, как гладко у него все получается.

— Продолжай, Ари.

Ари разложил бумаги на столе.

— Я предлагаю задержаться в тюрьме еще минут на десять — пятнадцать и освободить всех заключенных. Англичане вынуждены будут рассредоточить свои силы, чтобы попытаться поймать всех.

Бен Моше кивнул.

— Наши люди должны разбиться на небольшие группы и уйти в разных направлениях. Я уведу с собой Акиву, а вы заберете мальчика.

— А дальше? — спросил Нахум Бен Ами.

Мало-помалу он начинал понимать, что Ари говорит дело.

— Я поеду в Кфар-Масарик. Там пересяду на другую машину, чтобы сбить их с толку, и окольными путями постараюсь пробиться на юг. В друзской деревне Далит-эль-Кармель у меня верные друзья. Англичанам в голову не придет искать меня там.

— Не так уж плохо, — вставил Нахум. — Друзам можно верить, пожалуй, даже больше, чем иному еврею.

Ари не обратил внимания на шпильку.

— Вторая группа отправится с Довом в Нагарию вдоль берегового шоссе, а там разъедутся кто куда. Я могу обеспечить укрытия в окрестных кибуцах. Лучше, чтобы Дова забрали в Мишмар на ливанской границе, там множество пещер, и парень будет в полной безопасности. В войну твой брат Давид бывал вместе со мной в Мишмаре. Мы там годами прятали своих командиров.

Бен Моше сидел неподвижно, уставившись в свои бу-

маги. Он понимал, что без укрытий в кибуцах вся операция — чистейшее самоубийство. Если он примет помощь Ари, то появятся шансы на успех. Но мог ли он согласиться на такое сотрудничество?

— Ладно, Ари, действуй, организуй укрытия. Я иду на это только потому, что твоя фамилия Бен Канаан.

До начала операции осталось четыре дня.

Четыре дня — и Акиву с Маленьким Гиорой поведут на виселицу. Комиссия ООН улетела в Женеву. В Палестине воцарилась напряженная тишина, предвещавшая бурю. Арабы прекратили демонстрации. Маккавеи прекратили рейды. Города кишели английскими военными в штатском.

До начала операции осталось три дня.

Акива и Маленький Гиора отклонили еще один, последний, призыв от имени британского премьер-министра.

Наступил день операции.

Базарный день в Акко. На рассвете из галилейских деревень съехались толпы арабов. Базарная площадь была забита осликами, повозками, товарами, улицы полны народа.

Восточные и африканские евреи, члены организации маккавеев, переодетые арабами, просочились в Акко вместе с базарной толпой, пронесли динамит, патроны, бикфордов шнур, гранаты и детонаторы. Они старались держаться поближе к тюрьме.

Одиннадцать часов. Два часа до начала операции. Двести пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин рассеялись по Акко.

Одиннадцать пятнадцать. Час сорок пять до операции. В тюрьме — смена караула. На пост заступают четверо охранников, сотрудничающих с маккавеями.

Одиннадцать тридцать. Остается полтора часа. За городом, на Наполеоновой горе, сосредоточился еще один отряд маккавеев. Три грузовика с мужчинами в английской форме въехали в Акко и остановились у мола, неподалеку от тюрьмы. Солдаты разбились на группы по четыре человека и отправились патрулировать улицы. В городе было столько военных, что они не привлекли внимания.

Полдень. До операции час. Ари Бен Канаан въехал в Акко на штабном джипе в форме английского майора. Шофер остановил машину рядом с молотом, у западной стены тюрьмы. Ари подошел к старому ржавому оружию турецких

времен, закурил сигарету и стал наблюдать за волнами, набегавшими на мол. По камням, гладко отшлифованным водой, стекала пена.

Пять минут первого. Пятьдесят пять минут до операции. Лавки в городе одна за другой закрылись на обед. Арабы спрятались от немилосердного солнца в кофейнях и, убаюканные тягучими песнями каирского радио, погрузились в дремоту. Английские солдаты, изнемогавшие от жары, почти засыпали на ходу.

Десять минут первого. Пятьдесят минут. Муэдзин поднялся по винтовой лестнице на минарет мечети Эль-Джацар. Его голос раздался в полуденной тишине; правоверные собрались в огромной белой мечети и стали на колени лицом в сторону Мекки.

Двенадцать минут первого. Сорок восемь минут. Маккавеи направились к сборным пунктам. Группами по два-три человека, как бы слоняясь без дела, они прошли по узким, покрытым навозом переулкам, приближаясь к заранее намеченным точкам.

Первый отряд собрался у кафе «Абу Христос». Оно стоит на самом берегу залива, и посетители смотрят, как арабские мальчишки ныряют со скалы за монетками. Оттуда виден залив до самой Хайфы.

Второй отряд, побольше, собрался у мечети. Маккавеи опустили на колени во дворе, поближе к выходу, и сделали вид, будто молятся.

Третья группа направилась к просторной площади Хану, на которой издавна останавливаются караваны, пробралась между верблюдами и осликами и смешалась с арабами, отдыхающими на земле.

Четвертый отряд собрался у рыбацкой пристани.

Пятый — на материковой части мола.

Тем временем бойцы, переодетые английскими солдатами, заняли места на крышах и взяли под контроль улицы, перекрестки и подступы к тюрьме.

За городом занял позиции последний отряд. Эти люди расставили мины посреди шоссе и пулеметы на обочинах. Их задача — задержать возможные английские подкрепления.

Без четверти час. Пятнадцать минут до начала операции. Ударные силы, двести пятьдесят маккавеев, переодетых арабами, приготовились к атаке.

Бен Моше и Нахум Бен Ами проследили за сбором

людей, проверили, заняты ли позиции на крышах, взглянули в сторону тюрьмы, откуда четверо часовых дали знак, что у них все готово.

Ари Бен Канаан бросил сигарету в воду, повернулся и быстро направился к месту атаки. Шофер поехал следом.

Атака должна была начаться с Хамман эль-Баши, старинной турецкой бани. Построенная еще Эль-Джацаром, она вплотную подходила к южной стене тюрьмы. За баней был внутренний дворик с солярием. Узкая лестница вела отсюда на крышу, прямо под тюремную стену. Маккавеи выяснили, что из тюрьмы просматриваются все подступы к ней, кроме этого. Здесь, у южной стены, и решили нанести удар.

Час дня. Время начала операции.

Под палящим солнцем Акко погрузился в дремоту. Бен Моше, Бен Канаан и Бен Ами подали сигнал к атаке. Нападение на тюрьму началось.

Ари Бен Канаан возглавил ударный отряд из пятидесяти человек. Они ворвались в баню, а оттуда — во внутренний дворик. У них был динамит и все, что нужно для взрыва.

Арабы, сидевшие в парном отделении, на мгновение застыли на своих местах, а потом началась паника, и баня стала похожа на преисподнюю. Бойцы загнали голых, дико орущих посетителей в парное отделение, чтобы они не могли выскочить и поднять тревогу.

В ту же минуту Бен Моше, оставшийся снаружи, получил сигнал, что Ари пробрался во внутренний двор.

Ребята Ари вскарабкались по лестнице на крышу бани, подбежали к тюремной стене и быстро заминировали ее. Потом они в мгновение ока спустились во дворик и бросились на землю.

Четверть второго.

Оглушительный взрыв потряс Акко. В воздух взлетели обломки скал. Прошло не менее двух минут, прежде чем пыль рассеялась и стало видно отверстие, зияющее в стене.

Как только раздался взрыв, за дело принялись четверо часовых. Первый бросил гранату на коммутатор, нарушив телефонную связь. Второй вывел из строя распределительный щит, а с ним и сигнальные сирены. Третий схватил ключ от башни, а четвертый побежал к пролому в стене, чтобы провести отряд Ари в тюрьму. Часть отряда бросилась к складам оружия, и через минуту все были вооружены до

зубов. В это время другая часть отряда отрезала помещения, где отдыхали свободные от караула охранники.

Каждую минуту Бен Моше впускал в тюрьму группы по десять — двадцать человек. Каждая точно знала свою задачу.

Маккавеи выбивали с постов охрану, прокладывали себе путь гранатами и через шесть минут овладели всей тюрьмой.

Наружные отряды окопались, ожидая контратаки англичан. Подступы к тюрьме контролировались стрелками, зашедшими на крышах.

Первым делом маккавеи взломали камеры и освободили заключенных. Их всех, и арабов, и евреев, провели к пролому в стене.

Ари с пятеркой отборных бойцов пробился к башне, где находились камеры смертников и виселица. Часовые, охранявшие башню, открыли огонь. Ари приказал бойцам отступить, а сам подполз к дверям и прикрепил магнитную мину. Взрыв сорвал дверь с петель. Ари бросил внутрь гранату. Часовые отступили в помещение, где стояла виселица. Маккавеи ворвались туда вслед за ними, связали их и отперли двери камер. Акиву и Дова Ландау отвели к пролому в стене, и через минуту Дов оказался в кузове грузовика, до отказа набитого людьми. Бен Моше махнул рукой, и машина помчалась в сторону Нагарии. Две минуты спустя Ари сел с Акивой в джип и поехал в противоположную сторону.

Бен Моше подал сигнал к отступлению. Операция заняла двадцать одну минуту.

Сбитые с толку англичане попытались прорваться в город, но их остановили мины, засады и перекрестный огонь. Солдаты, которые находились в самом городе, безуспешно пытались ловить заключенных.

Грузовик, в котором сидел Дов Ландау, мчался вдоль берега на север. Англичане послали вдогонку моторизованную часть, но машина успела доехать до населенной евреями Нагарии. Нахум Бен Ами с Довом поспешили к ливанской границе, в кибуц Гамишмар, а остальные заняли оборону, чтобы задержать англичан. Они сдерживали солдат до последнего и дали возможность Нахуму Бен Ами и Дову Ландау добраться до безопасного места, но все до единого — семнадцать мужчин и женщин — погибли.

Акива и Ари сидели на заднем сиденье штабного джипа. Рядом с шофером разместился еще один маккавей. Джип несся во весь опор в сторону кибуца Кфар-Масарик. Засада

маккавеев у Наполеоновой горы предупредила их, что шоссе заминировано.

Ари спросил шофера:

— Можешь проехать вон там, по полю?

— Попытаюсь.

Они свернули с шоссе и, буксуя, переваливаясь с боку на бок, поехали в обход. Им удалось объехать позиции двух английских рот, а потом опять повернуть к шоссе. Солдаты заметили их и бросились следом. Очередь ударила по джипу, когда передние колеса уже въехали на шоссе. Ари прижал Акиву к полу. Кругом свистели пули. Задние колеса буксовали, зарываясь в землю. Шофер дал задний ход, и новые выстрелы обрушились на машину. Двое солдат с автоматами почти настигли их. Ари выхватил пистолет и выстрелил через заднее окно. Один солдат упал, а другой дал длинную очередь по джипу.

Акива закричал. Ари свалился на него как раз в ту секунду, когда джипу удалось наконец въехать на шоссе. Шофер нажал газ до отказа, и машина умчалась прочь.

— У вас все в порядке? — спросил шофер.

— Мы оба ранены.

Ари сел и ощупал правую ногу. Видно, пуля засела глубоко. Крови почти не было.

Он опустил на колени, перевернул лежащего Акиву на спину и разорвал на его груди рубашку. Пули разворотили старику живот.

— Как он там? — спросил шофер.

— Плохо... очень плохо.

Акива был в сознании.

— Ари, — сказал он, — как ты думаешь, я выживу?

— Нет, дядя.

— Тогда отвези меня в какое-нибудь укромное место... ты меня понял?

— Понял, — ответил Ари.

Джип въехал в Кфар-Масарик, где их встретили кибуцники. Акива потерял сознание, когда его вынесли из машины. Ари присыпал свою рану стрептоцидом и наспех перевязал ее. К нему подошли двое маккавеев.

— Старик не выдержит, если мы повезем его дальше. Он должен остаться здесь, ему врач нужен.

— Нет, — сказал Ари.

— Ты что, с ума сошел?

— Послушайте, вы! У него нет никаких шансов выжить,

но если он даже выживет, англичане все равно его найдут. А если он умрет здесь, это сразу станет известно всей Палестине. Никто, и англичане тоже, не должен знать, что знаменитый Акива погиб.

Маккавеи не стали спорить. Они кивнули в знак согласия и сели в кабину. Ари забрался в кузов, где лежал Акива. Его нога болела все сильнее.

Машина двинулась на юг, миновала Хайфу и начала взбираться по узкой горной дороге. Ари держал голову Акивы на коленях, оберегал его от толчков на ухабах и резких поворотах. Они взбирались все выше на Кармель, пока не приехали в район, где жили друзья.

Акива открыл глаза, попытался что-то сказать, но не смог. Он улыбнулся Ари и обмяк.

В полутора километрах от села Далият-эль-Кармель, в небольшом перелеске их ждал с осликом и повозкой друг Муса, солдат Хаганы.

Ари с трудом вылез из кузова. Он весь был в крови — своей и Акивы.

Муса подбежал к нему.

— Я в порядке, — сказал Ари. — Несите Акиву. Он умер.

Измoжденное тело выгрузили из кузова и положили на повозку. Ари сказал:

— Никто, кроме Бен Моше или Нахума, не должен знать, что Акива умер. Поезжайте назад, только сначала хорошенько вымойте машину. Мы с Мусой сами похороним дядю.

Машина уехала.

Начинало темнеть. Ари сел на повозку. Они объехали деревню и поднялись на южную, самую высокую вершину Кармеля, где в лесу стоял жертвенник великого еврейского пророка Илии. Именно здесь Илия с Божьей помощью одержал победу над слугителями Ваала.

Алтарь Илии смотрел на Ездrelонскую долину, словно вечное напоминание, что земля эта не забыта.

Муса и Ари вырыли неглубокую могилу рядом с алтарем.

— Давай снимем с него эту позорную одежду, — сказал Ари.

Они сняли с Акивы наряд английского висельника, положили тело в могилу, засыпали и забросали сучьями. Муса отошел к повозке.

Ари опустился на колени. Яков Рабинский родился во гневе и скончался в горе. Наконец-то он обрел мир, которого не было у него при жизни. Теперь он будет покоиться здесь, на вершине, и смотреть вниз на вечную страну евреев. Когда-нибудь, подумал Ари, весь мир узнает, где лежит Акива, и это место станет святыней.

— Прощай, дядя, — сказал Ари. — Я так и не успел сказать, что брат тебя простил.

Ари встал и пошатнулся. Муса подбежал к нему, когда он, застонав от боли, свалился без чувств на землю.

ГЛАВА 17

Китти сидела в кабинете доктора Либермана.

— Я многое бы отдал, чтобы уговорить вас остаться, — сказал Либерман.

— Благодарю вас, — ответила Китти. — Чем ближе отъезд, тем сильнее чувствую опустошенность. Я понятия не имела, что успела так сильно привязаться к Ган-Дафне. Всю ночь сидела над историями болезней. Некоторые ребята сделали огромные успехи, если учесть, что им пришлось пережить.

— Им будет плохо без вас.

— Знаю. Мне тоже будет плохо без них. В ближайшие дни я приведу в порядок дела. Есть, однако, несколько особых случаев, о которых мне хотелось бы переговорить с вами лично.

— Да, конечно.

Китти встала и собралась уходить.

— Не забудьте, пожалуйста, прийти вечером в столовую на полчаса раньше.

— Ну, зачем это? Не надо торжественных проводов.

Маленький горбун поднял руки вверх:

— Дети настаивали. Что же мне было делать?

Китти подошла к двери.

— А как Карен?

— Неважно. После свидания с Довом она сама не своя. Вчера узнала о рейде маккавеев, и ночью ей было особенно тяжело. Бедное дитя достаточно настрадалось: хватит, пожалуй, на целую жизнь. Может быть, это и не сразу удастся, но заверяю вас, доктор, что сделаю все, чтобы она стала в Америке по-настоящему счастливой.

— Как бы мне хотелось убедить вас, что вы совершаете ошибку. Но сделать это я, увы, не могу.

Выйдя из кабинета, Китти пошла по коридору, обдумывая последние новости. Маккавеи потеряли двадцать человек убитыми, еще пятнадцать попали в руки англичан. Сколько было раненых, никто не знал. Бен Моше погиб. Не слишком ли высокая цена за спасение двух жизней? Но рейд нанес сокрушительный удар по англичанам и окончательно лишил их желания сохранить мандат на Палестину.

Китти остановилась перед дверью Иорданы. Ей очень не хотелось вступать с ней в разговор, но все же она постучалась.

— Войдите.

Иордана сидела за столом. Она подняла голову и холодно посмотрела на Китти.

— Прошу извинить, Иордана. Вам не известно, чем закончился вчера побег в Акко? Как Дов Ландау? Вы ведь знаете, что Карен сильно привязана к мальчику. Она почувствует себя гораздо лучше, если...

— Я ничего не знаю.

Китти пошла к выходу, но у двери обернулась и спросила:

— Ари тоже участвовал в рейде?

— Ари не докладывает мне о своих действиях.

— Я думала, вы знаете.

— Откуда мне знать? Рейд совершили маккавеи.

— Вы и ваши друзья, когда хотите, узнаете все.

— Если бы я даже и знала, все равно ничего бы вам не сказала, миссис Фремонт. Не дай Бог, что-нибудь помешает вам сесть в самолет и улететь из Палестины.

— Приятнее было бы нам расстаться друзьями, но, похоже, вы не хотите этого.

Китти быстро вышла из комнаты и направилась к подъезду. На площадке дети, весело крича, играли в футбол. Ребята поменьше бегали на лужайке, постарше — читали, лежа на траве.

Круглый год в Ган-Дафне растут цветы, подумала Китти, и воздух всегда благоухает.

Она спустилась по ступенькам, прошла мимо окопов в конец лужайки и остановилась у статуи Дафны. На этот раз она не испытывала ревности. Посмотрела вниз на долину Хулы — и вдруг ее охватило щемящее чувство одиночества.

— Шалом, гиверет Китти, — здоровались ребята. Один

мальчуган подбежал к ней и обхватил ручонками, она погладила его по голове.

Китти было не по себе, когда она вошла в больницу. Расставание с Ган-Дафной оказалось куда труднее, чем она думала. В кабинете Китти занялась историями болезней: часть нужно было закрыть, часть дополнить.

Странно: когда она оставила детдом в Салониках, у нее было не так тяжело на душе. Никогда Китти не пыталась дружить с евреями. Почему же это вдруг случилось?

Может быть, оттого, что на этом обрываются ее отношения с Ари? Расстаться с ним непросто; она долго его будет помнить, может быть, всегда. Но со временем все образуется, войдет в норму, и она сможет дать Карен все, что нужно девушке. Им будет очень хорошо вместе, и Карен, конечно, снова начнет заниматься балетом. А со временем воспоминания об Ари Бен Канаане и Палестине поблекнут. Да, сейчас тяжело, рассуждала Китти, но любое расставание или переезд причиняют боль.

Она снова занялась детскими историями болезни. Несчастливые дети, целиком зависящие от нее. Имеет ли она право бросить их? Не должна ли она в первую очередь думать о них?

Китти попыталась отогнать от себя эти мысли. Она выдвинула ящик стола и достала свой паспорт. Рядом лежал британский паспорт Карен. Тут же были и два билета: аэропорт отправления — Лидда, аэропорт назначения — Нью-Йорк.

Марк Паркер приедет встречать их в Сан-Франциско. Милый Марк... лучше него нет друга на свете. Он, конечно, поможет ей устроиться где-нибудь во Фриско. Китти особенно любила окрестности залива. Они могли бы жить в районе моста Золотых ворот либо в Беркли, неподалеку от университета. Театр будет рядом, и балет тоже.

Китти задвинула ящик и снова взялась за бумаги, затем убрала их обратно в шкаф. Она безусловно имеет право уехать, в этом нет сомнений. Сам доктор Либерман сказал ей это. Она ничем никому не обязана. Обычная работа, как и всякая другая.

Китти заперла шкаф и вздохнула. Как бы она ни оправдывала себя перед собственной совестью, на душе оставалась тень. В самом ли деле она решила на отъезд ради Карен, а не из-за эгоистической любви к девушке?

Китти обернулась и чуть не вскрикнула. В дверях стоял

араб в странной одежде: неуклюжий шерстяной костюм в елочку, на голове красная феска, обмотанная белой повязкой. У прищельца были огромные черные усы с тонкими закрученными вверх кончиками.

— Не пугайтесь, — сказал араб. — Можно войти?

— Прошу, — ответила Китти, удивленная его английской речью.

Он живет где-нибудь поблизости, подумала она, и у него, наверное, кто-то заболел.

Араб вошел в кабинет, закрыл за собой дверь.

— Вы миссис Фремонт?

— Да.

— Меня зовут Мусой. Я друг. Знаете, кто такие друзья?

Она что-то слышала об этой мусульманской секте, члены которой жили на горе Кармель, к югу от Хайфы, и хорошо относились к евреям.

— Вы, наверное, пришли издалека.

— Я член Хаганы.

Китти вскочила.

— Ари!

— Он скрывается в моей деревне после нападения на тюрьму Акко и просит, чтобы вы приехали.

У Китти сильно забило сердце.

— Он тяжело ранен, — сказал Муса. — Вы поедете?

— Да, — ответила она.

— Не берите никаких лекарств. Нам нужно быть осторожными. Всюду рыщут английские патрули. Если найдут медикаменты, это покажется подозрительным. Ари велел посадить вас в машину вместе с детьми. Завтра в деревне свадьба, и мы скажем англичанам, что везем гостей. У меня грузовик. Возьмите человек пятнадцать детей, и пусть они с собой захватят постельное белье.

— Через десять минут будем готовы, — сказала Китти и побежала к Либерману.

От Ган-Дафны до Дилият-эль-Кармеля восемьдесят километров, в основном узкими горными дорогами. Старый грузовик ехал очень медленно.

Дети радовались неожиданному празднику и пели во все горло. Только Карен, сидевшая рядом с Китти в кабине, знала истинную цель путешествия.

Китти стала спрашивать Мусу. Он сказал ей, что Ари ранен в ногу сутки назад и не может встать от боли. О Дове

Ландау Муса ничего не знал, ничего не сказал и о смерти Акивы.

Несмотря на предупреждение, Китти все-таки положила в сумку пакет со стрептоцидом, марлей и йодом. Такая аптечка первой помощи вряд ли вызовет подозрения.

Настоящий страх она испытывала всего два раза в жизни: в приемной детской больницы в Чикаго, где провела трое суток, пока у Сандры был кризис, и в гостинице на Кипре в дни голодовки детей на «Исходе».

Теперь ей снова стало страшно. Китти не слышала пения детей и не обращала внимания на попытки Карен успокоить ее. Китти было тревожно как никогда.

Она сидела с закрытыми глазами, ее губы произвольно шевелились, произнося одни и те же слова:

— Кто бы ты ни был, Бог, охраняющий Израиль, пожалуйста, не дай Ари умереть... пожалуйста, не дай ему умереть.

Прошел час, еще один, и еще.

Нервы у Китти сдали. Она сидела с закрытыми глазами, прислонившись к плечу Карен.

Грузовик свернул наконец в сторону Кфар-Масарика на ту же дорогу, по которой Ари ехал из Акко. Подъезжая к Кармелю, они то и дело встречали английских солдат.

На одном из перекрестков их остановили.

— Это дети из Ган-Дафны. Мы приглашены на свадьбу в Далият-эль-Кармель.

— Выходите! — скомандовал лейтенант.

Англичане обыскали всю машину и попробовали даже вспороть ножами одеяла. Затем полезли под машину, сняли скат с запасного колеса, подняли капот и обыскали двигатель, потом обыскали всех детей. На это ушел целый час.

У подножия горы их обыскали еще раз. Наконец машина пошла на подъем.

— Все друзские деревни расположены высоко. Нас немного, и только высоко в горах мы защищены от арабов, — пояснил Муса. — Мы будем на месте через несколько минут.

Когда машина подъехала к деревне и сбавила скорость, пробираясь по узким улочкам, Китти сделала усилие и взяла себя в руки.

Казалось, что деревня Далият-эль-Кармель лежит на крыше земного шара. Она поражала белизной и чистотой. Особенно если сравнивать ее с грязью и запущенностью большинства арабских сел. Большинство мужчин носили

усы, некоторые были в европейских костюмах. Головные уборы немного отличались от арабских. Друзы держались с достоинством: гордая внешность и воинственный вид говорили, что они умеют постоять за себя.

Женщины, все как на подбор красивые, носили пестрые одежды и белые платки, а дети были крепкие и ясноглазые.

Гости съехались из всех друзских деревень, из кибуцев и даже из Хайфы.

Машина медленно продвигалась мимо сельской управы, где толпились мужчины, пришедшие поздравить жениха и старейшин. По склону горы тянулась терраса, а на ней стоял стол метров в двадцать пять, уставленный фруктами, рисом, бараниной, фаршированными тыквами, винами. Женщины с подносами на голове непрерывно приносили новые блюда с едой, уносили пустые.

Муса остановил машину, и жители села подошли приветствовать новых гостей. Дети вылезли из кузова и пошли ставить свои палатки.

Муса, Китти и Карен поехали дальше по главной улице. Группа танцоров в сверкающих серебром рубашках и вышитых тюбетейках исполняла друзскую пляску. Встав друг за другом и положив руки на плечи, они притопывали, не нарушая строя. Впереди плясал Нисим, лучший друзский танцор. С ножом в зубах и в каждой руке, он самозабвенно исполнял дикое содо.

Рядом народный поэт рассказывал древнюю легенду, импровизируя стихи. Слушатели подхватывали каждый новый стих, а когда сказание кончилось, многие выхватили пистолеты и начали палить в воздух.

Муса свернул и осторожно поехал по крутому переулку вниз. Добравшись до конца спуска, он остановил машину. Китти взяла сумку с медикаментами, и они пошли следом за Мусой. Вскоре свадебный шум стал почти не слышен.

Они остановились у крайнего дома деревни, который охранял небольшой отряд вооруженных друзов. Муса открыл дверь. Китти глубоко вздохнула и вошла. В передней стояли еще двое часовых. Китти обернулась к Карен:

— Постой здесь. Я потом тебя позову. Идем, Муса.

В комнате стоял полумрак. Каменные полы помогали сохранить приятную прохладу. Китти услышала стон, быстро подошла к окну и распахнула ставни.

Ари лежал на широкой кровати. Вцепившись руками в бронзовые перекладки, он извивался от невыносимой

боли. Китти отбросила одеяло в сторону. Одежда Ари и матрац были в крови.

— Помогите снять с него брюки, — приказала Китти.

Муса бросил на нее изумленный взгляд.

— Ну ладно, — сказала она. — Тогда хоть не мешайте. Я скажу, когда будете нужны.

Она осторожно распоролла штаны, внимательно осмотрела раненого. У него был неплохой цвет лица и относительно ровный пульс. Раненая нога не слишком опухла, и было похоже, что он потерял немного крови.

Китти энергично принялась за дело.

— Муса, воду, мыло и чистые полотенца. Мне надо осмотреть рану.

Она тщательно вымыла руки, затем осторожно обмыла края раны. Бедро Ари посинело, сочилась кровь. Рану окружала опухоль.

У Ари задрожали веки.

— Китти? — сказал он, открывая глаза.

— Да, это я.

— Слава Богу.

— Вы что-нибудь делали с раной?

— Вчера всыпал немного стрептоцида и наложил жгут.

— Ладно, теперь немного повожусь я. Приготовьтесь, будет больно.

— Валяйте.

Она дотронулась до опухоли, и Ари застонал, покрылся холодным потом и снова вцепился в бронзовые перекладки. Китти отняла руки и вытерла ему лоб мокрым полотенцем.

— Можете говорить, Ари?

— Сейчас пройдет, — ответил он. — Эта боль то появляется, то проходит. Пустяковая рана, а так больно! Вам такие случаи на пункте «Скорой помощи» не встречались?

Китти улыбнулась: смотри-ка — не забыл!

— Всякое бывало. Какой-нибудь ревнивец стрельнет в любовника жены, а нам — возись с раненым.

— А все-таки, что у меня?

— Пока не знаю. Пульс у вас нормальный, дыхание тоже, шока нет, нога не опухла, если не считать того места, где рана.

— А что это значит?

— По-моему, то, что внутреннего кровоизлияния нет. Главную артерию пуля не задела. Не вижу и признаков ин-

фекции. Я бы даже сказала, что вам повезло. Но эта боль меня беспокоит.

— Я теряю сознание из-за нее каждые несколько часов.

— Держитесь. Я еще раз осмотрю рану.

Ари сжал зубы, но выдержал всего несколько секунд. Он закричал, рванулся вперед, а затем бессильно упал на кровь.

— Эта подлая рана меня со света сживет!

Он вцепился в простыни, лег ничком и затрясся. На этот раз припадок длился минут десять. Наконец боль стихла. Ари лежал неподвижно.

— Китти, что бы это могло быть? Ради Бога, я этого не вынесу...

— Когда вас ранило, вы могли ходить?

— Да. Что бы это значило, Китти? Откуда такая дикая боль?

Она покачала головой:

— Я не врач, точно сказать не могу. Но если я не ошибаюсь...

— Скажите то, что думаете, — взмолился он.

— Думаю, что пуля задела бедренную кость, но только чуть-чуть, а то бы вы не удержались на ногах. И не проникла далеко, потому что артерия не задета.

— И что же?

— Думаю, что в кости появилась трещина, либо от нее откололся осколок. Это одна из причин того, что вам больно. Возможно, что пуля также задела нерв.

— Что надо делать?

— Вынуть пулю. Но вы можете умереть от болевого шока. Уехать отсюда вы не можете. В пути всякое может случиться. Вас должен немедленно осмотреть врач, иначе будет плохо.

Ари посмотрел на Мусу.

— После вчерашнего рейда по всей Галилее скрываются раненые, — печально сказал Муса. — Все еврейские врачи под наблюдением. Если я попытаюсь доставить сюда доктора, за ним придут англичане.

Китти посмотрела на Ари, встала и закурила.

— В таком случае лучше сдать англичанам, они вам окажут помощь.

Ари кивнул Мусе, и тот вышел из комнаты.

— Китти, — позвал он.

Она подошла. Ари взял ее за руку.

— Они меня повесят. Помощь мне должны оказать вы. У Китти пересохло в горле. Она отошла, прислонилась к стене и задумалась. Ари не сводил с нее глаз.

— Не могу. Я не врач.

— Вы должны.

— Здесь нет инструментов.

— Все равно должны.

— Я не могу. Понимаете? Не могу. Вы просто не выдержите. Возможен шок. Нет, Ари, мне страшно даже подумать.

Китти упала на стул. Она вспомнила, что Ари руководил атакой на тюрьму. Он прав: англичане его повесят. Ему больше не на кого надеяться. Если она не поможет, Ари умрет. Китти закусилла крепко сжатые пальцы. Ее взгляд упал на тумбочку, где стояла бутылка коньяка.

— Выпейте! — сказала она. — Когда допьете эту бутылку, достанем еще. Вы должны надраться до потери сознания, иначе сойдете с ума от боли, когда я начну вас кромсать.

— Спасибо, Китти.

Она быстро распахнула дверь.

— Муса!

— Слушаю.

— Где можно достать медикаменты?

— В кибуце Ягур.

— Сколько нужно времени, чтобы съездить туда и обратно?

— Добраться туда просто. Но вот вернуться... По шоссе нельзя, пешком по горам — к ночи можно не успеть.

— Я дам вам список того, что мне нужно. Пошлите человека в кибуц, и пусть он возвращается как можно быстрее.

Китти задумалась. Посыльный может вернуться только ночью, но может и совсем не вернуться. Возможно, в кибуце есть обезболивающие средства, а если — нет? Она все-таки написала, что ей нужно два литра плазмы, пенициллин в ампулах, морфий, перевязочные материалы, термометр и кое-какие инструменты. Муса тут же отправил одного из часовых в Ягур.

— Карен, ты мне должна помочь, но предупреждаю — будет очень трудно.

— Я все сделаю.

— Вот и умница. Муса, неужели у вас здесь нет никаких лекарств?

— Кое-что есть, но очень мало.

— Ладно. Обойдемся тем, что у меня в сумке. Карман-

ный фонарик есть? И несколько бритвенных лезвий или острый ножик?

— Найдем.

— Хорошо. Лезвия нужно прокипятить в течение полчаса. Сделаете?

— Да.

— На полу расстелите одеяла, кровать чересчур неустойчивая. И велите принести чистые простыни.

— Еще что-нибудь нужно?

— Понадобятся человек шесть, а то и восемь, чтобы держать его во время операции.

На полу расстелили одеяла. Ари тем временем пил принесенный коньяк. Четверо друзей осторожно переложили его на пол. Карен тут же привела в порядок постель и заменила окровавленные простыни. Принесли лезвия и ножик. Китти тщательно вымыла руки, промыла рану и обмазала ее йодом. Она подождала, пока коньяк подействовал и Ари забормотал что-то невнятное, затем подложила ему под голову подушку.

— Все, — сказала она. — Я готова. Теперь держите его крепче.

Один мужчина держал голову Ари, четверо — руки, двое — здоровую ногу и еще один — раненую. Восемь друзей крепко придавили Ари к полу. Карен стояла рядом и светила фонариком.

Китти взяла лезвие и одним быстрым движением рассекла мышцы, сделав глубокий пятисантиметровый надрез. Ари задрожал, из глаз потекли слезы. Друзья с трудом удерживали его.

Вдруг Карен заметила, что Китти смертельно побледнела и глаза у нее закатились. Девушка схватила Китти за волосы, запрокинула ей голову и влила в рот немного коньяка. Китти чуть не задохнулась, но сразу пришла в себя и сама отпила еще глоток. Ари закрыл глаза и впал в забытие.

Карен снова направила фонарик на рану. Одной рукой Китти раздвинула края надреза, а пальцы другой запустила в рану, нащупала твердый предмет и вытащила его.

Она села на пол, осмотрела пулю и вдруг захохотала. Друзья тоже засмеялись. Смех Китти тут же перешел в рыдания, с ней сделалась истерика.

— Муса, — распорядилась Карен. — Быстро положите его на кровать, только не прикасайтесь к ране.

Она помогла Китти встать, усадила ее на стул, отобрала

пулю и вытерла ей пальцы. Затем девушка подошла к кровати, присыпала рану стрептоцидом, сделала свободную повязку и влажной губкой обтерла лоб Ари. Китти продолжала сидеть, скорчившись на стуле, и всхлипывала.

Затем Карен велела всем выйти из комнаты, налила Китти еще рюмку и вышла тоже.

Китти выпила, подошла к Ари и пощупала пульс.

Все хорошо, поправится...

Китти положила голову ему на грудь.

— Ари... Ари... Ари... — шептала она сквозь рыдания.

ГЛАВА 18

Адская боль не унималась. Друз, посланный в кибуц за медикаментами, все не возвращался. Китти не оставляла больного ни на секунду. Несколько раз она звала Мусу и других мужчин, чтобы удержать Ари и не дать ему разбередить рану.

В центре села продолжались песни, пляски и веселье. Невесту, которая с самого утра сидела взаперти, вывели наружу. Жених во фраке и цилиндре сел на коня и подъехал к ней по усеянной цветами улице, по обе стороны которой вооруженные друзья выстроили нечто вроде почетного караула.

После свадебной церемонии еврейские гости, а с ними и дети из Ган-Дафны разложили костер, затеяв хору под звуки флейты и барабана. Затем в круг вошли друзья и заплясали по-своему.

Карен все время сидела в передней. Она входила в спальню, только чтобы ненадолго сменить Китти. К утру обе изнемогали от бессонницы и напряжения. Китти сидела на краю кровати и вскакивала каждый раз, когда Ари стонал или шевелился.

Медикаментов все не было.

— Вам, пожалуй, придется отвезти детей назад в Ган-Дафну, — сказала Китти Мусе. — У вас тут еще кто-нибудь говорит по-английски?

— Да. Я пришло сюда этого человека.

— Хорошо. Нельзя ли поставить сюда еще одну койку для меня? Мне придется остаться на некоторое время.

— Будет сделано.

Китти пошла в переднюю, где Карен дремала, сидя на скамейке. Она нежно погладила девушку по щеке. Карен подскочила и протерла глаза.

— Он в порядке?

— Нет. Очень сильные боли. Ты вернешься с детьми в Ган-Дафну.

— Но, Китти...

— Не спорь. Скажи доктору Либерману, что я останусь здесь, пока не станет ясно, что он вне опасности.

— Но мы же послезавтра улетаем.

Китти покачала головой:

— Верни билеты. Потом купим новые. Мне нельзя уезжать отсюда, пока не пришлют кого-нибудь, кто сможет ухаживать за ним.

Карен обняла Китти и пошла к выходу.

— Вот что еще, Карен. Съезди в Сафед и скажи Брюсу Сазерленду, что я здесь. Попроси его приехать в Хайфу. Пусть снимет номер в лучшей гостинице. Я его найду, где бы он ни поселился. Передай с ним что-нибудь из моих вещей, а то мне не во что переодеться.

В полдень гости стали разъезжаться. Муса повез детей назад в Ган-Дафну. Когда все уехали, охрану около Ари немного ослабили. Друз, говоривший по-английски, сидел в комнате рядом. Китти Фремонт осталась наедине с Ари. Только теперь, когда тревога немного улеглась, ей стало ясно, что произошло. Она остановилась у кровати и посмотрела на раненого.

— Господи Боже мой, — прошептала она, — что же я наделала!

Поздно вечером явился наконец из Ягура посыльный с медикаментами. Ему пришлось пробираться горными тропами: всюду рыскали британские патрули.

Китти влила Ари литр плазмы и сделала укол пеницилина на случай инфекции. Затем она поменяла повязку и ввела морфий, чтобы унять боль.

Двое суток Китти колола Ари морфий. Рана постепенно заживала. Иногда Ари просыпался, но был еще слишком вял и плохо понимал, что с ним происходит. Друзы-мужчины были в восторге от деловитости и энергии Китти, а женщины восхищались тем, как она командует мужчинами.

Когда Китти убедилась, что опасность миновала, ее снова начал мучить вопрос — как быть дальше, не остаться ли в Ган-Дафне?

Вправе ли она оставить детей, которые так в ней нуждаются? А Карен? Не потому ли она согласилась поехать в Америку, что не хотела потерять Китти?

Больше всего Китти тревожило обстоятельство, которое она не могла объяснить. На Кипре она совсем уже решила не работать на этих странных людей, а потом увидела Карен... Теперь, накануне отъезда, — история с Ари. Совпадение это или вмешательство в ее судьбу какой-то высшей силы? Как ни отгонял здравый смысл Китти эту фантастическую идею, она ей не давала покоя. Она чувствовала над собой власть Палестины и боялась этого.

Благодаря ее заботам Ари быстро поправлялся. Что ни говори, думала Китти, он необыкновенный человек. Боли, которые ему пришлось вынести, убили бы любого другого. К концу четвертого дня она уменьшила дозу морфия. Убедившись, что рана заживает, а инфекции опасаться нечего, перестала вводить пенициллин.

На пятое утро Ари проснулся и захотел помыться и побриться. Но чем оживленнее он становился, тем глубже Китти уходила в себя. Она отдавала распоряжения сухо и официально, как сержант новобранцу, и расписала Ари план лечения на следующую неделю, будто они чужие люди.

— Надеюсь, к концу недели отпадет надобность в морфии. Я требую, чтобы вы начали упражнять ногу и двигали ею как можно больше. Но помните: нужно соблюдать осторожность — шва-то нет.

— А когда я смогу ходить?

— Без рентгена сказать трудно. Думаю, что в кости лишь небольшая трещина. Если бы были осколки, боль бы не прошла. Но на ноги вы сможете встать не раньше чем через месяц.

Ари легонько присвистнул.

— Я уйду ненадолго, — сказала она. — Вернусь через полчаса.

— Китти, подождите минуточку. Вы были очень добры ко мне, берегли меня, как ангел. Но сейчас вы почему-то злитесь. В чем дело? Я что-то сделал не так?

— Я просто устала, очень устала. Пять ночей почти не спала. Увы, но я не в силах ни спеть, ни сплясать, чтобы вас повеселить.

— Вы, верно, жалеете, что сюда приехали.

— Да, жалею, — ответила она тихо.

— Вы ненавидите меня?

— Ненавижу? Кажется, я достаточно ясно дала понять, что именно чувствую к вам. Оставьте это, пожалуйста. Я устала.

— Тогда в чем же дело? Вы должны мне сказать.

— Я презираю себя за то, что равнодушна к вам. Будут еще вопросы?

— У вас очень сложный характер, Китти Фремонт.

— Какой уж есть.

— Почему мы с вами постоянно воюем, наступаем друг на друга, маневрируем, отступаем?

Китти пристально посмотрела на него:

— Может быть, потому, что я не привыкла жить по вашим первобытным правилам: вы мне нравитесь, я вам тоже, давайте ляжем в кровать. В уставе Пальмаха, где-то на странице четыреста сорок четвертой, у вас, наверное, записано: девушки не должны ломаться. Женщины Палестины, будьте передовыми! Если вы кого-нибудь любите, ложитесь с ним.

— Мы не ханжи.

— А у меня не такие передовые взгляды, как у Иорданы или у вашей бессмертной Дафны.

— Замолчите! — закричал Ари. — Как вы смеете думать, что моя сестра или Дафна — шлюхи? Иордана любила в жизни только одного мужчину. Что плохого в том, что она спит с ним, если неизвестно, доживут ли они до конца недели? Вы думаете, я не предпочел бы жить мирно в Яд-Эле с Дафной вместо того, чтобы подставлять ее под пули и ножи бандитов?

— А я вот живу не ради благородных целей. У меня все очень просто, Ари. Если я люблю мужчину, я должна знать, что нужна ему.

— Да бросьте, — ответил Ари. — Разве я не давал вам понять, что вы мне нужны?

Китти горько засмеялась.

— Да, я вам была нужна, Ари. Я вам нужна была на Кипре, чтобы пронести из Караолоса липовые документы, а теперь — чтобы вытащить пулю из вашей ноги. Кстати, у вас поразительно трезвый ум. Вы были тяжело ранены, терпели страшную боль, но, кажется, предусмотрели решительно все: погрузить детей в машину, чтобы не вызвать подозрений, не брать лекарств. Вам не я была нужна, Ари, а тот, кто сумеет обмануть бдительность англичан. Но я вас не виню. Я сама во всем виновата. У каждого свой крест, а мой крест, по-видимому, — вы, хотя я не могу нести его с вашей сабрской стойкостью.

— И это дает вам право относиться ко мне как к зверю?

— Вы и есть зверь. Бесчувственный и настолько одержимый вторым Исходом Израиля, что забыли, каким должен быть человек. Вы не знаете, что такое любовь, и умеете только воевать. Хорошо же, Бен Канаан, я тоже буду воевать. Я ударю вас и забуду. Навсегда.

Она стояла, наклонившись над кроватью, и слезы гнева туманили ее глаза. Ари лежал молча.

— Когда-нибудь вам действительно кто-то станет нужен, и это будет ужасно: вы же не способны просить о помощи.

— Вы хотели куда-то идти? — спросил Ари.

— И пойду. Можете меня больше не ждать. Сестра Фремонд сделала свое дело. Через пару дней придет кто-нибудь из Пальмаха. Ничего с вами не случится.

Она резко обернулась и распахнула дверь.

— Китти, вы тут много наговорили, но я так и не понял: каким все-таки должен быть ваш герой?

— Он должен уметь плакать. Мне жаль вас, Ари Бен Канаан.

В то же утро Китти уехала из Далият-эль-Кармеля.

ГЛАВА 19

Два дня Брюс Сазерленд ждал Китти в гостинице «Сион» в Хайфе. Никогда она еще не была так рада встрече с ним, как теперь. После ужина Сазерленд повез ее в Гар Гакармель, еврейский район города, расположенный на склонах Кармеля.

Они пошли в ночной ресторан, из которого были видны город, гавань и залив вплоть до Акко.

— Как девочка?

— Спасибо, Брюс, гораздо лучше. Я ужасно рада, что вы приехали. — Она посмотрела вниз на огни Хайфы. — Я была здесь с Ари в первую ночь после приезда в Палестину. Помню, мы беседовали тогда о постоянном напряжении здешней жизни.

— О, евреи привыкли к этому, как американцы к бейсболу. Оттого они такие суровые.

— Эта страна стала частью моей души, и мне трудно рассуждать трезво. Чем больше я пытаюсь разобраться, тем сильнее берут верх чувства. На меня словно действуют

какие-то необъяснимые чары. Надо бежать отсюда, пока не поздно.

— Китти, могу вас порадовать: Дов в безопасности. Он скрывается в Мишмаре. Карен я об этом еще не сказал.

— По-моему, ей нужно об этом знать. Брюс, что теперь будет?

— Кто знает...

— Думаете, ООН уступит арабам?

— Наверное, будет война.

На сцене протрубил горн. Вышел конферансье, рассказал несколько анекдотов на иврите и представил публике рослого, красивого сабру с черными усами. На нем была обычная белая рубашка с отложным воротничком, вокруг шеи тоненькая цепочка со звездой Давида. Он настроил гитару и спел песню о возвращении на Землю Обетованную.

— Я должна знать, что будет с Ган-Дафной.

— Арабы могут собрать войско из пятидесяти тысяч палестинцев и двадцати тысяч добровольцев из-за рубежа. Там есть некий Кавуки, который возглавлял добровольцев еще в довоенные годы. Он снова собирает головорезов. Арабам гораздо проще достать оружие, чем евреям, у них кругом друзья.

— А остальные?

— Остальные? Египетская армия — около пятидесяти тысяч человек. У Ирака примерно столько же. Саудовская Аравия тоже выделит войска, которые волеются в египетскую армию. Сирия и Ливан выставят около двадцати тысяч. У Трансиордании есть Легион. Превосходные солдаты, хорошо вооруженные. По современным меркам арабские армии нельзя назвать первоклассными, но у них много частей с современной артиллерией, танками, авиацией.

— Вы ведь, кажется, советник Хаганы, Брюс. Что вы им сказали?

— Я им предложил создать оборонительную линию между Тель-Авивом и Хайфой и попытаться всеми силами удержать эту полосу. Потому что оборотная сторона медали, Китти, довольно неприглядна. У евреев четыре или пять тысяч пальмахников, на бумаге в Хагане числится около пятидесяти тысяч бойцов, но у них не более десяти тысяч винтовок. Маккавеи тоже соберут тысячу человек, не больше, и то — слабо вооруженных. У евреев нет артиллерии, военно-воздушные силы состоят из трех дряхлых «пайперов», а флот — из лоханок, на которых они переправляли нелегаль-

ных иммигрантов. Если говорить об армии, то у арабов превосходство сорок к одному, в населении — сто к одному, в снаряжении — тысяча, а в территории — пять тысяч к одному. Тем не менее Хагана отвергла мое предложение. Они собираются бороться за каждый мошав, за каждый кибуц, за каждый населенный пункт. Это касается и Ган-Дафны. Продолжать?

— Не надо, — сдавленным голосом ответила Китти. — С меня хватит. Не странно ли, Брюс? Как-то я провела ночь с молодыми пальмахниками на горе Табор, и у меня появилось чувство, что эти люди непобедимы, что они солдаты самого Бога. На меня сильно действуют свет костра и луна.

— На меня тоже, Китти. Все, чему я учился, весь мой военный опыт говорит о том, что евреи не могут победить. Но когда посмотришь, какие они чудеса совершили в этой стране, то оказывается, что ты не реалист, если не веришь в чудеса.

— О, Брюс, если бы я могла в них поверить!

— А что за армия у евреев! Парни и девушки без оружия, без знаков отличия и воинской формы, без жалованья. Командующему Пальмахом тридцать лет, а командирам трех его бригад нет и двадцати пяти. Да, есть вещи, которые невозможно понять, и арабам придется считаться с ними. Евреи готовы отдать свою кровь до последней капли. А сколько крови готовы отдать арабы?

— Неужели они победят? Вы верите, что они победят?

— Назовите это Божьим вмешательством, если вам так нравится, или скажем лучше, что у евреев хоть отбавляй Ари Бен Канаанов.

Наутро Китти вернулась в Ган-Дафну. Она удивилась, когда застала в своем кабинете Иордану. Рыжая девушка чувствовала себя неловко.

— Вы зачем пришли, Иордана? — холодно спросила Китти. — У меня масса дел.

— Мы слышали, что вы сделали для Ари, — смущенно пробормотала та, — и я хочу поблагодарить вас.

— Вот как? Я вижу, ваша разведка хорошо работает. Мне очень жаль, что пришлось отложить отъезд.

Иордана заморгала и ничего не ответила.

— Впрочем, лично вы мне ничем не обязаны, — добавила Китти. — Для раненого пса я сделала бы то же самое.

Китти снова стала готовиться в путь. Однако доктор Либерман уговорил ее остаться на несколько недель. Алия Бет доставила новую партию детей, а с ними новый персонал, который требовалось обучить. Жилье для вновь прибывших строилось невероятными темпами. Многие дети были в очень тяжелом состоянии: они провели в лагерях для перемещенных лиц два года.

Но время шло быстро. Вскоре до отъезда Китти и Карен из Ган-Дафны и Палестины осталось два дня.

К концу августа 1947 года комиссия ООН представила два плана. Каждый из них предусматривал раздел Палестины на отдельные еврейскую и арабскую территории, для Иерусалима же предлагался международный статус. Комиссия призвала разрешить иммиграцию шести тысяч евреев в месяц из лагерей для перемещенных лиц, а также к отмене запрета на продажу им земли.

Евреи просили, чтобы в их территорию включили пустыню Негев. У арабов были миллионы квадратных миль невозделанной земли. Евреи же добивались этой небольшой, в несколько тысяч квадратных миль, полосы, надеясь, что им удастся ее освоить. Комиссия ООН дала согласие.

Устав от полувековых препирательств, Еврейский национальный совет и Всемирная сионистская организация заявили, что идут на компромисс. Выделенные им земли даже после включения Негева больше походили на обрезки, чем на территорию, где можно создать жизнеспособное государство. Это были, в сущности, три полосы, соединенные между собой узкими коридорами, словно связка сосисок. Евреи теряли свою извечную столицу Иерусалим. Им оставляли те части Галилеи, которые они отвоевали у болот, Саронскую долину и пустыню Негев. Но бороться дальше не имело смысла. Евреи согласились на предложения комиссии и направили свой ответ в ООН.

Арабы тоже ответили. Раздел Палестины — это война, сказали они.

Несмотря на угрозы арабов, комиссия представила план раздела Генеральной Ассамблее ООН, сессия которой должна была состояться в Нью-Йорке в середине сентября.

Китти предусмотрела каждую мелочь. Снова наступил канун ее отъезда с Карен. Утром Брюс отвезет их в аэропорт, а вечером они полетят в Рим. Багаж отправили заранее пароходом. В коттедже осталась только ручная кладь.

Китти сидела за столом и раскладывала последние истории болезни. Оставалось закрыть шкаф на ключ и выйти из кабинета — навсегда. Она открыла первую папку, достала историю болезни и прочитала свои записи.

Минна (фамилия неизвестна), возраст — 7 лет. Родилась в Освенциме. Родители неизвестны. Предположительно из Польши. Доставлена Алией Бет в начале года. Прибыла в Ган-Дафну ослабленной, физически и психически больна...

Роберт Дюбюз, возраст — 16 лет, французский подданный. Найден английскими войсками в лагере Берген-Бельзен. В тринадцать лет весил двадцать девять килограммов. На его глазах умерли отец, мать и брат. Сестру, впоследствии покончившую с собой, забрали в публичный дом. Нелюдим, агрессивен...

Самуил Каснович, возраст — 12 лет. Из Эстонии. Родственники неизвестны. Жил в семье христиан, затем два года скрывался в лесу...

Роберто Пуччели, возраст — 12 лет. Из Италии. Родственники неизвестны. Освобожден из Освенцима. Рука искалечена в результате побоев...

Марсия Класкин, возраст — 13 лет. Из Румынии. Родственники неизвестны, вывезена из Дахау...

Ганс Бельман, возраст — 10 лет. Из Голландии. Родственники неизвестны. Вывезен из Освенцима...

Родных в живых не осталось...

Снятся те же сны, что и большинству людей из Освенцима: будто укладывает чемодан. Это символизирует смерть: чемоданы обычно укладывали накануне отправки в газовые камеры Биркенау...

Сны об удушливом дыме, символизирующем запах горелого мяса в крематориях...

Мочится под себя...

Проявляет агрессивность...

Кошмары...

Крайне нелюдима...

Китти достала копию письма, отправленного когда-то Харизет Зальцман.

«Дорогой друг!

Вы как-то спрашивали, чем объяснить то, что мы добиваемся таких поразительных результатов у детей, находящихся на грани безумия. Так вот, я думаю, вы не хуже меня знаете, в

чем тут дело. Вы сами подсказали мне ответ в тот день, когда мы познакомились в Иерусалиме. Это чудодейственное средство называется «Эрец Исраэль». Кажется невероятным, до чего дети здесь сильны духом. Они мечтают лишь об одном: жить и сражаться за свою страну. Я никогда не видела такой энергии и такого подъема у взрослых, не говоря уже о детях».

Китти Фремонт убрала картотеку в шкаф. Встала, оглядела кабинет, затем быстро потушила свет и вышла. У подъезда она остановилась. Наверху, на полпути к Форт-Эстер, горел большой костер. Дети из Гадны, десяти-, двенадцати- и четырнадцатилетние бойцы, должно быть, поют там и пляшут хору.

Она зажгла фонарик и пошла по газону. В ее отсутствие вырыли новые окопы. У домиков, где жили дети, построили просторные бомбоубежища.

Статуя Дафны по-прежнему стояла на посту.

— Шалом, гиверет Китти, — радостно крикнули ей ребята, промчавшиеся мимо.

Она отперла дверь коттеджа. Чемоданы стояли около двери. На всех уже были ярлыки. Пустая комната производила тягостное впечатление.

— Карен, ты дома?

На кухонном столе лежала записка.

«Дорогая Китти!

Ребята захотели устроить мне прощальный костер. Скоро приду. Целую.

Карен»

Китти закурила и принялась ходить по комнате. Она задернула шторы, чтобы не видеть огней в долине, и вдруг поймала себя на том, что не выпускает из рук занавеску, которую подарили ей дети, прощаясь несколько недель назад. Добрый десяток из них уже оставили Ган-Дафну и ушли в Пальмах, эту миниатюрную армию евреев.

В комнате стояла духота. Она вышла к калитке. В саду благоухали розы. Китти пошла мимо коттеджей, окруженных газонами, кустами и деревьями. Она дошла до конца дорожки, затем повернула обратно. В коттедже Либермана горел свет.

Бедный старик, подумала Китти. Его сын и дочь оставили университет и служат в Пальмахе, в бригаде Негева. Она подошла к двери и постучала. Экономка, такая же старая и чудаковатая, как и сам Либерман, провела ее в кабинет.

Старый горбун сидел и списывал с черепка древнееврейский текст. Из приемника слышались негромкие звуки симфонии Шумана. Доктор Либерман поднял голову и, увидев Китти, положил лупу на стол.

— Шалом, — сказала Китти.

Он улыбнулся. Никогда раньше она не здоровалась по-еврейски.

— Шалом, Китти, — ответил он. — Какое это чудесное слово и как оно подходит для прощания добрых друзей.

— Действительно чудесное, и еще лучше подходит, чтобы здороваться.

— Китти, дорогая...

— Да, доктор Либерман, шалом. Я остаюсь в Ган-Дафне. Мое место здесь.

Книга четвертая

ВОСПРЯНЬ ВО СЛАВЕ

*Помилуй меня, Боже, помилуй меня;
ибо на Тебя уповает душа моя, и в тени крыл Твоих
я укроюсь, доколе не пройдут беды.
Воззову к Богу Всевышнему, Богу,
благодетельствующему мне;
Он пошлет с небес и спасет меня;
посрамит ищущего поглотить меня;
пошлет Бог милость Свою и истину Свою.*

*Душа моя среди львов; я лежу среди дышащих
пламенем, среди сынов человеческих, у которых зубы —
копья и стрелы, и у которых язык — острый меч...
Приготовили сеть ногам моим; душа моя поникла;
выкопали передо мной яму, и сами упали в нее...
Воспрянь, слава моя...
Я встану рано.*

Пс. 56, 2 — 5,7,9

ГЛАВА 1

Осень 1947, ООН, Нью-Йорк

Шеститысячелетняя судьба еврейского народа была поставлена на суд человеческой совести.

Хаим Вейцман от имени Всемирного сионистского движения и Барак Бен Канаан, один из ведущих политических деятелей ишува, направились во главе делегации из двенадцати человек в Нью-Йорк. Эти люди, наученные долгим горьким опытом, не строили себе никаких иллюзий.

В номере доктора Вейцмана, в центре Манхаттана, был создан информационный штаб. Делегаты стремились привлечь на свою сторону как можно больше голосов. Вейцман поставил перед собой цель расшевелить евреев во всем мире и заставить их повлиять на свои правительства.

Барак Бен Канаан работал без лишнего шума. Он был обязан следить за ежечасно меняющимся соотношением сил, анализировать ситуацию и обнаруживать слабые места противников.

После обычной дискуссии о процедуре на повестку дня был поставлен палестинский вопрос. Арабы явились в ООН, уверенные в победе. Они добились принятия в ООН двух мусульманских государств: Афганистана и средневекового королевства Йемен. Это увеличило число голосов их блока на Генеральной Ассамблее до одиннадцати. Эти страны не принимали активного участия в борьбе против гитлеровской Германии, а вступили в войну только в последний момент и тем обеспечили себе места в Организации Объединенных Наций. Палестинское еврейство, внесшее важный вклад в победу союзников, не имело права голоса.

Арабы пользовались своими одиннадцатью голосами как приманкой для малых стран. В обмен на голос, отданный против раздела Палестины, они предлагали свою поддержку

при голосовании по множеству других вопросов, стоявших в повестке дня.

Арабы также воспользовались холодной войной между гигантами США и Советским Союзом, хитро натравливая их друг на друга. С самого начала было ясно, что резолюция о разделе Палестины пройдет лишь в случае, если обе сверхдержавы дадут на это согласие. До этого мнения Соединенных Штатов и Советского Союза ни разу не сходились, и было маловероятно, что они сойдутся сейчас.

Чтобы резолюция о разделе Палестины прошла, требовалось большинство в две трети голосов. Значит, для того, чтобы уравновесить одиннадцать арабских голосов, евреям нужно было набрать двадцать два и, кроме того, перекрывать каждый новый голос в пользу арабов двумя другими. Арабы нуждались всего в шести дополнительных голосах, чтобы провалить резолюцию. Имея в запасе такой козырь, как нефть, они надеялись без труда получить их.

Мировая печать стояла в большинстве своем за раздел.

Идею поддерживали Смагс, делегат Южно-Африканского Союза, и Масарик, известный своим либерализмом представитель Чехословакии. Можно было твердо рассчитывать на поддержку датчан, норвежцев и некоторых других членов ООН. Многие страны также сочувствовали разделу.

И вдруг четыре великие державы, самые влиятельные, бросили палестинских евреев на произвол судьбы.

Франция, которая открыто содействовала нелегальной иммиграции в Палестину, вдруг повела осторожную линию: зашевелились арабы ее колоний Марокко, Туниса и Алжира. Французский голос за раздел Палестины мог вызвать в этих странах осложнения.

У Советского Союза были свои соображения против раздела. Двадцать лет назад сионизм был поставлен в СССР вне закона. Свобода совести, гарантированная на словах, в действительности не существовала. Не было еврейской печати и еврейских школ, на всю Москву осталась одна синагога. Подобными мерами большевики надеялись вытравить еврейское самосознание у новых поколений. Сионизм и создание еврейского государства могли напомнить советским евреям о том, что они евреи, и поэтому СССР был против раздела Палестины. Мощный блок славянских государств следовал, конечно, за ним.

Однако наиболее чувствительный удар нанесла евреям позиция Соединенных Штатов. Президент, печать и кон-

гресс — все сочувствовали им, но политические интересы вынудили США занять двусмысленную позицию.

Поддержать раздел Палестины значило бы вогнать клин в самый фундамент западного единства, нарушить англо-американскую солидарность. Великобритания все еще господствовала на Ближнем Востоке; внешняя политика США шла рука об руку с британской. Голосовать за раздел Палестины было все равно что бросить открытый вызов Великобритании. Соединенным Штатам угрожала и другая, куда более серьезная опасность. Арабы грозились, что в случае принятия резолюции начнут войну. Если дело дойдет до войны, то Объединенным Нациям придется принять меры для обеспечения мира. Значит, Советский Союз и его сателлиты смогут послать своих солдат на Ближний Восток, пусть даже в составе войск ООН. Этого американцы боялись больше всего и потому предпочитали препятствовать разделу.

Из четырех великих держав Великобритания была самым решительным и опасным противником. Когда англичане поставили вопрос о мандате на обсуждение Объединенных Наций, они рассчитывали, что ООН не сможет принять никакого решения и попросит Великобританию остаться в Палестине. Затем, однако, в Палестину поехала специальная комиссия ООН, которая провела расследование и представила доклад, весьма неблагоприятный для Великобритании. Вдобавок мир узнал благодаря этому докладу, что стотысячная британская армия так и не сумела справиться с Хаганой, Пальмахом, маккавеями и Моссадом Алия Бет, а это нанесло сильный удар по британскому престижу.

Великобритания стремилась удержать господство на Ближнем Востоке, а для этого англичанам надо было вести проарабскую линию и не допускать раздела Палестины. Зная об опасениях Соединенных Штатов по поводу возможного вторжения русских, они заявили, что отзовут свой гарнизон в августе 1948 года и откажутся предоставить войска для проведения в жизнь резолюции ООН по палестинскому вопросу, если таковая будет принята. Нейтрализовав таким образом Соединенные Штаты, Англия добилась от стран Британского содружества обещания, что они воздержатся при голосовании, и сверх того начала давление на малые европейские страны, связанные с ней экономически. Бельгия, Голландия и Люксембург не устояли против английского нажима. Другие страны, на поддержку которых могли рассчитывать евреи, тоже начали колебаться.

Позиция стран Азии была неопределенной, они меняли ее чуть ли не каждый час. Но можно было предполагать, что азиатские делегации примут сторону арабов, хотя бы для того, чтобы продемонстрировать перед западным миром свою неистребимую ненависть к колониализму и империализму.

Греция питала к арабам сильнейшую неприязнь, но около ста пятидесяти тысяч греков жили в Египте. Египет не скрывал, что, если Греция будет голосовать за раздел Палестины, этих людей постигнет печальная участь.

Эфиопия не питала к Египту особой симпатии, но была связана с ним географически и экономически.

Ромуло, представитель Филиппин, выступал против раздела.

Представитель Колумбии открыто занимал антиеврейскую позицию.

Страны Центральной и Южной Америки составляли треть общего количества голосов в Организации Объединенных Наций. Большинство их было совершенно не заинтересовано в результате голосования и придерживалось нейтральной позиции. Палестинские евреи хотели, чтобы столицей их государства стал Иерусалим; они чувствовали, что иначе еврейское государство будет телом без сердца. Страны Центральной и Южной Америки были преимущественно католическими. Ватикан стоял за предоставление священному городу международного статуса. Если евреи будут настаивать на Иерусалиме, они могут потерять все латиноамериканские голоса.

Однако палестинские евреи продолжали бороться, надеясь на чудо, которое одно могло помочь им в безвыходном положении. Вейцман и Бен Канаан не допускали стратегических ошибок и не приходили в отчаяние от частых и резких перемен в соотношении сил.

Главным оружием евреев стала правда. Все, что установила комиссия ООН в Палестине, было правдой: англичане правят деспотически, арабы, несмотря на все попытки пустить пыль в глаза, так и не сумели преодолеть свою культурную, экономическую и социальную отсталость. В еврейских городах, возникших среди песков, в цветущих еврейских полях, отвоеванных у пустыни, была правда упорного труда, правда непрерывного поиска, правда еврейского Исхода.

Гранадос из Гватемалы, Пирсон из Канады, Эватт из Австралии, Масарик из Чехословакии, Сматс из Южной Аф-

рики, Фабрегат из Уругвая и еще несколько представителей других стран не давали умереть этой правде.

В ноябре 1947 года случилось «Лейк-Саксесское чудо». Все началось с осторожного заявления представителя Соединенных Штатов о пользе раздела. Затем последовало заявление, изумившее весь мир. После двадцатилетнего преследования сионизма Советский Союз сделал крутой поворот и выступил в пользу раздела.

Весть об этом была предана гласности после секретного совещания представителей славянских стран. Вышинский произнес проникновенную речь о реках пролитой еврейской крови и справедливости еврейских чаяний обрести отечество.

В действительности за гуманными разговорами скрывался ловкий маневр. Во-первых, русские не доверяли арабам. Они понимали, что арабский гнев — только слова; можно проголосовать сегодня за резолюцию о разделе Палестины, а завтра, если понадобится, снова купить поддержку арабов. Советы были заинтересованы в том, чтобы заклеить Великобританию как тирана и одновременно сделать дальновидный политический ход, который позволил бы им впоследствии обосноваться на Ближнем Востоке. Москва понимала, что, если она проголосует за раздел, Соединенным Штатам не остается ничего другого, как сделать то же: в противном случае американцы предстали бы перед миром в весьма неприглядном виде. В свою очередь, американская поддержка резолюции неизбежно нанесет удар по англо-американскому единству. И наконец, Советский Союз мог поднять свой престиж, продемонстрировав гуманность. Таким образом евреи неожиданно нашли союзников там, где меньше всего их искали. Когда обе великие державы сделали заявление в пользу раздела, по кулуарам ООН поползли самые невероятные слухи, и их с каждым часом становилось все больше.

Гигантская игра продолжалась. Во время этих драматических маневров делегат Гватемалы Гранадос и канадский представитель Пирсон неожиданно превратились в решающие фигуры. Неустанными усилиями они добились крупнейшей дипломатической победы: представители США и СССР встретились на устроенной ими конференции и выработали совместное заявление о безоговорочной поддержке резолюции о разделе Палестины.

Арабы сделали последнюю отчаянную попытку не до-

пустить голосования резолюции на Генеральной Ассамблее. Для решения вопроса о том, ставить ли резолюцию о разделе на голосование Генеральной Ассамблеи, требовалось, правда, только обычное большинство. Но результаты этого предварительного голосования должны были показать, каково соотношение сил на Ассамблее. Решение поставить резолюцию о разделе на голосование было принято, но результаты показали евреям катастрофическими: 25 голосов за, 13 против, 17 стран воздержались, а две отказались голосовать. Если так же пройдет голосование по самой резолюции, то евреям не видать большинства в две трети. Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды и Новая Зеландия воздержались, Парагвай и Филиппины не высказывали своей позиции.

Арабы решили, что евреям не собрать нужного большинства. Уверенные в победе, они теперь сами настаивали на том, чтобы вопрос о разделе был поставлен на голосование Ассамблеи.

Среда, 27 ноября 1947

Бурные прения подходили к концу. Делегация ишува сидела на специально выделенных для нее местах в зале заседаний Генеральной Ассамблеи. Ее члены выглядели так, словно их привели на казнь. По мере того как прения подходили к концу, перспективы становились все мрачнее.

Греки, вместо того чтобы, как ожидали евреи, воздержаться от голосования, ясно высказывались против раздела — опасения за судьбу земляков, проживающих в Египте, брали верх.

Филиппинцы, на которых надеялись, что они воздержатся из уважения к американцам, высказывались против.

Гаитяне вдруг спохватились, что у них нет ясных инструкций. Либерия заняла неопределенную позицию, а Сиам прямо перешел на сторону арабов.

Для евреев это была черная среда.

В конце дня их друзья приняли отчаянное решение: прибегнуть к обструкции с целью отложить голосование. Завтра — День благодарения, американский национальный праздник. Выходной дает евреям драгоценные двадцать четыре часа, которые они смогут использовать на вербовку нужных голосов. Ораторы стали произносить нескончаемые речи, и заседание было отложено.

Еврейская делегация собралась на совещание, и все заговорили разом.

— Тише! — рявкнул Барак. — У нас в запасе двадцать четыре часа. Давайте без паники.

Вошел взволнованный Вейцман.

— Я только что получил телеграмму из Парижа. Леон Блюм лично агитирует, чтобы французы голосовали за нас.

Это была хорошая новость: бывший французский премьер-министр, еврей по происхождению, все еще пользовался большим влиянием.

— А что, если мы обратимся к Штатам, чтобы они надали на Грецию и Филиппины?

Делегат, сотрудничавший с американцами, покачал головой:

— Трумэн отдал категорический приказ не оказывать давления на другие делегации. Американцы не сдвинутся с этой позиции.

— Нашел время для щепетильности!

Зазвонил телефон. Вейцман поднял трубку.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. Затем, прикрыв трубку ладонью: — Это Шмуэль из южного района... Да... хорошо... Шалом.

Он положил трубку на рычаг.

— Эфиопы согласились воздержаться, — сообщил он.

До этого все думали, что Эфиопия под нажимом соседнего Египта будет голосовать против раздела. Решение воздержаться от голосования было актом большого мужества со стороны императора Хайле Селассие.

Постучался и вошел в комнату корреспондент газеты, сочувствующий евреям.

— Я подумал, друзья, что вам небезынтересно будет узнать: в Сиаме произошел переворот, его делегация отозвана.

Весть о потере арабами еще одного голоса была встречена ликующими восклицаниями.

Барак пробежал по памяти список делегаций — он уже знал его наизусть — и прикинул, что получается:

— Если Гаити и Либерия будут за нас, да еще и Франция, то, может быть, проскочим.

Было еще рано радоваться. Они взвешивали каждый голос, так как не могли позволить себе потерять даже единственный.

В дверь опять постучали, и вошел их главный союзник, делегат Гватемалы Гранадос. В его глазах стояли слезы.

— Президент Чили только что прислал личные инструкции своей делегации: велено воздержаться. Руководитель делегации в знак протеста тут же подал в отставку.

— Не может быть! — воскликнул Вейцман. — Президент — почетный председатель организации чилийских сионистов.

Это было тяжелое известие. Что заставило чилийского президента принять такое решение? И что еще произойдет в ближайшие двадцать четыре часа?

Пятница, 29 ноября 1947

Удар молотка. Заседание Генеральной Ассамблеи ООН объявлено открытым.

— При голосовании проекта резолюции о разделе Палестины мы будем вызывать каждую делегацию по списку отдельно. Для принятия резолюции требуется большинство в две трети голосов. Делегаты будут отвечать: «за», «против» или «воздержался».

В огромном зале воцарилась торжественная тишина.

— Афганистан.

— Афганистан голосует против.

Евреи потеряли первый голос. Барак сделал отметку в своем списке.

— Аргентина.

— Правительство Аргентины предпочитает воздержаться.

— Надо что-то делать с этими воздерживающимися. Они убьют нас, — шепнул Барак.

— Австралия...

Все подались вперед. Эватт, первый представитель страны, входящей в Британское содружество наций, поднялся и произнес:

— Австралия голосует за раздел.

По залу пронесся шепот. Вейцман нагнулся к Бараку:

— Как по-твоему? Можно ли считать, что это общее мнение Содружества?

— Давай считать каждого отдельно, пока трудно сказать.

— Бельгия.

— Бельгия голосует за раздел.

Опять шепот. На предыдущем голосовании Бельгия воздержалась, но, видно, в последний момент ее делегат Спаак пренебрег давлением англичан.

- Боливия.
- Боливия голосует за раздел.
- Бразилия.
- Бразилия поддерживает раздел.

Южноамериканские страны держались дружно. Следующей была страна, чей голос имел решающее значение. Если Советский Союз замыслил подвох, в следующую минуту об этом узнает весь мир.

- Белоруссия.
- Белоруссия голосует за раздел.

У евреев вырвался вздох облегчения. Славянский блок с ними. Это хорошее предзнаменование.

- Канада.

Лестер Пирсон поднялся и сказал твердо:

- Канада голосует за раздел.
- Чили.

Вместо главы делегации, подавшего в отставку, поднялся другой ее представитель:

— Чилийская делегация получила распоряжение воздержаться.

- Китай.

Китай, мечтающий установить свою гегемонию над Азией, не захотел идти против мусульман Индии и Пакистана.

- Китай воздерживается.

Это был удар для евреев.

- Коста-Рика.

Арабы пытались подкупить делегата Коста-Рики, посулив ему свои голоса при выборах на важный пост в ООН. Он встал, посмотрел в сторону египетской делегации:

- Коста-Рика голосует за раздел.

Неподкупный человек улыбнулся и сел.

- Куба.

— Куба голосует против раздела.

Это был совершенно неожиданный удар.

- Чехословакия.

— Чехословакия голосует за раздел, — четко сказал Ян Масарик.

- Дания поддерживает раздел.

— Доминиканская Республика голосует за раздел.

— Египет голосует против и вообще не признает этого вопиющего нарушения его законных прав.

Раздался удар молотка. После гневной вспышки египтянина в зале не сразу воцарилась тишина.

— Эквадор.

— За.

— Эфиопия.

— Эфиопия воздерживается.

Головы арабских делегатов повернулись в сторону эфиопа. Сириец даже сердито погрозил ему кулаком.

— Франция.

Наступила очередь одной из четырех великих держав. Поднялся ее представитель Пароди. Если Франция воздержится, это может иметь для евреев роковые последствия.

— Французская Республика голосует за раздел, — сказал Пароди голосом, в котором звучало нескрываемое удовлетворение.

В зале возбужденно зашептались. Впервые еврейские делегаты поняли, что чудо и впрямь может совершиться.

— Гватемала.

Поднялся Гранадос, сторонник раздела.

— За, — сказал он.

— Греция.

— Греция голосует против раздела.

— Гаити.

Делегация Гаити, чей голос чрезвычайно важен, уже два дня не получала инструкций.

— Только что получено указание правительства голосовать за раздел.

— Гондурас.

— Гондурас предпочитает воздержаться.

— Исландия.

— Исландия голосует за раздел.

Самая древняя республика в мире помогала созданию самой молодой.

— Индия.

— Индия голосует против раздела.

— Иран.

— Иран голосует против раздела.

— Ирак.

— Ирак голосует против и никогда не признает права евреев. Этот день может привести к ужасному кровопролитию. Мы голосуем против.

— Ливан.

— Ливан голосует против раздела.

— Каково соотношение? — тихо спросил Вейцман у Барака.

— Пятнадцать за, восемь против, семь воздержались.

Это был не очень обнадеживающий результат. До двух третей не хватало одного голоса, а количество воздерживающихся все росло.

— Ну что скажешь, Барак?

— Подойдет очередь латиноамериканцев, тогда узнаем точно.

— Нужно вырваться вперед. Почти половина проголосовала, а ничего не определилось, — сказал Вейцман.

— Либерия.

— Либерия голосует за раздел.

— Люксембург.

Еще одна небольшая страна из британской сферы влияния.

— Люксембург голосует за раздел.

Опять не сработал английский нажим. У ишува был теперь голос в запасе.

— Мексика.

— Мексика воздерживается.

Делегаты ишува напряглись.

— Нидерланды.

— Нидерланды голосуют за раздел.

— Новая Зеландия.

— Новая Зеландия голосует за.

— Никарагуа — за.

— Норвегия — за.

— Пакистан голосует против раздела.

Следующие голоса были решающими.

— Панама.

— Панамская Республика голосует за раздел.

— Парагвай.

— Парагвай только что получил указание не воздерживаться, вернее, голосовать за раздел.

— Перу.

— Перу поддерживает раздел.

— Филиппины.

Все затаили дыхание. Председатель делегации Ромуло был отозван из Нью-Йорка. Поднялся его заместитель.

— Филиппины голосуют за раздел.

Опять пронесся шепот. Члены еврейской делегации ошеломленно смотрели друг на друга.

— Боже мой! — воскликнул Барак. — Кажется, проскочили!

— Польша.

— Польша голосует за раздел.

Эта страна искупила в какой-то мере вековые преследования евреев.

Представитель Сиама отсутствовал.

— Саудовская Аравия.

Закутанный в белые одежды араб полным ненависти голосом высказался против раздела.

— Швеция.

— Швеция — за раздел.

Наступил последний раунд. Арабы были прижаты к стене.

— Сирия — против.

— Турция голосует против раздела.

Барак быстро прикинул итоги голосования. У арабов оставался некоторый шанс. На их стороне двенадцать голосов и еще один верный впереди. Если теперь случится что-нибудь непредвиденное, все может пойти насмарку.

— Украина.

— За.

— Южно-Африканский Союз.

— За.

— Союз Советских Социалистических Республик.

Встал Вышинский.

— Союз Советских Социалистических Республик голосует за раздел.

— Соединенное Королевство Великобритании.

Зал затих. Британский делегат встал, осмотрел громадное помещение. Он оказался в одиночестве. Страны Содружества покинули его, Франция — тоже, США — и те покинули.

— Правительство Его Величества предпочитает воздержаться, — сказал англичанин срывающимся голосом.

— Соединенные Штаты Америки.

— Соединенные Штаты Америки голосуют за раздел.

Все кончилось. Корреспонденты помчались к телефонам, чтобы оповестить мир о результатах голосования; как только выступила последняя делегация. Йемен дал арабам тринадцатый голос. Югославия воздержалась, ей приходилось считаться со своим довольно многочисленным мусульманским населением. Профессор Фабрегат, представитель

Уругвая, и делегат Венесуэлы подали в поддержку резолюции о разделе тридцать второй и тридцать третий голоса.

В Тель-Авиве безудержно ликовали: евреи одержали невероятную победу. Арабы набрали всего тринадцать голосов, из которых одиннадцать принадлежали мусульманским странам. Двенадцатый голос, полученный в результате шантажа, принадлежал Греции. Тринадцатым был голос Кубы, которую арабам удалось убедить неизвестным способом.

Члены делегации, добившиеся победы в нью-йоркском небоскребе, были реалисты. Долго ликовать не придется. Бен Гурион и вожди ишува знали, что для достижения государственной независимости требуется еще одно, даже еще большее чудо, ибо на устах всех арабов был один и тот же исступленный призыв: «Долой жидов!»

ГЛАВА 2

Куатли, президент Сирии: «Мы будем биться насмерть за Палестину!»

Каирская газета «Аль-Культа»: «Пятьсот тысяч иракцев готовятся к священной войне. Сто пятьдесят тысяч сирийцев пойдут через палестинские границы, а могущественная египетская армия сбросит евреев в море, если они посмеют провозгласить независимость своего государства».

Джамиль Мардам, премьер-министр Сирии: «Братья мусульмане, перейдем от слов к делу! Вставайте все! Истребим сионистскую заразу!»

Ибн-Сауд, король Саудовской Аравии: «Нас, арабов, пятьдесят миллионов. Что страшного, если мы потеряем даже десять миллионов, чтоб уничтожить всех евреев? Игра стоит свеч».

Селех Гарб-паша, вождь мусульманской молодежи: «Обнажим мечи против евреев! Смерть им! Победа будет за нами!»

Шейх Хасан эль-Баннах, вождь мусульманского братства: «Все арабы поднимутся, чтобы истребить евреев! Мы заполним море их трупами!»

Акрам Яуитар, представитель иерусалимского муфтия: «Пятьдесят миллионов арабов будут драться до последней капли крови».

Хадж Эмин эль-Хусейни, муфтий Иерусалима: «Я объ-

являю священную войну, братья мусульмане! Бей евреев! Убивайте всех до единого!»

Ацам-паша, генеральный секретарь Арабской лиги: «Это будет война на тотальное уничтожение, гигантская резня, память о которой останется в веках, как и о монгольской резне».

Арабские руководители, арабская печать и радио использовали примерно одни и те же выражения.

Первого декабря 1947 года, на другой день после принятия резолюции ООН, доктор Халиди, глава Арабского исполнительного комитета в Палестине, объявил всеобщую забастовку. Разъяренная чернь бросилась громить все подряд. Она врвалась в еврейские торговые кварталы Иерусалима, грабила и совершала поджоги на глазах безучастных британских солдат.

В Алеппо, Адене, во всем арабском мире толпы громили еврейские гетто и убивали, насиловали, грабили.

Вместо того чтобы сформировать международные полицейские силы для обуздания громил, Объединенные Нации ограничились созданием комитетов и бесконечными разговорами. Казалось, что ООН в самом деле верит, будто раздела можно добиться без единого выстрела.

Евреи смотрели на вещи трезво. Есть законное основание для создания независимого еврейского государства, это правда. Но если евреи провозгласят его независимость после вывода британских войск, им придется воевать с арабами.

Мог ли народ, насчитывающий всего полмиллиона, к тому же плохо вооруженный, устоять против пятидесяти миллионов врагов? Ведь придется иметь дело не только с арабами, живущими в Палестине, но и с армиями всех арабских государств.

Хаим Вейцман занялся мобилизацией сионистов всего мира на сбор средств для покупки оружия. Барак Бен Канаан остался в Лейк-Саксесе, чтобы в качестве главы еврейской делегации бороться за каждый пункт проекта о разделе.

Теперь весь мир тревожил вопрос, провозгласят ли евреи независимость?

Арабы не собирались медлить с ответом. Не пуская в ход регулярные войска, они принялись создавать всевозможные «армии освобождения», состоявшие якобы из добровольцев, и доставляли палестинским арабам горы оружия.

Хадж Эмин эль-Хусейни, нацистский прихвостень, снова оказался не у дел. Он разместил свой штаб в Дамаске.

Деньги для палестинских «добровольцев» собирали по всему Ближнему Востоку. Старый разбойник Кавуки вновь стал «генералиссимусом». В свое время, когда раскрыли его роль в заговоре сдать Ирак гитлеровцам, Кавуки пришлось бежать. Он провел годы войны в Германии, женился там, и только благодаря покровительству англичан его и самого муфтия не судили как военных преступников.

Агенты Кавуки набрали в значных местах Дамаска, Бейрута и Багдада воров, убийц, разбойников, контрабандистов, промышляющих наркотиками и живым товаром. Это сборище Кавуки красочно назвал «Войском Ярмука» в честь победы, одержанной арабами много веков назад. Воинов Кавуки обучали офицеры сирийской армии. Вооруженные бандиты начали просачиваться через ливанскую, сирийскую и иорданскую границы в арабские села Палестины. В качестве главной базы они выбрали Наблус, расположенный в Самарии, к северу от Иерусалима, в местности, населенной преимущественно арабами.

Тем временем евреи по-прежнему нуждались в оружии. Англичане продолжали блокаду палестинского побережья. Они отказывали во въезде даже иммигрантам из лагерей на Кипре, где агенты Алии Бет ускоренными темпами проводили военное обучение. Агенты ишува ездили по всему миру, пытаясь достать оружие.

И тут евреям был нанесен новый удар: Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставку оружия всему Ближнему Востоку. Это эмбарго, напоминавшее бойкот республиканской Испании, боровшейся против Муссолини и Гитлера, оказывало неоценимую услугу арабам: они-то могли достать сколько угодно оружия.

В распоряжении Еврейского национального совета был, по существу, только Пальмах — четыре тысячи хорошо обученных и вооруженных бойцов. Маккавеи могли поставить под ружье еще тысячу, но брать их в расчет следовало с известной осторожностью. Кроме того, у Хаганы имелось в запасе несколько тысяч солдат, которые воевали в рядах британской армии еще во время Второй мировой войны, а также хорошая разведка и сельская оборона, созданная за два десятка лет. Противник же располагал почти неограниченными запасами живой силы и оружия.

Англичане подливали масла в огонь, надеясь, что ишув попросит о помощи и откажется от раздела. Но евреи и не думали сдаваться.

При выводе войск англичане должны были передавать крепости Тагарта той стороне, население которой преобладало в том или ином районе. Однако, как правило, британское командование передавало свои ключевые позиции арабам, даже если население было преимущественно еврейским.

Вскоре в рядах «Войска Ярмука» и других «добровольческих армий» появились бывшие солдаты вермахта.

Хагана впервые за время своего существования выступила в открытую и объявила всеобщую мобилизацию.

Долго ждать не пришлось — арабы начали военные действия. В долине Хулы были обстреляны села Эйн-Зейтим, Бирия и Амиад. Атаки отбивались без труда, но враждебные действия нарастали с каждым днем. На дорогах арабы то и дело устраивали засады.

В городах столкновения сразу приняли ожесточенный характер. В воздухе Иерусалима постоянно чувствовалась гарь. Арабы вели огонь со священных крепостных стен Старого города. На улицах, соединяющих Тель-Авив с Яффой, появились баррикады, на крышах прятались снайперы.

Хуже всего было в Хайфе. Мстя за рейды маккавеев, арабы устроили погром на нефтеочистительном заводе, где работали арабы и евреи; погибло около пятидесяти евреев.

Абдель Кадар, племянник иерусалимского муфтия, сумел организовать арабов гораздо лучше, чем Кавуки. Он понимал, что ни палестинские арабы, ни банды диверсантов не смогут вести продолжительные бои. Он понимал также, что евреи будут насмерть сражаться за каждое поселение. А ему для воодушевления своих воинов требовались легкие победы. Поэтому Кадар воздерживался от серьезных столкновений и делал все, чтобы отрезать еврейские селения от внешнего мира, устраивая нападения на транспорт.

Тактика Кадара оказалась эффективной. У арабов была полная свобода передвижения, в то время как евреям приходилось удерживать свои позиции. День за днем все больше еврейских сел попадало в осаду. Абдель Кадар сосредоточил усилия на Иерусалиме. Дорога из Тель-Авива в Иерусалим шла по горам Иудей, где на каждом шагу были арабские деревни и арабы контролировали ключевые высоты. Кадар решил обречь на голод сотысячное население Иерусалима и тем самым нанести решающий удар по ишуву.

Евреям пришлось конвоировать автоколонны бронемашинами. Но это не всегда помогало, и вся дорога на Иеру-

салим была усеяна обломками подбитых машин. В столице стало не хватать продовольствия, люди ездили в бронированных автобусах, а дети играли лишь под охраной стражей самообороны.

Руководители ишува потребовали от англичан обеспечить безопасность на шоссе Тель-Авив — Иерусалим, ссылаясь на то, что бесчеловечно обрекать мирное население на голод. Англичане отклонили просьбу.

Благодаря успешным операциям Кадара арабы быстро оттеснили ишув на весьма невыгодные позиции. Хагана распорядилась превратить каждый кибуц и мошав в небольшой Тобрук. Евреи заплатили за свою страну кровью, и арабам, если они попытаются отнять ее, придется платить тем же. Бои на дорогах стали первым этапом войны. Вопрос о том, провозгласят ли евреи независимость своего государства, по-прежнему висел в воздухе.

Ари медленно поправлялся после ранения. Это огорчало Авидана, который хотел назначить его командующим одной из бригад Пальмаха. Бригад было три: «Ханита» — «Копье» — действовала в Галилее, «Горная бригада» — в Иудее и «Крысы пустыни» — на юге.

Командирами Пальмаха были молодые ребята не старше тридцати лет, считавшие Пальмах отборным войском, чем-то вроде гвардии. Большую часть бойцов составляли юноши и девушки из кибуцев. Они и в армии оставались кибуцниками, нередко находились в политической оппозиции к национальному совету и не признавали авторитет Хаганы.

Ари Бен Канаан понимал, что необходимо придерживаться единой тактики и выполнять приказы. Дисциплинированность и умение координировать свои действия с товарищами по оружию делали весьма желательным его назначение одним из командиров Пальмаха, но Ари еще недостаточно поправился, чтобы взвалить на себя этот груз. Бригады сражались на обширной, трудно проходимой территории, условия службы были тяжелы, а нога Ари еще не зажила.

Поэтому Авидан назначил Ари командиром Хаганы в одном из жизненно важных пунктов Палестины — в его родной долине Хулы. Район, вверенный Ари, тянулся от северного берега Тивериадского озера через Сафед вдоль всей долины и включал узкую полосу между сирийской и ливанской

границами. Чуть дальше к югу, у реки Ярмук, проходила граница Иордании.

В этом районе действовали диверсанты Кавуки. К тому же было ясно: если начнется настоящая война и арабские армии нападут на Палестину, в первую очередь они атакуют долину Хулы. Войска попытаются захватить эту местность и превратить в плацдарм для захвата Галилеи.

Под контролем Ари было полтора десятка старых кибуцев, несколько мошавов и поселений, в том числе и родной Яд-Эль. Их жители вполне могли отразить нападение диверсантов и местных арабов. Села, расположенные в долине, находились так близко друг к другу, что арабы не могли отрезать их одно от другого и осадить.

Иначе обстояло дело в горах близ ливанской границы. Ключевую позицию здесь занимал Форт-Эстер. По договоренности с англичанами эта крепость должна была достаться Хагане, так как в долине Хулы преобладало еврейское население. Держа в руках Форт-Эстер, Ари мог бы отлично контролировать границу.

Ари разбил штаб в центральном кибуце Эйн-Ор, который когда-то создавал Акива. Ему подчинялись несколько сот пальмахников из бригады «Ханита», а ближайшими помощниками стали Давид, Зеев Гильбоа и Йоав Яркони. Отряды Хаганы в каждом населенном пункте были довольно сильны. В них входили все жители без исключения, как правило, хорошо обученные военному делу.

Хуже было с оружием. Каждый день командиры требовали от Ари винтовок, но он ничем не мог им помочь. Не мог дать оружия и Авидан.

Два уязвимых места волновали Ари: Ган-Дафна и Сафед. Оборона молодежного села зависела от того, передадут ли англичане Форт-Эстер евреям или нет. Пока дорога в Ган-Дафну через Абу-Йешу оставалась открыта, селу не угрожала опасность.

Что же касается Сафед, то удержать его казалось невозможным. Поэтому когда евреи приняли решение отстаивать каждый населенный пункт любой ценой, они сделали несколько исключений. Сафед стал одним из них.

Город стоял, словно остров, окруженный морем арабских сел, в которых жило не менее сорока тысяч человек. Большинство жителей Сафед состояло из каббалистов, которые ничего не понимали в военном деле. Хагана располагала здесь лишь двумя сотнями мужчин, способных носить

оружие. Им противостояли свыше двух тысяч местных арабов и «добровольцы» Кавуки.

Муфтий избрал Сафед одной из первых жертв. В город проникли несколько сот хорошо вооруженных диверсантов, которые затаились в ожидании вывода английских войск.

Три ключевые позиции в городе: полицейский участок над еврейским кварталом, старую крепость и форт Тагарта на горе Канаан англичане предполагали передать арабам.

У евреев Сафед было сорок винтовок, сорок два самодельных пистолета, пулемет, мортира и несколько сот самодельных гранат. Этого не хватало, чтобы вооружить сотню бойцов.

Положение города выглядело до того безнадежным, что англичане убеждали Ари эвакуировать евреев, пока не поздно.

Ремез, хозяин гостиницы и командир Хаганы в городе, нервно шагал по кабинету Ари. Сазерленд спокойно дымил сигарой в углу.

— Я тебя слушаю, — сказал Ари наконец.

Ремез оперся рукой о письменный стол.

— Мы решили остаться в городе. Будем драться до последнего. Мы это решили твердо.

— Что ж, я рад.

— Только нужно оружие.

Ари вскочил. Двадцать раз на дню ему приходилось слышать эту просьбу.

— Сазерленд, молитесь Христу, ты, Ремез, молись Конфуцию, а я помолюсь Аллаху. Может, тогда винтовки посыплются на нас, как манна небесная.

— Вы доверяете майору Хоксу? — спросил Сазерленд о начальнике британского гарнизона.

— Хокс всегда относился к нам дружелюбно, — ответил Ари.

— В таком случае, — продолжал Сазерленд, — может быть, вам следует послушаться его совета. Он гарантирует помощь при эвакуации. Он считает, что после вывода войск начнется чудовищная резня.

Ари глубоко вздохнул.

— Хокс не сказал, когда он собирается вывести своих людей?

— Он еще сам не знает.

— Покуда Хокс в Сафед, мы в относительной безопас-

ности. Арабы не посмеют затеять что-нибудь серьезное, пока англичане здесь. А там, может быть, что-нибудь изменится к лучшему.

— Возможно, Хокс и неплохой парень, но ведь приказ есть приказ, — заметил Сазерленд.

— Арабы уже стреляют из засад и нападают на автоколонны, — сказал Ремез.

— Вот как? — с издевкой спросил Ари. — А ты уже сразу в кусты?

— Ари, — с обидой в голосе ответил Ремез. — Я родился в Сафед, прожил здесь всю жизнь. Я не забыл вопли, которые неслись из арабских кварталов в двадцать девятом году. Мы не представляли, что это значит, пока толпа не обрушилась на наши дома. Я и сейчас словно наяву вижу, как бедных каббалистов выволакивали на улицу и отрубали им головы. Я был тогда мальчиком. Те же вопли мы снова услышали в тридцать шестом году, но мы уже знали, что это такое. Три года подряд мы спасались в турецкой крепости всякий раз, едва в арабском квартале слышали шум. На этот раз мы никуда не побежим. Старики и те не побегут. И можешь поверить мне на слово, Ари, мы не сдадимся легко.

Ари уже пожалел, что заговорил с Ремезом обидным тоном. Решение остаться в Сафед требовало у всех большого мужества.

— Возвращайся в город, Ремез. Постарайтесь сохранить порядок и спокойствие. Пока Хокс в городе, власть в его руках. А я обещаю снабжать вас чем смогу в первую очередь.

Когда все ушли, Ари сел за стол, на его лице заходили желваки. Что делать? Может быть, когда англичане уйдут, удастся выделить полсотни пальмахников. Все-таки лучше, чем ничего. Но таких Сафедов в стране — штук двести. Пятьдесят человек туда, пятьдесят сюда. Если бы Кавуки и Кадар знали об их отчаянном положении, они бы атаковали Палестину со всех сторон. И остановить их было бы нечем. Ари боялся, что после первой же атаки арабы поймут, до чего плохо вооружены евреи, и это неминуемо приведет к катастрофе.

В кабинет вошел Давид Бен Ами, только что объехавший населенные пункты, расположенные на севере.

— Шалом, Ари, — сказал он. — Я встретил Ремеза и Сазерленда у ворот. Ремез совсем нос повесил.

— Есть с чего. Ну, что новенького?

— Арабы обстреливают Кфар-Гилади и Метуллу. В

Кфар-Шолде опасаются, что выступят сирийские села. Везде роют окопы, строят укрепления вокруг детских учреждений. И все просят оружия.

— Оружия! И это ты называешь новостью? Давай лучше о другом. Откуда стреляют снайперы?

— Из Ааты.

— О, с Аатой у меня старые счеты. Мальчиком я возил туда зерно на мельницу, меня пытались избить, — сказал Ари. — Как только англичане уйдут, ударим по ней в первую очередь. Пожалуй, половина людей Кавуки просачивается к нам именно через Аату.

— Или через Абу-Йешу, — ответил Давид.

Ари посмотрел сердито. Давид знал, что ему неприятно это слышать.

— У меня есть друзья в Абу-Йеше, на которых можно положиться, — сказал Ари.

— В таком случае они, вероятно, уже сообщили тебе, что диверсанты попадают к нам через их село.

Ари не ответил.

— Ари, ты не раз говорил, что я проявляю слабость, когда позволяю чувствам брать верх над рассудком. Знаю, эти люди близки тебе, но все-таки ты должен дать понять их мухтару, как следует себя вести.

Ари встал и зашагал по кабинету.

— Хорошо, я поговорю с Тахой.

Давид взял с письменного стола донесения, просмотрел и положил обратно. Он тоже зашагал по комнате, затем остановился у окна, выходящего на юго-восток, в сторону Иерусалима.

Ари похлопал его по плечу:

— Ничего, все образуется.

Давид медленно покачал головой.

— В Иерусалиме дела все хуже, — глухо произнес он. — Наши машины постоянно обстреливают. Если так пойдет дальше, через пару недель в городе начнется голод.

Ари знал, как тяжело переживает Давид осаду любимого города.

— Ты, конечно, хочешь поехать туда.

— Да, — ответил Давид, — но я не оставлю тебя.

— Если надо, я тебя отпущу.

— Спасибо, Ари. А сам-то справишься?

— Конечно, справлюсь. Вот только бы эта проклятая нога перестала мне досаждать.

— Я останусь, пока ты не выздоровеешь.

— Спасибо. Кстати, ты, кажется, давно не виделся с Иорданой?

— Несколько недель.

— Так почему бы тебе не поехать завтра в Ган-Дафну, не проверить, как там дела? Побыл бы там несколько дней, хорошенько все изучил...

Давид улыбнулся:

— Агитатор из тебя что надо.

В дверь кабинета Китти Фремонт постучали.

— Войдите, — крикнула она.

Вошла Иордана.

— Мне хотелось бы поговорить, если вы не очень заняты.

— Что ж, поговорим.

— Сегодня приедет Давид Бен Ами проверять оборонительные позиции. Вечером состоится заседание штаба.

— Я приду, — ответила Китти.

— Миссис Фремонт... Хочу сказать, пока не началось заседание. Вы знаете, меня назначили командиром Ган-Дафны, так что нам придется работать вместе. Я хотела бы заверить вас, что полностью вам доверяю. Больше того, считаю, Ган-Дафне повезло, что вы здесь.

Китти посмотрела удивленно.

— Я убеждена, — продолжала Иордана, — что селу будет лучше, если мы забудем обиды.

— Вы правы.

— Я рада, что мы договорились.

— Иордана, скажите, наше положение опасно?

— Не очень. Конечно, будет гораздо спокойнее, когда Форт-Эстер передадут Хагане.

— А если крепость достанется арабам и они закроют дорогу через Абу-Йешу?

— Тогда, конечно, будет тяжело.

Китти встала и зашагала по кабинету.

— Не хочу совать нос в военные дела, но, похоже, мы можем оказаться в осаде.

— Не исключено, — ответила Иордана.

— Тут много детей. Не лучше ли будет эвакуировать тех, кто помладше?

— А куда?

— Не знаю. Куда-нибудь, где не так опасно, в какой-нибудь кибуц или мошав.

— Миссис Фремонт, безопасность — понятие относительное. Страна меньше пятидесяти миль в ширину, и опасных кибуцев нет. С каждым днем в осаду попадают новые села.

— Тогда, может быть, в город?

— Иерусалим почти отрезан. В Хайфе, между Тель-Авивом и Яффой, идут тяжелые бои.

— Выходит, эвакуировать некуда?

Иордана молчала. Ей нечего было сказать.

ГЛАВА 3

Канун Рождества, 1947

Было слякотно и холодно, первые хлопья снега кружили над Ган-Дафной. Китти быстро шла по газону. Ее дыхание создавало легкие облачка пара.

— Шалом, гиверет Китти, — поздоровался с ней доктор Либерман.

— Шалом, доктор.

Она быстро взбежала по ступенькам и вошла в коттедж. В теплом доме ее ждал чай, приготовленный Карен.

— Бррр, — воскликнула Китти, — вот так холод!

Карен украсила комнату желудями, кружевами, ей разрешили срезать маленькую елочку, которую она украсила самодельными игрушками из ткани и цветной бумаги.

Китти села на кровать, сняла туфли и надела меховые шлепанцы. Чай был очень вкусный. Карен стояла у окна, глядя на тихо падающие хлопья.

— По-моему, ничего нет лучше на свете, чем первый снег, — сказала она.

— Вряд ли он тебе покажется таким прекрасным, если нам опять срежут норму топлива.

— Я целый день вспоминала Копенгаген, Хансенов. Рождество в Дании чудесное. Видела, какую посылку они мне прислали?

Китти подошла к девушке, обняла ее за плечи, прикоснулась губами к щеке.

— Рождество навевает на людей грусть.

— Ты очень одинока, Китти?

— С тех пор как не стало Тома и Сандры, я стараюсь не думать о Рождестве. Теперь вот снова радуюсь.

— Ты счастлива?

— Я... теперь все по-другому. Я поняла, что нельзя быть хорошим христианином, не будучи, хотя бы в душе, немного евреем. Всю жизнь мне чего-то не хватало. Теперь я впервые могу отдавать все, что имею, без сожаления, без надежды, что мне воздастся за это.

— Знаешь, что я тебе скажу? Не могу говорить об этом с другими, потому что они не поймут. Здесь я чувствую себя очень близкой к Христу, — сказала Карен.

— Я тоже, дорогая.

Карен взглянула на часы и вздохнула.

— Надо поужинать сегодня пораньше, ночью мне идти в караул.

— Хорошенько оденься. На улице очень холодно. У меня тут кое-какая работа. Буду тебя ждать.

Карен переоделась в неуклюжую теплую одежду. Китти собрала волосы в узел и надела похожую на чулок коричневую шапку.

С улицы донеслось пение.

— Это что еще такое? — спросила Китти.

— Это для тебя, — улыбнулась Карен. — Они потихоньку разучивали целых две недели.

Китти подошла к окну. Пятьдесят детей стояли у коттеджа со свечами в руках и пели рождественскую песню.

Китти накинула пальто и вышла с Карен к калитке. Позади детей, в долине, мерцали огоньки сел. Из соседних домов то и дело выглядывали любопытные лица. Китти не разбирала слов, но мелодия была знакома.

— С праздником, — сказала Карен.

По лицу Китти текли слезы.

— Никогда не думала, что мне доведется услышать рождественскую песню в еврейском исполнении. Это самый прекрасный рождественский подарок, который я когда-либо получала.

...Карен назначили в караул на пост за воротами кибуца. Она вышла из села и направилась вдоль шоссе, пока не добралась до окопов. Отсюда открывался вид на всю долину.

— Стой!

Она остановилась.

— Кто идет?

— Карен Клемент.

— Пароль?

— Хаг sameax*.

Карен сменила часового, спрыгнула в окоп, зарядила винтовку и натянула варежки.

Хорошо стоять на посту, думала Карен, глядя сквозь колючую проволоку в сторону Абу-Йеши. Хорошо быть одной, ни о чем не думать и смотреть вниз на долину Хулы. Было тихо, и лишь слабые звуки рождественской песни доносились до нее. Какая чудесная ночь!

Вскоре песня стихла и воцарилась глубокая тишина. Снег пошел сильнее, и горы словно покрылись белой скатертью.

За спиной у Карен, в перелеске, раздался шорох. Она обернулась и взглядела в темноту. Кто-то шел между деревьями. Может быть, голодный шакал, подумала она.

Карен спустила предохранитель, подняла винтовку и прицелилась. Тень подходила все ближе.

— Стой! — резко крикнула она.

Тень остановилась.

— Пароль?

— Карен! — раздался голос.

— Дов!

Девушка выскочила из окопа и бросилась бежать по снегу. Через несколько секунд они упали в объятия друг друга.

— Дов! Дов! Неужели это ты?

Они спустились в окоп. Карен все старалась разглядеть в темноте лицо Дова.

— Дов, как же это? У меня нет слов.

— Я приехал час назад, — сказал он. — Ждал у твоего дома, потом пошел сюда.

Карен оглянулась.

— Тебе надо быть осторожным. Вдруг англичане тебя поймают?

— Не беспокойся, Карен, все в порядке. Они мне уже ничего не сделают.

— Ты замерз и даже без свитера. Ведь так холодно!

— Ничего, мне хорошо.

Снег продолжал падать, но вдруг луна вышла из-за туч, и они смогли разглядеть друг друга.

— Я скрывался в пещерах за Мишмаром.

— Знаю.

* Веселого праздника (*иврит*).

— Я... я думал, ты уехала в Америку.

— Мы не смогли уехать.

— Мне хочется вернуться в Ган-Дафну, но, уходя, я унес несколько часов и колец. Здесь, наверное, думают — я вор.

— О, нет, Дов. Главное — ты жив и здоров.

— Я за все заплачу.

— Это не имеет никакого значения. Все уже давно забыли.

Дов сидел в окопе, низко опустив голову.

— Все это время я много думал. Дов, говорил я себе, никто на тебя не злится. Ты сам на себя злишься. Когда я тебя увидел в тюрьме, то понял, что больше не хочу умирать. Ни умирать, ни убивать.

— О, Дов!

— Карен, не было у меня никакой другой девушки. Я это сказал просто так, чтобы ты уехала.

— Знаю.

— Неужели?

— Я верила, что небезразлична тебе.

— Я хотел вернуться в Ган-Дафну и стать таким, чтобы ты гордилась мной. Мне хотелось, чтобы ты гордилась мной, хоть я и думал, что ты уехала.

Карен опустила глаза.

— Ради тебя я готов сделать все на свете, — нежно шепнул он.

Она дотронулась до его щеки.

— Дов, ты околел. Иди, пожалуйста, домой. Поговори с Китти, она все о нас знает и все понимает. Когда меня сменят, пойдем с тобой к доктору Либерману. Будь осторожен. Пароль сегодня — «Хаг самеах».

— Карен, я так много думал о тебе. Никогда больше ничего дурного не сделаю, ничего такого, что причинило бы тебе боль.

— Знаю.

— Можно, я тебя поцелую?

— Пожалуйста.

Они робко прикоснулись губами друг к другу.

— Я тебя люблю, Карен, — вырвалось у Дова, и он побежал в поселок.

— Международное право, — гневно сказал Барак Бен Кanaan представителю Соединенных Штатов в ООН, — это то, чем злодей пренебрегает и на чем добродетельный отказывается настаивать силой.

От слов, даже самых умных, теперь уже мало что зависело. Если евреи провозгласят 15 мая независимость, они останутся одни перед армиями семи арабских государств.

Отряды Кавуки и палестинские арабы, которыми командовали Сафват и Кадар, усиливали террор.

Наступил 1948 — решающий год.

По мере того как англичане оставляли одну позицию за другой, арабы становились все наглее.

Галилея

Бандиты окружили кибуц Манара, расположенный высоко в горах у ливанской границы, и отрезали еще пять еврейских сел. Кроме того, они пять раз атаковали Эйн-Зейтим — Источник маслин, но были вынуждены отступить.

Зашевелились и сирийские села: перейдя границу, их жители напали на кибуцы Дан и Кфар-Шольд. Майор Хокс, командующий английскими войсками на севере страны, выделил несколько отрядов, которые помогли евреям прогнать сирийцев на их территорию.

Арабы из Ааты при поддержке жителей сирийских сел и бойцов Кавуки совершили налет на Лагавот-Хабашан — Пламя Башанских гор.

Подвергся нападению также Рамат-Нафтали, названный в честь одного из колен древнего Израиля.

Зная, что майор Хокс вот-вот выведет войска из Сафед, арабы усиливали боевые операции. Блокада города каббалистов уже сказывалась: не хватало продовольствия и воды. Доставлять грузы в еврейские кварталы удавалось только под конвоем англичан.

Хайфа

Хайфский порт, один из крупнейших на Ближнем Востоке, был в центре внимания враждующих сторон. Пока он находился в руках англичан.

Хайфа стала одним из немногих мест в Палестине, где еврейские позиции оказались расположены над арабскими — на горе Кармель. Командующий английскими войсками в этом районе не скрывал своих симпатий к арабам и старался оттеснить евреев с выгодных позиций.

Маккавеи скатывали бочки со взрывчаткой по склонам

Кармеля в арабский квартал. Евреям также удалось задержать крупный транспорт оружия из Ливана.

Деловые связи между обеими частями города полностью прекратились. Амин Азадин, офицер Арабского легиона, прибыл в город, чтобы возглавить арабских ополченцев.

Англичане чинили евреям препятствия на каждом шагу и помогали арабам стянуть силы для штурма Кармеля.

Саронская долина

В средние века после крестовых походов долина, расположенная в центре страны, стала самым густонаселенным еврейским районом. К востоку от нее лежала Самария, населенная арабами и известная под названием «Арабского треугольника». Положение здесь было относительно спокойным.

Тель-Авив — Яффа

Улицы на стыке двух соседних городов стали полем сражения. Они постоянно патрулировались англичанами, но все равно здесь постоянно вспыхивали перестрелки. Маккавеи заняли место в рядах Хаганы. Евреи и арабы нападали друг на друга при первой возможности. Арабы превратили минарет в наблюдательный пункт, но британские войска не давали евреям атаковать мечеть.

Юг

В пустыне Негев считанные еврейские населенные пункты располагались далеко друг от друга. У арабов здесь были две крупные базы — Беер-Шева и Газа, известная еще со времен библейского Самсона. Они могли без особых усилий блокировать еврейские селения и обречь их на голодную смерть. Евреи, правда, пока держались, но положение становилось с каждым днем все опаснее. Именно там впервые начали действовать еврейские воздушные силы — два «пайпера», которые использовались для связи. Еще один «пайпер» летал в осажденный Иерусалим. Вскоре эти дряхлые самолеты стали выполнять боевые задания — сбрасывать на головы арабов гранаты.

Иерусалим

Абдель Кадар все туже стягивал петлю вокруг еврейской части города. Легко уязвимое шоссе Баб-эль-Вад, петляющее по горам Иудеи, было блокировано намертво. Проходить по нему могли только большие конвои. Англичане упорно отказывались обеспечить безопасность дорог.

К югу от Иерусалима в горах Хеврона, по дороге в Бет-лехем, у евреев было четыре населенных пункта — села религиозных евреев, известные под общим названием Гуш-Эциони. Они оказались полностью отрезаны от еврейской Палестины и выглядели так же уязвимо, как и Сафед. Арабский легион Трансиордании, составная часть британской армии, блокировал дорогу, соединяющую селения с Иерусалимом.

В городе нехватка продовольствия и воды достигла предела. Взрывы, обстрелы из засад, вынужденная езда в бронированных машинах, постоянные стычки стали обыденностью.

В довершение всего арабы, устроив засаду, перехватили автоколонну Красного Креста, которая следовала из медицинского центра «Галасс» на горе Скопус. Бандиты убили и разрубили на части семьдесят семь еврейских медиков. Англичане по-прежнему не вмешивались.

Зеев Гильбоа доложил Ари, что готов принять у англичан Форт-Эстер.

— Мы можем выехать хоть сейчас.

— Очень хорошо, отправляйтесь. Майор Хокс сообщил, что передаст крепость в четырнадцать ноль-ноль. Слушай, говорят, твоя Лиора снова беременна?

— Точно.

— Придется лишить тебя увольнительных, — улыбнулся Ари.

Зеев выбежал из штаба, прыгнул в кабину грузовика и поехал в кибуц Эй-н-Ор. Двадцать пальмахников, парни и девушки, должны были занять Форт-Эстер. Сначала они ехали по главному шоссе, а затем свернули на узкую горную дорогу к ливанской границе и форту.

Зеев вспоминал, как последний раз был дома, в кибуце Сде-Шимшон — Поле Самсона. Лиора сказала, что скоро снова родит. Он ужасно обрадовался. До армии Зеев пас

скот. Но как давно это было. Какое счастье — облазить с сыновьями горы, где он пас и еще будет пасти овец...

Впрочем, до этого еще далеко. Сейчас надо занять Форт-Эстер и снять осаду с кибуца Манара, затем организовать патрулирование границы, чтобы преградить путь диверсантам.

Бетонная крепость возвышалась над долиной Хулы. Конечно, станет гораздо легче, когда над ней взвьется флаг со звездой Давида.

Пальмахники в кузове пели песни, грузовик петлял по извилинам горной дороги. Зеев посмотрел на часы. До назначенного срока осталось пятнадцать минут. Наконец показалось бесформенное здание крепости. Внизу белело арабское село Абу-Йеша, над ним утопало в зелени плато Ган-Дафны.

Метров за сто до въезда в крепость Зеев почувствовал что-то неладное. Он сбросил скорость и высунул голову из кабины. Почему не заметно никакого движения? Зеев посмотрел вверх, в сторону крепостной башни. Над ней развевался флаг армии Кавуки. Внезапно со стороны форта раздался залп.

Зеев резко затормозил и свернул на обочину.

— Рассредоточьтесь!

Пальмахники попрыгали с машины и бросились врассыпную. Грузовик загорелся. Зеев собрал людей, дал команду отступать вниз, в кибуц Эйн-Ор.

Узнав, что Форт-Эстер отдан арабам, Ари немедленно помчался в Сафед. Он ворвался в кабинет майора Хокса — рослого, смуглого мужчины со следами бессонницы на лице.

— Иуда! — бешено зашипел на него Ари.

— Я тут ни при чем, — смущенно оправдывался Хокс. — Поверьте мне...

— Нет, не поверю.

Хокс схватился за голову.

— В десять вечера мне позвонили из генштаба в Иерусалиме и приказали немедленно покинуть Форт-Эстер.

— Вы должны были предупредить меня.

— Не мог, — пробормотал Хокс. — Нельзя было. Я солдат, Бен Канаан. Всю ночь глаз не сомкнул. Сегодня утром звонил в Иерусалим и просил, чтобы мне разрешили вернуть Форт-Эстер.

Ари окинул майора презрительным взглядом.

— Все, что вы обо мне, вероятно, думаете, — правильно...

Ари не сводил с него глаз.

— Вы, Хокс, не первый и не последний солдат, который идет на сделку с совестью.

— Что толку теперь говорить. Этим дело не поправишь.

— Может быть, начальство вас похвалит за то, что вы натворили, но мне вас жаль. Не у кого-нибудь, а у вас на совести будет осада Ган-Дафны, если, конечно, у вас еще осталась хоть капля совести.

Хокс изменился в лице.

— Неужто вы оставите детей на горе? Ради Бога, Бен Канаан, заберите их оттуда!

— Раньше надо было думать. Без Форт-Эстер нам остается сражаться за Ган-Дафну до последнего патрона, иначе мы потеряем долину Хулы.

— Слушайте, Ари, я сам вывезу детей.

— Их некуда везти.

Хокс сжал кулак, ударил по столу и выругался. Он поставил Ган-Дафну в безвыходную ситуацию. Ари смотрел на него не сводя глаз. Майора действительно мучили угрызения совести.

Еще по дороге в Сафед Ари лихорадочно искал выход из положения. Его план был весьма рискован, но все же мог спасти Ган-Дафну.

— Что же теперь делать, Бен Канаан?

— Как командир района вы имеете право приехать в Ган-Дафну и посоветовать нам эвакуироваться.

— Да, но...

— Вот так к сделайте. Возьмите с собой полсотни грузовиков и завтра же отправляйтесь. Да не забудьте захватить бронемашину для охраны колонны. Если кто-нибудь спросит, куда едете, отвечайте, что собираетесь эвакуировать детей.

— Не понимаю. Вы что же, согласны на эвакуацию?

— Нет. Остальное предоставьте мне. Вы только организуйте завтра конвой.

Хокс не стал допытываться, что у Ари на уме. Он в точности выполнил просьбу Бен Канаана, взял с собой пятьдесят грузовиков и под охраной бронемашин поехал в Ган-Дафну. Растянувшись чуть ли не на километр, автоколонна выехала из форта Тагарта, миновала шесть арабских деревень и повернула в сторону Хулы. Затем свернула в гору, проехала по Абу-Йеше на виду у бандитов, завладевших крепостью, и в полдень добралась до Ган-Дафны. Майор Хокс

предложил эвакуировать село, доктор Либерман, по совету Ари, ответил официальным отказом. После обеда автоколонна покинула Ган-Дафну и вернулась на свою базу в Сафед.

Тем временем Ари сообщил кое-кому из арабских друзей в Абу-Йеше, что майор Хокс оставил в Ган-Дафне тонны оружия и боеприпасов — от пулеметов до мортир.

— В конце концов, — сказал Ари под большим секретом, — Хокс всегда сочувствовал евреям. Должен же он был искупить сдачу Форт-Эстер арабам.

Поползли слухи. Через несколько часов в районе все были убеждены, что теперь Ган-Дафну взять нельзя. То, что детей не эвакуировали, придавало слухам вес: арабы знали, что при серьезной угрозе евреи непременно бы их вывезли.

Тем временем Ари снова отправился в Абу-Йешу.

Он вошел в каменный дом у реки, где жил Таха, его старый друг и мухтар села. Араб обязан оказать гостеприимство каждому, кто вошел в его дом. Это очень древний обычай, и Таха исполнил его как следовало, но Ари почувствовал холодок, которого раньше никогда не замечал в этом доме.

Они вместе пообедали, болтая о пустяках. Когда приличия были соблюдены, Ари приступил к цели своего визита.

— Не кажется ли тебе, — начал Ари, — что пора поговорить открыто о том, чему ты отдаешь предпочтение?

— Сегодня это не играет никакой роли.

— В таком случае, боюсь, мне придется говорить с тобой как командиру Хаганы.

— Я дал тебе честное слово, что Абу-Йеша останется нейтральной.

Ари встал и посмотрел Тахе прямо в глаза. Затем он произнес слова, оскорбительные для араба:

— Правильно, ты дал мне честное слово, но ты же его и нарушил.

Таха бросил на него гневный взгляд.

— Нам известно, — продолжал Ари, — что люди Кавуки собираются в Абу-Йеше целыми шайками.

— А что я, по-твоему, должен делать? — зло ответил Таха. — Мне что — запретить им ходить здесь? Я их, во всяком случае, сюда не звал.

— Я их тоже не звал. Послушай, друг мой, когда-то мы с тобой разговаривали не так.

— Времена меняются, Ари.

Ари подошел к окну и посмотрел на мечеть по ту сторону реки.

— Ты знаешь, Таха, я всегда любил эти места. Мы с тобой провели немало славных дней в этом доме, на берегу этой реки. Помнишь, как мы отправлялись туда с ночевкой?

— Это было давно.

— Может быть, у меня и впрямь слишком хорошая память. В дни погромов мы с тобой, бывало, толковали о том, до чего все это глупо. Мы же кровью поклялись навек остаться друзьями. Перед тем как прийти сюда, я ночь глаз не сомкнул, все думал и вспоминал.

— Тебе, Ари, сентиментальность не к лицу.

— Еще меньше мне к лицу угрожать тебе. Мухаммед Каси и его головорезы, окопавшиеся в Форт-Эстер, ничуть не лучше тех, кто убил твоего отца, когда он стоял на коленях и молился. Как только англичане выведут отсюда войска, Каси немедленно перекроет дорогу в Ган-Дафну. Если ты это допустишь, он твоим людям сунет в руки винтовки и прикажет им напасть на Яд-Эль.

— Что же мне, по-твоему, делать?

— А мне что прикажешь делать?

Воцарилось тяжелое молчание.

— Ты — мухтар Абу-Йеши. Ты можешь распоряжаться своими людьми, как распоряжался, бывало, твой отец. Ты должен прекратить эти шашни с бандитами.

— А если нет?

— Если нет, то мы будем считать тебя врагом.

— И что тогда, Ари?

— Это может привести к гибели Абу-Йешу.

Ни Таха, ни сам Ари не верили этим словам. Ари очень устал. Он подошел к другу, положил ему руки на плечи.

— Пожалуйста, Таха, — сказал он, — помоги мне.

— Я араб, — ответил Таха.

— Ты в первую очередь человек. Ты умеешь отличать хорошее от дурного.

— Я грязный араб.

— Так ты сам о себе думаешь?

— Еще скажешь, чего доброго, что я — твой брат?

— Ты им всегда был.

— Если я действительно твой брат, отдай мне Иордану. Ты не ослышался, отдай ее мне в жены, пусть она станет матерью моих детей.

Ари размахнулся и ударил Таху в челюсть. Араб упал

на четвереньки, но тут же вскочил на ноги и схватился за кинжал.

Ари стоял неподвижно. Таха отвернулся и бросил оружие на каменный пол.

— Что я наделал! — прошептал Ари.

Он подошел к Тахе, всем своим видом умоляя о прощении.

— Ты мне сказал все, что я хотел знать. Вон из моего дома, жид!

ГЛАВА 4

Ситуация в ООН обострилась до предела. Опасаясь, что раздел Палестины потребует военного вмешательства, и не желая, чтобы Советский Союз занял место в войсках ООН, США объявили, что намерены отказаться от резолюции о разделе.

Ишув отчаянно убеждал американцев отказаться от своей позиции. В самый разгар уговоров Барака Бен Канаана срочно вызвали во Францию. Барак был весьма удивлен этим приказом, но немедленно сел в самолет и улетел в Париж.

Его встретили два агента ишува. Выяснилось, что его вызвали для участия в секретных переговорах, касающихся важной сделки по закупке оружия. Палестинское еврейство считало, что в связи с неблагоприятным развитием дел в ООН этот вопрос надо решать в первую очередь и именно он, Барак, самый подходящий человек для подобных переговоров. Старый друг Ян Масарик подсказал, в каких странах можно достать оружие.

Через несколько недель тайных переговоров сделка была заключена. Но как доставить оружие в Палестину?

Агент Алии Бет отыскал в Вене списанный американский бомбардировщик «либерейтор», который был приобретен от имени «Альпийской авиакомпания».

Затем подобрали экипаж. Шесть еврейских летчиков — четверо из Южной Африки и двое из США, ветераны мировой войны, выразили готовность работать и дали подписку о неразглашении тайны.

Труднее всего было создать в маленькой Палестине под носом у англичан секретный аэродром. Выбор пал на заброшенное летное поле в Ездзелонской долине, которое служи-

ло в годы войны базой для английских истребителей. Оно находилось в районе, населенном евреями; именно здесь «либерейтор» имел шанс приземлиться незаметно.

Тем временем в Европе организовали тайный сбор оружия. Первую партию собирались отправить через две недели.

Каким-то чудом евреи пока удерживали свои позиции в Палестине. Арабы не сумели захватить ни одного населенного пункта, зато систематически громили еврейские автоколонны. Были перерезаны водопроводные линии, ведущие в Негев. Кое-где жители уже питались картофельными очистками да маслинами.

Самые упорные бои шли вокруг Иерусалима, где арабская тактика давала все более заметные результаты. Шоссе Баб-эль-Вад было усеяно останками сгоревших машин. Лишь изредка удавалось прорваться конвоям, но за это приходилось платить человеческими жизнями.

Впервые в истории по Иерусалиму был открыт артиллерийский огонь. Совершили этот «подвиг» бандиты Кавуки.

Кавуки, Сафвату и Кадару была нужна хоть какая-нибудь победа. Их хвастливые предсказания не сбывались, и палестинские арабы начинали проявлять беспокойство.

И вот Кавуки, самозванный генералиссимус «Войска Ярмака», решил покрыть себя славой завоевателя первого еврейского населенного пункта. Он тщательно выбирал цель по зубам.

Выбор пал на село Тират-Цви — Крепость рабби Цви, казавшееся беззащитным. Это был кибуц в южной части долины Бет-Шеан, созданный религиозными евреями, многие из которых прошли через немецкие концлагеря. Его построили как форпост в районе, населенном арабами. К югу лежал «треугольник». С востока кибуц омывался Иорданом; с противоположного берега реки село насквозь простреливалось. Севернее находился арабский город Бет-Шеан.

Кавуки был в восторге от своего выбора. Одна атака, заверял он, и евреи будут уничтожены. Сосредоточив арабов на военной базе в Наблусе, главном городе «треугольника», он стал готовить нападение.

Кавуки заранее объявил о своей победе. Его бандиты еще не начали атаку, а из Бет-Шеана уже повалили арабские женщины с мешками и корзинами, чтобы вслед за бойцами войти в кибуц и принять участие в грабеже.

Арабы выступили туманным утром. У евреев было сто

шестьдесят мужчин и женщин, способных держать оружие. Они окопались и сколотили кое-какие укрепления. Детей спрятали в амбаре в центре кибуца. Из артиллерии у защитников была лишь двухдюймовая мортира.

Раздались звуки горна. Офицеры Арабского легиона с саблями наголо возглавили атаку. За ними повалили бандиты, рассчитывавшие захватить кибуц с ходу.

Защитники кибуца дали арабам подойти поближе и встретили их залпом. Арабы повалились, как скошенные колосья.

Вторая, третья и четвертая атаки были отбиты так же: евреи подпускали врагов на близкое расстояние и открывали огонь.

Поле покрыли убитые. Раненые громко молили о помощи и милосердии во имя Аллаха. Остатки нападавших позорно отступили. Кавуки обещал легкую победу и богатую добычу, говорил, что евреи пустятся наутек, едва завидят его орлов. На сопротивление он не рассчитывал...

Офицеры попытались остановить паническое бегство, пустив в ход оружие. Они собрали своих людей и заставили их готовиться к новой атаке, но от первоначального воодушевления арабов не осталось и следа.

В кибуце между тем положение было весьма нелегким: чтобы выдержать еще одну атаку, не хватило бы боеприпасов. Если же арабы пойдут на приступ с разных сторон, их и вовсе нельзя будет остановить. Почти все оставшиеся боеприпасы кибуцники отдали двум десяткам снайперов и отступили к центру села, готовясь защищать детей врукопашную.

На этот раз арабы приближались гораздо медленнее, офицеры легиона шли не впереди, а сзади и подталкивали своих воинов пистолетами.

И вдруг разверзлись небеса, полил проливной дождь. За несколько минут поле превратилось в сплошное болото. Атака захлебнулась точно так же, как три тысячи лет назад налет хананейских колесниц на воинов Деворы.

Снайперы уложили тех, кто все-таки достиг окраины кибуца, и тогда рыцари «Войска Ярмука» сочли, что с них на сегодня хватит.

Кавуки пришел в бешенство, когда узнал о разгроме у Тират-Цви. Чтобы спасти лицо, он решил срочно нанести ответный удар и затеял рискованную операцию.

Стратегически шоссе между Тель-Авивом и Хайфой было важнее иерусалимского. Если перерезать линию Тель-Авив — Хайфа, евреи не смогут координировать свои действия, так как Галилея будет отрезана от Саронской долины. Вдоль главной автострады стояли арабские деревни, их евреям приходилось объезжать. На одной из объездных дорог стоял кибуц Мишмар-Газмек — Страж долины. Кавуки решил захватить его, чтобы отрезать Тель-Авив от Хайфы.

На этот раз он не повторил ошибку, допущенную у Тират-Цви. Прежде чем начать атаку, он окружил кибуц и начал обстрел из 75-миллиметровых орудий. У евреев был всего один пулемет.

Артподготовка продолжалась целый день. К вечеру англичане потребовали от арабов прекратить огонь, приехали в кибуц и предложили евреям эвакуироваться. Те отказались, и англичане убралась восвояси, сделав, так сказать, все возможное. От них Кавуки узнал, что в кибуце мало бойцов. Однако он не позаботился о разведке. Между тем долина кишела бойцами Хаганы. На следующую ночь два батальона Хаганы тайно пробрались в кибуц.

Наступил третий день. Кавуки двинулся в наступление, но вместо победоносного вступления в побежденное село попал под огонь хорошо обученных батальонов. Он отступил с большими потерями, кое-как собрал людей и попытался атаковать еще раз, но снова был отбит. Вновь и вновь Кавуки посылал солдат в атаку. Арабы падали духом, их с трудом удавалось сдвинуть с места.

Наконец люди перестали подчиняться Кавуки. В это время евреи внезапно контратаковали. Диверсанты в панике бросились бежать. Бойцы Хаганы преследовали их до самого Мегиддо, где в течение тысячелетий сходились сотни армий. Здесь, на историческом поле Армагеддона, Кавуки потерпел сокрушительное поражение. Бой закончился только после вмешательства англичан, которые потребовали прекратить огонь.

Так было выиграно первое сражение в Войне за независимость.

Горная бригада Пальмаха ежедневно проливали кровь, чтобы не дать арабам перерезать иерусалимский коридор. Отряды евреев рыскали по ущельям и чашобам Иудейских гор, нападали на деревни, где скрывались бандиты. Они не спали

сутками, изнемогали от усталости, но всегда были готовы отправиться в рейд.

— Здесь партизанил еще царь Давид!

С глазами, красными от бессонницы, пальмахники отправлялись в новый поход.

— Помни, ты сражаешься на том самом месте, где рос Самсон!

— В этой долине Давид победил Голиафа.

— Здесь Иисус Навин остановил солнце!

По ночам они читали вслух Библию, и это вселяло в изнемогающих бойцов силы, которые помогали им подняться на ноги утром. Здесь, на территории, которую контролировал Кадар, бои не прекращались ни на минуту, и арабы слепо шли за своим вожаком.

...В Тель-Авиве собрали большой конвой, чтобы спасти Иерусалим от голода. Бойцам горной бригады поручили взять расположенную на развалинах крепости крестоносцев арабскую деревню, господствовавшую над важным перевалом в горах.

Штурм Кастеля стал первым еврейским наступлением в этой войне. Ценой нечеловеческих усилий бойцы под покровом ночи вскарабкались на почти неприступную гору, добрались до вершины и в рукопашном бою захватили деревню.

Взятие Кастеля приободрило ишув. Огромная автоколонна тут же выехала из Тель-Авива и через Баб-эль-Вад добралась до Иерусалима. Население города было спасено.

Кавуки вызвал к себе в штаб в Наблус окопавшегося в Форт-Эстер Мухаммеда Каси, командующего арабскими силами в долине Хулы.

Каждый месяц Кавуки выпускал бюллетени, в которых хвастался несуществующими успехами. Он мечтал возглавить арабское войско, которому будет подвластна территория от Евфрата до Гибралтара. Каждый раз, терпя поражение, он ссылался на «британское вмешательство», не позволившее ему расправиться с евреями. Когда, однако, англичане вывели свои войска, ссылаться стало не на кого.

Кавуки поцеловал Мухаммеда Каси в обе щеки, потом они долго говорили о своих блестящих победах. Каси хвастал, как он захватил Форт-Эстер, а Кавуки рассказывал об ударах, которые он нанес кибуцам Тират-Цви и Мишмар-Гаэмек.

— Я получил послание от Его Святейшества из Дамаска, — сказал Кавуки. — Пятнадцатого мая, в день, когда ис-

текает срок британского мандата, Хадж Эмин эль-Хусейни победоносно вернется в Палестину.

— Какой это будет праздник для всего ислама! — воскликнул Мухаммед Каси.

— Его Святейшество избрал Сафед временной резиденцией, пока не будут полностью уничтожены сионисты. Теперь, когда нет майора Хокса, этого друга евреев, нам понадобится меньше недели, чтобы взять Сафед.

— Несказанно рад слышать такие новости!

— Однако, — продолжал Кавуки, — пока в долине Хулы останется хоть один еврей, Сафед будет небезопасен и, значит, муфтий не сможет туда въехать. Долина Хулы — кинжал, направленный нам в спину. Нужно во что бы то ни стало стереть их с лица земли. Хула, если не ошибаюсь, ваш район, брат мой. Нужно, чтобы вы немедленно захватили Ган-Дафну, тогда мы возьмем долину в свои руки.

— Мой генералиссимус, разрешите заверить вас, что каждый из моих добровольцев отважен как лев и воодушевлен благородной задачей истребить сионистов. Мои бойцы поклялись драться до последней капли крови.

— Вот и прекрасно. Кстати, мы им и платим почти по доллару в месяц.

Каси погладил бороду, затем поднял указательный палец, украшенный бриллиантовым кольцом.

— Но мы не должны забывать, что майор Хокс оставил в Ган-Дафне три тысячи винтовок, сто пулеметов, десятки орудий.

Кавуки вскочил.

— Вы что — боитесь детей?

— Клянусь бородой пророка, евреи направили в Ган-Дафну тысячу пальмахников. Я их видел собственными глазами.

Кавуки влепил Мухаммеду Каси две пощечины.

— Ты возьмешь Ган-Дафну, ты сровняешь ее с землей, ты умоешь руки в крови проклятых жидов, не то я брошу твой вонючий труп стервятникам!

ГЛАВА 5

Первым делом Мухаммед Каси послал сотню человек в Абу-Йешу. Вскоре об этом доложили Ари. Ари знал, что большинство жителей Абу-Йеши на стороне евреев, и ждал, как они поступят.

Арабы Абу-Йеши были не слишком рады появлению людей Каси. Они десятки лет жили в добрых отношениях с жителями Яд-Эля, даже их дома строили евреи. Они были доброжелательны к соседям и не хотели воевать с ними. Они ожидали, что Таха прикажет прогнать бандитов. Однако Таха бездействовал. Его молчание решило судьбу Абу-Йеши, феллахи смирились с оккупацией села.

Каси быстро воспользовался бездействием Тахи. С каждым днем его головорезы становились все наглее и активнее. Они отрезали дорогу в Ган-Дафну. Жители села возмущались ими, но дальше дело не пошло. Затем четверых жителей Абу-Йеши поймали на тайной доставке продовольствия в Ган-Дафну. Каси велел отрубить им головы и выставить на сельской площади. С этого момента село покорилося оккупантам целиком и полностью.

Ари ошибся. Он был уверен, что жители Абу-Йеши заставят Таху принять справедливое решение, тем более что речь шла о судьбе Ган-Дафны. Но теперь Каси перерезал дорогу в Ган-Дафну и каждый день обстреливал детский поселок из горных орудий, размещенных в Форт-Эстер.

Ган-Дафна готовилась к защите со дня своего создания. Каждый точно знал свои обязанности. Переход от мирной жизни к чрезвычайному положению произошел быстро и спокойно.

Дети старше десяти лет активно участвовали в обороне. Цистерну с водой обложили мешками с песком. Генератор, медикаменты, скудный арсенал и продовольствие были спрятаны в подземелье.

Жизнь шла своим чередом, но школьные занятия, обеды, игры и прочие дела переместились в убежища. На ночь дети отправлялись в подземные спальни с двухъярусными нарами, расположенные в бетонных тоннелях под толстым слоем грунта и для верности накрытые сверху мешками с песком.

Когда обстрел прекращался, дети выходили из убежищ, чтобы размяться и поухаживать за газонами и клумбами. Через неделю дети привыкли к взрывам снарядов, как к обычной житейской неприятности.

Внизу, в кибуце Эйн-Ор, Ари лихорадочно искал выход из положения. Остальные населенные пункты сами могли позаботиться о своей обороне, но в Ган-Дафне шестьсот душ детей, к тому же селение расположено в очень опасном месте, прямо под Форт-Эстер. Правда, запасов продовольст-

вия здесь на месяц, в воде тоже не будет недостатка, если только в цистерну не попадет снаряд. Хуже с топливом. Ночи в горах холодные, и Ари знал, что доктор Либерман согласится скорее замерзнуть, чем пустить на топливо драгоценные молодые деревца.

Бандиты перерезали телефонную линию — пришлось установить между Ган-Дафной и Яд-Элем световую сигнализацию. Детское село оказалось совершенно отрезано от внешнего мира. Добраться туда можно было только по крутому западному склону, карабкаясь по скалам на высоту шестьсот метров, да и то лишь ночью.

Но не снабжение и не связь волновали Ари. Он боялся кровавой резни. Кто знает, сколько продержится пущенный им слух о неприступности Ган-Дафны.

Осмотрев все запасы оружия, Ари набрал для селения дюжину испанских винтовок выпуска 1880 года, двадцать три самодельных ружья и разобранное на части ветхое венгерское противотанковое орудие с пятью зарядами. Зееву Гильбоа с двадцатью пальмахниками пришлось тащить это оружие на себе. Когда стемнело, отряд отправился в путь и всю ночь карабкался по крутому склону. В одном месте они прошли в нескольких шагах от Абу-Йеши. Это был самый опасный участок: пальмахники четверть километра ползли по-пластунски под самым носом у бандитов.

Ган-Дафна выглядела ужасно. Здания повреждены, клумбы перерыты, статуя Дафны сбита с пьедестала. Тем не менее дети хранили удивительное хладнокровие, а оборона работала безотказно. Зеев не удержал улыбки, когда им навстречу вышел доктор Либерман с пистолетом на боку. И все же поселок облегченно вздохнул, когда пришло подкрепление.

Артиллерийский обстрел продолжался еще дней десять. Горные орудия разрушали одно здание за другим. Снаряд, разорвавшийся неподалеку от входа в убежище, убил двух детей.

Кавуки требовал решительных действий, и Каси попытался организовать две-три вылазки. Каждый раз его люди попадали в засаду и погибали, так как Зеев выстроил оборону Ган-Дафны чуть ли не до самых стен Форт-Эстер. Пальмахники, парни и девушки, пробравшись к крепости и к Абу-Йеше, следили за каждым движением арабов.

Тем временем из тель-авивского штаба Хаганы явился курьер. Ари немедленно созвал командиров всех селений. В

Тель-Авиве приняли решение перевезти детей, живущих в прифронтовой полосе, в кибуцы и мошавы Саронской долины, поближе к Тель-Авиву и к морю, где было не так опасно. Между строк читалось: положение настолько тяжелое, что Хагана готовит меры на случай эвакуации детей морем.

Это не было приказом: кибуцы и мошавы могли самостоятельно принять решение. Конечно, если дети будут со взрослыми, люди станут драться до конца, но нельзя было не считаться с угрозой массовой резни.

Для ишува эвакуация детей означала отступление. Большинство евреев приехало сюда, спасаясь от преследований. Здесь был их последний рубеж, за который отступать некуда: вне Палестины надеяться не на что.

Каждое селение решало этот вопрос по-своему. Кое-где наотрез отказались отпускать детей, решив стоять до последнего, умереть всем вместе. Там не хотели, чтобы дети узнали, что такое отступление. Села, отрезанные в горах, предпочли детей вывезти.

Все беспокоились за Ган-Дафну.

Разведчики донесли Ари, что Кавуки требует от Мухаммеда Каси наступления. Продовольствия становилось все меньше, топливо закончилось, прямые попадания повредили цистерну с водой. Никто не жаловался, но жизнь в подземельях сказывалась на всех.

Командиры долины Хулы единогласно решили — младших детей необходимо вывезти. Но как это сделать? Просить о временном прекращении огня означало подвергнуться двойной опасности. Во-первых, Каси непременно нарушит соглашение, во-вторых, такая просьба показала бы слабость Ган-Дафны. К тому же если направить в Ган-Дафну автоколонну, то придется собрать все наличные силы. Поражение в такой операции равносильно гибели детей.

Не в первый и не в последний раз Ари искал выход из безвыходного положения. И он придумал фантастический план, который превосходил по дерзости все, что ему доводилось до сих пор совершать.

Ари поручил Давиду подобрать надежных ребят, а сам отправился в Ган-Дафну. Он карабкался по скалам с большим трудом. Нога болела и почти отказывалась служить. Зато эти места он знал с детства и мог пройти по ним с закрытыми глазами. На рассвете Ари добрался до Ган-Дафны и немедленно созвал в штабном бункере совещание, на которое яви-

лись все начальники отделений, в том числе Зеев, Иордана, доктор Либерман и Китти.

— Здесь двести пятьдесят детей младше двенадцати лет, — начал Ари без предисловия. — Завтра ночью мы их вывезем.

Он взглянул на изумленные, измученные лица собравшихся.

— В Яд-Эле сейчас собирается отряд, — продолжал он. — Нынешней ночью Давид приведет сюда четыреста человек со всей Хулы. Если их не обнаружат, они доберутся завтра на рассвете. Следующей ночью двести пятьдесят мужчин отнесут детей вниз. Остальные полтора ста будут их сопровождать и охранять. Мы отдали им все оружие, какое только у нас есть.

Те, кто был в бункере, смотрели на Ари, как на сумасшедшего. Прошла минута, никто не проронил ни слова.

Наконец поднялся Зеев Гильбоа.

— Ари, боюсь, я тебя не понял. Неужели ты в самом деле собираешься нести двести пятьдесят детей вниз по обрыву, да еще ночью?

— Именно так.

— Это очень опасно для мужчины, идущего днем налегке, — вмешался Либерман. — Нести на спине детей, да еще ночью, просто невыносимо. Кто-то обязательно оступится.

— Придется рискнуть.

— Но, Ари, — снова заговорил Зеев, — им же придется пройти под носом Абу-Йеши. Их непременно обнаружат.

— Мы примем меры, чтобы не обнаружили.

В бункере зашумели.

— Молчать! Без паники! — крикнул Ари. — У нас не митинг. Расходитесь, и прошу соблюдать тайну. У меня еще куча дел.

Ари разработал план эвакуации до малейших подробностей. Был составлен график, рассчитанный по минутам. Те, кто знал об операции, замирали от страха. Все может случиться! Кто-то может поскользнуться, могут залаять собаки в Абу-Йеше. Каси может что-то понюхать и, узнав, что все селения в долине остались без оружия, нападет на них.

И тем не менее все понимали, что другого выхода нет. Еще неделя, от силы десять дней — и положение Ган-Дафны станет катастрофическим.

Вечером Давид просигналил в Ган-Дафну, что с темной его отряд отправится в путь.

Всю ночь четыреста добровольцев карабкались по скалам и усталые добрались до селения еще до рассвета. Ари встретил их в окрестностях села и велел спрятаться в лесу. Нельзя было допустить, чтобы из Форт-Эстер заметили новых людей. Да и в самом селении лучше до поры до времени не показываться.

Они оставались в лесу до самого вечера. Операция началась без десяти шесть, за сорок минут до захода солнца.

Детям в молоко подсыпали снотворное и в четверть седьмого уложили спать. Вскоре они крепко заснули.

В 18.32 солнце зашло за Форт-Эстер.

В 18.40 Ари собрал взрослых на последнее совещание.

— Слушайте внимательно, — сказал он. — Через несколько минут начинаем эвакуацию. Каждый получит задание. Все должно идти строго по графику. Помните: малейшее его нарушение смертельно опасно для детей, для бойцов, да и для вас самих. Никаких вопросов или споров.

В 18.45 Иордана выставила вокруг Ган-Дафны усиленный караул из старших детей. Зеев Гильбоа и двадцать пальмахников поднялись в горы, чтобы прикрыть Ган-Дафну сверху.

Как только караулы были расставлены, двадцать пять жителей селения спустились в убежище, чтобы одеть спящих детей. Китти обошла всех и убедилась, что снотворное подействовало. На губы каждого ребенка налепили пластырь, чтобы он случайно не закричал во сне. В 19.30 все было готово, и Ари вызвал отряд из леса.

Детей привязали ремнями к спинам бойцов.

В 20.30 двести пятьдесят мужчин двинулись к воротам селения, где их ждала охрана — полтораста бойцов с автоматами. Ари первым шагнул к краю обрыва.

Жители Ган-Дафны молча толпились у ворот. Им оставалось только ждать и молить Бога о спасении детей.

Китти Фремонт тоже стояла у ворот. Больше часа она смотрела в темноту.

— Ночь будет длинная, — раздался голос у нее за спиной. — Не лучше ли вам вернуться, здесь холодно.

Китти обернулась. Рядом с ней стояла Иордана. Впервые за время их знакомства Китти была искренне рада видеть эту рыжую дикарку. В последние недели она все больше проникалась к ней уважением. Благодаря воле и хладнокровию Иорданы в Ган-Дафне сохранялся образцовый порядок. Иордана сумела внушить юношам и девушкам из отрядов

Гадны поразительное спокойствие, и они вели себя как бывалые вояки. Несмотря на трудности, обрушившиеся на Ган-Дафну в дни осады, Иордана оставалась уравновешенной и энергичной. А ведь ей не было еще и двадцати лет.

— Да, предстоит очень длинная ночь, — ответила Китти.

— Посидите со мной, — предложила Иордана. — У меня есть коньяк. Думаю, самое время выпить. Подождите в бункере. Мне надо только сменить часовых. Вернусь через полчаса.

Китти не двигалась с места. Иордана взяла ее за руку.

— Пошли, — тихо сказала она. — Все равно от нас уже ничего не зависит.

Китти сидела в бункере, нервно куря сигарету за сигаретой. Наконец Иордана вернулась, сняла коричневый шлем. Длинные рыжие локоны упали ей на плечи. Иордана потеряла руки, чтобы согреться, затем достала коньяк, припрятанный в стене бункера. Она отряхнула бутылку от налипшей земли и налила две рюмки.

— Лехаим, — сказала она, отпив глоток.

— Когда они пройдут Абу-Йешу?

— Не раньше полуночи, — ответила Иордана.

— Я все время твержу себе: все будет хорошо. Но тут же начинаю воображать то одно, то другое...

— Как же можно не думать об этом! — ответила Иордана. — Но все в Божьих руках.

— В Божьих? Пожалуй, в этой стране Бог действительно творит чудеса.

— Если уж в Палестине не уверуете в Бога, — сказала Иордана, — то быть вам атеисткой до конца дней. Мы никогда не могли обойтись без веры. Опирайтесь больше не на что!

В устах Иорданы эти слова звучали странно. Судя по ней, трудно было предположить, что она верующая. Но что же, если не вера, давало ей силы выдерживать такие трудности?

— Китти, — сказала вдруг Иордана. — Должна вам кое в чем признаться. Мне ужасно хочется, чтобы наконец мы стали друзьями.

— Почему?

— Вы меня кое-чему научили. Я видела, как вы работаете с детьми, и знаю, что вы сделали для Ари. Когда вы решили остаться здесь, я поняла, что такая женщина, как

вы, не уступит в мужестве любой из нас. Раньше я думала, что женственность — признак слабости.

— Спасибо, Иордана, — слабо улыбнулась Китти, — но боюсь, что сейчас мне была бы полезнее капелька этой вашей веры, точнее, мужества. Я разваливаюсь на части от страха.

Китти закурила. Иордана налила ей еще.

— Я все время думаю... — сказала Иордана тихо, — вы очень подходите Ари.

Китти покачала головой:

— Нет, Иордана. Мы с ним, как у нас говорят, хоть и хорошая пара, но не созданы друг для друга.

— Очень жаль.

Китти взглянула на часы. Колонна вот-вот доберется до первого обрыва. Придется спускаться с детьми по веревкам, потом ползти вниз.

— Расскажите мне лучше о себе и Давиде, — попросила Китти.

Иордана просияла.

— Мой милый, чудесный Давид.

— Где вы с ним познакомились?

— В Иерусалиме, в университете. Я поступила туда и уже на второй день учебы познакомилась с ним. Мы полюбили друг друга с первого взгляда.

— У меня с мужем было точно так же, — сказала Китти.

— Мне понадобился целый семестр, чтобы объяснить ему, что он меня любит.

— А мне — два, — улыбнулась Китти.

— Мужчины порой удивительно недогадливы. Но когда наступило лето, он уже знал, что без меня жить не сможет. Мы с ним отправились в археологическую экспедицию в Негев. Пытались установить точный маршрут Моисея и двенадцати колен Израилевых по пустыням Син и Фаран.

— Я слышала, те места не обжиты.

— Да! Там лежат развалины сотен древних набатейских городов. В цистернах до сих пор стоит вода. Если повезет, можно наткнуться на потрясающие находки.

— Это интересно.

— Еще как! Но работа очень тяжелая. Давид обожает раскопки. Он так живо чувствует древнюю славу нашего народа. Впрочем, не он один. Потому-то и невозможно оторвать евреев от этой земли. У Давида большие планы. Когда кончится война, мы с ним вернемся в университет. Мне надо

получить степень магистра, а Давиду — доктора. Тогда он приступит к раскопкам большого древнееврейского города в Хацоре — прямо здесь, в Хуле. Пока это, конечно, одни мечты. Чтобы копать, нужны немалые деньги. И мир. — Иордана засмеялась. — Мир для меня абстрактное понятие. Не могу даже представить, что это за штука — мир.

— Вот он наступит, и вы заскучаете.

— Не знаю, — ответила Иордана, и в ее голосе послышалась усталость. — Хоть бы раз в жизни увидеть, как живут нормальной жизнью.

— А путешествовать вы не хотите?

— Путешествовать? Я делаю только то, что делает Давид. Куда он, туда и я. Но, признаться, мне бы хотелось поехать когда-нибудь в дальние края. Всю жизнь мне втолковывали, что у нас ничего не должно быть, кроме Палестины. Многие мои друзья уехали отсюда. Но похоже, что мы, сабры, для того и родились, чтобы воевать, и просто не сможем жить в другом месте. Рано или поздно все возвращаются. Правда, тут быстро стареют. — Иордана внезапно замолчала. — Это все коньяк, наверное. Вы, конечно, знаете, что сабры совсем не умеют пить.

Китти улыбнулась и впервые почувствовала сострадание к этой девушке. Она потушила сигарету и снова взглянула на часы. Время шло ужасно медленно.

— Где они теперь?

— Все еще у первого обрыва. На спуск уйдет не меньше двух часов.

Китти тихо вздохнула, а Иордана уставилась в пространство.

— О чем задумались?

— О Давиде... и о детях. В то первое лето мы нашли в пустыне кладбище, которому не меньше четырех тысяч лет. Там был прекрасно сохранившийся скелетик ребенка. Может быть, он умер на пути в Землю Обетованную. Давид смотрел на него и плакал. Вот такой вояка... Осада Иерусалима не дает ему покоя. Я уверена — он вынашивает какой-то безумный план. Почему бы вам не прилечь? Ждать еще долго.

Китти допила свой коньяк, растянулась на койке, закрыла глаза и тут же как наяву увидела нескончаемый ряд мужчин, спускающихся друг за другом по веревке со спящими детьми на спине; ей померещились арабы, рыскающие

вокруг, следящие за каждым их движением, расставляющие западню...

Уснуть было решительно невозможно.

— Схожу к Либерману, посмотрю, как они там.

Она натянула шерстяную кофту и вышла. С вечера огонь прекратился. Китти встревоженно подумала: вдруг Мухаммед Каси что-то пронюхал? Луна светила ярко. Слишком ярко — чересчур уж ясная и тихая ночь. Ари следовало дожидаться ночи потемнее. Китти посмотрела вверх и различила очертания Форт-Эстер. Там, наверное, уже все известно, подумала она, входя в школьный бункер. Доктор Либерман и другие учителя сидели на койках с застывшими лицами, бледные от напряжения. Все молчали, она не выдержала и вышла.

Карен и Дов были в карауле.

Китти вернулась в штабной бункер, но Иордана тоже куда-то ушла. Она снова легла на койку и прикрыла ноги одеялом. Опять представились бойцы, спускающиеся по обрыву. Слишком тяжелый выдался день. Она впала в тяжкое забытие, чувствуя, как медленно тянется час за часом.

Первый час ночи. Китти беспокойно ворочалась на койке. Ее одолевал кошмар: арабы, оглушительно визжа, нападают на колонну с саблями наголо, мужчины убиты, и бандиты роют яму, чтобы бросить туда детей...

Китти вскочила, спустила ноги с койки. Она была вся в поту, сердце бешено колотилось. Вдруг до нее донесся звук. Она стала прислушиваться — и застыла в ужасе.

Это были выстрелы.

Она вскочила на ноги. Точно! Пальба где-то у Абу-Йеши! Это не сон. Колонну действительно обнаружили!

Она бросилась вон, но у входа столкнулась с Иорданой.

— Пустите!

— Китти, не надо!

— Там убивают моих детей!

Иордана изо всех сил пыталась удержать ее, но Китти будто обезумела: царапалась, хваталась за волосы. Тогда девушка приемом рукопашной схватки подняла ее и бросила через плечо.

— Уймитесь, Китти! Это стреляют Зеев и его ребята — нарочно, чтобы отвлечь арабов. Они напали на Абу-Йешу с противоположной стороны.

— Неправда!

— Клянусь! Это секрет, и я имела право рассказать о

нем только перед самым началом атаки. Заходила сюда, но вы спали. Тогда я пошла предупредить остальных.

Иордана наклонилась над Китти, помогла ей подняться и повела к койке.

— Тут еще осталось немного коньяка. Выпейте.

Китти с трудом сделала глоток, и вскоре ей полегчало.

— Извините, я сделала вам больно, — сказала Иордана.

— Пустяки, вы поступили правильно.

Иордана присела рядом с ней и принялась массировать затылок. Китти прислонилась к ее плечу и тихо заплакала. Потом встала и оделась.

— Карен и Дов вот-вот придут с поста. Пойду приготовить им чай.

Часы тянулись мучительно долго, — казалось, ночи не будет конца. Где-то мимо Абу-Йеши ползли во тьме люди. Еще немного — и носильщики смогут побежать вниз быстрее...

Два часа. Три... Теперь даже Иордана застыла в ожидании. В пять с четвертью все вышли из убежища на воздух. Стояло морозное утро. Тонкий слой инея покрыл газон в центре селения. Они подошли к обрыву, где лежал наблюдатель. Он не отрывался от бинокля, выглядывая признаки жизни у подножия горы. Наконец он поднял руку. Все посмотрели в сторону Яд-Эля и увидели, как мигает сигнальный фонарь.

— Что они говорят? Скорее!

— Да вот, не пойму... Икс, четырнадцать, шестнадцать. Все растерянно переглянулись. Сигнал повторился.

— Боже мой! — закричала Иордана Бен Канаан. — Ведь все хорошо, они добрались! «А ты подними жезл твой и прости руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше». Книга Исхода, глава четырнадцатая, стих шестнадцатый, — восторженно провозгласила она и улыбнулась Китти.

ГЛАВА 6

Через четыре дня после эвакуации малышей из Ган-Дафны Ари доложили, что атаки арабов на селения долины ослабели. Кроме того, он узнал от верных людей из Абу-Йеши, что Каси собрал половину своих головорезов в Форт-Эстер.

Стало ясно, что атака на Ган-Дафну может произойти в любую минуту.

Ари с двадцатью пальмахниками взобрался по скалам в Ган-Дафну, чтобы самому возглавить оборону. У него было около сорока бойцов, тридцать жителей селения да питомцы Иорданы из Гадны — всего около двухсот человек. Из оружия набралось полтораста старых винтовок и самодельных ружей, два пулемета, несколько сот самодельных гранат и мин и ветхое противотанковое орудие с пятью зарядами.

У Мухаммеда Каси по данным разведки было восемьсот человек, огромные запасы оружия и боеприпасов да еще орудия, а сверх того, помочь ему готовились арабы из Ааты и других деревень на границе с Ливаном.

Боеприпасов у Ари катастрофически не хватало. Он знал: единственный путь к спасению — разбить арабов в первом же бою. Мухаммед Каси, приставший к Кавуки в надежде на поживу, понятия не имел о военном деле. Ари решил воспользоваться невежеством противника и разработал план обороны, сделав ставку на то, что Каси двинется в лобовую атаку. Он знал, что арабы всегда атакуют кратчайшим путем, и поэтому сосредоточил все свои силы в одном месте — в ущелье, которое вело в Ган-Дафну. Если заманить бандитов в ущелье, шансы на победу сильно возрастут.

Зеев Гильбоа засел в скалах и буреломе под носом у Форт-Эстер. Оттуда он непрерывно наблюдал за каждым движением арабов и подтвердил, что Каси действительно копит силы.

Спустя три дня после прибытия Ари в Ган-Дафну на командный пункт примчался посыльный и доложил, что Каси вывел своих людей — около тысячи человек — из крепости. Сразу же объявили тревогу, и все жители Ган-Дафны — мужчины, женщины, дети — заняли свои места в окопах.

Горы прикрывали арабов, пока они не появились на возвышенности, расположенной прямо над Ган-Дафной, примерно в шестистах метрах от северной окраины селения и в двухстах от ущелья.

Защитники Ган-Дафны ждали.

Через несколько минут вся местность кишела арабами. Они остановились и стали смотреть вниз на притихшее селение. Тишина показалась офицерам подозрительной. Ни та, ни другая сторона не сделали еще ни одного выстрела.

Мухаммед Каси сидел в башне Форт-Эстер и смотрел в

мощный полевой бинокль. Он заулыбался, когда его воины добрались до возвышенности над Ган-Дафной. Раз евреи не стреляют, решил он, значит, мы их захватим врасплох. Он приказал дать орудийный залп — сигнал к атаке.

В Ган-Дафне слышали обрывки арабских команд. Арабы показывали вниз и бранились все истеричнее.

— Это они себя накручивают, — шепнул Ари.

Дисциплинированные защитники Ган-Дафны не подавали признаков жизни, хотя у них и чесались руки.

Выкрики продолжались еще несколько минут, и вдруг орда с визгом бросилась вниз по склону. Засверкали штыки и сабли. Вот-вот должно было выясниться, удастся ли первая часть плана Ари. Ночью посланные им группы заложили по обе стороны спуска самодельные мины, приводимые в действие на расстоянии, и создали своеобразный коридор, ведущий прямо в ущелье.

Зеев Гильбоа, занявший позицию на передовой, подождал, пока атакующие добегут до минного поля, и дал сигнал зеленым флажком. Ари включил рубильник.

Два десятка мин рванули одновременно на флангах, эхо взрыва пронеслось по горам. Арабы сбились в кучу и ринулись прямо в ущелье, по краям которого рядом с пулеметчиками расположились сорок пальмахников с гранатами. Едва арабы появились на дне ущелья, пальмахники открыли перекрестный огонь из пулеметов и обрушили ливень гранат. Самодельные зажигательные бомбы превращали бандитов в живые факелы. Ущелье вмиг наполнилось телами.

Мухаммед Каси, следивший за атакой, пришел в бешенство. Он приказал открыть артиллерийский огонь по краям ущелья, но половина снарядов угодила в его же бойцов. Бандитам удалось вывести из строя только один пулемет пальмахников.

Первая атака была отбита, но арабы, доведшие себя до истерии, как по инерции продолжали рваться вперед.

Второй пулемет прекратил стрельбу лишь тогда, когда перегрелся его ствол. Пальмахники оставили позиции по краям ущелья и отступили в Ган-Дафну, чтобы встретить нападающих там. Арабам оставалось до селения каких-нибудь сто метров. Давид Бен Ами снял маскировку и мешки с песком с венгерского противотанкового орудия. Вместо снарядов его зарядили картечью; в каждом залпе было около двух тысяч пуль. При хорошем наводчике такое орудие могло заменить роту стрелков.

Толпа арабов была в пятидесяти метрах... сорока... двадцати...

Пот лился ручьями по лицу Давида Бен Ами, он целился в упор.

— Пли!

Пушка содрогнулась и обрушила на атакующих ураган картечи. В дыму раздалась предсмертные вопли. Давид быстро перезарядил орудие. Уцелевшие арабы в панике оставались.

— Пли!

И еще раз:

— Пли!

От третьего выстрела ствол древнего орудия лопнул, но дело свое оно сделало: уложило около двухсот арабов. Атака захлебнулась, но вскоре арабы снова пошли на Ган-Дафну. На этот раз их встретил залп из окопов, где заняли позицию юноши и девушки из Гадны.

Истекая кровью, бандиты побежали назад. Зеев Гильбоа со своими пальмахниками бросился вдогонку. Сорок пальмахников преследовали несколько сот бандитов. Они погна-ли их вверх на плато.

Ари наблюдал за происходящим в бинокль.

— Этот сумасшедший, — вскричал он, — чего доброго, решил с ходу взять Форт-Эстер! Я же приказал ему остановиться у подъема!

— Какая муха его укусила? — буркнул сквозь зубы Давид.

— Нужно его остановить! — крикнул Ари.

Ари дал команду Иордане, чтобы ее ребята собрали оружие, брошенное арабами, и сразу возвращались в Ган-Дафну.

Его план удался. Правда, он израсходовал за четверть часа почти все боеприпасы, но зато вывел из строя добрую половину людей Каси.

Когда Мухаммед Каси увидел, что его люди со всех ног мчатся в Форт-Эстер, в крепости тоже началась паника. Зеев Гильбоа бежал впереди своих пальмахников на несколько метров. Он миновал заграждение из колючей проволоки, до форта оставалось метров сорок. Арабы открыли огонь, пытаясь остановить преследователей.

— Ложись! — крикнул Зеев, бросился на землю и отстреливался до тех пор, пока пальмахники не оказались вне досягаемости арабских пуль.

Убедившись, что они в безопасности, он пополз назад. Из крепости сыпался град пуль. Зеева ранило, и все же он поднялся во весь рост и побежал. Пуля попала в него еще раз, и Зеев повис на колючей проволоке.

К пальмахникам подползли Ари с Давидом.

— Зеев повис на колючке, — доложили пальмахники.

Ари осторожно выглянул из-за валуна. Зеев был метрах в ста от него — в открытом поле.

Внезапно огонь прекратился, воцарилась тишина.

— Что такое? — недоуменно спросил Давид.

— Они хотят сделать из Зеева приманку. Видят, что он двигаться не может, и ждут, когда мы пройдем на выручку.

— Сволочи! Почему же они не прикончат его?

— Неужели не понимаешь? Он потерял автомат. Они теперь ждут, что либо мы поползем туда под их выстрелы, либо уйдем, и тогда они возьмут его живьем, тогда они отыграются на нем за все.

— Господи Боже мой! — вырвалось у Давида. Он вскочил, но Ари схватил его и потащил назад.

— Дайте-ка парочку гранат, — сказал Ари. — Давид, веди ребят назад в Ган-Дафну.

— Неужели ты отправишься туда один?

— Выполняй приказ, черт возьми!

Давид велел пальмахникам отступать. Отползая, он оглянулся и увидел, как Ари осторожно двинулся к Зееву. Арабы знали, что кто-нибудь обязательно придет на выручку, и теперь не отрывали от Ари глаз. Они выжидали, пока он подползет ближе, чтобы подстрелить его.

Ари нырнул за обломок скалы. Арабы по-прежнему не стреляли.

Он прополз еще немного и залег метрах в двадцати от Зеева.

— Назад! — крикнул тот. — Сейчас же назад!

Ари осторожно высунулся из-за валуна. Он увидел, что Зеев, весь окровавленный, запутался в колючей проволоке. Ари посмотрел в сторону Форт-Эстер. Стволы винтовок, направленных на них, блестели на солнце.

— Назад! — снова крикнул Зеев. — У меня все кишки наружу, я протяну не больше десяти минут. Убирайся!

Ари снял гранаты с пояса.

— Эй, Зеев, — крикнул он на идиш, — я тебе подброшу парочку гранат.

Он поставил гранаты на предохранитель, приподнялся и бросил. Одна упала совсем рядом с Зеевом.

Зеев дотянулся до гранаты, прижал ее к раненому животу.

— Она у меня... Уходи отсюда!

Ари понесся вниз по склону. Арабы недоумевали, они думали, что он подползет еще ближе. Когда они открыли огонь, Ари был уже в безопасности и спускался к Ган-Дафне.

Зеев остался один. Силы покидали его. Арабы подождали еще полчаса, надеясь, что кто-нибудь придет к нему на выручку, а потом решили взять его в плен. Ворота крепости открылись. К раненому направилось около тридцати арабов. Зеев сорвал предохранитель, прижал гранату к голове.

Ари услышал взрыв и остановился. Он побледнел и затрясся, его ноги подогнулись. Затем он заковылял по склону к Ган-Дафне. В Ган-Дафне Ари уединился в командном бункере. Он выглядел усталым, вокруг глаз темнели круги.

Евреи потеряли убитыми двадцать четыре человека, среди них — четверых подростков. Еще двадцать два были ранены. Потери Мухаммеда Каси — четыреста восемнадцать убитых и сто семьдесят раненых.

В руки евреев попало столько оружия, что вряд ли Каси отважится еще раз напасть на Ган-Дафну. Но Форт-Эстер остался в руках арабов. Они продолжали контролировать дорогу через Абу-Йешу.

В бункер вошла Китти. Казалось, она вот-вот свалится с ног.

— Раненых арабов отправили в Абу-Йешу, кроме тех, кого вы хотите допросить.

Ари кивнул.

— А как наши раненые?

— Двое парней, кажется, безнадежны. Остальные более или менее в порядке. Я принесла вам немного коньяка, — сказала она.

— Большое спасибо.

Ари отпил глоток и погрузился в молчание.

— Я принесла вещи Зеева. Их совсем немного.

— Да, у кибуцника мало вещей. Все, в том числе и его жизнь, принадлежит не ему, — кивнул Ари.

— Мне нравился Зеев, — сказала Китти. — Прошлой ночью он рассказывал, как тоскует по своим овцам, как мечтает вернуться домой. Я думаю, его жене будут дороги эти вещи. Кстати, она вот-вот снова родит.

— Дурак набитый этот ваш Зеев! — прошипел Ари. — Зачем он поперся к крепости?

Ари взял в руки носовой платок, на котором лежало все богатство Зеева.

— Лиора — сильная женщина, справится, — сказал он. — А вот мне заменить его нечем.

Глаза у Китти сузились.

— Неужели вас беспокоит только то, что трудно найти замену?

Ари встал, закурил.

— Такие ребята, как Зеев, на деревьях не растут:

— Неужели вам действительно на свете ничего не дорого?

— Скажите, Китти, что, по-вашему, сделал командир вашего мужа, когда тот погиб у Гвадалканала? Устроил по нему панихиду?

— Здесь другое, Ари. Вы знали Зеева с детства. Его жена из Яд-Эля, она жила рядом с вами.

— Что же я должен делать?

— Плакать, жалеть!

По лицу Ари прошла судорога, губы задрожали. Однако он совладал с собой.

— Эка невидаль: человек пал в бою. Оставьте меня, пожалуйста, одного.

ГЛАВА 7

Осада Сафед началась 30 ноября 1947 года, на следующий день после принятия в ООН резолюции о разделе Палестины. Когда весной 1948 года англичане покидали город, они передали арабам все наиболее важные стратегические пункты.

Сафед похож на опрокинутый конус. Еврейская его часть — небольшой участок, не больше одной восьмой всей территории. Арабы окружили ее со всех сторон. У евреев было всего человек двести плохо обученных бойцов Хаганы. Однако, следуя традиции предков, они отказались отступить и решили стоять до конца.

На следующий день после ухода англичан Ари тайно отправил в еврейский квартал Сафед Иоава Яркони с тридцатью парнями и двадцатью девушками из Пальмаха. Им устроили восторженную встречу. Была суббота, но ребята так

сильно устали и проголодались за время похода по неприятельской территории, что впервые за много столетий кабалисты сочли возможным нарушить субботние запреты и приготовили бойцам горячую пищу.

Кавуки, стремясь превратить Сафед во временную резиденцию муфтия, приказал своим людям захватить еврейскую часть города. Арабы сделали несколько безуспешных попыток и поняли, что выполнить приказ можно только после упорных боев за каждую улицу, за каждый дом. Тогда они решили прибегнуть к диверсиям.

Евреев возглавляли Ремез и Яркони. Генерал Сазерленд переехал из своей виллы на горе Канаан к Ремезу. Иногда к нему обращались за советом, но он видел, что евреи прекрасно справляются и без его помощи.

Ремез поставил задачу расчистить полосу между еврейским и арабским кварталами, которые тесно примыкали друг к другу. Арабам не составляло труда проникать в еврейскую часть города и совершать диверсии. Нужно было освободить от домов некоторое пространство, и Яркони с небольшим отрядом ворвался в арабский квартал, захватил десяток крайних домов и оттуда обстрелял арабов. Через несколько дней, когда арабы вернулись в свои жилища, Яркони повторил рейд, а затем и еще раз сделал то же самое. В конце концов арабы сами взорвали эти дома. Именно этого и добивался Ремез: появилось свободное пространство, которое обеспечивало лучший обзор подступов к еврейскому кварталу.

Ремез и Яркони досаждали арабам круглые сутки. Каждый день три-четыре отряда пальмахников наносили внезапные удары по арабским кварталам всякий раз в новом месте и тут же исчезали. Разведка сообщала, если арабы где-то собирали силы, и пальмахники точно знали, где можно ударить, а какие места лучше обходить стороной. Подобно маневрам ловкого боксера, эти удары сбивали противника с толку.

Но больше всего звергали арабов в ужас ночные операции. Яркони вырос в Марокко и хорошо знал, как суеверные арабы боятся темноты. Он решил превратить ночь в своего союзника. Стоило пальмахникам взорвать ночью несколько самодельных хлопушек, как поднималась паника.

Ремез и Яркони понимали, конечно, что эти мелкие уколы мало что значат, но на серьезный удар сил не хватало. Превосходство арабов в живой силе и оружии мало-помалу

изматывало евреев. Если пальмахник или боец Хаганы выходили из строя, заменить их было нечем. Не лучше обстояло дело и с продовольствием. А боеприпасов до того не хватало, что, если кто-нибудь зря расходовал патрон, его штрафовали.

Несмотря на эти нехватки, евреи не отступали ни на шаг и не падали духом. Их единственной связью с внешним миром был радиоприемник, но занятия в школах шли по расписанию, ежедневно выходила самодельная газета, верующие не пропускали ни одной молитвы в синагоге. На письма — их носили специальные посыльные — наклеивались нарисованные от руки марки, которые не только имели хождение, но и пользовались глубоким уважением по всей Палестине.

Осада тянулась зиму и всю весну. В конце концов Яркони, Сазерленду и Ремезу пришлось посмотреть горькой правде в лицо. Евреи потеряли пятьдесят лучших бойцов, у них осталась дюжина мешков муки, а боеприпасов — от силы на пять дней. У Яркони кончились даже самодельные петарды. Арабы чувствовали слабость противника и действовали все активнее.

— Я обещал Ари, что не буду морочить ему голову, но боюсь, что придется все-таки отправиться в Эйн-Ор и поговорить с ним, — решил Яркони. Той же ночью он тайком выбрался из Сафед и отправился в штаб Ари.

Подробный доклад о положении в Сафед Яркони закончил так:

— Мне очень не хотелось беспокоить тебя, Ари, но дня через три нам придется есть крыс.

Ари что-то буркнул в ответ. Стойкость Сафед воодушевляла весь ишув. Теперь этот город был не только важным стратегическим пунктом, но и символом неслыханного мужества.

— Если удержим Сафед, то нанесем сокрушительный удар арабам Галилеи.

— Ари, мы совещаемся каждый раз, когда надо израсходовать хотя бы один патрон.

— Есть идея, — сказал Ари. — Идем.

Ари распорядился, чтобы особый отряд доставил ночью в осажденный город немного продовольствия, а сам отвел Иоава на склад оружия и показал марокканцу диковинную машину из чугуна, литая, гаек и болтов.

— Это еще что такое? — изумился Иоав.

— Иоав, ты видишь перед собой давидку.

— Давидку?

— Да, маленький плод еврейской смекалки.

Иоав почесал подбородок. Только при очень большом желании в этом сооружении можно было уловить некое сходство с пушкой.

— А что она умеет?

— Мне сказали что ее можно заряжать гранатами.

— И она стреляет?

— Как будто.

— А как?

— Черт его знает, еще не испытывали. У меня есть только рапорт из Иерусалима. Говорят, хорошее оружие.

— Против кого — арабов или нас самих?

— Вот что мы сделаем, Иоав. Я приберегу эту штуку как раз для экстренных случаев. Возьми давидку в Сафед.

Иоав обошел диковинку со всех сторон.

— Господи Боже мой! Чем только нам не приходится воевать! — пробормотал он.

Ночной отряд вместе с продовольствием протащил в Сафед и давидку с тридцатью фунтами зарядов к ней. Вернувшись в город, Иоав созвал командиров Хаганы и Пальмаха, и они до полуночи размышляли, как же все-таки действует эта пушка. Догадки высказывались самые разные.

Наконец кто-то предложил позвать Сазерленда. Пошли в гостиницу, разбудили его и сонного притащили в штаб. Он долго осматривал давидку, потом покачал головой:

— Только еврей мог придумать такое.

— Говорят, в Иерусалиме она действовала безотказно, — сообщил Иоав.

Сазерленд принялся нажимать на рычаги, рукоятки и кнопки. Через час они приблизительно поняли, как эта пушка стреляет.

На следующее утро давидку выволокли на позицию и повернули в сторону здания полиции, рядом с которым на крышах домов засели арабские снайперы.

Снаряды давидки были не менее диковинны, чем она сама. Они имели форму дубинки: стальная с детонатором головка, набитая динамитом, и толстая рукоятка по диаметру дула. Сазерленд опасался, что этот снаряд пролетит два-три метра и взорвется.

— Если эта штукавина просто выпадет из дула, она уничтожит все население Сафед, — предупредил Сазерленд, — и я боюсь, что получится именно так.

— А может, привязать веревку, чтоб стрелять с безопасного расстояния? — предложил Ремез.

— Я так и не понял, как эта каракатица наводится на цель, — вмешался Яркони.

— А зачем такому чудовищу наводка? — спросил Сазерленд. — Надо просто повернуть ее в нужную сторону и молиться Богу.

Главный раввин и каббалисты с женами тоже толпились вокруг давидки, затеяв обстоятельный спор о том, не наступил ли еще день Страшного Суда. Под конец раввин благословил оружие и помолился Богу, прося о милосердии, которое община заслужила благочестием и богоугодными делами.

— Ну, приступим, — хмуро сказал Ремез.

Каббалисты поспешно отошли на безопасное расстояние. В дуло насыпали взрывчатку, затем вставили снаряд. Цилиндр с динамитом угрожающе торчал наружу. К курку орудия привязали длинный шнур, потом все спрятались. Воцарилось гробовое молчание.

— С Богом — пли! — с дрожью в голосе скомандовал Яркони.

Ремез дернул за веревку, и произошло невероятное: давидка выстрелила!

Снаряд, кувыркаясь, полетел вверх, издавая жуткий вой, от которого кровь стыла в жилах, и упал на арабские дома неподалеку от здания полиции.

Сазерленд смотрел, разинув рот, как мальчик.

Усы Яркони встали дыбом.

Ремез выпучил глаза.

Старые каббалисты, молившиеся поодаль, остановились на полуслове.

От громового взрыва город задрожал до основания. Казалось, разнесло по меньшей мере половину горы.

За ним последовал новый взрыв — восторга, объятий, громких благословений и счастливого смеха.

— Клянусь Богом, — только и смог произнести Сазерленд.

Пальмахники тут же построили круг и сплясали вокруг давидки хору.

— Пальнем еще разок?

Арабы слышали, как радуются евреи, и понимали, чем вызвано ликование. Один только свист этого странного снаряда мог хоть кого напугать до смерти, тем более взрыв.

Никто из арабов, ни местные, ни пришлые, ничего подобного и во сне не видели. Каждый выстрел маленькой давидки сеял ужас и разрушение.

Иоав Яркони передал Ари, что самодельная пушка повергает арабов в панику, и тот решил рискнуть. Собрав по несколько человек из каждого села, он сколотил две роты. Ночью они пробрались тайком в Сафед, захватив с собой новые снаряды для давидки.

Шшшш... бух!

Чудовище, скрепленное болтами, своими гранатами сотрясало город.

На третий день после прибытия давидки в Сафед разверзлись небеса — дождь полил как из ведра. Ари Бен Канаан воспользовался этим, чтобы пустить невероятный слух. В этой войне слухи служили немаловажным оружием. Он велел Ремезу собрать всех его арабских агентов и провел с ними короткое совещание.

— Вам, верно, уже известно, братья, — сказал он по-арабски, — что у нас есть секретное оружие. Не могу говорить о нем много, скажу лишь, что после атомного взрыва всегда идет дождь. Вы меня, конечно, понимаете...

Не прошло и часа, как среди арабов пополз страшный слух, что давидка — новое секретное оружие. Еще через час все арабы Сафедра говорили об одном: у евреев есть атомная бомба!

Маленькая давидка выплевывала гранату за гранатой, дождь лил все сильнее, а с ним росла паника. Через несколько часов дороги были забиты бегущими арабами.

Воспользовавшись паникой среди арабов, Ари повел триста своих бойцов в атаку на Акрополь. Но захватить крепость не удалось, и евреи отступили с немалыми потерями. Три дня спустя, когда Сафед почти опустел, Ари, Ремез и Иоав атаковали Акрополь снова. На этот раз операция была тщательно продумана, нападение осуществили сразу с трех сторон, и крепость пала.

Все переменилось: взяв крепость, нависавшую над всей округой, евреи заставили обороняться тех, кто десятками лет безнаказанно мучил, громил и убивал беспомощных каббалистов. Арабы предпочли бежать от ярости евреев. Вскоре пало здание полиции, и Ари Бен Канаан повернул пальмаников за город, к крепости Тагарта на горе, именем которой назвалась его семья. Это была самая укрепленная позиция

противника. Каково же было удивление Ари, когда оказалось, что арабы бросили и эту почти неприступную твердыню. Теперь, когда и крепость Тагарта была в руках евреев, битву за Сафед можно было считать законченной.

Эта победа была настоящим чудом. В безнадежной ситуации несколькими сотням бойцов со странным оружием под названием давидка удалось перейти в наступление и завоевать весь город. Начались споры о том, почему эта победа оказалась возможной. Даже среди каббалистов мнения разделились. Рабби Хаим, раввин европейских евреев, не сомневался, что здесь не обошлось без небесного вмешательства, как, впрочем, и было предсказано в книге Иова.

Рабби Меир, наставник евреев с Востока, тоже не сомневался в факте Божественного промысла, но ссылался на пророчество Иезекииля.

Брюс Сазерленд вернулся в свой дом на горе Канаан и обнаружил, что арабы похозяйничали в нем: растоптали клумбы и утащили все, что смогли, даже дверные ручки. Сазерленд не очень расстроился. Он прошел с Яркони и Ремезом на заднюю террасу, чтобы полюбоваться видом на отвоеванный Сафед. В этот день было выпито немало коньяка.

Никто не знал, что бегство арабов из Сафед открывает новую трагическую главу в истории Палестины: оно положило начало проблеме палестинских беженцев.

Над Галилеей ветхий «либерейтор» с экипажем добровольцев из США и Южной Африки сбавил высоту.

Летчик заметил два синих сигнала и приземлился. Самолет сильно бросало из стороны в сторону, пока он рулил по кочкам посадочной дорожки.

К самолету подбежали люди, которые тут же разгрузили его. Это была первая партия современного оружия: винтовки, пулеметы, минометы, боеприпасы.

Оружие погрузили на грузовики, и они умчались в разные стороны. Самолет развернулся, с трудом оторвался от земли и полетел за новым грузом.

Наутро явились британские солдаты: арабы сообщили, что они слышали, как неподалеку приземлился самолет. Но англичанам не удалось найти никаких следов, и донесение было сочтено плодом воображения арабов.

Когда прибыл четвертый, а затем и пятый транспорт, евреи начали одерживать серьезные победы: взяли Тивериа-

ду, мощную тагартову крепость Гешер, отбили ряд нападений иракских диверсантов.

После взятия Сафед а евреи начали первое крупное наступление — операцию «Железная метла», которая должна была очистить от врагов Галилею. Верткие джипы с пулеметами врывались в деревни и уничтожали базы диверсантов одну за другой. Падение Сафед нанесло столь тяжелый удар по боевому духу арабов, что они почти не сопротивлялись «Железной метле».

Одержав несколько побед, бойцы Хаганы двинулись на Хайфу. Отряды обрушились с вершины Кармеля сразу на четыре арабские заставы, где засели не только палестинцы, но и пришедшие к ним на помощь арабы из Сирии, Ливана и Ирака. Поначалу арабы успешно отбивали атаки. Англичане, которые все еще контролировали район порта, требовали от евреев прекратить огонь, мешали наступать и даже вытесняли их с позиций, занятых после тяжелых боев.

Арабы стойко сопротивлялись, но стоило евреям усилить натиск, как арабский командующий тайно собрал свой штаб и бежал. Сопротивление сразу ослабло, а потом и вовсе прекратилось. Евреи двинулись в арабские кварталы.

В это время произошло непредвиденное: арабы вдруг заявили, что население хочет покинуть город. Странно было видеть, как арабы Хайфы, которых никто не преследовал, собрали пожитки и направились на север, к границе с Ливаном.

Акко, битком набитый арабскими беженцами, был взят Хаганой после трех дней сопротивления. За Акко пришла очередь древнейшего порта мира, Яффы, которую захватили маккавеи. Арабское население снова сбежало.

В иерусалимском коридоре Абдель Кадар выбил евреев из Кастеля, но Хагана и Пальмах после контратаки вернули себе его назад. Кадар попытался вернуть успех, но погиб в бою. Гибель самого толкового арабского командира стала тяжелым ударом для его соплеменников.

Приближался май 1948 года. Оставалось всего две недели до завершения эвакуации англичан. Срок мандата истекал.

На границах стояли армии Сирии, Йемена, Ливана, Трансиордании, Египта, Саудовской Аравии и Ирака. Они ждали приказа атаковать.

Наступили решающие дни. Посмеют ли евреи провозгласить независимость своего государства?

ГЛАВА 8

С ноября 1947 по май 1948 года ишув, не имея ни армии, ни вооружения, успешно противостоял многочисленному, хорошо вооруженному и фанатичному противнику. За эти месяцы Хагана превратилась в настоящую армию. Были обучены сотни новых бойцов и офицеров, организованы штабы, тыловые части, транспорт — все, что отличает регулярную армию от партизанских отрядов.

Военно-воздушные силы, состоявшие поначалу из нескольких «пайперов», с которых сбрасывали гранаты, пополнились «спитфайрами». Управляли ими бывшие летчики американских, британских и южноафриканских ВВС. Флот, начавшийся с ветхих пароходов для нелегальной иммиграции, располагал теперь несколькими фрегатами и торпедными катерами.

Евреи с каждым днем набирались опыта, победы вселяли в них уверенность в собственных силах. Они доказали, что в состоянии планировать и осуществлять серьезные операции.

Евреи побеждали, но понимали, что пока им приходилось бороться против не самого сильного врага. У арабов не было ни настоящей организации, ни умелого руководства, а главное, они не собирались долго воевать. Их поражения лишний раз подтверждали, что на одних воинственных лозунгах далеко не уедешь — нужно нечто большее, чтобы побудить не жалеть крови и самой жизни.

Доставка легкого оружия самолетами помогла ишуву выстоять. Однако по мере того, как приближался решающий час, становилось ясно, что этим же оружием придется воевать против настоящих армий с танками, артиллерией и современной авиацией. Те, кто полагал, что угрозы арабских стран не стоит принимать всерьез, скоро убедились в противном.

Арабский легион из Трансиордании опрокинул все понятия о воинской чести. Англичане возложили на него полицейские функции, но вскоре эти «Британские полицейские силы» начали открытые боевые действия против еврейских селений, расположенных вдоль Вифлеемского шоссе.

Там жили верующие евреи, которые, подобно жителям других мест, решили отстаивать свои дома до последнего.

Арабы, руководимые английскими офицерами, беспощадно обстреляли эти селения и отрезали их от внешнего мира.

Первым пал кибуц Эцион. После артподготовки легионеры атаковали измученных осадой и голодом его защитников. Те дрались до последнего патрона. Арабские крестьяне, шедшие за легионом, ворвались в кибуц и вырезали их почти всех. Солдаты остановили резню, когда в живых осталось всего четверо евреев.

Хагана обратилась к международному Красному Кресту с просьбой взять под опеку остальные три селения, у которых кончались боеприпасы, и только благодаря этому там не случилось резни.

В Негеве, неподалеку от Мертвого моря, Арабский легион ударил по кибуцу Бейт-Гаарава — Дом в пустыне. Летом жара здесь доходила до пятидесяти градусов в тени. Когда евреи пришли сюда, это были безжизненные солончаки, где ничего не росло. Они акр за акром очищали почву от соли, строили оросительные каналы, плотины и водохранилища для задержания весенних вод и наконец создали современное хозяйство.

До ближайшего еврейского поселка от Бейт-Гааравы было полтораста километров. Помощи ждать не приходилось, и кибуц сдался. Евреи покинули Бейт-Гаараву, предав огню дома и поля, созданные ценой нечеловеческого труда.

Таковы были первые победы, одержанные арабами: Бейт-Гаарава и залитое кровью селение Эцион.

В ночь на 14 мая 1948 года британский верховный комиссар Палестины покинул ввергнутый в войну Иерусалим. Юнион Джек, ставший в Палестине символом произвола и злоупотребления властью, покинул флагшток.

14 мая 1948

Вожди ишува и Всемирной сионистской организации собрались в Тель-Авиве в доме Меира Дизенгофа, основателя и первого мэра города. У подъезда часовые с автоматами сдерживали людей, плотно стоявших вокруг здания.

Во всем мире — в Каире и Нью-Йорке, в Иерусалиме и Париже, в Лондоне и Вашингтоне ждали новостей из этого дома. Тысячи людей застыли у радиоприемников.

«Вы слушаете «Кол Исраэль» — «Голос Израиля», — раздался голос диктора. — К нам только что поступил доку-

мент, касающийся окончания британского мандата над Палестиной. Сейчас мы зачитаем его...»

— Тише! Тише! — просил доктор Либерман детей, собравшихся в его доме. — Пожалуйста, тише!

«Еврейский народ вырос в стране Израиля. Здесь сложился его духовный и политический облик. Здесь он жил полной государственной жизнью и творил ценности культуры — национальной и общечеловеческой, — которые завещал миру в Книге Книг...»

В гостинице Ремеза Брюс Сазерленд с Иоавом Яркони бросили шахматы и вместе с хозяином самозабвенно слушали радио.

«Только грубая сила принудила евреев покинуть землю Израиля. Но они остались верны Отечеству во всех странах, по которым их рассеяла судьба, и не переставали надеяться на возвращение и восстановление независимости...»

В Париже голос диктора заглушали помехи. Барак Бен Канаан лихорадочно крутил ручки приемника.

«В силу своей исторической принадлежности евреи во все времена стремились вернуться на землю отцов и воссоздать свое государство. Последние поколения возвращались сюда массово. Пионеры, строители дорог и защитники поселений, они воскресили пустыни, возродили еврейский язык, возвели города и деревни и положили начало хозяйственной и культурной жизни общества, ищущего мира с соседями и умеющего обороняться от них, несущего прогресс всему населению...»

В Сафед каббалисты, затаив дыхание, слушали слова, которые, казалось, произносились во исполнение древних пророчеств. Слушали изнемогающие от усталости пальманики горной бригады в иерусалимском коридоре. Слушали жители осажденных селений в ослепительной пустыне Негев.

«Это право было признано в Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 года и подтверждено в мандате Лиги Наций, который подчеркнул международное признание...»

Давид Бен Ами вбежал в штаб кибуца Эйн-Ор. Ари приложил палец к губам и показал на радиоприемник.

«Решить проблему еврейского народа, лишенного родины и самостоятельности, путем возрождения его государственности, что откроет ворота родины перед каждым евреем и сделает еврейский народ полноправной нацией в семье народов...»

Дов и Карен сидели, держась за руки, в столовой и слушали громкоговоритель.

«Во время Второй мировой войны еврейство Палестины полностью внесло свой вклад в общее дело борьбы... 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании еврейского государства в Палестине... Это признание за еврейским народом права на воссоздание своего государства не может быть отменено. Это естественное право еврейского народа жить, как все народы, самостоятельно, в своем суверенном государстве.

Мы провозглашаем восстановление еврейского государства в Палестине — государства Израиль...»

Китти Фремонт слышала, как у нее бьется сердце. Иордана улыбалась.

«Израильское государство откроет свои ворота перед иммиграцией в интересах воссоединения рассеянного по миру народа; будет заботиться о развитии ресурсов страны в интересах всех ее жителей; будет основано на идеалах свободы, мира и справедливости, на идеалах израильских пророков; осуществит полное общественное и политическое равноправие всех граждан без различия веры, расы и пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, образования и культурной жизни; будет охранять святые места всех религий и будет хранить верность принципам Хартии ООН...»

«В разгар агрессии против нас мы обращаемся к сынам арабского народа, живущим в государстве Израиль, с призывом сохранить мир и принять участие в строительстве государства на основах полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех учреждениях...»

«Мы протягиваем руку мира всем соседним государствам и их народам и предлагаем им добрососедские отношения, взаимопомощь и сотрудничество...»

«С глубокой верой в Бога мы подписываем эту декларацию на сессии Временного Государственного Совета на родной земле, в городе Тель-Авиве, в канун субботы, четырнадцатого мая 1948 года».

Уничтоженное две тысячи лет назад государство возродилось к новой жизни.

Спустя несколько часов президент Соединенных Штатов Америки Гарри Трумэн первым объявил о признании Израйля.

В то время, когда толпа плясала хору на улицах Тель-

Авива, египетские бомбардировщики брали курс на город, намереваясь его уничтожить. К границам новорожденного государства двинулись многотысячные арабские армии.

ГЛАВА 9

Армии арабских государств не успели пересечь границы Израиля, а их командиры уже начали издавать коммюнике, в которых ярко описывались мнимые победы. Арабы объявили, что они сбросят евреев в море. Но единого командования у них не было. У каждого государства имелись собственные планы — особенно насчет того, кому управлять Палестиной. Багдад и Каир, стремящиеся к главенству в арабском мире, желали создать нечто вроде нового Халифата; Саудовская Аравия также претендовала на руководящую роль, считая достаточным основанием для этого то, что священные города Мекка и Медина находятся на ее территории; Иордания предъявляла права на Палестину как часть бывшей подмандатной территории; Сирия вспоминала, что Палестина — южная часть бывшей Османской империи.

Вот с каких позиций двинулись в наступление «объединенные силы».

Негев

Египтяне атаковали с Синайского полуострова и двигались на север, вдоль полосы Газы, находившейся в руках арабов. Первая армия, в состав которой входили бронетанковые силы, артиллерия и авиация, направлялась по береговому шоссе параллельно железной дороге в сторону Тель-Авива, временно объявленного израильской столицей. Египтяне были уверены, что евреи при приближении их грозной армии в панике бросят свои дома и разбегутся.

Продвинувшись до первого кибуца Нирим, египтяне с ходу атаковали его, но были отбиты. Такое же сопротивление они встретили и в других селах, которые попытались взять. Это встревожило египетское командование. Было решено изменить тактику: двигаться дальше на север, обходя непокорные селения. Это дало евреям возможность напасть на тылы. Хотели этого египтяне или нет, но им все-

таким приходилось замедлять движение и ввязываться в сражения.

Египетская артиллерия обрушивала на еврейские селения море огня, с воздуха их бомбила авиация. После кровопролитных боев египтяне взяли три населенных пункта. Однако большинство сел продолжали обороняться.

Самой стратегически важной точкой на пути египтян был кибуц Негба — Врата Негева, расположенный у перекрестка, где сходились шоссе, ведущие на север к Тель-Авиву и в глубь страны. Негбу они решили взять во что бы то ни стало.

В километре от Негбы стоял форт Сувейдан — Чудовище холма, переданный англичанами при выводе войск арабам. Из этой крепости египтяне могли разнести Негбу в щепки.

Кибуцники прекрасно понимали, как важна Негба для противника, знали они также, что их ждет в случае сопротивления, и все-таки решили принять бой. Когда орудия Сувейдана сровняли строения Негбы с землей, когда норма воды, которую получали ее защитники, снизилась до нескольких глотков в день, а продовольствия не осталось вовсе, они все равно продолжали сопротивляться. Атаки следовали одна за другой. У евреев нашлось всего пять противотанковых гранат, но они ухитрились подбить четыре машины. Неделя проходила за неделей, а Негба держалась. Люди слышать не хотели о сдаче. Защитники Негбы сражались, как когда-то их предки в Масаде, и стали символом несгибаемости нового государства.

Египтяне, оставив большие силы в Сувейдане, продолжили свой путь вдоль побережья на север и подошли к Тель-Авиву.

В Ашдоде, в тридцати километрах от Тель-Авива, израильтяне подготовили мощную оборону. Туда переправляли оружие, боеприпасы и новичков-эмигрантов, прибывавших в страну. Египтян нужно было остановить любой ценой.

Между тем египтяне подтягивали тылы и готовились к решающему нападению на Тель-Авив.

Другая египетская армия двинулась в глубь страны, в Негев. Она шла по территории, населенной арабами, и, естественно, сопротивления ей никто не оказывал. Были заняты арабские города Беер-Шева, Хеврон и Бет-Лехем. Каирское радио и газеты, захлебываясь от восторга, хвастались победами.

Предполагалось, что эта армия прославит себя взятием Иерусалима. Она должна была ударить с юга, а Арабский легион с востока. Но египтяне решили ни с кем не делить победу и пошли в наступление сами.

Сосредоточив силы в Бет-Лехеме, они напали на Рамат-Рахель — Холм Рахили, кибуц на южных подступах к новой части Иерусалима, построенный на месте, где, по преданию, праmaterь Рахиль оплакивала изгнание своих детей из Израиля.

Жители Рамат-Рахели дрались, пока у них были силы. И все же им пришлось сдать кибуц и отступить к окраине Иерусалима. Там они получили подкрепление от Хаганы, выбили египтян из селения и погнали обратно в Бет-Лехем. Кибуц снова оказался в руках его жителей.

Иерусалим

Когда англичане ушли из Иерусалима, Хагана предприняла несколько атак на кварталы, где окопались люди Кавуки. Бои велись за каждую улицу.

Кроме того, решено было захватить арабское предместье, отделявшее от нового Иерусалима гору Скопус, где жило много евреев и находились важные учреждения. С выполнением этой задачи появилась возможность занять Старый город. Но опасение, что во время штурма пострадают святые места, и сильный нажим извне заставили евреев отказаться от захвата Старого города.

По просьбе монахов евреи покинули наблюдательный пункт в башне Армянской церкви в Старом городе. Но как только они ушли, туда ворвались бандиты. И все же евреи считали, что арабы не посмеют напасть на Старый город, священный для всех трех религий.

Вскоре Хагана убедилась, что недооценила противника. Глаб-паша, главнокомандующий Арабского легиона, торжественно заверял, что с уходом англичан из Палестины он выведет свои части в Иорданию. Но стоило англичанам оставить Иерусалим, как легионеры пошли в атаку и захватили несколько позиций. Оборону предместья, отделявшего гору Скопус от города, поручили маккавеям. Те не смогли его отстоять, предместье перешло в руки легиона, и гора Скопус была отрезана. Затем паша отдал приказ атаковать Старый город.

Евреи не строили иллюзий в отношении арабов, но на-

падение на величайшую святыню мира переходило все границы. Остановить арабов было некому. Несколько тысяч религиозных евреев Старого города ничего не делали, чтобы защитить себя. В Старый город переправили бойцов Хаганы, за ними отправились добровольцы-маккавеи.

Иерусалимский коридор

Шоссе из Иерусалима в Тель-Авив продолжало оставаться зоной кровавых боев. Горные части Пальмаха заняли с десятков вершин в горах Иудеи, прочно держали Кагель, взяли Цуву и другие важные позиции и поэтому могли контролировать самый опасный участок — Баб-эль-Вад.

И тут произошло событие, которое стало черным пятном в истории молодого государства. Маккавеям поручили оборону вершины, рядом с которой расположено арабское село Неве-Садж. Случилось необъяснимое: маккавеев охватила внезапная паника, и они вдруг открыли беспощадный огонь по селу. Начав, они уже не могли остановиться и убили более двухсот крестьян. Молодая нация вынуждена была долго очищаться от позора Неве-Саджа.

Хотя горная бригада освободила путь через Баб-эль-Вад, арабы без труда продолжали блокаду Иерусалима, так как владели тагартовым фортом у Латруна. Латрун, где раньше находилась английская политическая тюрьма, в камерах которой побывали почти все вожди ишува, был расположен на перекрестке перед въездом в Баб-эль-Вад.

Латрун стал самым важным объектом израильских атак. Для его захвата сформировали специальную бригаду из иммигрантов, недавно прибывших с Кипра и из лагерей для перемещенных лиц в Европе. Командиры бригады были молоды и неопытны. Ночью она получила приказ атаковать, но операция была плохо продумана и еще хуже выполнена. Арабы легко отразили нападение.

Две следующие ночи бригада продолжала безрезультатно атаковать. Затем ее сменила горная бригада Пальмаха, атака которой едва не завершилась успехом.

В израильскую армию вступил бывший американский полковник Майки Маркус, известный под кличкой Камень. Его направили в иерусалимский коридор, где особенно нуждались в опытных командирах. За короткий срок Майки перестроил моторизованные части, которые израильтяне так успешно использовали во время операции

«Железная метла». Маркус пытался создать подразделение, способное овладеть Латруном. Но случилось несчастье — Маркус погиб.

Иерусалим так и остался в блокаде.

Долина Хулы — Тивериадское озеро

Сирийцы пересекли Иордан при поддержке танков и авиации и несколькими колоннами направились в глубь страны.

Первая колонна обрушилась на три еврейские селения: Шошану, где родился Ари, Деганию А и Деганию Б, расположенные вблизи впадения Иордана в озеро.

У евреев было так мало людей в этом районе, что им пришлось гонять из Тивериады в эти села пустые грузовики, чтобы создать видимость, будто туда доставляются подкрепления и боеприпасы.

Жители трех селений послали делегацию к Ари Бен Канаану. Их кибуцы находились за пределами района, которым он командовал, но они рассчитывали, что Ари поможет землякам. Но у Ари и своих дел было по горло: Мухаммед Каси и Ган-Дафна, Сафед и, наконец, вторая сирийская колонна. Он сказал делегации, что жителей селений может спасти только ярость, и посоветовал приготовить побольше «коктейлей Молотова» — бутылок с зажигательной смесью и затем дать сирийцам войти в кибуцы. Как считал Ари, один вид арабов, топчущих еврейскую землю, вдохновит евреев на отчаянное сопротивление.

Сначала сирийцы атаквали Деганию А. Командиры местных отрядов Хаганы приказали защитникам не стрелять, пока танки не дойдут до центра кибуца. Сирийские танки, давящие клумбы, привели кибуцников в бешенство. Евреи забросали их с близкого расстояния «коктейлями» со смесью. Сирийская пехота, идущая за танками, в панике повернула назад, и никакие силы не смогли остановить ее.

Вторая сирийская колонна наступала южнее, по долине Бет-Шеан. Сирийцам удалось взять Шаар-Хаголан и Масаду, стоящие на берегу Ярмука. Когда евреи пошли в контратаку, сирийцы подожгли оба селения и бежали, прихватив с собой награбленное имущество. Крепость Гешер, занятую Хаганой до подхода сирийцев, евреям удалось удержать, как и остальные населенные пункты долины.

Третья колонна пересекла Иордан в районе долины Хулы, которую оборонял Ари Бен Канаан. Они взяли Миш-

мар-Хаярден — Страж Иордана и готовились прорваться в центр долины, чтобы соединиться с отрядами Кавуки. Однако Яд-Эль, Аэлет-Гашахар, Кфар-Шольд и Дан стояли твердо, несмотря на артиллерийский огонь, ответить на который было нечем. Зато когда сирийцы оказывались на расстоянии винтовочного выстрела, бойцы били без промаха. В Аэлет-Гашахар удалось даже, к большой радости кибуцников, сбить сирийский самолет.

Тем временем на еврейские селения в горах и в районе Метуллы напали ливанцы, в большинстве своем христиане. Некоторые их руководители сочувствовали сионизму, воевать им не хотелось, но под давлением других арабских государств все-таки пришлось вступить в войну. Стоило ливанцам столкнуться с сопротивлением, как они тут же отступали.

Ари не позволил силам противника соединиться в долине Хулы. Получив новую партию оружия, он стал готовить контрнаступление: перебросил людей и оружие туда, где приходилось особенно трудно, наладил коммуникации и превратил долину Хулы в один из самых неуязвимых районов Израиля. Единственным, с чем он не смог справиться, был Форт-Эстер.

Наступление сирийцев выдыхалось. Не считая Мишмар-Хаярдена, они всюду терпели поражения. Чтобы как-то отыгаться, они сосредоточили свои силы против Эйн-Гева, кибуца музыкантов, стоящего на восточном берегу Тивериадского озера. Высоты, окружавшие его с трех сторон, находились в руках сирийцев, с четвертой было озеро. Добраться в отрезанный от внешнего мира Эйн-Гев удавалось только ночью на лодках из Тивериады.

Сирийская артиллерия обстреливала кибуц днем и ночью. Евреям пришлось зарыться в землю. По ночам они выходили из убежищ и умудрялись обрабатывать поля. Лишения, выпавшие на их долю, можно сравнить только с тем, что претерпели защитники Негбы.

Во всем кибуце не осталось целого здания. После многодневного непрерывного обстрела несколько тысяч сирийцев обрушились на кибуц, в котором насчитывалось не более трехсот защитников. Атаки повторялись снова и снова. Еврейские снайперы стреляли без промаха, но сирийцы продолжали наступать, заставляя евреев отступать к воде. Наступательный порыв сирийцев иссяк в тот момент, когда у защитников кибуца кончились патроны.

Евреи удержали Эйн-Гев и свое право на Тивериадское озеро.

Саронская долина, Тель-Авив, «треугольник»

Обширная территория в Самарии получила название «арабского треугольника», углами которого стали города Дженин, Туль-Карм и Рамалла. Наблус, старая база Кавуки, превратился теперь в опорный пункт иракской армии. Иракцы пытались форсировать Иордан в районе долины Бет-Шеан, но потерпели жестокое поражение и заняли позиции в той части Самарии, где жили одни арабы.

Западнее «треугольника» простирается Саронская долина, здесь евреи удерживали узкую полосу вдоль шоссе Хайфа — Тель-Авив. От морского берега до одной из сторон «треугольника» местами было не более двадцати километров. Если бы враг сумел выйти к морю, он перерезал бы Израиль пополам.

Но иракцы отнюдь не горели желанием воевать. Когда евреи малыми силами напали на Дженин, они разбежались, почти не оказав сопротивления. Остались только артиллеристы, прикованные цепями к орудиям. Одна мысль о том, чтобы атаковать густонаселенную Саронскую долину, была в высшей степени неприятна жизнелюбивым иракцам. Все что угодно, только не это!

Тель-Авив перенес несколько налетов египетской авиации, но, когда у евреев появились зенитные орудия, налеты сразу прекратились. Впрочем, арабская печать не менее десяти раз сообщала, что бомбардировщики сровняли Тель-Авив с землей.

У евреев было всего несколько самолетов. Они обратили в бегство египетский крейсер, пришедший бомбардировать Тель-Авив с моря.

Западная Галилея

Бандам Кавуки понадобилось шесть месяцев, чтобы овладеть хотя бы одним еврейским селением. «Генералиссимус» перенес свой штаб в район Центральной Галилеи, к Назарету, где жили арабы. Здесь он рассчитывал соединиться с сирийцами, ливанцами и иракцами, но расчеты оказались тщетными.

Большую часть Галилеи «Железная метла» очистила от бандитов еще до наступления арабских армий. И только Кавуки еще держался. Арабы-христиане, жившие в окрестностях Назарета, требовали, чтобы Кавуки убрался из их мест.

Легион продолжал удерживать Латрун, ключ к осажденному Иерусалиму. Арабские армии захватили несколько сел и подошли к Тель-Авиву на угрожающе близкое расстояние. Однако планы арабов потерпели крах. Еврейское государство не только появилось на свет, но сумело, к недоумению военных экспертов многих стран, отразить нападение, которому подверглось со всех сторон. Евреи одержали победы сразу на нескольких фронтах над регулярными армиями, чьи силы во много раз превосходили их собственные.

Страны одна за другой признавали израильское государство. Оружие лилось в Израиль потоком, и с каждым днем его армия крепла. Несмотря на войну, создавались новые кибуцы и мошавы. В день, когда была провозглашена независимость, справили новоселье шесть новых поселений.

Героизм Эйн-Гева, Негбы и сотни других селений; пальмахники, которые сутками сражались без пищи и воды; иммигранты, отправлявшиеся в бой, едва ступив на землю Израиля; смекалка, заменившая оружие, — все это остановило арабские армии.

Но было и другое. Господень промысел, судьба, предсказанная древними пророками, наследие предков, сражавшихся за свою свободу тысячелетия назад, традиции царя Давида, Бар-Гиоры и Бар-Кохбы, сила и вера, почерпнутые из Писания, тоже встали на пути арабов.

ГЛАВА 10

Барак Бен Канаан заключил несколько сделок по закупке оружия и выполнил все дипломатические поручения в Европе. Он истосковался по дому и упросил, чтобы его отозвали в Израиль. Бараку уже минуло семьдесят, он начинал сдавать, хотя ни за что бы в этом не признался.

Он отправился в Неаполь, чтобы на пароходе вернуться домой. Там его встретили израильтяне, бывшие агенты Алии Бет, у которых был в этом городе штаб. Они занимались переправкой в Израиль евреев из итальянских лагерей для перемещенных лиц, которых очень ждали в Израиле, где на счету была каждая пара рук. Тех, кто помоложе, сразу по прибытии обучали военному делу, остальных направляли рыть окопы в пограничных селах.

По случаю приезда Барака Бен Канаана свет в израильском штабе горел далеко за полночь. Пили коньяк, и Барак

снова и снова рассказывал про «чудо в Лейк-Саксесе» и о сделках, заключенных им в Европе.

Все были озабочены положением Иерусалима — только что сообщили об очередной безуспешной попытке евреев захватить Латрун. Один Бог знает, долго ли еще продержится стотысячное население священного города.

К двум часам ночи речь зашла о местной войне, которую израильтяне вели против итальянского теплохода «Везувий». Этот теплоход водоизмещением в четыре тысячи тонн сирийцы загрузили оружием, закупленным в Европе. Груз — десять тысяч винтовок, около миллиона патронов, тысячу пулеметов и столько же минометов — намечалось доставить в Тир.

«Везувий» был готов поднять якорь еще месяц назад, однако израильтяне узнали о его грузе. В ночь перед отплытием несколько смельчаков подплыли к теплоходу и прикрепили к днищу магнитные мины. После взрыва теплоход получил повреждения, но груз, вопреки ожиданиям, не взорвался. «Везувий» остался на плаву. С тех пор вокруг него шла непрерывная игра.

Сирийский полковник Фавзи, ответственный за груз стоимостью в миллионы долларов, велел отбуксировать теплоход в док и заделать пробоины. Он привез из Рима и Парижа полсотни арабских студентов и поручил им охрану судна. Одновременно Фавзи уволил команду и заменил ее двенадцатью арабами. Только капитан и два его помощника были итальянцами: они служили в пароходной компании, которой принадлежал теплоход. Капитан невлюбил чванливого сирийского полковника и тайно обещал помогать израильтянам, но взял с них слово, что новых акций против судна не будет.

Израильтяне не могли допустить, чтобы груз попал в Тир. Но как это сделать? Они пообещали итальянским властям и капитану, что не тронут судно в порту, но, если оно уйдет в море, немногочисленный израильский флот вряд ли сумеет его отыскать.

Барак волновался. Он не раз сталкивался с неразрешимыми задачами в прошлом и всегда решал их. Неужто он не придумает что-нибудь и на этот раз? К утру у него родился замысел.

Два дня спустя «Везувий» поднял якорь и покинул порт. Накануне отплытия Фавзи отстранил итальянца, второго помощника капитана, от обязанностей радиста. Но израильтя-

не все равно узнали точный час отплытия. Судно выходило из гавани, когда к нему, сигнала, подплыл итальянский таможенный катер.

Фавзи, который не понимал по-итальянски, поднялся в рубку и спросил у капитана, что это значит.

— А кто его знает, — ответил капитан, пожимая плечами.

— Эй, на «Везувии»! — продолжал греметь мегафон. — Приготовьтесь к таможенному досмотру.

Человек двадцать в форме итальянской таможни поднялись на борт теплохода.

— Будьте любезны объяснить, что все это значит! — гневно закричал Фавзи.

Начальник таможенной команды, огромного роста старик с седеющей рыжей бородой, удивительно похожий на Барака Бен Канаана, выступил вперед и сказал по-арабски:

— У нас имеются сведения, что один из членов экипажа подложил в трюм мину с часовым механизмом.

— Не может быть! — воскликнул Фавзи.

— По нашим сведениям, его подкупили евреи, — серьезно заявил великан. — Вам необходимо покинуть акваторию порта, прежде чем судно взорвется.

Фавзи растерялся. Ему отнюдь не улыбалась перспектива взорваться вместе с «Везувием». Но не может же он, полковник, просить, чтобы его сняли с судна.

— Постройте свою команду, — посоветовал бородач. — Мы вмиг найдем виновного, и уж он признается нам, где именно подложена мина.

Команду немедленно вызвали на палубу и подвергли допросу. Тем временем «Везувий» вышел из трехмильной зоны, и таможенный катер повернул обратно в Неаполь. Агенты Алии Бет вытащили пистолеты и арестовали Фавзи и его арабскую команду. В открытом море команду посадили в спасательную лодку, снабдили компасом и картой и отпустили. Полковника заперли в его собственной каюте. Израильтяне распределили судовые роли, и теплоход двинулся вперед полным ходом.

Тридцать шесть часов спустя к «Везувию» подплыли два корвета, над которыми развевались пиратские флаги — череп с костями. Они пришвартовались к теплоходу, забрали оружие и команду, вывели из строя рацию и исчезли. «Везувий» взял курс назад в Неаполь.

Полковник Фавзи бесновался. Он требовал расследова-

ния инцидента. Итальянская таможня, которую арабы обвинили в том, что она предоставила евреям катер и форму, заявила, что каждый выезд катеров регистрируется, а в журнале ничего об этом происшествии нет, в чем легко убедиться. Арабская команда, отпущенная в спасательной шлюпке, верная арабскому обычаю никогда не говорить правду, лгала направо и налево, и вскоре появилось двенадцать совершенно различных версий о случившемся. Капитан судна и два его помощника показали под присягой, что арабская команда дезертировала, как только узнала о мине в трюме.

Дело до того запуталось, что не осталось никакой возможности добраться до истины. Израильцы дополнили путаницу слухом, будто судно на самом деле принадлежало евреям, а похитили его арабы и что Фавзи был еврейским агентом.

Полковнику Фавзи оставалось только одно — инсценировать самоубийство, что он и сделал. Через два дня после захвата «Везувия» два корабля с развевающимися звездами Давида на мачтах доставили Барака Бен Канаана домой.

ГЛАВА 11

Ари Бен Канаан получил приказ явиться в Тель-Авив. Штаб располагался в особняке Рамат-Ган. Выглядел он непривычно: флаг со звездой Давида, часовые в форме новой израильской армии, строгая проверка удостоверений при входе, множество джипов и мотоциклов, всюду чувствовалось особое, лихое военное оживление.

В здании без умолку трещали телефоны. Ари провели через зал оперативных совещаний, где на стенах висели огромные карты с флажками, отмечающими положение на фронтах, и через комнату связи, где целая батарея радиостанций переговаривалась с различными участками фронта. Глядя на всю эту роскошь, Ари подумал, как мало все это похоже на старый передвижной штаб Хаганы, где из оборудования были стол и пара табуреток.

Авидан, бывший командующий Хаганы, ушел в отставку, передав пост молодому военному, который приобрел боевой опыт в рядах британской армии. Теперь Авидан служил связующим звеном между армией и Временным правительством и, хотя не занимал официальной должности, продолжал пользоваться огромным авторитетом.

Авидан тепло поздоровался с Ари. Трудно было определить, устал он или только что отдохнул, огорчен или доволен, — Авидан всегда сохранял одинаково серьезное выражение лица. Они вошли в кабинет, и Авидан распорядился никого к нему не пускать.

— Ну и лавочку вы тут себе завели, — сказал Ари.

— Да, не то что раньше, — согласился Авидан. — Я сам никак не привыкну. Бывает, приезжаю сюда утром, и мне кажется, что вот-вот нагрянут англичане и отвезут нас всех в тюрьму Акко.

— Мы удивились, когда узнали, что ты сам подал в отставку.

— Для молодой армии, ведущей большую войну, нужны молодые. А я на старости лет займусь политикой.

— А как идет война? — спросил Ари.

— Латрун — вот наша беда. Мы вряд ли долго продержимся в Старом городе, и один Бог знает, сколько продержимся в Новом, если только не пробьем блокаду в ближайшее время. Поработать придется на совесть, как вы в своем районе.

— Нам повезло.

— Это где же повезло? В Сафед, что ли, или в Ган-Дафне? Брось, Ари, скромничать. У нас в Бен-Шемене дети до сих пор в осаде. Правда, атаковать иракцы пока не решаются. И вот что еще: Кавуки до сих пор в Центральной Галилее. Надо разделаться с этим сукиным сыном. Из-за него я тебя и вызвал. Мы собираемся поручить эту операцию тебе. Через пару недель подкинем еще один батальон и кое-какое оружие.

— А как ты себе это представляешь? — спросил Ари.

— Если мы займем Назарет, то вся Галилея будет в наших руках. Мы овладеем дорогами, соединяющими западную часть с восточной.

— А как же арабские деревни?

— Большинство из них, как ты знаешь, христианские. Они уже требовали от Кавуки, чтобы он убрался вон. Так или иначе, а воевать они не хотят.

— Это хорошо.

— Но прежде чем заняться Кавуки, ты должен полностью очистить свой район.

— Форт-Эстер? — спросил Ари.

Авидан кивнул.

— Я уже писал тебе. Чтобы взять Форт-Эстер, нужна артиллерия. Хотя бы три-четыре давидки.

— Может быть, тебе золота подкинуть?

— Слушай, Авидан. Две арабские деревни прикрывают подступы к форту. Без дальнобойного оружия не обойтись.

— Ладно, получишь. — Авидан резко поднялся и зашагал по кабинету. На стене висела карта боевых действий. Ари чувствовал, что Авидан вызвал его в Тель-Авив не только для того, чтобы обсудить план операции. — Ари, — медленно начал лысый великан. — Еще две недели тому назад тебе приказали взять Абу-Йешу.

— Вот, значит, для чего ты меня сюда вызвал.

— Я думал, будет лучше, если мы с тобой поговорим, прежде чем этим займется генштаб.

— Я докладывал, что Абу-Йеша не составляет для нас угрозы.

— Это по-твоему. А мы другого мнения.

— Мне как командующему этим участком фронта виднее.

— Перестань, Ари. Эта твоя Абу-Йеша — база Мухаммеда Каси. Оттуда к нам приходят диверсанты. Кроме того, она блокирует дорогу в Ган-Дафну.

Ари отвел глаза в сторону.

— Мы с тобой слишком хорошо знаем друг друга, поэтому давай говорить откровенно.

Ари помолчал еще минуту, потом сказал:

— Я дружу с арабами Абу-Йеши, сколько себя помню. Мы вместе гуляли на свадьбах, горевали на похоронах. Мы им строили дома, а они нам дали землю под Ган-Дафну.

— Знаю, Ари. Таких случаев — десятки. Но ведь речь идет о том, быть нам или не быть. Мы не звали сюда арабские армии.

— Я хорошо знаю этих людей, — закричал Ари. — Они не враги, а обыкновенные крестьяне, которые хотят лишь, чтобы их оставили в покое.

— Ари, — резко перебил его Авидан, — у многих арабских сел хватило мужества оказать сопротивление Кавуки и даже армиям. Жители Абу-Йеши решили иначе. Ты выдаешь желаемое за действительное, когда утверждаешь, что там нет врагов. С этим надо кончать!..

— Иди к черту! — сказал Ари и встал.

— Не уходи, — без всякой обиды попросил Авидан. — Пожалуйста, не уходи.

Теперь стало заметно, что этот рослый крестьянин устал.

— Тысячу раз мы просили палестинских арабов не соваться в эти дела. Никому не хочется прогонять их с насиженных мест. Деревни, которые проявили лояльность, никто не трогает и трогать не собирается. Но с другими у нас просто нет иного выхода. Противник превратил их в склады оружия, в учебные полигоны, базы, откуда совершает нападения на наши автоколонны, обрекая наши села на голодную смерть. В Иерусалиме голодают сто тысяч мирных жителей. Из-за кого? Все из-за них же. Мы обсуждали эту проблему неделями. Вопрос стоит так: либо убить, либо быть убитым.

Ари подошел к окну, закурил и с тоской посмотрел на улицу. Авидан прав, это он хорошо понимал. У арабов был выбор, в то время как еврейским селам не оставалось ничего другого, как стоять насмерть.

— Я, конечно, могу поставить вместо тебя другого человека, который без колебаний возьмет Абу-Йешу. Но мне очень не хочется этого делать. Если ты действительно считаешь, что не можешь выполнить приказ, я советую тебе подать заявление с просьбой о переводе на другой участок фронта.

— Зачем? Чтобы делать то же самое с таким же селом, только под другим названием?

— Ари, не торопись с ответом. Я знал тебя еще ребенком. Тебе пятнадцати не было, когда ты стал бойцом. У нас таких немного. За все годы ты ни разу не отказался выполнить приказ.

Ари обернулся. На его лице отражалась безысходная тоска. Он опустил в кресло.

— Ладно, сделаю, раз иначе нельзя, — прошептал он.

— Тогда свяжись со штабом, — сказал Авидан.

Ари кивнул и направился к двери.

— Кстати, тебя повысили в звании. Ты теперь полковник.

Ари горько рассмеялся.

— Мне тоже нелегко, поверь. Очень и очень нелегко, — сказал Авидан на прощание.

Полковник Бен Канаан, его заместитель майор Бен Ами и адъютант майор Яркони разработали операцию «Пурим» с целью взять Форт-Эстер и ликвидировать базу в Абу-Йеше.

В случае успеха была бы окончательно обеспечена безопасность долины Хулы.

Орудия, которые обещал Авидан, так и не прибыли, но Ари не особенно на них рассчитывал. Он привез давидку из Сафеда и приготовил полсотни снарядов.

Без артиллерии нельзя было и думать об атаке на Форт-Эстер со стороны Ган-Дафны. Четыре сотни хорошо вооруженных солдат Каси занимали выгодную позицию. Ари знал, что под прикрытием бетонных стен они будут упорно сопротивляться.

Задачу усложняли арабские деревни: Абу-Йеша, расположенная по дороге к форту, и еще две, у самой ливанской границы, прикрывающие крепость с флангов. В обеих окопались люди Мухаммеда Каси. Ари собирался напасть на Форт-Эстер с тыла.

Наступать решили тремя колоннами. Первую возглавил сам Ари. Ночью она звериными тропами поднялась в горы. Надо было сделать большой крюк по трудной и опасной дороге, чтобы незаметно подобраться к арабской деревне. Тридцать пять парней и пятнадцать девушек несли на себе давидку и снаряды. Еще пятьдесят человек их прикрывали.

Нога у Ари все еще болела, но он старался идти как можно быстрее. Нужно было добраться до места затемно, иначе вся операция могла провалиться.

В четыре утра достигли вершины. Люди изнемогали от усталости, однако об отдыхе никто не думал. Неподалеку от деревни их встретил патруль дружественного бедуинского племени. Бедуины сообщили, что неприятеля поблизости нет.

Люди Ари быстрым маршем дошли до развалин небольшой крепости крестоносцев в трех километрах от деревни и, полумертвые от усталости, расположились на отдых. Они прятались в развалинах до самого вечера, а бедуины стояли на часах. Следующей ночью из Эйн-Ора вышли остальные колонны. Давид Бен Ами повел своих людей по уже знакомому обрыву вверх в Ган-Дафну. Перед рассветом они залегли в лесу рядом с селом.

Колонна Иоава Яркони шла по следам Ари. Она двигалась быстрее, так как шла налегке. Бедуины встретили на вершине и эту колонну и провели ее мимо Форт-Эстер ко второй арабской деревне.

К вечеру второго дня Ари послал бедуинского вождя в деревню с ультиматумом. Тем временем его люди выбрались из развалин и подошли вплотную к деревне. Мухтар и чело-

век восемьдесят наемников Мухаммеда Каси решили, что их хотят взять хитростью: не может быть, чтобы евреи у них под носом сумели незаметно взобраться на гору. Бедуин вернулся и доложил: арабы требуют доказательств. Давидке пришлось дать два залпа.

В деревне рухнуло несколько глиняных хижин. Не успел отгнать второй выстрел, как люди Каси со всех ног бросились к границе Ливана. Над деревней взвилось море белых тряпок. Ари действовал быстро: оставил здесь небольшой отряд, а с остальными бойцами устремился ко второй деревне, где Яркони уже пошел в атаку.

После трех выстрелов давидки бандиты бежали и отсюда. Обе деревни сдались так быстро, что в Форт-Эстер ничего не успели понять. Когда там услышали звуки пальбы, Мухаммед Каси решил, что это балуются его ребята.

На рассвете третьего дня колонна Давида Бен Ами вышла из леса и перерезала дорогу между Форт-Эстер и Абу-Йешей, где Каси разместил сотню своих головорезов. После этого отряды Ари и Иоава двинулись на Форт-Эстер с тыла. В крепости было не больше ста человек: остальные либо находились в Абу-Йеше, либо уже удрали в Ливан. Давидка открыла огонь, цилиндры с динамитом со свистом обрушились на бетонные стены, ложась все ближе к стальным воротам. Наконец ворота взлетели в воздух; следующие пять снарядов угодили во двор крепости.

Ари Бен Канаан повел своих ребят в первую атаку. Они поползли к крепости под пулеметным огнем, сопровождаемые воем снарядов давидки.

Разрушения в форте были не так уж велики, но грохот, вой и стремительность атаки совершенно сбили с толку Мухаммеда Каси и его плохо обученных вояк. Ожидая подкрепления из Абу-Йеши, они оборонялись кое-как. Но подкрепление угодило в западню, расставленную Давидом Бен Ами. Каси видел это в бинокль и понял, что окружен. Отряд Ари тем временем подоспел к воротам. Над Форт-Эстер взвился белый флаг.

Яркони с двадцатью бойцами разоружил арабов и погнал их в Ливан. Каси и трое его офицеров были взяты под стражу, а над крепостью подняли флаг со звездой Давида. Ари повел остальных бойцов вниз, на соединение с людьми Давида. Предстоял последний этап операции: ликвидация базы в Абу-Йеше.

Жители села понимали, что пришла очередь их деревни.

Ари послал парламентарера с ультиматумом через двадцать минут оставить деревню. Кто не уйдет, пусть пеняет на себя. С наблюдательного пункта он видел, как его старые друзья покидают село и направляются к ливанской границе. Сердце Ари обливалось кровью.

Прошло полчаса, час.

— Пора начинать, — сказал Давид.

— Подождем еще, пусть уйдут все.

— Да уже полчаса, как никто не выходит. Кто хотел, те давно ушли.

Ари отвернулся.

— Хочешь, я поведу людей? — предложил Давид.

— Давай, — шепнул Ари.

Ари остался на наблюдательном пункте, когда Давид повел людей к седловине, приютившей село. На подступах к селу Давид построил людей в шеренгу. Их встретил залп из пулеметов и винтовок. Евреи бросились на землю и поползли по-пластунски.

Около ста жителей деревни во главе с Тахой решили сражаться. Невиданное дело: на этот раз евреи превосходили врагов числом и оружием. Они открыли огонь из автоматов, а затем забросали арабов гранатами. Арабский пулемет вышел из строя, и защитникам села пришлось отступить. Евреи ворвались в Абу-Йешу.

Драться пришлось за каждую улицу, арабы обороняли каждый дом. Дело шло медленно, и кровь лилась ручьями.

Прошел час, другой. Ари не покидал наблюдательный пункт. До него доносились звуки выстрелов, взрывы гранат, крики людей.

Арабы сдавали одну позицию за другой. Наконец евреям удалось загнать оставшихся в живых в переулочек на краю деревни. Более семидесяти пяти арабов погибли, они защищали свою деревню с неслыханным упорством; ничего подобного не случалось за всю войну. Это был трагический бой: его не хотели обе стороны.

Последние восемь арабов заперлись в крепком каменном доме мухтара напротив мечети. Давид Бен Ами приказал подвезти давидку. Дом разрушили вдребезги. Его защитники, в том числе и Таха, погибли.

Уже темнело, когда усталый Давид поднялся к Ари.

— Все кончено, — сказал он.

Ари посмотрел на него невидящим взглядом.

— Их было человек сто. Погибли все. Наши потери —

четырнадцать парней, три девушки. Человек десять раненых отвезли в Ган-Дафну.

Ари, казалось, не слышал его.

— А что будет с их полями? — шептал Ари. — А они сами... куда они теперь денутся?

Давид схватил его за руку.

— Не ходи туда!

Ари посмотрел на плоские крыши домов. Теперь там было очень тихо.

— А дом у реки?

— Его больше нет.

— Что с ними теперь будет? — упорствовал Ари. — Это же мои друзья.

— Мы ждем твоего приказа, Ари.

Ари посмотрел на Давида и покачал головой.

— В таком случае приказ отдам я.

— Нет, — прошептал Ари. — Я сам.

Он последний раз посмотрел на деревню и скомандовал:

— Сровнять Абу-Йешу с землей!

ГЛАВА 12

Давид спал в объятиях Иорданы, положив ей голову на грудь. Она лежала с широко раскрытыми глазами и не могла заснуть.

Ари дал Иордане отпуск, поэтому они смогли съездить на выходной в Тель-Авив. Послезавтра они снова расстанутся, и один Бог знает, когда увидятся вновь, если вообще увидятся. Иордана давно знала, что рано или поздно Давид добровольно возьмет на себя такую миссию. С тех пор как началась осада Иерусалима, он был сам не свой.

Давид зашевелился. Она поцеловала его и погладила по голове. Он улыбнулся во сне и снова успокоился.

Не принято, чтобы сабра говорила возлюбленному, как она боится за него. Она должна улыбаться и подбадривать его, прятать страх глубоко в душе. Иордана прижималась к любимому все теснее и мечтала, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

Высший арабский совет призвал арабов к решающему выступлению, которое вылилось в дикое уничтожение Еврейского коммерческого центра в Иерусалиме.

Абдул Кадар усилил блокаду. Евреи в городе мерзли и голодали. В то время как Пальмах пытался открыть дорогу, ишув организовал конвой, который был разбит на Баб-эль-Ваде.

Стычки в осажденном Иерусалиме переросли в настоящую войну. Хагана обрушила огонь на район между гостиницей «Царь Давид» и крепостной стеной Старого города — там засели бандиты. Потом эти развалины называли Бевинградом. На командире Хаганы в Иерусалиме лежала ответственность за огромное население города, которое нужно было кормить и обеспечивать всем необходимым. Положение осложнялось тем, что большую часть гражданского населения составляли глубоко верующие люди, которые не только не хотели браться за оружие, но и мешали Хаганае защищать себя. В древнем Израиле перед защитниками Иерусалима вставали совершенно те же проблемы. Во время римской осады зилоты внесли в ряды обороняющихся разлад, который ускорил падение Иерусалима и привел к тому, что было вырезано около шестисот тысяч евреев. Правда, тогда город продержался три года, что вряд ли удалось бы сейчас.

Религиозные фанатики отказывались от борьбы, а маккавеи сотрудничали с Хаганой, лишь когда это их устраивало. Остальное время они воевали по-своему. Горной бригаде Пальмаха приходилось вести непрерывные бои в горах Иудеи. Пальмахники выбивались из сил, но тоже не всегда согласовывали свои действия с приказами Хаганы. Все это создавало неразбериху, в которой от командира Хаганы мало что зависело.

Великолепный Иерусалим превратился в кровавое поле битвы. Египтяне атакывали город с юга, обстреливали его из орудий и бомбили с воздуха. Арабский легион окопался за священной крепостной стеной Старого города. Потери евреев исчислялись тысячами. Отвага и смекалка снова стали главным в обороне. Опять пришла на помощь давидка. Ее тайно перевозили с места на место, чтобы арабы подумали, будто у евреев много орудий.

За пределами города дела обстояли не лучше. Когда Арабский легион занял Латрун, его командование обещало, что насосная станция будет работать по-прежнему и гражданское население будет обеспечено питьевой водой. Однако арабы взорвали станцию, и в Иерусалиме уже ощущалась нехватка воды. Было известно, что где-то под городом есть подземные водохранилища, которым две, а то и три тысячи

лет. Евреи нашли эти резервуары, в которых каким-то чудом сохранилась вода. Пока спешно прокладывали временный водопровод, эти цистерны спасли горожанам жизнь.

Так шел месяц за месяцем. А Иерусалим по-прежнему не сдавался. Бои велись за каждый дом. Мужчины, женщины и дети сражались с таким презрением к смерти, что казалось, их никогда не удастся сокрушить.

При одной мысли об Иерусалиме у Давида Бен Ами сердце обливалось кровью.

Он открыл глаза.

— Почему ты не спишь? — спросил он Иордану.

— Выплюсь, когда ты уйдешь.

Он поцеловал ее и сказал, что любит ее.

— О, Давид... мой Давид!

Попросить бы его отказаться от этого смертельного задания, зарыдать бы, сказать, что если с ним что-нибудь случится, то ей незачем будет жить... Но она держалась. Один из шести его братьев погиб в кибуце Нирим, в бою с египтянами, другой умирал от ран, полученных при попытке прорваться в Негбу. Третий брат — Нахум вместе с другими маккавеями сражался в Старом городе...

Давид слышал, как гулко бьется сердце Иорданы.

— Давид, любовь моя! — шептала она.

В Старом городе арабская чернь при поддержке солдат легиона уничтожала синагоги, еврейские дома подвергались разграблению.

Хагана и маккавеи, защищаясь, отступали все дальше, и наконец в их руках осталось всего два дома, один из них — знаменитая синагога Хурва. Выбить их из Старого города было для арабов делом нескольких дней.

Рассвет разбудил Иордану. Она потянулась в постели и протянула руку к Давиду. Его не было.

Она в испуге открыла глаза и увидела, что Давид стоит около нее. Он впервые надел израильскую военную форму. Иордана улыбнулась, откинулась на подушку, а он опустился на колени рядом с кроватью и принялся гладить ее огненно-рыжие волосы.

— Я целый час смотрю на тебя, — сказал он. — Ты очень хороша во сне.

— Шалом, майор Бен Ами, — прошептала она.

— Уже поздно, дорогая. Мне пора.

— Сейчас оденусь.

— А зачем тебе идти со мной? Лучше я один.

Сердце Иорданы на мгновение остановилось. Она хотела схватить его за руку, но совладала с собой и лишь улыбнулась:

— Конечно, милый.

— Иордана... любовь моя!

— Шалом, Давид. Тебе пора.

Иордана отвернулась к стене. Давид поцеловал ее и вышел.

— Давид, — шептала она. — Вернись! Пожалуйста, вернись ко мне.

Авидан привез майора Бен Ами к генералу Бен Циону, начальнику генштаба. Бен Цион, человек чуть старше тридцати, был, как и Давид, уроженцем Иерусалима.

Они поздоровались. Бен Цион выразил Давиду сочувствие по поводу гибели брата.

— Авидан говорит, что вы придумали что-то интересное? — спросил майор Альтерман, адъютант Бен Циона.

— Да, — тихо ответил Давид. — С тех пор как приняли резолюцию о разделе, я ни на минуту не перестаю думать о Иерусалиме. Помните — «На реках Вавилонских»? «Если я забуду тебя, Иерусалим...»

Бен Цион кивнул. Он очень хорошо понимал Давида. Его жена, дети, родители — все остались в Иерусалиме.

Давид продолжал:

— Дорога до Латруна почти полностью в наших руках. За Латруном, в Баб-эль-Ваде Пальмах захватил большинство важнейших высот.

— Это мы знаем, и Латрун — наша главнейшая беда, — перебил его Альтерман.

— Дай человеку сказать, — сердито прикрикнул на него Бен Цион.

— Я долго думал об этом... Я знаю район Латруна как свои пять пальцев и вот уже шесть месяцев мысленно исследую эту местность дюйм за дюймом. Я совершенно уверен, что Латрун можно обойти стороной.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бен Цион.

— Если на карте провести дугу вокруг Латруна от одного

участка шоссе к другому, то получится расстояние в шестнадцать километров.

— На карте-то можно, но дороги там нет. Одни непроходимые холмы.

— Есть дорога, — ответил Давид.

— Давид, ты несешь чушь! — воскликнул Авидан.

— Половина этой дуги проходит на месте древней римской дороги. Ей две тысячи лет, она завалена камнями, землей и буреломом, но она существует. Кроме того, там есть болото, по которому я проведу любую колонну с закрытыми глазами.

Давид подошел к карте на стене и провел полукруг рядом с Латруном. Авидан и Бен Цион внимательно следили за его рукой. Альтерман тоже смотрел, но с иронией.

— Давид, — сказал Авидан сухо, — допустим, тебе удастся отыскать эту римскую дорогу, допустим даже, что ты найдешь проход через болото. Что из этого? Снять осаду Иерусалима это вряд ли поможет.

— Я предлагаю, — спокойно продолжал Давид, — расчистить римскую дорогу, где нужно — проложить новые участки и отказаться от штурма Латруна. Пойти в обход.

— А подумал ли ты, Давид, — спросил Бен Цион, — что дорогу, которую ты провел на карте, придется пробивать под носом Арабского легиона?

— Еще бы не подумал! — ответил Давид. — Нам ведь не шоссе нужно, а только колея для грузовика. Иисус Навин остановил у Латруна солнце. Может быть, нам удастся остановить ночь? Если один отряд из Иерусалима, а другой из Тель-Авива потихоньку станут работать ночами, я уверен, что все дело займет не больше месяца. Что касается Арабского легиона, то вы не хуже меня знаете, что Глаб ни за что не выйдет из крепости ради открытого боя.

— Кто его знает, — возразил Альтерман. — За дорогу он, пожалуй, станет драться.

— Если Глаб не боится сражения, то почему он не атаковал из «треугольника» и не попытался разрезать Израиль пополам?

Все промолчали; складывалось впечатление, что Давид прав. В штабе считали, что Глаб чересчур рассредоточил свои силы и потому избегает боев за пределами Иерусалима, коридора и Латруна. Кроме того, он знает, что израильтяне хотят открытой схватки и мечтают выманить его из крепости.

Бен Цион и Авидан молча взвешивали предложение Давида.

— Хорошо, а что тебе для этого нужно? — сказал Бен Цион.

— Джип на одну ночь, надо сначала все проверить самому.

Авидан забеспокоился. С первых дней подполья он так переживал смерть каждого бойца, будто погибал его собственный сын. В ишуве, маленькой сплоченной общине, каждая жертва печалила всех. Теперь, в войну, потери исчислялись тысячами, для небольшой страны это было опустошительным ударом. Даже самый многочисленный народ не имеет права рисковать жизнями таких одаренных юношей, как Давид Бен Ами, подумал Авидан. Задача, которую он хочет взвалить на себя, чистое самоубийство. Может быть, Давиду только кажется, что он знает какую-то дорогу; людям часто желаемое представляется действительным.

— Джип и двадцать четыре часа... — повторил Давид.

Авидан посмотрел на Бен Циона. Альтерман покачал головой. То, что затеял Давид, неосуществимо. Тревога за Иерусалим мучила каждого. Иерусалим был сердцем, душой еврейства, но... Бен Цион иногда даже думал, что попытка удержать город — безумна.

Сколько же страданий выпало на долю родителей Давида, подумал Авидан. Один сын погиб, второй умирает от ран, третий возглавил отряд маккавеев, обреченный на гибель...

Давид смотрел горящими глазами то на одного, то на другого.

— Вы не можете не пустить меня! — воскликнул он.

В дверь постучали. Альтерман принял донесение и протянул его Бен Циону. Начальник генштаба побледнел и передал бумагу Авидану. Никто никогда не видел, чтобы Авидан терял самообладание. Но тут руки его задрожали, а в глазах появились слезы.

— Старый город пал.

— Не может быть! — вскричал Альтерман.

Давид упал в кресло.

Бен Цион сжал кулаки и стиснул зубы.

— Без Иерусалима нет еврейской нации! — воскликнул он и повернулся к Давиду: — Отправляйся в Иерусалим... сейчас же!

Когда Моисей вывел колена Израилевы к Красному морю, ему потребовался человек, столь незыблемо верящий в могущество Бога, что первым без колебаний ступил бы в море.

Такой человек нашелся. Его звали Нахшоном. Операцию Давида Бен Ами так и называли — «Нахшон».

Когда стемнело, Давид выехал из Реховота, городка к югу от Тель-Авива, и направился к горам Иудеи. У подножия гор, неподалеку от Латруна, он свернул с шоссе и двинулся по бездорожью.

Джип бросало и ударяло о валуны, казалось, мотор вот-вот заглохнет. Медленно, на первой скорости Давид спустился к Латруну. Здесь запросто можно было натолкнуться на патруль. Давид сосредоточился, когда впереди показались очертания крепости. Дюйм за дюймом он спускал машину по крутому склону, ища древнюю дорогу, заваленную вековым мусором. Наконец он остановился там, где сходились два ущелья, слез с машины и убедился, что дорога проходила именно здесь.

Теперь он поехал значительно быстрее и обогнул стороной Латрун, не жалея ни себя, ни машину. Он то и дело выключал двигатель, прислушивался, нет ли кого поблизости. Не раз ему приходилось выходить из машины и ползти по острым скалам в поисках дороги. Этим шестнадцати километрам, казалось, не будет конца. А ночь шла на убыль, опасность, что его обнаружат, возрастала с каждым часом.

...Рассвело. Бен Цион и Авидан с запавшими от бессонной ночи глазами с тревогой ждали возвращения Давида. Они отлично понимали, какое безумное дело он затеял, и опасались, что больше его не увидят.

Зазвонил телефон. Авидан поднял трубку.

— Это из шифровального отдела, — сказал он. — Только что получена радиограмма из Иерусалима.

— Что в ней?

— Один — тридцать пять — восемь.

Они принялись лихорадочно листать Библию. У Бена Циона вырвался вздох облегчения. Он прочитал вслух:

— Исайя, глава тридцать пятая, стихи восьмой и девятый: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым... Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на нее... а будут ходить ископленные».

Итак, Нахшон прорвался в Иерусалим! Значит, есть дорога, по которой можно объехать Латрун. Для Иерусалима еще не все потеряно!

Тысячи добровольцев дали клятву не разглашать тайну

и отправились из Иерусалима прокладывать трассу по маршруту Давида Бен Ами. Тем временем Давид вернулся в Тель-Авив, где отряд добровольцев начал строить дорогу с другого конца.

Днем оба отряда скрывались, а ночью лихорадочно работали под носом Арабского легиона. Трудились без усталости, молча расчищали дорогу и неслышно относили мусор. Прокладывая путь по ущельям, отряды метр за метром приближались друг к другу. Давида Бен Ами по его просьбе перевели в Иерусалим.

Иордана не смогла успокоиться после расставания с Давидом. Она вернулась в Ган-Дафну, которая восстанавливалась после арабских обстрелов. Большинство зданий было повреждено, но коттедж Китти пострадал меньше других. Иордана поселилась вместе с Китти и Карен. Женщины подружились. Иордане оказалось легко с американкой, она могла признаться Китти в таких вещах, о которых ни за что не сказала бы никому из евреев, боясь, что в этом усмотрят слабость. Она скрывала тревогу под грубостью, но Китти прекрасно видела, в каком состоянии воинственная сабра вернулась из Тель-Авива. Однажды вечером, через две недели после прощания Иорданы с Давидом, женщины сидели за чаем. Вдруг Иордана смертельно побледнела, вскочила и выбежала из комнаты. Китти бросилась за ней и едва успела ее подхватить. С трудом она дотащила обессилевшую Иордану до санчасти, положила на кушетку и влила ей в рот немного коньяка.

Минут через десять Иордана пришла в себя, приподнялась и блуждающим взглядом посмотрела вокруг.

— Что с вами? — спросила Китти.

— Не знаю. Никогда такого не было. Сидела и слушала вас, вдруг оглохла, ослепла. Стало совсем темно в глазах, по телу пробежала дрожь.

— А дальше?

— Я вдруг услышала, как кричит Давид... Это было ужасно.

— Ну вот что, послушайте меня. Это нервы. Последнее время они у вас так напряжены, что вы можете в любую минуту сорваться. Я требую, чтобы вы взяли отпуск и на несколько дней поехали в Яд-Эль к матери.

Иордана вскочила.

— Нет! — воскликнула она.

— Сейчас же сядьте, — приказала Китти.

— Это ужасно глупо. Простите, я веду себя просто невозможно.

— Вы ведете себя нормально. Если бы вы хоть изредка давали себе волю, поплакали бы, например, вам стало бы намного легче.

— Давид презирал бы меня, если бы знал, что я вытворяю.

— Бросьте, Иордана! Ну ее к черту, эту вашу гордость сабры. Сейчас дам вам таблетку, и ложитесь в постель.

— Нет! — вспыхнула Иордана и выбежала из кабинета.

Китти вздохнула. Годы непрерывного напряжения и битв выдубили кожу этих сабр, их гордость переходит все границы. Что делать с девушкой, которая считает слабостью любое проявление чувств?

Спустя три дня после этого случая Китти вернулась в коттедж вечером. Карен пошла к Дову, а Иордана сидела над донесениями. Китти села напротив. Иордана посмотрела ей в лицо, улыбнулась, но, заметив расширенные зрачки, мгновенно посерьезнела. Китти мягко отняла у нее карандаш.

Прошла минута. Обе молчали.

— Давид умер? — спросила Иордана.

— Да.

— Как это случилось? — ровным голосом сказала Иордана.

— Только что позвонил Ари. Подробности еще не известны. Кажется, пальмахники собрали отряд, к ним присоединились маккавеи и ребята из Хаганы. Разрешения ни у кого не спрашивали... Похоже, Давид не выдержал, увидев стены Старого города. Они бросились в атаку, пытаясь его захватить, взяли Сионскую гору...

— Дальше.

— Они не имели шансов. Это была самоубийственная затея.

Иордана сидела неподвижно, даже бровью не повела.

— Что я могу сделать для тебя? — сказала Китти.

Девушка поднялась, высоко держа голову.

— Обо мне не беспокойтесь, — твердо ответила она.

Если Иордана и оплакивала Давида, никто этих слез не видел. Несколько суток без пищи и воды провела она в развалинах Абу-Йеши, а потом вернулась в Ган-Дафну. Как Ари никогда не поминал вслух Дафну, так и Иордана ни разу больше не произнесла имя Давида.

Через месяц после той ночи, когда Давид Бен Ами нашел древний римский путь в Иерусалим, строительство объездной дороги — теперь ее называли Бирманской — было завершено. В ту же ночь автоколонна проехала в обход Латруна и благополучно добралась до Иерусалима. Осада великого города закончилась.

До этого ни у кого не было полной уверенности, что Израиль выстоит, но в ту минуту, когда строители дороги из иерусалимского отряда обнимали строителей из Тель-Авива, стало ясно, что евреи выиграли Войну за независимость.

ГЛАВА 13

Предстояли еще долгие месяцы упорных, кровавых боев. Открытие Бирманской дороги сильно подняло дух евреев, а в этом они нуждались больше всего.

Когда было остановлено первое наступление арабских армий, Совет Безопасности ООН сумел добиться временно-го прекращения огня. Обе стороны приветствовали это решение. Арабам срочно требовалась передышка, чтобы подтянуть и перегруппировать свои силы. Израильтянам нужно было время, чтобы достать побольше оружия.

Временное правительство контролировало положение неполностью, так как Пальмах, крайние религиозные круги и маккавеи соглашались сотрудничать с ним далеко не всегда и не во всем. Правда, Пальмах отказался от своего привилегированного положения и влился в ряды Армии обороны Израиля; для этих хватило пригрозить, что пальмахников снимут с передовой, если они откажутся выполнять приказы.

Маккавеи тоже присоединились к армии, но в качестве особых батальонов, которыми командовали их офицеры. И уж решительно ничто не могло сломить упрямства верующих фанатиков, которые возлагали надежды только на Мессию и дословно толковали Библию.

Когда, казалось, вот-вот наступит единство этих разнородных элементов, произошло трагическое событие, которое окончательно отделило маккавеев от общего дела. Началось с того, что их сторонники купили в Америке большую партию дефицитного оружия и транспортный самолет, который назвали «Акивой».

Кроме того, они завербовали сотню молодых добровольцев для пополнения особых батальонов маккавеев. По усло-

виям соглашения о прекращении огня ни одна из сторон не должна была ни вооружаться, ни укреплять свои позиции. Однако на это никто не обращал внимания, и евреи тайком завозили оружие и людей, стараясь как можно лучше подготовиться к предстоящим боям.

Израильские агенты в Европе узнали об «Акиве». Временное правительство потребовало, чтобы они передали ему и самолет и оружие. Израиль — единое государство, втолковывали маккавеям, в войне участвуют все, и особые батальоны — лишь часть израильской армии. Маккавеи не соглашались. Они хотели сохранить обособленность и настаивали на том, что оружие принадлежит им.

Тогда правительство вспомнило про соглашение о прекращении огня и о запрете ООН на доставку оружия. Дескать, у него больше шансов обойти этот запрет и тайно доставить оружие в страну. На это маккавеи заявили, что прекращение огня их не касается, поскольку они не подчиняются единому командованию. Ожесточенный спор не утихал: обе стороны стояли на своем.

Тем не менее «Акива» вылетел с первой партией оружия и добровольцев. Правительство отказалось принять его. Маккавеи пришли в бешенство.

Когда же, вопреки правительственному решению, «Акива» все-таки появился над израильским аэродромом, правительство передало экипажу по радио последнее предупреждение и потребовало немедленно повернуть назад. Экипаж отказался. Тогда поднялись в воздух истребители и сбили «Акиву».

Между маккавеями и армией начались стычки. Обе стороны бросались оскорблениями и упреками, за которыми быстро забылся инцидент с «Акивой». Маккавеи озлобились и отозвали свои особые батальоны из рядов израильской армии.

Трагическое событие окончательно прояснило ситуацию. В годы мандата непримиримость маккавеев послужила ослаблению власти англичан в Палестине. Теперь, когда англичане ушли, их террор приносил только вред. Более того, маккавеи не хотели подчиняться дисциплине, без которой невозможна настоящая армия. Их значение как боевой силы резко упало. Они одержали лишь одну победу в Яффе, где противник был не слишком силен, а в других местах терпели поражения. Бойня, устроенная маккавеями в селе Неве-Садж, легла несмываемым пятном на репутацию евреев.

Маккавеи были отважны, но не признавали никакой власти. После случая с «Акивой» они окончательно решили, что все проблемы надо решать силой.

Переговоры с обеими сторонами длились уже целый месяц. Граф Бернадот и его американский помощник Ральф Банч, представлявшие ООН, так и не смогли уговорить стороны сесть за один стол. Нельзя было устранить за месяц то, что накапливалось три десятилетия. Тем временем Кавуки в Центральной Галилее то и дело нарушал соглашение о прекращении огня. Египтяне также не стали дожидаться, пока истечет срок, и возобновили военные действия.

Грубая ошибка противника дала евреям повод развернуть новое наступление. Военные эксперты всего мира удивлялись стойкости, с которой евреи отражали нападения, но наступление израильской армии просто ошеломило их. Новая фаза войны началась с бомбежки Каира, Дамаска и Аммана. Противник понял намек: впредь арабы не смели бомбить Тель-Авив и Иерусалим. Израильские корветы обстреляли ливанский город Тир, один из главных портов, через который арабы доставляли оружие.

Жители кибуца Эйн-Гев на берегу Тивериадского озера, долгие месяцы сидевшие в осаде, тоже перешли в наступление. Во время внезапной ночной атаки они взобрались на господствующую над окрестностями гору Суситу и сбросили оттуда сирийцев.

В Центральной Галилее бойцы Ари Бен Канаана пошли на штурм Назарета, где окопался Кавуки. Напрягая силы до предела, выжимая из боевой техники такое, о чем и думать не могли ее создатели, они нанесли арабам сокрушительное поражение. «Генералиссимус» иерусалимского муфтия сдал Назарет. После этого быстро пали и остальные опорные пункты неприятеля в Центральной Галилее, а сам муфтий в панике сбежал со своими войсками в Ливан. Теперь вся Галилея, все главные дороги находились в руках евреев.

В Баб-эль-Ваде и иерусалимском коридоре горная бригада двинулась на Бет-Лехем. В Негеве евреи схватили египтян за горло мертвой хваткой. Когда-то Самсон поджег хвосты тысяче лисиц и выпустил их на филистимлян. Теперь моторизованные части, состоящие из джипов с пулеметами — их так и называли: «самсоновы лисы», — молниеносно обрушивались на египетские тылы. Осаде Негбы был положен конец.

Но самую блестящую победу израильтяне одержали в Саронской долине, рядом с «треугольником». На тех же джипах во главе с бывшей пальмаховской бригадой «Ханита» они ворвались в Лидду и Римле, арабские города, которые блокировали дорогу в Иерусалим, захватили аэродром в Лидде, самый крупный во всей Палестине, а затем повернули на север, к Латруну. По пути «самсоновы лисы» наголову разбили иракские части и прорвали осаду вокруг молодежного села Байт-Шемен. В тот момент, когда должно было завершиться окружение Латруна, арабы взмолились о новом прекращении огня.

Можно долго перечислять израильские победы, которые были одержаны за каких-нибудь десять дней.

Пока Бернадот и Банч вели переговоры о втором прекращении огня, арабский мир охватила паника. Абдалла, правитель Трансиордании, вступил в секретные переговоры с Временным правительством и пообещал удержать Арабский легион от военных действий. Взамен ему пообещали не наступать на Старый Иерусалим и «треугольник».

Кавуки снова нарушил соглашение о прекращении огня, совершив нападение из Ливана. Когда срок прекращения огня истек, евреи провели операцию «Хирам», названную по имени библейского царя Ливана, и обратили в дым честолюбивые мечты Кавуки и иерусалимского муфтия. Израильская армия разбила бандитов наголову и преследовала их по пятам до ливанской территории. Тамошные деревни превратились в море простыней, вывешенных в знак капитуляции. Покончив с бандами Кавуки, израильские части вернулись на свою территорию, хотя ничто им теперь не мешало пойти на Бейрут или Дамаск.

Галилея была очищена, в Саронской долине установилось спокойствие, Абдалла прекратил вылазки из Трансиордании. Израильская армия получила возможность целиком сосредоточиться на египтянах.

Тем временем арабы пытались найти объяснение успехам израильской армии и, естественно, перессорились. Абдалла обвинял во всем Ирак: дескать, его войска не смогли использовать выгодную позицию в районе «треугольника» и разрезать территорию евреев надвое; Ирак, который мечтал воссоздать великое арабское государство и возглавить его, оправдывался тем, что ему приходилось чересчур растягивать фронт. Сирийцы обвиняли американцев и запад-

ный империализм. Египтяне валили все на Трансиорданию, правитель которой, по их словам, продался евреям. В то же время египетские радио и печать выдавали за победу каждое поражение своих войск. Ливанцы и йеменцы отмалчивались: они были не слишком заинтересованы в этой войне.

Под непрерывными ударами израильской армии миф об арабском единстве лопнул окончательно. Взаимные объятия, рукопожатия, клятвы в вечном братстве сменились распрями, взаимными угрозами и даже убийствами. Абдаллу убили фанатики, когда он возвращался из мечети Омара в Старом городе. Египетского короля Фарука свергла офицерская клика, лозунги которой поразительно походили на цитаты из «Майн кампф» Гитлера. Ведущую роль в низложении монарха сыграл молодой капитан Гамаль Абдель Насер. Интриги и убийства, извечные арабские методы, расцвели буйным цветом.

...В Негеве израильская армия, хорошо оснащенная и слаженная, завершала последний этап войны. Сувейдан, чудовище пустыни, так долго мучившее кибуц Негбу, пал. Здесь, в Сувейдане, египтяне сопротивлялись на редкость мужественно.

В Фалудже египтяне попали в осаду, которая была снята после заключения перемирия.

Гордость египетского флота крейсер «Фарук» попытался обстрелять одну из еврейских позиций буквально накануне перемирия. Израильские катера с динамитом, пущенные на крейсер как торпеды, взорвали и потопили его.

Беер-Шева — Семь родников, город праотца Авраама, был взят осенью 1948 года после неожиданной израильской атаки. Египтяне имели здесь такую мощную оборону, что, казалось, ее невозможно пробить. И снова евреям помогло хорошее знание местности и древней истории. Они нашли старинную набатейскую тропу, обошли укрепления и напали с тыла.

После этого началось паническое бегство. Израильская армия, преследуя египтян, обошла полосу Газы и вступила на Синайский полуостров.

«Господь послал в него дух опьянения; и они ввели Египет в заблуждение во всех делах его, подобно тому, как пьяный бродит по блевотине своей. И не будет в Египте такого дела, которое совершить умели бы голова и хвост, пальма и трость.

В тот день Египтяне будут подобны женщинам, и вострепещут и убоятся движения руки Господа Саваофа, которую Он поднимет на них»*.

И слова пророка Исаяи сбылись.

Англичане, сидевшие в зоне Суэцкого канала, забеспокоились. Видя разгром египтян, они испугались, как бы евреи не добрались до канала, и потребовали остановить наступление. В качестве предостережения англичане подняли в воздух авиацию. Все получилось вполне логично; в конце Войны за независимость евреям пришлось сражаться именно с англичанами. Израильские ВВС сбили шесть «спитфайров». Но Израилю все-таки пришлось уступить международному нажиму и дать египтянам спастись. Разбитая египетская армия вступила в Каир и устроила там «парад победы».

Война за независимость стала достоянием истории.

Арабское население Палестины давно примирилось с возвращением евреев и хотело мира. Но оно было обмануто демагогами, которые в минуту опасности первыми покинули страну. Арабов сбили с толку трескучими фразами. Им вдалбливали в головы расистские теории, а главное, страх перед воинствующим сионизмом. Арабские вожди использовали невежество масс в собственных целях.

Немногие арабы сражались мужественно. Им обещали легкие победы, богатую добычу, их подбадривали иллюзией арабского единства. На поверку же оказалось, что все это не стоит пролитой крови.

Никто не сомневался в готовности евреев отдать жизнь за Израиль. Они боролись с сильнейшим противником и с готовностью отдавали кровь за то, что совесть всего человечества признавала их законным правом. И вот шестиконечная звезда Давида, которая двадцать веков испытывала унижения, вновь засияла от Эйлата до Метулы, чтобы никогда больше не погаснуть.

В результате Войны за независимость возникла одна из самых запутанных проблем века, вокруг которой до сих пор ведутся нескончаемые, ожесточенные споры, — проблема арабских беженцев. Свыше полумиллиона палестинских арабов покинули свои дома и выехали в соседние страны. Все попытки решить их проблемы кончались препиратель-

* Ис. 19, 14 — 16.

ствами и взаимными обвинениями, которые совершенно осложнили ситуацию.

И снова Барак Бен Канаан был призван на службу отечеству. По поручению правительства Израиля он изучил проблему и изложил свои выводы в докладе, занявшем несколько сот страниц.

Венчало доклад короткое резюме, в котором Барак объяснил суть дела с предельной ясностью.

«Выводы по вопросу арабских беженцев»

Самым спорным результатом Войны за независимость стала проблема палестинских беженцев, превратившаяся в могущественное политическое оружие арабского арсенала.

Арабы пространно расписывают страдания этих жертв войны, выставляя лагеря, в которых живут беженцы, как образец пресловутой еврейской жестокости. И действительно, каждый, кто видит этих несчастных, не может не испытывать к ним сострадания.

Арабы хотят внушить мировой общественности, что палестинские беженцы — уникальное явление. Между тем это совершенно не соответствует действительности. Каждая война порождает бездомных и перемещенных лиц. Даже сегодня, через пять лет после окончания Второй мировой войны, в Европе и Азии насчитываются десятки миллионов беженцев. Такова природа войны.

Если бы арабские руководители приняли к исполнению решение высшего международного форума и сами не нарушили закона, никакой проблемы бы не возникло. Ее появление — непосредственный результат агрессивной войны, развязанной арабами с целью уничтожения народа Израиля.

После принятия в ноябре 1947 года резолюции ООН о разделе Палестины евреи умоляли палестинских арабов сохранять спокойствие, добрососедские отношения, уважать неотъемлемые, законные права еврейского народа.

Несмотря на открытую агрессию, государство Израиль снова протянуло в своей Декларации о независимости руку дружбы арабским соседям, которые как раз в это время нарушили его границы. В ответ на дружеское обращение Израиля арабы недвусмысленно заявили о своем стремлении истребить еврейский народ и уничтожить его государство.

Как ни странно, большинство палестинских арабов бежали еще до нападения соседних стран на Израиль. Они бе-

жали главным образом из Яффы, Хайфы и Галилеи, где противостояние было невелико.

Главной причиной бегства палестинских арабов стал внушенный им страх. Десятилетиями вожди-расисты пугали феллахов массовыми убийствами. Они играли на невежестве, суеверии и фанатизме людей. Они никогда не исходили из интересов феллахов, а только из своих собственных. Они продавали и предавали свой народ без зазрения совести. Слепой страх и невежество обусловили первое бегство арабов. Был ли этот страх оправдан? Нет! Только в одном населенном пункте Неве-Садж имела место непростительная резня ни в чем не повинных людей. Всех остальных арабов, оставшихся в Палестине, не беспокоили. Ни одна арабская деревня, не принимавшая участия в военных действиях, не пострадала от евреев.

Что же касается Неве-Саджа, уместно добавить, что этот единственный случай еврейской жестокости, имевший к тому же место в разгар войны, — бледнеет перед множеством кровавых погромов, организованных арабами в течение трех десятилетий формального мира.

Вторая причина бегства палестинских арабов заключается в том, что, как это неопровержимо установлено, арабские вожди подбивали мирное арабское население покинуть Палестину, желая создать политическую проблему ради получения оружия.

Арабские генералы планировали поголовное истребление евреев. Многочисленное мирное арабское население только ограничивало бы свободу их действий.

Политиканы хотели доказать бесчеловечность евреев, ссылаясь на то, что арабов будто бы выгнали силой из их домов. Позднее военные действия усугубили проблему беженцев. Те арабские деревни, которые активно воевали против Израиля, были взяты в бою, а их жители высланы. Никто не скажет, что мы должны просить извинения за это.

Документы свидетельствуют, что арабам обещали возможность вернуться после победы и грабить побежденный Израиль. Враждебность арабов по отношению к Израилю после войны — общеизвестный факт. В нарушение международных соглашений они закрыли перед израильскими судами Суэцкий канал, они бойкотируют экономику Израиля, шантажируют иностранные фирмы, нападают на пограничные села, непрерывно грозятся развязать новую войну и уничтожить Израиль. Принимая во внимание все это, не-

мыслимо, чтобы Израиль допустил возможность возвращения враждебно настроенного меньшинства, открыто заявляющего о своем стремлении его уничтожить. Мы подошли к самому ужасному обстоятельству, касающемуся беженцев: эти люди не нужны арабским государствам. Их держат за оградой, как зверей, и сознательно пользуются их страданиями как политическим оружием. Приведем только один пример: в Газе заминированы дороги и осуществляется постоянный контроль, чтобы беженцы не могли пробраться в Египет.

Объединенные Нации создали фонд в двести миллионов долларов для устройства палестинских беженцев. На огромной территории арабского мира в семь миллионов квадратных миль имеются большие площади плодородной, но необрабатываемой земли. Так, долина, расположенная между Тигром и Евфратом, — одна из самых плодородных в мире, а проживает там небольшое количество бедуинов. Там можно поселить не только полмиллиона беженцев, но и еще десять миллионов человек.

Из всего фонда ООН на устройство беженцев не был использован ни один цент.

С другой стороны, Израиль, бедная страна, чьи семь тысяч квадратных миль — наполовину бесплодная пустыня, принял уже свыше полумиллиона еврейских беженцев из арабских стран и готов принять еще столько же.

Арабы утверждают, что палестинские беженцы сами не хотят, чтобы им помогли устроиться на новом месте, а требуют свои хозяйства в Палестине. Это чистейший вздор. Арабы проливают крокодиловы слезы по поводу великой любви, которую эти бедные феллахи якобы питают к родным местам. Факты же говорят: арабские вожди обманули феллахов, использовали их в своих собственных целях, затем предали и теперь снова используют их. Беженцев держат взаперти, пичкают ненавистью — и все это только для того, чтобы поддерживать ненависть арабов к Израилю на точке кипения.

Если бы арабы Палестины действительно любили свою страну, их нельзя было бы прогнать оттуда. Тем более они бы не убежали сами, когда не было для этого причины. Так не поступают люди, которые любят свою страну.

Человек, который любит родину, будет стоять за нее на смерть.

Арабы говорят миру, что государство Израиль преследует экспансионистские цели. Уму непостижимо, как нация,

не насчитывающая даже одного миллиона человек, может преследовать захватнические цели по отношению к пятидесяти миллионам.

Арабам нужно по меньшей мере сто лет мира. Им нужны настоящие руководители, а не шейхи, владеющие тысячами рабов; не пылающие ненавистью религиозные фанатики, не военные клики и не диктаторы, образ мыслей которых полностью принадлежит средним векам. Арабам нужны руководители, которые обеспечат им гражданские свободы, образование, медицинское обслуживание, земельные реформы, равноправие.

Им нужны руководители, у которых хватит мужества взяться за решение настоящих проблем своего народа: невежества, безграмотности, болезней. Им нужны руководители, которые не будут размахивать знаменем напыщенного ультранационализма, не станут проповедовать преступную идею, что уничтожение Израиля решит все проблемы арабов.

Каждый раз, когда появляется такой просвещенный арабский руководитель, его убивают. Арабы не желают устройства беженцев, облегчения их положения, они не желают мира.

Израиль призван вывести арабов из средневековой тьмы. Только тогда, когда у арабских народов появятся руководители, способные пожать протянутую им руку дружбы, арабы смогут приступить к решению тех проблем, из-за которых они до сих пор находятся в нравственном и физическом прозябании.

Барак Бен Канаан»

Книга пятая
НА ОРЛИНЫХ КРЫЛЬЯХ

*Глас вопиющего: в пустыне приготовьте путь Господу,
прямыми сделайте в степи стези Богу нашему...
А надеющиеся на Господа обновятся в силе;
поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут,
пойдут, и не утомятся.*

Ис. 40, 3,31

ГЛАВА 1

Ном, Аляска, конец 1948

Весь воздушный парк авиалинии «Северный полярный круг» состоял из трех грузовых машин, списанных из американских ВВС и купленных Стречем Томпсоном в кредит.

В войну Стреч служил на Аляске и прослыл неглупым малым с богатейшим воображением, в особенности когда речь шла о том, чтобы увильнуть от работы. Зимой ночи там длинные, и у него хватало досуга для размышлений, которые вращались главным образом вокруг того, как бы разбогатеть. Чем длиннее становились ночи, тем упорнее Стреч напрягал мозг. И однажды ночью его осенило: крабы!

Вдоль всего берега тянулись нетронутые места обитания гигантских североатлантических крабов, достигавших шестнадцати дюймов в поперечнике. Не может быть, что при некоторой инициативе не удастся приохотить американскую публику к крабам! Да эти олухи пальчики оближут! Пройдет не больше года, и его крабы станут в Америке таким же деликатесом, как омары, черепахи и мидии. Можно замораживать этих гигантов и доставлять в Штаты самолетами. Перекупщики с руками оторвут. Не успеешь оглянуться, как разбогатеешь. Вся страна будет знать Стреча Томпсона, короля крабов.

Получилось, однако, не совсем так, как мечтал Стреч: человечество еще не доросло до его крабов. Самолет, бензин и зарплата летчика съедали больше, чем он выручал. Однако Стреч был не из тех, кто сразу сдается. Хитроумной бухгалтерией и бойким языком он отбивался от кредиторов и продолжал ходить в директорах авиакомпаний. С помощью проволоки, слюны да жевательной резинки он не давал развалиться своим трем машинам, ухитрялся держать их на лету. Когда казалось, что надежды больше нет, его всегда выручал какой-нибудь выгодный груз.

Единственное, в чем Стречу повезло, так это со старшим, и частенько единственным, летчиком Фостером Джи Мак-Уильямсом по кличке Текс, которая выдавала в нем уроженца Техаса. Фостер Джи в войну служил в ВВС и был, как выражался Стреч, «самым чертовским старшим пилотом из всех, кто когда-либо служил в этих чертовских авиакомпаниях». Ловкость Фостера Джи была такова, что никто в Номе не решился бы поставить против него и цента, если бы он взялся, скажем, посадить свой Си-47 на краю айсберга в лютую пургу, будучи вдребезги пьяным. Собственно, Стреч не раз даже пытался устроить такое пари, достаточно крупное, чтобы игра стоила свеч, но вечно что-нибудь мешало: то стихала пурга, то Фостер никак не пьянел...

Мак-Уильямс был истым бродягой и любил летать по-настоящему, а не просто ползать на первоклассной машине по накатанной трассе с заранее расписанным маршрутом. Скучно! Вот рискованные полярные полеты — это другое дело.

В один прекрасный день Мак-Уильямс зашел в будку, стоявшую в конце взлетной дорожки, — контору, диспетчерскую, а заодно и жилище Стреча Томпсона.

— Ну его к черту, Стреч! — буркнул он. — Мороз сегодня такой — кишки коченеют.

У Стреча был невинный вид кошки, проглотившей канарейку.

— Фостер, — сказал он, — а как ты смотришь на то, чтобы получить полный расчет и податься в более теплые края?

— Тебе бы только шутить, а меня от твоих шуток тошнит.

— Я не шучу, Текс. В жизни не отгадаешь...

— А что такое?

— Угадай.

Фостер пожал плечами:

— Ты продал свою лавочку?

— Точно.

Фостер Джи Мак-Уильямс присвистнул:

— Где же ты такого дурака нашел?

— Мне их анкетные данные ни к чему. Я проверил их чек — он настоящий. Вот и все, что мне нужно, как сказала одна детка в кабачке.

— Да неужели! Но это же чудно, Стреч. Твоя лавочка даже мне стала надоедать. А сколько мне, по-твоему, причитается?

— Вместе с премиальными что-то около четырех тысяч.
Фостер Джи Мак-Уильямс присвистнул:

— Вот теперь будет лафа! Напьюсь так, что до самой Южной Америки хватит. Потому что я беру курс именно туда, Стреч. Подхалтурю немножко. Я слышал, там платят шальные деньги за переправку динамита через Анды.

— Да, но тут есть одна загвоздка... — начал Стреч.

— Я так и думал.

— Дело в том, что мы должны доставить наши три машины новым хозяевам. Двух парней я уже нашел, а вот для третьей машины — никого.

— Ты хочешь сказать, что, кроме меня, не найти дурака, который согласился бы лететь на твоём примусе номер три? Что ж, пускай так. Куда надо их доставить?

— В Израиль.

— Куда?

— В Израиль.

— В жизни не слышал.

— Я сам как раз искал на карте, когда ты вошел.

Томпсон и Мак-Уильямс облазили карту обоих полушарий вдоль и поперек, искали добрых полчаса. Все напрасно. Наконец Текс выпрямился.

— Знаешь что? Кажется, кто-то подшутил над тобой.

Они съездили в Ном, обошли все кабаки, расспрашивая, где бы мог находиться этот Израиль. Два человека что-то слышали о нем, но точно ничего сказать не могли. Стреча, несмотря на мороз, уже было прошиб пот, когда кто-то посоветовал им разбудить хозяина книжной лавки.

— Да ведь это же Палестина, — сердито заорал хозяин. — И ради этого вы врываетесь ко мне среди ночи!

Поискав еще немного на карте, они наконец нашли.

Фостер в сомнении покачал головой.

— Черт возьми, Стреч, — проворчал он, — да ведь эта страна свободно разместится на айсберге средних размеров. Если не держать ухо востро, запросто пролетишь мимо.

Три недели спустя Фостер Джи Мак-Уильямс посадил машину номер три авиакомпании «Северный полярный круг» на аэродроме в Лидде. Стреч Томпсон, который вылетел на неделю раньше, встретил его в аэропорту. Фостера провели в контору, на двери которой была табличка «Палестинская Центральная Авиакомпания, С.С. Томпсон, Генеральный директор».

Фостер Джи Мак-Уильямс сразу почувствовал, что дело нечисто.

— Как долетел, старик? До чего же я рад видеть твою рожу!

— Прекрасно долетел. Теперь гони валюту, дружище, и я мотаю в Париж. У меня наклеивается выгоднейшее дельце, через месяц я отправляюсь в Рио.

— Конечно, конечно, — ответил Стреч. — У меня уже и чек для тебя готов. Вот он здесь, в сейфе.

Мак-Уильямс вытарашил глаза:

— Ого! Четыре тысячи пятьсот монет.

— Последние пять бумажек я подбросил, чтобы доказать тебе, что Стреч Томпсон не жмот.

— Ну, это я всегда знал.

— Между нами, Текс, это в высшей степени занятное место. Тут все сплошь евреи. Я уже неделю тут и никак не привыкну.

Фостер решил спросить Стреча, почему он перебрался сюда.

— Посмотри на табличку, она тебе все расскажет. Палестинская Центральная Авиакомпания! Название я придумал сам. Тут видишь какое дело. Эти ребята понятия не имеют о том, как создать первоклассную авиакомпанию. Они предложили взяться за это дело мне. Я им сказал: «Первым делом, ребята, если, конечно, вы хотите иметь настоящую авиакомпанию, первым делом вам нужно позаботиться, чтобы у вас был первоклассный старший летчик. У меня как раз есть на примете самый чертовский старший пилот из всех, кто когда-либо служил...»

— Ну ладно, мне, брат, некогда. Будь здоров, может быть, встретимся, — прервал его Фостер.

— Да ты словно на пожар.

— Пожар — не пожар, но мне нужно в Париж.

— Я тебе дело предлагаю.

— Не надо мне никаких дел.

— Да ты хоть послушай.

— Послушать, конечно, можно, но предупреждаю: ничего из этого не выйдет. Мне нужно в Париж. Хоть вплавь, но доберусь.

— Ну так вот. Как я тебе уже сказал, тут везде одни евреи. Они купили у меня «Северный полярный круг», чтобы привезти сюда еще евреев. Ты только послушай, этих евреев во всем мире пруд пруди, и все хотят сюда. Наше с тобой дело — доставка. Неужели ты не понимаешь? Рейс —

и деньги на бочку! За каждое рыло. Да ведь тебе никогда такое и не снилось. Текс, дружище! Ты же меня знаешь, я зря трепаться не стану. Ты только держись за меня, Текс, и будешь купаться в деньгах.

— Нет уж, я лучше выкупаюсь в другом месте. Черкну тебе открытку из Рио.

— Что ж, Фостер, буду с удовольствием вспоминать вас.

— Ну вот, ты уже сердишься!

— Кто сердится? Никто не сердится.

— Все-таки мы с тобой хорошо поработали в Номе.

— Еще бы! Я там все конечности обморозил.

— Ладно, дай лапу, — сказал Фостер.

Стреч вяло пожал ему руку.

— Ну тебя к черту, Стреч! У тебя такая рожа, будто я тебе нож всадил в ребра.

— Буду с тобой откровенен, Фостер. У меня беда. Пришла «молния», что в каком-то Адене сидит куча евреев и ждет не дождется, чтобы их оттуда вывезли. Я было нанял пилотов, но они меня подвели.

— Не повезло, значит. Что ж, от души сочувствую. Но ничем помочь не могу. Отправляюсь в Париж.

— Конечно, — ответил Стреч, — лети, если так уж приспичило. Я бы на твоём месте тоже улетел. Я к тебе не в претензии. Эти ребята, которых я хотел нанять, сразу дали тягу, как только услышали, что это опасный рейс: арабы могут открыть пальбу по самолету.

Фостер был уже почти у двери, но внезапно остановился и обернулся к Стречу. Тот увидел, что Текс на крючке, и подлил масла в огонь:

— Валяй, валяй, Фостер. Ты, конечно, прав, какой тебе смысл рисковать? Еще, чего доброго, собьют. Скажу тебе правду, это опасный рейс, пожалуй, даже опасней, чем переправка динамита через Анды.

Фостер Джи Мак-Уильямс облизал губы.

— Я тебе вот что скажу, Стреч. Чтобы выручить тебя, я, пожалуй, слетаю в этот рейс. Но ты уж загодя поищи других ребят к тому времени, когда я вернусь. Этот рейс — ладно, но только этот. Ну, где твой Аден?

— Понятия не имею.

— Тогда давай сюда карту, поищем.

Когда Фостер Джи Мак-Уильямс, американский пилот-бродяга, в прошлом летчик «Северного полярного круга», а те-

перь «Палестинской Центральной Авиакомпания», поднялся в воздух с аэродрома в Лидде, он открыл новую страницу истории двадцатого века, которая, однако, была словно списана с «Тысячи и одной ночи». Он взял курс вдоль побережья Красного моря на Аден, британский протекторат на юге Аравийского полуострова.

Эта сказка началась за три тысячи лет до Фостера в древней Саве. Южная часть Аравийского полуострова была тогда богатейшей страной. Ее жители овладели искусством строить каналы, плотины и водохранилища и превратили свою страну в цветущий сад.

После посещения царицей Савской царя Соломона поданные Соломона проложили через пустыню вдоль Красного моря торговый путь из Израиля в Саву. Евреи прибыли в Саву еще в библейские времена, задолго до падения первого храма, и столетиями там процветали. Они создали собственные поселения и прекрасно ладили с многочисленными местными племенами. Многие из них заняли видное положение при дворе и пользовались в стране всеобщим почетом.

Затем наступили страшные годы. Медленно, но неумолимо плодородная земля превращалась в песчаную пустыню. Высохли каналы, и вода редких дождей бесследно исчезала в выжженной земле. Люди и животные изнывали под палящим солнцем, борьба за каплю воды стала в буквальном смысле слова борьбой за жизнь. Страна изобилия и соседние с ней государства распались на враждующие между собой племена, и войнам не было конца.

Когда по миру победоносно пронесся ислам, евреи пользовались вначале не только религиозной свободой, но и уважением. Законы Магомета, обязательные для всех мусульман, предписывали благожелательное отношение к евреям. Однако равноправие евреев оказалось недолговечным. Вскоре во всех мусульманских странах каждого, кто не исповедует ислам, стали презирать как неправового. Тем не менее арабы питали к евреям известное уважение и относились к ним с некоторой терпимостью. Еврейские погромы в их странах не имели ничего общего с умышленным европейским геноцидом, а были стихийными взрывами. Арабы слишком углубились в собственные распри, чтобы обращать внимание на маленькие безобидные еврейские общины в стране, которая к тому времени звалась уже Йеменом; вековой гнет лишил этих евреев какой бы то ни было воинственности.

Как и во всех арабских странах, евреев считали здесь неполноценными гражданами. Их подвергали обычной дискриминации, с них взимали специальные налоги, преследования то усиливались, то почти прекращались — в зависимости от того, кто находился у власти.

Существовали законы: еврей не имел права повышать голос в присутствии мусульманина, строить дом выше, чем мусульманин, дотрагиваться до мусульманина или обходить его с правой стороны. Еврей не имел права ездить верхом на верблюде, так как при этом его голова возвышалась над мусульманами. В стране, где верблюд — основной транспорт, это весьма чувствительное ограничение. Евреи жили в меллах, восточной разновидности гетто.

Мир развивался и менялся, но в Йемене время застыло. Он оставался первобытным, как джунгли, и недосыгаемым, как Непал или Монголия. Здесь не знали больниц, школ, газет, радио, телефона или автострад. Это была страна пустынь и труднодоступных гор, по которым извивались только караванные тропы. На высоте три тысячи метров гнездились городишки, а вокруг — тысячи квадратных километров пустыни. Таков был Йемен: отсталый, всеми забытый, заброшенный, дикий край. Его границы и те не были точно установлены.

Правил Йеменом имам, потомок Магомета и личный представитель Аллаха. Правил в полном смысле слова самодержавно, распоряжаясь жизнью каждого подданного, всем золотом страны и кофейными плантациями. Он не отвечал ни перед каким советом министров, не создавал ни гражданских, ни общественных учреждений. Он руководил, ловко лавируя между племенами, натравливая их друг на друга, поддерживая то одних, то других и разжигая в жаркой пустыне новые распри. Непокорные племена он обуздывал, превращая их вождей в заложников. У него были сотни рабов. Имам чинил суд над подданными, сообразуясь исключительно с собственным настроением; повелевал отрезать носы проституткам, отрубать руки вора... Он презирал цивилизацию и делал все, чтобы не дать ей проникнуть в свои владения, хотя ему и приходилось изредка идти на уступки из-за могущественного северного соседа, правившего Саудовской Аравией и любившего участвовать в международных интригах.

Имам страшился цивилизации еще и потому, что внешний мир стремился прибрать к рукам его страну. Йемен,

правда, был беден, но расположен на пути, ведущем на Восток через Красное море. Поэтому он то и дело превращался в предмет спора между чужестранцами, желающими владеть этим путем.

К евреям имам относился благожелательно, поскольку эти покорные люди были самыми искусными ремесленниками в стране: ювелирами, скорняками, кожевниками, столярами, сапожниками. Арабы же занимались либо сельским хозяйством, либо разбоем на большой дороге.

То, что евреи Йемена остались евреями, казалось чудом. Три тысячи лет эти люди не поддерживали связь с внешним миром. Переиди они в ислам, им жилось бы, конечно, гораздо легче. Однако йеменские евреи неукоснительно придерживались Торы, соблюдали субботу и другие религиозные праздники. Многие из них не знали арабской грамоты, но древнееврейский язык знали все. Священные книги тщательнейшим образом переписывались от руки и передавались из поколения в поколение.

Временами от евреев требовали отречения и перехода в ислам, но они не поддавались. После того как имам начал забирать сирот и обращать в мусульманство, евреи стали женить сирот, не считаясь с их возрастом. Случалось, что женили годовалых детей.

Своей внешностью, одеждой, поведением и мышлением современные евреи Йемена очень напоминали тех, кто слушал древних пророков. Как и в библейские времена, среди них было распространено многоженство. Они верили в дурной глаз и дурное поветрие, злых духов, против которых защищались амулетами. Они верили в каждую букву Библии.

Проходили века, а йеменские евреи не переставали тосковать по Иерусалиму. Они терпеливо ждали Господнего слова, которое приказало бы им пуститься в путь. Время от времени поодиночке или небольшими группами они ухитрялись выбираться из Йемена. Эти счастливицы переезжали в Палестину и создали там небольшую общину.

Наконец они дождались Господнего слова, обещанного пророками!

После провозглашения независимости Израиля Йемен объявил ему войну и направил небольшое войско, которое сражалось в рядах египетской армии. Это послужило йеменским евреям доказательством, что Израиль возрождается. Их раввины утверждали, что именно таково и должно быть долгожданное послание от Господа. Царь Давид вернулся в

Иерусалим, их тысячелетнее ожидание подошло к концу! Хахамы — мудрецы общины — велели евреям подняться и отправиться в Землю Обетованную на орлиных крыльях!

Когда первые слухи об исходе из Йемена дошли до Израиля, Война за независимость была еще в самом разгаре. Сколько этих йеменитов, как их доставить в Израиль, что с ними делать — никто не знал.

Главный хахам отправился к имаму и потребовал, чтобы тот отпустил евреев. Из политических и экономических соображений имам предпочел бы их не отпускать, но раввин подал ему добрый совет: почитать книгу «Исход» Ветхого Завета.

Скрестив под собой ноги, имам размышлял несколько дней. Хахам попал в точку. Мысль о десяти казнях египетских не давала имаму покоя. Незадолго до этого в стране свирепствовал тиф, от которого погибла четверть населения. Он решил, что это — предостережение Аллаха.

Имам дал согласие на выезд евреев, но поставил условия: они должны уехать без имущества, внести особую пошлину и оставить в стране несколько сот мастеров, которые обучили бы мусульман ремеслам.

Йеменские евреи бросили земельные наделы и дома и отправились в путь по диким, непроходимым горам, под палящим солнцем, сквозь песчаные бури пустыни. Они шли на запад, в сторону Аденского протектората, низкорослые добродушные люди с оливковой кожей и тонкими чертами лица. Головным убором им служила чалма, а одеждой — полосатые халаты, какие носили еще при дворе царя Соломона. Женщины Саны, одетые в черные балахоны с белой каймой, тащили детей в платках на спине. Так они шли во исполнение древнего пророчества, становясь легкой добычей арабских племен, отнимавших их убогие пожитки.

Британские протектораты, расположенные вдоль побережья Аравийского полуострова от Красного моря до Персидского залива, включали большие и малые арабские княжества. По их просторам кочевало множество бедуинских племен. Англичане правили этим заповедником средневековья на основе множества договоров, обеспечивающих им нефтяные концессии взамен денег и оружия. Они как могли утихомиривали враждующие между собой племена. Ключом Западного протектората была британская колония Аден. Аденский порт, населенный греками, англичанами, арабами и евреями, связывал Восток и Запад. Здесь, как в калейдоскопе, перемежались восточная лень и английская чопор-

ность, азиатская экзотика и зачатки промышленного прогресса, а над всем этим царила громогласная суматоха портового города, который вызывал у приезжих и интерес и брезгливое отвращение.

Именно Аден стал целью исхода евреев из Йемена. Поначалу англичане не знали, как им быть с этими людьми, хлынувшими через границу караван за караваном, словно со страниц Библии. Они все еще злились на евреев из-за потерянного мандата. Англичане разрешили йеменитам перейти границу и разбить палатки на аденской территории, но потребовали, чтобы израильтяне их тут же забрали к себе.

Евреи, пришедшие из Йемена, выглядели ужасно: в лохмотьях, грязные, истощенные от голода и жажды. Почти все, что у них было, разграбили в пути. Однако каждый мужчина сохранил Библию, а каждая община — священную Тору из сельской синагоги.

В Хашеде, неподалеку от Адена, спешно построили лагерь. Израильтяне взяли на себя охрану границы между Западным протекторатом и Йеменом. Как только становилось известно о подходе нового каравана, они посылали к границе машины и привозили беженцев в Хашед, который постепенно переставал справляться с прибывающими людьми.

Вдобавок работники лагеря столкнулись с неожиданной трудностью: йемениты были полудиким народом в полном смысле слова. Они никогда в жизни не видели ни водопровода, ни канализации, ни электрического света; они внезапно как бы перепрыгнули через три тысячи лет. Автомобили, медицина, современная одежда внушали им подозрение и страх. Работать с ними было нечеловечески трудно.

Женщины оглушительно визжали, когда врачи и сестры пытались снять с них вшивые лохмотья. Они ни за что не соглашались на медицинский осмотр и яростно отбивались от прививок и уколов. Работникам лагеря приходилось все время воевать с матерями, чтобы госпитализировать истощенных детей. К счастью, выход нашли. Израильтяне, хорошо знавшие Священное Писание, каждый раз обращались к раввинам общины и указывали им соответствующие места в Библии. Йемениты соглашались на все, что написано в Книге Книг.

По соглашению с англичанами израильское правительство было обязано срочно вывезти йеменитов из Адена. Поэтому «Северный полярный круг» и стал «Палестинской Центральной Авиакомпанией», а Фостер Джи Мак-Уильямс,

сам того не ведая, спустившись с небес на первом из гигантских «орлов», исполнил древнее пророчество.

Прибытие самолета вызвало неопишное возбуждение. Первая группа выходцев из бронзового века, взяв Тору, бурдюки и одеяла, отправилась на аэродром. Йемениты рассматривали «орла» и многозначительно кивали: его послал Господь, как Он и обещал пророкам. Однако когда их попросили подняться на борт, они наотрез отказались: раввин вдруг вспомнил, что сегодня суббота. Начался жаркий спор. Начальник лагеря втолковывал, что тысячи и тысячи людей ждут не дождутся отправки в Израиль и поэтому нельзя задерживать «орла» хотя бы на один день. Однако никакие уговоры не могли заставить йеменитов нарушить субботу. Они упрямо сидели под крыльями «орла», не желая сдвинуться с места. Раз уж три тысячи лет ждали, подождут еще денек.

Фостер Джи Мак-Уильямс смотрел на странных людей, слушал их непонятный спор, потом коротко, но крепко выругался, отправился в город и напился до потери сознания. Его разбудили на следующее утро и отвезли на аэродром. Накануне он пил греческое «узо» вперемешку с рисовой водкой и виски, голова у него разламывалась от боли. Он постоял с минутку, глядя, как йемениты с бурдюками лезут на борт.

— Боже милостивый! — вырвалось у него.

— Капитан Мак-Уильямс, — раздался голос у него за спиной. Он обернулся и увидел рослую, стройную девушку лет двадцати, одетую в синие шорты, блузку и сандалии.

— Меня зовут Хана. Я полечу с вами и буду заботиться о пассажирах.

Теперь рейс показался Фостеру действительно интересным. Он неистово пялил глаза на Хану, но она не обращала на него никакого внимания.

— У вас есть какие-нибудь инструкции? Это ведь наш первый такой рейс.

— Какие, к черту, инструкции! Вы держите этих туземцев подальше от кабины, но сами, конечно, можете входить в любое время. И пожалуйста, зовите меня Текс.

Фостер снова начал наблюдать за посадкой. Очереди йеменитов не было конца.

— Сколько человек вы думаете напихать в машину?

— У нас сто сорок человек по списку.

— Что? Вы в своем уме? Да мы с места не сдвинемся! Сделайте одолжение, Хана, сбегайте к кому надо и передайте от моего имени, чтобы половину оставили.

— Капитан Мак-Уильямс! — взмолилась девушка. — Они ведь такие легкие.

— Фисташки тоже не тяжелые, но это не значит, что их можно взять миллиард.

— Ну пожалуйста! Я обещаю вам, что никаких хлопот у вас с ними не будет.

— Еще бы! Мы не доберемся и до конца взлетной полосы, как никого не останется в живых.

— Капитан Мак-Уильямс! Мы в отчаянном положении. Англичане приказали немедленно вывезти их из Адена. Они каждый день переходят границу сотнями.

Фостер что-то буркнул. Работники лагеря, стоявшие рядом, затаили дыхание. И тут он совершил ошибку: посмотрел Хане в глаза. Снова принялся считать, немножко поразмышлял и решил, что при некотором везении старая лохань может подняться в воздух. А уж там он как-нибудь не даст ей упасть.

— Ну, давайте, — бросил он. — Мне-то что! Так или иначе, это мой первый и последний рейс.

Начальник лагеря вручил ему окончательный список. В самолет влезли сто сорок два человека. Хана принесла еду и медикаменты. Наконец по трапу поднялся сам Фостер. Страшная вонь ударила ему в нос.

— Мы не успели их выкупать, — извинилась Хана. — Не знали, когда вы прилетите.

Он заглянул в грузовой отсек. Самолет был битком набит тшедушными людьми. Испуганные, они сидели на полу, скрестив под собой ноги. Запах стоял ужасный.

Фостер вошел, закрыл за собой люк и стал прокладывать себе путь дюйм за дюймом. Пока он добрался до кабины, его лицо стало серо-зеленым. Он распахнул окошко, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но его обдал жаркий ветер. Текс включил мотор и перегнулся через окошко, чтобы дать волю рвоте. Его продолжало тошнить и когда машина оторвалась от земли. Он пососал лимон. Ему полегчало, только когда самолет набрал высоту и стало немного прохладней.

Самолет качало. Над проливом Баб-эль-Мандеб Фостер свернул и полетел над Красным морем. Справа была Саудовская Аравия, слева — Египет.

Вошла Хана. Она тоже позеленела.

— Уймите, пожалуйста, машину, — сказала она. — Их всех тошнит.

— Включите там вентиляторы. Я попытаюсь подняться повыше. Холодный воздух их отрезвит.

Головная боль не проходила. Какой он дурак, что поддался на удочку этого Стреча Томпсона!

Через полчаса Хана снова вошла в кабину.

— Теперь они ужасно мерзнут. И я тоже.

— Как угодно. Если я сейчас включу печку, они опять начнут блевать.

— Тогда пусть лучше мерзнут, — пробормотала Хана и вернулась к своим подопечным.

Немного погодя она ворвалась в кабину, что-то выкрикивая на иврите.

— Говорите по-английски!

— Пожар! Они разложили костер, чтобы погреться!

Включив автопилот, Фостер бросился в отсек, расшвыривая пассажиров. Посередине самолета теплился небольшой костерок. Он его затоптал, а когда злость прошла, вернулся к Хане, у которой подгибались колени от страха.

— Вы умеете разговаривать с этими людьми?

— Да, на иврите.

Фостер дал ей микрофон и приказал:

— Передайте им, что каждый, кто сдвинется с места, имеет шанс искупаться в Красном море.

Когда раздался голос Ханы, йемениты стали показывать пальцами на потолок, жалобно визжать и корчиться от страха.

— Что это на них нашло? Что вы им сказали?

— Они не знают, что такое громкоговоритель. Они думают, что это сам Бог с ними разговаривает.

— Очень хорошо. Пускай так и думают.

Дальше все пошло гораздо спокойнее. Правда, без происшествий не обошлось. Едва Фостеру полегчало, как снова поднялся переполох. Он закрыл глаза.

— Боженька, — вздохнул он, — обещаю стать с этого дня добрым христианином, только пусть этот дьявольский день кончится.

Хана вошла в кабину.

— Я уж боюсь вас и спрашивать, что там за шум, — буркнул Фостер.

— Текс! — воскликнула она. — У вас крестник родился!

— Чего?

— Там женщина разродилась.

— Не может быть!

— Честное слово, — сказала Хана. — У них это просто. Мать и сын чувствуют себя хорошо.

Он снова закрыл глаза и глотнул порцию воздуха.

Целый час они летели спокойно. Что-то тут не так, подумал Фостер. Однако пассажиры уже привыкли к рокоту «орла» и, устав от пережитого, начали дремать. Хана принесла Фостеру чашку горячего бульона, и они посмеялись над пережитыми страхами. Фостер долго расспрашивал Хану о йеменитах и о войне в Палестине.

— Где мы сейчас находимся?

Фостер, капитан самолета, он же помощник капитана, штурман и радист, посмотрел на карту:

— Еще немножко, и мы повернем на север над Акабским заливом. По пути в Аден я видел в пустыне укрепления.

— Будем надеяться, война скоро кончится.

— Да, милая, война — скверная штука. Но скажите, какого черта вы влезли в это дело? Сколько бы вам ни платили, эта работа стоит вдвое больше.

— Да мне ничего не платят, — улыбнулась Хана.

— Как так?

— Меня просто послали. Теперь, может быть, пошлют строить с этими людьми поселение, а может, — дальше летать по этому маршруту.

— До меня как-то не доходит...

— Это трудно объяснить. Посторонние часто не понимают наших чувств. Для нас деньги — ничто. Зато доставить этих людей в Израиль — все. Когда-нибудь я, может быть, объясню вам получше.

Фостер пожал плечами. Странные дела происходят в мире. Ну да мне-то что, подумал он. Что и говорить, интересный получился рейс, но одного вполне хватит.

Немного погодя он кивнул:

— А вот и Израиль.

Хана схватила микрофон.

— Эй, что вы делаете?

— Пожалуйста, Текс! Разрешите мне сказать им об этом.

Они ждали этого мгновения тысячи лет.

— Чего доброго, разобьют мне машину.

— Обещаю вам, ничего не будет. Я заставлю их сидеть тихо.

— Что ж, валяйте!

Он снова включил автопилот и подошел к двери. Хана

объявила в микрофон, что в эту минуту они пересекают границу Израиля.

На борту самолета началось светопреставление. Слезы и смех, молитвы и пляски, обрывки песен, объятия и крики радости — все смешалось.

— Господи Боже мой! — изумился Фостер. — Такого не было, даже когда мы побили сборную джорджийского технологического.

Одна из женщин поцеловала его руку. Он отскочил назад, снова уселся за штурвал. Песни и ликования не прекращались до самой Лидды. Когда самолет коснулся посадочной полосы, из-за радостного шума не слышно было моторов. Фостер изумленно смотрел, как евреи, спускаясь с трапа, первым делом бросались на колени и, рыдая, целовали землю.

— Ну, прощайте, Текс, — сказала Хана. — Жаль, что вы уезжаете, но все равно, приятных вам дней в Париже.

Фостер Джи Мак-Уильямс медленно спустился по трапу, посмотрел на сутолоку вокруг. Машины «скорой помощи» и автобусы стояли наготове. Десятки девушек, похожих на Хану, смешались с толпой йеменитов, успокаивая их и радуясь вместе с ними.

Фостер долго стоял у трапа, и странное, никогда до этого не испытанное чувство поднималось в его душе.

Он даже не заметил подошедшего к нему Стреча Томпсона.

— С приездом, мальчик! Как она себя вела?

— Кто?

— Да машина. Как шла?

— Как орел.

Работники отдела иммиграции долго трясли руку Фостера, хлопали его по плечу.

— А они, как они-то себя вели?

Фостер промолчал.

— Что ж ты молчишь? Нормальный рейс?

Фостер пожал плечами:

— Вот именно. Рейс как рейс.

Стреч повел его прочь от ликующей толпы. Фостер остановился на мгновение и оглянулся. Хана помахала ему рукой, он помахал в ответ.

— Ну, Фостер, теперь ты можешь отваливать в свой Париж. Я нашел ребят, у меня даже есть еще одна машина.

— Если тебе очень нужно, Стреч, я, пожалуй, смог бы слетать еще разок. Но действительно — последний.

Стреч почесал затылок.

— Не знаю, что тебе и сказать... Может быть, я смогу устроить тебе еще один рейс. Ты бы, кстати, попробовал новую машину.

«Клюнул! — с трудом скрывая радость, подумал Стреч. — Теперь он, сукин сын, у меня в руках!»

Так началась операция «Ковер-самолет».

Стреч Томпсон, бывший король североатлантических крабов, набрал бывалых американских летчиков, создававших когда-то берлинский воздушный мост. Каждый новый летчик, каждая новая команда сразу загорались миссией доставки йеменских евреев на их Обетованную Землю.

Их машины не раз бывали на шаг от гибели, но они не потеряли ни одного самолета, хотя и работали буквально на износ. Пилотам «Ковра-самолета» порой казалось, что, пока они возят йеменитов, о них заботится само Провидение.

Фостер Джи Мак-Уильямс так и не поехал в Париж. Он летал по аденскому маршруту, пока не эвакуировали всех, кто пришел из Йемена. Затем он принимал участие в операции «Али-Баба» — вывозил евреев из Багдада. За всю историю воздухоплавания не было летчика, налетавшего в воздухе часов больше Фостера. Приземляясь в Лидде, он тут же в аэропорту заваливался спать, пока машину готовили к новому рейсу, и вскоре снова поднимался в воздух. За пару лет Фостер проделал четыреста рейсов, покрыл миллионы километров и доставил в Израиль около пятидесяти тысяч евреев. Каждый раз он чертыхался и клялся, что это его последний рейс, но в конце концов женился на Хане и снял квартиру в Тель-Авиве.

Операция «Ковер-самолет» была только началом. Бородатые ревнителы Торы двинулись из захолустий Курдистана, Ирака и Турции. Пропавшее без вести века назад еврейское племя из Восточного протектората пробило себе дорогу из Хадрамаута в Аден.

Хлынули хлебнувшие лиха страдальцы из лагерей для перемещенных лиц в Европе. Прибывали евреи из Франции и Италии, Югославии и Чехословакии, Румынии и Болгарии, Греции и скандинавских стран. По всей Северной Африке они покидали меллахи — в Алжире и Марокко, Египте и Тунисе; приезжали из Южной Африки, где процветала богатейшая еврейская община; из Китая и Индии, куда попали

три тысячи лет назад; из Австралии и Канады, из Англии и Аргентины.

Добирались пешком по знойным пустыням.

Долетали на самолетах, которые давно пора было сдать на металлолом.

Приплывали в битком набитых трюмах для перевозки скота.

Прибывали на роскошных трансатлантических лайнерах.

Пункты отправления размещались в семидесяти четырех странах, и отовсюду отверженные, никому не нужные люди неодолимо стремились в единственный уголок мира, где слово «еврей» не звучало как оскорбление.

ГЛАВА 2

Ручеек превратился в мощную реку, а затем в настоящий людской потоп.

Исход увеличил вдвое, а вскоре и втрое население Израиля. Экономика страны, и без того пострадавшая в войну, казалось, вот-вот рухнет от наплыва иммигрантов. Прибывало много стариков, еще больше больных и совершенно неграмотных. Но как ни трудно было положение страны, как ни велико бремя, которое она на себя взваливала, принимая все новых иммигрантов, ни одного еврея, стучавшегося в ворота Израиля, не отослали обратно.

Это был настоящий плавильный горн для иммигрантов из всех уголков земного шара. По всей стране, от Галилеи до Негева, как грибы после дождя, вырастали палаточные городки и уродливые поселения из ржавой гофрированной жести. Сотни тысяч человек ютились в палатках, наспех сколоченных бараках, ставя перед теми, кто отвечал за здравоохранение, просвещение и социальное обеспечение, непосильные задачи. Однако в стране господствовал nepостижимый оптимизм. С той минуты, когда эти униженные и угнетенные ступали на израильскую почву, они испытывали такой прилив собственного достоинства, такое чувство свободы, какие им никогда и не снились. Именно свобода и равноправие окрыляли их на подвиги, каких не знала история.

Каждый Божий день возникали новые сельскохозяйственные поселения. Иммигранты бросились осваивать пусто-

ши и пустыни с тем же воодушевлением, с каким первые переселенцы брались когда-то за осушение болот.

Города, казалось, росли из земли. Южноафриканские, канадские, латиноамериканские евреи вкладывали средства в промышленность, строили фабрики и заводы. Вскоре по промышленному потенциалу страна сравнялась с передовыми государствами Азии и Африки. Медицина, сельское хозяйство, наука достигли весьма высокого уровня.

Тель-Авив превратился в кипучую метрополию, его население перевалило за четверть миллиона. Хайфа стала одним из крупнейших портов Средиземноморья. В обоих городах возникла тяжелая промышленность. Новый Иерусалим, столица и духовный центр вновь созданного государства, стремительно рос вширь, застраивая окрестные холмы.

Возводились химические, фармацевтические, строительные, обувные, текстильные, горнорудные предприятия — список их бесконечен. Возникли автосборочные заводы, строились аэродромы, по всей стране протянулась сеть автострад.

Жилье, жилье, жилье — люди нуждались в квартирах, и новые бетонные кварталы чуть ли не ежечасно раздвигали границы городов. Стук молотков, визг дрелей, грохот бетономешалок и шипение сварочных аппаратов не смолкали в Израиле ни на минуту.

Пышно расцветало искусство. На улицах Герцля и Алленби появлялись новые книжные магазины. В каждом кибуце и мошаве, в каждом доме полки ломились от книг на десятках языков. Художники, писатели и композиторы запечатлевали новое, бурно развивающееся общество на холстах, в книгах и в музыке.

От Метуллы до Эйлата, от Иерусалима до Тель-Авива жизнь била ключом, но была нелегка. В этой бедной, не слишком плодородной стране каждый шаг приходилось делать в поте лица. Рабочие трудились до изнеможения, получая ничтожную зарплату. В селах работали в почти невыносимых условиях. Население платило неслыханные налоги — только бы не прекращался поток иммигрантов. Выбиваясь из сил, в поту и крови, напрягаясь до предела, маленький народ рос и креп.

В небо взмывали самолеты национальной авиакомпании, израильский торговый флот бороздил мировой океан.

Народ Израиля пробивал себе дорогу с такой решимостью, что цивилизованный мир все более проникался к нему

симпатией. Молодое государство доказывало человечеству, чего можно добиться, когда есть воля и любовь к свободе. Никто в Израиле не трудился ради личной выгоды в настоящем: все было нацелено в будущее — для новых иммигрантов, для грядущих поколений. Подрастали дети — сабры, которые никогда не знали унижения.

Израиль стал грандиозной эпопеей в истории человечества.

Добрую половину его территории занимал Негев, дикая пустыня, напоминающая поверхность луны, — нагромождение голых скал, обожженных пятидесятиградусным зноем. Именно здесь, в пустынях Син и Фаран, блуждал Моисей в поисках Земли Обетованной. Ни травинки не было на этом бесконечном скалистом высокогорье, ни одно живое существо, даже орел-стервятник, не отваживалось заглянуть сюда. Освоение Негева стало главной задачей Израиля. Израильтяне сооружали поселения на скалах, не обращая внимания на беспощадный зной. Они брали пример с Моисея: так же, как он, добывали воду из скал и возродили пустыню к новой жизни. В Мертвом море стали добывать поташ и заставили медные копи царя Соломона, бездействовавшие целую вечность, снова выдавать зеленую руду. Они обнаружили следы нефти. Беер-Шева, город на северной окраине Негева, превратился в оживленный промышленный центр.

Особые надежды возлагались на Эйлат — порт на берегу Акабского залива, к югу от Негева. Когда в конце Войны за независимость израильские войска добрались сюда, этот населенный пункт состоял из двух саманных хижин. Израильтяне же мечтали о временах, когда от здешней пристани пойдут суда в страны Востока. Надо было лишь дождаться, когда Египет снимет блокаду с Акабского залива. В ожидании этого дня израильтяне усердно строили город.

Именно сюда, в пустыню Негев, вызвался поехать по окончании войны полковник Ари Бен Канаан. Ему поручили изучить каждый дюйм района, блокированного сразу тремя противниками: Египтом, Иорданией и Саудовской Аравией.

Ари повел свое подразделение по непроходимым скалам и ущельям туда, где еще не ступала нога человека. Он тренировал бойцов столь серьезно, что выдержать это было под силу далеко не каждому. Особенно доставалось командирам, от которых Ари требовал нечеловеческой выносливости.

Его отряд называли «Звери Негева». Люди, которые вхо-

дили в него, терпеть не могли Негева, когда в нем находились, но начинали тосковать по нему, едва его оставляли. В израильской армии не было принято давать медали за отвагу — все бойцы считались одинаково мужественными, но значок «Зверей Негева» почитался как орден.

Штаб Ари расположился в Эйлате, который на глазах вырастал в город отважных пионеров. Провели воду, пустили на полную мощность медные рудники, построили шоссе. Об укреплении своего опорного пункта на юге евреи проявляли особую заботу.

Люди шептались о странностях полковника Бен Канаана. Никто не видел, чтобы он смеялся, его лицо всегда сохраняло суровое выражение. Казалось, какое-то горе гложет его, заставляя лезть в пекло, не считаясь с опасностью. В течение двух лет он решительно отказывался хоть на день покинуть пустыню.

Китти Фремонт удостоили звания «Друг», которое до нее носил лишь П. П. Мальколм, командир «ночных отрядов». После войны она занялась устройством иммигрантов. Поселенческое общество направляло ее на самые трудные участки. В январе 1949 года, когда началась операция «Ковер-самолет», Китти предложили отправиться в Аден, чтобы наладить там медицинскую помощь детям в лагерях Хашеда. Она навела там образцовый порядок и прослыла среди йеменитов святой нового времени.

Из Адена Китти отправилась прямо в Багдад для участия в операции «Али-Баба», которая своими масштабами вдвое превосходила «Ковер-самолет». Наладив работу в Ираке, она тут же умчалась в Марокко, где десятки тысяч евреев покидали меллахи в Касабланке, чтобы отправиться в Израиль.

Так Китти переезжала с места на место — туда, где нарастала алия. Иногда она летала в Европу в поисках персонала, медикаментов и инвентаря. Когда волна иммигрантов немного схлынула, Китти отозвали в Иерусалим, где Сионистское поселенческое общество поручило ей работу в «Молодежной алии».

В свое время она помогла привезти детей в Израиль, теперь принялась за организацию их воспитания. Лучше всего для этого подходили поселения вроде Ган-Дафны, но их было слишком мало. Ребята постарше получали воспитание в Армии обороны Израиля, которая стала своеобразным

учебным заведением, где новобранца обучали грамоте и ивриту.

Китти Фремонт уже свободно владела этим языком. Она чувствовала себя своей и с Фостером Мак-Уильямсом на борту самолета, доставлявшего туберкулезных детей в Израиль, и в каком-нибудь пограничном кибуце. «Шалом, гиверет Китти!» — слышалось в сотнях мест, где подрастали ее дети.

А потом Китти осознала нечто, что одновременно обрадовало ее и сильно огорчило. Все чаще она встречала девушек, которых знала еще в Ган-Дафне, — теперь они вышли замуж, вели свое хозяйство. Некоторые из них были совсем детьми на «Исходе», а теперь у них самих подрастали дети. На глазах Китти «Молодежная алия» окрепла и самостоятельно справлялась с любыми трудностями. И вдруг Китти поняла, что сделала свое дело. Ни Карен, ни Израиль больше в ней не нуждаются, и она решила покинуть Израиль навсегда.

ГЛАВА 3

Барак Бен Канаану исполнилось восемьдесят пять лет. Он отошел от общественной жизни и радовался, что может спокойно заниматься своим хозяйством в Яд-Эле. Именно об этом он мечтал добрых полвека. Даже в глубокой старости он сохранил физическую силу, ясный ум и работал в поле от зари до зари. Его огромная борода почти вся побелела, лишь кое-где сохранились проблески рыжего пламени, но руки остались крепки как сталь. Годы после войны стали для него самыми счастливыми. Он смог наконец посвятить себя семье.

Безмятежное счастье, однако, омрачили мысли о детях, у которых жизнь сложилась не очень счастливо. Иордана не смогла забыть Давида. Ее снедала тоска. Она путешествовала по Франции, потом вернулась в Иерусалим, город Давида, и снова поступила работать в университет: в душе у нее по-прежнему была пустота. Ари сослал себя в Негев. Барак догадывался о причинах, но ему никак не удавалось подобрать ключ к сыну.

Вскоре после восемьдесят пятого дня рождения Барак почувствовал сильные боли в желудке. Он долго никому об этом не говорил: нельзя же в такие годы жить совсем без недомоганий. Но вскоре у него появился сильный кашель, а его-то уж никак нельзя было скрыть от Сары. Она настаивала

вала, чтобы муж показался врачу, но Барак все отшучивался. Пришлось, правда, пообещать, что сходит как-нибудь, но ему всегда удавалось найти повод для отсрочки.

Как-то позвонил Бен Гурион и спросил, не хочет ли Барак приехать с Сарой в Хайфу на празднование третьей годовщины Независимости: им оставят место на почетной трибуне. Это, конечно, была большая честь для старика, и он пообещал приехать. Сара взяла с него твердое обещание, что он сходит в Хайфе к врачу и хорошенько обследуется. Они отправились в Хайфу дней на пять раньше, и Барак действительно лег в больницу. Он пробыл там до кануна Дня независимости.

— Что сказали врачи? — спросила Сара.

Барак рассмеялся:

— Плохое пищеварение и старость. Дали какие-то таблетки.

Но Сара хотела знать подробности.

— Да брось ты, — ответил он. — Мы ведь приехали праздновать Независимость.

В этот день народ валом валил в Хайфу — на собственных и на попутных машинах, на самолетах, поездами... Город кишел людьми. В номере гостиницы, где остановился Барак, не было отбоя от посетителей, хотевших пожать руку ветерану, имя которого стало легендой.

Вечером молодежь, пройдя перед утопающим в зелени зданием муниципалитета на Гар-Гакармель, открыла торжества красочным факельным шествием. После митинга на горе был устроен фейерверк.

Десятки тысяч людей толпились на улице Герцля. Гремела музыка, на каждом углу плясали хору. Барак с Сарой тоже вошли в круг и танцевали под восторженные крики молодежи. Затем они отправились в городок Политехнического института, чтобы как почетные гости принять участие в вечере, устроенном «Братством огня» — бойцы Пальмаха создали его еще в дни арабского террора. Был разложен гигантский костер, жарили барана на вертеле, варили кофе по-арабски, хором пели древние песни и библейские псалмы. «Братство огня» пело и плясало до рассвета.

Под утро Сара и Барак вернулись в гостиницу, чтобы немного отдохнуть, а гулянье продолжалось. Через несколько часов они проехали в открытой машине по широкому бульвару, на котором должен был состояться парад, и под

гром аплодисментов заняли места на трибуне рядом с президентом страны.

Новый Израиль шествовал мимо Барака: йемениты — теперь уже гордые и смелые бойцы, рослые сабры, летчики из Южной Африки и Америки, солдаты, вернувшиеся на родину со всех концов земного шара. Проходили отборные части десантников в красных беретах, пограничники в зеленой форме. Грохотали танки, в небе ревели самолеты. Сердце Барака забилося, когда под взрыв аплодисментов бородастые подтянутые «Звери Негева» отдали честь отцу своего командира.

Два дня спустя Барак с Сарой стали собираться домой. Народ еще плясал на улицах. Не успели они переступить порог дома в Яд-Эле, как Барак начал сильно кашлять. Он в изнеможении опустился в кресло, а Сара помчалась за лекарством.

— Я же говорила: тебе нельзя так волноваться, — с укором сказала она, вернувшись. — Пора уже считаться с возрастом.

Барак схватил ее за руку, посадил к себе на колени. Сара прижалась головой к его плечу и вопросительно посмотрела ему в глаза. Он отвел взгляд.

— Ну, теперь торжества позади, — сказала она. — Выкладывай, что тебе сказали врачи.

— Тебя не обманешь, — ответил он.

— Я приму все спокойно, обещаю тебе.

— В таком случае вот что: мне пора, — сказал Барак. — В сущности, я и без них это знал.

Сара вскрикнула, но тут же прикусила губу.

— Ты уж постарайся, вызови Ари и Иордану.

— Рак?

— Да.

— И сколько тебе осталось?

— Несколько месяцев. Но это будут чудесные месяцы.

Барак состарился за несколько недель: сильно похудел, сгорбился. Боли, которые на него навалились, были нестерпимы, но он мужественно переносил их, наотрез отказывался лечь в больницу.

Его кровать придвинули к окну, чтобы он мог смотреть на свои поля, на горы, что возвышались за ними. Ари застал отца, когда тот горестно обозревал место, где когда-то стояла Абу-Йеша.

— Шалом, аба, — сказал Ари, обнимая его. — Видишь, я не задержался.

— Шалом, Ари. Дай-ка посмотреть на тебя, сынок. Давно тебя не видел, больше двух лет. Я думал, ты тоже приедешь на парад со своими ребятами.

— Египтяне снова напали на Ницану. Пришлось дать сдачи.

Барак внимательно оглядел сына. Ари дочерна загорел, высох и стал еще более мужественным.

— Негев пошел тебе на пользу, — сказал Барак.

— Что за чепуху мне тут сказала има?

— Не стоит меня подбадривать. Я достаточно пожил, чтобы принять смерть достойно.

Ари налил себе коньяку, закурил сигарету, а Барак не спускал с него глаз. В глазах старика показались слезы.

— Я был бы вполне счастлив, если бы не ты и Иордана. Я умер бы спокойно, зная, что у вас все хорошо!

Ари глотнул коньяка и отвел взгляд в сторону. Барак взял сына за руку.

— Говорят, что ты можешь стать начальником штаба всей нашей армии, если согласишься оставить пустыню.

— В Негеве куча дел, отец. Должен же кто-то ими заниматься! Египтяне нанимают банды фидайнов. Они то и дело просачиваются через границу и нападают на наши села.

— Да, но сам-то ты счастлив, Ари?

— Ты меня знаешь. Я не из тех, кто бурно восторгается. Я же не новый иммигрант.

— Но почему ты уехал от нас и несколько лет не показывал носа?

— Да, это я зря. И очень сожалею об этом.

— Знаешь, Ари, в последние два года у меня впервые в жизни появилось время для размышлений. Это так чудесно — спокойно поразмышлять. А в последние недели у меня времени и того больше. Я много думал. И пришел к выводу, что был не таким уж хорошим отцом. Я виноват перед тобой и перед Иорданой.

— Да брось ты, отец... Слушать не хочу такую ерунду. Что это ты вдруг в сентиментальность ударился?

— Я говорю правду. Теперь я все вижу гораздо яснее. Слишком мало уделял вам времени... Саре тоже. Ари, когда у человека семья, так нельзя.

— Отец, перестань! Никому на свете не доставалось столько родительской любви и понимания, сколько мне.

Впрочем, всем родителям, видимо, кажется, что они могли бы сделать для детей больше.

Барак покачал головой:

— У тебя совсем не было детства. Еще двенадцати не исполнилось, а ты уже наравне со всеми работал на болоте. С тех пор как я вложил тебе в руки кнут, ты прекрасно обходился без меня.

— Я не хочу даже слушать тебя, отец. Мы живем в этой стране не ради завтрашнего дня. Другой жизни у нас быть не могло. Брось казнить. Мы жили так, потому что выбора у нас не было.

— То же самое я говорю себе, Ари. Разве мы могли иначе? Снова гетто? Концлагеря? Душегубки и печи? Нет, все что угодно, только не это. Мы не зря жили. Но все-таки эта наша свобода... слишком дорогой ценой куплена. Мы настолько дорожим ею, что вырастили поколение еврейских Тарзанов, только они могли отстоять ее. Ничего мы вам дать не сумели, кроме жизни, полной борьбы, да и оставляем мы вас в окопах и с морем за спиной.

— Для Израиля никакая цена не велика, — ответил Ари.

— Нет, велика, если я вижу в глазах моего сына горе.

— Но разве ты отнял Давида у Иорданы? Такова жизнь. Такова цена, которую приходится платить за то, что мы родились евреями. Разве не лучше отдать жизнь за свою страну, чем умереть, как твой отец, от рук мрази в гетто?

— Да, это так, но в горе моего сына все-таки виноват я, Ари. — Барак облизнул губы и с усилием проглотил слюну. — Иордана крепко подружилась с Китти Фремонт.

Ари заморгал.

— К ней тут относятся прямо как к святой. Каждый раз, приезжая в Хулу, она приходит к нам. Зря ты с ней перестал встречаться.

— Отец...

— Думаешь, я не вижу, как она сохнет по тебе? И разве тем мужчина выражает свои чувства, что прячется в пустыне? Да, да, Ари. Давай уж поговорим обо всем, коли начали. Ты просто сбежал и спрятался. Сознайся! Сознайся мне, да и самому себе.

Ари встал с кровати и отошел в сторону.

— Что за упрямство засело в твоей душе? Почему тебе не подойти к этой женщине и не сказать ей, что ты не можешь без нее?

Взгляд отца жег Ари спину. Он медленно обернулся, опустив глаза.

— Она как-то сказала, что мне придется приползти к ней на коленях.

— Так ползи!

— Не могу я ползать, отец! Даже не знаю, как это делается. Разве ты не видишь? Я никогда не стану тем мужчиной, какой ей нужен.

Барак горестно вздохнул.

— Вот тут-то я и дал с тобой маху, Ари. Возьми меня. Да я бы тысячу раз пополз к твоей матери, потому что жить без нее не мог. Да простит мне Господь, Ари, за то, что я внес свою лепту в создание мужчин и женщин, которые отказываются понять, что такое слезы и нежность.

— Она тоже что-то такое говорила, — прошептал Ари.

— Ты путаешь нежность со слабостью, слезы с бесчестием. Ты заставил себя поверить, что зависимость от кого бы то ни было равносильна поражению. Ты настолько ослеп, что даже не можешь выразить свои чувства.

— Выше головы не прыгнешь, — ответил полковник Бен Канаан.

— Мне жаль тебя, Ари. И тебя, и самого себя.

Назавтра Ари перенес отца в машину, и они поехали в Тель-Хай, туда, где Барак и его брат Акива когда-то пересекли палестинскую границу.

Там были похоронены бойцы «Гашомера», первые вооруженные евреи, защищавшие свой народ еще в начале века. Барак вспомнил, что и сам был в «Гашомере», когда впервые встретил Сару в Рош-Пине.

Могилы располагались в два ряда, а десяток с лишним свободных мест предназначались для пока еще живых. Останки Акивы тоже были перевезены на это почетное кладбище, а участок рядом предназначался для Барака.

Ари понес отца мимо могил вверх к тому месту, где стоял символ обороны страны — огромный каменный лев, смотрящий на долину сверху. На цоколе памятника были высечены слова: «Нет выше счастья, чем отдать жизнь за родину».

Барак посмотрел вниз. По всей долине новые села, строился город с тысячами новых домов. Отец и сын провели в Тель-Хае весь день. Вечером всюду вспыхнул свет, окруживший долину словно крепостной стеной. В центре стояло их

село Яд-Эль — Рука Господня. Вдали виднелся Гонен, село отважных юношей, недавно поселившихся в палатках в двух шагах от сирийской границы. В Гонене тоже засветились окна.

— Хорошо, когда есть родина, за которую можно отдать жизнь, — сказал Барак.

Ари осторожно понес его к машине.

Два дня спустя Барак Бен Канаан тихо скончался во сне. Его похоронили в Тель-Хае рядом с братом.

ГЛАВА 4

В конце войны Дов Ландау вступил в армию и принял участие в операции «Десять казней» против Египта. Он мужественно сражался при штурме Суейдана и получил офицерское звание. Затем Дов служил несколько месяцев в пустыне в рядах «Зверей Негева». Ари, чувствуя способности парня, послал его в генштаб, где Дов получил направление в Хайфский политехнический институт. Он выбрал специальность, связанную с проектами орошения Негева, и обещал стать хорошим ученым.

Дов совершенно переродился. Теперь это был стройный и красивый, добродушный и жизнерадостный молодой человек, принимающий близко к сердцу чужие несчастья. Он и Карен очень любили друг друга, но виделись редко. Страна бурлила, и они с головой ушли в работу. У каждого было свое важное дело — повторялась история Ари и Дафны, Давида и Иорданы. Каждая новая встреча и радовала их и мучила.

Когда Дову исполнилось двадцать пять, он уже был капитаном инженерных войск и многообещающим специалистом. Все свое время он проводил в Хайфском политехническом институте или в Институте имени Вейцмана в Реховоте.

После войны Карен покинула Ган-Дафну и тоже вступила в армию, где пошла на курсы медсестер. У нее был богатый опыт еще с той поры, когда она помогала Китти, и учеба давалась Карен легко. Ей нравилось ухаживать за больными. Девушка мечтала по примеру Китти когда-нибудь посвятить себя уходу за детьми. Ее направили в госпиталь в Саронскую долину. Это было очень удобно: Карен могла приезжать в Иерусалим, когда там появлялась Китти, и бывать в Хайфе, чтобы повидаться с Довом.

Из миловидной девушки Карен Хансен-Клемент превратилась в очаровательную женщину и сумела сохранить при этом мягкость и доверчивость юности.

В глубине души Китти изредка мечтала, как поедет с Карен в Америку, но понимала, что это несбыточные грёзы. Она сделала свое дело для девушки и для Израиля. Карен стала неотъемлемой частью Израиля, и оторвать ее от этой страны уже невозможно. Когда-то Китти казалось, что она не переживет разлуки с Карен, однако годы самоотверженной работы с детьми заполнили пустоту в ее сердце, и теперь она понимала, что это не так. Нет, не из-за Карен Китти боялась уехать, ее тревожила судьба самого Израиля. Арабы сидели у его границ, зализывали раны и дожидались того дня, когда снова смогут обрушиться на молодое государство, чтобы уничтожить его во «втором раунде».

Вместо плугов арабские лидеры раздавали своим людям винтовки. Тех немногих, кто стремился к миру с Израилем, как правило, убивали. Арабская пресса и проповедники в мечетях по-прежнему не обходились без кровожадных призывов.

Народы арабских стран, из которых произвол руководителей выжал почти все соки, должны были идти на новые жертвы, чтобы покрыть многомиллионные расходы на вооружение.

Проблему беженцев запутали до того, что решить ее стало почти невозможно.

Насер, бывший капитан египетской армии, закончивший войну в осажденной израильтянами Фалудже, разжигал злобу в арабском мире не меньше, чем в свое время Гитлер в Германии.

Египет закрыл Суэцкий канал не только для израильских судов, но и для судов других стран, если они шли в израильские порты. Это нарушало международные соглашения.

Чтобы не дать евреям открыть порт в Эйлате, арабы зажали блокаду Акабского залива. Арабский легион нарушил соглашение о свободном доступе к величайшей святыне евреев — Стене плача в Старом Иерусалиме.

Все арабские государства отказывались признавать Израиль и клялись его уничтожить.

Затем они стали создавать банды фидаинов. Особенно в этом усердствовали египтяне. Фидаины ночью пересекали границу, убивали из-за угла, поджигали поля, выводили из

стройка водопроводы, сеяли смерть и разрушение. В эти банды вовлекали несчастных палестинских беженцев, обманутых кровожадными демагогами.

Изнемогая под тяжестью множества проблем, Израиль ни на минуту не мог упускать из виду военную опасность. Когда Гитлер говорил, что он уничтожит всех евреев, мир ему не верил. Теперь тем же грозили арабы, и в Израиле понимали, что им верить можно.

Воинскую обязанность пришлось распространить и на девушек. Все мужчины до сорока пяти лет ежегодно участвовали в месячных военных учениях.

Между тем фидайны продолжали зверствовать. Дошли до того, что обстреливали школы и детские сады в пограничных селениях.

Израилю не оставалось ничего другого, кроме возмездия. Армия поклялась уничтожать десять террористов за каждого убитого израильянина. Увы, это был единственный язык, понятный одичавшим убийцам, только страх мог остановить их.

Одним из способов защиты Израиля стало создание в стратегически важных местах военизированных поселений, в названиях которых всегда было слово «нахал» — пустыня. Многие юноши и девушки вступали в армию группами и группами проходили военное обучение. Потом они отправлялись на границу, где создавали хозяйства и оборонительные пункты. Живая стена из еврейских парней и девушек стала ответом на террор фидайнов. Многие поселения располагались в двух шагах от границы; жить приходилось, что называется, в пасти зверя.

Условия жизни в них были тяжелые. Молодой земледелец получал около тридцати долларов в год. Ему постоянно грозила смерть, его окружала бесплодная земля. И тем не менее — еще одно чудо этого народа! — израильская молодежь добровольно отправлялась в этот пограничный ад. Скромно, без громких слов о героизме — так же, как Иордана и Ари, как Давид, Иоав, Зеев... Это была их работа. Они жили, думая не о личной выгоде, а только об Израиле и его завтрашнем дне.

Самой опасной границей была та, что тянулась вдоль сектора Газы, узкой полосы, вонзившейся в израильскую территорию, как гвоздь. Древняя Газа, врата которой обрушил когда-то библейский Самсон, воздвигала теперь новые ворота — в лагерях палестинских беженцев. Эти несчастные

люди жили на подаяния ООН. Египетская администрация накаляла в них дикую ненависть к Израиллю. Газа была базой и учебным полигоном банд фидаинов.

Вот здесь-то, меньше чем в десяти километрах от логова врага, отряд, состоявший из двадцати одного юноши и шестнадцати девушек, начал строительство поселка Нахал-Мидбар — Ручей пустыни.

Среди них была медсестра Карен Хансен-Клемент.

Дов закончил Институт имени Вейцмана и получил направление на ирригационные работы в долину Хулы. Перед отъездом он получил пятидневный отпуск и отправился в Нахал-Мидбар. Они с Карен не встречались уже шесть недель.

Чтобы добраться до этой отдаленной точки Негева, Дову пришлось потратить целый день. Поселок был расположен на пятом километре шоссе, идущего вдоль полосы Газы.

В Нахал-Мидбаре Дова встретили палатки: отряд успел построить только столовую, склад оружия да две сторожевые вышки. Завершалась прокладка водопровода и установка резервуара для воды. Убогие строения одиноко поднимались посреди обдуваемой ветром, палимой солнцем пустыни, словно на краю земли. Это и впрямь был край света. На горизонте торчали мрачные контуры Газы. От неприятеля поселок защищали окопы и колючая проволока.

Были уже вспаханы первые дунамы земли. Дов остановился у ограды, посмотрел вокруг. Поселок выглядел невесело. Но вдруг все преобразилось: из палатки вышла Карен.

— Дов! — закричала она, понеслась вниз по голому коричневому холму и бросилась в его объятия.

Держась за руки, они подошли к резервуару. Дов умыл разгоряченное потное лицо и напился. Карен повела его по тропинке к набатейским развалинам. Этот наблюдательный пункт у пограничного столба был излюбленным местом свиданий.

Карен подмигнула часовому: мол, она заступает на пост. Тот понимающе кивнул и оставил их вдвоем. Они шли среди развалин, пока не добрались до руин древнего храма. Карен осмотрелась. За колючей проволокой все было спокойно.

— О, Дов, наконец-то!

— Мне казалось — не доживу, — ответил он.

Они целовались, не обращая внимания на палящее полуденное солнце. Карен, закрыв глаза, стонала от счастья.

Он отстранился, нежно посмотрел на нее:

— А у меня новости, да какие!

Она открыла глаза:

— Что такое, Дов?

— Ты ведь знаешь, мне дали направление в долину Хулы.

— Конечно.

— Так вот. Вчера вызвали в штаб и сказали, что я останусь там только до конца лета. Потом они направят меня на учебу в Америку. В Технологический институт, в Массачусетс.

Карен заморгала.

— В Америку? На учебу?

— Да, на два года.

Она заставила себя улыбнуться.

— Это же прекрасно, Дов! Я горжусь тобой. Значит, месяцев через шесть-семь ты уедешь?

— Я еще не дал окончательного согласия, — сказал он. — Хотел сначала поговорить с тобой.

— Ну, два года — это не вечность, — ответила Карен. — К тому времени, когда ты вернешься, мы полностью построим кибуц. У нас будут две тысячи думанов посевной площади, библиотека, детские сады.

— Погоди, — перебил ее Дов, — без тебя я ни в какую Америку не поеду. Мы пойдем и прямо сейчас поженимся. Конечно, там нам придется трудно, стипендию мне дадут небольшую. Но ничего. Найду себе работу после занятий, ты тоже сможешь и учиться и работать.

Карен молчала. Она смотрела на очертания Газы, на сторожевые вышки и окопы.

— Я не могу уехать из Нахал-Мидбара, — тихо сказала она. — Мы ведь только приехали. Ребята работают по двадцать часов в сутки.

— Придется взять отпуск.

— Не могу, Дов. Без меня им станет еще труднее.

— Я без тебя не поеду. Разве ты не понимаешь, какое это большое дело? Года через два я буду специалистом-мелиоратором. Это же будет чудесно! Поселимся в Нахал-Мидбаре, я буду работать в пустыне, мою зарплату будет получать кибуц. Да ведь и для Израиля это в сто раз важнее: я смогу принести такую пользу!

Она повернулась к нему:

— Для тебя важно, чтобы ты поехал в Америку. А для меня важно остаться здесь.

Дов побледнел, у него опустились плечи.

— Я думал, ты будешь счастлива...

Она покачала головой:

— Ты хорошо знаешь, Дов, что тебе надо ехать. И так же хорошо знаешь, что мне надо остаться.

— Нет, черт возьми! Я не смогу прожить без тебя целых два года! Какие там два года! Я и двух дней не вынесу. — Он схватил ее в объятия и поцеловал. Она ответила поцелуем.

Их лица были мокры от пота и слез. Они лежали на земле, гладили друг друга и клялись в любви.

— Да-да! — прошептала Карен. — Сейчас!

Дов вскочил на ноги, сжал кулаки и крикнул:

— Нет, этого не будет!

Стало тихо. Только негромко плакала Карен. Дов опустился перед ней на колени.

— Пожалуйста, не плачь.

— О, Дов, что же нам делать? Я перестаю жить, когда тебя нет. Когда тебя вижу, просто становлюсь больной — так хочу тебя.

— Во всем виноват я, — сказал он. — Нельзя так распускаться. Пока не поженимся, ничего не будет.

Он протянул руку и помог ей встать.

— Не смотри на меня так, Карен. Я никогда не сделаю такого, чего тебе пришлось бы стыдиться.

— Я тебя люблю, Дов. Я не стыжусь и не боюсь признаться, что хочу быть твоей.

— А я не стану этого делать, — ответил он.

Они помолчали.

— Ладно, давай вернемся, — сказала Карен с горечью.

Китти извездила Израиль вдоль и поперек и хорошо знала, как живет молодежь в новых поселках. Отправляясь в Нахал-Мидбар, она понимала, что ничего хорошего не увидит, но все-таки у нее сжалось сердце, когда она увидела эту адскую печь под носом у свирепых головорезов.

Карен повела Китти по кибуцу, с гордостью показывая, что удалось сделать за три месяца: несколько дощатых барачков и распаханная дунами земля. Тем не менее поселок производил страшноватое впечатление. Китти подумала, что днем парни и девушки до изнеможения работают, а ночью еще несут охрану.

— Через пару лет, — мечтала Карен, — везде будут деревья и цветы. Лишь бы хватило воды.

Спасаясь от беспощадного солнца, они забрались в па-

латку, где размещалась санчасть Карен, и напились воды. Из палатки открывался вид на колючую проволоку и окопы. Часть молодых кибуцников работала в поле на солнцепеке, другие их охраняли. В одной руке меч, в другой — плуг. Так когда-то восстанавливали стены Иерусалима. Китти посмотрела на Карен. Девушка так молода, мила. Несколько лет в этом аду — и она состарится.

— Ты действительно собираешься домой? Не могу поверить, — сказала Карен.

— Я попросилась в отпуск на год: ужасно соскучилась по дому. А теперь, когда и ты уехала... Почему бы мне не пожить в свое удовольствие? Может быть, я еще вернусь в Израиль, но пока не знаю.

— А когда ты уезжаешь?

— После Пасхи.

— Так скоро? Это ужасно, Китти.

— Ты уже взрослая женщина, Карен. У тебя целая жизнь впереди.

— Я не представляю, как жить без тебя.

— Мы будем переписываться. Кто знает, может быть, после четырех лет на этом вулкане мне станет скучно в тихом месте.

— Ты обязательно вернешься, Китти.

Китти улыбнулась:

— Время покажет. А как поживает твой Дов? Я слышала, он уже кончил институт.

Карен не стала говорить, что Дова посылают в Америку, знала — Китти примет его сторону.

— Дова направили в долину Хулы. Там прокладывают каналы и делают дренаж, чтобы спустить воду в Тивериадское озеро.

— Дов стал важной шишкой. Мне о нем рассказывали удивительные вещи. Он сможет приехать сюда на Пасху?

— Боюсь, что нет.

Китти щелкнула пальцами.

— Слушай, у меня идея! Иордана пригласила меня на Пасху в Яд-Эль, и я обещала приехать. Дов работает где-то там рядом. Почему бы и тебе не выбраться в Яд-Эль?

— Я должна провести Пасху в своем кибуце.

— Проведешь ее там еще сто раз. А мне это был бы такой подарок на прощанье!

Карен улыбнулась:

— Ладно, приеду.

— Чудно! Ну, теперь расскажи — как он, твой кавалер?

— Он хороший... мне кажется, — глухо пробормотала Карен.

— Вы что же — поссорились?

— Разве он станет со мной ссориться? Он, Китти, иногда такой благовоспитанный, что хоть на стенку лезь!

— Понимаю, — сказала Китти, подняв брови. — А ты уже взрослая восемнадцатилетняя женщина, не так ли?

— Я не знаю, что делать, Китти. С ума схожу, как только подумаю о нем. А потом он приезжает, и каждый раз — это его треклятое благородство. Его могут отправить куда-нибудь, прежде чем мы успеем пожениться. Я хочу отдаться ему.

— Ты его очень любишь?

— Просто умираю. Плохо, что я так прямо говорю об этом?

— Нет. Разве бывает большее счастье, чем так любить?

— Китти... Мне ужасно хочется быть с ним. Это плохо?

Это плохо? Китти вспомнила, как она говорила Ари о непорядочности Иорданы из-за тех счастливых минут, которые та тайком проводила с Давидом. Как часто потом она жалела об этих словах. Давид уже три года мертв, а Иордана все еще не оправилась от горя и, пожалуй, до самой смерти не оправится. Сколько дней осталось Дову и Карен? Этот народ по ту сторону проволоки — разве он даст пожить?

Карен... ее дорогое дитя.

— Люби его, родная, — сказала Китти. — Люби всей душой.

— О, Китти!

— Да, дорогая, отдайся ему.

— Но ведь он боится.

— А ты сделай, чтобы не боялся. Ты его жена, и так это и должно быть.

Китти почувствовала странную пустоту в душе: она навсегда отдает Карен. Девушка положила руку ей на плечо.

— А ты, Китти, почему не поможешь Ари?

У Китти дрогнуло сердце, когда она услышала это имя.

— Это, Карен, не любовь, когда один любит, а другой нет.

Обе долго молчали. Китти подошла к пологу, выглянула из палатки. Ее тут же окружил рой мух. Она рывком обернулась к Карен:

— Не могу уехать отсюда и не сказать... Я больна от того, что ты подалась в это гиблое место.

— Надо же кому-нибудь защищать границы. Неужели я могла сказать: пускай едут другие?

— Этому твоему Нахал-Мидбару всего три месяца, а вы уже похоронили парня и девочку после стычки с фидаинами.

— Мы, Китти, смотрим на это по-другому. Верно, двоих убили, но зато к нам приехали еще пятьдесят человек, да еще пятьдесят строят новый поселок в пяти километрах отсюда. И это только потому, что мы сюда приехали. Через год у нас тут будет дом для детей, тысяча дунамов под пшеницей и хлопком.

— А еще через год ты начнешь увядать. Будешь вкалывать по восемнадцать часов в сутки, проводить ночи в окопах. Вам с Довом никогда не дадут здесь больше, чем комнату восемь на десять шагов. Даже штаны и юбка не будут принадлежать вам.

— Ты не права, Китти. У нас будет решительно все.

— Включая и четверть миллиона арабов, готовых перегрызть вам глотку.

— Мы не питаем вражды к этим несчастным, — ответила Карен.

— Они сидят взаперти, как звери в клетке. День за днем, год за годом смотрят, как зеленеют ваши поля.

Китти опустила на койку и закрыла лицо руками.

— Китти, послушай!

— Не могу слушать.

— Пожалуйста... Ну, пожалуйста, выслушай меня. Ты знаешь, даже маленькой девочкой в Дании я задавала себе вопрос — зачем я родилась еврейкой? Господь избрал нас не потому, что мы слабы или убегаем от опасности. Мы терпели убийства, горе, унижение шесть тысяч лет и все равно сохранили свою веру. Мы пережили всех, кто пытался уничтожить нас. Разве ты этого не понимаешь, Китти? Эта маленькая страна была избрана для нас, потому что здесь главный перекресток мира, где кончается цивилизация и начинается дикость. Именно здесь поставил Господь народ свой, чтобы нести охрану и блюсти Его законы, основу человеческого существования. Разве есть на свете более подходящее место для нас?

— Израиль приперт к стене! — заплакала Китти. — Он всегда так стоял и вечно будет так стоять, а дикари вечно будут пыгаться его уничтожить.

— О нет, Китти, нет! Израиль — это мост между тьмой и светом!

Внезапно Китти все поняла. Поняла с предельной ясностью. Вот он, ответ на давно не дающий ей покоя вопрос! Израиль — это мост, ведущий от тьмы к свету.

ГЛАВА 5

У евреев одна ночь в году — пасхальная — важнее всех других ночей. Они празднуют Пасху в память освобождения из египетского рабства. Египтяне стали для них олицетворением всех угнетателей, сколько их ни было на протяжении тысячелетий еврейской истории.

В канун Пасхи во время седера, пира в честь освобождения, произносятся слова благодарения Господу за обретенную свободу и выражается надежда, что свободны станут все, кто до сих пор несвободен. До провозглашения Израиля, празднуя в чужих странах седер, евреи всегда заканчивали его словами: «...на будущий год в Иерусалиме».

«Агада», небольшая книжечка с пасхальными молитвами, рассказами и песнопениями, часть которых написана три тысячи лет назад, читается во время седера всеми по очереди. Глава семейства начинает с рассказа об Исходе из Египта.

Седер — важнейшее событие года, к которому хозяйки начинают готовиться за месяц: идет уборка, стряпается особая пища, украшаются дома. Весь Израиль охватывает радостная суэта. В кибуцах и мошавах седер собирает за общим столом сотни людей. В частных домах седеры поменьше, проще.

В этом году в доме Бен Канаанов в Яд-Эле седер решили провести скромно, и все же Сара старательно выполнила положенные обряды. Домик был вычищен до блеска внутри и снаружи. Менора — ритуальный подсвечник — прямо сияла. Комнаты Сара украсила огромными галилейскими розами, приготовила традиционные пасхальные лакомства, ритуальные блюда и нарядилась в свое лучшее платье.

Днем Китти и Сазерленд выехали с виллы генерала в Яд-Эль.

— Ваша идея уехать из Израиля — страшная глупость, — бурчал Сазерленд. — Мне даже не верится.

— Я много об этом думала, Брюс, и ничего лучше мне в голову не пришло. Американцы говорят: «Расставайся, пока всем весело».

— Вы действительно считаете, что иммиграция пошла на убыль?

— Первая волна — да. Остались еще небольшие еврейские общины в Европе, например в Польше, откуда не все могут выехать. Боюсь, и над египетскими евреями потолок может рухнуть в любой момент. Но главное то, что у нас теперь достаточно людей и средств, чтобы справиться с любой задачей.

— Вы имеете в виду маленькие проблемы, — сказал Сазерленд. — А как быть с большими?

— Не понимаю, о чем вы.

— В Соединенных Штатах живет шесть миллионов евреев, в России — четыре. Как быть с ними?

Китти задумалась.

— Те немногие евреи, которые приехали из США, — это либо идеалисты, либо неврастеники, которые сами не знают, чего хотят. Я не думаю, что наступит день, когда американские евреи тоже попадут в Израиль, боясь преследований. Но если он когда-либо наступит, лучше мне не дожить до него. Что же касается советских евреев, то тут произошла одна в высшей степени странная и трогательная вещь, о которой мало кто знает.

— А мне можно узнать? — спросил Сазерленд.

— Там пытались решить еврейский вопрос с помощью всевозможных эволюционных теорий. Коммунисты полагали, что старое поколение вымрет, а молодому промоют мозги с самого рождения. Вы слышали, что в России все еще свирепствует антисемитизм?

— Слышал.

— И все же у властей ничего не вышло. Прошлой осенью в еврейский Новый год израильский посол отправился в московскую синагогу, единственную во всем городе. И что же вы думаете? Тридцать тысяч евреев вышли на улицы, чтобы только посмотреть на посла, дотронуться до него. Когда-нибудь из России будет большая алия.

Слова Китти произвели на Сазерленда глубокое впечатление. Некоторое время он молчал. Все та же старая история: еврей никогда не перестает быть евреем. Рано или поздно наступает день, когда он должен заявить о своем еврействе. Сазерленд вспомнил о матери, которую так любил.

Они свернули с шоссе на боковую дорогу в мошав Яд-Эль. Из дома выбежала Сара, бросилась им навстречу. Начались объятия, поздравления с праздником.

— Мы что же, первые?

— Дов уже здесь. Входите же скорей, входите!

Дов встретил их у дверей. Он пожал руку Сазерленду и нежно обнял Китти. Она отступила на шаг:

— Дай-ка я на тебя хорошенько посмотрю, майор Дов Ландау! Ты с каждым днем хорошеешь.

Дов покраснел.

Сазерленд не без зависти разглядывал розы Сары.

— А где же остальные? — спросила Китти.

— Иордана вчера вечером поехала в Хайфу. Сказала, что вернется вовремя.

— Я получил письмо от Карен. Она должна была выехать из Нахал-Мидбара еще вчера, — сказал Дов. — Может быть, она остановилась на ночь в Хайфе? Или голосует где-нибудь на шоссе около Сафеда?

— Ничего, — сказал Сазерленд, — доберется.

Китти огорчилась, что Карен еще нет, но не подала виду. Доехать до Яд-Эля было трудно, особенно по праздникам.

— Давайте я вам помогу, — предложила она Саре.

— Сидите и чувствуйте себя как дома. Кстати, вам уже раз десять звонили в контору мошава. Дети во всей долине знают, что вы приедете. Они просили передать, что зайдут перед седером, — сказала Сара и ушла на кухню.

Китти повернулась к Дову:

— Я слышала о твоих успехах.

Дов пожал плечами.

— Не скромничай. Я знаю, вы проектируете какое-то водное сооружение у Иордана.

— Да, если бы сирийцы не мешали. Странно все получается. Сирия и Иордания выиграют от этого во много раз больше, чем мы. Но как только речь заходит о том, что Израиль получит лишнюю каплю воды, они встают на дыбы.

— А что вы там делаете? — спросил Сазерленд.

— Мы хотим изменить русло Иордана на протяжении нескольких километров. Арабы говорят — это задумано из военных соображений, хотя мы предложили им прислать своих наблюдателей. Ну ничего, как-нибудь образуется.

Дов глубоко вздохнул, и Сазерленд понял, что ему не терпится остаться с Китти наедине. Он отошел в дальний угол комнаты и принялся изучать корешки книг на полках.

— Китти, — начал Дов, — мне хочется поговорить с вами о Карен до того, как она приедет.

— Давай поговорим.

— Она очень упряма.

— Знаю. Мы с ней долго беседовали в Нахал-Мидбаре.

— Она вам рассказала, что мне предложили ехать в Америку учиться?

— Нет, но я знаю. Я так долго в Израиле, что у меня появилась собственная разведывательная сеть.

— Я не знаю, что делать. Она, видите ли, патриот своего кибуца. Боюсь, Карен не согласится ехать со мной. А я просто не могу расстаться с ней на два года.

— Я с ней поговорю, — улынулась Китти. — Со мной ей не сладить. Вот увидишь, Дов, все будет хорошо.

Дверь распахнулась, и Иордана с развевающимися золотыми волосами широко развела руки.

— Шалом всей компании!

Китти обняла ее.

— Има! — закричала Иордана. — Поди сюда! Смотри, кого я притащила!

Когда Сара прибежала из кухни, в дверях появился Ари.

— Сынок!

В глазах Сары появились слезы. Она бросилась к сыну на шею.

— Ну, Иордана, чертовка рыжая! Почему ты не сказала, что он тоже приедет?

— Мы надеялись, ты и без предупреждения сумеешь накормить еще один рот, — ответил Ари, поднимая мать в воздух.

— Ах вы, черти! — сказала Сара, грозя им пальцем и вытирая глаза. — Дай я хоть посмотрю на тебя. У тебя усталый вид, Ари. Ты слишком много работаешь.

Они снова обнялись, счастливо смеясь.

И тут Ари заметил Китти Фремонт.

В комнате воцарилась неловкая тишина, они долго смотрели друг на друга. Иордана поглядывала то на брата, то на Китти.

Китти медленно встала и сказала тихо:

— Шалом, Ари.

— Шалом, — прошептал он в ответ.

— Чувствуйте себя как дома, — бросила Иордана, подхватила мать под руку и увела ее на кухню.

Дов пожал Ари руку.

— Шалом, генерал Бен Канаан.

Китти взглянула на Дова. Глаза парня сияли, когда он смотрел на легендарного командира «Зверей Негева».

— Шалом, Дов. Ты чудесно выглядишь. Слышал, ты собираешься залить водой наши пустыни.

— Постараемся, генерал.

Ари поздоровался с Сазерлендом.

— Я получил ваше письмо, Брюс. Буду рад видеть вас у себя в Эйлате в любое время.

— Мне хотелось бы познакомиться с Негевом поближе.

— А как ваши розы?

— Прекрасно. Должен сказать, я испытал зависть, когда увидел розы вашей матери. Я не отпущу вас в Эйлат, пока вы не проведете у меня хотя бы полдня.

— Постараюсь.

Снова воцарилась неловкая тишина. Китти не отрывала глаз от Ари. Сазерленд подошел к Дову и повел его из комнаты.

— Ну, майор Ландау, расскажите, как вы собираетесь перелить озеро Хула в Тивериадское озеро. Это ведь не так просто!

Ари и Китти остались одни.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала она.

— А вы — еще лучше.

Они снова замолчали.

— А как Карен? Она тоже приедет?

— Да, обещала. Мы ждем ее с минуты на минуту.

— Не хотите ли подышать воздухом? Погода прекрасная.

— С удовольствием, — ответила Китти.

Они молча шли вдоль забора, затем по краю поля мимо оливковой рощи, пока не добрались до Иордана. В воздухе чувствовалось дыхание весны. Ари зажег две сигареты, протянул одну Китти.

Она была еще прекрасней, чем когда-то.

Китти чувствовала на себе его пристальный взгляд.

— Мне просто стыдно, что я еще ни разу не бывала в Эйлате. Начальник гарнизона в Беер-Шеве много раз предлагал мне слетать с ним туда, но я как-то не собралась. А жаль.

— О, там море и горы. На редкость красиво.

— А город растет?

— Он бы еще не так вырос, если бы только удалось снять блокаду и открыть порт.

— Ари, — спросила Китти, — как там дела внизу?

— Как всегда было... и будет.

— Я слышала, фидаины не дают покоя?

— Дело не в них. Арабы собирают войска на Синайском полуострове, надеются когда-нибудь захватить весь Ближний Восток. — Ари улыбнулся. — Мои ребята говорят: пора уже нам перейти границу, найти гору Синай и вернуть Господу его десять заповедей.

Китти долго смотрела на бурную реку, затем горестно вздохнула.

— Я не сплю по ночам из-за Карен. Она у полосы Газы, в Нахал-Мидбаре.

— Да, это скверное место, — сказал Ари. — Но там крепкие ребята. Как-нибудь справятся.

Да, подумала Китти, Ари не меняется.

— Я слышал, вы собираетесь в Америку?

Китти кивнула.

— Вы у нас слывете знаменитостью.

— Скорее чудачкой.

— Не скромничайте.

— Уверена, Израиль выживет и без меня.

— Почему вы все-таки уезжаете?

— Вы видели Дова, майора Дова Ландау? Прекрасный молодой человек. Я оставляю Карен в хороших руках. Не знаю, может быть, я боюсь надоест. Может быть, я действительно тоскую по дому. Причин много, да не в них дело. Так или иначе, а я решила взять отпуск, чтобы подумать, просто подумать.

— Мудрое решение. Хорошо, когда у человека есть возможность подумать и отвлечься от будничных забот. Мой отец всю жизнь мечтал о такой роскоши, но досталась она ему только в последние два года жизни.

Вдруг они почувствовали, что им больше нечего сказать друг другу.

— Давайте вернемся, — предложила Китти. — Я хочу встретить Карен. Да и ребята приедут.

— Китти, еще минуточку, пожалуйста.

— Да?

— Хочу сказать, что я вам очень благодарен за участие, которое вы проявили к Иордане. Вы были к ней очень добры. Меня она так тревожила.

— Иордана до сих пор несчастна, Ари. Она так сильно любила Давида.

— И когда же это пройдет?

— Не знаю. Но я достаточно прожила в этой стране, чтобы заразиться оптимизмом. Когда-нибудь и Иордана будет счастлива.

Невысказанный вопрос, произнесенные слова повисли в воздухе. А она сама будет ли когда-нибудь счастлива?

— Ну, идем, — сказала Китти.

Целый день ее навещали бывшие питомцы из Ган-Дафны и других сел, а к Ари заходили жители Яд-Эля. В доме Бен Канаанов стоял ералаш. Все вспоминали, как неловко чувствовала себя Китти, когда впервые оказалась здесь, теперь она разговаривала на их языке, и люди смотрели на нее с восхищением.

Многие «дети Ган-Дафны» приехали издалека, чтобы побыть с ней несколько минут. Некоторые привезли с собой мужей или жен. Почти все были одеты в военную форму.

Чем ближе подходил вечер, тем больше Китти тревожилась. Дов несколько раз выходил на шоссе, вглядывался в даль.

Гости разошлись, чтобы подготовиться к своим седам.

— Где же, черт возьми, пропадает эта девчонка! — с тревогой воскликнула Китти.

— Думаю, скоро будет, — сказал Дов.

— Она не позвонила, не предупредила, что задержится. Это так не похоже на Карен, — волновалась Китти.

— Успокойтесь, — сказал Сазерленд. — Разве вы не знаете, что для междугородного звонка здесь требуется чуть ли не большинство голосов в кнессете?

Ари предложил:

— Я пойду в контору мошава и закажу с кибуцем служебный разговор. Может быть, они знают, где она собиралась остановиться, а там уж мы ее живо найдем.

— Буду очень благодарна, — ответила Китти.

Как только Ари ушел, Сара объявила, что стол накрыт, и пригласила всех на седед. После месячных трудов наконец наступил час ее торжества. Она распахнула дверь в столовую, гости вошли на цыпочках, и раздались восхищенные голоса. Вот это стол! Именно такой подобает торжественному пиру свободы.

Серебро и посуда сияли. Ими пользовались только раз в году — в седед. Посреди стола красовался серебряный подсвечник, рядом огромный серебряный бокал, богато украшенный резьбой, — «сосуд пророка Ильи». Он был доверху

налит вином и предназначался для пророка: придет, отопьет из него — тогда вскоре явится и Мессия.

По краям стола, у каждого прибора, стояли серебряные бокалы, которые во время седера наполнялись пасхальным вином четыре раза — по числу Господних обещаний: освободить народ Израиля, вывести из Египта, привести в Землю Обетованную и опекать его. Вино пили также при перечислении десяти казней египетских и при исполнении хором песни Мириам о том, как Красное море сомкнулось над войском фараона.

На почетном месте, в кресле, лежала подушка, чтобы тому, кто будет читать рассказ об Исходе, было удобно. В древние времена только свободные люди могли сидеть развалившись — рабам полагалось сидеть прямо.

В центре стола, рядом с подсвечником, стоял золотой пасхальный поднос, а на нем символические пасхальные блюда. Опресноки — в знак того, что сыновьям Израиля пришлось спешно покинуть Египет и у них не было времени дать хлебу взойти. Яйцо символизировало добровольность жертвы; смоченная зелень — наступление весны; кусок баранины — жертвы, которые приносили Господу в храме; смесь из толченых орехов и яблок — раствор, который евреям-каменщикам приходилось месить в египетском рабстве; марор, горькая трава, — горечь неволи.

После стола Сара пригласила гостей обратно в гостиную. Войдя в комнату, Иордана первая увидела Ари. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, бледный, непривычно взволнованный. Все уставились на него. Он попытался говорить, но спазм сжал ему горло.

— Карен! Где Карен? — закричала Китти.

У Ари задрожали губы, он опустил голову.

— Где Карен?

— Карен больше нет. Фидаины убили ее прошлой ночью.

Китти вскрикнула и потеряла сознание.

...Веки Китти зашевелились. Рядом с ней на коленях стояли Брюс и Иордана. Внезапно она вспомнила все, обернулась и зарыдала:

— Мое дитя... моя девочка!

Китти медленно села. Иордана и Сазерленд, потрясенные случившимся, растерянно смотрели на нее.

— Карен... моя Карен!

— Боже, почему погибла она, а не я! — вырвалось у Иорданы.

Китти с трудом поднялась.

— Полежите, милая, пожалуйста, не вставайте, — взмолился Сазерленд.

— Нет, — ответила Китти, отталкивая его руку. — Где Дов? Мне нужно к Дову.

Она вышла, пошатываясь, и нашла Дова в комнате рядом. Дов сидел в углу с опухшими от слез глазами. Его лицо было искажено болью. Китти обняла его.

— Дов, мой бедный мальчик!

Дов опустил голову ей на грудь и зарыдал. Китти гладила его по волосам, и они вместе плакали, пока ночь не опустилась на дом Бен Канаанов, а у них не иссыкли все слезы.

— Я останусь, Дов... Буду ухаживать за тобой, — сказала Китти. — Мы как-нибудь справимся, Дов.

Дов встал на ноги.

— Обо мне не беспокойтесь, Китти, Я сам справлюсь. Карен не придется стыдиться меня.

— Об одном прошу, Дов, ради Бога, не становись прежним.

— Нет, — ответил он. — Я не раз думал об этом. Я не могу ненавидеть их — ведь Карен не питала к ним вражды. Она не знала ненависти. Она всегда говорила, что мы не достигнем своей цели, ненавидя.

В дверях появилась Сара.

— Нам всем очень тяжело, — сказала она, — но седер отложить нельзя.

Китти посмотрела на Дова, тот кивнул.

Они печально потянулись в столовую. У дверей Иордана подошла к Китти.

— Ари сидит один в сарае, — сказала она. — Вы не позовете его?

Китти вышла во двор. Во всех домах мошава горел свет, везде уже справляли седер. В эту минуту главы семей рассказывали своим близким древнюю историю Исхода, как ее рассказывали испокон веков и будут рассказывать всегда. Шел небольшой дождь, и Китти ускорила шаг, направляясь к мерцающему свету фонаря. Она вошла в сарай, оглянулась. Ари сидел на сене спиной к ней. Китти подошла к нему, дотронулась до плеча:

— Ари, сейчас начнется седер.

Он обернулся и поднял глаза. Китти отшатнулась, слов-

но ее ударили. Никогда в жизни она не видела столько страдания на человеческом лице. В глазах Ари застыла смерть. Он посмотрел на нее невидящим взглядом, затем опустил голову на руки, и его плечи затряслись.

— Ари, пора... седеp...

— Всю жизнь я смотрю, как убивают моих близких. Всех убивают... всех...

Он был полон отчаяния. Китти испуганно глядела на этого убитого горем, совершенно незнакомого ей человека.

— Я каждый раз умирал с ними. Я умирал сотни и тысячи раз. У меня пусто внутри. У меня ничего больше не осталось в жизни.

— Ари... Ари!

— Почему мы должны посылать детей в такие места? Эта чудная девочка, этот ангел... за что они ее убили?..

Ари с трудом поднялся на ноги. От его энергии, мощи и самообладания не осталось и следа. Перед ней стоял усталый, разбитый старик.

— Почему мы каждый день должны драться всего лишь за право жить?

Ари поднял искаженное от боли лицо и потряс кулаками над головой.

— Боже! Боже! Почему нас не оставляют в покое? Почему не дают нам жить?

Его мощные плечи поникли, голова опустилась на грудь... Китти вдруг поняла то, что раньше ускользало от нее.

— О, Ари, — прошептала она. — Что я наделала? Как же я не понимала? Ари, родной мой, как же ты настрадался. И я тебя мучила. Ради Бога, прости.

— Не знаю, что на меня нашло, — пробормотал Ари. — Пожалуйста, никому не рассказывайте.

— Идем. Нас там ждут, — сказала Китти.

— Китти!

Он медленно подошел к ней, опустился на колени, обнял ее и прижался головой.

Знаменитый воин Ари Бен Канаан плакал, и в его рыданиях изливалось бесконечное горе. Китти обняла его, гладила по голове, шептала ласковые слова.

— Не оставляй меня, — умолял Ари.

Как давно она мечтала услышать эти слова! Да, я останусь, подумала она. Я останусь с тобой сейчас, и не уйду, пока буду тебе нужна. Но даже сейчас, когда ты первый раз в жизни заплакал, ты стыдишься своих слез. Сегодня я тебе

нужна, а завтра... завтра ты снова станешь прежним, непобедимым Ари Бен Канааном, снова заберешься в свою скорлупу, будешь опять презирать всякие чувства, и тогда я, может быть, уйду.

Она помогла ему подняться, вытерла его слезы, обняла за плечи.

— Все в порядке, Ари. Обопрись на меня.

Они медленно вышли и увидели в окно, как Сара зажигает свечи, произнося слова молитвы.

Он остановился, снял ее руку с плеча и выпрямился.

Это снова был прежний Ари Бен Канаан. Как быстро, печально подумала Китти.

— Китти, я должен вам сказать, что я никогда не любил Дафну так, как люблю вас. Но вы знаете, что за жизнь вам предстоит со мной.

— Знаю, Ари.

— Я не похож на других. Может быть, я никогда уже не скажу вам, что вы мне нужны больше всех на свете. Сможете ли вы это понять?

— Смогу, всегда смогу.

Они вошли в столовую. Мужчины надели ермолки.

Дов, Иордана, Ари и Китти, Сазерленд и Сара. У всех сердца обливались кровью от горя.

Ари направился к столу, чтобы занять место Барака.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — сказал Сазерленд, — но я тут старший. Разрешите мне править седер.

— Сочтем за честь, — ответил Ари.

Сазерленд подошел к столу, занял место главы семьи. Раскрыли «Агаду». Сазерленд кивнул Дову.

Тот откашлялся и начал:

— Чем отличается нынешняя ночь от всех прочих ночей? Нынешняя ночь отличается от всех прочих ночей тем, что в эту ночь мы празднуем самое выдающееся событие в истории нашего народа. В эту ночь мы празднуем свое победоносное шествие от рабства к свободе.

СОДЕРЖАНИЕ

**Книга первая
ЗА ИОРДАНОМ**

7

**Книга вторая
МОЯ ЗЕМЛЯ**

211

**Книга третья
ОКО ЗА ОКО**

333

**Книга четвертая
ВОСПРЯНЬ ВО СЛАВЕ**

485

**Книга пятая
НА ОРЛИНЫХ КРЫЛЬЯХ**

589

Юрис Л.

Ю73 Исход: Роман: Пер. с англ./Леон Юрис.— 4-е изд. —
М.: «Текст», 2003.— 637 с.

ISBN 5-7516-0396-6

В знаменитом романе американского писателя Леона Юриса (1924—2003) рассказывается о возвращении на историческую родину евреев из разных стран, о создании государства Израиль. В центре повествования— история любви американской медсестры и борца за свободу Израиля, волею судеб оказавшихся в центре самых трагических событий XX века.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Леон Юрис
ИСХОД
РОМАН
В ПЯТИ КНИГАХ

Редактор И.В.Опимах
Художественный редактор Т.О.Семенова

Лицензия № 063402 от 26.05.99.

Подписано в печать 17.09.03. Формат 84 x 108/32.
Усл. печ. л. 33,60. Уч.-изд. л. 37,98. Тираж 3500 экз.
Изд. № 489. Заказ № 1641

Издательство «Текст»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (095) 150-04-82

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Типография «Новости»
105005 Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46
OCR Давид Титиевский, сентябрь 2019 г., Хайфа

**«Исход» — история величайшего чуда
нашего времени, не имеющего аналогов
в истории человечества.**

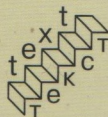
**Это рассказ о втором рождении народа,
который был рассеян по миру
два тысячелетия назад.**

**«Исход» — история о сражающемся народе,
о людях, которые не просят прощения
ни за то, что рождены евреями,
ни за то, что хотят жить, не теряя чувства
собственного достоинства.**

Леон Юрис

**Все книги известного американского писателя
Леона Юриса (1924 — 2003) становились бестселлерами.**

**Самый знаменитый его роман «Исход»
переведен на десятки языков,
а голливудский фильм, поставленный по роману,
обошел экраны всего мира.**

ISBN 5-7516-0396-6

9 785751 603960